СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№11, 2026 год

Подписано к публикации: 06.09.2026

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор

Солопанова Ольга Юрьевна

«Современный ученый» включен в список ВАК с 12.02.2019г., Elibrary.ru и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-72620 от 04 апреля 2018г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: info@su-journal.ru
Сайт: https://su-journal.ru

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтаевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрай Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Малярчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракитина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногноева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Серебренникова Анна Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могаддам Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Щербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

© Современный ученый, 2026

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Исянгулова Г.А., Шайдуллина А.М., Хуснетдинова Р.Я.
Коннотативная лексика башкирского языка: зооморфные метафоры в характеристике человека (на примере лексем ат «лошадь» и һыйыр «корова») 8-16

Ван Шихань
Функционально-синтаксический анализ деадъективной деривации: на материале глаголов на *-еть* и *-нича-* 17-24

Люткина Ю.Н., Кабулов М.А.
Компенсация потерь в авторском переводе художественного текста (на материале романа В.В. Набокова «Лолита») 25-30

Чжан Синьюань
Изучение и рецепция лингвистических идей А.А. Потебни в Китае: обзор и перспективы 31-39

Ма Фэй
Интеллектуальная трансформация основных СМИ в эпоху генеративного искусственного интеллекта: «Жэньминь жибао» в качестве примера 40-44

Щибря О.Ю., Кошелева Е.Д.
К адекватному и неадекватному переводу синтаксиса романа Г. Бёлля «Глазами Клоуна» 45-50

Энкар М.М.
Лингвокультурологический анализ значения лексемы “мёд” в русской и турецкой паремиологии 51-56

Исянгулова Г.А., Шайдуллина А.М., Акилова М.Ф.
Коннотации лексем һарыҡ «овца» и кәзә «коза» в башкирской паремиологической картине мира 57-63

Абдрахманова А.Р.
Функционально-семантический потенциал омонимии китайского языка в военно-политическом дискурсе 64-72

Москвина Ж.О., Веремейко Э.Ю.
Полипарадигмальность экономического медиадискурса: стратегии актуализации календарных и эсхатологических мифологем 73-79

Люткина Ю.Н., Негрей А.О.
Способы репрезентации мифологической метафоры в английской фразеологии 80-85

Рацеева Д.С.
Сравнительно-сопоставительный анализ библейской интертекстуальности в англоязычном и русскоязычном фэнтези-дискурсе (на материале произведений Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники») 86-96

Ивакина Я.А., Сафонова А.С.
Цифровые коммуникации в продвижении образовательных программ современного университета 97-105

Евенко Е.В.
Звукоизобразительный потенциал смысловой тональности
в интерпретации художественного текста 106-110

Овчаренко Е.Н.
Функциональный потенциал языковых единиц в системе
персуазивной коммуникации в медиадискурсе 111-117

Хухуни Г.Т., Савченко Е.П.
«Russkij Filolog»: к 130-летию со дня рождения Романа Осиповича Якобсона 118-123

Теппеева Д.Р.
Концепт «тюзлюк» (справедливость) в карачаево-балкарском
песенном дискурсе нового времени: аксиологический аспект 124-130

Тхаркахова Н.Г.
Национально-культурные коннотации зоонима тыгъужъ «волк» в адыгейском языке 131-139

Борова А.Р., Хульчаева М.Х., Битокова М.В.
Архитипические мотивы и архитипические образы в драме М. Цветаевой «Червонный валет» 140-149

Карпова О.П., Перминов В.О.
Реверсия и глагольное словосложение 150-155

Литвяк О.В., Скрипичникова Н.С.
Лингвокогнитивные признаки концепта роскошь в национальном
коде европейской и восточной культур 156-165

Пьянова М.В., Корнева Н.А., Пристенская Н.В.
Фразеологические средства объективации культурных ценностей
в британском и американском вариантах английского языка 166-173

Сидорова Л.И.
Выражение оптимистической эмотивности в молодёжных медиатекстах 174-180

Бабаева А.М., Жуков А.П.
Жанровая специфика колыбельного цикла Габриэлы Мистраль
в сборнике «*Ternura*»: аксиологический аспект 181-189

Пинчукова А.Е.
Стратегии популяризации медицинского знания в произведениях
художественного нон-фикшена: лингвостилистический анализ 190-202

Балобанова А.Г., Рец Н.И., Толстоброва Л.И., Глибина А.А.
Когнитивный коллапс категоризации как источник ужаса:
образ Ньярлатхотепа в прозе Г.Ф. Лавкрафта 203-209

Орлова Э.А., Шарикова Ф.Н., Душко М.С.
Концептуальные основы британской идентичности, запечатленные в творчестве «The Beatles» 210-214

Щептева В.Э., Крашенинников А.Е.
Мир насекомых как культурный феномен в танской поэзии: на примере творчества Ли Хэ 215-221

Ремизов Н.И., Боронин А.А.
Некооперативность как категория педагогического дискурса:
репрезентация в англоязычной прозе XX века 222-228

Буранова М.В.
Функционирование фатической коммуникации в деловом общении 229-238

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мурашов О.В., Бугеро Н.В., Якимова Д.В., Матвеева Е.Д., Егорова Д.А.
Генезис идеи обучения первой помощи в школе 239-247

Бердникович Е.С.
Речевой профиль при болезни Галлервордена-Шпатца: клинический случай 248-262

Ван Ваньчжэнь
Сравнительный анализ формирования и практической реализации программ эстетического воспитания в детских садах Китая и России 263-268

Клименко К.Н.
Моделирование в обучении физике: теоретические основы и подготовка будущих учителей в контексте современных педагогических исследований 269-283

Кохичко А.Н., Муртазина С.А., Симонов А.Н., Аракелян А.А.
Количественный анализ моделей педагогического наставничества в системе профессионального образования 284-290

Антипина Ю.В.
Исследование организации тренировочной деятельности студентов технических вузов по академической гребле 291-298

Курченко П.С., Квач С.С.
Формирование технологического патриотизма через дополнительное профессиональное образование: роль педагогического дизайна 299-304

Лейхтер С.Н., Синицкая Е.Н., Гешавец Н.П., Коробицына Е.В.
Формирование компетенций обучающихся медицинского вуза в рамках лабораторного практикума по биохимии 305-313

Николаева А.Д.
Специфика национальных кодов России и Китая как ценностная основа внешкольного воспитания: сравнительный анализ 314-319

Цверкун Ю.Б.
Лингводидактический потенциал современного учебного пособия по домашнему чтению на английском языке 320-325

Шимкович Е.Д.
Комплексная программа формирования успешности университетского обучения иностранных граждан 326-331

Шкенева С.С.
Роль интеграции аутентичных материалов в процесс обучения иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза 332-340

Антонов Т.С., Исагалиева Т.А.
Развитие творческого воображения у детей младшего дошкольного возраста как фактор профилактики эмоционального неблагополучия 341-345

Копча В.В., Кучер С.Ф., Каткова В.В.
Организационная структура и система документооборота как детерминанты эффективности управления современной образовательной организацией 346-351

Исянгулова Г.А., Сагитова А.Г., Абдуллина И.С.
Проект обучения башкирскому и китайскому языкам на основе мультимедийных технологий 352-361

Груздова О.Г., Пудеева И.С., Филимонова Д.Н.
Особенности проявления и профилактика эмоционального выгорания у педагогов системы общего образования 362-367

Быстрай Е.Б., Зубкова Л.А.
Система нормативно-правовых актов как фундамент формирования российской гражданской идентичности обучающихся в современной школе 368-374

Кузнецов М.С., Ежова Ю.М.
Междисциплинарная подготовка в высшем образовании: обзор образовательных моделей и компетентностных подходов 375-380

Кулик А.А.
Развитие критического мышления как аспект современной методики преподавания юридических дисциплин: междисциплинарный подход 381-388

Сюй Яньпин
Ценностно-психологические основания индивидуализации: сравнительный анализ западной и китайской педагогических парадигм 389-396

Епихина К.А., Щербакова Н.Е.
Изучение социально-эмоциональных навыков и социальной адаптации подростков в современной образовательной среде 397-403

Исянгулова Г.А., Саньярова Р.Р., Абдуллина И.С.
Потенциал мультимедийных технологий в изучении башкирского и китайского языков 404-411

Осипцов А.В., Ускова А.Л., Соколовский С.Л.
Трансформация социального контекста для духовно-морального развития взрослеющей личности в условиях нестабильности: теоретический аспект 412-420

Сидоренко А.С., Плотникова С.С.
Сравнительный анализ основных философских воззрений Мен-цзы и Сюнь-цзы с точки зрения концепции современного образования 421-425

Смирнов А.А., Власова В.К.
Мониторинг профессиональных компетенций сотрудников с использованием автоматических онлайн платформ: преимущества и ограничения 426-432

Малютина Т.П., Талтынова Е.В.
Технология организации практической подготовки будущих педагогов к историческому просвещению в педагогическом вузе (на примере новых территорий Российской Федерации) 433-439

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

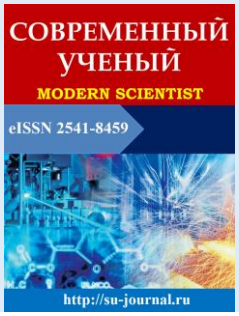
Нагорных Р.В.
Социально-ориентированное публичное управление в современной России: требования и направления совершенствования правового регулирования 440-444

Ахатова А.М.
Особенности квалификации преступлений, совершенных группой лиц, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») 445-451

Магомедов Г.Б., Таилова А.Г., Ибрагимов А.М.
Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: проблемы квалификации и доказывания в условиях цифровизации 452-456

Столяров О.С.
Генезис института возбуждения уголовного дела: от «Русской Правды» до УПК РФ 2001 года 457-461

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.512.141
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-8-16

Коннотативная лексика башкирского языка: зооморфные метафоры в характеристике человека (на примере лексем ат «лошадь» и һыйыр «корова»)

[1] Исянгулова Г.А., [1] Шайдуллина А.М., [1] Хуснетдинова Р.Я.

[1] Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: в статье рассматривается коннотативная лексика башкирского языка: зооморфные метафоры в характеристике человека на примере лексем ат «лошадь» и һыйыр «корова».

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью сохранения, систематизации и комплексного изучения лексического пласта башкирского языка, связанного с животноводством. На протяжении тысячелетий скотоводство являлось основой хозяйственного уклада башкирского народа, что предопределило исключительную разветвлённость и детализацию соответствующей терминологии. Однако в условиях глобализации, урбанизации и исчезновения традиционных форм хозяйствования происходит стремительная архаизация значительной части животноводческой лексики: уходят из активного употребления возрастные номинации животных, названия мастей, пастушьи термины, лексика кочевой инфраструктуры. Фиксация и анализ этого лексического материала становятся насущной задачей для сохранения языкового наследия и реконструкции фрагментов традиционной картины мира.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили: фундаментальные толковые и диалектологические словари башкирского языка историко-этимологические труды, а также паремиологический корпус – около 150 пословиц и поговорок с компонентами-зоонимами, извлечённых из сборников башкирского фольклора.

Методология исследования основывается на сочетании общенаучных методов (системный подход, описательный метод) и частнолингвистических приёмов: компонентный анализ (для выявления семантической структуры лексем), а также интерпретативный анализ в рамках лингвокультурологии и этнолингвистики (при работе с паремиологическим материалом).

Результаты исследования. Собранный и проанализированный материал может быть использован при чтении курсов по лексикологии, диалектологии, лингвокультурологии башкирского языка, а также в лексикографической практике. Паремиологический корпус, систематизированный в работе, представляет собой ценный источник для дальнейших этнолингвистических исследований.

Обсуждение и выводы. Особую значимость исследованию придаёт тот факт, что животноводческая лексика башкирского языка обладает мощным лингвокультурологическим потенциалом. Она не только обслуживает утилитарные потребности скотоводческой практики, но и выступает источником устойчивых коннотаций, зооморфных метафор, фразеологизмов и паремий, в которых закреплены ценностные ориентации, социальные стереотипы, мифологические представления и народная аксиология. Изучение коннотативного аспекта животноводческой лексики на материале башкирских пословиц и поговорок позволяет выявить глубинную иерархию домашних животных в этническом сознании и реконструировать фрагменты национальной языковой картины мира.

Ключевые слова: башкирский язык, животноводческая лексика, коннонативная лексика, зооморфная метафора, лошадь, корова

Для цитирования: Исянгулова Г.А., Шайдуллина А.М., Хуснетдинова Р.Я. Коннотативная лексика башкирского языка: зооморфные метафоры в характеристике человека (на примере лексем ат «лошадь» и һыйыр «корова») // Современный ученый. 2026. № 11. С. 8 – 16. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-8-16

Поступила в редакцию: 3 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Connotative vocabulary of the Bashkir language: zoomorphic metaphors in human characterization (based on the lexemes at "horse" and hyiyr "cow")

[1] Isyangulova G.A., [1] Shaidullina A.M., [1] Khusnetdinova R.Ya.

[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: the article discusses the connotative vocabulary of the Bashkir language: zoomorphic metaphors in the characterization of a person on the example of the lexemes at "horse" and hyiyr "cow".

Introduction. The relevance of the research topic is due to the need to preserve, systematize, and comprehensively study the lexical layer of the Bashkir language related to animal husbandry. For thousands of years, cattle breeding has been the foundation of the economic system of the Bashkir people, which has led to the exceptional complexity and detail of the corresponding terminology. However, in the context of globalization, urbanization, and the disappearance of traditional forms of farming, there has been a rapid archaization of a significant portion of the animal husbandry vocabulary, including the loss of age-related animal names, coat colors, shepherd terms, and vocabulary related to nomadic infrastructure. The fixation and analysis of this lexical material is becoming an urgent task for preserving the linguistic heritage and reconstructing fragments of the traditional worldview.

Materials and methods of research. The research materials included fundamental explanatory and dialectological dictionaries of the Bashkir language, historical and etymological works, and a paremiological corpus of about 150 proverbs and sayings with zoonyms extracted from collections of Bashkir folklore.

The research methodology is based on a combination of general scientific methods (systematic approach, descriptive method) and specific linguistic techniques: component analysis (to identify the semantic structure of lexemes), as well as interpretative analysis within the framework of linguoculturology and ethnolinguistics (when working with paremiological material).

Research results. The collected and analyzed material can be used in the reading of courses on lexicology, dialectology, linguoculturology of the Bashkir language, as well as in lexicographic practice. The paremiological corpus systematized in the work is a valuable source for further ethnolinguistic research.

Discussion and conclusions. The study is particularly significant due to the fact that the livestock vocabulary of the Bashkir language has a powerful linguistic and cultural potential. It not only serves the utilitarian needs of livestock farming, but also serves as a source of stable connotations, zoomorphic metaphors, idioms, and proverbs, which reflect value orientations, social stereotypes, mythological beliefs, and folk axiology. The study of the connotative aspect of livestock vocabulary on the material of Bashkir proverbs and sayings allows us to reveal the deep hierarchy of domestic animals in the ethnic consciousness and to reconstruct fragments of the national linguistic worldview.

Keywords: the Bashkir language, livestock vocabulary, connotative vocabulary, zoomorphic metaphor, horse, cow

For citation: Isyangulova G.A., Shaidullina A.M., Khusnetdinova R.Ya. Connotative vocabulary of the Bashkir language: zoomorphic metaphors in human characterization (based on the lexemes at "horse" and hyiyr "cow"). Modern Scientist. 2026. 11. P. 8 – 16. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-8-16

The article was submitted: June 3, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Под коннотативной лексикой понимается совокупность языковых единиц, в семантической структуре которых наряду с денотативным (предметно-логическим) компонентом присутствуют дополнительные коннотативные значения – эмоциональные, экспрессивные, оценочные и стилистические. В сфере зооморфной метафоры коннотативный компонент часто доминирует над денотативным, поскольку основная цель таких номинаций заключается не столько в наименовании объекта, сколько в его качественно-оценочной характеристике [6, с. 512].

Формирование зооморфных коннотаций в башкирском языке имеет глубокие исторические корни, восходящие к анимистическим и тотемистическим представлениям башкирского народа [9]. Животные воспринимались не просто как объекты хозяйственной деятельности, но и как существа, обладающие магической силой, способные влиять на человеческую судьбу [7]. Как показано в исследовании Г.Х. Бухаровой, «семантика и функционирование зоосимвола волк в башкирской лингвокультуре связано с архетипами», а анализ башкирских фольклорных текстов «отражает архетипические мифопоэтические представления башкир, связанные с зооморфизмом, обожествлением волка» [1, с. 51]. Эти архаические представления, будучи закрепленными в языке, продолжают влиять на формирование современных зооморфных метафор и их коннотативных оттенков.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили: фундаментальные толковые и диалектологические словари башкирского языка (в первую очередь десятитомный «Башҡорт теленең академик һүзлеге» под редакцией Ф.Г. Хисамитдиновой, «Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству» Г.Д. Зайнуллиной), историко-этимологические труды (Э.Р. Тенишева, Л.С. Левитской, Р.С. Акмановой), а также паремиологический корпус – около 150 пословиц и поговорок с компонентами-зоонимами, извлечённых из сборников башкирского фольклора [2, 8, 10].

Методология исследования основывается на сочетании общенаучных методов (системный подход, описательный метод) и частнолингвистических приёмов: компонентный анализ (для выявления семантической структуры лексем), а также интерпретативный анализ в рамках лингвокультурологии и этнолингвистики (при работе с паремиологическим материалом).

Результаты и обсуждения

Зооморфная метафора представляет собой универсальный механизм языковой категоризации, в рамках которого признаки, поведенческие модели и сущностные характеристики животных переносятся на человека для его качественной и ценностной оценки, поскольку «зоонимические метафоры, или зооморфизмы, представляют собой наиболее важный вид выразительной лексики, основным назначением которого, наряду с обозначением предмета действительности, является характеристика в качественном и количественном аспекте» [1, с. 52]. Зооморфные метафоры «обладают высоким образным, оценочным и экспрессивным потенциалом, отражая стереотипы восприятия фауны в национальном сознании».

В башкирском языкознании проблема зооморфной метафоры разрабатывается в рамках теории языковой картины мира и лингвокультурологии, где можно выделить несколько типологических разрядов зооморфных метафор, различающихся по структуре, степени образности и характеру оценки. Рассмотрим лишь некоторые, статистически самые многочисленные из них, опираясь на паремиологический фонд.

Лексема ат «лошадь» занимает центральное место в башкирском паремиологическом фонде. Анализ собранного материала (более 100 пословиц и поговорок с компонентом ат, айғыр, бейә, ҡолон, тай) позволяет утверждать, что образ лошади в башкирской языковой картине мира отличается исключительной полифункциональностью и глубиной культурной семантики [4]. Лошадь предстает не просто как домашнее животное, но как мерило мужской состоятельности, символ свободы и быстроты, объект скрупулезной хозяйственной оценки и, одновременно, метафора человеческой судьбы [3].

Выделяются несколько ключевых коннотативных комплексов.

1. Лошадь как символ мужской доблести и социального статуса.

Наиболее частотная и устойчивая коннотация лексемы ат – ее неразрывная связь с мужчиной, джигитом, батыром. Пословицы закрепляют формулу: лошадь – крылья мужчины. Прямые декларации этого концепта многочисленны: Ат – егеттең юлдашы (Лошадь – спутник джигита). Ир ҡанаты ат була (Крылья мужчины – лошадь). Ир ҡанаты ат булыр, ҡатын ҡанаты ир булыр (Крылья мужчины – лошадь, крылья женщины – муж). Ирҙең юлдашы ла ат, моңдашы ла ат (И спутник мужчины – лошадь, и в печали помощник – лошадь).

Ҡаҙ ҡанаты – ҡауырһын, ир ҡанаты – ат (Крыло гуся – перо, крыло мужчины – конь). Атым – ҡанатым (Мой конь – мои крылья).

Отсутствие лошади приравнивается к неполноценности, беспомощности: Аты бар – батыр, аты юҡ – ятыр (У кого есть конь – батыр, у кого нет – лежит).

Лошадь выступает маркером не только физической, но и социальной состоятельности. Пословицы Аты бар – арыҫлан (У кого конь – лев), Аты барҙың дуҫы бар (У кого конь – есть и друзья) подчеркивают, что лошадь повышает статус, дает уверенность и уважение. Напротив, мужчина без коня – позор: Атһыҙға ат ектермә, тунһыҙға тун тектермә (Не вели запрягать коня тому, у кого коня нет; не вели шить шубу тому, у кого шубы нет).

Связь с воинской доблестью проявляется в сопоставлении лошади и оружия, коня и поля битвы: Ат үлер – даны ҡалыр, батыр үлер – даны ҡалыр (Конь умрет – слава останется, батыр умрет – слава останется). Арғымаҡ ат юл башлар, аҡыллы егет ил башлар, батыр егет яу башлар (Скакун в дорогу поведет, умный джигит страну поведет, смелый джигит за собой в бой поведет). Ат санала, батыр яуҙа һыналыр (Конь познается в санях, батыр – в битве). Ҡош һауала, ат тауҙа, егет яуҙа һынала (Птица – в небе, конь – в горах, джигит – в бою познается).

Номинативные зооморфные метафоры представляют собой устойчивые наименования человека по сходству с животным.

2. Конь как объект хозяйственной оценки: качества, масть, возраст.

Значительный пласт пословиц отражает рациональное, практическое отношение к лошади как к рабочей силе и капиталу. Здесь формируются критерии оценки, важные для скотовода.

Качества хорошей лошади: выносливость, резвость, неприхотливость, спокойный нрав. Пословицы дают четкие ориентиры: Ат яҡшы булһа, юл ҡыҫҡа була (Если конь хорош, дорога коротка). Яҡшы атҡа дан сығыр (Хороший конь прославится). Яҡшы ат ҡартайһа ла, йөрөшөнән яҙмаҫ (Хороший конь и состарившись не потеряет хода). Йүгерек ат туҡлығын белдермәҫ (Резвый конь не покажет сытости – т.е. не устает). Яҡшы аттың тешен ҡарама, яҡшы кешенең йәшен һорама (У хорошего коня не смотрят зубы, у хорошего человека не спрашивают возраст) – универсальная формула, закрепляющая приоритет качеств над формальными признаками.

Отрицательные качества: упрямство, лень, пугливость, склонность к травмам. Сығымсы ат тәртә һындыра (Норовистый конь оглобли ломает). Ялҡау атты ял баҫыр (Ленивого коня груз (покой) придавит). Уйнаҡ ат тәртә һындырыр (Игривый конь оглобли сломает) – варианты. Аҡһаҡ ат күп йөрөр (Хромой конь много ходит).

Масть (ҡола, ала, буҙ, күк, туры и др.) также становится объектом паремиологической рефлексии, хотя и не так часто, как в специальной лексике. Масть связывается с характером или судьбой: Аттан ала ла тыуа, ҡола ла тыуа (От коней и пегий рождается, и саврасый) – указание на природное разнообразие. Яҡшы аттың башы ҡашҡа (У хорошего коня голова со звездочкой) – белая отметина на лбу считается признаком хорошего коня. Яҡшы аттың башы ҡашҡа, яҡшы ҡатындың ҡашы ҡашҡа (У хорошего коня голова со звездочкой, у хорошей женщины брови сросшиеся).

Возрастная стратификация (ҡолон, тай, бейә, айғыр, ҡарт ат) активно обыгрывается: Булыр ат ҡолон сағынан билгеле (Хороший конь узнается с жеребячьего возраста). Алтмыш ҡолон ат булмаҫ (Шестьдесят жеребят – не конь). Ат булыр ҡолондоң түше яҫы килер (У жеребенка, который станет конем, грудь будет широкой). Тай ат булғансы, эйәһе эт була (Пока жеребенок станет конем, его хозяин собакой становится – т.е. долго ждать). Ҡарт ат күндәм була (Старый конь смирным бывает). Яҡшы ат ҡартайһа ла, йөрөшөнән яҙмаҫ (Хороший конь и состарившись не потеряет хода).

3. Дидактические параллели: лошадь – человек, конь – жена.

Пословицы с лексемой ат часто строятся на параллелизме, где состояние или качество лошади проецируется на человеческую жизнь, особенно на отношения с женой. Это один из самых продуктивных типов башкирских паремий.

Параллель «лошадь – жена»: Ат менән ҡатындың башын ҡаты тот (Голову коня и жены держи крепко). Атың насар булһа, һатып ҡотолорһоң; ҡатының насар булһа, нисек ҡотолорһоң? (Если конь плох – продашь и избавишься; если жена плоха – как избавишься?). Яман ат, яман ҡатын – ирҙе шулар ҡартайтыр (Плохой конь и плохая жена – вот кто старит мужчину). Яҡшы ат, яҡшы ҡатын ирҙең данын сығарыр (Хороший конь и хорошая жена прославят мужчину). Аттың яманы тай менән уйнар, ҡатындың яманы бай менән уйнар (Плохой конь с жеребенком играет, плохая жена – с богачом). Аттың шәбе – кешелә, ҡатындың шәбе – күршелә (Конь лучше – у людей, жена лучше – у соседа).

Параллель «лошадь – человек» (общие принципы): Ат арыһа – абруйың китер, ҡарының асһа – ҡәҙерең китер (Если конь устанет – потеряешь достоинство, если желудок голоден – потеряешь уважение). Ат арымаһа, сана арымай (Если конь не устал, сани не устанут). Ат йөрөп юл ала (Конь в движении прокладывает дорогу) – о необходимости действия. Ат һөрөнмәй ер танымаҫ, ир һөрөнмәй ил танымаҫ (Конь не споткнувшись, землю не узнает; мужчина не оступившись, страну не узнает) – о ценности ошибок.

4. Амбивалентность: лошадь как радость и как бремя.

Несмотря на сакрализацию, лошадь в башкирских паремиях предстает и как источник забот, убытков, даже разорения. Это прагматическая сторона скотоводства. Лошадь – ценность, которую легко потерять: Атын урлатҡас, һарайын нығытҡан (После того как коня украли, сарай укрепил) – о запоздалых мерах. Атың юғалһа ла, йүгәнеңде ташлама (Даже если конь пропал, уздечку не бросай) – надежда на возвращение. Ат тирләһен, сирләшмәһен (Пусть конь потеет, лишь бы не болел) – меньшее зло.

Лошадь – тяжелая ноша для бедняка: Арыҡ атҡа ҡамсы ла йөк (Для худого коня и плеть – груз). Ярлының берҙән-бер аты, ул да бейә (У бедняка единственный конь, да и тот – кобыла) – ирония: кобыла менее ценна, чем жеребец. Ярлының аты булһа – бесәне булмай, бесәне булһа – аты булмай (У бедняка если есть конь – нет сена, если есть сено – нет коня).

Амбивалентность судьбы коня: Ат үлһә – эткә байрам (Если конь умрет – собаке праздник). Ат үлеме эткә туй (Смерть коня – пир для собаки). Ат үлгәндә эт һөйөнә (Когда конь умирает, собака радуется).

5. Культурно-специфические концепты: теҙген, йүгән, ҡамсы, тай, айғыр.

Отдельные термины конской упряжи и возрастных групп становятся самостоятельными символами. Теҙген (повод), йүгән (узда), ауыҙлыҡ (удила) – символы контроля, управления, власти: Аҡыл – теҙген, ҡылыҡ – ат, теҙгенеңде белеп тарт (Ум – повод, характер – конь, умей натягивать свой повод). Асыуыңды ат ит, аҡылыңды теҙген ит (Гнев сделай конем, разум – поводом). Ирһеҙ ҡатын – йүгәнһеҙ ат (Женщина без мужа – конь без узды). Йүгән кем ҡулында булһа, ат шуға буйһона (Узда в чьей руке – тому и конь подчиняется). Ҡамсы (плеть) – инструмент понукания, но не главный: Яҡшы атҡа ҡамсы кәрәкмәй (Хорошему коню плеть не нужна). Атты сыбыртҡы менән ҡыума, һоло менән ҡыу (Коня не гони плетью, гони овсом).

Тай (жеребенок), ҡолон – символ неопытности, будущего потенциала, но также и помехи: Алтмыш ҡолон ат булмаҫ (Шестьдесят жеребят конем не станут). Тай менән ат ярышмаҫ (Жеребенок с конем не состязается) (аналогия с социальной иерархией). Тайҙың хәлен ат белмәй (Состояния жеребенка конь не знает) – о непонимании старшими младших.

Айғыр (жеребец) – символ силы, плодовитости, но также буйства: Ат айғырланһа, башына була (Если конь разжеребцуется, себе на голову – т.е. сам себе навредит).

Паремиологический материал демонстрирует, что лексема ат в башкирском языке аккумулирует следующие ключевые коннотации, важные для понимания животноводческой терминологии в культурном контексте:

Аксиологическая доминанта: Лошадь – высшая ценность мужчины, символ свободы, силы, социального статуса, воинской доблести. Формула ат – ҡанат (конь – крыло) является культурным стереотипом.

Прагматическая оценка: Пословицы фиксируют развернутую систему практических знаний: как выбрать коня (һынап ал), как за ним ухаживать (һоло менән ҡыу), какие качества ценить (тигеҙ йөрөш, саялыҡ, күндәмлек), а какие порицать (сығынсылыҡ, ялҡаулыҡ).

Антропоморфная проекция: Лошадь служит универсальной метафорой человека (особенно мужчины), а параметры коня (возраст, масть, резвость, здоровье) – метафорами человеческих качеств и социальных отношений.

Гендерная маркированность: В подавляющем большинстве пословиц лошадь ассоциируется с мужским миром; параллели «конь – жена» закрепляют патриархальную модель, где и конь, и жена требуют «крепкого удержания» (ҡаты тот).

Таким образом, паремии с лексемой ат формируют в башкирском языке не просто набор клишированных оценок, а целостную культурную модель коневодства, в которой переплетены экономические, социальные, этические и мифологические аспекты. Анализ этой модели является необходимой предпосылкой для понимания всей животноводческой лексики башкирского языка в ее лингвокультурологическом измерении.

Крупный рогатый скот, и прежде всего корова (һыйыр), занимает в башкирском хозяйстве фундаментальное место, сопоставимое по значимости с лошадью, но в иной, сугубо утилитарной плоскости [5]. Если лошадь – символ мужской доблести, свободы, воинского престижа, то корова – это, прежде всего, кормилица, основа молочного хозяйства, мера семейного достатка и благополучия. В паремиях с лексемой һыйыр (а также бызау – теленок, тана – телка, үгеҙ – бык, мөгөҙ – рог) формируется образ животного, ценимого за

молоко, масло, приплод, но одновременно – лишенного героического ореола, медлительного, подчас глуповатого и требующего постоянного ухода.

Анализ представленного корпуса (около 50 паремий с компонентом һыйыр и производными) позволяет выделить несколько ключевых коннотативных комплексов.

1. Корова как символ достатка и благополучия.

Наиболее устойчивая и позитивная коннотация коровы – ее отождествление с сытостью, благополучием, «достатком» (һый). Эта игра слов (омонимия или созвучие һыйыр – корова и һый – достаток, вместимость) активно эксплуатируется в паремиях: Аты барҙың ҡанаты бар, һыйыры барҙың һыйы бар (У кого есть конь – есть крылья, у кого есть корова – есть достаток) – противопоставление: конь дает свободу и престиж, корова дает материальное благополучие. Ишек алдында һыйырың булһа, өҫтәл өҫтөндә һыйың булыр (Если у тебя есть корова, то на столе у тебя будет достаток) – прямая связь: корова – источник пищи. Һыйлы көнөң – һыйыр (Твой сытый день – корова). Һыйлы көнөң һыйырҙа (Твое благополучие – в корове). Һыйыры бар асҡа үлмәҫ (У кого есть корова, с голоду не умрет). Һыйыры барҙың һыйы бар (У кого есть корова, у того есть достаток).

Корова – это гарантия выживания, в отличие от престижного, но не всегда практичного коня. Даже ҡара һыйыр (черная корова, т.е. простая, невидная) ценится: Файҙаһы файҙа, ҡара һыйыр ҡайҙа? (Польза – это польза, а где же черная корова?) – смысл: любая корова полезна, не важно, как выглядит.

2. Корова – кормилица: молоко, масло, приплод.

Ценность коровы определяется прежде всего ее молочной продуктивностью. Паремии фиксируют практические знания об уходе, доении, качестве молока. Һыйыр майы – һары май, һыйыр көткән арымай (Коровье масло – топленое масло, кто пасет коров – не устает) – противопоставление козьему маслу (туң май). Коровье масло – качественное, и держать коров не в тягость. Һөт бирмәгән һыйырҙы иткә һуялар (Корову, не дающую молоко, режут на мясо) – прагматизм. Һыйыр алһаң, һауып ал, һөтөн-майын ҡабып ал (Если покупаешь корову, подои её – узнай вкус молока и масла) – практический совет. Һыйыр еленендә һөт әсемәҫ (Молоко в вымени не скиснет) – о том, что ценное должно быть использовано.

Ике ҡатын алғандың вайраны бар, ике һыйыр һауғандың айраны бар (У взявшего двух жен – крик, у подоившего двух коров – пахта) – корова дает полезный продукт (айран), а две жены – только проблемы. Приплод (быҙау, теленок) – важнейший показатель благополучия: Быҙауы үлгән һыйырҙа һөт булмаҫ (У коровы, у которой теленок умер, молока не будет) – физиологическое наблюдение. Имә белгән быҙау ике һыйырҙы имгән (Умеющий сосать теленок двух коров высосет) – о предприимчивости. Уртаҡ һыйырҙан быҙау яҡшы (Лучше свой теленок, чем общая корова) – ироничный парадокс (общее – значит ничье?). Бер һыйырҙың бысраҡ ҡойроғо мең һыйырҙы бысратыр (Грязный хвост одной коровы испачкает тысячу коров) – о заразности дурного примера.

3. Противопоставление корове: конь, коза, бык.

Как и в случае с другими животными, паремии активно сравнивают корову с иными домашними животными, выявляя ее специфику.

Корова и лошадь (ат): Ат тапҡанды һыйыр ашай (То, что нашел конь, съедает корова). Һыйыр биреп ат алма, келәт алып өй һалма (Отдав корову, коня не покупай; купив амбар, дом не строй) – предостережение от невыгодного обмена: корова (источник дохода) важнее коня (средство передвижения).

Корова и коза (кәҙә): Кәҙә – ярлының һыйыры (Коза – корова бедняка) – коза лишь замена, суррогат настоящей коровы. Кәҙәне маҡта, һыйырҙы һау (Хвали козу, а корову дои) – корова – реальная польза, коза – только слова.

Корова и бык (үгеҙ): Үгеҙ мөгөҙлө һыйырҙың һөтө булмаҫ, һыйыр мөгөҙлө үгеҙҙең көсө булмаҫ (У коровы с бычьими рогами молока не будет, у быка с коровьими рогами силы не будет) – аномалии вредят продуктивности. Һыйыр ҡартайһа – иткә ярай, үгеҙ ҡартайһа – еккә ярай – корова стареет на мясо, бык – на работу.

Корова и дөйә (верблюд), бейә (кобыла): Үгеҙ ат булмаҫ, һыйыр дөйә булмаҫ... (Бык не станет конем, корова – верблюдом) – каждый скот хорош на своем месте.

4. Отрицательные коннотации: глупость, медлительность, упрямство.

Несмотря на хозяйственную ценность, корова в паремиях нередко получает отрицательные оценки, связанные с ее интеллектом и поведением.

Глупость, тупость: Ахмаҡ һөйләүҙән, һыйыр көйшәүҙән туймаҫ (Дурак от разговоров не устанет, корова от жевания не устанет) – параллель: корова жует бесконечно, глупец говорит бесконечно. Һыйыр һыйпағанды белмәҫ (Корова не поймет, что ее гладят) – о бесчувственности, неблагодарности. Һыйырҙы күпме

һыйпаһаң да ат булмаҫ (Сколько ни гладь корову, лошадью не станет) – о бесполезности попыток изменить природу вещей. Һыйырҙы ҡыйнап ат булмаҫ (Битьем корову в лошадь не превратишь).

Медлительность, неповоротливость: Һыйыр тулаһа, аттан яман (Если корова начнет метаться, она хуже лошади) – корове не пристало бодаться, это выглядит нелепо. Һыйыр тулап, кәртә емергән (Корова мечется – забор сломала) – несоразмерность усилий. Һыйыр ышҡынһа, ситән ауҙарыр (Если корова высвободится, изгородь повалит) – грубая сила.

Сварливость, беспокойность: в отличие от козы, корова не ассоциируется со сварливостью, но есть поговорка: Ҡара һыйыр бәләһе ала һыйырға ябыла (Беда черной коровы наваливается на пеструю) – о несправедливости.

5. Возрастная стратификация: быҙау, тана, ҡартайған һыйыр.

Как и в коневодстве, возрастные стадии крупного рогатого скота получают паремиологическую рефлексию.

Быҙау (теленок) – символ молодости, неопытности, зависимости: Булыр ат тайҙан билгеле, булыр һыйыр быҙауҙан билгеле (Хороший конь узнается с жеребенка, хорошая корова – с теленка). Имә белгән быҙау ике һыйырҙы имгән (Умеющий сосать теленок двух коров высосет) – о ранней предприимчивости. Ҡыҙҙар кейенгәнсе, ҡыҫыр һыйыр быҙаулар (Пока девушки нарядятся, яловая корова отелится) – о том, что дело лучше слов. Тана (телка) – молодка, еще не дававшая потомства: Һыйырҙы яҡшы күрһәткән – артындағы танаһы (Корову показывает ее телка) – о наследственности.

Ҡартайған һыйыр (старая корова): Үлгән һыйыр һөтлө була (Мертвая корова молочной бывает) – ирония: только после смерти начинают ценить то, чего не было при жизни. Ҡыҫыр һыйыр (яловая, бесплодная): Ҡыҫыр һыйырҙан һөт көтмә (От яловой коровы молока не жди). Ҡыҫыр һыйыр быҙаулар (Яловая корова телится) – оксюморон.

6. Корова в социальных и гендерных метафорах

Корова часто метафорически обозначает женщину, жену, а также зависимое, подвластное существо. Һыйыр алһаң, тояғына ҡара, ҡатын алһаң, ырыуына ҡара (Если покупаешь корову – смотри на копыто, если берешь жену – смотри на род) – жесткий прагматизм. Һыйыр кемдеке булһа, быҙау ҙа уныҡы (Чья корова – того и теленок) – универсальный принцип собственности, переносимый на социальные отношения. Яңғыҙ һыйырым аранда, ни ҡайғым бар буранда? (Моя единственная корова в загоне – какое мне дело до бурана?) – о минимальном достатке, позволяющем не беспокоиться. Корова как символ терпения, покорности: Һыйпағанды һыйыр ҙа белә (Даже корова понимает, когда ее гладят) – о том, что доброту чувствуют все, даже самые бесчувственные. Отрицательная метафора женщины: Һыйыр тулап – ат булмаҫ, ҡатын тулап – баш булмаҫ (Корова брыкаясь в лошадь не превратится, жена, показав характер, – не станет главой семьи).

7. Специфические термины: мөгөҙ, елен, көйшәү, бысраҡ ҡойроҡ.

Мөгөҙ (рог) – символ силы, но у коровы рога не так значимы, как у быка. Һөҙәм тигән һыйырҙың мөгөҙө һынған (У коровы, которая хотела бодаться, рог сломался) – о каре за гордыню. Елен (вымя) – источник молока. Һыйырҙың һөтө еленендә (Молоко коровы в вымени). Көйшәү (жвачка) – символ монотонного, бессмысленного действия: Ахмаҡ һөйләүҙән, һыйыр көйшәүҙән туймаҫ. Бысраҡ ҡойроҡ – грязный хвост – метафора дурного влияния.

Паремиологический материал с лексемой һыйыр позволяет сделать следующие выводы о коннотациях коровы в башкирской языковой картине мира:

1. Доминирующая положительная коннотация – корова как кормилица, символ достатка (һый), основа семейного благополучия. Это животное ценится за молоко, масло, приплод, а не за престиж.

2. Прагматическая оценка: Корова – это капитал, но требующий ухода. Паремии дают практические советы по выбору, покупке, содержанию, доению. Корова противопоставлена коню как полезное – престижному.

3. Отрицательные коннотации связаны с глупостью, медлительностью, неповоротливостью, неспособностью к обучению (һыйырҙы күпме һыйпаһаң да ат булмаҫ). Однако эти недостатки искупаются хозяйственной пользой.

4. В сравнении с козой корова занимает высшую ступень: коза – лишь «корова бедняка», суррогат. Настоящий достаток – это корова, а не коза.

5. Гендерная и социальная метафора: Корова – это, как правило, «женский» скот (молоко, масло, забота), тогда как конь – «мужской» (война, охота, передвижение). Женщина часто сравнивается с коровой (по возрасту, плодовитости, характеру).

6. В иерархии домашних животных корова стоит ниже коня (престиж), но выше козы и овцы (полезность). Она – основа выживания, в то время как конь – символ социального статуса.

Таким образом, образ коровы в башкирской паремиологии – это образ практичной, незаменимой, но лишенной романтического ореола кормилицы.

Выводы

Проведенное исследование, выполненное в структурно-семантическом и лингвокультурологическом аспектах на материале словарных источников и паремиологического фонда, позволяет сформулировать следующие основные выводы и обобщения.

Лошадь (ат) занимает центральное, сакрализованное место. Паремии закрепляют формулу «конь – крылья мужчины» (ат – ҡанат). Лошадь выступает как символ мужской доблести, социального статуса, свободы, воинской славы. Отсутствие коня приравнивается к неполноценности. При этом паремии фиксируют и прагматическую сторону: критерии оценки хорошей лошади (выносливость, резвость, спокойный нрав), отрицательные качества (норовистость, лень), а также амбивалентность – лошадь может быть и тяжелой ношей для бедняка. Дидактические параллели «лошадь – жена» закрепляют патриархальную модель. Культурно-специфическими концептами выступают термины упряжи (теҙген, йүгән) как символы контроля и власти.

Корова (һыйыр) – это образ кормилицы, основа достатка и благополучия. Игра слов һыйыр (корова) и һый (достаток) активно эксплуатируется в паремиях. Корова ценится за молоко, масло, приплод, а не за престиж. В отличие от коня, она лишена героического ореола, но является гарантией выживания. Отрицательные коннотации (глупость, медлительность, неповоротливость) искупаются хозяйственной пользой. Гендерная метафора связывает корову с женским миром (забота, молоко, плодовитость). В иерархии домашних животных корова стоит ниже коня (престиж), но выше козы и овцы (полезность).

Выявленная аксиологическая иерархия домашних животных отражает не только хозяйственную значимость каждого вида, но и глубинные ценностные ориентации башкирского народа, его социальную структуру и мифопоэтическое мировосприятие.

Список источников

1. Бухарова Г.Х. Концепт «конь» в башкирской лингвокультуре (на материале башкирского мифологического эпоса) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. С. 51 – 60.

2. Жемчужины языка: башкирские народные пословицы и поговорки / сост. З.Х. Каримова. Уфа: Китап, 2007. 448 с.

3. Зайнуллин М.М. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по коневодству. Уфа, 2004. 190 с.

4. Зайнуллина Г.Д. Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству. Уфа: Китап, 2006. 168 с.

5. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. Москва: Наука, 1986. 151 с.

6. Кульсарина Г.Г. Этнокультурные особенности зоонимов в башкирском языке (на материале фольклорных текстов) // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 512.

7. Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа: Гилем, 2000. 186 с.

8. Надршина Ф.А. Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов. Уфа: Китап, 2008. 196 с.

9. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). Уфа: Гилем, 2016. 399 с.

10. Әхтәмов М.Х. Башҡорт теленең мәҡәлдәре һәм әйтемдәре һүҙлеге. Өфө: Китап, 2008. 771 бит.

References

1. Bukharova G.Kh. The concept of “horse” in Bashkir linguistic culture (based on the material of the Bashkir mythological epic). Questions of cognitive linguistics. 2012. No. 2. P. 51 – 60.

2. Pearls of language: Bashkir folk proverbs and sayings.comp. Z.H. Karimova. Ufa: Kitap, 2007. 448 p.

3. Zainullin M.M. Russian-Bashkir, Bashkir-Russian dictionary on horse breeding. Ufa, 2004. 190 p.

4. Zainullina G.D. Bashkir-Russian, Russian-Bashkir terminological dictionary for animal husbandry. Ufa: Kitap, 2006. 168 p.

5. Ishberdin E.F. Historical development of the vocabulary of the Bashkir language. Moscow: Nauka, 1986. 151 p.

6. Kulsarina G.G. Ethnocultural features of zoonyms in the Bashkir language (based on folklore texts). Bulletin of the Bashkir University. 2014. T. 19. No. 2. P. 512.

7. Nadergulov U.F. Livestock vocabulary of the Bashkirs. Ufa: Gilem, 2000. 186 p.

8. Nadrshina F.A. Russian-Bashkir dictionary of proverbs-equivalents. Ufa: Kitap, 2008. 196 p.

9. Khisamitdinova F.G. Mythological vocabulary of the Bashkir language (in ethnolinguistic light). Ufa: Gilem, 2016. 399 p.
10. Akhtamov M.Kh. Bashҡort telenġ məҡəldəre həm əitemdəre hүʒlege. Өfө: Kitap, 2008. 771 bits.

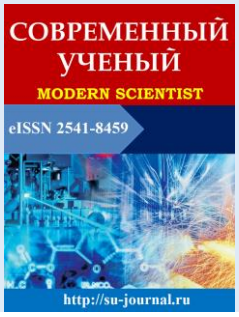
Информация об авторах

Исянгулова Г.А., Уфимский университет науки и технологий, igulnaz75@yandex.ru

Шайдуллина А.М., Уфимский университет науки и технологий, vgulnaz030675@mail.ru

Хуснетдинова Р.Я., Уфимский университет науки и технологий, ramilj_61@mail.ru

© Исянгулова Г.А., Шайдуллина А.М., Хуснетдинова Р.Я., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-17-24

Функционально-синтаксический анализ деадъективной деривации: на материале глаголов на *-еть* и *-нича-*

[1] Ван Шихань

[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: статья посвящена функционально-синтаксическому и коммуникативно-регистровому функционированию деадъективных глаголов на *-еть* и *-нича-*. Цель исследования заключается в экспликации грамматических и прагматических различий между мутационной и поведенческой моделями словообразования. Методологическую базу работы составляет комплексный подход, интегрирующий методы функционально-синтаксического анализа и качественного анализа контекстов НКРЯ и интернет-дискурса. Особое внимание уделяется семантическому типу субъекта как категориальному регулятору синтаксической сочетаемости и регистрового потенциала дериватов. Сопоставительный анализ деадъективных глаголов на *-еть* и *-нича-* показал, что словообразовательный суффикс определяет их семантику, синтаксическую сочетаемость, тип субъекта и принадлежность к коммуникативным регистрам; выявлены также особенности парадигмы отдельных лексем, омонимия производящих основ и различия в частотности употребления. Установлено, что поведенческие глаголы на *-нича-* закреплены за одушевленным субъектом-агенсом и типичны для субъективированных регистров – реактивных и волюнтивных. Напротив, мутационные предикаты на *-еть* синкретичны, демонстрируют деантропоморфизацию субъекта признака в безличных структурах и функционируют преимущественно в объективированных репродуктивном и информативном регистрах. Обоснована категориальная природа «омонимии производящих основ» на материале художественных контекстов Андрея Белого и С.Д. Кржижановского (пара *страннеть – странничать*), а также выявлен нелинейный сдвиг глагольной парадигмы лексемы *важнеть*, реализующейся в форме действительного причастия настоящего времени *важнеющий* с функцией выражения эволютивно-темпорального приращения.
Ключевые слова: деадъективная деривация, суффиксы *-еть* и *-нича-*, мутационная модель, поведенческая модель, семантический тип субъекта, деантропоморфизация, синтаксическая сочетаемость, коммуникативный регистр, эволютивно-темпоральное приращение

Для цитирования: Ван Шихань Функционально-синтаксический анализ деадъективной деривации: на материале глаголов на *-еть* и *-нича-* // Современный ученый. 2026. № 11. С. 17 – 24. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-17-24

Поступила в редакцию: 4 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Functional-syntactic analysis of deadjectival derivation: based on verbs ending in *-et'* and *-nicha-*

[1] Wang Shihan

[1] Lomonosov Moscow State University

Abstract: the article is devoted to the functional-syntactic and communicative-register functioning of deadjectival verbs in *-et'* and *-nicha-*. The aim of the study is to explicate the grammatical and pragmatic differences between the mutational and behavioral models of word formation. The methodological framework of the work comprises an integrated approach combining methods of functional-syntactic analysis and qualitative analysis of contexts from the Russian National Corpus (RNC) and internet discourse. Special attention is paid to the semantic type of the subject as a categorical regulator of syntactic compatibility and the register potential of derivatives. A comparative analysis of deadjectival verbs in *-et'* and *-nicha-* has shown that the word-forming suffix determines their semantics, syntactic compatibility, type of subject, and affiliation with communicative registers; the analysis also reveals features of the paradigm of individual lexemes, homonymy of derivational bases, and differences in frequency of use. It has been established that behavioral verbs in *-nicha-* are tied to an animate agent subject and are typical of subjectivized registers – reactive and volitive. In contrast, mutational predicates in *-et'* are syncretic, demonstrate de-anthropomorphization of the subject of the attribute in impersonal structures, and function predominantly in objectivized reproductive and informative registers. The categorical nature of "homonymy of derivational bases" is substantiated on the basis of literary contexts by Andrei Bely and S. D. Krzhizhanovsky (the pair *strannet' – stran-nichat'*). Furthermore, a non-linear shift in the verbal paradigm of the lexeme vazhnet' is identified, realized in the form of the present active participle *vazhneyushchiy*, which carries the function of expressing evolutive-temporal increment.

Keywords: deadjectival derivation, suffixes *-et'* and *-nicha-*, mutational model, behavioral model, semantic type of the subject, de-anthropomorphization, syntactic combinability, communicative register, evolutive-temporal increment

For citation: Wang Shihan Functional-syntactic analysis of deadjectival derivation: based on verbs ending in *-et'* and *-nicha-* . Modern Scientist. 2026. 11. P. 17 – 24. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-17-24

The article was submitted: June 4, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В русле функционально-коммуникативных исследований деадъективной деривации доказано, что суффиксы *-еть* и *-нича-* определяют семантико-синтаксические особенности глаголов, регулируя тип субъекта и коммуникативный регистр высказывания [5, 6]. Актуальность работы связана с необходимостью сопоставительного анализа мутационных и поведенческих моделей словообразования. Теоретической базой работы выступают положения коммуникативной грамматики, теории синтаксической деривации [5, 9, 10], функциональной грамматики А.В. Бондарко [3], когнитивной дериватологии, а также научные разработки Е.В. Петрухиной [12] и Н.А. Николиной [7, 8].

Основная задача работы состоит в установлении семантических, синтаксических и прагматических особенностей сопоставляемых деадъективных глаголов. Новизна исследования определяется комплексным подходом к изучению лексем на *-еть* и *-нича-*: анализ охватывает их деривационную историю, семантику подлежащего и особенности функционирования в разных коммуникативных регистрах. Работа выполнена в синхронно-диахроническом плане на материале модернистской литературы А. Белого и С.Д. Кржижановского (где выявлена омонимия производящих основ) и современной интернет-коммуникации. В русле теории синтаксической деривации Н. К. Онипенко ключевым становится разграничение синтаксических и лексических операторов: глаголы на *-нича-* реализуют модель лексической деривации с семантическими компонентами интенциональности и пейоративности, тогда как предикаты на *-еть* представляют собой синтаксическую транспозицию и переводят статический качественный признак в динамическую предикацию при сохранении семантической инвариантности основы [9, 10].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили 13 репрезентативных пар деадъективных глаголов современного русского языка (*важнеть – важничать, ветреть – ветренничать, вреднеть – вредничать, гламурнеть – гламурничать, ехиднеть – ехидничать, интереснеть – интересничать, мобильнеть – мобильничать, моднеть – модничать, нахальнеть – нахальничать, скромнеть – скромничать, страннеть – странничать, умнеть – умничать, ходульнеть – ходульничать*). Эмпирическую базу работы составили данные синтаксического подкорпуса НКРЯ, интернет-дискурса XXI века и художественных текстов конца XIX – начала XXI вв. Методология исследования основана на комплексном подходе, интегрально сочетающем методы функционально-синтаксического, компонентного, дистрибутивного, квантитативного (абсолютная частота и индекс IPM) и качественного контекстуального анализа, что позволяет эксплицировать системную асимметрию между мутационной и поведенческой моделями на уровне семантики, синтаксической сочетаемости и регистрового потенциала дериватов.

Результаты и обсуждения

В рамках данного раздела представлен количественный и дискурсивно-регистровый сопоставительный анализ системной асимметрии деадъективных глаголов современного русского языка, реализующих мутационную модель состояния (на *-еть*) и антропоцентрическую поведенческую модель (на *-нича-*).

Проведенный анализ зафиксированных параметров подтверждает факт жесткой зависимости синтаксического потенциала и коммуникативного регистра деадъективных дериватов от их словообразовательных свойств, рассматриваемых в русле теории синтаксической деривации Н.К. Онипенко [9].

Таблица 1

Квантитативные показатели функционирования деадъективных глаголов на *-еть* и *-нича-* в основном корпусе НКРЯ.

Table 1

Quantitative indicators of the functioning of deadjectival verbs in *-et'* and *-nicha-* in the Main Corpus of the RNC.

Мутационный предикат (на *-еть*)	Абс. частота (вхожд.)	Относ. индекс (IPM)	Поведенческий предикат (на *-нича-*)	Абс. частота (вхожд.)	Относ. индекс (IPM)
важнеть	0	0.00	важничать	475	1.22
умнеть	263	0.68	умничать	409	1.05
скромнеть	3	0.01	скромничать	336	0.86
моднеть	0	0.00	модничать	62	0.16
вреднеть	0	0.00	вредничать	49	0.13
интереснеть	0	0.00	интересничать	46	0.12
ехиднеть	0	0.00	ехидничать	162	0.42
нахальнеть	0	0.00	нахальничать	52	0.13
ходульнеть	0	0.00	ходульничать	1	0.00
гламурнеть	0	0.00	гламурничать	0	0.00
страннеть	4	0.01	странничать	11	0.03
мобильнеть	0	0.00	мобильничать	0	0.00
ветреть	33	0.08	ветренничать	5	0.01

Примечание: Показатель 0 в основном корпусе НКРЯ означает, что лексема вытеснена на периферию языковой системы и реализуется преимущественно как окказионализм в рамках интернет-дискурса (сетевой коммуникации XXI в.) или в специфических модернистских идиостилях.

Note: The indicator 0 in the main corpus of the RNC means that the lexeme is pushed to the periphery of the language system and is realized primarily as an occasionalism within the framework of Internet discourse (network communication of the 21st century) or in specific modernist idiostyles.

Ограниченность лексикографической фиксации деадъективного предиката *ходульничать* в основном корпусе НКРЯ (1 вхождение) не свидетельствует о его коммуникативной элиминации, что подтверждается кодификацией в словаре И.С. Улуханова [13] со значением «совершать ходульные, неестественные действия». Синтаксический анализ данных текстовых реализаций обнаруживает семантико-деривационную дихотомию форманта *-нича-*: с одной стороны, реализуется адъективно-поведенческая линия интерпретационного типа, выражающая внешнюю оценку в повествовательном регистре или авторизованную само-

оценку в субъективированном реактивном регистре (*Я ходульничал глупо, несмешно привередничал* – Интернет-ресурс). С другой стороны, фиксируется субстантивно-акциональный сдвиг к прямому значению передвижения на ходулях в репродуктивных и локативно-ситуативных регистрах (*Мы ходульничали в Жуковке*; *Ходульничающий над Гранатом* – Интернет-ресурс). Тем самым верифицируется синкретичный потенциал форманта, который сохраняет деривационную продуктивность на протяжении полутора веков.

Данные количественные показатели наглядно демонстрируют неравномерность распределения исследуемых дериватов в текстовой реальности. Антропоцентрическая поведенческая модель на *-нича-* обнаруживает устойчивое коммуникативное преобладание. Напротив, мутационные предикаты на *-еть* в большинстве пар демонстрируют нулевые или единичные показатели в основном корпусе НКРЯ (ср. *скромнеть* – 3 вхожд., *страннеть* – 4 вхожд.).

Исключениями из общей тенденции мутационной модели на периферию системы являются пары *умнеть – умничать* (где оба деривата обнаруживают активность) и *ветреть – ветренничать*, где мутационный предикат по частоте превосходит поведенческий. В первом случае высокая частотность обусловлена семантической емкостью и синкретизмом субъектной синтаксемы при глаголе *умнеть*. Во втором случае устойчивость мутационного предиката *ветреть* связана с его регулярным безличным метеорологическим функционированием в пейзажном текстовом пространстве, не требующем категории лица (см. подробнее ниже). В отличие от антропоцентрического сопоставляемого поведенческого глагола *умничать*, требующего ментально-акционального субъекта-лица (ср. из НКРЯ: *Сильно-то не умничай!*), глагол *умнеть* способен сочетаться с тремя семантическими классами субъектов:

(1) Пассивный одушевленный субъект (ср.: *Он растет и умнеет*; *Взрослеешь, умнеешь*; *От таблеток мыши ... умнели*; *Рыбки поклевывали её, умнея на глазах*); (2) Социально-пространственный субъект (ср.:*Через него (Пушкина) умнеет все, что может поумнеть*; *Любой человек рядом с Гердтом умнел*; *Люди довольно скоро умнеют, когда замечают, что им выгодно стало поумнеть*); (3) Предметный субъект (ср.: *Человек глупеет, а машина умнеет; Жизнь умнеет; Время продолжало умнеть*). Расширение сочетаемостной структуры глагола *умнеть* до позиции неодушевленного носителя признака обеспечивает ему высокую частотность функционирования в объективированных информативном и репродуктивном регистрах речи [5]. Проекция данных на теоретическую рамку наивной картины мира Ю. Д. Апресяна [1, 2] позволяет констатировать, что суффикс *-нича-* выступает прагматическим регулятором пейоративности, закрепляя за деадъективными дериватами значение «аномального или нарочитого поведения» как отклонения от естественной нормы. Это разводит мутационный глагол *умнеть* с поведенческим глаголом *умничать*, который обнаруживает закрепленность за позицией антропоцентрического субъекта-деятеля (ср.: *Куда как просто, сидя в безопасной теплой студии, умничать; Сильно-то не умничай!*). Напротив, глагол *умнеть* переносит признак из личной сферы в область неодушевленных объектов, что обеспечивает функционирование высказывания в объективированных регистрах речи.

Аналогичная тенденция семантико-синтаксической деантропоморфизации обнаруживается и у не зафиксированного академическими словарями деадъективного окказионализма *нахальнеть*. В отличие от антропоцентрического поведенческого глагола *нахальничать*, глагол на *-еть* переносится в сферу предметного или абстрактного субъекта, фиксируя пассивное, неконтролируемое нарастание признака как объективного состояния: (1) *Посмотри – как нахальнеет жир спецпайкового благополучья!* (Л. А. Сычёва. Время Бояна (2011)) (абстрактно-вещный субъект); (2) *А голубь, кстати, все тяжелеет и нахальнеет* (Интернет-ресурс) (субъект-животное). Данные контексты верифицируют свойство форманта *-еть* репрезентировать качественную мутацию вне зоны интенциональности лица.

Особый статус обнаруживает пара *важнеть – важничать*. Глагол *важнеть* практически не зафиксирован в академических словарях в личных формах, однако в корпусной реальности он реализуется в форме действительного причастия настоящего времени *важнеющий*, эксплицирующего функцию выражения эволютивно-темпорального приращения [10] (ср.: *Документ важнеющего значения*; *Важнеющее партии дело*). Поведенческий глагол *важничать* сужает синтаксическую сочетаемость до антропоцентрического субъекта и выражает намеренную демонстрацию значимости. Согласно концепции Ю. Д. Апресяна [2], интерпретационные глаголы совмещают объективную пресуппозицию факта и субъективную ассерцию его оценки, что накладывает ограничения на форму 1-го лица настоящего времени, требующую введения модусной рамки (ср.: *Если я скажу, почему, то покажется, будто я важничаю* – Е. Ахматова). Это закрепляет функционирование поведенческих дериватов в субъективированных регистрах речи [5, 11].

Специфика словообразовательной семантики формантов предопределяет характер синтаксической связи глагола с приглагольными обстоятельствами. Мутационные глаголы на *-еть* выражают пассивное, объективно развивающееся во времени изменение состояния субъекта. Данный тип значения соотносится с про-

блемой деадъективной деривации предикатов изменения состояния, предельность и событийная структура которых исследованы в трудах В.В. Дьячкова и С.Г. Татевосова [4], указывающих на репрезентацию результирующего качества в семантике деривата. В силу этих факторов глаголы на *-еть* обнаруживают избирательную сочетаемость с обстоятельствами постепенности, фазовости и внешней причинности (*с годами, с каждым днем, постепенно, на глазах, со временем, от всего пережитого, от простого сочувствия*).

Анализ корпусного материала позволяет рассматривать данные наречия в качестве синтаксических маркеров пассивности. В сфере одушевленного субъекта обстоятельства фазовости и внешней причины верифицируют плавный переход референта в новое качество (ср.: *Ребенок растет и умнеет на глазах; От таблеток мыши... умнели; Через него (Пушкина) умнеет все, что может поумнеть; От рук умнеет голова; Женщина ... умнеет от родов; На природе, в лесах, далях... человек тишает и умнеет*).

Признаком пассивного вхождения в состояние для дериватов с суффиксом *-еть* выступает также их избирательная сочетаемость с наречиями постепенности и фазовости в эгоцентрических контекстах сетевого дискурса, ср. функционирование окказионального глагола *ехиднеть*: *Ага, я тоже ехиднею на глазах* (Интернет-ресурс); *Все больше ехиднею... по мере взросления Пашкинда сваливаю на него все больше разных дел* (Интернет-ресурс). Наличие временных детерминантов (*на глазах, все больше, по мере взросления*) доказывает, что субъект-лицо мыслится не как агенс, а как пассивный носитель развивающегося во времени психологического признака, что принципиально разводит мутационную лексему *ехиднеть* с интерпретационным глаголом *ехидничать*.

В сфере неодушевленного и абстрактного субъекта наречия временной протяженности фиксируют постепенную трансформацию объектов и абстрактных явлений, которые исключают категорию интенциональности (ср.: *Моднеет с каждым днём; Чертоваком страннела двусмысленность; Время продолжало умнеть; Жизнь умнеет*). Обстоятельство внешней причины в двусоставных моделях модернизма подчеркивает вынужденный характер качественного сдвига лица: *От всего пережитого граф Павел Сергеевич очень постраннел*.

В отличие от мутационных глаголов на *-еть*, выражающих пассивное изменение состояния, предикаты поведения на *-нича-* обозначают осознанную демонстрацию признака лицом и сочетаются исключительно с локативно-ситуативными и адресатными ограничителями, исключающими показатели временной протяженности.

Названная сочетаемость реализуется в трех основных направлениях: (1) Адресатная направленность (ср.: *Важничать с подчиненными; Важничал перед другими мальчиками; Модничать перед кем-то; Интересничают при женщинах*); (2) Локативно-ситуативная обусловленность (ср.: *Василий рядом с ней важничает; В бараке-то вон как важничал; Хватит “мобильничать” в зоне боевых действий*); (3) Речевые акты запрета и осуждения в диалогической речи (ср.: *И чем он так важничает?; Не важничайте, Лева; Сильного не умничай!*). Данные контексты служат синтаксическим выражением интенциональности, соотнося поведенческие глаголы с позицией говорящего в рамках реактивного или волюнтивного регистров.

Выделенные на основе эмпирического материала три группы субъектов подтверждают зависимость семантики подлежащего от словообразовательного форманта: для глаголов на *-нича-* облигаторен антропоцентрический субъект-агенс, способный к осознанным действиям, тогда как мутационные глаголы на *-еть* синкретичны и проецируются как на лица, так и на неодушевленные или абстрактные категории (ср.: *Пенсии вреднеют...; Пижама... гламурнеет; Жизнь... интереснеет; Столы скромнеют; Сюжет ходульнеет*), вплоть до деантропоморфизации основы в зоне безличного стихийного или технологического субъекта (*ветреть, мобильнеть*).

Анализ пары *страннеть – странничать* обнаруживает явление омонимии производящих основ, при котором внешнее морфемное сходство маскирует глубинное семантико-категориальное расхождение базовых лексем. Глагол *страннеть* деривационно восходит к качественному прилагательному *странный* (необычный) и выражает неконтролируемую качественную мутацию. В идиостиле Андрея Белого данный предикат фиксирует иррационализацию и деформацию пейзажного пространства, сочетаясь с абстрактным неодушевленным субъектом: *Чертоваком страннела двусмысленность*; *Смысл слова “странно” – страннел*. В мемуарно-эссеистической прозе А.Г. Смирнова (фон Рауха) глагол используется для фиксации пассивной психической мутации лица: *От всего пережитого граф Павел Сергеевич очень постраннел, но не запивал*.

В повести С.Д. Кржижановского «*Странствующее "Странно"*» пассивный характер приобретения признака доводится до экзистенциального абсолюта: *От смены стран вы будете страннеть, хотите вы этого или не хотите*. Использование автором синтаксического маркера непроизвольности (*хотите вы этого или не хотите*) подтверждает, что базовая семантика суффикса *-еть* заключается в обозначении неконтролируемого изменения состояния. Эта текстовая стратегия получает развитие в другой повести писателя – «Воз-

вращение Мюнхгаузена», где глагол *страннеть* фиксирует пассивную мутацию самого бытийного пространства в восприятии наблюдателя (*Мир вокруг страннел*); высказывание при этом реализуется в объективированных информативном и репродуктивном регистрах.

Глагол *странничать* деривационно связан не с адъективной, а с субстантивной основой – именем существительным *странник* (*паломник, бродяга*). Данный предикат выражает осознанное принятие лицом определенной социальной и религиозной роли, реализуя механизм скрытой субстантивации (*быть странником*). В текстах Григория Распутина глагол репрезентирует контролируемую духовную практику, разворачивающуюся во времени и пространстве и требующую исключительно антропоцентрического субъекта: *Когда я шел странничать в Киев...*; *Странничать нужно только по времени – месяцами*. В биографическом и поэтическом дискурсах Серебряного века данный предикат синонимизируется со свободным экзистенциальным актом физического путешествия применительно к личности В. Хлебникова: *Хлебников – странничал и странствовал...*. Таким образом, словообразовательный формант разводит данные дериваты по разным синтаксическим классам, закрепляя глагол *страннеть* за сферой пассивной трансформации субъекта (как одушевленного, так и неодушевленного), а глагол *странничать* – за позицией антропоцентрического субъекта-деятеля в планах волюнтивного регистра.

Динамика развития современного русского языка в XXI веке подтверждает зависимость регистровой организации высказывания от словообразовательной структуры слова. Анализ функционирования окказиональной пары *мобильнеть – мобильничать* обнаруживает противопоставление двух семантико-синтаксических векторов. Глагол *мобильнеть* выражает мутационную семантику пассивного нарастания технологического признака, сочетаясь с неодушевленным макросистемным субъектом (*Мир мобильнеет и мобильнеет; Рунет растет, стареет, мобильнеет; Бизнес очень "помобильнел"*) и обслуживая информативный регистр речи. Окказионализм мобильничать обнаруживает двойственную деривационную природу [8] и реализует два аспекта: (1) Субстантивно-акциональная линия (деривационно восходит к предметному имени *мобильник* в значении «мобильный телефон»). Данный предикат ограничивает сочетаемость позицией антропоцентрического субъекта-лица (агенса) (ср. в наблюдениях Б. В. Кираевой: *Главное, чтоб ничего не мешало мобильничать*; в сетевой коммуникации: *Вот и мобильничаю, ищу танцульки*). Рассматриваемый аспект закреплен за реактивным и волюнтивным регистрами (ср. императив военной коммуникации: *Хватит "мобильничать" в зоне боевых действий*); (2) Адъективно-поведенческая линия (деривационно восходит к качественному признаку прилагательного *мобильный* в значении «проявлять подвижность, гибкость»). В рамках этой модели глагол описывает социальную или профессиональную мобильность человека (ср.: *Кто горизонтально мобильничал* [в карьере]; *Если же вы мобильничаете* [работаете удаленно]). Данный поведенческий предикат не допускает деантропоморфизации и не сочетается с обособленными неодушевленными частями организма как субъектами, что иллюстрирует контекст интернет-источника: *Сам же по себе сустав никуда мобильничать не может, поскольку закреплен в теле.*

Интегральное описание исследуемых глаголов выявляет их системную проекцию на регистровую структуру текста. Предикаты на *-еть* служат для объективированной констатации признаковых изменений внешним наблюдателем, в силу чего они функционально ориентированы на объективированные регистры – репродуктивный и информативный.

Глаголы на *-нича-* типичны для субъективированных регистров – реактивного и волюнтивного. Суффикс *-нича-* вводит в семантику высказывания авторизованную рамку говорящего «Я», оценивающего действия субъекта «Он» или «Ты». Данная регистровая специфика находит обоснование в когнитивной теории Е.С. Кубряковой, согласно которой ономасиологическая структура дериватов с формантом *-нича-* осуществляет свертку сложного пропозиционального суждения, содержащего не только номинацию действия, но и прагматическую оценку говорящего, что синтаксически предопределяет функционирование поведенческих глаголов в субъективированных регистрах и изолирует их от объективированных [12].

Аргументом для проверки этой гипотезы является историко-стилистический пример – глагол *ветреть* в сопоставлении с поведенческим дериватом *ветренничать*. Корпусный и поэтический анализ текстов выявляет здесь диахроническую омонимию глаголов. Если в старых казачьих контекстах глагол выступал как переходный (*Казаки ... французов ветрели выстрелами*), то в поэзии Серебряного века у Игоря Северянина лексема утрачивает категорию лица, трансформируясь в безличный метеорологический предикат природной стихии. В произведениях Северянина (*Костер ветреет; Ветреет вечер. Стрекочет мандолина*) глагол репрезентирует инхоатив физического состояния атмосферы. Ярким примером служит контекст 1911 года: *Когда ночело... Лес заветрел и вновь отгуживал / Глухую всенощную, охая*, где префиксальная форма *заветрел* (с инхоативным префиксом *за-*) полностью соответствует мутационной модели и деантропоморфизации предиката. Современные контексты НКРЯ ставят форму *ветрит* в один ряд с безличными природными

предикатами: *Если дождит, туманит, ветрит и листопадит…* (И. Халяпин); *Не ветрит и не вьюжит* (А. Чапыгин); *Треуголку … подай, ветрит знатно* (И. Лукаш). Данные таблицы 1 подтверждают такую динамику: лексема *ветреть* как безличный предикат отличается коммуникативной устойчивостью (33 вхождения), в отличие от семантически переосмысленного глагола *ветренничать* (5 вхождений). Этот глагол, известный уже по словарю В. Даля и текстам А.С. Грибоедова (*Полно тебе ветренничать*), переносит исходное значение «*ветер*» в метафорическую плоскость человеческого легкомыслия и непостоянства (ср. контекст К. Биркина: *Стал ветренничать еще более, чем во время холостой жизни*), требуя исключительно антропоцентрического субъекта и функционируя в реактивном регистре с модусом осуждения.

Выводы

В ходе сопоставительного анализа 13 пар деадъективных глаголов на *-еть* и *-нича-* подтверждена гипотеза о том, что словообразовательные форманты определяют синтаксический потенциал и текстовые особенности дериватов. Суффиксы выступают как категориальные регуляторы семантического типа подлежащего и коммуникативного регистра: поведенческие глаголы на *-нича-* связаны исключительно с антропоцентрическим субъектом-агенсом, а мутационные единицы на *-еть* обладают синкретичностью и проявляют деантропоморфизацию в безличных конструкциях. Лексема *ветреть* (33 вхождения) и пара *умнеть – умничать* являются системными исключениями, поскольку благодаря метеорологическому безличному употреблению ветреть по частоте превосходит сопутствующий глагол *ветренничать* (5 вхождений). Установлена асимметрия синтаксической сочетаемости: глаголы на *-еть* употребляются с наречиями постепенности и внешней причины, а дериваты на *-нича-* требуют локативных и адресатных обстоятельств. На материале текстов А. Белого и С. Д. Кржижановского доказана омонимия производящих основ у пары *странеть – странничать*, относящей дериваты к разным онтологическим классам. Выявлен нелинейный сдвиг парадигмы глагола *важнеть*, основная форма которого вытеснена причастием важнеющий, передающим эволютивно-темпоральное приращение признака. Установлена чёткая привязка деривационных моделей к коммуникативным регистрам: мутационные глаголы функционируют в объективированных репродуктивном и информативном регистрах, а поведенческие – в субъективированных реактивном и волюнтивном регистрах (в том числе среди современных неологизмов).

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика // Школа "Языки русской культуры". М.: Восточная литература, 1995. 472 с.

2. Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: Семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. №1 (7). С. 5 – 22.

3. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Л.: Наука, 1987. 347 с.

4. Дьячков В.В., Татевосов С.Г. Глаголы от прилагательных: предельность и событийная структура // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 3 (41). С. 9 – 21.

5. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Инт рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2004. 544 с.

6. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 351 с.

7. Кржижановский С.Д. Возвращение Мюнхгаузена: Повести; Рассказы. Л.: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1990. 149 с.

8. Николина Н.А., Теркулов В.И., Крючкова О.Ю. и др. Словообразовательная неология в современном художественном дискурсе // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке: монография / отв. ред. О.Ю. Крючкова, Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов. М.: Издательство Московского университета, 2024. С. 159 – 168.

9. Онипенко Н.К., Теркулов В.И., Крючкова О.Ю. и др. Синтаксическая деривация как способ лингвистической интерпретации системных связей между моделями предложений // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке: монография / отв. ред. О.Ю. Крючкова, Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов. М.: Издательство Московского университета, 2024. С. 239 – 258.

10. Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. Еще раз о синтаксической деривации (к проблеме синтаксической и коммуникативно-текстовой обусловленности) // Русский язык в школе. 2021. № 4. С. 75 – 86.

11. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2010. 480 с.

12. Петрухина Е.В., Теркулов В.И., Крючкова О.Ю. и др. Деривация в подсистемах языка // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке: монография / отв. ред. О.Ю. Крючкова, Е.В. Петрухина, В.И. Теркулов. М.: Издательство Московского университета, 2024. С. 8 – 20.

13. Улуханов И.С. Новые фиксации глаголов в русском языке XX-XXI вв.: Словарь-справочник. М.: ЛЕНАНД, 2025. 656 с.

References

1. Apresyan Yu.D. Selected Works. Volume 1. Lexical Semantics. School "Languages of Russian Culture". Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. 472 p.

2. Apresyan Yu.D. Interpretative Verbs: Semantic Structure and Properties. Russian Language in Scientific Interpretation. 2004. No. 1 (7). P. 5 – 22.

3. Bondarko A.V. Theory of Functional Grammar. Leningrad: Nauka, 1987. 347 p.

4. Dyachkov V.V., Tatevosov S.G. Verbs from Adjectives: Liminality and Event Structure. Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies. 2023. No. 3 (41). P. 9 – 21.

5. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. Communicative grammar of the Russian language. M.: Institute of the Russian language named after V.V. Vinogradov RAS, 2004. 544 p.

6. Zolotova G.A. Essay on the functional syntax of the Russian language. M.: Nauka, 1973. 351 p.

7. Krzhizhanovsky S.D. The Return of Munchausen: Tales; Stories. L.: Fiction literature, Leningrad branch, 1990. 149 p.

8. Nikolina N.A., Terkulov V.I., Kryuchkova O.Yu. et al. Word-formation neology in modern artistic discourse. Systemic, cognitive-discursive and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language: monograph. ed. Moscow: Moscow University Press, 2024. P. 159 – 168.

9. Onipenko N.K., Terkulov V.I., Kryuchkova O.Yu. et al. Syntactic derivation as a way of linguistic interpretation of systemic connections between sentence models. Systemic, cognitive-discursive and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language: monograph. ed. Moscow: Moscow University Press, 2024. M.: Moscow University Publishing House, 2024. P. 239 – 258.

10. Onipenko N.K., Nikitina E.N. Syntactic Derivation Revisited (On the Problem of Syntactic and Communicative-Textual Determination). Russian Language at School. 2021. No. 4. P. 75 – 86.

11. Paducheva E.V. Semantic Studies: Semantics of Tense and Aspect in Russian; Semantics of Narrative. 2nd ed., corrected and enlarged. M.: Languages of Slavic Culture, 2010. 480 pp.

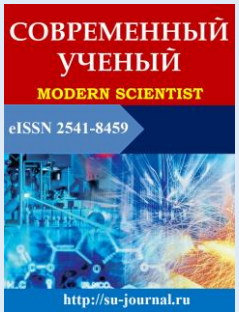
12. Petrukhina E.V., Terkulov V.I., Kryuchkova O.Yu. and others. Derivation in the subsystems of language. Systemic, cognitive-discursive and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language: monograph. ed. O.Yu. Kryuchkova, E.V. Petrukhina, V.I. Terkulov. Moscow: Moscow University Publishing House, 2024. P. 8 – 20.

13. Ulukhanov I.S. New fixations of verbs in the Russian language of the 20th–21st centuries: Dictionary and reference book. Moscow: LENAND, 2025. 656 p.

Информация об авторе

Ван Шихань, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 8266719w@mail.ru

© Ван Шихань, 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.11
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-25-30

Компенсация потерь в авторском переводе художественного текста (на материале романа В.В. Набокова «Лолита»)

[1] Люткина Ю.Н., [1] Кабулов М.А.

[1] Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Аннотация: в статье рассматривается компенсация потерь в художественном переводе прежде всего как прием, позволяющий сохранить значимые элементы авторского стиля при переходе текста в другую языковую и культурную среду, а также как способ адаптации художественного текста, используемый для сохранения его прагматического потенциала. Обращение к данной проблеме связано с тем, что в переводе художественного произведения потери возникают не только на уровне отдельных слов, но и в сфере образности, звуковой организации, культурных ассоциаций и прагматического воздействия. Цель исследования заключается в определении места компенсации среди переводческих трансформаций и в описании ее использования в авторском переводе романа В.В. Набокова «Лолита». Материалом анализа послужили английский оригинал и русский авторский перевод романа. В ходе исследования выделены два основных направления использования данного приема: 1) компенсация лингвистических потерь в переводе; 2) компенсация культурных различий. Сделан вывод о том, что в рассматриваемом материале компенсация не сводится к вспомогательной операции восполнения переводческих потерь, а выступает как один из принципов авторской переводческой стратегии, обеспечивающий сохранение художественного эффекта, стилистической целостности и национально-культурного своеобразия текста.
Ключевые слова: переводческие трансформации, компенсация, авторский перевод, художественный текст, идиостиль, адекватность, эквивалентность

Для цитирования: Люткина Ю.Н., Кабулов М.А. Компенсация потерь в авторском переводе художественного текста (на материале романа В.В. Набокова «Лолита») // Современный ученый. 2026. № 11. С. 25 – 30. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-25-30

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Compensation for losses in the author's translation of a literary text (based on V.V. Nabokov's novel "Lolita")

[1] Lyutkina Yu.N., [1] Kabulov M.A.

[1] North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Abstract: the article deals with the compensation for losses in literary translation primarily as a technique that allows preserving significant elements of the author's style when the text is transferred to another linguistic and cultural environment, as well as a method of adapting a literary text in order to preserve its pragmatic potential. The relevance of the topic is due to the fact that losses in translation may affect not only lexical meaning, but also im-

agery, sound patterning, cultural associations, and pragmatic effect. The article focuses on authorial translation, where the translator is at the same time the creator of the original text and therefore works with a different degree of freedom and responsibility.The aim of the study is to determine the place of compensation among translation transformations and to describe how it operates in Vladimir Nabokov's Russian self-translation of Lolita. The study is based on the material of the English original and the Russian authorial translation of the novel. Two main uses of compensation are identified: 1) compensation for linguistic losses in translation; 2) compensation for cultural differences.The analysis shows that, in Nabokov's self-translation, compensation cannot be reduced to a secondary means of translation loss replenishment. It functions as an important element of the author's translation strategy, helping to preserve the artistic effect, stylistic coherence, and national-cultural specificity of the text.
Keywords: translation transformations, compensation, authorial translation, literary text, idiostyle, adequacy, equivalence

For citation: LyutkinaYu.N., Kabulov M.A. Compensation for losses in the author's translation of a literary text (based on V.V. Nabokov's novel "Lolita"). Modern Scientist. 2026. 11. P. 25 – 30. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-25-30

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 3, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Художественный перевод рассматривается как одна из наиболее сложных форм межъязыкового посредничества, поскольку он требует от переводчика сохранения не только референциального значения, но и образности, ритма, намеков, стиля и культурного воздействия исходного текста на иноязычных реципиентов, что позволяет считать его одним из видов межкультурной коммуникации, в рамках которой произведение заново включается в иную систему восприятия [12]. В случае авторского перевода эта ситуация осложняется тем, что переводчиком становится сам автор оригинала.

Художественный смысл формируется одновременно на лексическом, грамматическом, стилистическом, образном и культурном уровнях; вследствие этого буквальное соответствие далеко не всегда позволяет сохранить функцию исходного фрагмента. Необходимость преобразований, таким образом, обусловлена как различиями языковых систем, так и особенностями художественной организации текста [1, с. 190; 4, с. 137–145].

Среди подобных преобразований особое значение имеет компенсация. К ней обращаются в тех случаях, когда значимый элемент оригинала невозможно передать тем же способом, но его функция должна быть восстановлена иными средствами переводящего языка. В современной литературе этот прием чаще всего связывается с передачей образности, культурно-специфических деталей и прагматического воздействия художественного текста [8; 11; 13].

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, как прием компенсации функционирует в авторском переводе романа В.В. Набокова «Лолита». Для этого в работе рассматривается специфика авторского перевода, уточняется статус компенсации как одного из видов переводческих трансформаций, а затем анализируются случаи восполнения лингвистических и культурных потерь.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются английский текст романа В.В. Набокова Lolita и его русский авторский перевод. Выбор именно этого произведения объясняется высокой плотностью стилистических средств: в романе активно используются аллитерации, каламбуры, окказиональные образования, фразеологические обороты, культурные аллюзии и индивидуализированная речь персонажей. Такой материал позволяет проследить компенсацию не только в пределах отдельной лексической единицы, но и в более широком контексте авторской поэтики.

В исследовании применяются сравнительно-сопоставительный, контекстуальный, стилистический и лингвокультурологический методы. Сопоставление оригинала и перевода дает возможность выявить фрагменты, не имеющие прямого соответствия в русском тексте; контекстуальный анализ помогает определить их функцию в конкретном эпизоде; стилистический и лингвокультурологический подходы позволяют описать, какими средствами Набоков восполняет возникающие потери.

Результаты и обсуждения

В работах последних лет автоперевод все чаще рассматривается не как частный вариант обычного перевода, а как самостоятельная литературная практика. В нем соединяются перевод, авторская переработка и повторное создание текста для другой лингвокультурной аудитории. Поэтому исследователи обращают внимание на авторскую агентность, языковую множественность и культурную переадресацию произведения [6, с. 1-10; 7, с. 61-79].

Для русской версии «Лолиты» особенно существен двойной статус текста. Набоков не ограничивается переносом романа в другую языковую систему: он перестраивает его звуковую, образную и культурную ткань, сохраняя при этом узнаваемую авторскую манеру. В современной набоковедческой литературе эта особенность связывается с положением автора-переводчика, работающего на пересечении русского, английского и французского языковых кодов [9]. М.В. Хлебникова и В.А. Ражина отмечают, что русский текст «Лолиты» воссоздает выразительность оригинала именно за счет активной творческой переработки языкового материала [5, с. 159-165]. Сопоставительное изучение русско- и англоязычных версий произведений В. Набокова представлено также в работе А.В. Мельгуновой [10, с. 110-128].

Необходимость переводческих трансформаций традиционно объясняется расхождениями между исходным и переводящим языками. Л.С. Бархударов связывает такие преобразования с несовпадением лексического состава, грамматического строя и семантического распределения языковых единиц [1, с. 190]. В.Н. Комиссаров, рассматривая компенсацию в составе лексико-грамматических трансформаций, подчеркивает ее зависимость от функции переводимого элемента [4, с. 137-145].

Компенсация оказывается особенно значимой там, где прямой перенос затруднен или невозможен: при передаче реалий, игры слов, метафорики, звуковой организации и стилистической маркированности. С. Влахов и С. Флорин рассматривали восполнение потерь как один из приемов работы с культурно-специфическим материалом [2, с. 97-104]. И.Р. Гальперин, в свою очередь, обращал внимание на то, что стилистический эффект, утраченный на одном уровне текста, может быть восстановлен на другом [3, с. 118-123]. Современные исследования образного языка и культурных реалий развивают эту же функциональную логику [8; 11; 13].

В рамках данного исследования компенсация рассматривается как трансформация, при которой смысловой, стилистический или прагматический компонент оригинала, не поддающийся непосредственному воспроизведению, передается другими средствами переводящего языка либо переносится в другую часть текста. Для этого приема важны три признака: наличие потенциальной потери, ориентация на восстановление художественного эффекта и возможность перераспределения выразительных средств между разными уровнями текста.

Именно поэтому компенсацию следует отличать от конкретизации, генерализации, транспозиции и модуляции: эти приемы не обязательно предполагают восполнение утраченного эффекта. В авторском переводе ее значение становится еще более заметным, поскольку автор-переводчик может сознательно изменять форму фрагмента ради сохранения более существенных смысловых, стилистических и эмоциональных связей.

Сопоставительный анализ русской и английской версий романа позволил распределить выявленные случаи применения компенсации по характеру переводческих проблем, для решения которых она использовалась, на две большие группы: компенсация лингвистических потерь и компенсация культурных различий. Первая группа связана с фонетикой, лексикой, грамматикой, устойчивыми выражениями и окказиональным словообразованием; вторая – с реалиями и фоновыми знаниями русскоязычного читателя.

Лингвистические потери на фонетическом и лексико-грамматическом уровнях обусловлены асимметрией плана выражения и плана содержания контактирующих в процессе перевода языков. Компенсация на фонетическом уровне требовала поиска приемов и средств для сохранения звукового и интонационного облика переводимых единиц, передачи контаминированной речи персонажей, аллитерации и ассонанса, рифмованного и ритмически организованного текста.

Передача в переводе функциональных особенностей звукового и интонационного облика соответствующих единиц оригинала в ряде случаев требовала отказа от сохранения семантики отдельных лексем.

Фонетическая организация оригинала нередко строится на аллитерации и ассонансе, и в таких случаях буквальный перевод может привести к потере стилистического эффекта. Так, в выражении «beast and beauty», которым Гумберт обозначает себя и Лолиту, совмещены звуковой повтор и аллюзия к сюжету «Красавицы и Чудовища». В русском тексте обычный вариант названия сказки заменен формой, позволяющей сохранить звуковую игру: «чудо и чудовище».

Сохранить функцию аллитерации особенно сложно в цепочках с повторяющимся компонентом, где значимыми оказываются и лексический повтор, и звуковая организация: «Your delightful Dolly will presently enter an age group where dates, dating, date dress, date book, date etiquette, mean as much to her as, say, business, business connections, business success, mean to you» – «Ваша прелестная Долли скоро вступит в возрастную группу, где такие термины, как “кавалеры”, “выходить с кавалером”, “выходное платье” и тому подобное, будут так же важны для нее, как для вас, скажем, “коммерческие дела”, “коммерческие связи”, “коммерческий успех”». Замена однородных членов в первой цепочке и лексический повтор компонентов позволяют сохранить в переводе коммуникативный эффект сочетания перечисления и аллитерационной организации, значимое для авторской манеры.

Интонационные особенности речи персонажей могут передаваться графически, что позволяет опустить соответствующие пояснения, использованные в английском тексте. Например, на просьбу Гумберта рассказать хоть что-то о жизни в лагере Лолита ответила: “What thing, Dad?” (she let the word expand with ironic deliberation). – «Что именно, па-па-ша?». В отличие от короткого английского слова «dad», русское «папаша», которое уже само по себе является ироничным, имеет сразу три слога, которые графически можно растянуть дефисами, показав всю саркастичность и, в некоторой степени, игривость слов девочки.

Необходимость передачи контаминированной речи персонажей также требует компенсационного решения. В эпизоде первого поцелуя Гумберта и Лолиты реакция девочки вызывает у героя смятение, что передано нарушением нормальной артикуляции: «What’s the katter with misses?» – «Чем поцелуй пыл блох?» В русском варианте сохранен сам принцип смешения начальных звуков, хотя лексический состав фразы заменен; благодаря этому воспроизводится не буквальная форма, а комический эффект речевого сбоя.

Особенно заметную роль компенсация играет при передаче ритмически организованных фрагментов, таких как шутливые стихотворные признания Гумберта в любви к Лолите. В таких случаях переводчик работает не только со значением, но и с рифмой, интонацией и общим игривым тоном текста:

Oh Lolita, you are my girl, as Vee was Poe’s and Bea Dante’s, and what little girl would not like to whirl in a circular skirt and scanties?

- Полюбил я Лолиту, как Вирджинию – По,
И как Данте – свою Беатриче;
Закружились девчонки, раздувая юбчонки:
Панталончики – верх неприличия!

Компенсация различий в грамматической и лексической системах ИЯ и ПЯ предполагала преодоление различий в семантике лексических единиц, передачу устойчивых выражений и фразеологических оборотов, воссоздание игры слов, передачу авторских окказионализмов, преодоление различий в грамматических системах ИЯ и ПЯ.

Окказиональные номинации у Набокова не только именуют героя, но и передают отношение рассказчика к персонажу. Одним из таких обозначений является пренебрежительное выражение «Haze woman», что в русской версии передано окказионализмом «Гейзиха», сохраняющим фамильную основу и одновременно передающим сниженно-оценочный оттенок наименования, явно ощутимый в оригинале.

Иногда компенсация осуществляется за счет введения русской фразеологической единицы там, где английский текст использует не идиому, а эпитет. Так, «but in our middle-class nosy era» передано как «но в нашу буржуазную эру, когда все суют нос в чужие дела»: выражение «совать нос в чужие дела» восполняет значение прилагательного «nosy» и делает оценку более естественной для русского контекста.

Каламбур, основанный на устойчивом выражении, почти никогда не переносится в другой язык без перестройки. Настойчиво стремясь занять место в мыслях Гумберта, Шарлотта постоянно отвлекала его, даже когда он пытался сосредоточиться:

Let me follow a train of thought.
- Was I on that train? –
- Дай мне продумать одну комбинацию.
- А я участвовала в этой комбинации?

В этом английском диалоге игра слов строится на актуализации внутренней формы фразеологизма «train of thought», что в переводе передано выражением «продумать/участвовать в комбинации». Смысл исходного оборота меняется, однако сохраняется главное – возможность реплики-уточнения, превращающей абстрактное выражение в повод для каламбура.

Словообразовательная компенсация активно используется при переводе авторских окказионализмов. Опустевший дом, в котором не было уехавшей в лагерь Лолиты, в оригинале описан как «Lo-less», чему в русском тексте соответствует окказиональное прилагательное «безлолитен». Суффиксальная модель ан-

глийского слова заменяется префиксально-суффиксальной русской формой; кроме того, за основу берется не сокращенное, а полное имя героини.

Грамматические расхождения между английским и русским языками также в ряде случаев требуют компенсации. В английском языке категория рода, как правило, не распространяется на неодушевленные существительные, тогда как в русском род грамматически обязателен. Поэтому олицетворение «Mr. Uterus» в переводе передается как «Госпожа Матка», в соответствии с грамматическим родом русского существительного.

Компенсация культурных различий в материале романа чаще всего используется при переводе реалий и для восполнения отсутствующих у русскоязычных читателей фоновых знаний.

При передаче названий объектов, которые существовали в США и отсутствовали в советской России, В. Набоков учитывает различие культурных ассоциаций и использует компенсацию вместо обычных в таких случаях транслитерации, транскрипции или калькирования. Так, детский летний лагерь, в котором отдыхала Лолита, назывался в соответствии с американской традицией «Camp Q», что при буквальной передаче не ассоциировалось бы у русскоязычного читателя ни с детством, ни с отдыхом. В переводе используется адаптированное название «Кувшинка» с сокращением «Ку», что позволяет сохранить и смысловую мотивированность, и игровую форму обозначения.

Ярким примером компенсации различий фоновых знаний англо- и русскоговорящих читателей является перевод зооморфных метафор, основанных на том, что одному и тому же животному в разных культурах могут приписываться разные качества. В английской лингвокультуре сленгизм «old cat» может обозначать злобную или сварливую женщину. Гумберт использует это словосочетание по отношению к Шарлотте Гейз, подчеркивая ее язвительность и недоброжелательность в отношении к дочери. В русском переводе этот оборот передается как «старая ехидна», поскольку именно эта номинация точнее передает оценочный смысл реплики для русскоязычного читателя.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что компенсация занимает важное место в системе переводческих преобразований, используемых В. Набоковым в авторском переводе «Лолиты». В русском тексте она служит не только способом восполнить неизбежные потери, но и средством авторской переработки материала: благодаря ей сохраняются голос рассказчика, повествовательная перспектива, идиостиль, звуковая организация и предполагаемое воздействие на читателя.

Предложенная классификация позволяет рассматривать компенсацию как многоуровневую систему переводческих решений. В анализируемых примерах она проявляется на фонетическом, лексико-грамматическом, фразеологическом, словообразовательном и культурном уровнях, причем в каждом случае ее функция определяется не формальным сходством с оригиналом, а необходимостью сохранить художественно значимый эффект.

Активное использование компенсации для восполнения переводческих потерь подтверждает, что художественный перевод является не механическим переносом текста из одной языковой системы в другую, а интерпретативной и творческой формой посредничества между языками, культурами и художественными системами.

Список источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. Хлебникова М.В., Ражина В.А. Особенности авторского перевода сравнительных конструкций в романе В.В. Набокова «Лолита» (на примере языковой пары английский-русский) // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 101. № 6. С. 159 – 165. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-159-165
6. Gentes E., Van Bolderen T. Introduction: Literary Self-Translation in the 21st Century // Journal of Literary Multilingualism. 2024. Vol. 2. No. 1. P. 1 – 10.
7. Kampert M. Saving the Unsavable or Self-Translating to Exist? An Investigation into Self-Translation in Sicilian Context // Journal of Literary Multilingualism. 2024. Vol. 2. No. 1. P. 61 – 79. DOI: 10.1163/2667324x-20240104.
8. Li X., Jing Y. Choices for Figurative Language in Literary Translation: A Stratal Perspective // SAGE Open. 2025. Vol. 15. No. 4. DOI: 10.1177/21582440251406403

9. Loison-Charles J. Vladimir Nabokov as an Author-Translator: Writing and Translating between Russian, English and French. London: Bloomsbury Academic, 2022. 266 p. DOI: 10.5040/9781350243316

10. Melgunova A.V. Functions of Compounding in German Translation of Vladimir Nabokov's "King, Queen, Knave": A Comparative Analysis with Russian and English Versions // Nauchnyi Dialog. 2024. Vol. 13. No. 9. P. 110 – 128. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-110-128

11. Rababah S. M., Moindjie M. A. Analyzing Translation Strategies and Procedures for Culture-Specific Items in Morning and Evening Talk by Naguib Mahfouz // Forum for Linguistic Studies. 2025. Vol. 7. No. 9. P. 421 – 432. DOI: 10.30564/fls.v7i9.10810

12. Sun Y. Literary Translation and Communication // Frontiers in Communication. 2022. Vol. 7. Article 1073773. DOI: 10.3389/fcomm.2022.1073773

13. Yang Y., Wang X. Conveying Cultural Content in Literary Translation: A Comparative Analysis of Translation Strategies in Yu Hua's Works for a Portuguese-Speaking Audience // Humanities and Social Sciences Communications. 2026. Vol. 13. Article 719. DOI: 10.1057/s41599-026-07073-7

References

1. Barkhudarov L.S. Language and Translation. Moscow: International Relations, 1975. 240 p.

2. Vlahov S., Florin S. The Untranslatable in Translation. Moscow: International Relations, 1980. 343 p.

3. Galperin, I.R. Text as an Object of Linguistic Research. Moscow: Nauka, 1981. 139 p.

4. Komissarov, V.N. Translation Theory (Linguistic Aspects). Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 253 p.

5. Khlebnikova, M.V., Razhina, V.A. Features of the Author's Translation of Comparative Constructions in V.V. Nabokov's Novel "Lolita" (Based on the English-Russian Language Pair). Humanities and Social Sciences. 2023. T. 101. No. 6. P. 159 – 165. DOI: 10.18522/2070-1403-2023-101-6-159-165

6. Gentes E., Van Bolderen T. Introduction: Literary Self-Translation in the 21st Century. Journal of Literary Multilingualism. 2024. Vol. 2.No. 1. P. 1 – 10.

7. Kampert M. Saving the Unsavable or Self-Translating to Exist? An Investigation into Self-Translation in Sicilian Context. Journal of Literary Multilingualism. 2024. Vol. 2.No. 1. P. 61 – 79. DOI: 10.1163/2667324x-20240104.

8. Li X., Jing Y. Choices for Figurative Language in Literary Translation: A Stratal Perspective. SAGE Open. 2025. Vol. 15.No. 4. DOI: 10.1177/21582440251406403

9. Loison-Charles J. Vladimir Nabokov as an Author-Translator: Writing and Translating between Russian, English and French. London: Bloomsbury Academic, 2022. 266 p. DOI: 10.5040/9781350243316

10. Melgunova A.V. Functions of Compounding in German Translation of Vladimir Nabokov's "King, Queen, Knave": A Comparative Analysis with Russian and English Versions. Nauchnyi Dialog. 2024. Vol. 13. No. 9. P. 110 – 128. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-110-128

11. Rababah S.M., Moindjie M.A. Analyzing Translation Strategies and Procedures for Culture-Specific Items in Morning and Evening Talk by Naguib Mahfouz. Forum for Linguistic Studies. 2025. Vol. 7. No. 9. P. 421 – 432. DOI: 10.30564/fls.v7i9.10810

12. Sun Y. Literary Translation and Communication. Frontiers in Communication. 2022. Vol. 7. Article 1073773. DOI: 10.3389/fcomm.2022.1073773

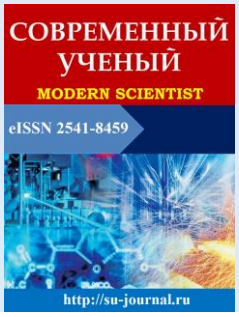
13. Yang Y., Wang X. Conveying Cultural Content in Literary Translation: A Comparative Analysis of Translation Strategies in Yu Hua's Works for a Portuguese-Speaking Audience. Humanities and Social Sciences Communications. 2026. Vol. 13. Article 719. DOI: 10.1057/s41599-026-07073-7

Информация об авторах

Люткина Ю.Н., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова Россия, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44-46, nosu@nosu.ru

Кабулов М.А., Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44-46

© Люткина Ю.Н., Кабулов М.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81-112
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-31-39

Изучение и рецепция лингвистических идей А.А. Потебни в Китае: обзор и перспективы

[1] Чжан Синьюань

[1] Хэйлунцзянский университет, Китай

Аннотация: Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891) – выдающийся российский и украинский лингвист XIX века, основатель Харьковской лингвистической школы, родоначальник психологической парадигмы в российской философии языка. Несмотря на фундаментальное значение его трудов для российского языкознания, рецепция научного наследия Потебни в международном академическом сообществе остаётся крайне ограниченной в силу языкового барьера, отсутствия полных переводов на основные мировые языки и общей недооценённости российского лингвистического наследия за пределами России. Китайская русистика, обладающая значительным академическим потенциалом и многолетней традицией изучения российских лингвистических теорий, представляет собой уникальную площадку для исследования международной рецепции идей Потебни.

Введение. Статья представляет собой первый систематический обзор изучения и рецепции лингвистических идей А.А. Потебни в китайской русистике, адресованным российской академической аудитории.

Материалы и методы исследования. Основным методом исследования является метод систематического анализа научной литературы в сочетании с элементами мета-анализа. Поиск производился по ведущим китайским академическим базам данных (CNKI, Wanfang Data, CQVIP) с использованием ключевых слов на китайском и русском языках. Анализ проводился в трёх измерениях: диахроническом, тематическом и методологическом.

Результаты исследования. В эволюции китайского потебневедения выделены три этапа: подготовительный (1980-е – 2005 гг.), начальный (2005-2015 гг.) и этап развития (с 2016 г. по настоящее время). Тематически исследования группируются в пять направлений: общее исследование лингвофилософских взглядов Потебни, теория внутренней формы слова, отношения Потебни и Гумбольдта, учение о соотношении языка и мышления, попытки современного применения теории Потебни. Выявлены существенные исследовательские лакуны: острый дефицит переводов, малочисленность исследователей, узость методологических подходов, нехватка прикладных исследований и недостаточность международного обмена.

Обсуждение и выводы. Китайское потебневедение прошло значительный путь от фрагментарных упоминаний до формирования исследовательского ядра с центром в Фуданьском университете. Сформулированы конструктивные рекомендации по пяти направлениям: переводческая работа, подготовка кадров, теоретическое углубление, прикладные исследования и международный диалог. Настоящая статья является не только фиксацией текущего состояния, но и приглашением к международному научному сотрудничеству в изучении лингвистического наследия А.А. Потебни.

Ключевые слова: А.А. Потебня, философия языка, внутренняя форма слова, китайская русистика, научный обзор, рецепция,

Для цитирования: Чжан Синьюань Изучение и рецепция лингвистических идей А.А. Потебни в Китае: обзор и перспективы // Современный ученый. 2026. № 11. С. 31 – 39. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-31-39

Поступила в редакцию: 6 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Study and reception of A.A. Potebnya's linguistic ideas in China: a review and prospects

[1] Zhang Xinyuan

[1] Heilongjiang University, China

Abstract: Aleksandr A. Potebnya (1835-1891) is a prominent 19th-century Russian and Ukrainian linguist, the founder of the Kharkov Linguistic School and the originator of the psychological paradigm in Russian philosophy of language. Despite the foundational significance of his works for Russian linguistics, the reception of Potebnya's scholarly heritage in the international academic community remains extremely limited due to the language barrier, the absence of complete translations into major world languages, and the general underestimation of Russian linguistic heritage outside Russia. Chinese Russian studies, with its substantial academic potential and long-standing tradition of studying Russian linguistic theories, represents a unique platform for investigating the international reception of Potebnya's ideas.

Introduction. This article presents the first systematic review of the study and reception of A.A. Potebnya's linguistic ideas in Chinese Russian studies, addressed to the Russian academic audience.

Materials and methods of research. The primary research method is systematic scientific literature analysis combined with elements of meta-analysis. The search was conducted through leading Chinese academic databases (CNKI, Wanfang Data, CQVIP) using keywords in Chinese and Russian. The analysis was carried out in three dimensions: diachronic, thematic, and methodological.

Research results. Three stages are identified in the evolution of Chinese Potebnya studies: the preparatory stage (1980s–2005), the initial stage (2005–2015), and the development stage (from 2016 to the present). Thematically, the studies are grouped into five directions: general research on Potebnya's linguo-philosophical views, the theory of the inner form of the word, the relationship between Potebnya and Humboldt, the doctrine of the relationship between language and thought, and attempts at modern application of Potebnya's theory. Significant research gaps are identified: acute shortage of translations, scarcity of researchers, narrowness of methodological approaches, lack of applied research, and insufficient international exchange.

Discussion and conclusions. Chinese Potebnya studies have traveled a considerable path from fragmentary mentions to the formation of a research core centered at Fudan University. Constructive recommendations are formulated in five areas: translation work, personnel training, theoretical deepening, applied research, and international dialogue. This article serves not only as a record of the current state but also as an invitation to international scholarly collaboration in studying the linguistic heritage of A.A. Potebnya.

Keywords: A.A. Potebnya, philosophy of language, inner form of the word, Chinese Russian studies, scholarly review, reception

For citation: Zhang Xinyuan Study and reception of A.A. Potebnya's linguistic ideas in China: a review and prospects. Modern Scientist. 2026. 11. P. 31 – 39. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-31-39

The article was submitted: June 6, 2026; Approved after reviewing: July 4, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Академический статус и основные научные достижения А.А. Потебни

Александр Афанасьевич Потебня (1835-1891) – крупнейший российский лингвист, философ и мыслитель XIX века, основатель Харьковской лингвистической школы и родоначальник психологической парадигмы в российской философии языка. Его научное влияние охватывает лингвистику, психологию, поэтику, фольклористику и культурологию. Потебнянские идеи о внутренней форме слова, о языке как деятельности (energeia), о соотношении языка и мышления оказали прямое влияние на российскую формальную школу, психологию Л.С. Выготского и теорию литературы.

Основной вклад Потебни в лингвистическую теорию может быть представлен в шести ключевых положениях:

Первое: концепция сущности языка. Развивая известный тезис В. фон Гумбольдта о языке как деятельности (energeia), а не продукте (ergon), Потебня определил язык как непрерывный творческий духовный процесс, а не застывшую систему готовых форм.

Второе: теория внутренней формы слова. Потебня конкретизировал широкое гумбольдтовское понятие «внутренней формы языка» (innere Sprachform), сузив его до объёма отдельного слова. В его концепции слово состоит из трёх элементов: внешней формы (звуковой оболочки), внутренней формы (представления как этимологического признака) и значения.

Третье: учение о соотношении языка и мышления. Потебня выдвинул радикальный для своего времени тезис: «Язык есть не средство выражения готовой мысли, а средство её создания» [1]. Тем самым за языком признаётся конститутивная, а не только репрезентативная функция по отношению к мышлению.

Четвёртое: разграничение ближайшего и дальнейшего значений. Ближайшее значение – национально обусловленное, является предметом лингвистического анализа; дальнейшее значение – энциклопедическое, индивидуальное. Эта дихотомия легла в основу динамической теории семантической эволюции слова.

Пятое: независимость грамматических категорий от логических. Потебня утверждал, что «логика строится на грамматике», а не наоборот, обосновывая методологическую самостоятельность лингвистики как науки [2].

Шестое: теория поэтичности. Живое присутствие внутренней формы в слове является, по Потебне, источником поэтичности и образности литературного языка. Эта концепция оказала прямое влияние на русскую формальную школу (В.Б. Шкловский, Ю.Н. Тынянов и др.) [3; 4].

Проблема исследования и его научная новизна

Несмотря на высокий академический статус Потебни в российской науке, его лингвистическое наследие остаётся малоизвестным за пределами русскоязычного академического пространства. Это объясняется рядом причин: языковой барьер, отсутствие полных переводов на китайский, английский, немецкий и французский языки, а также идеологические ограничения советского периода, когда учение Потебни подвергалось официальной критике [5]. В связи с этим возникает ряд вопросов: в какой мере китайская русистика освоила лингвистическое наследие Потебни? Какие учёные занимались специальным изучением Потебни в Китае? На каких темах сосредоточено их внимание? Каковы существующие пробелы и ограничения? Систематический ответ на эти вопросы отвечает не только потребности китайской русистики в саморефлексии, но и способствует заполнению существенной информационной лакуны в международном потебневедении.

Настоящее исследование преследует три взаимосвязанные цели: во-первых, систематически представить результаты китайских исследований лингвистических идей Потебни в двух измерениях – диахроническом и тематическом; во-вторых, провести мета-анализ методологических особенностей выполненных работ; в-третьих, на основе выявленных пробелов наметить перспективы дальнейшего развития потебневедения в Китае.

Ценность настоящей работы состоит в том, что она является первым систематическим обзором китайских исследований А.А. Потебни, адресованным российской академической аудитории. На момент подготовки статьи, по результатам систематического библиографического поиска, нами не обнаружено ни одной публикации в российских или международных научных изданиях, которая была бы специально посвящена обзору китайских работ о Потебне. Иными словами, российское академическое сообщество практически не осведомлено о том, что сделано китайскими коллегами в области потебневедения. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел и способствовать активизации китайско-российского научного диалога.

Материалы и методы исследований

Основным методом исследования является систематический анализ научной литературы в сочетании с элементами мета-анализа. В качестве основных поисковых платформ использовались ведущие китайские академические базы данных: Китайская национальная инфраструктура знаний (CNKI), Wanfang Data, база данных CQVIP. Поиск производился по ключевым словам: «波捷布尼亚» (Потебня), «波铁布尼亚» (устаревший вариант транслитерации), «Потебня», «内部形式 + 俄语» (внутренняя форма + русский язык), «哈尔科夫语言学派» (Харьковская лингвистическая школа). Временной охват поиска: с момента основания баз данных по 2026 г. Дополнительно проводился перекрёстный поиск в российских академических базах данных (eLibrary.ru, КиберЛенинка).

Критерии включения в обзор: опубликованные статьи, диссертации и монографии, в которых лингвистические идеи А.А. Потебни являются основным или одним из основных объектов исследования. Критерии исключения: работы, содержащие лишь попутное упоминание имени Потебни без содержательного анализа его концепций.

Анализ проводился в трёх измерениях: 1) диахроническом – для выявления эволюции исследовательской активности и смены парадигм; 2) тематическом – для систематизации основных исследовательских направлений; 3) методологическом – для мета-анализа применяемых научных методов. Отдельно проводился сравнительный анализ состояния потебневедения в других национальных научных традициях (Германия, США, Франция, Япония).

Результаты и обсуждения

Диахроническая эволюция китайских исследований А. А. Потебни

Изучение лингвистических идей Потебни в Китае прошло постепенный путь от нулевого состояния через эпизодические упоминания к специальным исследованиям и далее к систематизации. На основании ключевых академических событий и смены исследовательских парадигм в этой эволюции выделяются три этапа.

Подготовительный этап (1980-е – 2005 гг.): косвенное знакомство

Основная характеристика данного этапа заключается в том, что Потебня ещё не стал самостоятельным объектом исследования в китайской русистике; его имя и идеи фигурировали лишь эпизодически в рамках обзорных работ по истории российской философии языка, гумбольдтианству и истории общего языкознания.

Первой специальной публикацией о Потебне на китайском языке стала заметка Чан Баожу (常宝儒) «Потебня: личность и учение» («波铁布尼亚其人其说»), опубликованная в 1994 г. в журнале «Преподавание и исследование иностранных языков» [6]. Эта краткая работа содержит биографические сведения, перечень основных трудов Потебни и сжатое изложение его теории внутренней формы слова. Несмотря на ознакомительный характер, данная публикация обладает значительной историографической ценностью – она представляет собой первый печатный источник информации о Потебне на китайском языке. Следует отметить, что Чан Баожу использовал транслитерацию «波铁布尼亚» (Потебня) – этот вариант до сих пор сосуществует в китайской академической литературе с более новым вариантом «波捷布尼亚» (Потебня).

В монографии Чэнь Цзяньхуа (陈建华) и соавторов «Российская гуманитарная мысль и Китай» содержатся разделы, посвящённые рецепции учения Потебни [7]. Коллективные труды по истории языкознания – «Общее языкознание» Кодухова (1987), «Обзор зарубежного языкознания» под редакцией Чжао Шикая (1990), «Краткая история европейского и американского языкознания» Сюй Чжиминя (2005) – содержат краткие упоминания о Потебне. Более развёрнутое изложение представлено в коллективной монографии «История российской лингвистики» под редакцией Чжи Ючана (2009), однако к этому моменту уже наступает следующий этап.

Таким образом, на подготовительном этапе образ Потебни в китайской русистике остаётся фрагментарным и расплывчатым: китайское академическое сообщество осведомлено о существовании одного из ведущих российских лингвистов, но не располагает систематическим знанием его теоретической системы.

Начальный этап (2005-2015 гг.): становление специальных исследований

Период 2005-2015 гг. стал ключевым этапом перехода китайского потебневедения от «попутных упоминаний» к «специальным исследованиям». Этот переход маркируется тремя знаковыми событиями.

Первое: появление специализированной диссертации. В 2008 г. Синь Чуаньянь (信传艳) защитила в Цзилиньском университете магистерскую диссертацию на тему «Лингвистические взгляды А.А. Потебни» [8] – первое в Китае диссертационное исследование, полностью посвящённое Потебне. В диссертации последовательно рассмотрены концепция сущности языка, учение о соотношении языка и мышления, теория внутренней формы слова.

Второе: публикация специальной статьи в ведущем рецензируемом журнале. В 2010 г. Гао Гоцуй и Гао Фэнлань (高国翠, 高凤兰) опубликовали в журнале «Вестник иностранных языков» («外语学刊», CSSCI) статью «Лингвофилософские взгляды Потебни» [9, с. 11-15] – первую статью о Потебне, опубликованную в журнале из перечня CSSCI.

Третье: введение сравнительной перспективы. Статья Чжао Цюе (赵秋野) «Изучение Гумбольдта в России» (2013) [10] и монография Чжан Жукуй (张如奎) (2013) [11] ввели сравнительный ракурс. Магистерская диссертация Сюй Лю (徐柳) (2011) [12] проследила эволюцию гумбольдтовского понятия «внутренней формы языка» в российской философии языка.

Главным достижением данного этапа стало превращение Потебни в китайской русистике из «упоминаемого имени» в «изучаемый объект».

Этап развития (с 2016 г. по настоящее время): систематизация и углубление

С 2016 г. китайское потебневедение вступило в новый этап, для которого характерны систематизация и углубление исследовательских подходов.

Первый фактор: поддержка государственных научных фондов. Цзян Хун (姜宏) из Фуданьского университета руководит проектом Государственного фонда общественных наук КНР «Исследование истории российской философии языка в парадигмальной перспективе» (грант № 17BYY034), в рамках которого Потебня рассматривается как ключевая фигура психологической парадигмы российской философии языка.

Второй фактор: серийная публикация результатов. Цзян Хун (2020) опубликовала статью «А.А. Потебня в истории российской философии языка» [13], в которой эксплицитно определила Потебню как основателя психологической парадигмы и проанализировала четыре фактора формирования его мировоззрения. Последующие публикации Цзян Хун и Ван Юньтин (2021) [14] и Цзян Хун и Су Юйтин (2022) [15] углубили анализ «рационально-эмпирической» философской установки Потебни. Эти статьи образуют целостную исследовательскую схему «контекст – особенности – значение».

Кроме того, исследование Сюй Жуй (2016) о Харьковской лингвистической школе [16] и ряд докторских диссертаций по смежным темам расширяют представление об истории становления потебнианства.

Ключевая характеристика данного этапа – переход от отдельных публикаций к серийным исследованиям, от изложения языковедческих взглядов Потебни к их интерпретации в парадигмальной перспективе философии языка, а также формирование исследовательского ядра вокруг Фуданьского университета.

Тематическое распределение и основные результаты

Результаты систематического анализа показывают, что исследования лингвистических идей Потебни в Китае за более чем тридцатилетний период могут быть распределены по пяти основным тематическим направлениям.

Направление первое: общее исследование лингвофилософских взглядов Потебни

Гао Гоцуй и Гао Фэнлань (2010) [9] предложили первое систематическое изложение лингвофилософской концепции Потебни: концепция языковой сущности (energeia), трёхуровневая модель языка, теория внутренней формы, разграничение ближайшего и дальнейшего значений. Цзян Хун (2020) [13] вывела потебневедение на уровень парадигмального анализа, определив Потебню как основателя психологической парадигмы и проанализировав четыре фактора формирования его мировоззрения. Цзян Хун и Су Юйтин (2022) [15] представили углублённую интерпретацию «рационально-эмпирической» установки Потебни, показав двойственную связь с европеизмом и славянофильством. Таким образом, прослеживается траектория: от ознакомления через интерпретацию к углублённому осмыслению.

Направление второе: теория внутренней формы слова

«Внутренняя форма слова» – одна из наиболее оригинальных теоретических концепций Потебни, возникшая из творческой трансформации гумбольдтовской «внутренней формы языка» (innere Sprachform) [17]. Синь Чуаньянь (2008) [8] впервые систематически изложила содержание этого понятия. Сюй Лю (2011) [12] проследила линию интеллектуальной преемственности Гумбольдт → Потебня → Шпет. Чжао Айго (2019) [18] затронул шпетовскую реинтерпретацию. Однако китайские исследования пока остаются на стадии «ознакомления и интерпретации» без систематической реконструкции с позиций когнитивной лингвистики. В отличие от работ японского исследователя Мориока (2023) [19], в которых теория внутренней формы применяется в психотерапии, китайские исследования пока не демонстрируют междисциплинарных применений.

Направление третье: отношения Потебни и Гумбольдта

Потебня называл себя «учеником» Гумбольдта [1]. Чжао Цюе (2013) [10] выявила особое измерение российского прочтения Гумбольдта – психологизм. Чжан Жукуй (2013) [11] рассмотрел Потебню как основоположника «российского неогумбольдтианства». Отношения Потебни и Гумбольдта проявляются в трёх аспектах: наследование (язык как деятельность), развитие (сужение «внутренней формы языка» до «внутренней формы слова») и методологические различия (философская спекуляция и эмпирический анализ).

Направление четвёртое: учение о соотношении языка и мышления

Ключевой тезис Потебни – «язык есть не средство выражения готовой мысли, а средство её создания» [1] – оказал значительное влияние на Л.С. Выготского. Синь Чуаньянь (2008) [8] разъяснила, что язык предоставляет мышлению структурированные рамки. Гао Гоцуй и Гао Фэнлань (2010) [9] подчеркнули нетождественность языка и логики. Цзян Хун (2020) [13] рассмотрела соотношение идей Потебни с теориями Соссюра и Хомского. Цзян Хун и Су Юйтин (2022) [15] проанализировали тезис «всякое понимание есть непонимание» в контексте межкультурной коммуникации.

Направление пятое: попытки современного применения теории Потебни

Прикладные исследования в Китае находятся на начальной стадии. Гао Гоцуй (2011) [20] применила теорию Потебни в преподавании русского языка как иностранного. Цзян Хун и Су Юйтин (2022) [15] указали на диалог с когнитивной лингвистикой. М. Лановик (2010) [21] применила психолингвистическую теорию Потебни в переводоведении, однако китайское переводоведение пока не обратило на это внимания.

Методологические особенности китайских исследований

Мета-анализ методологических характеристик позволяет выделить четыре основных метода:

Метод перевода и ознакомления с источниками – наиболее базовый метод [6; 8]. Достоинство: снятие входного барьера. Ограничение: работа останавливается на уровне «добросовестного пересказа».

Метод теоретической интерпретации – «перекодирование» терминологии Потебни [9; 13]. Преимущество: помогает понять «почему». Ограничение: интерпретативная рамка ограничена подготовкой исследователя.

Метод исторического контекста – ярко представлен в работе Цзян Хун (2020) [13], где идеи Потебни помещаются в контекст социальных реформ, идейных движений и дисциплинарного развития России XIX века.

Сравнительный метод – на двух уровнях (диахроническом и синхроническом) [10; 11; 13]. Ограничение: ориентация преимущественно на западные теоретические модели, отсутствие сопоставления с китайской лингвистической традицией.

В целом, китайское потебневедение сформировало многоуровневую систему методов, однако доминирует установка на «освоение и усвоение», а методы «критики и реконструкции» пока не получили должного развития.

Существующие проблемы и исследовательские лакуны

Проведённый анализ позволил выделить ряд проблем и исследовательских лакун. Выделяются шесть ключевых проблем:

Дефицит переводов. Труды Потебни не имеют полных переводов на китайский, английский, немецкий и французский языки. И. Ермен [5] назвала это «одним из самых заметных пробелов в истории международной рецепции лингвистических учений».

Малочисленность исследователей. На сегодняшний день Цзян Хун остаётся основным систематическим исследователем Потебни в Китае. Не защищено ни одной докторской диссертации, нет ни одной монографии на китайском языке.

Узость исследовательских подходов. Отсутствуют глубинные диалоги с современной лингвистикой, нет систематического прослеживания генеалогии потебнианства, нет сопоставления с китайской традицией.

Нехватка прикладных исследований. Изучение Потебни остановилось на уровне «метатеории». В сравнении с Японией [19] и Украиной [21] данное направление развито значительно слабее.

Недостаточность международного обмена. Китайские учёные не участвовали в «Потебнянских чтениях» и конференции в Лозанне (2013), результаты публиковались только на китайском языке, отсутствуют прямые контакты с российскими и украинскими специалистами.

Глобальный контекст: отставание и возможности. По сравнению с Германией [22], США [23], Францией (CRECLECO, 2013) и Японией [19], Китай пока не создал сопоставимых научных результатов. Однако это также означает значительный потенциал для развития.

Выводы

Китайское потебневедение прошло путь от нулевого состояния через эпизодические упоминания к специальным исследованиям и систематическому продвижению. За три с лишним десятилетия сформировано исследовательское ядро (с центром в Фуданьском университете), опубликовано более десяти ключевых работ, развита многоуровневая методологическая система. Тематическая структура характеризуется неравномерностью: общие исследования разработаны наиболее полно, прикладные – наименее. Китайское потеб-

неведение в целом всё ещё находится на стадии «освоения и усвоения» и пока не перешло к этапу самостоятельной теоретической разработки и концептуальной реконструкции.

Перспективы и рекомендации

Предлагаются рекомендации по пяти направлениям:

Первое: переводческая работа. Реализация трёхстороннего китайско-российско-украинского проекта по переводу «Мысли и языка» Потебни и монографии Файзера [23].

Второе: подготовка кадров. Поощрение докторантов к выбору потебнянской проблематики, учреждение секций на конференциях, создание механизмов сотрудничества.

Третье: теоретическое углубление. Сопряжение внутренней формы с когнитивной лингвистикой, сравнительные исследования с китайской философией языка, переосмысление тезиса «всякое понимание есть непонимание».

Четвёртое: прикладные исследования. Применение в преподавании русской лексики, переводоведении и литературной критике.

Пятое: международный диалог. Участие в «Потебнянских чтениях», публикация в российских журналах, создание двуязычного архива «Китайское потебневедение».

Настоящая статья не только фиксирует текущее состояние китайского потебневедения, но и обозначает возможные направления дальнейшего международного научного сотрудничества. Теория внутренней формы слова, тезис о языке как средстве создания мысли, идея «всякое понимание есть непонимание» – академическая ценность этих идей ещё не раскрыта в полной мере. Автор выражает надежду, что большее число китайских русистов обратит внимание на эту «малоизученную область исследований», а китайские, российские и украинские учёные активизируют усилия для продвижения научного наследия Александра Афанасьевича Потебни.

Список источников

1. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1892.
2. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-II. М.: Учпедгиз, 1958.
3. Пильщиков И.А. «Внутренняя форма слова» в теориях поэтического языка // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 54 – 76.
4. Erlich V. Russian Formalism: History – Doctrine. The Hague: Mouton & Co., 1955.
5. Єрмен І. Олександр Опанасович Потебня і його сприйняття на Заході // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Нова серія. 2004. Т. 10. С. 251 – 262.
6. Чан Баожу Потебня: личность и учение // Преподавание и исследование иностранных языков. 1994. № 3. С. 67 – 68.
7. Чэнь Цзяньхуа и др. Российская гуманитарная мысль и Китай. Чунцин: Чунцинское издательство, 2011.
8. Синь Чуаньянь Лингвистические взгляды А.А. Потебни: магистерская диссертация. Цзилиньский университет, 2008.
9. Гао Гоцуй, Гао Фэнлань Лингвофилософские взгляды Потебня // Вестник иностранных языков. 2010. № 5. С. 11 – 15.
10. Чжао Цюе Изучение Гумбольдта в России // Иностранные языки. 2013. Т. 29. № 1. С. 56 – 59+70.
11. Чжан Жукуй Исследование неогумбольдтианской лингвофилософской мысли. Пекин: Издательство Столичного педагогического университета, 2013.
12. Сюй Лю Интерпретация гумбольдтовской теории внутренней формы языка: магистерская диссертация. Столичный педагогический университет, 2011.
13. Цзян Хун А.А. Потебня в истории российской философии языка // Русский язык в Китае. 2020. Т. 39. № 1. С. 1 – 9.
14. Цзян Хун, Ван Юньтин Механизмы формирования российской философии языка // Вестник Цзилиньского педагогического университета. 2021. Т. 49. № 2. С. 88 – 94.
15. Цзян Хун, Су Юйтин Лингвофилософские взгляды Потебня и их значение // Вестник Ляонинского педагогического университета. 2022. Т. 45. № 3. С. 113 – 119.
16. Сюй Жуй Исследование Харьковской лингвистической школы // Хэйхэский академический журнал. 2016. № 2. С. 43 – 45.
17. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
18. Чжао Айго Критический обзор объяснительной семиотики Г.Г. Шпета // Русская литература и искусство. 2019. № 1. С. 121 – 128.

19. Мориока М. Свободная ассоциация и внутренняя речь // «Интегративная психология и поведенческие науки». 2023. Т. 57. С. 1097 – 1109.

20. Гао Гоцуй Когнитивно-психологический анализ лексических концептов в РКИ: докторская диссертация. Северо-восточный педагогический университет, 2011.

21. Лановик М. Психолінгвістична теорія О. Потебні у перекладознавстві: витоки, становлення, розвиток // Питання літературознавства. Київ, 2010. Вип. 81. С. 24 – 36.

22. Aumuller M. Innere Form und Poetizitat. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005.

23. Fizer J. Alexander A. Potebnjas Psycholinguistic Theory of Literature. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

24. Липов А. Слово в философско-лингвистической концепции Александра Потебни // Acta Neophilologica. 2012. Т. XIV. С. 31 – 49.

25. Федосюк М.Ю. Место несинтаксических грамматических значений в теориях Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Потебни // Вестник Московского университета. Серия 19. 2023. Т. 26. № 4. С. 67 – 84.

26. Селезнева Н.В. К вопросу о внутренней форме слова в русском и китайском языках (на материале русских и китайских наименований жилищ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57). Ч. 2. С. 147 – 150.

References

1. Potebnya A.A. Thought and language. Kharkov, 1892.

2. Potebnya A.A. From notes on Russian grammar. T. I-II. M.: Uchpedgiz, 1958.

3. Pilshchikov I.A. “The internal form of the word” in theories of poetic language. Criticism and semiotics. 2014. No. 2. P. 54 – 76.

4. Erlich V. Russian Formalism: History – Doctrine. The Hague: Mouton & Co., 1955.

5. Yermen I. Alexander Opanasovich Potebnya and his followers in the West. Collection of the Kharkiv Historical and Philological Partnership. New series. 2004. Vol. 10. P. 251 – 262.

6. Chang Baozhu Potebnya: Personality and Teaching. Teaching and Research of Foreign Languages. 1994. No. 3. P. 67 – 68.

7. Chen Jianhua et al. Russian Humanitarian Thought and China. Chongqing: Chongqing Publishing House, 2011.

8. Xin Chuanyang Linguistic Views of A.A. Potebnya: Master's Thesis. Jilin University, 2008.

9. Gao Guocui, Gao Fenglan. Potebnya's Linguistic and Philosophical Views. Bulletin of Foreign Languages. 2010. No. 5. P. 11 – 15.

10. Zhao Quye The Study of Humboldt in Russia. Foreign Languages. 2013. Vol. 29. No. 1. P. 56 – 59+70.

11. Zhang Rukui A Study of Neo-Humboldtian Linguo-Philosophical Thought. Beijing: Capital Normal University Press, 2013.

12. Xu Liu Interpretation of Humboldt’s Theory of the Inner Form of Language: Master’s Thesis. Capital Normal University, 2011.

13. Jiang Hong A.A. Potebnya in the History of Russian Philosophy of Language. Russian Language in China. 2020. Vol. 39. No. 1. P. 1 – 9.

14. Jiang Hong, Wang Yunting Mechanisms of Formation of Russian Philosophy of Language. Bulletin of Jilin Normal University. 2021. Vol. 49. No. 2. P. 88 – 94.

15. Jiang Hong, Su Yuting Potebnya’s Linguistic and Philosophical Views and Their Significance. Bulletin of Liaoning Normal University. 2022. Vol. 45. No. 3. P. 113 – 119.

16. Xu Rui A Study of the Kharkov Linguistic School. Heihe Academic Journal. 2016. No. 2. Pp. 43–45.

17. Humboldt W. von. Selected Works on Linguistics. Moscow: Progress, 1984.

18. Zhao Aiguo A Critical Review of G.G. Shpet’s Explanatory Semiotics. Russian Literature and Art. 2019. No. 1. P. 121 – 128.

19. Morioka M. Free Association and Inner Speech. Integrative Psychology and Behavioral Sciences. 2023. Vol. 57. P. 1097 – 1109.

20. Gao Guocui Cognitive-Psychological Analysis of Lexical Concepts in Russian as a Foreign Language: Doctoral Dissertation. North-Eastern Pedagogical University, 2011.

21. Lanovik M. Psycholinguistic Theory of O. Potebni in Translation: Origins, Formation, Development. Pitannya Literaturoznavstva. Kyiv, 2010. Vol. 81. P. 24 – 36.

22. Aumuller M. Innere Form und Poetizitat. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005.

23. Fizer J., Alexander A. Potebnya's Psycholinguistic Theory of Literature. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986.

24. Lipov A. The Word in the Philosophical-Linguistic Concept of Alexander Potebnya. Acta Neophilologica. 2012. Vol. XIV. P. 31 – 49.

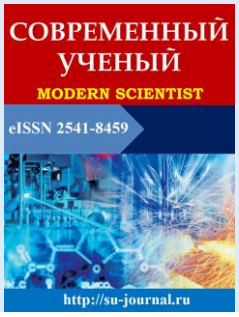
25. Fedosyuk M.Yu. The Place of Non-Syntactic Grammatical Meanings in the Theories of F.F. Fortunatov and A.A. Potebnya. Bulletin of Moscow University. Series 19. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 67 – 84.

26. Selezneva N.V. On the internal form of words in Russian and Chinese languages (based on Russian and Chinese names of dwellings). Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2016. No. 3 (57). Part 2. P. 147 – 150.

Информация об авторе

Чжан Синьюань, докторант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0001-1947-8210, Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет, Китай

© Чжан Синьюань, 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070.41
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-40-44

Интеллектуальная трансформация основных СМИ в эпоху генеративного искусственного интеллекта: «Жэньминь жибао» в качестве примера

[1] Ма Фэй

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: с 2022 года, когда генеративный ИИ вошел в поле зрения широкой общественности и развивался до сих пор, медиа-агентства ускорили темпы генеративный ИИ, особенно основные СМИ, как представители медиа-сферы, постоянно размышляя и решая риски, связанные с генеративный ИИ, одновременно с вертикальным глубоким культивированием больших моделей в медиа-сфере и расширением способов и каналов коммуникации. В этом исследовании используется метод тематического анализа, в качестве примера возьмем «Жэньминь жибао», чтобы провести систематический анализ практики интеллектуального развития и изменений в основных средствах массовой информации. Это дает ценное эмпирическое вдохновение для интеллектуальной трансформации медиа-агентств.
Ключевые слова: генеративный ИИ, основные СМИ, человеко-машинная координация, иллюзия ИИ

Для цитирования: Ма Фэй Интеллектуальная трансформация основных СМИ в эпоху генеративного искусственного интеллекта: «Жэньминь жибао» в качестве примера // Современный ученый. 2026. № 11. С. 40 – 44. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-40-44

Поступила в редакцию: 7 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Intellectual transformation of mainstream media in the era of generative artificial intelligence: “People’s Daily” as an example

[1] Ma Fei

[1] Patrice Lumumba Peoples’ Friendship University of Russia

Abstract: since generative AI entered the public eye in 2022 and has continued to develop, various media organizations have accelerated their pace in this area. Mainstream media, in particular, as representatives of the media field, are not only deeply cultivating large-scale models within their vertical media domains and broadening their communication methods and channels, but also constantly considering and addressing the risks brought about by generative AI. This study uses a case study approach, taking the People's Daily as an example, to systematically analyze the intelligent development and transformation practices of mainstream media. This provides valuable experience and insights for the intelligent transformation of media organizations.
Keywords: generative AI, mainstream media, human-machine coordination, AI illusion

For citation: Ma Fei Intellectual transformation of mainstream media in the era of generative artificial intelligence: “People’s Daily” as an example. Modern Scientist. 2026. 11. P. 40 – 44. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-40-44

The article was submitted: June 7, 2026; Approved after reviewing: July 4, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

С момента появления ChatGPT в 2022 году генеративный ИИ стремительно развивался в короткие сроки, и различные крупномасштабные модели искусственного интеллекта появлялись подобно грибам после дождя. В медиа-сфере основные медиаплатформы также не отставали от технологического развития, постоянно углубляя свои знания в вертикальных областях и ускоряя исследования и применение крупномасштабных моделей.

Анализ существующей исследовательской литературы показывает, что некоторые ученые сосредотачиваются на применении генеративного ИИ в производстве и распространении медиаконтента, полагая, что глубокая интеграция искусственного интеллекта в медиаиндустрию и его всестороннее внедрение во всю цепочку производства контента повысили качество производства и вещания новостей, а также актуальность новостных репортажей [1]. Искусственный интеллект играет все более важную роль во всех аспектах производства и распространения медиаконтента [2], быстро совершенствуя технологии и функции медиаиндустрии [3] и способствуя сотрудничеству человека и машины [4]. Некоторые ученые анализировали организации, занимающиеся сбором и редактированием новостей [5], в то время как другие сосредоточились на рисках, связанных с генеративным искусственным интеллектом, утверждая, что «иллюзия ИИ» [6] и «дипфейки» [7] генеративного ИИ усугубляют сложность коммуникационной среды. Уровень доверия американского общества к СМИ упал до исторически низкого уровня в 28% [8]. Некоторые ученые также высказали мнение, что риски необходимо снижать путем поиска баланса между технологическим развитием и контролем рисков [9].

Материалы и методы исследований

В данном исследовании используется метод анализа конкретных случаев. На примере газеты «Жэньминь жибао» наблюдения и исследования показывают, что использование газетой технологий искусственного интеллекта, таких как редакционный отдел, использующий ИИ, и централизованная платформа для производства контента, является более репрезентативным. Очевидно, что применение искусственного интеллекта реструктурировало внутреннее разделение труда и операционную структуру редакционного отдела, превратившись из первоначальной разработки, направленной на решение проблем традиционного сбора и редактирования новостей, в интеллектуальную платформу, расширяющую возможности всего процесса, и, в конечном итоге, в новый тип производительной силы, преобразующей производственные отношения. Редакционный отдел газеты «Жэньминь жибао», использующий искусственный интеллект, представляет собой весьма ценный пример глубокой интеграции СМИ.

Результаты и обсуждения

Совместное создание контента человеком и машиной. Сотрудничество человека и машины с использованием ИИ приводит к сдвигу в производстве контента в сторону глубокого взаимодействия человека и ИИ. Речь идет не только об улучшении эффективности производства, но и о систематическом переосмыслении творческих концепций и производственных процессов, что становится важнейшим путем для трансформации производительности. Модель совместного производства «под руководством человека, с помощью ИИ и совместным созданием человека и машины», разработанная газетой «Жэньминь жибао», коренным образом меняет весь процесс производства и распространения контента. «Жэньминь жибао» достигает полного внедрения ИИ в процесс с помощью «умного помощника People's e-Home». Перед интервью помощник может выполнить ряд задач, таких как анализ существующих отчетов, прогнозирование ключевых новостных тем и составление плана интервью. На этапе создания контента, в рамках модели сотрудничества «под руководством человека с помощью ИИ», после того как ИИ завершит сбор и организацию данных и сгенерирует точный первоначальный черновик, редакторы и репортеры, выступая в роли «стратегов контента, контролеров качества и руководителей по применению инструментов ИИ» [10], проводят процесс «гуманистической калибровки» сгенерированного ИИ контента, чтобы убедиться в его соответствии культурным основам и ценностным ориентирам. В сфере контроля рисков контента и интеллектуальной проверки качество контента обеспечивается механизмом, сочетающим проверку с помощью ИИ и человеческий контроль. Например, короткометражный фильм «Главный герой», выпущенный в 2025 году, использовал технологию генеративного ИИ для интеллектуального создания контента и производства видео с аудиосопровождением. В течение четырех дней после выхода он набрал более 600 миллионов просмотров в

интернете, а на собственных платформах – более 250 миллионов. Эта практика подтвердила целесообразность модели сотрудничества человека и машины, способствуя более глубокой качественной трансформации в медиаиндустрии. В целом, практика сотрудничества человека и машины в основных СМИ в выборе тем, создании контента и других аспектах воплощает трансформирующую логику «технология как инструмент, контент как основа», обеспечивая взаимодополняемость и синергию между возможностями человека и машины на каждом этапе. Это обеспечивает осуществимый практический путь для трансформации модели производства основных СМИ в эпоху генеративного ИИ.

В истории журналистики правда всегда была краеугольным камнем авторитета СМИ. Однако, поскольку генеративный ИИ глубоко интегрирован во весь процесс производства медиаконтента, иллюзии ИИ незаметно подрывают основы авторитета СМИ. Иллюзии ИИ – это не случайные технические недостатки, а скорее присущие структурные дефекты крупномасштабных моделей ИИ. Эти модели генерируют контент на основе обучения и анализа огромных массивов данных; они не понимают фактов, а предсказывают «следующее слово», обрабатывая огромные объемы корпусов. Исследование, проведенное совместной группой из Китайской академии наук и iFLYTEK, теоретически показывает, что иллюзии ИИ – это не временные дефекты технологического развития, а скорее следствие глубоких математических ограничений, неизбежные при определенных вычислительных условиях [11]. Согласно исследованию Европейского вещательного союза, почти половина из четырех основных ИИ-помощников, включая ChatGPT и Gemini, допускали ошибки при ответах на вопросы, связанные с новостными событиями, при этом 45% их ответов содержали как минимум одну серьезную ошибку [12]. В ответ на это газета «Жэньминь жибао» повысила точность, надежность и профессионализм своего контента, созданного с помощью ИИ, путем формирования корпусов и разработки интеллектуальных продуктов для рецензирования, таких как «Народный рецензент», создав «мозг управления рисками» для построения системы защиты и предоставления технической поддержки в управлении рисками, связанными с контентом. В целом, очевидно, что «Жэньминь жибао» последовательно рассматривает человеческое суждение, ответственность и уважение к истине как основные ценности журналистики, преодолевая вызовы достоверности, создаваемые иллюзией ИИ, с осмотрительным подходом и непоколебимой профессиональной преданностью.

Как известно, генеративный ИИ основан на вероятностных прогнозах, полученных из огромных массивов данных. При создании контента он, естественно, стремится извлекать из корпуса данных высокочастотные слова для достижения высокой степени соответствия. В этом процессе, чем глубже генеративный ИИ изменяет процесс производства медиаконтента, тем больше гуманистический подход незаметно угасает. Хотя ИИ может эффективно генерировать текст, он не может улавливать и понимать сложные эмоции и чувства людей, ему не хватает интеллектуальной глубины и эмоционального опыта. В эпоху интеллектуальных медиа и конкуренции за трафик рациональный диалог и мягкая эмпатия, на которых основывается гуманистический подход, оказываются в невыгодном положении. В ответ на это газета «Жэньминь жибао» создала парадигму «управляемая человеком, с помощью ИИ», используя «гуманистическую калибровку» для повышения эффективности производства контента и придания ему большей гуманистической эмоциональной теплоты. Как сказал Сюэ Юань, директор Центра новых медиа «Жэньминь жибао»: «ИИ может генерировать текст, изображения и видео, но он не может генерировать мысли», и «Черновик жизни всегда пишут люди» [13].

Выводы

Благодаря непрерывному развитию таких технологий, как искусственный интеллект, основные СМИ используют технологии для решения проблем, с которыми они сталкиваются в производстве и распространении контента, тем самым повышая эффективность производства и внедряя инновационные методы выражения контента. Особенно с 2022 года, с масштабным применением и непрерывным совершенствованием генеративного ИИ, основные СМИ воспользовались этой возможностью для расширения применения генеративного ИИ и других интеллектуальных технологий в производстве и распространении контента. Медиаорганизации не только углубляют свою вертикальную экспертизу в медиа-сфере и обучают масштабные модели, специфичные для СМИ, но и внедряют инновации в методы распространения и расширяют форматы представления с помощью генеративного ИИ. В то же время, основные СМИ постоянно решают проблемы, возникающие при применении генеративного ИИ, и подходят к их решению с более рациональным подходом.

Список источников

1. Гао Хао, Пэн Ли Инновационные практические исследования интеграции искусственного интеллекта в освещение важнейших тематических событий: на примере освещения ведущими средствами массовой информации двадцатого съезда Коммунистической партии Китая и двух сессий // Media Watch. 2024. Спец. вып. S1. С. 10 – 13.

2. Чэнь Чанфэн, Юань Юйцин Интеллектуальная журналистика: генеративный искусственный интеллект как инфраструктура // Социальные науки Внутренней Монголии. 2024. Т. 45. № 1. С. 40 – 48.

3. Чжоу Кай, Чжан Чжипэн Новостная индустрия в эпоху ChatGPT: переосмысление, перестройка и повторная адаптация // Обозрение средств массовой информации. 2024. Специальный выпуск S2. С. 9 – 13.

4. Сюй Цзин, Лю Синь, Цзян Сюэин Практические подходы к взаимодействию человека и машины в производстве новостей с использованием генеративного искусственного интеллекта // Вестник Наньчанского университета. Гуманитарные и общественные науки. 2023. Т. 54. № 5. С. 114 – 122.

5. Маллин Бенджамин, Робертсон Кэти Искусственный интеллект распространяется по редакциям, но является ли он журналистом или инструментом? // Нью-Йорк таймс: электронное издание. 2025. 7 ноября. С. 9 – 13.

6. Чжан Мэнхань, Шэнь Вэньцянь Несогласованное обновление и структурный беспорядок: риски информационного тумана, в котором доминируют галлюцинации искусственного интеллекта, и возможности дифференцированного управления // Media Watch. 2025. № 10. С. 53 – 63.

7. Ян Янъян Исследование механизма вмешательства в распространение информации об общественном мнении в рамках событий с использованием дипфейков на основе контента, сгенерированного искусственным интеллектом // Журнал управления информационными ресурсами. 2026. № 1. С. 37 – 49.

8. Бренан Меган Доверие к средствам массовой информации в Соединённых Штатах Америки достигло нового минимума – 28 процентов // Институт Гэллапа: электронное издание. 2025. 2 октября. С. 9 – 13.

9. Лю Сяоли, Цуй Вэньбо, Чжан Тао Исследование многоуровневого механизма управления рисками алгоритмов интеллектуального анализа с точки зрения генеративного искусственного интеллекта // Библиотека и информация. 2024. № 5. С. 77 – 84. DOI 10.12451/202605.03922

10. Дэн Шувэнь «Магия умных средств массовой информации», стоящая за 600 миллионами просмотров: редакционный отдел газеты «Жэньминь жибао», использующий искусственный интеллект // Утренняя газета «Сяосян»: электронное издание. 2025. 4 ноября. С. 9 – 13.

11. Хуан Вэньцзин Команда Научного острова раскрыла «иллюзорную» природу больших моделей // Газета науки и технологий провинции Аньхой. 2026. 11 февраля. С. 4.

12. Ле Пуадевен Оливия Четыре ведущие системы искусственного интеллекта искажают новостную информацию почти в половине ответов // Рейтер: электронное издание. 2025. 22 октября. С. 9.

13. Чжао Минци Формирование нового ландшафта сетевых средств массовой информации // Жэньминь жибао. 2026. 3 апреля. С. 11.

References

1. Gao Hao, Peng Li Innovative Practical Research on the Integration of Artificial Intelligence in Coverage of Major Thematic Events: A Case Study of Mainstream Media Coverage of the Twentieth National Congress of the Communist Party of China and Two Sessions. Media Watch. 2024. Special Issue S1. P. 10 – 13.

2. Chen Changfeng, Yuan Yuqing Intelligent Journalism: Generative Artificial Intelligence as Infrastructure. Inner Mongolia Social Sciences. 2024. Vol. 45. No. 1. P. 40 – 48.

3. Zhou Kai, Zhang Zhipeng The News Industry in the ChatGPT Era: Rethinking, Restructuring, and Readaptation. Mass Media Review. 2024. Special Issue S2. P. 9 – 13.

4. Xu Jing, Liu Xin, Jiang Xueying. Practical Approaches to Human-Machine Interaction in News Production Using Generative Artificial Intelligence. Bulletin of Nanchang University. Humanities and Social Sciences. 2023. Vol. 54. No. 5. P. 114 – 122.

5. Mullin Benjamin, Robertson Katie. Artificial Intelligence Spreads Through Newsrooms, But Is It a Journalist or a Tool? The New York Times: Online Edition. 2025. November 7. P. 9 – 13.

6. Zhang Menghan, Shen Wenqian Uncoordinated Renewal and Structural Disorder: The Risks of an Information Fog Dominated by AI Hallucinations and the Possibilities of Differentiated Governance. Media Watch. 2025. No. 10. P. 53 – 63.

7. Yang Yangyang A Study on the Mechanism of Interference in the Dissemination of Public Opinion Information in Events Using Deepfakes Based on Artificial Intelligence-Generated Content. Journal of Information Resource Management. 2026. No. 1. P. 37 – 49.

8. Brenan Megan Trust in the Media in the United States of America Reaches a New Low of 28 Percent. Gallup Institute: Electronic Publication. 2025. October 2. P. 9 – 13.

9. Liu Xiaoli, Cui Wenbo, Zhang Tao A Study on the Multi-Level Risk Management Mechanism of Intelligent Analysis Algorithms from the Perspective of Generative Artificial Intelligence. Library and Information. 2024. No. 5. P. 77 – 84. DOI 10.12451/202605.03922

10. Deng Shuwen The Magic of Smart Media" Behind 600 Million Views: People's Daily's Editorial Department Using Artificial Intelligence. Xiaoxiang Morning Newspaper: Online Edition. 2025. November 4. P. 9 – 13.

11. Huang Wenjing Science Island Team Reveals the "Illusory. Nature of Large Models". Anhui Provincial Science and Technology Newspaper. 2026. February 11. P. 4.

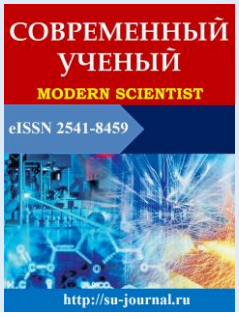
12. Olivia Le Poidevin Four Leading AI Systems Distort News Information in Nearly Half of Responses. Reuters: Online Edition. 2025. October 22. P. 9.

13. Zhao Mingqi Formation of a New Landscape of Online Media. People's Daily, April 3, 2026. P. 11.

Информация об авторе

Ма Фэй, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, My2024123@163.com

© Ма Фэй, 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'33
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-45-50

К адекватному и неадекватному переводу синтаксиса романа Г. Бёлля «Глазами Клоуна»

[1] Щибря О.Ю., Кошелева Е.Д.

[1] Кубанский государственный университет

Аннотация: отправной точкой настоящего исследования является предположение о том, что адекватное воспроизведение композиционно-речевой системы литературного произведения при переводе в значительной степени способствует сохранению его эстетической и художественной ценности.
Введение. Целью данного исследования является определение практического применения предложенного метода анализа синтаксиса связного текста как возможного способа установления адекватности перевода. Это демонстрируется на примере сопоставления композиционно-речевой системы оригинала романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» и его переводов на русский язык Л.Б. Чёрной и Р. Райт-Ковалевой.
Материалы и методы исследования. Материалом исследования выступает роман Г. Бёлля «Глазами клоуна» и переводы этого романа Л.Б. Чёрной и Р. Райт-Ковалевой. Методы, используемые в романе: композиционно-лингвистический метод М.Б Брандес и В.В. Виноградова; метод лингвистического анализа; метод сравнительного переводчика анализа.
Результаты исследования. В ходе исследования были проанализированы различные эпизоды романа и их переводы. Были выявлены как переводческие сдвиги, так и тесные связи между синтаксической организацией и композиционной структурой текста.
Обсуждение и выводы. На основе сравнения и анализа синтаксической организации исходного текста романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» и его переводов Л. Б. Чёрной и Р. Райт-Ковалевой можно сделать вывод, что композиционно-речевой метод является эффективным инструментом определения переводческой адекватности на синтаксическом уровне. Изменения в синтаксисе могут привести к трансформации языковых форм и сдвигам в повествовательной перспективе. Применение композиционно-лингвистического метода позволило выявить как адекватные, так и неадекватные переводческие решения при воспроизведении оригинала.
Ключевые слова: речевая форма, синтаксис, композиционно-речевой метод, адекватный перевод, синтаксическая неадекватность, переводческий анализ, семантическая эквивалентность, переводческие трансформации художественный перевод

Для цитирования: Щибря О.Ю., Кошелева Е.Д. К адекватному и неадекватному переводу синтаксиса романа Г. Бёлля «Глазами Клоуна» // Современный ученый. 2026. № 11. С. 45 – 50. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-45-50

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

To adequate and inadequate translation of the syntax of H. Bell's novel "Through the Clown's Eyes"

[1] Shchibrya O.Yu., Kosheleva E.D.

[1] Kuban State University

Abstract: the starting point of this study is the assumption that adequate reproduction of the compositional-speech system of a literary work in translation significantly contributes to the preservation of its aesthetic and artistic value.

Introduction. The purpose of this study is to determine the practical application of the proposed method of analyzing the syntax of a coherent text as a possible way to establish the adequacy of translation. This is demonstrated by comparing the compositional-speech system of the original novel by H. Bell "Through the Eyes of a Clown" and its translations into Russian by L.B. Chernaya and R. Wright-Kovaleva.

Materials and methods of research. The research material is G. Bell's novel "Through the Eyes of a Clown" and translations of this novel by L.B. Chernaya and R. Wright-Kovaleva. The methods used in the novel are: the compositional linguistic method of M.B. Brandes and V.V. Vinogradov; the method of linguistic analysis; the method of comparative translator analysis.

Research results. The study analyzed various episodes of the novel and their translations. Both translation shifts and close links between the syntactic organization and the compositional structure of the text were revealed.

Discussion and conclusions. Based on the comparison and analysis of the syntactic organization of the source text of H. Bell's novel "Through the Eyes of a Clown" and its translations by L.B. Chernaya and R. Wright-Kovaleva, it can be concluded that the compositional-speech method is an effective tool for determining translation adequacy at the syntactic level. Changes in syntax can lead to transformations of language forms and shifts in the narrative perspective. The use of the compositional linguistic method made it possible to identify both adequate and inadequate translation solutions when reproducing the original.

Keywords: speech form, syntax, compositional-speech method, adequate translation, syntactic inadequacy, translation analysis, semantic equivalence, translation transformations, literary translation

For citation: Shchibrya O.Yu., Kosheleva E.D. To adequate and inadequate translation of the syntax of H. Bell's novel "Through the Clown's Eyes". Modern Scientist. 2026. 11. P. 45 – 50. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-45-50

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что воспроизведение синтаксических структур и композиционно-речевых форм в литературных переводах до настоящего времени было изучено менее, чем лексические или стилистические аспекты перевода. В то же время изменение синтаксических связей может привести к трансформации функциональной структуры литературного произведения.

Цель исследования – определить возможности композиционно-речевого метода анализа синтаксиса связных текстов как инструмента определения переводческой адекватности материала романа «Глазами клоуна» и его русских переводов.

В качестве исследовательской гипотезы предполагается, что сохранение композиционно-лингвистической системы и синтаксической организации оригинала обеспечивает переводческую адекватность и эстетическую ценность перевода.

Материалы и методы исследований

Материалом для расследования служит роман Г. Бёлля «Глазами клоуна», а также его переводы на русский язык. Произведение отличается сложной композиционной организацией и содержит различные языковые формы, что делает роман особенно подходящим для анализа синтаксических отношений и их переводческого воспроизведения.

Вопросы организации текста, связности и синтаксических связей рассматривались в работах В.В. Виноградова, М.П. Брандес, И.Р. Гальперина, З.Я. Тураевой и О.И. Москальской [6; 4; 8]. Теоретической осно-

вой настоящего исследования является композиционно-лингвистический метод, основанный В.В. Виноградовым [7] и развитый М.П. Брандес [3]. Такой подход позволяет анализировать литературные тексты с учетом их композиционной и лингвистической организации.

Исследование подтверждает применимость композиционно-лингвистического метода оценки литературных переводов.

В перспективе представляется целесообразным расширить исследовательский материал за счет включения дополнительных литературных произведений и переводов. Это могло бы способствовать более глубокому исследованию роли синтаксических структур в оценке адекватности перевода.

Адекватный перевод предполагает не только воспроизведение содержания, но и сохранение функциональных и структурных особенностей оригинала. Даже если определенные преобразования неизбежны из-за различий между языковыми системами, сохранение основных композиционных и синтаксических особенностей может гарантировать функционально адекватный перевод [9].

Ниже будут проанализированы примеры различных переводческих решений для достижения наиболее адекватного перевода.

„Ich hatte ihr einmal, als mir die Unterhaltung zu anstrengend wurde, geholfen, Toast zu rösten, Schnittchen zu machen und Kaffee zu kochen, Arbeiten, von denen ich nur sagen kann, dass sie mir weniger widerwärtig sind als gewisse Formen der Unterhaltung" [15]. – «Однажды, когда они доконали меня своими разговорами, я вызвался помочь ей по хозяйству – подсушивать хлеб, делать бутерброды и варить кофе; исполнять такую работу мне куда менее противно, чем участвовать в беседах определенного свойства» [1].

В оригинальном тексте ритмическое ударение сосредоточено на лексических единицах *anstrengend, widerwärtig,* а также на конструкции *die Unterhaltung wurde*. Эти элементы играют важную функциональную роль в лингвистической организации отрывка, поскольку они не только структурируют ритмическое течение, но и усиливают эмоциональный и смысловой вес отдельных фрагментов текста. В переводе же ритмическое оформление в значительной степени сохраняется. Л.Б. Чёрной удается воспроизвести оригинальные интонационные и синтаксические паттерны союзом «чем» [1]. С помощью этого, на наш взгляд, довольно удачного переводческого решения, удается интенцию автора в рамках прагматического эффекта текста, несмотря на вынужденные адаптации. Рассмотрим еще один пример.

„Sommerwild ist groß und schlank, eine „würdige Erscheinung", weißhaarig und „gütig", Alpinist und stolz darauf, dass er an zwei Weltkriegen teilgenommen und das silberne Sportabzeichchen gemacht hat. Ein zäher, gut trainierter Gegner. Ich musste unbedingt einen wertvollen Kunstgegenstand aus Metall auftreiben, aus Bronze oder Gold, vielleicht auch aus Marmor, aber ich konnte ja schlecht vorher nach Rom fahren und aus den vatikanischen Museen etwas klauen" [15].

«Зоммервильд высокий, стройный, «воплощенное благообразие», седой, лицо «просветленное», кроме того, он альпинист и гордится тем, что принимал участие в двух мировых войнах и получил серебряную медаль за спортивные достижения. Противник он стойкий, хорошо тренированный. Что ж, придётся раздобыть какое-нибудь произведение искусства из бронзы или из золота, а еще лучше, пожалуй, из мрамора; жаль, что мне не удастся съездить в Рим и спереть что-нибудь из ватиканского музея» [2].	«Зоммервильд высок и строен, он весьма «представительный мужчина» с серебристой сединой и вдобавок «существо добродушное», он альпинист, гордится тем, что участвовал в двух мировых войнах и получил серебряный спортивный значок. Выносливый, хорошо натренированный противник. Обязательно раздобуду себе какое-нибудь ценное произведение искусства из металла – из бронзы или из золота, на худой конец из мрамора; в крайнем случае, придется съездить в Рим и спереть что-нибудь в Ватикане» [1].

На первый взгляд данный отрывок можно отнести к композиционно-речевой форме «описание». М.П. Брандес определяет «описание» как подробное изображение состояния или фрагмента реальности, которое служит, в частности, для изображения природных явлений, пространств, ландшафтов, внешнего облика, а также характеристик человека [4]. Таким образом, на лексическом уровне он включает описание окружающей среды, природы и человеческих качеств. С грамматической точки зрения эта форма языка реализуется преимущественно с помощью простых глагольных форм, наречных конструкций, а также качественных прилагательных. Преобладание этих языковых средств подтверждает, прежде всего, предположение о том, что рассматриваемый эпизод в первую очередь следует отнести к языковой форме «описание» [3].

Однако композиционно-речевые формы редко встречаются в литературном тексте в изолированном, «чистом» виде [9]. Конкретно описания часто переплетаются с повествованиями. В данном случае описание персонажа Зоммервильда сочетается с субъективными замечаниями и оценками Ганса. В результате

структура отрывка расширяется за счет включения элементов языковой формы «рассуждение». Ганс акцентирует свое внимание на отдельных деталях внешнего облика Зоммервильда, сопровождая свои мысли ироническими комментариями. В частности, причины упоминания предметов искусства остаются неизвестными, поскольку ни автор, ни переводчики явно не объясняют этого. Это создает пространство для интерпретации, в рамках которого такое ироническое отношение рассказчика может быть трактовано как выражение его критического отношения к религиозным институтам. Примечательно также, что Г. Бёлль прямо не указывает на причины поездки Ганса в Ватикан. Эта семантическая открытость, возможно, и привела к различным переводческим решениям. Таким образом, перевод Л. Б. Чёрной через конструкцию *в крайнем случае, придется съездить в Рим*, создает впечатление скорее нейтрального, равнодушного отношения к поездке, будто Ганс и не особо против [1]. В переводе Р. Райт-Ковалевой же, напротив, Ганс будто выражает сожаление о невозможности такой поездки (*жаль, что мне не удастся съездить в Рим*). Выбор такой конструкции в большей степени подчеркнул эмоциональную реакцию персонажа, что придало отрывку дополнительную субъективную окраску [2].

Это не единственная неточность. Так, в переводе Л. Б. Чёрной, Ганс, думая о краже, говорит про себя, что *украсть на худой конец что-нибудь из мрамора,* а в другом варианте, в переводе Р. Райт-Ковалевой, это выражение интерпретируется иначе – *обязательно* раздобуду себе, что приводит к небольшой, но все же, семантической разнице [1, 2].

Несмотря на подобные различия, авторы сохранили взвешенное использование обоих речевых форм «описание» и «рассуждение», а также ритмико-синтаксическую организацию текста. Таким образом, в целом перевод этого отрывка можно считать функционально и синтаксически адекватным.

Таким образом, в переводе Р. Райт-Ковалевой вводная языковая форма рассматриваемого отрывка может быть интерпретирована как «статическое описание», в то время как в редакции Л.Б. Чёрной она имеет черты «динамического описания».

Описанные сдвиги возникают в результате синтаксической перестройки композиционно значимых элементов текста и сопровождаются изменениями в ритмическом построении и повествовательной дистанции. Изменение внутренней структуры речевой формы «динамического описания» может привести к изменению всей логики повествования, в результате чего первоначальная организация отрывка частично переходит в обычное повествовательное представление.

Результаты и обсуждения

Анализ корпусного материала показал, что композиционно-лингвистическая организация романа «Глазами клоуна» основана на системе различных речевых форм, которые не возникают изолированно, а взаимодействуют друг с другом, образуя единую повествовательную структуру произведения. Отдельные речевые формы находятся в функциональных отношениях друг с другом и обеспечивают согласованность текста, что способствует формированию точки зрения рассказчика, передаче информации и организации всей текстовой ткани.

В проанализированном материале выявлено несколько групп переводческих сдвигов, касающихся как композиционно-лингвистической организации текста, так и функциональных связей между отдельными языковыми формами. Наиболее частые изменения касаются преобразования речевой формы «динамического описания» в форму «изобразительного повествования», изменения координирующих и последовательных связей предложений, а также расширения синтаксических конструкций за счет дополнительных связующих элементов. Кроме того, наблюдались изменения в ритмико-синтаксической организации текста, которые могут повлиять на восприятие отдельных фрагментов текста.

Обнаруженные переводческие сдвиги показывают, что при переводе литературных текстов часто изменяются не отдельные языковые единицы, а более крупные функциональные структуры. При этом в большинстве случаев сохраняется общее содержание оригинала, в то время как характер его лингвистической организации частично видоизменяется. Это подтверждает предположение о том, что перевод литературных текстов нельзя понимать как чисто лексический процесс замещения. Скорее, это сложный процесс, в котором различные языковые уровни взаимодействуют и влияют друг на друга.

Количественный анализ корпусного материала показал, что около 45-50% выявленных сдвигов обусловлены изменениями в речевой форме «динамического описания». Это говорит о том, что именно эта форма особенно подвержена трансформациям в процессе перевода. В связи со структурными особенностями динамического описания, а конкретно его корреляции с презентацией действий, движений и ситуационных развитий, изменения в этой структуре влекут за собой изменения на уровне восприятия текста.

Изменения в синтаксических отношениях зафиксированы в 30% случаев. Это видно на примерах перестройки связей, как координирующих, так и последовательных, в реорганизации целых комплексов предложений. Несмотря на частую обусловленность преобразований различиями между системами языка-оригинала и языка-перевода, это может значительно отразиться на функциональной структуре текста и вести к изменениям распределения информации внутри высказываний.

20% выявленных изменений связаны с изменениями в модальности повествования, а таже в изменениях функциональных ролей в отдельных эпизодах. Так, на фоне относительной сохранности содержательной основы, отчетливо видны трансформации в отдельных смысловых контекстах, коммуникативных акцентах и функциональных характеристиках текста. Это дает право говорить о том, воспроизведение содержания не может быть единственным уровнем оценки адекватности перевода, но необходимо также учитывать функциональное измерение текста.

Случаи сохранения исходной синтаксической организации составили лишь 10-15% от объема проанализированного материала, что свидетельствует о сравнительно редком использовании прямого воспроизведения синтаксических структур в литературных переводах. Различные формы преобразований являются результатом стремления к лингвистической естественности, когда сохранение исходной организации текста не представляется возможным.

Ключевым условием адекватности перевода является чёткое сохранение композиционно-речевых связей. Функциональный и коммуникативный эффекты оригинала могут быть сохранены и в случае изменений отдельных синтаксических структур, при условии сохранения взаимосвязей между речевыми формами. Это подтверждает роль композиционно-лингвистического метода как инструмента анализа в литературном переводе.

Выводы

На основе сравнения и анализа синтаксической организации исходного текста романа Г. Бёлля «Глазами клоуна» и его переводов Л. Б. Чёрной и Р. Райт-Ковалевой можно сделать вывод о бесспорной важности композиционно-лингвистического метода при анализе литературных переводов на предмет их адекватности на синтаксическом уровне. Результаты исследования свидетельствуют о роли языковых форм и особенностей их воспроизведения для сохранения композиционных связей в текстах переводов, и, в целом, для получения адекватного текста перевода.

Список источников

1. Бёлль Г. Глазами клоуна: роман: пер. с нем. Л.Б. Чёрной. М.: Прогресс, 1965. 248 с.
2. Бёлль Г. Глазами клоуна: роман: пер. с нем Р. Райт-Ковалевой. М.: АСТ, 2021. 351 с.
3. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка: Для иностранцев и факультетов иностранного языка: учебник. М.: Высш. шк., 1983.271 с.
4. Брандес М.П. Стилистический анализ: на материале немецкого языка. 2-е изд., доп. Москва: URSS, 2009. 207 с. ISBN 978-5-397-00606-4
5. Буянова Л.Ю., Щибря О.Ю. Художественный текст в системе координат языкового сознания автора: когнитивный аспект // В мире научных открытий. 2012. № 11. С. 100 – 122. ISSN 2072-0831.
6. Виноградов В.В. О теории художественной речи: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. специальностям. 2-е изд., испр. Москва: Высш. шк. (ВШ), 2005. 286 с. ISBN 5-06-004547-1.
7. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. // Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 255 с.
8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования // АН СССР, Институт языкознания. Москва: Наука, 1981. 139 с.
9. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода: Проблемы переводоведения в освещении зарубежых ученых: учебное пособие / М-во общ. и проф. образования Рос. Федерации. Моск. гос. лингвист. ун-т. Межотрасл. ин-т повышения квалификации и переподгот. специалистов МГЛУ. Каф. лингвист. прагматики межкультур. коммуникации. Москва: ЧеРо, 1999. 132 с. ISBN 5-88983-013-9.
10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.
11. Москальская О.И. Грамматика текста: пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. Москва: Высшая школа, 1981. 183 с.
12. Патроева Н.В. Стилистика художественной речи. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 215 с.

13. Тураева З.Я., Лингвистика текста: Текст: Структура и семантика: учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Иностранные языки». Москва, URSS, 2009. ISBN 978-5-397-00544-9.

14. Щибря О.Ю., Художественная концептуализация: процесс и результат // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: «Филология и искусствоведение». 2010. № 4. С. 196 – 200. ISSN 2410-3489.

15. Böll H., Ansichten eines Clowns. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 1996. 248 p. ISBN 3423004002.

16. Boost K. Der deutsche Satz. Die Satzverflechtung. Akad.-Verl.: Berlin-Leipzig, 1949. 88 p.

17. Pflitze M. Satz und Kontext. M. Pflitze. Pädagogische Hochschule: Potsdam, 1970. 66 p.

References

1. Böll G. Through the Eyes of a Clown: a novel: translated from German by L.B. Chernaya. Moscow: Progress, 1965. 248 p.

2. Böll G. Through the Eyes of a Clown: a novel: translated from German by R. Wright-Kovaleva. Moscow: AST, 2021. 351 p.

3. Brandes M.P. Stylistics of the German Language: For Foreigners and Foreign Language Faculties: a textbook. Moscow: Higher School, 1983. 271 p.

4. Brandes M.P. Stylistic Analysis: Based on the German Language. 2nd ed., supplemented. Moscow: URSS, 2009. 207 p. ISBN 978-5-397-00606-4

5. Buyanova L.Yu., Shchibrya O.Yu. Fiction in the coordinate system of the author's linguistic consciousness: cognitive aspect. In the world of scientific discoveries. 2012. No. 11. P. 100 – 122. ISSN 2072-0831.

6. Vinogradov V.V. On the theory of artistic speech: a textbook for university students studying in philological specialties. 2nd ed., corrected. Moscow: Higher. school (HSh), 2005. 286 p. ISBN 5-06-004547-1.

7. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. Sciences of the USSR, 1963. 255 p.

8. Galperin I.R. Text as an Object of Linguistic Research. USSR Academy of Sciences, Institute of Linguistics. Moscow: Nauka, 1981. 139 p.

9. Komissarov V.N. General Theory of Translation: Problems of Translation Studies as Viewed by Foreign Scholars: A Tutorial. Ministry of General and Professional Education of the Russian Federation. Moscow State Linguistic University. Interbranch Institute for Advanced Training and Retraining of Specialists, Moscow State Linguistic University. Dept. of Linguistic Pragmatics of Intercultural Communication. Moscow: CheRo, 1999. 132 p. ISBN 5-88983-013-9.

10. Lotman Yu.M. The Structure of the Fiction Text. Moscow: Iskusstvo, 1970. 384 p.

11. Moskal'skaya O.I. Text Grammar: A Handbook of German Grammar for Institutes and Faculties of Foreign Languages. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981. 183 p.

12. Patroeva N.V. Stylistics of Fiction. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House, 2018. 215 p.

13. Turaeva Z.Ya. Text Linguistics: Text: Structure and Semantics: A Textbook for Students of Pedagogical Institutes Majoring in Foreign Languages. Moscow: URSS, 2009. ISBN 978-5-397-00544-9.

14. Shchibrya O.Yu. Artistic Conceptualization: Process and Result. Bulletin of Adyghe State University. Series: "Philology and Art Criticism". 2010. No. 4. P. 196 – 200. ISSN 2410-3489.

15. Boll H., Ansichten eines Clowns. Köln: Kiepenheuer&Witsch, 1996. 248 p. ISBN 3423004002.

16. Boost K. Der deutsche Satz. Die Satzverflechtung. Akad.-Verl.: Berlin-Leipzig, 1949. 88 p.

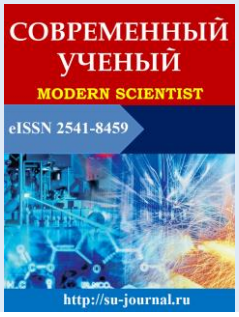
17. Pflitze M. Satz und Context. M. Pflitze. Pädagogische Hochschule: Potsdam, 1970. 66 p.

Информация об авторах

Щибря О.Ю., кандидат филологических наук, доцент, SPIN-код: 8280-9652, Кубанский государственный университет, shchibryao@mail.ru

Кошелева Е.Д., SPIN-код: 3428-5378, Кубанский государственный университет, kkosheleva2317@mail.ru

© Щибря О.Ю., Кошелева Е.Д., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'44
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-51-56

Лингвокультурологический анализ значения лексемы “мёд” в русской и турецкой паремиологии

[1] Энкар М.М.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в данной статье представлен лингвокультурный анализ русских и турецких паремий, содержащих лексему «мед» в контексте русских и турецких паремий. Собранные паремии были проанализированы с семиотической точки зрения и классифицированы на основе их сходств и различий в соответствии с лингвокультурой двух народов. Цель данного исследования – провести сравнительный анализ паремиологических единиц, собранных из русских и турецких источников, с целью выявления сходств и различий в символических значениях, приписываемых понятию «мед». В представленном исследовании был использован метод сравнительного анализа. Результаты показывают, что мед, история которого уходит корнями в древние времена, занимает важное место в лингвокультурологическом наследии обоих народов, в частности, в паремиологическом фонде. Кроме того, анализ указанных паремий позволяет установить наличие общих символов и в то же время важных различий, вытекающих из лингвокультурологических особенностей двух народов. В результате данного исследования мы приходим к выводу, что русские и турецкие паремии во многом сходны между собой, поскольку мёд является важной составляющей не только гастрономической, но и культурной сферы обоих народов.
Ключевые слова: паремиология, паремия, мед, лингвокультура, сравнение, анализ, семиотика, символ

Для цитирования: Энкар М.М. Лингвокультурологический анализ значения лексемы “мёд” в русской и турецкой паремиологии // Современный ученый. 2026. № 11. С. 51 – 56. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-51-56

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

A linguocultural analysis of the meaning of the lexeme “honey” in Russian and Turkish paremiology

[1] Enkar M.M.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article presents a linguistic and cultural analysis of Russian and Turkish proverbs containing the lexeme ‘honey’ within the context of Russian and Turkish proverbs. The collected proverbs were analysed from a semiotic perspective and classified on the basis of their similarities and differences in accordance with the linguistic culture of the two nations. The aim of this study is to conduct a comparative analysis of paremiological units collected from Russian and Turkish sources, with the aim of identifying similarities and differences in the symbolic meanings attributed to the concept of ‘honey’. The present study employed the method of comparative analysis.

The results show that honey, whose history dates back to ancient times, occupies an important place in the linguistic and cultural heritage of both nations, particularly in their proverbial traditions. Furthermore, an analysis of these proverbs reveals the presence of common symbols and, at the same time, significant differences stemming from the linguistic and cultural characteristics of the two peoples. As a result of this study, we conclude that Russian and Turkish proverbs are largely similar, as honey is an important component not only of the gastronomic but also of the cultural sphere of both nations.
Keywords: paremiology, paremia, honey, linguaculture, comparison, analysis, semiotics, symbol

For citation: Enkar M.M. A linguocultural analysis of the meaning of the lexeme “honey” in Russian and Turkish paremiology. Modern Scientist. 2026. 11. P. 51 – 56. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-51-56

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

История меда уходит корнями в очень давние времена. В своей работе «Мед в древности» Ш. Б. Фенерджи объясняет это следующим образом: «Мед – это золотистая жидкость, которую пчелы производят из пыльцы цветущих растений. История меда, столь же древняя, как и письменная история, уходит корнями в 2000 год до нашей эры. О меде упоминается в клинописных текстах Вавилона и шумерской цивилизации, а также в священных писаниях Индии и Египта. На протяжении истории мед считался весьма ценным веществом и благодаря содержащемуся в нем природному сахару использовался в кулинарии в качестве подсластителя» [13]. Очевидно, что на протяжении веков мед занимал свое место в жизни человека как пищевой продукт, и продолжает выполнять незаменимую роль.

Мед, который в русской и турецкой культурах встречается как в качестве напитка, так и в виде твёрдой пищи, приобрел также много символических значений и часто используется в паремиях, представляющих собой единицы устной культуры. В этом контексте важно и актуально с лингвистической и культурологической точек зрения проанализировать роль, которую играет образ мёда в турецкой и русской культуре. Цель исследования заключается в паремиологическом анализе лексемы «мед» в русской и турецкой культурах, а также в выявлении сходств и различий между этими двумя лингвокультурами в данном контексте. Новизна работы заключается в том, что до сих пор не проводилось ни одного исследования, посвященного парамеологическому и лингвокультурному сравнительному анализу лексемы «Bal» (мёд) в русском и турецком языках с учетом ее семиологического значения. Задача исследования заключается в отборе соответствующих паремий и проведении их лингвокультурного сравнения. Отбор паремий производился из сборников пословиц и поговорок российских и турецких составителей.

Материалы и методы исследований

Материал данной работы основан на сборниках пословиц и поговорок российских и турецких составителей: источником данной работы послужили сборники пословиц и поговорок российских составителей, таких как Даль В.И., Аникин В.П., Берсенёва К.Г., Тихинов А.Н. Турецкими источниками исследования являются сборники пословиц и идиом, составленные Аксоем О.А., Юртбаши М., Адыгузелем Х., Айдоганом Р. и Суером О.А. В работе проводится лингвокультурный сравнительный анализ 227 русских и 120 турецких паремий, связанных с медом.

Результаты и обсуждения

Паремии – это произведения устной литературы, основанные на многовековом опыте народов и содержащие советы, касающиеся почти всех сфер жизни, кроме того, они отражают также лингвокультурные особенности. О.А. Аксой подчеркивает, что пословицы являются одной из важнейших языковых структур с точки зрения богатства понятий [3]. В своей книге «Поговорки и пословицы русского народа» Н.И. Шейко дает следующее определение паремии: «это вечные жанры устного народного творчества. Знание пословиц и поговорок обогащает словарный запас, помогает усвоить образный строй языка, развивает память, приобщает к народной мудрости» [14]. Изучение паремий позволяет понять образ жизни, традиции и обычаи народа. Это является результатом антропоцентризма паремий: в них, независимо от темы, в центре внимания всегда находится человек и всё, что с ним связано. Именно в этом заключается основная причина того, что наряду с образом человека в паремиях появляются образы многих других живых существ и неодушев-

ленных предметов. В данном контексте мы рассмотрим место образа мёда в лингвокультурологической картине мира двух народов, в частности, отражение этого образа в паремиях.

Определение меда, представляющего историческую и культурную ценность, в Турецком языковом институте сформулировано следующим образом: «Сладкая, густая, жидкая субстанция, цвет которой варьируется от белого до коричневого, изготовленная пчелами из нектара растений и цветов и наполняющая соты в их ульях» [12] А.Н. Карпов же в своей работе «Пчеловодческий словарь» даёт две разные характеристики: «1. Мёд – продукт переработки медоносными пчелами нектара или пади, представляющий собой сладкую, ароматическую, сиропообразную жидкость или закристаллизовавшуюся массу. 2. Мёд – хмельной напиток, в зависимости от способа приготовления приближающийся по качеству к некоторым сортам пива или сухого и сладкого вина» [9]. При рассмотрении второго определения становится очевидным, что мед употребляется и в качестве напитка. Хотя это и не характерно для современности, в древности такая традиция существовала в турецкой культуре. В своей научной статье О. Дженгиз пишет: Медовый сироп – это алкогольный напиток, получаемый путем ферментации и приправленный различными специями, фруктами и ароматными травами. Медовое вино, которое было важным напитком в древнегреческой культуре, сегодня широко употребляется в странах Центральной Европы и Прибалтики» [8]. Медовуха также называется медовым вином. В своем исследовании С.Дж. Бахадыр описывает медовое вино следующим образом: «По словам путешественников, в древности жители Стамбула, как утверждается, любили пить вино с добавлением сахара или меда из-за его горького вкуса. Особенно в XVI веке любители вина предпочитали подслащивать горькое вино, смешивая его с медом, поскольку сахар был дорогой и труднодоступной субстанцией» [5]. В этом контексте очевидно, что славянская и восточная, в частности турецкая, культура, обладают общими культурными кодами.

Являясь неотъемлемой частью жизни человека, его традиций и обычаев, мед часто встречается в паремиях, отражающих языковое и культурное наследие. При анализе турецких паремий мы можем сделать вывод, что мед рассматривается исключительно как пища. Например, в сборнике известного турецкого собирателя пословиц и поговорок О.А. Аксоя: «*Balı olan bal yemez mi?* (Разве тот, у кого есть мед, не ест его?)» [3] А вот в русской паремии: «*Терпи горе: пей мед*» [7]. В этом контексте очевидно, что мед является продуктом, который и едят, и пьют. Однако, в то время как в русской лингвокультуре мед находит свое место в паремиях и как еда, и как напиток, в паремиологическом фонде турецкой лингвокультуры он не находит отражения.

Выражение «медовый месяц» в лингвокультуре обоих народов ассоциируется с определенным периодом и определяется как самое яркое и счастливое время. О.А. Сюэр определяет слово «balayı» следующим образом: «медовый месяц – самый яркий период» [10]. А.Н. Тихинов же в своем словаре фразеологизмов дает следующее определение: «а) первая пора супружеской жизни. б) о начальном счастливом периоде чего-либо» [11]. Выражение «медовый месяц», являющееся частью русских и турецких традиций, с паремиологической точки зрения является частью общего лингвокультурного кода.

Образ мёда, как сладкого продукта, нашел свое отражение в пословицах, связанных со льстивыми словами и красивой речью. В словаре идиом Х. Адыгузеля поговорки «*Ağzından bal akmak* (из уст течет мед)» и «*Dilinden bal damlamak»* (с языка капает мед) переведены как «говорить медовые речи». Русский эквивалент представлен поговоркой «*этими устами да мед пить*» [1]. В книге известного составителя пословиц и поговорок В. И. Даля приводится следующее: «*Твоими бы устами да мед пить*» [7]. То, что изящная речь приятна собеседнику, можно проиллюстрировать пословицей: «*Хорошая речь лучше меда*» [6]. В противоположность всему вышесказанному, в паремиях обоих языков мы можем увидеть веру в то, что «сладкие» слова не всегда соответствуют реальности, как видно из следующих примеров: «*Bal bal demekle ağız tatlanmaz»* (От одного упоминания о меде во рту не станет сладко)», то есть красивые слова не приносят реальных результатов [3]. Аналогичная пословица гласит: «*О меде хоть год думай, во рту сладко не будет*» [4]. Эти две сходные пословицы доказывают, что в лингвокультурологической картине мира обоих народов отдаётся предпочтение результатам, а не красивым речам.

Кроме того, люди не всегда доверяют льстивым речам, подозревая, что произносящий их человек может быть неискренним, что отражено в пословицах следующим образом: «*С медовых уст иногда и яд стекает*» [4], а в турецком примере: «*Dil var bal getirir, dil var bela.* (Язык бывает медом, а бывает и бедой)» [15].

Поскольку мёд является сладким продуктом, который годится в пищу не только людям, но и животным, это послужило причиной появления метафорических образов в паремиологическом фонде обеих культур. Так, мы обнаруживаем символическую пару «мед-муха» в лингвокультуре и паремиологии, и О.А. Аксой в своем толковании пословицы рассматривает это следующим образом: «*Bal olan yerde sinek de olur». (*Где мед, там и муха бывает) [3]. Что можно трактовать следующим образом: достаток, благо всегда привлекают

желающих им воспользоваться. Аналогичные по смыслу пословицы у В.И. Даля и В.П. Аникина: «*Где сладко, там и падко. Мед сладко, а мухе падко*» [7]. И «*Будь лишь мед, мух много нальнет*» [4]. Исходя из приведенных примеров, очевидно, что пословицы, в которых мы видим символическую пару «мед-муха», предупреждают нас о рисках того, что в случае обретения достатка или благосостояния вокруг человека оказывается много желающих извлечь из этого собственную выгоду или даже навредить.

Мед, который добывают пчёлы, в паремиях также рассматривается как плод полезного труда. Например: «*Çanakta balın olsun Bağdattan/Yemenden arı gelir*. (Если в чаше твоей будет мед, пчела прилетит из Багдада/Йемена)» [15]. Мед и пчела, образуя тематическую пару, служат здесь доказательством того, что в мире соблюдается баланс добра и зла. В другом примере: «*Пчела знает, где мед брать*» [4]. В турецком эквиваленте это можно выразить так: «*Arı, bal alacak ciceği bilir»*. Пчела знает, где взять мед: Проницательный человек знает, где можно извлечь выгоду[3].

Тематическая пара «мед и цветок» в русских и турецких паремиях иллюстрирует, что в благоприятной среде легче извлечь пользу: «*Где цветок, там и медок*» [7] и «*Çiçek olan yerde bal olur.* (Где цветы, там и мед)» [15]. Таким образом, семантические пары «мед-пчела» или «мед-цветок» присутствуют в русской и турецкой лингвокультуре и символизируют уверенность представителей народного сознания в том, что труд в благоприятных условиях полезен для человека.

Примеры показывают, что приложенные усилия приносят плоды: О.А. Аксой в своем сборнике приводит пример «*Bal tutan parmağını yalar.* (Кто мед собирает, тот палец облизывает)» и поясняет: «Тот, кто призван делиться хорошими вещами с другими, в той или иной степени извлекает из этого выгоду и для себя»[3]. В словаре В.И. Даля мы находим пример «*Кто любит мед, заводи пчел!*»[7], и в словаре В.П. Аникина: «*Мед есть – в улей лезть*»[4]. В свете всех этих примеров становится ясно, что без труда не бывает и прибыли, и в данном случае речь идет об общей, взаимной, коллективной выгоде.

Две противоположные паремии, связанные с вредом, переданы с помощью метафоры о пчелином жале. «*Не поддавайся на пчелкин медок; у нее жало в запасе*» [7]. «*Bal veren arının iğnesi zehirsizdir.* (Жало пчелы, дающей мед, не ядовито)» [15]. С одной стороны, русская паремия акцентирует внимание на том, что возможная выгода сопряжена с вероятными рисками. В то же время турецкая пословица сосредоточена на том, что существо (будь то человек или животное), сосредоточенное на общественно полезном труде, не может принести вреда окружающим.

Лексема «мед» в паремиях, кроме прочего, ассоциируется с пользой, выгодой, в то время как ситуативно антонимичная лексема «дым» ассоциируется с вредом: «*Не летит пчела от меду, а летит от дыму*» [7]. «*Arı baldan mı yoksa dumandan mı kaçar?* (Улетает ли пчела от меда или от дыма?)» [15]. В обеих лингвокультурах отражено то, что логично мыслящее существо не будет избегать своей пользы, в то же время не будет оставаться в неблагоприятных условиях.

В русской и турецкой лингвокультуре слово «мед» символизирует богатство, изобилие и плодородие. Например: «*Одна рука в меду, другая в патоке*» [4] «*bir eli yağda bir eli balda olmak* (одна рука в масле, а другая – в мёде)» [2]. Эти две эквивалентных по смыслу пословицы символизируют жизнь человека в изобилии и богатстве. В русской пословице мы видим тематическую пару «мед-патока», а в турецкой – «мед-масло». Несмотря на то, что русские и турецкие паремии имеют эквивалентные значения, благодаря этим стереотипным соответствиям видно, что их культурные концептуальные связи различаются.

В русских и турецких паремиях говорится, что дети представляют собой самую большую радость для родителей: «*Лучший мед – это свежий мед от сына*». О. А. Аксой объясняет этот пример паремии двумя способами: «1) Самый лучший мед – это свежий мед от сына. 2) Самое сладкое для родителей – это их маленькие дети». [3] В примере К. Г. Берсеневой же говорится: «*Мед сладок, а ребенок еще слаще*»[6]. В турецкой паремии мы видим слово «сын» как гендерный стереотип, тогда как в русской паремии речь идет о ребенке без указания пола. В целом можно сказать, что в русских и турецких паремиях самым ценным достоянием родителей являются дети.

Выводы

Данная работа содержит лингвокультурный анализ лексемы «мед» в русском и турецком паремиологическом фондах. Мед на протяжении веков является ценным продуктом питания, который употребляют в качестве напитка, еды, а также используют в лечебных целях. Результаты проведенного анализа показывают, что в паремиологическом фонде обеих культур мед символизирует, с одной стороны, благополучие как результат упорного труда. С другой стороны, прилагательное «медовый» может символизировать собой слишком льстивые, неискренние речи, которые далеко не всегда приводят к реальным результатам, а иногда и скрывают за собой недоброжелательное отношение собеседника. Метафорическое использование об-

разов животных в русских и турецких паремиях акцентирует внимание на пчеле, которая добывает мёд, и символизирует труд. Кроме того, образ мёда символизирует пользу, извлечённую из этого труда. Мёд, как самый сладкий продукт, противопоставляется искренней радости, которую приносят дети своим родителям. И, наконец, отличие в русской и турецкой лингвокультуре заключается в том, что в русских паремиях мёд иногда упоминается как хмельной напиток, в то время как в турецких мёд всегда представлен в своей изначальной, довольно густой, естественной форме. Таким образом, мы можем наблюдать, что паремии, включающие в себя лексему «мёд», по большей части показывают сходство в этом аспекте турецкой и русской языковой картины мира.

Список источников

1. Адыгюзель Х., Салахова Д. ТТурецко-русский словарь фразеологизмов / Фонд исследований тюркского мира. Стамбул, 1999. 246 с.
2. Айдоган Р. Словарь идиом и пословиц / Эвренсел илетишим Яйынлары. Анкара. 2020. 460 с.
3. Аксой О.А., Словарь пословиц и фразеологизмов. Стамбул: Издательство İnkilap, 1988. 236 с.
4. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. М.: Художественная литература. 1988. 433 с.
5. Бахадыр, С.Дж. Вино и элементы, связанные с вином, в классической турецкой поэзии XVI века : докторская диссертация / Стамбульский университет, Институт социальных наук. Стамбул, 2012.
6. Берсеньева К.Г. Русские пословицы и поговорки / сост. К.Г. Берсеньева. М.: Центрполиграф, 2010. 240 с.
7. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Москва. Эксмо 2024. 640 с.
8. Дженгиз О. Культура кухни в диванах XIV-XV веков: магистерская диссертация / Университет Сакарьи, Институт социальных наук. Сакарья, 2010.
9. Карпов А.Н. Пчеловодческий словарь. М.: Рус. яз., 1997. 385 с.
10. Сюэр О.А. Словарь русско-турецких идиом Анкара: Министерство культуры. 1999. 324 с.
11. Тихонов, А.Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.
12. Турецкое лингвистическое общество. Интернет-словарь [Электронный ресурс]. URL: https://tdk.gov.tr (дата обращения: 08.05.2025)
13. Фенерджи Ш.Б. Бал в древности // Масроп Е-журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 63 – 64.
14. Шейко Н.И. Пословицы и поговорки русского народа. М. Вече, 2006. 304 с.
15. Юртбашы М. Русские и турецкие пословицы: переводы, объяснения и эквиваленты. 10 000 пословиц. Стамбул: Издательство Seçkin, 2008. 1060 с.

References

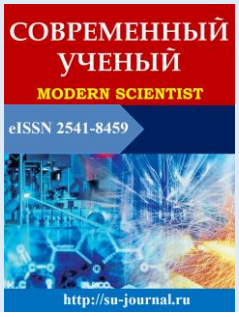
1. Adyguzel H., Salakhova D. Turkish-Russian Dictionary of Phraseologisms. Turkic World Research Foundation. Istanbul, 1999. 246 p.
2. Aydogan R. Dictionary of Idioms and Proverbs. Evrensel iletishim Yayinlari. Ankara. 2020. 460 p.
3. Aksoy O.A., Dictionary of Proverbs and Phraseologisms. Istanbul: İnkilap Publishing House, 1988. 236 p.
4. Anikin V.P. Russian Proverbs and Sayings. Moscow: Fiction. 1988. 433 p.
5. Bahadır, S.J. Wine and Wine-Related Elements in Classical Turkish Poetry of the 16th Century: Doctoral Dissertation. Istanbul University, Institute of Social Sciences. Istanbul, 2012.
6. Bersenyeva K.G. Russian Proverbs and Sayings. Compiled by K.G. Bersenyeva. Moscow: Centerpoligraf, 2010. 240 p.
7. Dahl V.I. Proverbs and Sayings of the Russian People. Moscow: Eksmo, 2024. 640 p.
8. Cengiz O. Kitchen Culture in the Divans of the 14th-15th Centuries: Master's Dissertation. Sakarya University, Institute of Social Sciences. Sakarya, 2010.
9. Karpov A.N. Beekeeping Dictionary. Moscow: Rus. lang., 1997. 385 p.
10. Xuer O.A. Dictionary of Russian-Turkish Idioms. Ankara: Ministry of Culture. 1999. 324 p.
11. Tikhonov, A.N. Phraseological Dictionary of the Modern Russian Literary Language. Ed. by Prof. A.N. Tikhonov. Comp.: A.N. Tikhonov, A.G. Lomov, A.V. Korolkova. Reference publication: in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Flinta: Nauka, 2004. 832 p.
12. Turkish Linguistic Society. Online Dictionary [Electronic resource]. URL: https://tdk.gov.tr (date of access: 08.05.2025)
13. Fenerji Sh.B. Ball in Antiquity. Masrop E-Journal. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 63 – 64.

14. Sheiko N.I. Proverbs and Sayings of the Russian People. M. Veche, 2006. 304 p.
15. Yurtbashi M. Russian and Turkish Proverbs: Translations, Explanations, and Equivalents. 10,000 Proverbs. Istanbul: Seçkin Publishing House, 2008. 1060 p.

Информация об авторе

Энкар М.М., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, mervemelisenkar@gmail.com

© Энкар М.М., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.512.141
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-57-63

Коннотации лексем һарыҡ «овца» и кәҙә «коза» в башкирской паремиологической картине мира

[1] Исянгулова Г.А., [1] Шайдуллина А.М., [1] Акилова М.Ф.

[1] Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: в данной статье на материале многочисленного фактического материала анализируются коннотации лексем һарыҡ «овца» и кәҙә «коза» в башкирской паремиологической картине мира, так как животноводческая лексика башкирского языка обладает мощным лингвокультурологическим потенциалом. Она не только обслуживает утилитарные потребности скотоводческой практики, но и выступает источником устойчивых коннотаций, зооморфных метафор, фразеологизмов и паремий, в которых закреплены ценностные ориентации, социальные стереотипы, мифологические представления и народная аксиология.

Введение. Изучение коннотативного аспекта животноводческой лексики на материале башкирских пословиц и поговорок позволяет выявить глубинную иерархию домашних животных в этническом сознании и реконструировать фрагменты национальной языковой картины мира.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили: фундаментальные толковые и диалектологические словари башкирского языка историко-этимологические труды, а также паремиологический корпус – около 50 пословиц и поговорок с компонентами-зоонимами, извлечённых из сборников башкирского фольклора.

Методология исследования основывается на сочетании общенаучных методов (системный подход, описательный метод) и частнолингвистических приёмов: компонентный анализ (для выявления семантической структуры лексем), а также интерпретативный анализ в рамках лингвокультурологии и этнолингвистики (при работе с паремиологическим материалом).

Результаты исследования. Собранный и проанализированный материал может быть использован при составлении тематического «Словаря животноводческих терминов башкирского языка» и «Словаря зооморфных паремий». Результаты исследования могут быть внедрены в учебный процесс при чтении спецкурсов «Лингвокультурология башкирского языка», «Историческая лексикология тюркских языков», «Этнолингвистика и фольклор», а также в музейной и архивной работе по реконструкции традиционной материальной и духовной культуры башкир.

Обсуждение и выводы. Основной результат исследования заключается в выявлении и систематизации коннотативных значений зоонимов, в данном случае лексем һарыҡ «овца» и кәҙә «коза», закрепленных в башкирском паремиологическом фонде. Анализ пословиц и поговорок позволил реконструировать фрагменты традиционной языковой картины мира и установить четкую иерархию домашних животных по их аксиологической значимости, что отражает не только хозяйственную значимость каждого вида, но и глубинные ценностные ориентации башкирского народа, его социальную структуру и мифопоэтическое мировосприятие.

Ключевые слова: башкирский язык, паремиологическая картина мира, лексема «коза» и «овца», коннотация, зооним

Для цитирования: Исянгулова Г.А., Шайдуллина А.М., Акилова М.Ф. Коннотации лексем һарыҡ «овца» и кәҙә «коза» в башкирской паремиологической картине мира // Современный ученый. 2026. № 11. С. 57 – 63. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-57-63

Поступила в редакцию: 8 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The connotations of the lexemes һарыҡ "sheep" and кәҙә "goat" in the Bashkir paremiological worldview

[1] Isyangulova G.A., [1] Shaidullina A.M., [1] Akilova M.F.

[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: in this article, the connotations of the lexemes һарыҡ "sheep" and кәҙә "goat" in the Bashkir paremiological worldview are analyzed based on a large amount of factual material, as the livestock vocabulary of the Bashkir language has a powerful linguocultural potential. It not only serves the utilitarian needs of cattle-breeding practice, but also acts as a source of stable connotations, zoomorphic metaphors, phraseological units, and paremias, which reflect value orientations, social stereotypes, mythological beliefs, and folk axiology.

Introduction. The study of the connotative aspect of livestock vocabulary on the material of Bashkir proverbs and sayings allows us to identify the deep-seated hierarchy of domestic animals in the ethnic consciousness and to reconstruct fragments of the national linguistic worldview.

Materials and methods of research. The research materials include fundamental explanatory and dialectological dictionaries of the Bashkir language, historical and etymological works, as well as a paremiological corpus of about 50 proverbs and sayings with zoonyms extracted from collections of Bashkir folklore.

The research methodology is based on a combination of general scientific methods (systematic approach, descriptive method) and specific linguistic techniques: component analysis (to identify the semantic structure of lexemes), as well as interpretative analysis within the framework of linguoculturology and ethnolinguistics (when working with paremiological material).

The results of the research. The collected and analyzed material can be used in compiling a thematic "Dictionary of Livestock Terms in the Bashkir Language" and a "Dictionary of Zoomorphic Paremies." The research results can be implemented in the educational process when teaching the special courses "Linguoculturology of the Bashkir Language," "Historical Lexicology of Turkic Languages," "Ethnolinguistics and Folklore," as well as in museum and archival work to reconstruct the traditional material and spiritual culture of the Bashkirs.

Discussion and conclusions. The main result of the study is the identification and systematization of the connotative meanings of zoonyms, in this case, the lexemes һарыҡ "sheep" and кәҙә "goat", which are fixed in the Bashkir paremiological fund. The analysis of proverbs and sayings allowed us to reconstruct fragments of the traditional linguistic worldview and establish a clear hierarchy of domestic animals based on their axiological significance, which reflects not only the economic importance of each species, but also the deep-rooted values of the Bashkir people, their social structure, and their mythopoetic worldview.

Keywords: Bashkir language, paremiological worldview, the lexemes "goat" and "sheep", connotation, zoonym

For citation: Isyangulova G.A., Shaidullina A.M., Akilova M.F. The connotations of the lexemes һарыҡ "sheep" and кәҙә "goat" in the Bashkir paremiological worldview. Modern Scientist. 2026. 11. P. 57 – 63. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-57-63

The article was submitted: June 8, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Башкирский народ на протяжении многих веков вел кочевой и полукочевой образ жизни, основу которого составляло скотоводство. Как подчеркивается в этнографических источниках, наибольшее значение имели лошади, количество которых в отдельных семьях достигало нескольких тысяч [2]. Это обусловливалось исключительной приспособленностью лошадей к кочевому образу жизни: тебенёвка (круглогодичное

пастбищное содержание) обеспечивала их кормом даже в зимний период, позволяла легко переносить длительные переходы и давала возможность использовать лошадей не только в качестве верхового и вьючного транспорта, но и как источник мясной и молочной пищи. Конское мясо употребляли в пищу, из кобыльего молока делали кумыс, из кожи изготовляли кожаную утварь, конскую сбрую, колчаны, щиты, из сухожилий – тугую и крепкую тетиву луков, из конского волоса – рыболовные снасти и веревки. Широкое распространение имело также разведение коров (преимущественно для получения молока, кожи, из которой изготавливали обувь и утварь), овец (шерсть которых использовали в войлоковалянии), коз (пух использовали в вязании, шерсть – для плетения половиков). Разнообразие видов домашних животных отразилось и в лексике: названия мал (скот), ат (лошадь), һыйыр (корова), һарыҡ (овца), кәҙә (коза), дөйә (верблюд) составляют ядро животноводческой лексики [4, 6].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили: фундаментальные толковые и диалектологические словари башкирского языка (в первую очередь десятитомный «Башҡорт теленең академик һүҙлеге» под редакцией Ф.Г. Хисамитдиновой, «Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству» Г.Д. Зайнуллиной), а также паремиологический корпус – около 50 пословиц и поговорок с компонентами-зоонимами, извлечённых из сборников башкирского фольклора [1, 7, 10].

Методология исследования основывается на сочетании общенаучных методов (системный подход, описательный метод) и частнолингвистических приёмов: компонентный анализ (для выявления семантической структуры лексем), а также интерпретативный анализ в рамках лингвокультурологии и этнолингвистики (при работе с паремиологическим материалом).

Результаты и обсуждения

Овца (һарыҡ) занимает в башкирском паремиологическом фонде особое место, резко контрастирующее с образом лошади. Если лошадь в башкирской языковой картине мира – символ силы, свободы, мужской доблести и социального престижа [3], то овца выступает преимущественно как носитель отрицательных или, в лучшем случае, амбивалентных коннотаций: покорность, беспомощность, глупость, стадность, бесполезность в сопротивлении хищнику. Однако наряду с этим овца – источник шерсти, мяса, основа благосостояния, что также находит отражение в паремиях, но с отчетливым прагматическим, а не сакральным оттенком [9]. Анализ собранного материала (около 30 пословиц и поговорок с компонентом һарыҡ, бәрәс, көтөү) позволяет выделить несколько ключевых коннотативных комплексов.

Наиболее частотная коннотация овцы – ее беззащитность перед волком (бүре). Эта оппозиция «хищник – жертва» является центральной в паремиях об овце. Овца не способна противостоять, она обречена. Бүре һарыҡҡа, бай ярлыға юлдаш булмаҫ (Волк овце, богатый бедному спутником не будет) параллелизм социального и природного неравенства. Бүренән ҡурҡҡан һарыҡ аҫрамаҫ (Боясь волка, овцу не держи) – прагматический совет: если боишься рисков, не берись за дело. Бүре балаһын торорға өйрәтһә, һарыҡ бәрәсен ҡасырға өйрәтер (Если волк учит волчонка хватать, то овца учит ягненка убегать) – инстинкт жертвы. Үлгән һарыҡ бүренән ҡурҡмаҫ (Мертвая овца волка не боится) – ироническая поговорка о том, кому уже нечего терять. Һарыҡ тиреһе менән бүрене ҡурҡытма (Овечьей шкурой волка не испугаешь) – о тщетности слабой защиты против сильного врага.

Беспомощность овцы подчеркивается также через образ аҡһаҡ һарыҡ (хромой овцы): Көтөү боролғанда, аҡһаҡ һарыҡ алға сыға (Когда стадо поворачивает, хромая овца оказывается впереди). Эта парадоксальная пословица фиксирует наблюдение: в момент смены направления отстающее животное (хромое) на мгновение становится первым, но не благодаря своей силе, а из-за инерции стада.

Овца в паремиях часто предстает как глупое, подражательное, лишенное индивидуальности существо. В этом она противопоставлена даже козе (которая хотя и своенравна, но обладает самостоятельностью). Бер йүнһеҙ һарыҡ бөтөн көтөүҙе боҙор (Одна глупая овца все стадо испортит) – аналог русской «паршивая овца все стадо портит».

Несмотря на преобладание негативных образов, овца – важный хозяйственный ресурс. Это отражается в паремиях, где овца предстает как источник мяса, шерсти, кожи, а также символ скромного, но стабильного достатка. Арыҡ булһа ла, һарыҡ аҫра (Худую, но овцу держи) – прагматический совет: лучше иметь хоть что-то, чем ничего. Овца даже худая дает шерсть, молоко, мясо. Это противоположно образу арыҡ ат (худой конь), который только обуза. Бер һарыҡтан ике тире сыҡмаҫ (С одной овцы двух шкур не снимешь) – универсальная истина: нельзя получить больше, чем есть. Бер һарыҡты ике һуймайҙар (Одну овцу дважды не режут) – о бесполезности повторного действия. Һарыҡтың туны – һары алтын (Шуба овцы – желтое зо-

лото) – высокая оценка овечьей шерсти как богатства. Единственная паремия с явно положительной, даже поэтической коннотацией. Һигеҙ һарыҡ һуйғансы, һимеҙ һарыҡ һуй (Чем резать восемь худых овец, зарежь одну жирную) – о преимуществе качества перед количеством. Терпение и покорность овцы могут оцениваться положительно в контексте покладистости, смирения перед судьбой: Үҙең һарыҡ булғас, һуйғанда тыпырсынма (Раз уж ты овца, не дергайся, когда режут) – жестокая житейская мудрость: смирись со своей участью, не сопротивляйся неизбежному.

Паремии часто обыгрывают разницу между овцой и другими животными, подчеркивая ее специфику. Овца и верблюд (дөйә): верблюд крупный, его падение заметно; овца маленькая, ее падение незаметно. Это не в пользу овцы: Һарыҡтың йығылғаны ла күренмәй, дөйәнең һөрләккәне лә күренә (Падение овцы не видно, а спотыкание верблюда видно). Перенос: мелкий человек может ошибаться незаметно, а крупный – на виду. Овца и коза (кәҙә): о подражании и о громкости, овца оказывается глупее и заметнее козы. Коза хотя и своенравна, но обладает индивидуальностью, тогда как овца – безликое стадное существо.

Овца в башкирских паремиях часто метафорически обозначает простой народ, зависимых людей, подданных по отношению к власти (богатым, начальникам). Волк при этом – чиновник, угнетатель, богач. Байҙың мең һарығы араһында ярлының бәрәсен бүре алған (Среди тысячи овец богача волк забрал ягненка бедняка). Байҙың мең һарығы араһында ярлының етем туҡтыһын бүре алған (Среди тысячи овец богача волк забрал сиротского (бесхозного) ягненка) – одна и та же ситуация: хищник (волк) всегда берет самого слабого, беззащитного (ягненка бедняка), тогда как богатый (власть) теряет меньше. Социальная несправедливость.

Помимо лексемы һарыҡ, в паремиях активно используются:

Бәрәс (ягненок) – символ невинности, слабости, объекта охоты. Ягненок еще более беспомощен, чем взрослая овца.

Көтөү (стадо) – символ массы, толпы, где индивидуальность теряется, а ответственность размывается.

Ҡыҫыр (яловая, бесплодная) – овца, не приносящая приплода, – метафора бесполезного, хотя и шумного человека (Ҡыҫыр һарыҡ күп баҡырыр).

Тире (шкура) – овца ценна именно шкурой (шерсть, кожа). Һарыҡ тирәһе менән бүрене ҡурҡытма – шкура уже содранной овцы не может отпугнуть волка.

Паремиологический материал с лексемой һарыҡ позволяет сделать следующие выводы о коннотациях овцы в башкирской языковой картине мира: доминирующая отрицательная коннотация – беспомощность, жертвенность. Овца – классическая жертва волка, символ того, кто не может защитить себя. Эта коннотация проецируется на социально слабых (бедняк, сирота, народ); интеллектуальная негативная оценка – глупость, стадность, подражательность, отсутствие индивидуальности. Овца слепо копирует козу, не понимая смысла. Эта черта делает ее объектом насмешек.

Положительные коннотации редки и носят сугубо прагматический характер: овца – источник шерсти («желтое золото»), мяса, это «живой капитал», но без сакрального ореола. Лучше иметь худую овцу, чем ничего (Арыҡ булһа ла, һарыҡ аҫра). Амбивалентность проявляется в том, что покорность овцы может оцениваться как смирение перед неизбежным (судьбой, социальным порядком), а стадность – как форма коллективной идентичности (Ҡара халыҡ – ҡара һарыҡ).

В отличие от лошади, овца не связана с концептами мужественности, воинской доблести, свободы, престижа. Это «народный» скот – скромный, утилитарный, но необходимый для выживания.

Таким образом, овца в башкирской паремиологии – это, прежде всего, символ уязвимости и социального низа, лишенный героического ореола, но ценимый за свою хозяйственную полезность. Это полная противоположность сакрализованному коню. Анализ паремий об овце дополняет представление о многослойности животноводческой лексики, где каждое домашнее животное несет уникальный коннотативный заряд, отражающий его реальную роль в традиционной культуре и социальной стратификации [5].

Коза (кәҙә) занимает в башкирском паремиологическом фонде особое положение. В отличие от лошади, сакрализованной и престижной, и от овцы, символизирующей покорность и стадность, коза предстает как «не настоящий скот», но при этом – незаменимый помощник бедняка [8]. Ее коннотации глубоко амбивалентны: с одной стороны, коза глупа, бесполезна, сварлива; с другой – она кормилица тех, у кого нет коровы. Анализ собранного материала (около 20 пословиц и поговорок с компонентом кәҙә, тәкә) позволяет выделить несколько ключевых коннотативных комплексов.

Наиболее показательная паремия, задающая тон всей оценке козы, – это лаконичное утверждение: Кәҙә – мал түгел (Коза – не скот). В традиционном башкирском хозяйстве под словом мал (скот) понимались прежде всего лошади, коровы, овцы – животные, дающие основные продукты питания (мясо, молоко, кумыс, шерсть, кожу) и служащие мерилом богатства. Коза же оказывается за пределами этой категории.

Такое положение подчеркивается и другими паремиями: Кәзә – ярлының һыйыры (Коза – корова бедняка) – парадоксальное определение: коза не равна корове, но для бедного человека она ее заменяет. Здесь нет положительной оценки козы как таковой, скорее констатация вынужденной замены. Кәзә биргән ҡуй алыр, һис бирмәгән ни алыр? (Дающий козу возьмет овцу, а ничего не дающий – что возьмет?) – смысл: даже малая ценность (коза) лучше, чем ничего. Коза здесь – минимальная единица обмена, почти ничего не стоящая. Таким образом, коза – это скот «второго сорта», удел бедняков, синоним скудости.

Несмотря на низкий статус, коза в ряде паремий получает положительную (пусть и снисходительную) оценку как спасительница от голода. Кәзә – ярлының һыйыры – бедняк, у которого нет коровы, может держать козу: она дает молоко, мясо, шерсть (пух). Кәзә тип хурлама: кәзә – ярлы һыйыры (Не презирай козу: коза – корова бедняка)– прямая защита козы от насмешек. Паремия фиксирует существование негативного стереотипа («коза – животное смешное, недостойное»), но призывает к прагматизму: для бедного она ценна. Кәзәне маҡта, һыйырҙы һау (Хвали козу, а корову дои) – ироническая дидактика: козу можно хвалить (она хороша для бедняка), но на деле корова все равно ценнее. Однако даже в этих «положительных» паремиях коза противопоставлена корове как низшее – высшему, и это противопоставление не в пользу козы.

Наиболее яркие и образные паремии о козе содержат резко отрицательные оценки ее интеллекта, продуктов и поведения.

Глупость: центральная паремия – Кәзәнең һаҡалы оҙон да, аҡылы ҡыҫҡа (Борода у козы длинная, а ум короткий). Это классическая формула, где внешний признак (длинная борода, который мог бы ассоциироваться с мудростью у человека) оборачивается насмешкой: у козы ума нет. Коза – символ глупости, недомыслия.

Бесполезность продуктов: Кәзәнең ите елгә, һөтө имгә (Мясо козы – на ветер, молоко – как лекарство). Категорическое утверждение, что от козы нет никакой пользы: мясо непитательное («ветром сдувает»), молока мало. Гипербола, фиксирующая негативный стереотип.

Сходный мотив в паремии: Әрем ашаған кәзәнең ите ни ҙа, һөтө ни (Какое мясо, какое молоко у козы, которая ела полынь) – полынь придает горечь, портит продукты.

Сварливость, конфликтность: Яман кәзә тартышҡан, яман әҙәм орошҡан (Плохая коза драчлива, плохой человек сварлив). Коза здесь – метафора скандального, неуживчивого человека. Образ козы как драчуна, бодающегося животного, переносится на человека.

Отдельные паремии посвящены сравнению козьего молока и масла с коровьими. Результат не в пользу козы: Кәзә майы – туң май, кәзә көткән уңмай (Козье масло – застывшее (несъедобное) масло, кто пасет коз – не богатеет) – противопоставление коровьему маслу (һыйыр майы – һары май, желтое, вкусное). Козье масло названо туң май (букв. «мерзлое масло»), что подчеркивает его низкое качество, твердость, неприятный вкус. Вторая часть: занятие козоводством не приносит достатка – удел бедняка.

В некоторых паремиях коза выступает как нейтральная единица счета или мера социальных связей: Бажаның барлығы – кәзәнең маллығы (досл. иметь такого свояка – это как козу за скот считать) – ирония. Коза – маркер скромного достатка. Кәзәнең маллығы, бажаның ҡәрҙәшлеге – коза не скот, как свояк не родственник. Кәзәгә кеҫәм етмәй, һыйыр һатыулашам (Не хватает денег на козу, а торгуюсь о корове) – о несоразмерности амбиций и возможностей.

Паремии активно сопоставляют козу с другими домашними животными, и в каждом сравнении коза оказывается на низшей ступени.

Коза и овца: Кәзә мең баҡырһа ла ишетелмәҫ, һарыҡ бер баҡырһа ла ишетелер (Коза хоть тысячу раз прокричит – не слышно, овца раз блеет – слышно) – парадокс: коза менее заметна, но это не преимущество; скорее, ее голос не имеет веса. Кәзә ҡойроғон күтәрә тип, һарыҡ та ҡойроғон күтәргән – коза – глупый пример для подражания.

Коза и бык, верблюд: Ат баҫҡанды тай ҙа баҫыр, үгеҙ һөҙгәнде кәзә лә һөҙөр (То, на что ступил конь, и жеребенок наступит; то, что бык толкнул рогом, и коза толкнет). Здесь коза уподобляется быку, но в уменьшительно-сниженной форме: она способна повторить действие крупного животного, но без его силы. Негативной коннотации нет, скорее – ирония.

Коза и бейә (кобыла): в сложной паремии Үгеҙ ат булмаҫ, һыйыр дөйә булмаҫ, күпме ҡымыҙ бирһә лә, кәзә бейә булмаҫ (Бык не станет конем, корова – верблюдом, сколько ни давай кумыса, коза не станет кобылой) – коза безнадежно далека от кобылы, источника благородного кумыса.

Коза и кәбеҫтә (капуста): забавная паремия: Кәзәне кәбеҫтә ҡарауылларға ҡуймайҙар (Козу не ставят сторожить капусту). Это шутливое указание на природную склонность козы поедать капусту, т.е. на неспособность к ответственному делу. Коза – плохой сторож.

Козел (тәкә) в паремиях получает еще более резкие оценки, чем коза: Тәкәләр һөҙөшкәндә, кәзәләр ял итә (Когда козлы бодаются, козы отдыхают) – о бесполезной мужской агрессии, которая никому не нужна.

Подобно другим зоонимам, кәзә используется для характеристики человека (чаще женщины или бедняка): Яман кәзә тартышҡан, яман әҙәм орошҡан. Кәзә «тоҙ» тип, ирҙәр «ҡыҙ» тип ҡартайыр (Коза стареет из-за соли (потребности в соли), мужчины стареют из-за девушки) – параллелизм, где коза выступает как существо, движимое простыми инстинктами. Аяҙлы-болотло аҡылы бар, кәзәнеке хәтлем һаҡалы бар (У него ум с ясно-пасмурно? а борода как у козы) – насмешка над человеком с длинной бородой и коротким умом, прямая отсылка к козьей глупости.

Таким образом, коза в башкирской паремиологии – это антипод сакрального коня и полезной коровы. Она символ вынужденной бедности, глупости, социальной несостоятельности. Единственная сфера, где коза получает слово защиты, – это контекст выживания бедняка, где любое животное лучше, чем его отсутствие.

Выводы

Анализ пословиц и поговорок позволил реконструировать фрагменты традиционной языковой картины мира и установить четкую иерархию домашних животных по их аксиологической значимости.

Таким образом, животноводческая лексика башкирского языка предстает не как простая совокупность утилитарных номинаций, а как сложная, исторически сложившаяся система, в которой переплетены богатейшие культурные коннотации, закрепленные в паремиологическом фонде. Выявленная аксиологическая иерархия домашних животных отражает не только хозяйственную значимость каждого вида, но и глубинные ценностные ориентации башкирского народа, его социальную структуру и мифопоэтическое мировосприятие.

Список источников

1. Жемчужины языка: башкирские народные пословицы и поговорки / сост. З.Х. Каримова. Уфа: Китап, 2007. 448 с.
2. Зайнуллин М.М. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по коневодству. Уфа, 2004. 190 с.
3. Зайнуллина Г.Д. Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству Г.Д. Зайнуллина. Уфа: Китап, 2006. 168 с.
4. Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. Москва: Наука, 1986. 151 с.
5. Кульсарина Г.Г. Этнокультурные особенности зоонимов в башкирском языке (на материале фольклорных текстов) // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 512.
6. Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа: Гилем, 2000. 186 с.
7. Надршина Ф.А. Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов. Уфа: Китап, 2008. 196 с.
8. Хабибуллина З.А. Древнетюркские названия животного мира в современном башкирском языке. Уфа, 2008. 152 с.
9. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). Уфа: Гилем, 2016. 399 с.
10. Әхтәмов М.Х. Башҡорт теленең мәҡәлдәре һәм әйтемдәре һүҙлеге. Өфө: Китап, 2008. 771 бит.

References

1. Pearls of language: Bashkir folk proverbs and sayings. comp. Z.H. Karimova. Ufa: Kitap, 2007. 448 p.
2. Zainullin M.M. Russian-Bashkir, Bashkir-Russian dictionary on horse breeding. Ufa, 2004. 190 p.
3. Zainullina G.D. Bashkir-Russian, Russian-Bashkir terminological dictionary for livestock farming G.D. Zainullina. Ufa: Kitap, 2006. 168 p.
4. Ishberdin E.F. Historical development of the vocabulary of the Bashkir language. Moscow: Nauka, 1986. 151 p.
5. Kulsarina G.G. Ethnocultural features of zoonyms in the Bashkir language (based on folklore texts). Bulletin of the Bashkir University. 2014. T. 19. No. 2. P. 512.
6. Nadergulov U.F. Livestock vocabulary of the Bashkirs. Ufa: Gilem, 2000. 186 p.
7. Nadrshina F.A. Russian-Bashkir dictionary of proverbs-equivalents. Ufa: Kitap, 2008. 196 p.
8. Khabibullina Z.A. Ancient Turkic names of the animal world in the modern Bashkir language. Ufa, 2008. 152 p.
9. Khisamitdinova F.G. Mythological vocabulary of the Bashkir language (in ethnolinguistic light). Ufa: Gilem, 2016. 399 p.
10. Akhtamov M.Kh. Bashҡort telenģ məҡəldəre həm əitemdəre hүʒlege. Өfө: Kitap, 2008. 771 bits.

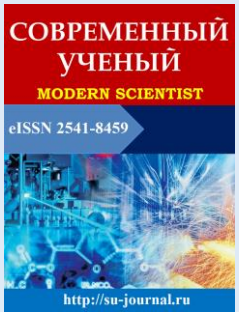
Информация об авторах

Исянгулова Г.А., Уфимский университет науки и технологий, igulnaz75@yandex.ru

Шайдуллина А.М., Уфимский университет науки и технологий, vgulnaz030675@mail.ru

Акилова М.Ф., Уфимский университет науки и технологий, akilova_m@mail.ru

© Исянгулова Г.А., Шайдуллина А.М., Акилова М.Ф., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.581
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-64-72

Функционально-семантический потенциал омонимии китайского языка в военно-политическом дискурсе

[1] Абдрахманова А.Р.

[1] Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ

Аннотация: в статье исследуется феномен языковой омонимии в китайском военно-политическом дискурсе. Актуальность работы обусловлена стратегической ролью КНР в глобальной политике и необходимостью адекватной интерпретации китайских официальных заявлений, в которых омонимия целенаправленно используется для достижения коммуникативных эффектов. Цель статьи – выявить, систематизировать и описать функционально-семантические типы омонимов, релевантных для военно-политического дискурса. Эмпирическую базу составили тексты официальных заявлений Министерства обороны КНР, выступлений представителей МИД КНР за 2023-2026 гг. и новостные публикации государственных СМИ (Синьхуа и gov.cn) за май 2026 г. Методология включает дискурс-анализ, контекстуально-интерпретативный метод и элементы корпусного анализа. Результаты исследования позволили выделить три ключевые группы омонимов: лексико-грамматические омонимы с разной частеречной принадлежностью, фразовые омонимы (устойчивые сочетания с двойной интерпретацией) и графические омонимы (омографы). Показано, что омонимия выполняет функции эвфемизации военной агрессии, сохранения «лица» в международных конфликтах, маркирования внутриполитической повестки и создания стратегической неопределенности. Авторский вклад заключается в построении типологии омонимических единиц применительно к военно-политической сфере.
Ключевые слова: китайский язык, омонимия, военно-политический дискурс, конверсионные омонимы, эвфемизация, омографы, дискурс-анализ

Для цитирования: Абдрахманова А.Р. Функционально-семантический потенциал омонимии китайского языка в военно-политическом дискурсе // Современный ученый. 2026. № 11. С. 64 – 72. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-64-72

Поступила в редакцию: 9 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Functional-semantic potential of homonymy in Chinese military-political discourse

[1] Abdrakhmanova A.R.

[1] Military University of Ministry of Defence of RF

Abstract: the article examines the phenomenon of linguistic homonymy in Chinese military-political discourse. The relevance of the work is determined by the strategic role of the PRC in global politics and the need for adequate interpretation of Chinese official statements, in which homonymy is purposefully used to achieve communicative effects. The aim of the article is to identify, systematize, and describe the functional-semantic types of homonyms relevant to military-political discourse. The empirical basis consists of texts of official statements from the PRC

Ministry of Defense, speeches by representatives of the PRC Ministry of Foreign Affairs, and news publications from state media (Xinhua and gov.cn) for May 2026. The methodology includes discourse analysis, the contextual-interpretive method, and elements of corpus analysis. The results of the study allowed the identification of three key groups of homonyms: lexico-grammatical homonyms with different parts of speech, phrasal homonyms (fixed expressions with double interpretation), and graphic homonyms (homographs). It is shown that homonymy performs the functions of euphemizing military aggression, saving "face" in international conflicts, marking the domestic political agenda, and creating strategic uncertainty. The author's contribution lies in constructing a typology of homonymic units as applied to the military-political sphere.
Keywords: the Chinese language, homonymy, military-political discourse, conversion homonyms, euphemization, homographs, discourse analysis

For citation: Abdrakhmanova A.R. Functional-semantic potential of homonymy in Chinese military-political discourse. Modern Scientist. 2026. 11. P. 64 – 72. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-64-72

The article was submitted: June 9, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Китайский язык относится к языкам слогового типа и обладает высокой степенью омонимии [3]. В китайском языке без учета тонов выделяют 414 слогов [8]. В повседневной коммуникации омонимия преодолевается за счет контекста, однако в специальных дискурсах, особенно в военно-политическом дискурсе, этот языковой феномен приобретает особую значимость.

Под военно-политическим дискурсом мы понимаем самостоятельный вид дискурса, освещаемый государственными СМИ, основной тематикой которого являются международные отношения, вопросы войны и мира, проведения военных учений, обсуждения вооружения и военной техники и т.д. [12]. Для текстов военно-политического дискурса на китайском языке характерна традиционная дипломатическая осторожность, многослойность высказываний и опора на имплицитные смыслы [14]. Омонимия в этом контексте выступает инструментом, позволяющим одновременно передавать несколько смыслов, не попадая под цензуру и сохраняя легитимность денотативного уровня.

Цель настоящей статьи – выявить и систематизировать функционально-семантические типы омонимов в китайском военно-политическом дискурсе, а также описать их прагматические функции. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1. создать корпус омонимов, регулярно встречающихся в военно-политических текстах КНР;
2. выделить типы омонимов для дальнейшего квантитавного и качественного анализа;
3. описать коммуникативные стратегии, в которых задействована омонимия (эвфемизация, «сохранение лица», создание неопределенности).

Обзор научной литературы показывает, что омонимия китайского языка традиционно изучалась в лексикографическом ключе. Несмотря на то, что омонимия рассматривается как «помеха к пониманию» и «дефект языка» (А.А. Реформатский, А.Н. Гвоздев и др.) [10], в китайском языке омонимия важна для создания каламбуров, поздравлений, поэтической выразительности и обогащения культуры речи (например, в рекламе, фольклоре и т.д.). В китайском языке из-за ограниченного числа слогов и тонов омонимия неизбежна, но она активно используется в прагматических целях – в частности, для построения «двусмысленных» фраз (双关 shuāngguān), которые считаются признаком остроумия, а не недостатком. Понимание таких двусмысленных фраз особенно важно в военно-политическом дискурсе. Исследования военно-политического дискурса КНР сосредоточены преимущественно на анализе метафор [16], эвфемизмов [7] или концептуальных полей [5]. В зарубежной синологии отмечается использование китайской стороной «языка двусмысленности» или «языка неоднозначности» (language of ambiguity), однако системного лингвистического описания омонимов не предлагалось.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляет качественный дискурс-анализ в традиции Т. ван Дейка [4], дополненный методиками критического анализа политического дискурса Р. Водак [15]. Материалом для анализа послужили тексты, опубликованные на официальных сайтах Министерства обороны КНР (48 651 печатный знак), выступления официальных представителей МИД КНР на брифингах за 2023-2026

гг. (158 200 печатных знаков) и публикации государственных СМИ «Синьхуа» за май 2026 г. (38 566 печатных знаков) за тот же период. Общий объем составил 245 417 печатных знаков.

На первом этапе методом сплошной выборки были выделены контексты, содержащие потенциально омонимичные единицы. Критерием отбора служила возможность неоднозначной интерпретации высказывания при минимальном изменении контекста. На втором этапе с помощью словарей (现代汉语词典, 辞海) и корпусных данных (Корпус Пекинского университета языка и культуры BCC) подтверждался омонимический статус единиц. На третьем этапе проводился функциональный анализ: для каждого контекста определялась доминирующая интерпретация и альтернативные прочтения, а также устанавливалась коммуникативная стратегия автора.

В китайской лингвистике существует несколько принципов классификации омонимов:

- по количеству слогов (односложные 元 yuán «юань» и 圆 yuán «круглый», двусложные 公式 gōngshì «формула» и 公事 gōngshi «служебное дело» и многосложные 中国画 zhōngguóhuà «китайская национальная живопись гохуа» и 中国话 zhōngguóhuà «китайский язык»);

- по написанию (лексические омонимы, имеющие одинаковое произношение и написание 生气 shēngqì «жизненная энергия» и 生气 shēngqì «сердиться, гнев», и омофоны, т.е. омонимы, совпадающие по произношению, но различающиеся по написанию 权利 quánlì «право» и 权力 quánlì «власть»);

- по частеречной принадлежности (омонимы одной части речи 反应 fǎnyìng «реагировать, реакция» и 反映 fǎnyìng «отражать, докладывать» и омонимы разных частей речи 领导 lǐngdǎo «руководить» и 领导 lǐngdǎo «руководитель, руководство») [2].

В отечественной лингвистике А.А. Торопов среди китайских омонимов выделяет:

- лексико-грамматические омонимы (неконверсионные 很 hěn «очень» 狠 hěn «злой» и конверсионные 翻译 fānyì «переводить» и 翻译 fānyì «переводчик»);

- лексические омонимы (清净 qīngjìng «чистый, спокойный» и 清静 qīngjìng «тихий, безмятежный») [9].

С.Б. Янкивер подразделяет омонимы на лексические и грамматические [13].

Л.В. Малаховский выделяет:

- чисто лексические омофоны с разным значением и графическим изображением, но одинаковым звучанием и грамматическим значением (城市 chéngshì «город» и 程式 chéngshì «образец, форма»);

- лексико-грамматические омофоны с разным графическим изображением и лексико-грамматическим значением (茶 chá «чай» и 查 chá «проверять»);

- чисто грамматические омофоны с одинаковым звучанием и лексическим значением при различии их графического изображения и грамматического значения (分歧 fēnqí «разойтись во мнении» и 纷歧 fēnqí «расхождение»);

- чисто лексические фонетико-графические омонимы с одинаковым звучанием, графикой и грамматическим значением при различии в лексическом значении (米 mǐ «рис» и 米 mǐ «метр»);

- лексико-грамматические фонетикографические омонимы с одинаковым звучанием и написанием, но разным лексическим и грамматическим значением (刻 kè «выгравировать» и 刻 kè «четверть часа»);

- чисто грамматические фонетико-графические омонимы с одинаковым звучанием и написанием, тождественным лексическим значением, но разным грамматическим значением (录 lù «записывать» и 录 lù «запись»);

- чисто лексические омографы с разным звучанием и лексическим значением, но одинаковым написанием и грамматическим значением (好 hǎo «выздоравливать» и 好 hào «любить, нравиться»);

- лексико-грамматические омографы с одинаковым написанием, но разным звучанием, лексическим и грамматическим значением (还 hái «еще, все-таки» и 还 huán «возвращать»);

- чисто грамматические омографы с одинаковым написанием и лексическим значением, но разным звучанием и грамматическим значением (空 kōng «пустой» и 空 kòng «промежуток») [6].

А.А. Хаматова отмечает, что на основании материалов словаря Кураиси из 5 495 омонимов на долю конверсионных омонимов приходится 61,5% (3 381 слово) и что в общей сложности можно выделить 16 типов конверсионных омонимов:

1) глагол – существительное;

2) существительное – глагол;

3) прилагательное – глагол;

4) существительное – прилагательное;

5) прилагательное – наречие;
6) глагол – наречие;
7) существительное – наречие;
8) существительное – прилагательное – глагол;
9) прилагательное – наречие – глагол;
10) существительное – прилагательное – наречие;
11) глагол – существительное – наречие;
12) глагол – прилагательное – существительное – наречие;
13) глагол – предлог;
14) глагол – союз;
15) наречие – союз;
16) глагол – наречие – союз (предлог) [10: 90-104].

В данной статье используется следующая типология омонимов:

- лексико-грамматические омонимы (конверсионные омонимы) – единицы, совпадающие по звучанию и по написанию, но относящиеся к разным частям речи и/или имеющие разные грамматические свойства.
- фразовые омонимы – словосочетания и устойчивые выражения, допускающие структурную и семантическую реинтерпретацию.
- графические омонимы (омографы) – разные иероглифы с одинаковым написанием, но разным тоном и значением.

Результаты и обсуждения

Сравнительный анализ освещения Паралимпийских игр в ежедневных новостных программах 1 канала РФ 2010-2016 гг.

Лексико-грамматическая омонимия

Наиболее многочисленную группу в нашем корпусе составили омонимичные пары, где один и тот же иероглиф может выступать как глаголом и как существительным (так называемая конверсия, характерная для китайского языка). Рассмотрим ключевую единицу 战 zhàn. В словарной статье зафиксированы значения: «война, сражение» (сущ.) и «сражаться, вести войну» (глаг.). В военно-политическом дискурсе выбор грамматической интерпретации не всегда очевиден.

Разберем пример из заявления МИД КНР по поводу ситуации в Южно-Китайском море, 2023 г.:
中国坚持和平发展，不主动求战，但也不惧战。

Буквально: «Китай придерживается мирного развития, не инициирует 战, но и не боится 战».

В данном контексте оба варианта 战 могут быть переведены двояко. Интерпретация как существительного «война» делает высказывание пацифистским. Интерпретация как глагола «сражаться» – более воинственным. Официальный английский перевод на сайте МИД использовал существительное “does not seek war”, однако комментаторы Global Times в тот же день в аналитической статье подчеркнули глагольное прочтение “China is not afraid to fight if provoked”. Полагаем, что такая двойственность является намеренной: она позволяет китайской дипломатии сохранять «лицо» миролюбивой державы, одновременно сигнализируя о военной готовности – классический прием стратегической неопределенности.

Другой репрезентативный пример – омоним 防 fáng: «защищать, предотвращать» (глаг.) и «оборона, защита» (сущ.). В выражении 积极防 jījí fáng – букв. «активно защищать/оборона» – формальная синтаксическая структура не снимает омонимии, поскольку в китайском языке существительное может быть прямым дополнением без предлога. В китайских военных доктринах понятие «активная оборона» (积极防御) традиционно трактуется по сути как наступательная. Наше исследование показывает, что использование омонимичной формы 防 без уточняющих морфем (например, 防守 fángshǒu «обороняться» или 防护 fánghù «защищаться») позволяет размывать грань между оборонительными и наступательными действиями.

Фразовая омонимия

В китайском военно-политическом дискурсе распространены устойчивые словосочетания (成语 chéngyǔ) и стратагемные формулы, которые допускают двойную интерпретацию – буквальную и идиоматическую, дипломатическую и военную.

Например, выражение 先发制人 xiān fā zhì rén официально переводится как «захватить инициативу», но в военном контексте может пониматься как «нанести упреждающий удар». В заявлениях МИД КНР за май 2026 г. встречается фраза: 中国不寻求先发制人 «Китай не стремится к 先发制人». В зависимости от интер-

претации это может означать отказ от превентивного удара (военное прочтение) или просто отказ от агрессивной дипломатии.

Другой пример – 擦枪走火 cā qiāng zǒu huǒ. Идиоматическое значение: «случайный инцидент» (стандартная дипломатическая формулировка для пограничных стычек), буквальное перевод «чистить ружье – и выстрелить». В докладе о пограничном инциденте говорилось: 避免擦枪走火 «избегать случайных инцидентов» / «избегать того, чтобы чистка оружия привела к выстрелу». Такая омонимия позволяет китайской стороне одновременно признавать риск эскалации и отрицать намеренность действий.

Третий пример – 当面一套，背后一套 dāngmiàn yī tào, bèihòu yī tào. В отрицании 我们不搞当面一套背后一套 «мы не ведем двойной игры») создается омонимический эффект: для внутренней аудитории это отрицание двойных стандартов других стран, для внешней – демонстрация собственной принципиальности.

Графическая омонимия (омографы)

Китайские омографы – иероглифы, идентичные по графической форме в упрощенном написании, но различающиеся тоном и значением, – представляют собой особый источник неопределенности. В военно-политическом дискурсе наиболее значимы пары, включающие тональные оппозиции на грани ошибочного восприятия в устной речи (но в письменных текстах они различаются контекстно).

Пара 兴 – xīng / xìng. Первый тон (xīng) – «подниматься, расцветать»; четвертый тон (xìng) – «настроение, интерес, (устар.) вдохновение». В письменном тексте иероглиф один. В политическом лозунге 兴军 xīng jūn – «возрождать армию», но теоретически возможно прочтение xìng jūn «военное настроение». Однако в сложных конструкциях типа 振兴国防 zhènxīng guófáng «подъем национальной обороны» замена тона невозможна. Тем не менее, в некоторых аналитических материалах западных СМИ (например, отчет CSIS) допускалась ошибочная интерпретация, когда переводчик неверно идентифицировал омограф. Это указывает на то, что даже потенциальная, не реализованная в исходном тексте омонимия может порождать риски в переводе – и осознание этого риска самими китайскими спикерами может влиять на выбор лексики.

Наиболее показательный случай – использование омографа 难 (nán / nàn). Второй тон (nán) – «трудный, трудность»; четвертый тон (nàn) – «бедствие, катастрофа, пострадать». В военном контексте фраза 经得起难 (jīngde qǐ nán) – без тоновой разметки – может означать как «выдержать трудности», так и «выдержать катастрофу» (например, ядерную). В документах по гражданской обороне КНР этот омограф используется намеренно, чтобы объединить бытовые и экзистенциальные угрозы. В публичных заявлениях по поводу военных конфликтов китайские официальные лица последовательно употребляют лексему со вторым тоном в значении «трудности», но оппозиция остается на периферии сознания.

Количественное распределение и функциональная нагрузка

Квантитативный анализ (табл. 1) показал, что из проанализированных текстов выступлений представителей МИД КНР доля лексико-грамматических омонимов составила 61% от всех омонимических словоупотреблений, фразовых омонимов – 28%, графических (омографов) – 11%. Однако при оценке функциональной значимости картина меняется: именно графические и фразовые омонимы вносят основной вклад в стратегическую неопределенность, тогда как лексико-грамматические чаще используются для эвфемизации.

Таблица 1

Типы омонимов в официальных речах китайских политиков.

Table 1

A classification of homonyms in the official discourse of Chinese politicians.

Тип омонимии	Доля от всех омонимов	Доля в стратегических контекстах
Лексико-грамматическая	61%	34%
Фразовая	28%	52%
Графическая (омографы)	11%	14%

Под стратегическим контекстом понимаются фрагменты, где омонимия создает значимые альтернативные прочтения для международных отношений.

Для уточнения данных мы проанализировали новостные публикации государственных СМИ (Синьхуа и gov.cn) за май 2026 г. и так же произвели подсчет омонимов трех категорий. Среди лексико-грамматических омонимов (конверсионных омонимов) наиболее частотными оказались следующие.

Таблица 2

Наиболее частотные конверсионные омонимы.

Table 2

The most commonly used conversion homonyms.

Слово	Значение как глагола	Значение как существительного	Пример из текста
访问 fǎngwèn	«наносить визит»	«визит»	«结束访问» (сущ.), «访问上海» (глаг.)
参观 cānguān	«осматривать, посещать»	«осмотр, экскурсия»	«舰艇参观» (глаг.), «参观活动» (сущ.)
交流 jiāoliú	«обмениваться»	«обмен, коммуникация»	«深入交流» (глаг.), «专业交流» (сущ.)
组织 zǔzhī	«организовывать»	«организация»	«组织活动» (глаг.), «海军组织» (сущ.)
指挥 zhǐhuī	«командовать»	«командование»	«指挥编组» (глаг.), «指挥能力» (сущ.)
工作 gōngzuò	«работать»	«работа»	«积极工作» (глаг.), «工作作风» (сущ.)
学习 xuéxí	«учиться»	«учеба, изучение»	«学习思想» (глаг.), «理论学习» (сущ.)
训练 xùnliàn	«тренировать(ся)»	«тренировка»	«训练火热» (глаг.), «体能训练» (сущ.)
保障 bǎozhàng	«обеспечивать»	«обеспечение»	«保障任务» (глаг.), «后勤保障» (сущ.)
结合 jiéhé	«сочетать, объединять»	«сочетание»	«结合起来» (глаг.), «企业结合» (сущ.)

Среди фразовых омонимов наиболее частотные следующие омонимы.

Таблица 3

Наиболее частотные фразовые омонимы.

Table 3

The most frequent phrasal homonyms.

Омоним	Пиньинь	Значение 1	Значение 2
先发制人	xiān fā zhì rén	«захватить инициативу» (в переговорах, дипломатии)»	«нанести упреждающий удар» (военная доктрина)
擦枪走火	cā qiāng zǒu huǒ	«случайный инцидент» (дипломатическая формула)	«буквально: чистить ружье – и выстрелить» (непреднамеренное действие)
当面一套背后一套	dāngmiàn yī tào, bèihòu yī tào	«критика двойных стандартов других стран»	«самооправдание собственной гибкости» (в отрицании: «мы не ведем двойной игры»)

В качестве наиболее частотных омографов мы выделили следующие.

Таблица 4

Наиболее частотные омографы.

Table 4

The most frequent homographs.

Иероглиф	Чтение и значение 1	Чтение и значение 2	Пример из текста
长	cháng «длинный»	zhǎng «начальник, глава»	«长时间» cháng shíjiān «долгое время», «舰长» jiànzhǎng «командир корабля»
好	hǎo «хороший»	hào «любить»	«好苗子» hǎo miáozi «хороший кандидат, многообещающий талант», «爱好» àihào «любить, увлекаться»
为	wéi «делать, являться»	wèi «для, ради»	«作为» zuòwéi «в качестве», «因为» yīnwèi «потому что»

Выделив три группы омонимов, мы определили процентное соотношение омонимов в новостных публикациях военно-политического дискурса.

Таблица 5

Процентное соотношение омонимов в новостных публикациях.

Table 5

The proportion of homonyms in news publications.

Группа	Процент от общего числа
Лексико-грамматические омонимы	66,7%
Фразовые омонимы	13,3%
Омографы	20 %

В китайском языке в целом доля омофонов значительно выше (из-за ограниченного числа слогов), но в текстах военно-политического дискурса преобладают конверсионные омонимы, а омографы и омофоны представлены небольшим количеством примеров.

Функциональный анализ позволил выделить четыре основные стратегии использования омонимии:

1. эвфемизация военной агрессии (44% от стратегических контекстов): омонимы заменяют прямые названия военных действий («специальная военная операция», «активная оборона»).

2. сохранение «лица» в международных конфликтах (28%): возможность отрицать воинственные интерпретации после того, как они были высказаны.

3. маркирование внутриполитической повестки (15%): омонимия позволяет обращаться к разным слоям аудитории (военным, дипломатам, общественности) с сообщением, которое каждый воспринимает по-своему.

4. создание стратегической неопределенности (13%): преднамеренное оставление зазора для нескольких юридических и политических интерпретаций одного высказывания.

Сущность конверсии раскрывается через взаимодействие семантических, морфологических и синтаксических факторов. Новое слово возникает в результате семантической трансформации исходной лексемы, за которой следует переосмысление (или изменение содержания) основы, находящее отражение в парадигме и грамматическом оформлении производного слова [11]. К тому же необходимо отметить, что по мнению некоторых лингвистов, высокая степень омонимии в повседневной китайской речи осложняет ее аудиальное восприятие и препятствует переходу на алфавитную систему письма [1].

Выводы

Проведенное исследование показало, что омонимия китайского языка в военно-политическом дискурсе является не просто лексикографическим явлением, но действенным дискурсивным инструментом. На материале заявлений МО и МИД КНР, а также публикаций государственных СМИ было установлено следующее.

Во-первых, омонимические единицы китайского языка органично вписываются в стратегию «гибкого реагирования» китайской дипломатии: один и тот же текст может одновременно удовлетворять требованиям внутриполитического мобилизационного дискурса и международного миролюбивого дискурса. Во-вторых, предложенная трехчастная типология (лексико-грамматические, фразовые и графические омони-

мы) охватывает основные механизмы порождения двусмысленности и позволяет прогнозировать зоны риска при переводе в текстах военно-политического дискурса. В-третьих, функции омонимии выходят за рамки языковой экономии – они включают эвфемизацию, сохранение лица, идеологическую маркированность и создание стратегической неопределенности.

Авторский вклад работы состоит в том, что системно представлена омонимия китайского языка в специфической сфере – военно-политическом дискурсе. В ходе исследования установлено, что в новостных публикациях и в выступлениях политиков наибольшую группу составляют лексико-грамматические (конверсионные) омонимы – более 60%. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании китайского языка для специальных целей (военный перевод, общественно-политический перевод), а также при разработке методик анализа пропагандистских текстов.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в сопоставительном изучении омонимических стратегий в китайском языке и других слоговых языках (например, во вьетнамском языке), а также в расширении корпуса за счет текстов региональных китайских СМИ и неофициальных блогов военных экспертов, где омонимия может использоваться уже не институционально, а индивидуально.

Список источников

1. Белоусова Т.П. Омонимия в китайском языке и ее проявление в культуре // Современное педагогическое образование. 2023. № 3. С. 206 – 208. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/omonimiya-v-kitayskom-yazyke-i-ee-proyavlenie-v-kulture(дата обращения: 25.05.2026)

2. Ван Юйчжи Омонимы как лингвистический ресурс для создания каламбура в рекламном тексте на китайском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 11. С. 3550 – 3554.

3. Гурулева Т.Л., Абдрахманова А.Р. Типологические характеристики слоговых языков (на материале языков Восточной и Юго-Восточной Азии) // Современное педагогическое образование. 2022. № 11. С. 208 – 212. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-harakteristiki-slogovyh-yazykov-na-materiale-yazykov-vostochnoy-i-yugo-vostochnoy-azii (дата обращения: 21.05.2026)

4. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Москва: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.

5. Ефремов В.А. Концепт «безопасность» в китайском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 5 (83). С. 88 – 96. DOI: 10.26170/pl20-05-10

6. Малаховский Л.В. О возможностях сравнительно-типологического исследования омонимов (к вопросу о семантических универсалиях) // Проблемы семантики. Москва, 1971. 232 с.

7. Солдатова Л.В. Эвфемизмы в современном китайском военно-политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 13, Востоковедение. 2022. № 4. С. 55 – 67.

8. Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 352 с.

9. Торопов А.А. К проблеме описания единиц (на материале современного китайского литературного языка) // История, культура, языки народов Востока. Москва, 1970. 232 с.

10. Хаматова А.А. Омонимия в современном китайском языке: учебное пособие. Москва: АСТ: Восток-Запад, 2006. 120 с.

11. Хашимова С. О явлении конверсии в современном китайском языке // Oriental renaissance: Innovative, educational, natural and social sciences. 2022. Vol. 2. Special Issue 20. С. 87 – 94. DOI: 10.24412/2181-1784-2022-20-87-94

12. Хомутова Т.Н., Наумова К.А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 49 – 53. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskiy-diskurs-kak-osobyy-tip-diskursa (дата обращения: 21.05.2026)

13. Янкивер С.Б. Грамматическая омонимия в современном китайском литературном языке // Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Москва, 1974. С. 132 – 143.

14. Pan Z., Lu J., Liu J. Chinese political discourse and its strategic ambiguity // Journal of Language and Politics. 2019. Vol. 18. No. 4. P. 521 – 541. DOI: 10.1075/jlp.18042.pan

15. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 252 p.

16. Zhang X. Metaphor in Chinese military diplomacy // Discourse & Society. 2021. Vol. 32. No. 2. P. 189 – 207. DOI: 10.1177/0957926520970383

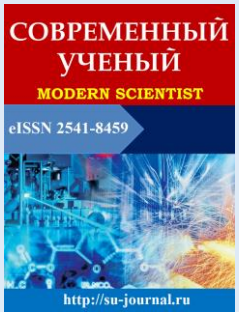
References

1. Belousova T.P. Homonymy in the Chinese Language and Its Manifestation in Culture. Modern Pedagogical Education. 2023. No. 3. P. 206 – 208. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/omonimiya-v-kitayskom-yazyke-i-ee-proyavlenie-v-kulture (date of access: 25.05.2026)
2. Wang Yuzhi Homonyms as a Linguistic Resource for Creating Puns in Advertising Texts in Chinese and Russian. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2021. Vol. 14. No. 11. P. 3550 – 3554.
3. Guruleva T.L., Abdrakhmanova A.R. Typological characteristics of syllabic languages (based on the languages of East and Southeast Asia). Modern pedagogical education. 2022. No. 11. P. 208 – 212. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-harakteristiki-slogovyh-yazykov-na-materiale-yazykov-vostochnoy-i-yugo-vostochnoy-azii (date of access: 21.05.2026)
4. Dijk T.A. van. Discourse and power: representation of dominance in language and communication. Moscow: Librokom Book House, 2013. 344 p.
5. Efremov V.A. The concept of "security" in Chinese political discourse. Political linguistics. 2020. No. 5 (83). P. 88 – 96. DOI: 10.26170/pl20-05-10
6. Malakhovsky L.V. On the Possibilities of Comparative-Typological Study of Homonyms (Towards the Issue of Semantic Universals). Problems of Semantics. Moscow, 1971. 232 p.
7. Soldatova L.V. Euphemisms in Modern Chinese Military-Political Discourse. Bulletin of Moscow University. Series 13, Oriental Studies. 2022. No. 4. P. 55 – 67.
8. Solntsev V.M. Introduction to the Theory of Isolating Languages. Moscow: Publishing Firm "Vostochnaya Literature" of the Russian Academy of Sciences, 1995. 352 p.
9. Toropov A.A. On the Problem of Description of Units (Based on the Modern Chinese Literary Language). History, Culture, and Languages of the Peoples of the East. Moscow, 1970. 232 p.
10. Khamatova A.A. Homonymy in Modern Chinese: A Study Guide. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2006. 120 p.
11. Khashimova S. On the Phenomenon of Conversion in Modern Chinese. Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences. 2022. Vol. 2. Special Issue 20. P. 87 – 94. DOI: 10.24412/2181-1784-2022-20-87-94
12. Khomutova T.N., Naumova K.A. Military-Political Discourse as a Special Type of Discourse. Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. 2017. No. 3. P. 49 – 53. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskiy-diskurs-kak-osobyy-tip-diskursa (date of access: 21.05.2026)
13. Yankiver S.B. Grammatical homonymy in modern Chinese literary language. Languages of China and Southeast Asia. Moscow, 1974. pp. 132–143.
14. Pan Z., Lu J., Liu J. Chinese political discourse and its strategic ambiguity. Journal of Language and Politics. 2019. Vol. 18. No. 4. P. 521 – 541. DOI: 10.1075/jlp.18042.pan
15. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. 252 p.
16. Zhang X. Metaphor in Chinese military diplomacy. Discourse & Society. 2021. Vol. 32.No. 2. P. 189 – 207. DOI: 10.1177/0957926520970383

Информация об авторе

Абдрахманова А.Р., кандидат филологических наук, старший преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-9441-9349, Военный университет имени князя Александра Невского МО РФ, yan-jiu@mail.ru

© Абдрахманова А.Р., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'22:070
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-73-79

Полипарадигмальность экономического медиадискурса: стратегии актуализации календарных и эсхатологических мифологем

[1] Москвина Ж.О., [1] Веремейко Э.Ю.

[1] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: в статье рассматривается феномен полипарадигмальности российского экономического медиадискурса в условиях хронической макроэкономической нестабильности. На материале ведущих деловых изданий («РБК», «Коммерсантъ», «Forbes») демонстрируется, что для осмысления кризисной реальности медиа актуализируют две архаичные, когнитивно противоречащие друг другу модели: календарную (апеллирующую к цикличности, упорядоченности и предсказуемости) и эсхатологическую (фиксирующую хаос, катастрофичность и необратимость). Цель исследования – доказать, что сосуществование этих мифологем отражает глубинную мифологичность сознания современной аудитории, которая в ситуации лиминальности требует одновременного использования обоих конструктов для достижения бытийного равновесия. Методология включает лексико-семантический и когнитивно-дискурсивный анализ корпуса из 120 медиатекстов (2025-2026 гг.). Результаты показывают, что календарные мифологемы («цикл», «фаза», «урожай») в дискурсе часто маркируют разрыв между ожидаемым порядком и реальной турбулентностью, тогда как эсхатологические («хаос», «шторм», «катастрофа») подвергаются стратегиям смягчения и экстернализации. Также выявлено, что фигура эксперта в медиадискурсе выполняет функцию институционального прогностического авторитета, обеспечивая когнитивную опору. Делается вывод о том, что полипарадигмальность является функциональной адаптацией дискурса к кризисной реальности.
Ключевые слова: экономический медиадискурс, полипарадигмальность, календарные мифологемы, эсхатологические мифологемы, когнитивная антропология, лиминальность, кризисная коммуникация, мифологическое сознание

Для цитирования: Москвина Ж.О., Веремейко Э.Ю. Полипарадигмальность экономического медиадискурса: стратегии актуализации календарных и эсхатологических мифологем // Современный ученый. 2026. № 11. С. 73 – 79. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-73-79

Поступила в редакцию: 9 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The polyparadigmality of economic media discourse: strategies for actualizing calendar and eschatological mythologemes

[1] Moskvina Zh.O., [1] Veremeiko E.Yu.

[1] National Research University Higher School of Economics

Abstract: this article examines the phenomenon of the polyparadigmality of the Russian economic media discourse under conditions of chronic macroeconomic instability. Drawing on materials from leading business publications (RBC, Kommersant, Forbes), it demonstrates that, to make sense of crisis reality, the media actualize two archaic, cognitively contradictory models: the calendar model (appealing to cyclicity, orderliness, and predictability) and the eschatological model (fixating on chaos, catastrophe, and irreversibility). The aim of the study is to prove that the coexistence of these mythologemes reflects the deep mythological nature of modern consciousness, which, in a state of liminality, requires the simultaneous use of both constructs to achieve ontological balance. The methodology includes lexico-semantic and cognitive-discourse analysis of a corpus of 120 media texts (2025–2026). The results show that calendar mythologemes ("cycle," "phase," "harvest") in the discourse often mark the gap between the expected order and the actual turbulence, whereas eschatological ones ("chaos," "storm," "catastrophe") are subjected to strategies of mitigation and externalization. It is also revealed that the figure of the expert in the media discourse performs the function of an institutional prognostic authority, providing cognitive support. The study concludes that polyparadigmality is a functional adaptation of the discourse to crisis reality.
Keywords: economic media discourse, polyparadigmality, calendar mythologemes, eschatological mythologemes, cognitive anthropology, liminality, crisis communication, mythological consciousness

For citation: Moskvina Zh.O., Veremeiko E.Yu. The polyparadigmality of economic media discourse: strategies for actualizing calendar and eschatological mythologemes. Modern Scientist. 2026. 11. P. 73 – 79. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-73-79

The article was submitted: June 9, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Российская экономика в последние десятилетия развивается в условиях, требующих постоянной адаптации к меняющейся внешней и внутренней среде. К числу ключевых факторов относятся структурные характеристики национальной экономики, региональная специфика, влияние международных экономических процессов, динамика мировых рынков энергоносителей, а также изменения в конфигурации торговых и логистических маршрутов. В этих обстоятельствах российский медиадискурс вырабатывает особые стратегии осмысления происходящего, обращаясь к архаичным, но когнитивно эффективным формам репрезентации реальности. В текстах ведущих деловых СМИ актуализируются две мифологические модели. Первая – календарная, апеллирующая к упорядоченности и предсказуемости. Вторая – эсхатологическая, фиксирующая хаос и катастрофичность. Обе модели сосуществуют в рамках единого дискурсивного пространства, что позволяет говорить о его полипарадигмальности.

Исследовательские вопросы: каким образом в условиях хронической экономической нестабильности российский медиадискурс конструирует полипарадигмальную структуру через одновременную актуализацию когнитивно противоречащих друг другу мифологем (календарной и эсхатологической), и какова антропологическая функция этого феномена для аудитории, находящейся в состоянии лиминальности?

Гипотеза исследования. Сосуществование календарных и эсхатологических мифологем в российском экономическом медиадискурсе служит инструментом поддержания смысловой опоры общества, выполняя компенсаторную функцию для аудитории в условиях экономической неопределенности.

Научная новизна данного исследования обеспечивается кросс-дисциплинарным сопряжением лингвистики и медиаисследований с когнитивно-антропологическими и символическими подходами, опирающимися на теории Л. Леви-Брюля, Э. Кассирера и В. Тернера. Впервые в едином аналитическом поле соотносятся: семантическая структура лексем, репрезентирующих календарные и эсхатологические мифологемы, антропологические основания их одновременной актуализации и компенсаторная функция подобных конструктов в российском экономическом медиадискурсе, интерпретируемом не как инструмент рациональной

коммуникации, а как механизм символической стабилизации общества в условиях перманентной неопределенности.

Появление в медиа мифологических компонентов обусловлено глубинной антропологической склонностью человека осмыслять мир через систему архаичных символов, вытесняя формальные логические принципы. Теоретически это обосновывает Л. Леви-Брюль, указывая, что в основе первобытного сознания лежит «постоянная тенденция к символизму» [3], где грань между реальным и магическим стирается, а символы черпаются из коллективного опыта. Сходную трактовку предлагает Э. Кассирер, рассматривающий миф как самостоятельную «символическую форму» духа, внутри которой образ и реальность отождествляются. Грань между реальным миром и магическим стирается: любое событие воспринимается как знак, который сразу же начинает интерпретироваться через его скрытое значение. При этом человек не конструирует эти символы индивидуально – он черпает их из уже сформированного коллективного опыта, где они существуют в готовом виде. Сходную трактовку мифологичности реальности предлагает Эрнст Кассирер в рамках «Философии символических форм» [2], где рассматривает миф как самостоятельную и изначальную «символическую форму» духа, наравне с языком, искусством и наукой. Мифологическое сознание обладает собственной внутренней логикой, внутри которой образ и реальность отождествляются и предстают как две равноправные части единого опыта. Доступная человеку реальность уже априори символически оформлена, а миф выступает одним из фундаментальных способов этого оформления, что объясняет устойчивость и частую воспроизводимость мифологических конструкций в различных дискурсивных практиках.

Мифологическое сознание особенно активно проявляется в моменты крушения привычных структур. Данный тезис раскрывается Виктором Тернером в работе «The Ritual Process: Structure and Anti-Structure» [10] через понятие лиминальности. В антропологической традиции изучения ритуалов перехода (из одного качества/свойства в другое) лиминальность фиксирует пограничное состояние, характеризующееся утратой определенности прежнего статуса при отсутствии нового. Тернер переносит это понятие на человеческий опыт: в переломные моменты (от индивидуальных кризисов до глобальных социальных потрясений) сознание оказывается в нестабильном состоянии, где привычные иерархии и нормы утрачивают силу. Тогда восприятие реальности осуществляется через мифологические образы и архетипы, которые допускают множественность интерпретаций и переосмысление привычных смыслов, предлагая «символическую» опору. Когнитивный антрополог Паскаль Буайе рассматривает подобный феномен в «Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие» (Minds Make Societies: How Cognition Explains the World Humans Create) [1]. В ситуациях неопределенности и коллективного стресса человеческий разум активирует эволюционно сформированные механизмы обработки информации, связанной с угрозами. В такие периоды люди становятся особенно восприимчивы к слухам, паническим настроениям и мифологическим нарративам, поскольку те предлагают простые и эмоционально заряженные объяснительные схемы, позволяющие редуцировать сложность происходящего до понятных причинно-следственных связей. Российская экономическая реальность, хронически нестабильная и непредсказуемая по своей сути, представляет собой ситуацию, типологически сходную с этими состояниями лиминальности и хаоса. Соответственно, для аудитории, не обладающей специализированной аналитической компетенцией в экономических вопросах, мифологемы, вызывающие устойчивые ассоциативные ряды, могут выступать в качестве когнитивной опоры, позволяющей интегрировать данную сложную и противоречивую сферу в повседневный опыт.

Понятие «полипарадигмальность дискурса» в данном контексте фиксирует сосуществование календарной и эсхатологической мифологических моделей. Несмотря на внешнее когнитивное противоречие, обе парадигмы восходят к единому архаическому циклическому восприятию времени, однако репрезентируют его различные фазы. Календарные мифологемы акцентируют этап упорядоченности: они транслируют идею предсказуемости, повторяемости процессов, фазовых переходов и ожидаемого финансового «урожая». Эсхатологические мифологемы, напротив, фокусируются на фазе кризиса и дестабилизации, однако в мифологическом сознании они не сводятся к идее абсолютной окончательности. Подобно календарным нарративам, они неотъемлемо содержат идею цикличности: хаос и разрушение воспринимаются не как финал, а как необходимая предпосылка для последующего обновления и восстановления порядка. Таким образом, в рамках экономического медиадискурса порядок и хаос выступают не как бинарная оппозиция, а как взаимодополняющие фазы единого мифологического цикла, что и обеспечивает их устойчивое сосуществование в полипарадигмальном пространстве.

Материалы и методы исследований

В процессе исследования было проанализировано 120 медиатекстов (общим объемом около 600 тыс. знаков) новостного и аналитического содержания, представленных в трех ведущих деловых изданиях

(«РБК», «Коммерсантъ», «Forbes») за период 2025-2026 годов. Критерии отбора: медиатексты опубликованы исключительно в ведущих российских деловых и экономически ориентированных СМИ – «РБК», «Коммерсантъ», «Forbes Russia».

Жанровая принадлежность: медиатексты относятся к жанрам новостной и аналитической журналистики – новостная заметка, аналитическая статья, комментарий эксперта, обзорная публикация, колонка. Тематическая направленность: материалы посвящены экономическим процессам, макроэкономическим показателям, финансовой политике, рыночной конъюнктуре, отраслевым трендам. Объем текста: не менее 1500 знаков (для исключения коротких новостных дайджестов, не содержащих развернутой дискурсивной репрезентации). Важным критерием при выборке стало наличие лексических маркеров: в тексте зафиксировано не менее двух лексем из семантических групп, соотносимых с календарной или эсхатологической мифологемой.

Отбор медиатекстов осуществлялся с использованием внутреннего поиска на сайтах изданий, по ключевым словам, сгруппированным в две семантические категории: а) календарная группа: «цикл», «фаза», «сезон», «урожай», «рост», «спад», «период», «этап», «тренд», «прогноз», «ожидание», «поворот», «восстановление», «оживление», «перелом», «сдвиг»; б) эсхатологическая группа: «шторм», «хаос», «катастрофа», «кризис», «коллапс», «обвал», «шок», «неопределенность», «турбулентность», «качели», «обнуление», «крах», «необратимость», «конец», «разрыв», «срыв», «идеальный шторм».

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий методы лексико-семантического и когнитивно-дискурсивного анализа. Лексико-семантический анализ применялся для изучения семантической структуры лексем, репрезентирующих календарные и эсхатологические мифологемы, заимствованные из работ В.Я. Проппа [7] и В.К. Соколовой [9] – для календарной модели, а также из исследований М. Элиаде [12], Е.М. Мелетинского [5] и Ж.О. Москвиной [6],– для эсхатологической модели. Когнитивно-дискурсивный анализ, в свою очередь, направлен на исследование механизмов функционирования мифологических конструктов в дискурсивном пространстве: способов их актуализации в конкретных медиатекстах, а также риторических стратегий, применяемых авторами для управления восприятием кризисной реальности, включая стратегии митигации, экстернализации и гибридизации.

Анализ позволил зафиксировать устойчивую частотность лексем, репрезентирующих ключевые семантические группы, и выявить стратегии их актуализации в профессиональном экономическом дискурсе.

Результаты и обсуждения

Одна из ключевых особенностей употребления мифологем в экономическом медиадискурсе состоит в том, что многие коллокации представляют собой устоявшиеся («мертвые») метафоры, воспринимаемые как термины («цикл смягчения», «идеальный шторм»). Однако их стандартизированность не лишает их мифологического потенциала: напротив, она запускает готовые ассоциативные ряды, встраивая событие в знакомую смысловую схему.

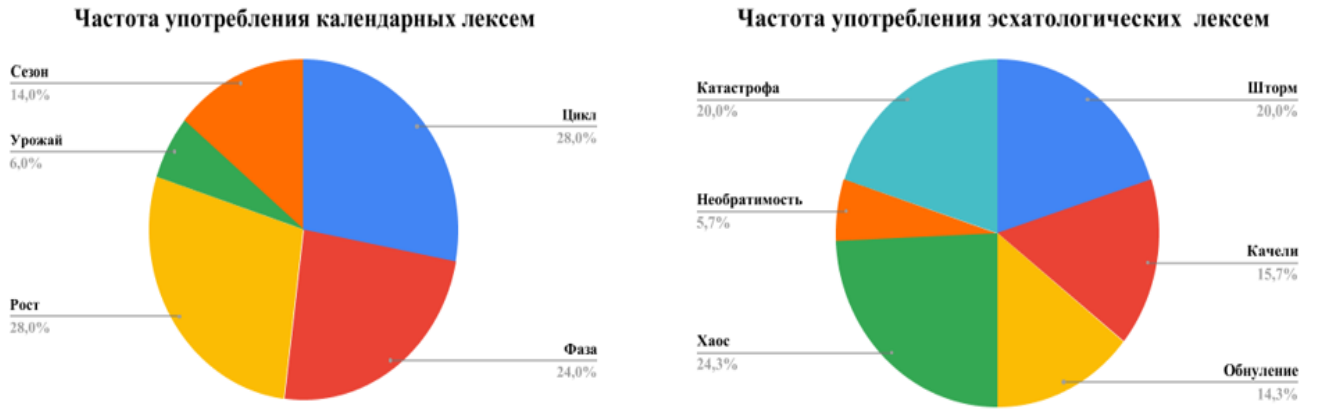


Рис. 1. Употребление календарных и эсхатологических мифологем в российском экономическом медиадискурсе.

Fig. 1. The use of calendar and eschatological mythologemes in Russian economic media discourse.

Как мы видим на графике, календарная парадигма реализуется через лексику цикличности, фазовости и воспроизводимости. «Цикл» включает два семантических регистра. С одной стороны, он репрезентирует структурированную организацию («монетарный цикл»). С другой – дискурс фиксирует напряжение: «несмотря на начавшийся цикл снижения... в жестких условиях», «какие-либо циклы перестали работать». Даже когда прогностический потенциал цикла исчерпан, дискурс удерживает его («мышление хайнетов строится вокруг циклов»), превращая в ритуальную константу, поддерживающую иллюзию порядка. «Фаза» служит инструментом диагностики («фаза экономики»). По своей сути эта логика восходит к архаическим моделям времяисчисления (аналогично фазам луны в аграрных практиках). Однако в дискурсе «фаза» часто маркирует уязвимость: «переход … в более опасную фазу», «более сбалансированная фаза... но сохраняется дефицит». «Сезон» сохраняет прямую связь с земледельческим календарем, выступая ориентиром для динамики цен («с исключением сезонности общий рост цен замедлился»). «Урожай» в корпусе фиксируется преимущественно в прямом значении, влияя на инфляционные ожидания. Однако метафорическое употребление («Американский урожай» в «Коммерсанте») переосмысляет его как «сбор плодов» экономической активности. «Рост» семантически близок к архаическим представлениям о плодородии. Интересно, что лексема придает экономическим процессам субъектность и автономность («доходы растут», «цены растут»), что соответствует модели П. Буайе об облегчении восприятия через наделение абстрактных процессов агентностью [1].

Эсхатологическая парадигма при этом реализуется через лексику дестабилизации. «Хаос» усиливается конструкциями, подчеркивающими масштаб («вверг мир... в хаос»). Часто хаос предстает как рукотворная субстанция инородного происхождения: его «сеют» частные инвесторы, в него «ввергают» геополитические игроки. Это лишает хаос самодостаточной субъектности и легитимирует отказ от ответственности. «Катастрофа» почти всегда сопровождается конструкциями отрицания или смягчения («не катастрофически», «катастрофы не произошло»). Основная функция слова – обозначать предел, до которого ситуация не дошла, снижая тревогу. «Шторм» описывается как временное испытание («переждать финансовый шторм»). Морская метафорика создает систему образов, где шторм – это среда для навигации, а не конец пути. «Необратимость» [6] встречается редко и привязана к свершившимся процессам, что подтверждает избегание риторики бесповоротности российскими деловыми СМИ.

Стоит отметить выявленное существование гибридных мифологем. Мифологема «качели» занимает промежуточное положение между календарной и эсхатологической парадигмами. В славянской народной культуре качание на качелях было ритуалом с отчетливой продуцирующей семантикой: оно должно было способствовать росту растений, здоровью и замужеству [8]. В современном дискурсе семантика лексемы смещается в сторону хаотичности. Однако коллокация «инфляционные качели» создает гибридную метафору, позволяющую описывать волатильность, не отказываясь ни от календарной повторяемости, ни от эсхатологической нестабильности. С одной стороны, «качели» имплицируют повторяемость, что сближает их с календарной моделью. С другой – акцент на резких труднопрогнозируемых колебаниях (чередование «ускорение», «торможение», «взлет») отсылает к эсхатологическому ощущению нестабильности.

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что российский экономический медиадискурс представляет собой полипарадигмальную систему. Календарная лексика фиксирует упорядоченность, однако систематически констатирует ее ненадежность в условиях внешних шоков. Эсхатологическая лексика акцентирует угрозу, но подвергается стратегиям митигации, сохраняя пространство для преодоления. Подобная семантическая подвижность представляет собой функциональную характеристику дискурса, адаптированного к кризисной реальности.

Синхронизация календарных и эсхатологических мифологем отражает состояние общества, находящегося в лиминальной фазе. Важно подчеркнуть, что обе модели не противоречат друг другу, а представляют собой взаимодополняющие аспекты единого циклического процесса: календарные мифологемы акцентируют порядок и повторяемость, эсхатологические – разрушение как необходимое условие обновления. Подобная полипарадигмальность выполняет стабилизирующую функцию, позволяя аудитории осмыслять кризисную реальность через архаичные, но когнитивно эффективные формы репрезентации. Мифологический каркас обеспечивает баланс между потребностью в предсказуемости и необходимостью осмысления непредсказуемого хаоса, достигая тем самым иллюзии бытийного равновесия.

Выполненная работа открывает ряд новых исследовательских перспектив. Один из ключевых вопросов касается степени осознанности использования данных мифологем самими журналистами и редакциями. Является ли полипарадигмальность следствием интуитивного копирования устоявшихся речевых практик, результатом неосознанной мифологизации профессионального языка или же осознанным риторическим инструментом, целенаправленно используемым медиа для управления аудиторными ожиданиями в эпоху

постправды и перманентного кризиса? Ответ на этот вопрос требует проведения глубинных интервью с акторами экономического медиаполя, что обозначает вектор для будущих исследований.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить и теоретически обосновать феномен полипарадигмальности российского экономического медиадискурса – устойчивое сосуществование в едином коммуникативном пространстве календарных и эсхатологических мифологем. Анализ подтвердил выдвинутую гипотезу: сосуществование календарных и эсхатологических мифологем в российском экономическом медиадискурсе служит инструментом поддержания смысловой опоры общества, выполняя компенсаторную функцию для аудитории в условиях экономической неопределенности. Подобная дискурсивная двойственность не является признаком логической неустойчивости или профессиональной небрежности журналистов, а выступает функциональной адаптацией медиа к условиям макроэкономической нестабильности.

Календарные мифологемы создают иллюзию упорядоченности и предсказуемости экономических процессов, однако в медиатекстах систематически маркируется их уязвимость. Эсхатологические мифологемы («хаос», «шторм», «катастрофа») акцентируют угрозу и катастрофичность, но подвергаются стратегиям митигации, сохраняя пространство для восстановления и преодоления. Выявленные гибридные конструкты и экспертная риторика выступают дополнительными механизмами когнитивного балансирования, позволяющими аудитории совмещать потребность в порядке с признанием непредсказуемости реальности.

Теоретическая значимость работы заключается во введении понятия «полипарадигмальность дискурса» как аналитической категории и в междисциплинарном синтезе когнитивной антропологии (Л. Леви-Брюль, Э. Кассирер, В. Тернер) с медиаисследованиями. Такой подход позволяет переосмыслить экономический медиадискурс не как инструмент исключительно рациональной коммуникации, а как форму символической компенсации коллективного стресса, отражающую фундаментальную мифологичность сознания современной аудитории, находящейся в состоянии лиминальности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при анализе других кризисных дискурсов – политического, социального, медицинского, – а также в педагогической практике при подготовке журналистов и специалистов в сфере деловой коммуникации, осознающих мифологическую природу профессионального языка.

Ограничения работы связаны с объемом и составом корпуса (120 текстов трех изданий за ограниченный временной период), что не позволяет экстраполировать выводы на весь массив российского экономического медиадискурса, включая региональные и нишевые издания, а также цифровые платформы. Перспективы дальнейших исследований видятся в сравнительном анализе мифологических конструктов в медиадискурсах других стран, переживающих схожие экономические потрясения, а также в изучении рецепции выявленных мифологем самой аудиторией – через фокус-группы и глубинные интервью с читателями деловых СМИ, что позволило бы верифицировать тезис о компенсаторной функции полипарадигмального дискурса на уровне индивидуального и коллективного восприятия.

Таким образом, российский экономический медиадискурс предстает не как зеркало, пассивно отражающее макроэкономическую реальность, а как активный когнитивный инструмент, посредством которого общество в условиях перманентного кризиса конструирует символическое равновесие, удерживая одновременно и порядок, и хаос как равно необходимые условия собственного бытования.

Список источников

1. Буайе П. Анатомия человеческих сообществ. Как сознание определяет наше бытие: пер. с англ. Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. 436 с.

2. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2002. 280 с. (Книга света).

3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении: пер. с фр. Б.И. Шаревской. Москва: Академический проект, 2020. 428 с. (Философские технологии. Социокультурная антропология).

4. Мартысюк П.Г. Характерные черты мифологического хронотопа в свете становления циклической парадигмы культуры // Человек. Культура. Образование. 2016. № 2 (20). С. 86 – 99.

5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. Москва: Восточная литература : Российская академия наук, 1995. 408 с.

6. Москвина Ж.О. Семантика необратимости в немецком медиадискурсе о глобальном кризисе: эсхатологические коды в национальной языковой картине мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 2. С. 398 – 408. DOI 10.22363/2312-9220-2026-31-2-398-408

7. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Санкт-Петербург: Азбука: Терра, 1995. 176 с.

8. Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н., Петрухин В.Я., Толстая С.М., Белова О.В. Славянская мифология: энциклопедический словарь. 2-е изд. Москва: Международные отношения, 2002. С. 232 – 233.

9. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. Москва: Наука, 1979. 286 с.

10. Тернер В. Символ и ритуал: пер. с англ. Москва: Наука, 1983. 277 с.

11. Тернер В. Ритуальный процесс. Структура и антиструктура. Итака; Нью-Йорк: Издательство Корнеллского университета, 1977. 213 с. (Серия: «Символ, миф и ритуал»).

12. Элиаде М. Аспекты мифа: пер. с фр. В. Большакова. Москва: Инвест-ППП, 1995. 240 с.

References

1. Boyer P. The Anatomy of Human Communities. How Consciousness Defines Our Being: trans. from English. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2019. 436 p.

2. Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2: Mythological Thinking. Moscow; St. Petersburg: University Book, 2002. 280 p. (The Book of Light).

3. Levy-Bruhl L. The Supernatural in Primitive Thinking: trans. from French by B.I. Sharevskaya. Moscow: Academichesky Proekt, 2020. 428 p. (Philosophical Technologies. Sociocultural Anthropology).

4. Martysyuk P.G. Characteristic Features of the Mythological Chronotope in Light of the Formation of the Cyclical Paradigm of Culture. Man. Culture. Education. 2016. No. 2 (20). P. 86 – 99.

5. Meletinsky E.M. The Poetics of Myth. Moscow: Vostochnaya Literatura: Russian Academy of Sciences, 1995. 408 p.

6. Moskvina J.O. The Semantics of Irreversibility in German Media Discourse on the Global Crisis: Eschatological Codes in the National Linguistic Picture of the World. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism. Journalism. 2026. Vol. 31. No. 2. P. 398 – 408. DOI 10.22363/2312-9220-2026-31-2-398-408

7. Propp V.Ya. Russian Agrarian Holidays. St. Petersburg: Azbuka: Terra, 1995. 176 p.

8. Agapkina T.A., Vinogradova L.N., Petrukhin V.Ya., Tolstaya S.M., Belova O.V. Slavic Mythology: An Encyclopedic Dictionary. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. P. 232 – 233.

9. Sokolova V.K. Spring-Summer Calendar Rites of Russians, Ukrainians, and Belarusians. Moscow: Nauka, 1979. 286 p.

10. Turner W. Symbol and Ritual: Trans. from English. Moscow: Nauka, 1983. 277 p.

11. Turner W. Ritual Process: Structure and Antistructure. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1977. 213 p. (Series: "Symbol, Myth, and Ritual").

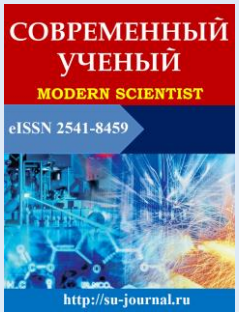
12. Eliade M. Aspects of myth: trans. from fr. V. Bolshakova. Moscow: Invest-PPP, 1995. 240 p.

Информация об авторах

Москвина Ж.О., кандидат филологических наук, доцент, Институт медиа, факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Веремейко Э.Ю., Институт медиа, факультета креативных индустрий, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

© Москвина Ж.О., Веремейко Э.Ю., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 8111.11
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-80-85

Способы репрезентации мифологической метафоры в английской фразеологии

[1] Люткина Ю.Н., [1] Негрей А.О.

[1] Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова

Аннотация: в статье рассматриваются способы представления мифологической метафоры во фразеологии английского языка. Актуальность темы обусловлена постоянным интересом современной лингвистики к взаимодействию языка, культуры и мышления, а также необходимостью описать, как мифологические образы сохраняются, трансформируются и переосмысливаются в идиоматическом употреблении.
Цель исследования состоит в выявлении основных способов, при помощи которых мифологическая метафора репрезентируется в английских фразеологических единицах, а также в описании семантических и лингвокультурных функций этих единиц. Материалом исследования послужили английские идиомы и устойчивые выражения, связанные с греко-римской, германо-скандинавской и более широкой европейской мифопоэтической традицией. В работе использованы описательный, компонентный, контекстуальный и когнитивно-семантический методы анализа.
В ходе анализа установлено, что мифологическая метафора реализуется в английской фразеологии несколькими основными путями: через прямую номинацию, аллюзивную компрессию, символическое обобщение, оценочное переосмысление и частичную десемантизацию исходного мифа. Именно эти механизмы позволяют фразеологическим единицам сохранять культурную память и при этом оставаться пригодными для современного речевого употребления.
Результаты исследования представляют интерес для когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лексикографии и переводоведения, поскольку показывают, как мифологический нарратив переходит из сферы повествования в сферу устойчивой языковой номинации.
Ключевые слова: мифологическая метафора, фразеология, идиома, аллюзия, когнитивная семантика, миф, лингвокультурология

Для цитирования: Люткина Ю.Н., Негрей А.О. Способы репрезентации мифологической метафоры в английской фразеологии // Современный ученый. 2026. № 11. С. 80 – 85. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-80-85

Поступила в редакцию: 10 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Ways of representing mythological metaphor in English phraseology

[1] Lyutkina Yu.N., [1] Negrey A.O.

[1] North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Abstract: the article deals with the ways of representing mythological metaphor in the phraseology of the English language. The topic is relevant because modern linguistics takes an unfailing interest in the interaction of language, culture and thought, as well as in the necessity to describe how mythological images are preserved, transformed and reinterpreted in idiomatic use.

The purpose of the study is to identify the main ways in which mythological metaphor is represented in English phraseological units and to describe their semantic and linguocultural functions. The material of the study was English idioms and set expressions related to Greco-Roman, Germanic-Scandinavian, and wider European mythopoetic traditions. The analysis combines descriptive, componential, contextual, and cognitive-semantic methods.

The study shows that mythological metaphor in English phraseology is realized through direct nomination, allusive compression, symbolic generalization, evaluative reinterpretation, and partial desemantization of the source myth. These mechanisms enable phraseological units to preserve cultural memory while remaining functional in contemporary communicative practice.

The findings may be interesting for cognitive linguistics, linguoculturology, lexicography, and translation studies, as they show how a mythological narrative is transferred from the realm of storytelling into the realm of set language expressions.

Keywords: mythological metaphor, phraseology, idiom, allusion, cognitive semantics, myth, linguoculturology

For citation: Lyutkina Yu.N., Negrey A.O. Ways of representing mythological metaphor in English phraseology. Modern Scientist. 2026. 11. P. 80 – 85. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-80-85

The article was submitted: June 10, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Мифологическая метафора занимает особое место во фразеологической системе английского языка, поскольку связывает значение устойчивого выражения не только с отдельным образом, но и с культурно закрепленной повествовательной моделью. В составе фразеологической единицы миф обычно не воспроизводится полностью: он сжимается до имени, предмета, ситуации или оценочного признака. Поэтому такие единицы функционируют одновременно как языковые знаки и как элементы культурной памяти [3, с. 609-610; 6, с. 54-55; 9, с. 440].

Фразеологические единицы характеризуются воспроизводимостью, устойчивостью состава, семантической целостностью и различной степенью идиоматичности [1, с. 140; 2, с. 39]. В современных исследованиях подчеркивается, что значение фразеологизма не выводится из суммы значений его компонентов, а потому требует учета культурного контекста, внутренней формы и степени прозрачности образа [5, с. 61-62; 10, с. 108]. Для мифологической фразеологии это особенно существенно: имя или сюжетный фрагмент сохраняют связь с источником, но в современном употреблении начинают обозначать обобщенный признак или повторяющуюся ситуацию.

Актуальность темы связана с развитием когнитивного и лингвокультурологического подходов к изучению фразеологии. В рамках когнитивной лингвистики фразеологические единицы рассматриваются не только как единицы вторичной номинации, но и как устойчивые способы концептуализации опыта. При этом многие идиоматические выражения опираются на метафорические модели, которые могут быть как универсальными, так и культурно специфичными [6, с. 55-56; 8, с. 288]. Мифологическая метафора, в свою очередь, представляет собой один из наиболее показательных случаев такой культурно маркированной концептуализации.

Целью данной статьи является описание способов репрезентации мифологической метафоры в английской фразеологии. Для достижения этой цели необходимо уточнить статус мифологической метафоры по отношению к фразеологическому значению, охарактеризовать корпус мифологических фразеологических

единиц английского языка и описать регулярные способы представления мифологической образности в устойчивых выражениях.

В процессе исследования мы исходили из того, что мифологическая метафора может быть представлена во фразеологизме с разной степенью эксплицитности. В одних случаях связь с мифом остается прозрачной, поскольку выражение содержит мифоним или узнаваемый сюжетный компонент; в других случаях мифологическая основа частично утрачивает конкретность и функционирует как обобщенный символ, оценочный маркер или лексикализованное значение [4, с. 187].

Материалы и методы исследований

Материал исследования включает 316 английских мифологических фразеологических единиц, отобранных из толковых и фразеологических словарей, а также лексикографических и корпусных описаний использования идиом. Критерием отбора было наличие устойчивого переносного значения, связанного с античной, германо-скандинавской или широкой европейской мифопоэтической традицией. В корпус включались не случайные литературные цитаты, а выражения, закрепленные в языке и воспроизводимые как фразеологические единицы.

В статье используется сочетание описательного, компонентного, контекстуального и когнитивно-семантического методов. Описательный метод применяется для фиксации и классификации материала. Компонентный анализ позволяет выделить признаки, которые активируются через конкретный мифологический образ: «уязвимость» в Achilles’ heel («ахиллесова пята»), «опасные последствия» в Pandora’s box («ящик Пандоры»), «чрезмерная сложность» в Herculean task («геркулесов труд») [3, с. 612-613; 12, с. 10-12].

Когнитивно-семантический метод используется для установления соответствия между исходным мифологическим доменом и целевым значением идиомы, которое осуществляется не только через имя персонажа или название связанного с мифом объекта, но и в результате метафорического переноса действия, оценки или целого сценария. Контекстуальный анализ необходим для разграничения случаев прямой номинации, аллюзивного сжатия, символического обобщения, оценочного переосмысления и частичной десемантизации [8, с. 287-288; 13, с. 170-172].

Результаты и обсуждения

В лингвистической литературе фразеология традиционно рассматривается не только как совокупность устойчивых сочетаний, но и как пласт языка, где особенно заметно взаимодействие лексического значения и культурной памяти. Идиомы сохраняют следы прежних представлений, привычных оценок и повторяющихся способов описания действительности. Поэтому мифологический компонент в составе ФЕ важен не как декоративная отсылка к древнему сюжету, а как средство смысловой организации: он задает образ, ограничивает круг ассоциаций и помогает говорящему точно номинировать сложную ситуацию [6, с. 54-55; 9, с. 440].

Одним из наиболее очевидных каналов включения мифологического материала во фразеологию является мифоним. В рамках данной статьи под мифонимом понимается имя собственное, связанное с мифологическим персонажем, местом, предметом или событием. Однако в составе устойчивого выражения такое имя уже не просто называет героя или мифологический объект. Оно начинает работать как знак более общего содержания: указывает на тип ситуации, модель поведения, признак характера или оценку, закрепленную за данным образом в культурной традиции [3, с. 609-612; 7, с. 39-40].

Анализ собранного материала показывает, что наиболее частотным источником английских мифологических фразеологизмов остается античная традиция. Это закономерно: греко-римские сюжеты в течение длительного времени входили в европейскую систему образования, риторику, художественную литературу и язык публицистики. Благодаря этому выражения Achilles’ heel («ахиллесова пята»), Pandora’s box («ящик Пандоры»), Midas touch («прикосновение Мидаса»), Herculean task («геркулесов труд»), Sisyphean labor («сизифов труд»), between Scylla and Charybdis («между Сциллой и Харибдой») и Cassandra warnings («пророчества Кассандры») воспринимаются не как случайные литературные цитаты, а как закрепленные единицы английской идиоматики [3, с. 612-615; 11, с. 31-32; 12, с. 10-12].

Первый способ репрезентации можно обозначить как прямую номинацию. Он наблюдается тогда, когда мифологический источник открыто представлен в структуре выражения через имя персонажа, предмета или ситуации. Значение ФЕ в таком случае строится вокруг одного наиболее узнаваемого признака. Так, Achilles’ heel («ахиллесова пята») обозначает уязвимое место в человеке, системе или замысле; the Midas touch («прикосновение Мидаса») соотносится со способностью превращать любое дело в успех; Herculean

efforts («геркулесовы усилия») указывает на труд, требующий исключительного напряжения [3, с. 612-613; 12, с. 10-11]. Здесь мифоним фактически становится смысловой опорой всего фразеологизма.

Второй способ связан с аллюзивным сжатием. В таких случаях фразеологизм не ограничивается называнием персонажа или предмета, а передает в краткой форме целую мифологическую ситуацию. To open Pandora's box («открыть ящик Пандоры») обозначает действие, после которого возникает цепь непредвиденных бед; полустишие Вергилия, вошедшее в поговорку «beware of Greeks bearing gifts» («бойтесь данайцев, дары приносящих»), отсылает к мифу о Троянской войне, указывая на некий подарок или благодеяние, которые представляют потенциальную опасность для принимающего эту мнимую помощь.; to cut the Gordian knot («разрубить гордиев узел») передает представление о радикальном решении сложной проблемы [11, с. 31-32; 12, с. 10-12]. В подобных единицах для понимания важен не один изолированный признак, а свернутый сюжетный сценарий.

Третий способ репрезентации представляет собой символическое обобщение. Мифологический образ при этом сохраняется, но начинает обозначать более широкий круг явлений, чем исходный сюжет. Фразеологизм Labours of Hercules уже не обязательно вызывает в воображении подвиги Геракла как последовательность; он просто обозначает любую задачу, решение которой требует исключительных усилий. Точно так же ФЕ Cassandra warnings ("пророчества Кассандры") означает, предостережения о грядущих бедствиях, которыми пренебрегают, но которые сбываются, хотя многие люди, использующие эту ФЕ, не знают, что именно предсказала троянская царевна. Образ, лежащий в основе мифологической метафоры, функционирует как культурный символ, а не как элемент вербализуемого прецедентного текста [3, с. 613-615].

Четвертый способ связан с оценочным переосмыслением. Здесь на первый план выходит не фабула мифа как таковая, а та оценка, которая закрепилась за соответствующим образом в языке. Одним из богатейших источников символических обобщений во фразеологии являются библейские мифы, поскольку их персонажи и сюжеты бытовали и осмысливались в христианском мире на протяжении столетий, что привело к экстраполяции ряда понятий на целый ряд сходных ситуаций и приданию им обобщенно-символического значения с ярко выраженной положительной или отрицательной оценкой. Фразеологическая единица «thirty pieces of silver» является прецедентным высказыванием, отсылающим к предательству Иудой Христа, и становится обобщенным негативным символом предательства как такового. Аналогично ФЕ «the mark of Cain» «каинова печать» обладает ярко выраженной отрицательной семантикой и обозначает особый знак, наложенный Богом на Каина после того, как тот убил своего брата Авеля. Библейский образ становится обозначением клейма или непреходящей вины. В этих примерах мифологическая метафора становится морально-семантическим маркером и выполняет не только номинативную, но и аксиологическую функцию [12, с. 11-12].

Пятый способ можно охарактеризовать как частичную десемантизацию. Он проявляется тогда, когда выражение сохраняет мифологическую форму, но для его понимания уже не требуется обязательное обращение к исходному мифу. В этом случае фразеологическая единица постепенно теряет связь с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией. Примерами частичного ослабления внутренней формы являются фразеологизмы "the sword of Damocles" и "the apple of discord". Выражение «дамоклов меч» используется как обозначение постоянной угрозы даже теми, кто не знает всей истории о Дамокле и тиране Сиракуз Дионисии, а идиома «яблоко раздора» стала употребляться в обиходной речи для обозначения предмета или события, вызывающего споры, зависть и являющегося причиной конфликта, независимо от того, знает ли говорящий о золотом яблоке Эриды или нет. В результате десемантизации мифологическая основа не стирается полностью, но ослабляется по мере того, как внутренняя форма фразеологизма утрачивает прозрачность, а значение становится более диффузным и ситуативно обусловленным [5, с. 61-62; 8, с. 296].

Рассмотренные выше способы репрезентации мифологической метафоры во ФЕ образуют скорее континуум, чем набор жестких категорий. Отдельная фразеологическая единица может сочетать прямую номинацию с символическим обобщением или аллюзивное сжатие с оценочным переосмыслением.

Материал показывает, что мифологическая метафора придает фразеологизму образную емкость и культурную глубину. С ее помощью английская идиоматика кратко обозначает ситуации уязвимости, искушения, угрозы, конфликта, чрезмерного труда, бесплодного усилия или разрушительных последствий. Устойчивость таких выражений связана не только с древностью их происхождения, но и с тем, что мифологические образы легко приспосабливаются к современным коммуникативным задачам и продолжают использоваться вне собственно мифологического контекста [6, с. 60-61; 9, с. 440-441].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что мифологическая метафора в английской фразеологии представлена несколькими устойчивыми способами. К ним относятся прямая номинация, аллюзивное сжатие, символическое обобщение, оценочное переосмысление и частичная десемантизация. Все эти способы связаны с преобразованием мифологического нарратива в более компактную языковую форму, однако степень сохранения исходного сюжета в каждом случае различна.

При прямой номинации мифоним или мифологический объект остается наиболее заметным элементом фразеологизма. Аллюзивное сжатие переводит развернутый сюжет в краткую формулу. Символическое обобщение расширяет значение образа и делает его пригодным для описания разных ситуаций. Оценочное переосмысление закрепляет за выражением определенную аксиологическую характеристику, а частичная десемантизация ослабляет потребность в знании полного мифа, сохраняя при этом образную основу.

Следовательно, мифологические фразеологизмы сохраняют значимость в современном английском языке благодаря сочетанию двух свойств: связи с культурной памятью и высокой коммуникативной экономии. Миф, входя в состав устойчивого выражения, не воспроизводится в полном объеме, а подвергается сжатию, переоценке и семантической адаптации. Именно поэтому мифологическая метафора остается продуктивным средством фразеологической номинации и оценки.

Список источников

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140 – 161.

2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа; Дубна: Феникс+, 1996. 381 с.

3. Кучура Е.В. Мифоним как объект лингвистического описания // Идеи. Поиски. Решения: материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 14 нояб. 2025 г. Минск: БГУ, 2025. С. 609 – 615.

4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

5. Alisoy H. Structural and Semantic Taxonomy of English Phraseological Units: A Theoretical Perspective // Porta Universorum. 2025. Vol. 1. № 8. P. 61 – 82.

6. Aliyeva E. Phraseological Universals and Particulars: A Cross-Cultural Examination of English Expressions // Porta Universorum. 2025. Vol. 1. № 4. P. 54 – 62.

7. Curdova S., Sciuchina O. Proper Names in the Composition of English and German Phraseological Units. 2023. P. 39 – 42.

8. Kovaliuk Y. Idioms in Cognitive Linguistics: Is It All about Conceptual Metaphor Theory? // British and American Studies. 2022. Vol. 28. P. 287 – 298.

9. Kydyrmoldina E., Darmenkulova R., Amirov A., Sarsembayeva M., Dosmailova A. Linguocultural Aspect of English Phraseological Units With Numbers // Forum for Linguistic Studies. 2025. Vol. 7. № 8. P. 440 – 450.

10. Mirsagatova P.A.K. Comparative Analysis of Thematic Classifications in English Phraseology // Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. 2024. Vol. 5. № 4. P. 107 – 113.

11. Plotnikova N.V. Comparative Analysis of Bibleisms and Mythologisms with an Onomastic Component (Based on Material of Not-Related Languages) // Наукові записки. Серія: Філологічні науки. 2025. Вип. 2 (213). P. 29 – 35.

12. Shavkatovna H.O. Representation of Mythologisms in Phraseological Level Units // Conference of Natural and Applied Sciences in Scientific Innovative Research. 2024. Issue 4. P. 10 – 12.

13. Shintemirova A., Serikova S., Yessetova A., Irgebayeva A., Minaeva N. Stylistic Characteristics of Phraseological Units with a Numeric Component // Novitas-ROYAL (Research on Youth and Language). 2024. Vol. 18. № 1. P. 169 – 178.

References

1. Vinogradov V.V. On the Main Types of Phraseological Units in the Russian Language. Vinogradov V.V. Lexicology and Lexicography. Moscow: Nauka, 1977. P. 140 – 161.

2. Kunin A.V. Course in Phraseology of Modern English. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola; Dubna: Feniks+, 1996. 381 p.

3. Kuchura E.V. Mythonyms as an Object of Linguistic Description. Ideas. Searches. Solutions: Proc. XIX Intern. Scientific and Practical Conf., Minsk, November 14, 2025. Minsk: BSU, 2025. P. 609 – 615.

4. Telia V.N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. M.: School “Languages of Russian Culture”, 1996. 288 p.

5. Alisoy H. Structural and Semantic Taxonomy of English Phraseological Units: A Theoretical Perspective. Porta Universorum. 2025. Vol. 1. No. 8. P. 61 – 82.

6. Aliyeva E. Phraseological Universals and Particulars: A Cross-Cultural Examination of English Expressions. Porta Universorum. 2025. Vol. 1. No. 4. P. 54 – 62.

7. Curdova S., Sciuchina O. Proper Names in the Composition of English and German Phraseological Units. 2023. P. 39 – 42.

8. Kovaliuk Y. Idioms in Cognitive Linguistics: Is It All about Conceptual Metaphor Theory? British and American Studies. 2022. Vol. 28. P. 287 – 298.

9. Kydyrmoldina E., Darmenkulova R., Amirov A., Sarsembayeva M., Dosmailova A. Linguocultural Aspect of English Phraseological Units With Numbers. Forum for Linguistic Studies. 2025. Vol. 7. No. 8. P. 440 – 450.

10. Mirsagatova P.A.K. Comparative Analysis of Thematic Classifications in English Phraseology. Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. 2024. Vol. 5. No. 4. P. 107 – 113.

11. Plotnikova N.V. Comparative Analysis of Bibleisms and Mythologisms with an Onomastic Component (Based on Material of Not-Related Languages). Scientific Notes. Series: Philological sciences. 2025. VIP. 2 (213). P. 29 – 35.

12. Shavkatovna H.O. Representation of Mythologisms in Phraseological Level Units. Conference of Natural and Applied Sciences in Scientific Innovative Research. 2024. Issue 4. P. 10 – 12.

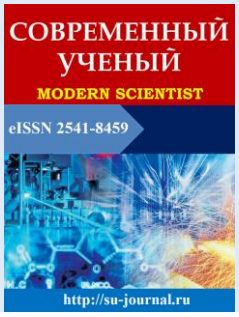
13. Shintemirova A., Serikova S., Yessetova A., Irgebayeva A., Minaeva N. Stylistic Characteristics of Phraseological Units with a Numeric Component. Novitas-ROYAL (Research on Youth and Language). 2024. Vol. 18. No. 1. P. 169 – 178.

Информация об авторах

Люткина Ю.Н., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44-46, nosu@nosu.ru

Негрей А.О., Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 44-46, nosu@nosu.ru

© Люткина Ю.Н., Негрей А.О., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.111
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-86-96

Сравнительно-сопоставительный анализ библейской интертекстуальности в англоязычном и русскоязычном фэнтези-дискурсе (на материале произведений Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники»)

[1] Рацеева Д.С.

[1] Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Аннотация: в настоящей статье исследуется библейская интертекстуальность в англоязычном и русскоязычном фэнтези дискурсе на примерах произведений Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники», которые являются яркими примерами данного типа дискурса. Дискурсом называется текст, рассматриваемый к контексте коммуникативно-речевой ситуации. Фэнтези дискурс отличается от множества других дискурсов наличием интертекстуальности, проявляющейся в рассматриваемых в настоящей статье произведениях в виде собственно интертекстуальных (цитата, аллюзия и реминисценция) и паратекстуальных (эпиграфы) форм, выполняющих различные функции: интегративную, миромоделирующую, индентифицирующую и аксиологическую. Анализ эмпирического материала показал, что интегративная и миромоделирующая функции интертекстуальности являются ведущими в текстах романов (37% и 34% в трилогии «Темные начала» и 37,5% и 50% в трилогии «Вечники», соотстветственно). Аксиологическая функция интертекстуальности представлена с меньшей частотностью (5% и 12,5% соответственно), а идентифицирующая функция наблюдается только в произведениях Ф. Пулмана (24%). В фэнтези дискурсе Е. Булгановой данная функция обнаруживает свою лакунарность. Приведенные выше данные позволяют сделать вывод о различном характере использования интертекстуальности в исследуемых произведениях фэнтези дискурса: эксплицитном в трилогии «Темные начала» и имплицитном в трилогии «Вечники».
Ключевые слова: дискурс, дискурс фэнтези, интертекстуальность, паратекстуальность, прагматические функции, цитата, аллюзия, реминисценция

Для цитирования: Рацеева Д.С. Сравнительно-сопоставительный анализ библейской интертекстуальности в англоязычном и русскоязычном фэнтези-дискурсе (на материале произведений Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники») // Современный ученый. 2026. № 11. С. 86 – 96. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-86-96

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Comparative analysis of biblical intertextuality in the English and Russian fictional fantasy discourse (on F. Pullman's «His Dark Matherials» and E. Bulganova's «Vechniki» series)

[1] Ratseeva D.S.

[1] Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Abstract: this article examines biblical intertextuality in the English and Russian fictional fantasy discourse using F. Pullman's «His Dark Materials» and E. Bulganova's «Vechniki» series as prime examples of this type of a discourse. Discourse is defined as text considered in the context of a communicative speech situation. Fantasy discourse differs from many other types of discourses by the presence of intertextuality, which manifests itself in the works examined in this article in the form of intertextual forms (quotation, allusion, and reminiscence) and paratextual forms (epigraphs), which perform various functions: integrative, world-modeling, identifying, and axiological. Analysis of the empirical material revealed that the integrative and world-modeling functions of intertextuality are the leading ones in the novels (37% and 34% in «His Dark Materials» trilogy and 37.5% and 50% in «Vechniki» trilogy, respectively). The axiological function of intertextuality is presented with less frequency (5% and 12.5%, respectively), and the identifying function is present only in the works of F. Pullman (24%). This function reveals its lacunarity in E. Bulganova's fantasy discourse. The data noted above allow us to conclude that the use of intertextuality in these works of fantasy discourse differs: explicit in «His Dark Materials» trilogy and implicit in «Vechniki» trilogy.
Keywords: discourse, fantasy discourse, intertextuality, paratextuality, pragmatic functions, quotation, allusion, reminiscence

For citation: Ratseeva D.S. Comparative analysis of biblical intertextuality in the English and Russian fictional fantasy discourse (on F. Pullman's «His Dark Matherials» and E. Bulganova's «Vechniki» series). Modern Scientist. 2026. 11. P. 86 – 96. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-86-96

The article was submitted: June 11, 2026; Approved after reviewing: July 8, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Объектом исследования современной лингвистики являются разнообразные дискурсы (песенный, юмористический, медиа-дискурс и т.д.) [11, 12, 13, 16, 17]. Термином «дискурс» обозначается «семантически и грамматически связанная последовательность предложений-высказываний (реплик) в устной или письменной, монологической или диалогической форме, обращённая к слушателю/читателю/наблюдателю, отражающая целостную коммуникативно-речевую ситуацию и учитывающая к качестве экстралингвистических факторов всех её участников» [2, с. 79].

Среди множества существующих типов дискурса выделяется дискурс фэнтези, имеющий следующие особенности: интертекстуальность, наличие волшебных явлений, существующих априори и принимаемых за аксиому, и существование параллельно реальному миру «другого» мира, являющегося источником волшебства и магии, а также эпический характер конфликта, наличие сказочной или авантюрной фабулы сказки, деформация хронотопа (использование в повествовании различных моделей времени, например, нелинейного или циклического) и атмосфера Средневековья [06, с. 105-106; 19, с. 66-70]. На современном этапе развития данного дискурса наблюдается формирование направлений фэнтези, что привело к возникновению ряда классификаций произведений в трудах лингвистов [1, с. 87; 9, с. 101; 18, с. 87-89]. Исследователи отмечают, что в отдельных произведениях фэнтези не всегда проявляются все перечисленные выше особенности данного типа дискурса, однако, интретекстуальность в том или ином виде присутствует во всех произведениях фэнтези.

Материалы и методы исследований

Термин «интертекстуальность» был впервые использован в трудах Ю. Кристевой, которая использовала его в следующем значении: «социальное целое, рассмотренное как текстуальное целое» [10, с. 27]. Исследователь пояснила, что интертекстуальность возникает как «впитывание и трансформация другого текста»

[10, с. 27]. Соответственно, в текстах, созданных с помощью форм или различных проявлений интертекстуальности, присутствуют заимствованные из других произведений (как фэнтези дискурса, так и других дискурсов, например, религиозного, художественного, исторического и т.д.) герои, сюжеты, символы, мотивы и иные значимые для создания оригинального произведения идеи, а также могут иметь место отсылки к другим частям данного произведения или другим произведениям автора [24, p. 87]. Важно отметить, что речь идёт не о механическом заимствовании и компиляции, а о творческой переработке и трансформации информации, полученной из текстов-доноров, т.е. источников интертекстуальности или, в соответствии с трудами Н. Пьеге-Гро, интертекста.

Исследовательница предложила различать «интертекстуальность» и «интертекст», подчеркнув, что «ннтертекстуальность – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывается на другой текст, а интертекст – это совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением (в случае аллюзии) или включается в него (как в случае цитаты)» [15, с. 49]. В приведённой цитате упомянуты такие формы интертекстуальности, как аллюзии и цитаты. Рассмотрим их подробнее.

Формы интертекстуальности, согласно типологии И.В. Арнольд, делятся на две группы: *внешние* и *внутренние* – которые лингвист разграничивает следующим образом: «При *внешней интертекстуальности* смена субъекта речи реальная: цитата действительно принадлежит перу другого автора. А *внутренняя интертекстуальность* (письма, дневники, литературные герои) – по существу фиктивная» [3, с. 22]. Иными словами, согласно данному подходу к классификации форм интертекстуальности, можно выделить собственно интертекстуальные формы (их три – цитата, аллюзия и реминисценция) и фиктивные интертекстуальные формы (всевозможные ссылки на документы, существующие в вымышленном мире и созданные автором произведения с целью более детального описания данного «вторичного» мира).

Вслед за И.В. Арнольд отечественные исследователи относили к формам интертекстуальности главным образом цитаты, аллюзии и реминисценции. Данные термины трактовались в следующих значениях. Так, реминисценцией называется «намек на прецедентный текст, обнаруживаемый в художественном или публицистическом тексте, отзвук более раннего текста» [14, с. 303]. Аллюзия – это «стилистическая фигура, выражение, намек посредством сходно звучащего слова или упоминания общеизвестного факта» [14, с. 28]. Цитату трактуют как «точное воспроизведение какого-либо фрагмента чужого текста» [7, с. 109].

Более подробную типологию интертекстуальности предложил Ж. Жаннет. Французский лингвист выделил пять типов интертекстуальности: *собственно интертекстуальные формы* (совпадает с типологией И.В. Арнольд), *паратекстуальные формы* (дополнительные элементы дискурса, например, иллюстрации), *метатекстуальные формы* (служащие для пояснения и комментирования, например, сноски и примечания), *гипертекстуальные формы* (интерактивность и нелинейность повествования, вариативность алгоритмов взаимодействия с текстом), а также *архитекстуальные формы* (проявление в произведении признаков дискурса) [20, p. 1-6]. В рамках сравнительно-сопоставительного анализа форм интертекстуальности в англо- и русскоязычном дискурсах фэнтези представляется целесообразным использовать обе типологии интерстестуальности, описанные выше (И.В. Арнольд и Ж. Жаннет).

Эмпирическим материалом настоящей статьи послужили две трилогии фэнтези дискурса: «Темные начала» Ф. Пулмана и «Вечники» Е. Булгановой. Серия книг Ф. Пулмана «His Dark Matherials» («Темные начала») состоит из трех произведений: «Northern Lights» («Северное сияние»), «The Subtle Knife» («Чудесный нож») и «The Amber Spyglass» («Янтарный телескоп»), которые были опубликованы в период с 1995 по 2000 гг. [22]. Данные произведения относятся к героико-эпическому приключенческому философскому фэнтези. В центре повествования оказываются подростки, Лира Белаква и Уилл Парри, чья встреча была предсказана много лет назад. Герои должны повторить историю Адама и Евы и восстановить естественное равновесие в мире, остановив церковь, могущественный Магистериум, который в попытке избавить мир от первородного греха, может его уничтожить. Перечисленные выше произведения относятся к «высокому» фэнтези, т.к. их действие разворачивается в нескольких вымышленных «других» мирах, существующих параллельно реальному миру.

Трилогия Е. Булгановой «Вечники» состоит из следующих книг: «Книга воды», «Книга огня» и «Книга земли», которые были опубликованы в период с 2016 по 2018 гг. [5]. Данные произведения находятся на стыке городского приключенческого фэнтези и young adult фэнтези. Главная героиня, Лида Весна, обладающая даром бессмертия, сталкивается с миром вечников, имеющих такой же дар, и пытается найти ответы на «вечные» вопросы и распоряжаться своим даром разумно.

Главные герои обеих трилогий, согласно композиции дискурса фэнтези, проходят серию испытаний и странствий. Сюжет, а также конфликт рассматриваемых произведений Ф. Пулмана основан на использова-

нии различных форм интертекстуальности, основанных по большей части на Библии и других прецедентных текстах, связанных с основным источником, в то время как в романах Е. Булгановой Библия является лишь одним из источников интертекстуальности.

Цель настоящего исследования состоит в проведении сравнительно-сопоставительного анализа форм библейской интертекстуальности в англо- и русскоязычном дискурсе фэнтези и выявлении особенностей их использования на материале трилогий Ф. Пулмана «His Dark Matherials» («Темные начала») и Е. Булгановой «Вечники».

Отметим, что в настоящей статье внимание уделяется только библейской интертекстуальности, представленной в текстах, являющихся эмпирическим материалом исследования. Под термином «прецедентные тексты» вслед за Ю.Н. Карауловым подразумеваются тексты «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [8, с. 216]. В результате анализа выявлены три источника библейской интертекстуальности в трилогиях «Темные начала» и «Вечники»:

1) Библия (Ветхий и Новый завет), являющаяся каноническим «хрестоматийным» общеизвестным текстом;

2) «Потерянный рай» («Paradise Lost») Дж. Мильтона (1667), являющийся национальным прецедентным текстом для англоязычного дискурса;

3) Апокрифы, являющиеся неканоническими раннехристианскими текстами, содержащими еретические учения.

Рассмотрим характер использования библейской интертекстуальности в произведениях Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники».

Результаты и обсуждения

Рассмотрим формы интертекстуальности в романах Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой последовательно. Начнем с трилогии Ф. Пулмана. Представим данные о типологии и лингвопрагматических функциях интертекстуальности, полученные в результате контент-анализа текстов романов в табличной форме.

Таблица 1

Типология библейской интертекстуальности в романах Ф. Пулмана «Темные начала».

Table 1

Typology of biblical intertextuality in F. Pullman's series "His Dark Materials".

Тип интертекстуальности	Количество	Процентность
Собственно интертекстуальные формы		
Цитаты	2	5%
Аллюзии	24	63%
Паратекстуальные формы		
Эпиграфы	12	32%
Итого:	38	100%

Как видно из приведённой выше таблицы, большую часть форм библейской интертекстуальности в трилогии (63% всех рассмотренных случаев использования), составляют **аллюзии**. **Цитаты**, напротив, наблюдаются в текстах романов только 2 раза, и представляют собой прямые цитаты из Ветхого Завета, повествующие о грехопадении и изгнании Адама и Евы из Рая [4, Быт. 2:16-17]. В романах также присутствуют паратекстуальные формы, основанные на библейских сюжетах, а именно, **эпиграфы** к трилогии в целом и отдельным главам, заимствованные Ф. Пулманом из Ветхого Завета (Книга Бытие, Книга Исход, Книга пророка Иезекииля), Нового Завета (Евангелие от Иоанна), а также из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай» («Paradise Lost»), которые составляют 32% примеров. Указанные формы библейской интертекстуальности выполняют в текстах романов различные функции.

Представим функции собственно интертекстуальных и паратекстуальных форм, использованных в трилогии Ф. Пулмана в табличной форме.

Таблица 2

Прагматические функции интертекстуальности в романах Ф. Пулмана «Темные начала».

Table 2

Pragmatic functions of intertextuality in F. Pullman's series "His Dark Materials".

Функция интертекстуальности	Количество	Процентность
Интегративная	14	37%
Миромоделирующая	13	34%
Идентифицирующая	9	24%
Аксиологическая	2	5%
Итого:	38	100%

Итак, доминирующей прагматической функцией форм интертекстуальности (37%) является интегративная функция. Использование прямых цитат и аллюзий на библейские тексты позволяет Ф. Пулману включить «Темные начала» в круг общеизвестных сюжетов и образов, которые в рассматриваемых романах являются не просто одним из источников интертекстуальности, а структурообразующим элементом. Сюжет трилогии фактически повторяет фрагмент Книги Бытия, повествующей о грехопадении, где герои Ф. Пулмана имеют явные прототипы в Библии: Лира Белаква – Ева, Уилл Парри – Адам, Мэри Малоун – змей. Приведем в качестве примера интегративной аллюзии отрывок о роли Лиры Белаквы в этой истории.

Lena Feldt gasped:"She will be the mother – she will be life – mother – she will disobey – she will –"
"Name her! You are saying everything but the most important thing! Name her!" cried Mrs Coulter.
"Eve! Mother of all! Eve, again! Mother Eve!" *stammered Lena Feldt, sobbing.*
(Pullman F., The Subtle Knife) [22, p. 727].

Другой прагматической функцией, второй по значимости в рассматриваемых текстах, является миромоделирующая функция, благодаря которой Ф. Пулман конструирует свой вымышленный мир, пронизанный «темными началами» («Dark materials»), «пылью» («Dust») или «тенями» («Shadows»). Данный образ автор обнаружил в поэме Дж. Мильтона и использовал в качестве названия трилогии и эпиграфа, т.к. Пыль, будучи по замыслу автора наделённой сознанием, является действующим лицом романов наряду с другими персонажами. Слова Пыли находят своё отражение в текстах романов с помощью алефиометра (прибора, позволяющего узнавать правду), т.к. Пыль никогда не лжет. Приведем отрывок из поэмы, послуживший прецедентным текстом.

Into this wild Abyss,
The womb of Nature, and perhaps her grave,
Of neither sea, nor shore, nor air, nor fire,
But all these in their pregnant causes mixed
Confusedly, and which thus must ever fight,
Unless th' Almighty Maker them ordain
His dark materials *to create more worlds, –*
Into this wild Abyss the wary Fiend
Stood on the brink of Hell and looked a while,
Pondering his voyage
(Milton J. ,Paradise Lost, Book II)[21, p. 48].

Не менее важна идентифицирующая функция интертекстуальности в данном произведении дискурса фэнтези, т.к. с помощью цитат и аллюзий Ф. Пулман актуализирует фоновые знания читателей о библейских сюжетах. Важно отметить, что полное понимание смысла данного произведения невозможно без хотя бы минимального знакомства читателя с прецедентными текстами. В противном случае повествование потеряет философскую глубину, выраженную с помощью средств интертекстуальности. Примером цитат, призывающих читателя к размышлению, может служить следующий эпиграф из Евангелия от Иоанна.

And ye shall know the truth, and the truth shall make you free.
(St. John's Gospel) [23, p. 71].

Последней прагматической функцией интертекстуальности, обнаруженной в результате анализа романов Ф. Пулмана, является аксиологическая функция, основанная на переоценке канонического библейского сюжета о грехопадении. Согласно ортодоксальной церкви, это событие, совершение первого в истории человечества греха носит однозначно негативный характер. В текстах романов церковь (Магистериум) в лице Миссис Колтер готова уничтожить целый мир, чтобы не допустить повторения истории (искушения Евы – Лиры) и избавить человечество от первородного греха. Однако, автор не симпатизирует Магистериуму и переосмысляет данный сюжет, оценивая его положительно. Проиллюстрируем позицию автора примером из текста.

"Dust!" he said.
"What are you talking about?"
"Dust. He's going to find the source of Dust and destroy it, isn't he?"
"That's what he said."
"And the Oblation Board and the Church and Bolvangar and
Mrs Coulter and all, they want to destroy it too, don't they?"
"Yeah... Or stop affecting people... Why?"
"Because if they all think Dust is bad, it must be good."
(Pullman, The Northern Lights)[22, p. 406].

Другим примером реализации **аксиологической функции** интертекстуальности является переосмысление образа Творца. Бог, согласно догматам церкви, сотворил небо, землю и весь мир. В романах Ф. Пулмана Творец (Authority, God) был лишь первым из ангелов, который узурпировал власть и правил, опираясь на силу. Описание смерти Бога подчеркивает радикальный характер пересмотра общеизвестного образа [22, p. 993]. Прецедентным текстом здесь являются апокрифы, признанные церковью еретическими. Неканонические раннехристианские учения, содержащие представления о Боге, отличные от образа Творца, ассоциирующегося только со светом и добром, стали основой для использования библейской интертекстуальности для пересмотра догматов и их аксиологической характеристики. Таким образом, аксиологическая функция интертекстуальности представляется наиболее яркой в романах Ф. Пулмана, хотя она выражена наименее часто.

Перейдем к анализу библейской интертекстуальности в романах Е. Булгановой «Вечники». Данные о типологии форм библейской интертекстуальности в данной трилогии, полученные в результате контент-анализа, представлены в табл. 3.

Таблица 3

Типология библейской интертекстуальности в романах Е. Булгановой «Вечники».

Table 3

Typology of biblical intertextuality in E. Bulganova's series "Vechniki".

Тип интертекстуальности	Количество	Процентность
Собственно интертекстуальные формы		
Аллюзии	3	37,5%
Реминисценции	5	62,5%
Паратекстуальные формы отсутствуют		
Итого:	8	100%

Как видно из приведённой выше таблицы, большую часть форм библейской интертекстуальности в трилогии (62,5%), составляют реминисценции, отсылки к библейским мотивам вечной жизни и бессмертия. Аллюзии, намеренные упоминания библейских сюжетов и персонажей, наблюдаются в текстах романов с меньшей частотностью (37,5%). В романах Е. Булгановой отсутствуют цитаты и паратекстуальные формы. Выявленные в результате анализа формы библейской интертекстуальности выполняют в текстах романов различные функции.

Представим функции собственно интертекстуальных форм, использованных в рассматриваемой трилогии Е. Булгановой в табличной форме.

Таблица 4

Прагматические функции интертекстуальности в романах Е. Булгановой «Вечники».

Table 4

Pragmatic functions of intertextuality in F. Pullman's series "His Dark Materials".

Функция интертекстуальности	Количество	Процентность
Миромоделирующая	4	50%
Интегративная	3	37,5%
Аксиологическая	1	12,5%
Итого:	8	100%

Как видно из приведённой выше таблицы, доминирующей функцией интертекстуальности в романах Е. Булгановой является миромоделирующая функция (50%), которая позволяет автору внести в повествование иррациональный компонент и создать скрытое от людей общество *вечников* (бессмертных людей), живущих рядом с обычными людьми. Присутствие в произведении героев, наделенных сверхспособностями (бессмертия и др.) является реминисценцией, воспроизведением типичной схемы скрытого волшебного сообщества, которая ранее использовалась в городском фэнтези (например, в романах Дж. Роулинг «Гарри Поттер») [13, с. 95]. Примером реализации данной функции может служить следующий отрывок из произведения Е. Булгановой. Уже в этом описании вечников автор делает акцент на их отличительной черте, особом качестве – бессмертии. Мотив бессмертия был заимствован из Библии.

– Нет, обычно у нас нет возможности распознать себе подобного. Разве что он сам себя выдаст. Ну, к примеру, выступит на ток-шоу и историей на тему «Я живу на свете двести лет, а выгляжу на восемнадцать». Но таких идиотов среди ***вечников*** *пока не случалось. (Булганова, Книга воды)* [5, с. 84].

Интегративная функция интертекстуальности в трилогии «Вечники» (37,5%) реализуется благодаря введению в повествование такого персонажа, как вечник Лазарь, который, согласно повествованию, был современником Иисуса Христа, евангелистов и апостолов. В речи данного персонажа можно наблюдать большое количество упоминаний тех или иных библейских сюжетов: из жития Иисуса Христа, из произведений апостола Павла и Иоанна Богослова и т.д. Однако автор трилогии не вступает в полемику с библейскими текстами, как это делает Ф. Пулман, и не повторяет их сюжет, а лишь заимствует отдельные идеи и позволяет себе додумать продолжения текстов, которые легализуют созданное Е. Булгановой общество сверхлюдей вечников. Примером подобного использования библейских текстов может быть следующий отрывок из романа, где упоминается известное произведение Иоанна Богослова «Апокалипсис».

– Я просто удачно выбрал себе соавтора. ***Это всего лишь чуточку переиначенный отрывок из Иоанна Богослова. К сожалению, эту главу из Апокалипсиса, наиболее емко описывающую кончину мира, люди утратили****. Но она сохранилась в моей памяти. (Булганова, Книга огня)* [5, с. 610].

Наконец, третьей прагматической функцией, обнаруженной в результате анализа трилогии «Вечники», является аксиологическая функция интертекстуальности (12,5%), основанная на осмыслении морально-этических проблем, связанных с вечной жизнью и сверхспособностями. Е. Булганова с помощью своих наделенных иррациональными способностями героев, исследует вопросы о смерти, страхе и воле к жизни. Автор не использует явные каноничные библейские образы и детальные описания, зато применяет обобщенные схематичные узнаваемые образы Страшного Суда, заимствованные как из Библии, а именно из Книги пророка Исаии [4, Ис. 34:4], так и из апокрифов, создавая яркий образ, привлекающий внимание читателя и стимулирующий его мыслительный процесс. Приведем пример реализации аксиологической функции интертекстуальности в трилогии «Вечники».

<...> Ведь настанет когда-то тот многократно предсказанный ***момент, когда*** *звёзды погаснут и* ***небо свернется, как свиток****. А вечники в большинстве своём на* ***Страшный суд*** *не торопятся. Да и привычка жить усиливается с годами. (Булганова, Книга земли)* [5, с. 696].

Итак, мы рассмотрели функции библейской интертекстуальности в двух трилогиях англоязычного и русскоязычного дискурса фэнтези «Темные начала» Ф. Пулмана и «Вечники» Е. Булгановой. Обобщим данные, полученные в результате анализа, в виде таблиц о типологии и функциях интертекстуальности в рассматриваемых текстах.

Таблица 5

Типология библейской интертекстуальности в романах Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники».

Table 5

Typology of biblical intertextuality in F. Pullman's series "His Dark Materials" and in E. Bulganova's series "Vechniki".

Тип интертекстуальности	«Темные начала»		«Вечники»	
	Количество	Процентность	Количество	Процентность
Собственно интертекстуальные формы				
Цитаты	2	5%	-	-
Аллюзии	24	63%	3	37,5%
Реминисценции	-	-	5	62,5%
Паратекстуальные формы				
Эпиграфы	12	32%	-	-
Итого:	38	100%	8	100%

Приведённые выше данные позволяют сделать вывод о том, что количество и типология форм интертекстуальности в рассматриваемых произведениях Ф. Пулмана и Е. Булгановой разнообразны. Во-первых, количество случаев использования различных форм интертекстуальности (38 и 8 случаев, соответственно), позволяет сделать вывод о том, что библейская интертекстуальность является ведущей, сюжетообразующей для романов «Темные начала», где Ф. Пулман использует как явные собственно интертекстуальные формы в виде цитаты и аллюзии (68%), так и паратекстуальные формы (32%), которые неизбежно приводят читателя к осмыслению библейских сюжетов, являющихся ключом к пониманию конфликта трилогии. В то же время в трилогии Е. Булгановой «Вечники» библейская интертекстуальность используется с меньшей частотностью и носит принципиально иной характер: паратекстуальные формы и наиболее узнаваемая собственно интертекстуальная форма, цитата, не находят применения в рассматриваемых текстах, создавая имплицитный, неявный интертекстуальный фон повествования. Формой использования библейской интертекстуальности в трилогии являются аллюзии и реминисценции, причем последние доминируют (62,5%), позволяя автору исследовать библейские мотивы смерти и бессмертия с помощью узнаваемых архетипов, образов, заимствованных из Библии, которые, однако, не требуют от читателя знакомства с прецедентными текстами и лишь создают общую атмосферу повествования.

Таким образом, в результате проведенного анализа выявлены два подхода авторов фэнтези к использованию прецедентных текстов для создания интертекстуальности – эксплицитный (явный) в трилогии «Темные начала» и имплицитный (скрытый, неявный) в трилогии «Вечники». Анализ прагматических функций форм интертекстуальности подтверждает данный вывод.

Таблица 6

Прагматические функции интертекстуальности в романах Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники».

Table 6

Pragmatic functions of intertextuality in F. Pullman’s series "His Dark Materials" and in E. Bulganova's series "Vechniki".

Функция интертекстуальности	«Темные начала»		«Вечники»	
	Количество	Процентность	Количество	Процентность
Интегративная	14	37%	3	37,5%
Миромоделирующая	13	34%	4	50%
Идентифицирующая	9	24%	-	-
Аксиологическая	2	5%	1	12,5%
Итого:	38	100%	8	100%

Данные, приведенные в табл. 6, демонстрируют различия в целях использования библейской интертекстуальности с трилогиях Ф. Пулмана и Е. Булгановой. Если в первой трилогии автор использует интертекст, как средство интеграции романов в круг библейских образов (37%), являющихся основой сюжета произведений, волшебный мир которых построен на основе образа Пыли (отметим, что миромоделирующая функция интертекстуальности является второй по значимости и составляет 34% от общего количества

рассмотренных случаев её использования), впервые сформулированного в поэме Дж. Мильтона «Потерянный Рай», то во второй трилогии интегративная функция интертекстуальности, хотя и занимает важное место, не является ведущей (37,5%), уступая место миромоделирующей функции (50%), необходимой для создания и описания волшебного общества вечников, существующего рядом с «первичным» миром людей. Примечательно, что количество случаев использования интертекстуальности для реализации интегративной функции составляет примерно одинаковый процент от общего количества рассмотренных случаев применения интертекстуальности в каждой из двух трилогий. Идентифицирующая функция интертекстуальности (24%), направленная на проведение явных аналогий, сравнений с библейскими текстами присутствует только в трилогии «Темные начала», где использование интертекстуальности носит эксплицитный характер. Аксиологическая функция интертекстуальности, необходимо отметить, присутствует в обеих трилогиях и составляет наименьший процент (5 и 12,5%) от общего количества рассмотренных случаев использования интертекстуальности. Однако, благодаря данной функции интертекстуальности авторы фэнтези поднимают вопросы морально-этического характера, развивают философские идеи, заложенные в библейских текстах и привлекают читателя к их осмыслению.

Иными словами, наблюдаем использование одного источника интертекстуальности (Библии) для достижения двух совершенно разных целей и создания двух принципиально различных произведений дискурса фэнтези – философского фэнтези с эксплицитной интертекстуальностью, провоцирующей мыслительный процесс и приглашающей читателя к полемике с догматами церкви («Темные начала») и приключенческого young adult фэнтези с имплицитной интертекстуальностью, где библейские мотивы служат культурным контекстом, фоном повествования, построенного вокруг развития и личностного роста главной героини по имени Лида Весна («Вечники»).

Выводы

Таким образом, в рамках настоящей статьи рассмотрена библейская интертекстульность в англоязычном и русскоязычном художественном дискурсе фэнтези на примере произведений Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники». Дискурсом современные исследователи называют последовательность связных высказываний в той или иной форме, изучаемую в контексте коммуникативной ситуации. Дискурс фэнтези выделяется среди множества существующих дискурсов наличием интертекстуальности, связывающей произведения фэнтези с другими произведениями, в т.ч. с Библией, которая является общеизвестным значимым текстом, а, следовательно, прецедентным текстом, имеющим большой потенциал для заимствования символов, образов и мотивов при конструировании вымышленного мира фэнтези. Эмпирический анализ текстов произведений Ф. Пулмана «Темные начала» и Е. Булгановой «Вечники» показал, что собственно интертекстуальные (цитаты, аллюзии и реминисценции) и паратекстуальные (эпиграфы) формы выполняют в рассматриваемых текстах следующие прагматические функции: интегративную, миромоделирующую, идентифицирующую и аксиологическую. Несмотря на схожий набор функций интертекстуальности: интегративная и миромоделирующая функции играют важные роли в обеих трилогиях, а аксиологическая функция представлена наименее часто – использование библейской интертекстуальности в рассматриваемых произведениях приводит к различным результатам. Если в романах Ф. Пулмана интертекстуальность эксплицитна, явна, и автор подталкивает читателя к осмыслению библейских сюжетов, то в произведениях Е. Булгановой интертекстуальность имплицитна, скрыта, практически неузнаваема без специального внимательного чтения, и автор использует её только как фон повествования. Два указанных выше подхода к использованию интертекстуальности, выявленные в результате сравнительно-сопоставительного анализа, позволяют авторам произведений фэнтези создавать оригинальные тексты, насыщенные образами и мотивами, служащими источником для активного чтения и размышления читателей.

Список источников

1. Афанасьева Е.А. Жанр фэнтези: проблема классификации // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сборник материалов Международной научной конференции. 29-31 марта 2007 г. 2009. С. 86 – 93.

2. Бабаян В.Н. Различные подходы к определению понятия "дискурс" и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 1. С. 76 – 81.

3. Баринова, Е.Е. Метатекст в постмодернистском литературном нарративе: А. Битов, С. Довлатов, Е. Попов, Н. Байтов: дис. ... канд. филолог. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2008. 248 с.

4. Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в рус. пер. с параллельными местами и прил. М.: Российское Библейское общество, 1995. 1376 с.

5. Булганова Е. Вечники: Книга воды. Книга огня. Книга земли. М.: Росмэн, 2021. 416 с.

6. Галкина М.А. О жанровом своеобразии фэнтези // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2021. № 1. С. 97 – 108.

7. Калыгин А. Цитата как иконический знак // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2008. № 2. С. 109 – 112.

8. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 5 – 11.

9. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: учебное пособие. М.: Высшая школа, 2008. 405 с.

10. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму: пер. с франц., сост., вступ. ст. К.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427 – 457.

11. Мальцева М.В. Концептуальные метафоры в песенном дискурсе // Актуальные проблемы теории, практики и методики преподавания иностранного языка: Сборник научных материалов международной научной конференции, Ярославль, 30 января 2025 года. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2025. С. 170 – 180.

12. Рацеева Д.С. Механизмы словообразования и функции авторских неологизмов в русскоязычном фэнтези дискурсе (на материале произведений Н. Щербы «Часодеи») // Современное профессиональное образование. 2025. № 12. С. 350 – 354.

13. Рацеева Д.С. Модели времени в англоязычном дискурсе фэнтези // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение: Сборник научных статей. Выпуск 19. Иваново: Ивановский государственный политехнический университет, 2025а. С. 93 – 103.

14. Словарь лингвистических терминов / под ред. Т.В. Жеребило. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 485 с.

15. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: к основания сравнительной концептологии // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 2001. Т. 60. С. 3 – 11.

16. Тюкина Л.А. Педагогический юмор в русскоязычных анекдотах: особенности, функции и культурный контекст // Язык и общество. Диалог культур и традиций: Материалы научной конференции, Ярославль, 04 апреля 2025 года. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2025. С. 83 – 90.

17. Федулов А.С., Бабаян В.Н. Особенности использования реалий в англоязычном (американском) художественном дискурсе (на примере романа Харпер ли "To Kill a Mockingbird") // Язык. Личность. Культура: сборник научных статей по итогам Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Л.Н. Оркиной, Чебоксары, 26-27 февраля 2026 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2026. С. 485 – 492.

18. Шидфар Р. Бесконечная история. Очерк развития зарубежной фэнтези // Книжное дело. 1997. № 9. С. 86 – 90.

19. Шумко В.В. Фантастический жанр в литературе XIX-XX веков: становление и развитие: Курс лекций. Витебск: Издательство УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2006. 77 с.

20. Genette, G. Palimpsests. Literature in the second degree/transl. by H. Newmann and C. Doublinsky/G. Genette. Lincoln; London. 1998. 490 p.

21. Milton J. Paradise Lost. London : Penguin Books, 2003. 453 p.

22. Pullman, P. His Dark Materials. New York: Everyman’s Library UK, 2011. 1144 p.

23. Hahn S., Mitch C., Walters D. The Gospel of John: Revised Standard Version. 2nd Catholic ed. San Francisco: Ignatius Press, 2003. 71 p.

24. Torres S.S. The Genesis of Narnia and the Bible. The Magician’s Nephew and the Book of Genesis // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 12 (54). Ч. 4. P. 82 – 84.

References

1. Afanasyeva E.A. Fantasy Genre: The Problem of Classification. Science Fiction and Technology (in Memory of Stanislav Lem): Proceedings of the International Scientific Conference. March 29-31, 2007. 2009. P. 86 – 93.

2. Babayan V.N. Different Approaches to Defining the Concept of “Discourse and Its Main Characteristics. Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2017. No. 1. P. 76 – 81.

3. Barinova E.E. Metatext in Postmodernist Literary Narrative. A. Bitov, S. Dovlatov, E. Popov, N. Baytov: diss. ... Cand. of Philology. Sciences. Tver State University. Tver, 2008. 248 p.

4. The Bible The Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments: in the Russian translation with parallel passages and appendices. Moscow: Russian Bible Society, 1995. 1376 p.

5. Bulganova E. The Eternals: The Book of Water. The Book of Fire. The Book of Earth. Moscow: Rosman, 2021. 416 p.

6. Galkina M.A. On the Genre Originality of Fantasy. Theater. Painting. Cinema. Music. 2021. No. 1. P. 97 – 108.

7. Kalygin A. The Quote as an Iconic Sign. Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology. 2008. No. 2. P. 109 – 112.

8. Karaulov Yu.N., Petrov V.V. From Text Grammar to Cognitive Theory of Discourse. Language. Cognition. Communication. Moscow: Progress, 1989. P. 5 – 11.

9. Kovtun E.N. Fiction in 20th-Century Literature: A Study Guide. Moscow: Vysshaya Shkola, 2008. 405 pp.

10. Kristeva J. Bakhtin: Word, Dialogue, and Novel. French Semiotics: From Structuralism to Poststructuralism: Translated from French, compiled and introduced by K.K. Kosikova. Moscow: Progress, 2000. P. 427 – 457.

11. Maltseva M.V. Conceptual Metaphors in Song Discourse. Actual Problems of Theory, Practice, and Methods of Teaching Foreign Languages: Collection of Scientific Materials from the International Scientific Conference, Yaroslavl, January 30, 2025. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 2025. P. 170 – 180.

12. Ratseeva D.S. Mechanisms of Word Formation and Functions of Author's Neologisms in Russian-Language Fantasy Discourse (based on N. Shcherba's Works "Chasodei"). Modern Professional Education. 2025. No. 12. P. 350 – 354.

13. Ratseeva D.S. Tense Models in English-Language Fantasy Discourse. Foreign Languages: Theory and Practice. Literary Criticism: Collection of Scientific Articles. Issue 19. Ivanovo: Ivanovo State Polytechnical University, 2025a. P. 93 – 103.

14. Dictionary of Linguistic Terms. edited by T.V. Zherebilo. 5th ed., corrected and enlarged. Nazran: Piligrim, 2010. 485 p.

15. Stepanov Yu.S. "Intertext", "Internet", "Intersubject": Towards the Foundation of Comparative Conceptology. Bulletin of the USSR Academy of Sciences. Series on Literature and Language. Moscow: Nauka, 2001. Vol. 60. P. 3 – 11.

16. Tyukina L.A. Pedagogical Humor in Russian-Language Anecdotes: Features, Functions, and Cultural Context. Language and Society. Dialogue of Cultures and Traditions: Proceedings of the Scientific Conference, Yaroslavl, April 4, 2025. Yaroslavl: RIO Yaroslavl State Pedagogical Univ., 2025. P. 83 – 90.

17. Fedolov A.S., Babayan V.N. Features of the use of realia in the English-language (American) artistic discourse (on the example of Harper Lee's novel "To Kill a Mockingbird"). Language. Personality. Culture: collection of scientific articles following the results of the International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the birth of Doctor of Philological Sciences, Professor L.N. Orkina, Cheboksary, February 26-27, 2026. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev, 2026. P. 485 – 492.

18. Shidfar R. The Neverending Story. An Essay on the Development of Foreign Fantasy. Book Business. 1997. No. 9. P. 86 – 90.

19. Shumko V.V. The Fantasy Genre in the Literature of the XIX-XX Centuries: Formation and Development: Lecture Course. Vitebsk: Publishing House of the Uo "VSU named after P. M. Masherova", 2006. 77 p.

20. Genette, G. Palimpsests. Literature in the second degree/transl. by H. Newmann and C. Doublinsky. G. Genette. Lincoln; London. 1998. 490 p.

21. Milton J. Paradise Lost. London: Penguin Books, 2003. 453 p.

22. Pullman, P. His Dark Materials. New York: Everyman's Library UK, 2011. 1144 p.

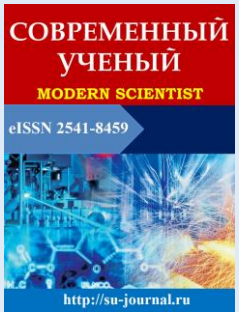
23. Hahn S., Mitch C., Walters D. The Gospel of John: Revised Standard Version. 2nd Catholic ed. San Francisco: Ignatius Press, 2003. 71 p.

24. Torres S.S. The Genesis of Narnia and the Bible. The Magician's Nephew and the Book of Genesis. International Research Journal. 2016. No. 12 (54). Part 4. P. 82 – 84.

Информация об авторе

Рацеева Д.С., Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

© Рацеева Д.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.1:659.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-97-105

Цифровые коммуникации в продвижении образовательных программ современного университета

[1] Ивакина Я.А., [1] Сафонова А.С.

[1] Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Аннотация: в статье рассматриваются особенности применения цифровых коммуникаций в продвижении образовательных программ современного университета. На основе проведенного социологического опроса студентов младших курса бакалавриата были выявлены ключевые факторы, влияющие на принятие ими решения о выборе направления подготовки. Особое внимание уделяется анализу цифровых каналов и инструментов получения информации о вузах и образовательных программах, наиболее частым запросам и информационным дефицитам, а также эффективности различных форматов цифрового контента. Результаты исследования позволили определить значимые элементы цифровой среды, которые могут способствовать более эффективному позиционированию университета в конкурентном образовательном пространстве.
Ключевые слова: цифровые коммуникации, продвижение образовательных программ, молодежь, абитуриенты, цифровизация университета, высшее образование

Для цитирования: Ивакина Я.А., Сафонова А.С. Цифровые коммуникации в продвижении образовательных программ современного университета // Современный ученый. 2026. № 11. С. 97 – 105. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-97-105

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Digital communications in promoting educational programs of a modern university

[1] Ivakina Ya.A., [1] Safonova A.S.

[1] Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Abstract: the article examines the features of the use of digital communications in the promotion of educational programs at a modern university. Based on a sociological survey of junior bachelor's degree students, key factors influencing their decision to choose a field of study were identified. Special attention is paid to the analysis of digital channels and tools for obtaining information about universities and educational programs, the most frequent requests and information shortages, as well as the effectiveness of various digital content formats. The results of the study made it possible to identify significant elements of the digital environment that can contribute to a more effective positioning of the university in a competitive educational space.
Keywords: digital communications, promotion of educational programs, youth, applicants, university digitalization, higher education

For citation: Ivakina Ya.A., Safonova A.S. Digital communications in promoting educational programs of a modern university. Modern Scientist. 2026. 11. P. 97 – 105. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-97-105

The article was submitted: June 11, 2026; Approved after reviewing: July 8, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Цифровые коммуникации в продвижении образовательных программ университета представляют собой сложный и гибкий социокультурный механизм, способный адаптироваться под потребности различных аудиторий, трансформировать формы взаимодействия и обеспечивать постоянное присутствие образовательных организаций в информационном пространстве, что делает их ключевым инструментом, позволяющим университету целенаправленно выстраивать взаимодействие с абитуриентами, формировать их представления об образовательных программах и влиять на принятие решения о выборе университета. В этой динамичной среде университет предстаёт субъектом коммуникационной деятельности, генерирующим контент, управляющим информационными потоками и формирующим коммуникационную экосистему для взаимодействия с заинтересованными сторонами посредством цифровых каналов.

Под цифровыми коммуникациями мы понимаем технологически опосредованную форму социального взаимодействия, реализуемую в конвергентной цифровой среде посредством платформ, алгоритмов и мультимедийных форматов, охватывающую все уровни коммуникационного процесса – от межличностного до массового – и формирующую совокупность социальных, культурных и институциональных практик обмена информацией, производства смыслов и построения сетевых связей между индивидами, организациями и социальными институтами.

Образовательная программа занимает в системе коммуникаций университета особое место, являясь одновременно объектом продвижения и инструментом коммуникации, продуктом, обладающим потребительской ценностью, и сообщением, несущим институциональные смыслы. Такое двойственное положение принципиально отличает программу от большинства объектов PR-деятельности и требует особого аналитического подхода, не сводимого ни к маркетингу образовательных услуг, ни к имиджевой коммуникации университета в целом.

В классической маркетинговой логике образовательная программа рассматривается как услуга, обладающая стандартными характеристиками сервисного продукта: неосязаемостью, неотделимостью от производителя, вариативностью качества и несохраняемостью. Однако такая трактовка принципиально недостаточна для целей анализа, поскольку сводит программу к её функциональному измерению, игнорируя символическое содержание.

В.М. Казакевич, анализируя образование как информационно-коммуникационный процесс, указывает на принципиальную взаимообусловленность содержания программы и её коммуникационного потенциала [7]. Программа, выстроенная без учёта того, как она будет воспринята и интерпретирована различными стейкхолдерами, неизбежно порождает коммуникационный разрыв между институциональными намерениями и публичным восприятием. Данный тезис приобретает особую остроту в контексте разграничения между продвижением образовательной программы и продвижением университета в целом, которая в академической литературе нередко остаётся в тени, но имеет принципиальное практическое значение [1, 8]. К. Чаплео показывает, что позиционирование программы на конкурентном рынке подчиняется иной коммуникационной логике, нежели формирование институционального бренда [11, 12]. Если университетский бренд строится на обобщённых ценностных ассоциациях и долгосрочном накоплении символического капитала [5], то программа требует конкретного, верифицируемого и дифференцирующего сообщения, другими словами, ответа на вопрос не «какой это университет», а «чем эта программа отличается от аналогичных и почему именно она соответствует моим целям».

С. Лори предлагает рассматривать дизайн образовательной программы как коммуникационную стратегию в широком смысле [13]. Каждый элемент программы: её название, структура, перечень дисциплин, форматы обучения, характеристики преподавательского состава, партнёрские организации – является одновременно содержательным и коммуникационным решением, формирующим определённые ожидания и транслирующим определённые ценности. В этой оптике граница между «продуктом» и «сообщением» оказывается принципиально подвижной. С одной стороны, программа трактуется через то, что о ней говорится в PR-материалах, с другой стороны, через то, чем она является по существу. Р.А. Долженко, анализируя новые практики продвижения образовательных программ, фиксирует нарастающую тенденцию к доказательной коммуникации, то есть смещению от декларативных утверждений о качестве к предъявлению верифицируемых свидетельств: данных о трудоустройстве выпускников, результатах независимых оценок, конкретных карьерных траекториях [6]. Данная тенденция отражает трансформацию цифровой среды: в

условиях, когда любое коммуникационное утверждение немедленно верифицируется через независимые источники, декларативная стратегия продвижения утрачивает эффективность.

Наконец, существенной характеристикой образовательной программы как коммуникационного сообщения является её встроенность в конкурентный контекст [3]. Она существует в плотной среде аналогичных предложений, с которыми её неизбежно сравнивают абитуриенты, что обуславливает необходимость внятного самоопределения и осознанной дифференциации.

Целевой аудиторией образовательных программ университета преимущественно является молодежь в возрасте от 16-18 до 24-25 лет. Как показывают результаты многочисленных исследований [2, 4, 9, 10], молодое поколение характеризуется высоким уровнем восприимчивости к цифровому контенту и интерактивным форматам, приоритетом омниканального взаимодействия, а также высокой частотой медиапотребления и адаптивностью к инновациям. Социальные сети становятся ключевым пространством формирования представлений о карьере и обучении, однако коммуникация вузов в них нередко характеризуется фрагментарностью, перегруженностью и слабой ориентацией на запросы аудитории. В этих условиях абитуриенты принимают решения преимущественно на основе цифрового образа университета, необъективных показателей его качества, что требует выстраивания системной и понятной коммуникационной модели, способной снижать неопределенность и транслировать ценность образовательных программ.

Материалы и методы исследований

С целью анализа факторов, влияющих на принятие решения абитуриентами при выборе образовательных программ университета посредством цифровых коммуникаций, был проведен социологический опрос, в котором приняли участие обучающиеся 1-2 курсов бакалавриата различных направлений подготовки университетов г.Санкт-Петербурга.

Опрос проводился методом онлайн-анкетирования, что в полной мере обеспечило конфиденциальность данных и минимизировало временные и ресурсные затраты при широком охвате аудитории.

В исследовании приняло участие 384 респондента, представители студенческой молодёжи Санкт-Петербурга 1-2 курсов бакалавриата, которые недавно прошли через процедуру выбора университета и образовательной программы, а потому обладают актуальным опытом взаимодействия с цифровыми коммуникациями университетов. Доверительная вероятность выборки – 95 %, погрешность равна 5 %. Вид исследования – разведывательное, тип выборки – случайная, релевантная для разведывательного исследования.

Предмет исследования: цифровые коммуникации в продвижении образовательных программ университета.

Цель исследования: определение факторов, оказывающих влияние на выбор абитуриентом образовательной программы университета.

Результаты и обсуждения

Первый блок вопросов был ориентирован на выявление факторов, формирующих решение абитуриента при выборе университета и конкретной образовательной программы. На вопрос о ключевых аргументах при выборе вуза (допускалось до трёх вариантов ответа) распределение получилось следующим: наличие нужной образовательной программы (22,2 %), статус и устойчивый имидж университета (20,9 %), важность студенческой среды и живого общения (18,3 %), наличие диплома установленного образца (15,8 %), возможность совмещать учёбу и карьеру (8,7 %), позиция родителей и близких (7,7 %), более высокий уровень доверия к программам конкретного вуза (6,1 %), затруднились ответить лишь 0,3 % опрошенных.

Полученное распределение представляет собой первое и наиболее важное подтверждение тезиса о том, что продуктовые характеристики образовательной программы и репутационный капитал университета имеют практически равный вес в принятии решения абитуриентом (22,2 % и 20,9 % соответственно), а в совокупности доля этих двух факторов составляет 43,1 % всех выборов, что означает, разделение продвижение образовательных программ и продвижение университета как корпоративного бренда в рамках единой коммуникационной стратегии методологически нецелесообразно – оба уровня формируют решение абитуриента одновременно и взаимодополняюще.

Подавляющее большинство респондентов (75,5 %) указало, что цифровые и традиционные источники оказались для них равнозначными, еще 20,0 % отдали приоритет цифровым каналам (официальные сайты, сообщества VK и Telegram, онлайн-мероприятия), и лишь 4,5 % опрошенных опирались преимущественно на традиционные источники – школу, учителей и инструменты офлайн-коммуникации.

Из данного распределения следует ряд практически значимых выводов. Во-первых, цифровые коммуникации не вытесняют традиционные каналы, а интегрируются с ними в единый информационный контур,

что предъявляет повышенные требования к согласованности сообщений вуза на всех уровнях коммуникации. Во-вторых, ориентация исключительно на цифровые инструменты в стратегии продвижения программ была бы не вполне корректной, так как для пятой части аудитории они являются определяющим, но для трёх четвертей абитуриентов они работают в связке с офлайн-источниками. В-третьих, доля респондентов, опирающихся преимущественно на традиционные каналы, статистически мала, что подтверждает обоснованность исследовательской проблемы, заключающейся в изучении цифровых коммуникаций как ведущего инструмента продвижения образовательных программ.

Второй блок вопросов был направлен на выявление структуры цифровых каналов, которые абитуриенты используют при сборе информации о вузах, и на оценку их относительной полезности. Распределение ответов на вопрос об используемых каналах показало, что наиболее востребованным источником является официальный сайт вуза (29,7 %), за ним следуют тематический канал или чат вуза в Telegram (23,9 %) и сообщество вуза в социальной сети VK (23,2 %). Заметная часть респондентов также обращается к онлайн-платформам и агрегаторам образовательных программ (18,7 %), в то время как рекламные объявления в интернете (2,9 %) и электронные рассылки вузов (1,5%) используются значительно реже (рис. 1).

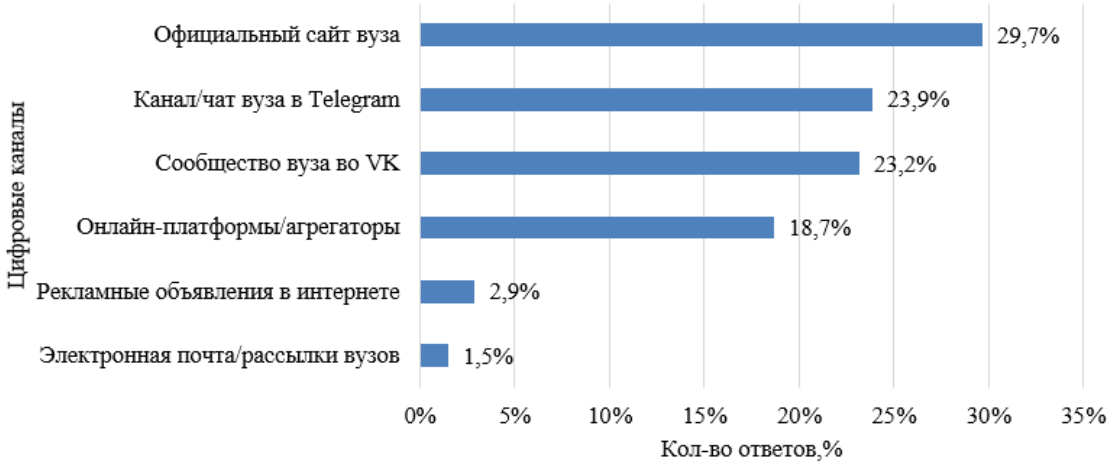


Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие цифровые каналы Вы использовали для получения информации о вузах и программах?».
Fig. 1. Distribution of respondents' answers to the question "Which digital channels did you use to obtain information about universities and programs?".

Полученные данные демонстрируют доминирование контролируемых вузом коммуникационных каналов.

На официальный сайт, Telegram-канал и сообщество VK в совокупности приходится 76,8 % всех обращений, что формирует одно из центральных требований к стратегии цифрового продвижения: основные усилия по продвижению образовательных программ должны быть сконцентрированы именно на собственных медиа университета. Низкий уровень значимости рекламных объявлений и рассылок (в совокупности 4,4 %) указывает на то, что пуш-форматы воспринимаются абитуриентами как менее доверительные по сравнению с теми каналами, в которые они приходят самостоятельно.

Решающее влияние на выбор программы оказывают специализированные сообщества для абитуриентов, которые вуз ведёт целенаправленно для этой узкой целевой группы. Подобная диспропорция объясняется характером размещаемой информации, когда общие ресурсы содержат разнородный контент, ориентированный одновременно на действующих студентов, выпускников, партнёров и абитуриентов, тогда как профильные абитуриентские сообщества аккумулируют именно ту информацию, которая релевантна процессу поступления.

С точки зрения продвижения образовательных программ полученный результат формирует чёткое стратегическое требование: специализированные абитуриентские сообщества следует рассматривать как ключевой канал коммуникации, поскольку именно они конвертируют первичный интерес, сформированный на общих ресурсах, в решение о поступлении. Из этого вытекает необходимость приоритизации ресурсов на их развитие – обеспечение регулярного публикационного цикла, оперативной обратной связи, тематического разделения контента по направлениям подготовки и встроенной сегментации внутри сообщества под

конкретные образовательные программы. Между общими и специализированными ресурсами вуза должна быть выстроена связная навигация: пользователь, попавший на корпоративный сайт или основной аккаунт в социальной сети, должен интуитивно находить путь к абитуриентскому сообществу, что обеспечивает непрерывность коммуникационной воронки и предотвращает потерю аудитории при переходе между уровнями коммуникации.

Третий блок вопросов был посвящён изучению практик участия абитуриентов в онлайн-мероприятиях вузов и оценке их влияния на выбор образовательной программы. Распределение ответов об этих форматах показало, что наибольшую долю составили онлайн-консультации с приёмной комиссией (32,7 %) и вебинары о направлениях подготовки (32,2 %), за ними следуют онлайн-дни открытых дверей (18,8 %) и открытые лекции или мастер-классы (13,5 %); о неучастии в подобных мероприятиях сообщили лишь 2,9 % респондентов (рис. 2).

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «В каких онлайн-мероприятиях вуза Вы принимали участие?».
Fig. 2. Distribution of respondents' answers to the question "In which online university events did you participate?".

Полученные данные показывают, что охват событийных онлайн-форматов чрезвычайно высок: 97,1 % опрошенных хотя бы единожды участвовали в подобных мероприятиях. Столь массовая вовлечённость аудитории обуславливает необходимость включения онлайн-форматов в коммуникационные стратегии продвижения образовательных программ как обязательного элемента. Распределение между конкретными форматами при этом получилось достаточно равномерным.

Зафиксированная эффективность онлайн-мероприятий объясняется их способностью одновременно решать несколько коммуникационных задач, так они обеспечивают живой контакт с представителями вуза, позволяют получить ответы на индивидуальные вопросы, демонстрируют преподавательский состав и атмосферу программ, а также формируют у абитуриента ощущение принадлежности к академическому сообществу ещё до момента поступления. С точки зрения стратегии продвижения образовательных программ это позволяет рекомендовать вузу институциональное закрепление онлайн-мероприятий как ключевого формата.

Четвёртый блок вопросов был направлен на изучение того, какую информацию абитуриенты ищут при выборе вуза и каких сведений им не хватает в существующих цифровых материалах университетов. Распределение ответов на вопрос о первоочередно искомой информации выявило следующую иерархию запросов: проходные баллы и условия поступления (33,0 %), возможности трудоустройства и карьерные перспективы (27,2 %), описание программ, дисциплин и учебного плана (16,3 %), стоимость обучения и условия оплаты (10,9 %), студенческая жизнь и внеучебные активности (9,4 %), информация о преподавателях (3,1 %).

Особенно показательным для понимания дефицитов цифровой коммуникации является вопрос о том, чего абитуриентам не хватало в существующих информационных материалах вузов. На первом месте оказался запрос на подробную информацию о содержании программ и дисциплин (28,7 %), далее – на честные отзывы студентов (24,8 %), на информацию о карьерных траекториях и практике (19,9 %), на визуальный контент с изображением кампуса (17,8 %) и на живое общение в формате эфиров или активных чатов (8,7 %); примечательно, что ни один из 384 респондентов не выбрал вариант «всего было достаточно» (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Чего больше всего не хватало в цифровых коммуникациях вуза при выборе программы?».
Fig. 3. Distribution of respondents' answers to the question "What was most lacking in the university's digital communications when choosing a program?".

Сопоставление этих двух распределений раскрывает важный коммуникационный парадокс. С одной стороны, при первичном поиске абитуриенты в меньшей степени интересуются содержанием программ (16,3 %), с другой – именно содержательное описание программ они называют главным дефицитом существующих коммуникаций (28,7 %). Объяснение этому противоречию состоит в том, что респонденты говорят о двух разных этапах своего пути: на этапе первичного знакомства они ищут «маркеры решаемости» (баллы, карьера), а на этапе финального выбора им требуется глубокое содержательное погружение в программу, которое существующие цифровые материалы вузов как правило не обеспечивают. Из этого следует требование к стратегии продвижения о бразовательных программ, заключающаяся в следующем: контентная воронка должна быть выстроена послойно – от верхнеуровневых маркеров статуса и трудоустройства к детальному раскрытию учебного плана, методологии преподавания и проектной составляющей программы.

Запрос на честные отзывы студентов (24,8 %), занявший второе место в иерархии дефицитов, согласуется с обнаруженным ранее лидерством абитуриентских сообществ как наиболее полезного канала (45,5 %).

Из полученных данных вытекает практическая рекомендация: контент от лица студентов должен стать одним из приоритетных направлений в коммуникационной стратегии продвижения образовательных программ. Речь идёт о системной интеграции голоса студентов в существующие абитуриентские каналы вуза – публикации интервью с действующими студентами разных программ, ведение рубрик с видеодневниками, проведение Q&A-сессий с представителями студенческого сообщества, размещение коротких видеоотзывов о ключевых дисциплинах и преподавателях. Подобный формат закрывает выявленный дефицит достоверной информации и одновременно повышает доверие к коммуникационному каналу за счёт неформальной подачи.

Пятый блок вопросов был посвящён оценке относительной эффективности различных форматов цифрового контента в коммуникации вуза с абитуриентами. Распределение ответов о форматах, которые помогли в принятии решения, показало следующее: видеозаписи и видеоролики в социальных сетях (30,8 %), страницы программ на официальных сайтах (28,5 %), видеотрансляции и онлайн-мероприятия (26,7 %), текстовые посты и публикации в социальных сетях (10,4 %), ответы на вопросы в комментариях VK и Telegram (3,6 %) (рис. 4).

Рис. 4. Форматы контента, которые помогли принять решение в выборе образовательной программы, %.
Fig. 4. Content formats that helped make a decision in choosing an educational program, %.

Полученные данные демонстрируют выраженную доминанту видеоконтента: видеоформаты (записанные ролики и трансляции) в совокупности составляют 57,5 % выборов, существенно превосходя текстовые форматы (10,4 %).

Также был задан дополнительный вопрос о том, какие форматы лучше всего продвигают образовательные программы. Так, респонденты отдали приоритет онлайн-дням открытых дверей (31,6%) и публикациям с примерами выполненных студенческих проектов (19%). Пуш-иснтрументы, прямые рекламные обращения и персонализированные рассылки показали низкий коммуникационный потенциал.

Выводы

Проведенное исследование отражает ключевые аспекты потребительского поведения абитуриентов при выборе образовательной программы в цифровой среде и позволяет сделать ряд выводов, имеющих значание для продвижения современных образовательных программ.

1. Главным источником верифицированной информации является страница образовательной программы на сайте вуза, к которой абитуриент обращается для подтверждения информации, полученной из сторонних источников. Однако решающее влияние на выбор программы оказывают специализированные сообщества для абитуриентов.
2. Выбор абитуриентом образовательной программы в равной степени основывается как на выборе университета, так и на выборе конкретной образовательной программы внутри него.
3. Обнаружен разрыв между использованием формальных и неформальных каналов. Так, при высокой частоте использования официальных ресурсов, ключевое влияние на выбор все же оказывают неформальные сообщества абитуриентов.
4. Зафиксирована высокая эффективность онлайн-мероприятий и видеоконтента как ведущих форматов цифровой коммуникации.
5. Равнозначность в оценках респондентов цифровых и традиционных источников и умеренной оценке влияния цифровых коммуникаций (среднее значение 5,6 балла) подтверждают, что цифровые инструменты должны рассматриваться как часть единой коммуникационной экосистемы университета, а не как изолированный механизм продвижения.

При этом продвижение образовательной программы должно строится на понимании её двойственной природы – одновременно как продукта с потребительской ценностью и как самостоятельного коммуникационного сообщения, транслирующего ценности университета, дифференцирующего программу на конкурентном рынке и сохраняющего свою релевантность на всём протяжении образовательного пути студента. Достичь результата в продвижении возможно лишь опираясь на совокупность взаимосвязанных инструментов – собственных цифровых ресурсов, платформенного присутствия в социальных медиа, платных форматов, заработанного медиаприсутствия и событийных механик, – системное взаимодействие которых формирует интегрированную коммуникационную структуру, способную обеспечить конкурентоспособное продвижение образовательной программы университета посредством цифровых коммуникаций.

Список источников

1. Воронова С.П., Осадчая С.М., Береснев Д.Н. Маркетинговый комплекс университета как средство продвижения образовательных программ // Практический маркетинг. 2024. № 9. С. 4 – 7.
2. Гаврилюк Е.С., Изотова А.Г., Бикмулина Т.Н. Влияние цифровой трансформации на коммуникационные стратегии вуза: изменение характера отношений со студентами и абитуриентами // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 1 (57). С. 116 – 125.
3. Грицова О.А., Носырева А.Н., Орлова М.Ю. Конкурентоспособность образовательной программы как главный фактор управления конкурентоспособностью образовательной организации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. Т. 8. № 1. С. 91 – 93.
4. Демидов А., Ломтева Е. Поведение молодежи в медиасреде // Медиаобразование. 2022. № 4. С. 552 – 561.
5. Дербинская Е.А. Инновационные подходы к продвижению бренда университета в цифровой среде // Вестник БрГТУ. 2024. С. 198 – 203.
6. Долженко Р.А., Долженко С.Б. Продвижение образовательных программ: новые практики // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 2. С. 116 – 126.
7. Казакевич В.М. Обучение как информационно-коммуникационный процесс // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1. № 3 (60). С. 151 – 164.
8. Прохорова М.П. и др. Продвижение образовательных услуг вуза на сайте вуза: проблемы и возможности // Московский экономический журнал. 2020. № 1. С. 390 – 396.
9. Строгецкая Е.В., Бетигер И.Б. Мотивационный портрет абитуриента цифрового поколения // Дискурс. 2023. Т. 9. № 1. С. 97 – 115.
10. Blaži J. Media habits and digital information: user preferences in the time of social networks // Knowledge-International Journal. 2025. V. 71. № 1. P. 31 – 37.
11. Chapleo C. What defines 'successful' university brands? // International Journal of Public Sector Management. 2010. Vol. 23. № 2. P. 169 – 183.
12. Clark P., Chapleo C., Suomi K. Branding higher education: an exploration of the role of internal branding on middle management in a university rebrand // Tertiary Education Management. 2020. V. 26. P. 131 – 149.
13. Laurie S., Mortimer K., Holtz M., Little B. Enhancing students' understanding of social media marketing and the use of advertising and public relations terminology within IMC: A participatory action research project // Journal of Marketing Education. 2024. Vol. 46. №. 1. P. 45 – 56.

References

1. Voronova S.P., Osadchaya S.M., Beresnev D.N. Marketing complex of the university as a means of promoting educational programs. Practical Marketing. 2024. No. 9. P. 4 – 7.
2. Gavrilyuk E.S., Izotova A.G., Bikmulina T.N. The impact of digital transformation on the communication strategies of the university: changing the nature of relations with students and applicants. Natural Sciences and Humanities. 2025. No. 1 (57). P. 116 – 125.
3. Gritsova O.A., Nosyreva A.N., Orlova M.Yu. Competitiveness of the educational program as the main factor in managing the competitiveness of an educational organization. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2016. Vol. 8. No. 1. P. 91 – 93.
4. Demidov A., Lomteva E. Youth behavior in the media environment. Media education. 2022. No. 4. P. 552 – 561.
5. Derbinskaya E.A. Innovative approaches to promoting the university brand in the digital environment. Bulletin of BrSTU. 2024. P. 198 – 203.
6. Dolzhenko R.A., Dolzhenko S.B. Promotion of educational programs: new practices. University management: practice and analysis. 2023. Vol. 27. No. 2. P. 116 – 126.
7. Kazakevich V.M. Learning as an information and communication process. Domestic and foreign pedagogy. 2019. Vol. 1. No. 3 (60). P. 151 – 164.
8. Prokhorova M.P. et al. Promotion of University Educational Services on the University Website: Problems and Opportunities. Moscow Economic Journal. 2020. No. 1. P. 390 – 396.
9. Strogetskaya E.V., Betiger I.B. Motivational Portrait of a Digital Generation Applicant. Discourse. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 97 – 115.
10. Blaži J. Media Habits and Digital Information: User Preferences in the Time of Social Networks. Knowledge-International Journal. 2025. Vol. 71. No. 1. P. 31 – 37.

11. Chapleo C. What Defines 'Successful' University Brands? International Journal of Public Sector Management. 2010. Vol. 23. No. 2. P. 169 – 183.

12. Clark P., Chapleo C., Suomi K. Branding higher education: an exploration of the role of internal branding on middle management in a university rebrand. Tertiary Education Management. 2020. V. 26. P. 131 – 149.

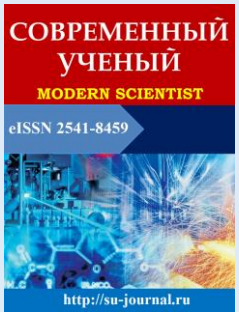
13. Laurie S., Mortimer K., Holtz M., Little B. Enhancing students' understanding of social media market-ing and the use of advertising and public relations terminology within IMC: A participatory action research project. Journal of Marketing Education. 2024. Vol. 46. No. 1. P. 45 – 56.

Информация об авторах

Ивакина Я.А., Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ivakina.yaa@edu.spbstu.ru

Сафонова А.С., кандидат политических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5750-3248, Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, safonova_as@spbstu.ru

© Ивакина Я.А., Сафонова А.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 821.161.1-1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-106-110

Звукоизобразительный потенциал смысловой тональности в интерпретации художественного текста

[1] Евенко Е.В.

[1] Тамбовский государственный технический университет

Аннотация: в статье рассматривается звукосимволический потенциал художественного текста и его интерпретация с акцентом на смысл-тональность. Актуальность исследования заключается в определении мельчайших звуковых частиц формирования смысла и его видов. Проблема понимания и интерпретации неразрывно связана с вопросом о возможности передачи оригинальных смыслов при сохранении экспрессивно-эстетического потенциала оригинальных текстов в переводческой интерпретации. Чем сложнее текст, тем выше мастерство автора в подборе эквивалетного набора языковых средств и приёмов для передачи и актуализации эмоциональной области текстового пространства, внутренней смысловой реальности. Цели и задачи состоят в исследовании значимости фоносемантического анализа в интерпретации текста. Среди смыслов художественного текста в центре внимания в данном исследовании – смысл-тональность, который репрезентируется при восприятии реципиентом звукового оформления текста и анализируется с помощью когнитивных механизмов, задействованных в понимании.
Ключевые слова: звукосимволический, смысл-тональность, процесс понимания текста, контекстуальный смысл, фоносемантические средства, реципиент, звуковая организованность, когнитивные процессы

Для цитирования: Евенко Е.В. Звукоизобразительный потенциал смысловой тональности в интерпретации художественного текста // Современный ученый. 2026. № 11. С. 106 – 110. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-106-110

Поступила в редакцию: 12 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Sound symbolic potential of meaning-tonality in the interpretation of a literary text

[1] Evenko E.V.

[1] Tambov State Technical University

Abstract: the sound symbolic potential of a literary text and its interpretation with the emphasis on its meaning-tonality are considered in the article. The relevance of this work lies in its identifying of the smallest meaningful sound particles that shape meaning-tonality and its types. The problem of understanding is inextricably linked to the question of the possibility of conveying original meanings while preserving the expressive and aesthetic potential of the original texts in translation. The more complex the text, the greater the author's skill in selecting an equivalent set of linguistic means and techniques to convey and actualize the emotional realm of the textual space, the internal semantic reality. The aims and objectives of the study consist of the significance exploration of phono-semantic analysis in text interpretation under the process of its comprehension. The authors focus on a specific

emotional tone of a text, that is, its meaning-tonality which is represented in the reader perception and is analyzed through the cognitive mechanisms involved in text comprehension.
Keywords: symbolic sound; meaning-tonality; text comprehension process; contextual meaning; phonosemantic means; the recipient; sound organization; cognitive processes

For citation: Evenko E.V. Sound symbolic potential of meaning-tonality in the interpretation of a literary text. Modern Scientist. 2026. 11. P. 106 – 110. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-106-110

The article was submitted: June 12, 2026; Approved after reviewing: July 9, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью уточнения, а именно стоит ли извлекать из глубин подсознания образы, ассоциации и соответствующие им смыслы? Или, как говорят некоторые психологи, человек своим подсознанием защищён от потока, поступающей и нарастающей с каждым днём информации. Несмотря на колоссальные возможности ИИ сегодня, человечество не перестаёт интересовать естественный интеллект, совершенный компьютер в голове индивида и его когнитивные процессы, такие как память, внимание, мышление, а также современные приёмы и техники воздействия на человека, и декодирования и кодирования шквала повседневной информации, передачи её будущим поколениям.

В центре внимания современных исследователей не столько категория «информация», сколько категория «знание» – отсюда и когнитивный подход к проблеме. Во многих работах по психологии, психолингвистике и теории коммуникации, термин «информация» использовался для обозначения полученного «знания», что по сути ни одно и то же.

Практическая ценность видится в возможности использования его результатов в процессе переводческой интерпретации оригинального текста для сохранения и компенсации конструктов понимания текста, в преподавании студентам-филологам теоретического курса «Фоносемантический анализа – катализатор интерпретационных возможностей текста», а также в процессе оценки качества выполненных переводов художественных произведений.

Материалы и методы исследований

Для исследования интерпретационных возможностей текста и минимальной звуковой единицы хранения и передачи смысловой информации в художественном тексте применялись следующие методы: изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу, а также метод фоносемантического анализа и метод лингвистической интерпретации текста через рефлексию лингвистического опыта автора статьи.

Результаты и обсуждения

Неверная ориентация в установке на построение и репрезентацию смысла, некомпетентность реципиента влечёт неминуемо за собой искажённое понимание текста, отсутствие удовлетворительной гипотезы о смысловой тональности текста или его полное непонимание. С точки зрения качества текста следует различать высокохудожественные тексты – «шедевры авторского творчества»; беллетристику – тексты переживания, когда страх, слёзы и сопереживание обеспечивается тем, что автор сознательно моделирует ситуацию воздействия на реципиента, стараясь предотвратить любую трудность для понимания, (например, «Анжелика», «Санта-Барбора»), используя такие приёмы как банальность, автоматизация, «техника феноменологической редукции» (Э. Гуссель) – техника понимания при которой реципиент вживается в текст, отождествляя себя с ситуацией, описанной в тексте [8]. Поэтому переживание как эмоция и смысловая тональность-переживание должны отчётливо осознаваться исследователями. К третьей группе текстов можно отнести довольно популярные «искусственные тексты», с заданной программой, что особенно актуально сегодня для рекламы и журналистики. Побуждение к определённому действию: «Покупайте молоко, будете здоровы!» или «Хочешь выпить, выпей кофе!». В большинстве таких текстов побуждение представлено не как смысл, а как номинированный дидактический приём, побуждающий к выполнению определённого действия.

В последние годы фоносемантический анализ переносится с детального изучения формы и структуры на более глубокие связи и соотнесённости в рамках целостной структуры звуковой организации прозы и поэзии [5]. Обзор книги Кокса в журнале ВШЭ трактует, что даже шум может подразумеваться как основа

всякого смысла, противопоставляя его сигналу, опираясь на Делёза и Лейбница для объяснения виртуального в акустике [4]. Сложной системе звуковых и паронимических повторов и параллелизмов речевого ритма, а иногда и звукоподражательного конструкта, украшающего всю ткань анализируемого отрывка, придаёт звуковой организации первостепенную важность. Активизируются необычные, лишённые автоматизма звуковые связи, которые порождают дополнительные смыслы, существенные для освоения востребованной концептуальной и эстетической экспрессивной информации художественного текста, на что справедливо указывает в своём современном исследовании И.А. Ваулина, применяя метод кластерного анализа как способ исследования фоносемантической экспрессивности слова [2].

Безусловно, присутствие языковых звукоизобразительных универсалий в национальных языках позволяет утверждать о звукосмволизме как всеобщем явлении в языке и речи, что подтверждают последние исследования японского лингвиста Tanaka Akira (2024) [11] и фоносемантические изыскания в области языковых универсалий L. Hansen в работе *‘Phonosemantic Universals: Cross-Linguistic Perspectives’* (2025) [9]. Опираясь на единую речемыслительную базу реципиентов фонесемантического анализа в итальянском языке авторы Rossi M., Bianchi E. подтверждают экспериметнальным путём и находят подтверждение универсальной звукоизобразительности (‘*Iconicity and Sound Symbolism in Italian: Experimental Evidence’).* Они отмечают в исследовании семантизацию звука и уникальные способности авторов оркестровать фонетически согласованную структуру текста [10].

Анализ научной литературы, посвящённый теоретическим проблемам понимания организации художественного текста, показывает необходимость выявления мельчайших фоносемантических образований в создании смысла-тональности произведений, их механизма образования и определения значения звукоподражания и звукосимволизма в отражении общей тональности текста.

Рассмотрим несколько примеров моделирования автором эмоциональной тональности в тексте, где ярко передаётся смысл-тональность «эмоционально-психическое состояние персонажей» в тексте:

«**Г**о**л**о**с** у неё бы**л** дро**ж**ащий, тихий, **с**ловно **с**во**з**ь **с**лёз**ы**. В **гл**азах то**с**ка и бе**з**надёжно**с**ть, **с**ердце едва **бь**ёт**ся**, а в душе **гл**ухая пустота, как по**сл**е дол**г**ой бо**л**и …» [7, с. 96].

Мягкие согласные [й], [с’], [л’], [т’], [б’] создают ощущение мягкости и печали. Они часто ассоциируются со спокойствием, слабостью, грустью. Звуки [з][ж] в словах делают звучание более тягучим, «сверлящим, болезненным», подчёркивая эмоциональную уязвимость. Гласные [и], [а] – звучные, открытые; [и] способствует передаче чувства тоскливости, [а] – открытости внутреннего мира. Анафорический повтор созвучия [гл] и обратно-зеркальный [лг] в первом, втором предложении создаёт впечатление выхода внутренней эмоции наружу.

«Он **ч**увствовал внутренни**й** ра**з**лад, т**я**ж**ес**т**ь**, **с**ловно невидимы**й** гру**з** **л**ежит **ем**у на серд**ц**е. Каждая мыс**ль** казала**сь** зыбко**й,** как в тумане, и он те мог найти покоя в ду**ш**е, будто **ем**у не **с**уд**ь**ба ни на **м**инуту о**с**танови**ть**ся и передо**х**ну**ть** …» [6, 87].

Глухие шипящие согласные [ч], [с], [ш], [х] создают ощущение тяжести, мистичности, нереальности ситуации и тональности «раздвоения его существования» – внутреннего и «на яву», что выражают звуковые метафоры «разлад», «груз» и метонимичным эпитетом «зыбкий» (с одной и той же фонемой [з]). «Мысль, зыбкая как в тумане» не даёт сосредоточиться, остановиться на чём-то конкретно. Мягкие согласные [л’], [т’], [м], [й] помогают подчеркнуть плавность и текучесть состояния, связанного с усталостью и воображаемым грузом на душе персонажа. Гласные [у], [и], [е] во многих словах отрывка создают ощущение сжатости, невысказанности и внутренней боли. Автор использует звуковые параллелизмы и эмфатическую конструкцию с инверсией слова «груз лежит **ему** на сердце» и «будто **ему** не судьба».

«Родион Романови**ч** **ч**увствовал, как ду**ш**а его **с**ж**а**та тревогой, словно **ж**елезной **ц**епью. Внутри всё **з**ыблется, разрыва**ет**ся на **част**и, и он не может найти ни покоя, ни облег**ч**ения, ли**ш**ь гнету**щ**ая идея, **ч**то его ждёт неминуемое наказание» [3, с. 117].

Шипящие звуки [ч], [ш], [щ] и [ж] придают звучанию ощущение грубости, ломкости и остроты. Открытые гласные [о], [у], [а], [е] усиливают внутреннюю тревогу персонажа и напряжение. Звуки [ж], [щ] нагнетают дипрессивное чувство страдания и тревоги. Красочное сравнение «тревоги» с «железной цепью» и колючий эпитет «гнетущий» о «наказании» представляют читателям яркую картину «разрушения психики» главного героя, болезнь не только физическую, но и ментальную – «тяжёлую», «затяжную» на всем протяжении романа. Несомненно, Ф.М. Достоевский является мастером моделирования эмоциональной динамики персонажей в процессе нарратива. С нашей точки зрения, распознавание эмоций у персонажей на основе фоносемантического анализа художественного текста необходимо для исследования эмоциональной глубины и динамики произведения, а также рассеивании общего «смыслового облака» (Долинин К.А.) при освоении текста.

Безусловно, кроме фоносемантических средств для построения контекстуального смысла автор использует и другие лексико-грамматические и стилистические приёмы. Для описания эмоционально-психического состояния героя используется сравнение, звукосимволические метафоры, анафоры и эпифоры.

Определению смысла-тональности, в данном случае тональность «торжества, победы» иногда может способствует звукоподражательное междометие «Бру-га-га!» – так называется глава рассказа «Жизнь господина де Мольера М.А. Булгакова, в которой описывается очень выразительный смех публики в своей прогрессии – от его начала до полнейшей кульминации и «обвала в зале», который в труппе Мольера назывался «бру-га-га!», когда великий комический актёр «подбавил фортелей» [1, с. 362]. Звук как смысловая единица и ключик к информации завязывает очень многие «смысловые узлы», которые представляют собой имплицитный смысл контекстуального и неконтекстуального характера.

Выводы

Таким образом, Смысл-тональность, определённо, относится к имплицитному смыслу, который достаточно сложно эксплицировать, так как звук как мельчайшая смысловая единица обладает способностью передавать информацию лишь отчасти понятийного, а в большей степени сенсорно-эмотивного характера как ассоциативное ощущение образных представлений.

Данное исследование подтверждает мысль об уровневом строении смысла и о таком же уровневом, и поэтапном его восприятии. Имплицитный смысл воспринимается по-разному: смысл лексиконного характера воспринимается лучше, смысловые узлы – хуже, так как их пласт «залегания» глубже, что подтверждает гипотезу лингвистов о существовании смыслов лексиконного и контекстуального характера. В настоящее время особенно чувствуется потребность в глубоком осмысленном понимании текста, постоянном непрерывном расширении сознания и использовании максимально всех возможностей его интерпретации.

Для успешной интерпретации и понимания текста, безусловно, необходимы соответствующие критерии, поэтому в исследовании анализируются тексты, содержащие параметр художественности, а в качестве субъекта восприятия рассматривается реципиент, обладающий достаточным уровнем лингвистических и экстралингвистических знаний. Так как когнитивный механизм выявления смысла-тональности является последовательностью от минимальных звуковых единиц до звуковых сочетаний, слов и сверхфразовых единств, содержащих данные звукосимволические конструкты, то в нашей работе рассматривается мыслительная деятельность модельного реципиента.

Воздейственность высокохудожественного текста, заключается не в физическом побуждении к действию, а в побуждении к активной мыследеятельности и развитию мышления, обогащению новыми знаниями, проще говоря, умственной зарядкой вдали от сотовых телефонов и других гаджетов. С нашей точки зрения, социально-педагогическая ценность этой установки очевидна.

Список источников

1. Булгаков М.А. Белая гвардия. Жизнь господина де Мольера. Рассказы. М.: Правда, 1989. 576 с.

2. Ваулина И.А. Метод кластерного анализа как способ исследования фоносемантической экспрессивности слова // Современные направления в лингвистике. Уральский государственный педагогический университет Екатеринбург, 2025. С. 74 – 82.

3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Проза, 1991. 312 с.

4. Кокс К. Звуковой материализм: Обзор книги в журнале ВШЭ // Журнал Высшей школы экономики по искусству и дизайну. 2024. № 2 (1). С. 218 – 223. DOI: 10.17323/3034-2031-2024-1-2-218-223

5. Овчаренко А.Ю., Шапринская Е.А., Дубинина А.П. Перекрёсток звука и смысла: фоносемантический параллелизм в стихах О.Э. Мандельштама и А.А. Тарковского // [Филологические науки]. 2025. №6s 2025. С. 155 – 161.

6. Толстой Л. Война и мир. М.: Проза, 1993. 350 с.

7. Шевченко Т.Г. Катерина. М. Советский писатель, 1987. 272 с.

8. Шиян А.А. Рефлексия как основа феноменологической методологии Э. Гусселя // Трансцендентный журнал. 2023. Т. 4. Вып. 1-2 [Электронный ресурс]. URL: https://transcendental.su/S271326680025762-8-1 (дата обращения: 19.06.2026). DOI: 10. 18254/S271326680025762-8

9. Hansen L., Phonosemantic Universals: Cross-Linguistic Perspectives // Annual Review of Linguistics. 2025. Vol. 11. P. 89 – 110. DOI: 10.5678/arl.2025.001

10. Rossi M., Bianchi E., Iconicity and Sound Symbolism in Italian: Experimental Evidence // Italian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 34. No. 1. P. 89 – 112. DOI: 10.5678/ijl.2022.001

11. Tanaka Akira, Sound Symbolism and Cognitive Processing in Japanese // Journal of East Asian Linguistics, 2024. Vol. 33. No. 2. P. 134 – 158. DOI: 10.1234/jeal.2024.002

References

1. Bulgakov M.A. The White Guard: The Life of Monsieur de Moliere. Stories. Moscow: Pravda, 1989. 576 p.

2. Vaulina I.A. The Method of Cluster Analysis as a Method for Studying the Phonosemantic Expressiveness of a Word. Modern Trends in Linguistics. Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, 2025. P. 74 – 82.

3. Dostoevsky F.M. Crime and Punishment. Moscow: Proza, 1991. 312 p.

4. Cox K. Sound Materialism: A Book Review in the HSE Journal." Journal of the Higher School of Economics: Art and Design. 2024. № 2 (1). P. 218 – 223. DOI: 10.17323/3034-2031-2024-1-2-218-223

5. Ovcharenko A.Yu., Shaprinskaya E.A., Dubinina A.P. Crossroads of Sound and Meaning: Phonosemantic Parallelism in the Poems of O. E. Mandelstam and A. A. Tarkovsky. [Philological Sciences]. 2025. No. 6s 2025. P. 155 – 161.

6. Tolstoy L. War and Peace. Moscow: Proza, 1993. 350 p.

7. Shevchenko T.G. Katerina. Moscow: Soviet Writer, 1987. 272 p.

8. Shiyan A.A. Reflection as the Basis of E. Hussel's Phenomenological Methodology. Transcendental Journal. 2023. Vol. 4. Issue. 1-2 [Electronic resource]. URL: https://transcendental.su/S271326680025762-8-1 (accessed: 19.06.2026). DOI: 10. 18254/S271326680025762-8

9. Hansen L., Phonosemantic Universals: Cross-Linguistic Perspectives. Annual Review of Linguistics. 2025. Vol. 11. P. 89 – 110. DOI: 10.5678/arl.2025.001

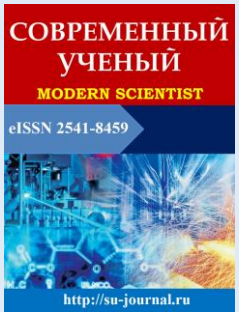
10. Rossi M., Bianchi E., Iconicity and Sound Symbolism in Italian: Experimental Evidence. Italian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 34. No. 1. P. 89 – 112. DOI: 10.5678/ijl.2022.001

11. Tanaka Akira, Sound Symbolism and Cognitive Processing in Japanese. Journal of East Asian Linguistics, 2024. Vol. 33. No. 2. P. 134 – 158. DOI: 10.1234/jeal.2024.002

Информация об авторе

Евенко Е.В., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6789-8535, Тамбовский государственный технический университет, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, пом. 2, tstu@tstu.ru

© Евенко Е.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81`42
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-111-117

Функциональный потенциал языковых единиц в системе персуазивной коммуникации в медиадискурсе

[1] Овчаренко Е.Н.

[1]Армавирский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье рассматриваются языковые средства реализации персуазивности в современном медиадискурсе. Особое внимание уделяется анализу авторской колонки как жанра с доминирующей персуазивной стратегией. На материале современных русскоязычных текстов авторских колонок общественно-политической направленности исследуется манипулятивный потенциал разноуровневых языковых единиц в персуазивной коммуникации. Предпринята попытка выявления и описания языковых механизмов стратегии убеждения. На примере текстов колумнистов демонстрируется как метафоры, терминология, грамматические конструкции, синтаксическая организация авторской колонки формируют манипулятивно-идеологический компонент медиатекста, навязывая аудитории заданную модель восприятия общественно-политических процессов.
Ключевые слова: персуазивная коммуникация, медиадискурс, медиатекст, колумнистика, авторская колонка, языковые стратегии убеждения

Для цитирования: Овчаренко Е.Н. Функциональный потенциал языковых единиц в системе персуазивной коммуникации в медиадискурсе // Современный ученый. 2026. № 11. С. 111 – 117. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-111-117

Поступила в редакцию: 13 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The functional potential of linguistic units in the system of persuasive communication in media discourse

[1] Ovcharenko E.N.

[1] Armavir State Pedagogical University

Abstract: the article examines the linguistic means of implementing persuasiveness in contemporary media discourse. Particular attention is paid to the analysis of the authorial column as a genre characterized by a dominant persuasive strategy. Drawing on contemporary Russian-language texts of socio-politically oriented authorial columns, the study investigates the manipulative potential of multilevel linguistic units in persuasive communication. An attempt is made to identify and describe the linguistic mechanisms underlying the strategy of persuasion. Using columnists' texts as examples, the article demonstrates how metaphors, terminology, grammatical structures, and the syntactic organization of the authorial column shape the manipulative-ideological component of the media text, thereby imposing on the audience a predetermined model for perceiving socio-political processes.
Keywords: persuasive communication, media discourse, media text, columnistics, author's column, linguistic strategies of persuasion

For citation: Ovcharenko E.N. The functional potential of linguistic units in the system of persuasive communication in media discourse. Modern Scientist. 2026. 11. P. 111 – 117. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-111-117

The article was submitted: June 13, 2026; Approved after reviewing: July 10, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современном медиадискурсе преобладает персуазивная коммуникация, в рамках которой адресант достигает цель воздействия на адресата. Медиатексты уходят от простого открытого информирования и всё чаще прибегают к скрытому убеждению.

Персуазивный характер медиакоммуникации реализуется за счет определенных языковых средств, поэтому немаловажным является исследование лингвистических инструментов манипуляции сознанием аудитории.

Объектом исследования являются языковые единицы разных уровней в медиатекстах колумнистики.

Предметом исследования выступает специфика актуализации функционального потенциала языковых единиц в системе персуазивной коммуникации в рамках текста авторской колонки.

Целью исследования является выявление и описание потенциала разноуровневых языковых единиц в процессе реализации стратегии убеждения в системе персуазивной коммуникации в тексте авторской колонки как одного из видов медиатекста.

Поставленная цель обусловила решение следующих задач:

1) проанализировать теоретические подходы к определению понятий персуазивной коммуникации, медиадискурса и авторской колонки как жанра;

2) охарактеризовать языковую специфику медиатекста как пространства реализации персуазивности;

3) выявить языковые единицы, являющиеся маркерами убеждения;

4) установить доминирующие когнитивные стратегии и тактики, реализуемые посредством персуазивных языковых средств.

Материалы и методы исследований

В исследовании использовались следующие методы: сплошной выборки; лингвостилистического анализа; контекстуального и дискурс-анализа. Материалом послужили авторские колонки, опубликованные на сайтах русскоязычных общественно-политических изданий *Коммерсантъ* и *Ведомости* 2024 г., 2026 г.

Результаты и обсуждения

Являясь коммуникативным феноменом, персуазивность определяет речевое поведение коммуникантов в дискурсивной деятельности через языковую организацию текста [2].

Персуазивная коммуникация, как интерактивный феноменом, имеет следующие особенности. Авторская интенция персуазивного текста заключается в трансформации волеизъявления адресата таким образом, чтобы получатель информации не осознавал бы оказываемого воздействия и считал бы свои коммуникативные действия, осуществляемые в интересах адресанта, самостоятельными. В рамках определенной коммуникативной ситуации адресат, находясь под воздействием интенции адресанта, совершает или демонстрирует отказ от совершения определенного речевого действия. Аргументы адресанта принимаются адресатом в качестве рациональных, а истинность транслируемой информации при этом параллельно опирается и на эмоциональный фон получателя информации. Персуазивный характер коммуникации является интерактивным процессом, на формирование которого оказывают влияние как невербальные, так и языковые факторы. Важными компонентами персуазивной коммуникации являются категории эксплицитности и имплицитности, проявляющиеся на разных уровнях системы языка [6].

При реализации воздействия, как основной задачи дискурса, автор стремится заретушировать нежелательную информацию, завуалировать истину, сознательно ввести в заблуждение, при этом создать эффект анонимности, обезличивания адресанта [12].

Аргументы выстраиваются логически за счет языковых средств. Совокупность логических связей персуазивных языковых средств реализует тактики воздействия на аудиторию [5].

Персуазивные коммуникативные стратегии являются ведущими в рамках публицистического стиля, так как для текстов этой сферы характерна именно персуазивная целеустановка [3].

Мы придерживаемся определению медиадискурса, предложенного М.Р. Желтухиной: «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте; он представляет собой действие, участвует в социокультурном взаимодействии и отражает механизмы сознания коммуникантов» [4, с. 344].

Организация медиатекста обусловлена коммуникативной спецификой жанра и адресата. Для привлечения внимания реципиента автор стремится организовать текст таким образом, чтобы он был актуальным, лаконичным и затрагивал мировоззренческие установки и убеждения получателя информации [1].

Медиатекст, лишенный экстралингвистической части, представляет собой линейный текст, встраивающийся в коммуникативное пространство медиадискурса. Состоящий только из языковой части текст востребован реципиентом при усиленной аргументативности, благодаря статистическим данным и авторскими рассуждениям, насыщенным оценочной лексикой [там же]. Примером подобного медиатеста является авторская колонка.

Совокупность периодических авторских журналистских текстов, представленных в виде колонок, называют колумнистикой. Колонка является полностью авторским продуктом, от заголовка текста до его синтаксической организации [10].

Авторская колонка является наиболее молодым публицистическим жанром медиадискурса. Основными жанровыми признаками колонки являются: специфика предмета – личные переживания; смещение цели на приоритетную трансляцию позиции автора по конкретному явлению, а не на само явление; отсутствие строгой повествовательной формы; размытость жанровых границ [8].

С помощью языковых средств колумнист выражает личные эмоции, декларирует своё отношение, обращает внимание рецепиента на конкретные факты, которым даёт субъективную оценку.

Основная цель авторской колонки – не передача информации, а яркая авторская интерпретация транслируемых событий. Имея двойственную природу, колумнистика, с одной стороны, противопоставлена традиционным манипулятивным жанрам, призывая получателя информации к критическому мышлению, но, в то же время, авторская колонка может стать эффективным инструментом пропаганды [7].

Ключевой особенностью колумнистики является стратегия персуазивности, актуализирующаяся с помощью доминирования авторской позиции и вовлечения адресата в совместное рассуждение [9].

Для достижения цели персуазивного воздействия автор колонки использует языковой материал на всех уровнях. Специфика цели способствует проявлению креативности языковой личности колумниста. Маркерами лингвокреативности выступают метафоры, фразеологизмы, прецедентные феномены, языковая игра [11].

Перейдём к анализу конкретных примеров.

Рассмотрим авторскую колонку онлайн версии газеты Ведомости.

В аналитическом тексте Валерия Андрианова, доцента Финансового университета при правительстве РФ, *Цифровой «Шелковый путь»* наблюдаются следующие признаки колумнистского текста. Документализм и фактологичность, основанные на реальных событиях – война в Персидском заливе, санкции, статистические данные и отсылка к мнению известных персон – позиция Игоря Сечина. Для текста характерны оценочность и экспрессивность, заключающиеся в употреблении метафор. Например: *Международная финансовая и страховая инфраструктура, создание которой считалось одним из главных достижений проекта глобализации, превратилась* ***из драйвера в тормоз развития*** *мировой торговли, Мировой океан стал* ***зоной повышенного риска***.

Заголовок авторской колонки *Цифровой «Шелковый путь»* обладает воздействующим потенциалом. Персуазивность текста заголовка реализуется с помощью использования культурного архетипа «Шелковый путь» при создании метафоричности заголовка. У реципиента активируется ассоциация цифровизации с эпохой расцвета торгово-экономических и социокультурных отношений. Отметим, что употребление единицы «шелковый путь» подчеркивает движение с Востока на Запад, таким образом автор имплицитно смещает акцент с американо-европейской модели глобализации на восточноазиатскую. Важным является использование оксюморона, в котором сталкиваются понятия разных эпох. На основе оксюморона создается так называемая гибридная метафора, транслирующая общую идею текста о том, что современные технологии могут стать чем-то революционным и возродить древние отношения в современном мире. Таким образом, данный заголовок не просто информирует о содержании последующего текста, но и внушает адресату идею о том, что современные технологии возрождают великое прошлое, создавая могущественное и независимое будущее. Далее в тексте колонки автор развивает эту идею с помощью лексических единиц: *мост, стыковка, ренессанс, полигон будущего, авангард.*

Персуазивный эффект трансляции экспертного мнения автора-колумниста реализуется также с помощью лексических средств. Например: термины и профессионализмы: сфера экономики – *смарт-контракты, CBDC, клиринг, сальдо, ликвидность, токенизация, коносаменты, транзакции, фрахт*; сфера логистики: *TEU, балкерные грузы, контейнерные терминалы, перевозки, навигационные пломбы*; сфера геополитики – *милитаризация торговли, потолок цен, санкции, суверенная система, инструмент стратегического влияния.* Термины выполняют двойственную функцию в тексте. С одной стороны, они привлекают внимание профессионально подготовленного читателя. С другой стороны, для некомпетентной в экономической сфере аудитории термины являются свидетельством экспертного мнения автора, его объективности и достоверности.

Для реализации цели воздействия автор создает центральную метафору текста «торговое оружие», используя единицы лексического поля войны: *боевые действия, вооруженные конфликты, блокада, атаки, удары, оружие милитаризация, инструмент стратегического влияния, горячая точка, угроза, обходные пути, ответные меры.*

Значительным персуазивным потенциалом также обладают фразеологические единицы, используемые автором для создания более сильных ассоциаций и устойчивости транслируемого образа: *слабое звено, во главу угла, снежный ком, воочию увидели, пущен в ход, сводится к нулю.*

Для создания эффекта объективности автор маскирует субъекта действия с помощью следующих конструкций: *под сомнением оказался тезис, акцент делался, ему было поручено, была введена.* Фактологический характер информации также реализуется через глаголы совершенного вида прошедшего времени при описании завершившихся процессов: *выросла, укрепил, превратилась*; через глаголы настоящего времени: *становится, является;* через формы будущего времени: *будут сопровождаться, будет автоматически обеспечиваться, будет иметь цифровые технологии.*

Причастные и деепричастные обороты обеспечиваю смысловую связность и усиливают эффект истинности транслируемой информации. Например: *Благодаря этому любой товар, идущий, например, из Китая в Бразилию или из России в ЮАР, будет автоматически обеспечиваться ликвидностью внутри этой платформы, минуя американскую банковскую систему.* Сложные предложения подчеркивают причинно-следственные связи и реализуют принцип логичности с помощью оборотов *поэтому не удивительно, в результате этих действий, таким образом, вместо*.

Автор аргументирует транслируемую точку зрения через апелляцию к уже известной информации: ссылка на книгу Ребекки и Джека Хардинг «Милитаризация торговли» (Weaponization of Trade) и на мнение главы «Роснефти» Игоря Сечина; и с помощью статистических данных: *90% тоннажа, 47 млн TEU, 90% юанизации, $55 млрд*.

Проведенный анализ реализации персуазивности в исследуемой авторской колонке указывает на достаточно сильный манипулятивно-идеологический компонент текста. Основной когнитивной стратегией текста становится убеждение аудитории в том, что оптимальный путь развития связан с цифровой платформой, обеспечивающей свободу и безопасность торговли вне зависимости от геополитических конкурентов.

Рассмотрим языковые способы реализации персуазивности в тексте авторской колонки Ксении Дементьевой в издании Коммерсантъ. Вопросная форма заголовока текста *Подешевеют ли вклады?* апеллирует к финансовым переживаниям аудитории. Вопросительная форма побуждает к поиску ответа в тексте. Вместо формального *снизятся ставки* автор употребляет упрощенный бытовой вариант *подешевеют*, создавая эффект доверительной коммуникации. В подзаголовке *стоит ли спешить ловить высокую доходность* автор использует метафору охоты, намекая, что высокий процент может ускользнуть как добыча. Единство семантики заголовка и подзаголовка, связанное одновременно с сомнениями и с желанием помочь разобраться, привлекает внимание читательской аудитории.

Автор также использует стратегии рационального убеждения, обращаясь к логике и фактам. Объективность и достоверность проводимого анализа подтверждается употреблением точных числовых данных: *Банк снизил ставки по двум депозитам: по вкладу «Новые деньги» ставка уменьшилась с 24% (максимальной ставки по депозитным продуктам Газпромбанка) до 23% годовых, а по вкладу «В Плюсе» ставка снизилась до 23% с 23,7%....еще несколько банков приняли решение о снижении доходности вкладов: Альфа-банк (на 0,41–3,26 п. п.), максимальная доходность вкладов также снизилась, банк «Дом.РФ» (на 0,6–2 п. п.).*; указанием на конкретные источники и даты: *в минувшую пятницу 20 декабря, первым, 24 декабря, понизил ставки... Газпромбанк, по данным Банка России*.

В данном аналитическом тексте автор обращается к эмоциям аудитории, обеспокоенной судьбой своих вкладов. С помощью лексики с семантикой спокойствия и уверенности адресант реализует стратегию эмоционального убеждения с целью снижения тревожности: *вкладчикам беспокоиться не о чем, банки будут*

сохранять текущий уровень, ставки... сохранятся на текущем уровне. Далее фокус авторской позиции перемещается с экспертного на доверительно-бытовой. Например, конструкции *мне кажется, я, как и вы, не могу знать наверняка, но давайте рассуждать логически* являются маркером субъективного дружеского совета.

Автор целенаправленно отклоняется от категоричности и убеждает аудиторию не через безапелляционные заявления, а через демонстрацию сложности и неодгозначности сложившейся ситуации, тем самым повышая доверие рецепиента: *вероятно, сохранятся, а может, поднимутся еще, решения ЦБ, как показывает практика, не всегда прогнозируемы даже для аналитиков.* Приведенные единицы снимают с автора ответственность за истинность информации и призывают аудиторию к самостоятельному размышлению.

В качестве лексико-стилистических средств, используемых автором, выделим следующие. Метафоры движения и тренда, представляющие рынок как изменяющуюся стихию: *следуют в тренде, играли на опережение, поймать падающую ставку.* Метонимический перенос: *банки восприняли решение как сигнал, ВТБ уверены.* Организации представлены с помощью олицетворения, что способствует лучшему пониманию рыночных процессов читательской аудиторией.

Синтаксическая организация текста также направлена на создание эффекта доверия. Текст организован таким образом, что читатель приходит к выводу без прямого давления. Например: употребление вводных слов с семантикой некатегоричности: *Думаю, Мне кажется, вероятно, можно говорить лишь о*; фразы с категоричными утверждениями в сильных позициях конца логических блоков: *пока вкладчикам беспокоиться не о чем, спешить… не стоит.* Подобные фразы также реализуют стратегию интимизации, повышая авторитет автора за счёт объективности его сомнений.

Синтаксис текста создает в рамках персуазивной коммуникации «эффект маятника», так как реципиент проходит путь от тревоги, транслируемой в заголовоке, через информационный шум фактов о снижении ставок, к успокоению, эксплицитно транслируемому в мнении автора.

Таким образом, убедительность проанализированного текста авторской колонки строится на сочетании двух тактик: представление фактов, подкрепленных точными данными, и эксплицитная позиция автора в виде выводов, совета, заставляющих адресата принимать решение самостоятельно, но все же исходя из объективной ситуации и транслируемой авторской идеи о временном и локальном характере снижения ставок, а не общей тенденцией в условиях непобежденной инфляции.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Современный медиадискурс характеризуется переходом от прямого информирования к персуазивности как особому типу воздействия, при котором адресат воспринимает внушаемые идеи как результат собственного размышления, не осознавая манипуляции со стороны адресанта. Важнейшими компонентами этого процесса выступают эксплицитность и имплицитность, проявляющиеся на всех уровнях языка.

Авторская колонка является текстовым пространством, в котором реализуется ряд персуазивных стратегий и тактик, основанных на комплексе разноуровневых языковых маркеров убеждения.

На лексическом уровне чаще всего функционируют метафоры, лексико-тематические поля и терминология, создающие эффект достоверности транслируемой информации. С помощью фразеологических единиц автор создаёт и закрепляет в сознании реципиента ассоциативные образные связи с транслируемой идеей.

Грамматические средства используются для создания эффекта объективности информации, логика авторской позиции подтверждается причинно-следственными конструкциями.

На стилистическом уровне автор оперирует фигурами речи, прецедентными феноменами, усиливающими верифицированность транслируемой точки зрения.

Языковые единицы в авторской колонке в рамках персуазивной коммуникации выполняют воздействующую и оценочную функции. С помощью языковых средств формируется манипулятивно-идеологическая картина мира. Таким образом, языковые стратегии и тактики убеждения в авторской колонке реализуются через совокупность логической аргументации и эмоционально-образное воздействие.

Перспектива исследования видится в дальнейшем анализе языковой специфики персуазивной коммуникации в медиатексте как в рамках колумнистики так и в рамках других жанров и видов дискурса.

Список источников

1. Ахренова Н.А., Зарипов Р.И. Лингвопрагматические характеристики современного поликодового мультимодального медиатекста в контексте информационно-психологического воздействия // Медиалингвистика. 2023. Т. 10. № 4. С. 428 – 449.

2. Богданова Е.А. Способы реализации персуазивности в журнальном дискурсе // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 1. С. 149 – 156.

3. Голоднов А.В. Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия: монография / СПб.: Астерион, 2010. 244 с.

4. Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография / М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.

5. Исмайлова Л.Г., Дрига М.В., Владимов Н.В. Понятие персуазивной коммуникации в военно-политическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 03/2. С. 127 – 131.

6. Котлова А.С., Сидорова Н.А. Стратегия персуазивности в новостном сообщении // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2021. № 3. С. 83 – 89.

7. Кошкин П.Г. Тенденции в колумнистике США на примере материалов «НьюЙорк Таймс», посвященных Китаю и России: 2008-2013 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва. 2016. 179 с.

8. Соколова Е.В. Колумнистика М. Кучерской: лингвостилистические и структурные особенности // Мир русского слова. № 2. 2021. С. 36 – 44.

9. Устинова В.Л. Авторская колонка как особый жанр аналитического медиадискурса // Научно-методическое обеспечение преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах в свете теории и практики межкультурной коммуникации : Межвузовский сборник, Майкоп, 30 мая 2021 года. № 17. Майкоп: ООО "Электронные издательские технологии". 2021. С. 68 – 72.

10. Устинова В.Л. Дискурсивная языковая личность журналиста-колумниста в медиадискурсе: гендерный аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 92. № 3. С. 119 – 123.

11. Хачмафова З.Р. «Креативность языковой личности колумниста в дискурсе СМИ (на материале русского и немецкого языков)» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. 2023. Вып. 2 (317). С. 107 – 112.

12. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.

References

1. Akhrenova N.A., Zaripov R.I. Lingvopragmatic characteristics of a modern polycode multimodal media text in the context of information and psychological impact. Medialinguistics. 2023. Vol. 10. No. 4. P. 428 – 449.

2. Bogdanova E.A. Ways to Implement Persuasiveness in Journal Discourse. Bulletin of Kostroma State University. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 149 – 156.

3. Golodnov A.V. Persuasive Communication: Strategies and Tactics of Influence: Monograph. St. Petersburg: Asterion, 2010. 244 p.

4. Zheltukhina M.R. Tropological suggestiveness of mass media discourse: on the problem of speech impact of tropes in the language of the media: monograph. Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Volgograd: Publishing house of the VF MUPK, 2003. 656 p.

5. Ismaylova L.G., Driga M.V., Vladimov N.V. The concept of persuasive communication in military-political discourse. Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2021. No. 03/2. P. 127 – 131.

6. Kotlova A.S., Sidorova N.A. Persuasiveness strategy in a news report. Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World. 2021. No. 3. P. 83 – 89.

7. Koshkin P.G. Trends in US Columnism as Exemplified by The New York Times Materials on China and Russia: 2008-2013: Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. Moscow. 2016. 179 p.

8. Sokolova E.V. Columns by M. Kucherskaya: Linguistic and Structural Features. The World of the Russian Word. No. 2. 2021. P. 36 – 44.

9. Ustinova V.L. Author's Column as a Special Genre of Analytical Media Discourse. Scientific and Methodological Support for Teaching Foreign Languages at Non-Linguistic Faculties in Light of the Theory and Practice of Intercultural Communication: Interuniversity Collection, Maikop, May 30, 2021. № 17. Maykop: OOO "Electronic Publishing Technologies". 2021. P. 68 – 72.

10. Ustinova V.L. Discursive Linguistic Personality of a Journalist-Columnist in Media Discourse: Gender Aspect. Humanitarian and Social Sciences. 2022. Vol. 92. № 3. P. 119 – 123.

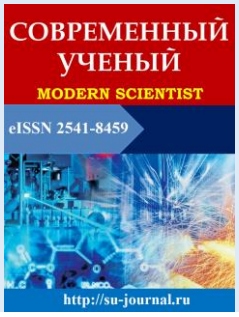
11. Khachmafova Z.R. "Creativity of the Linguistic Personality of a Columnist in Media Discourse (Based on the Russian and German Languages)". Bulletin of Adyghe State University. Series: Philology and Art Criticism. 2023. Issue 2 (317). P. 107 – 112.

12. Sheigal E.I. Semiotics of Political Discourse. Volgograd: Peremena, 2000. 368 p.

Информация об авторе

Овчаренко Е.Н., кандидат филологических наук, Армавирский государственный педагогический университет, Vnv62@inbox.ru

© Овчаренко Е.Н., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81-119
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-118-123

«Russkij Filolog»: к 130-летию со дня рождения Романа Осиповича Якобсона

[1] Хухуни Г.Т., [1] Савченко Е.П.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: статья посвящена характеристике творческого и жизненного пути Р.О. Якобсона, раскрытию значимости его теоретических исследований для становления лингвофилософской мысли XX–XXI вв. в аспекте таких популярных в настоящее время процессов как мультидисциплинарность в гуманитарном познании. Анализируется вклад Р.О. Якобсона в становление структурализма и семиологии в современном языкознании. Авторами статьи также осуществлен обзор основных трудов автора и материалов его зарубежных и отечественных публикаций, определяются основные периоды его научной и творческой деятельности. По итогам исследования выделены ключевые современные научные направления в заложенных исследователем научных областях, а также отмечены актуальные исследовательские «ответвления» теорий Р.О. Якобсона, что позволяет наметить перспективы дальнейшей работы в сфере якобсонианы.
Ключевые слова: историческое языкознание**,** Р.О. Якобсон, структурная лингвистика, семиология, якобсониана

Для цитирования: Хухуни Г.Т., Савченко Е.П. «Russkij Filolog»: к 130-летию со дня рождения Романа Осиповича Якобсона // Современный ученый. 2026. № 11. С. 118 – 123. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-118-123

Поступила в редакцию: 14 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

"Russkij Filolog": on the 130th anniversary of the birth of Roman Osipovich Jakobson

[1] Khukhuni G.T., [1] Savchenko E.P.

[1] Federal State University of Education

Abstract: we study the creative and life journey of R. Jakobson, highlighting the significance of his theoretical research for the development of lingua-philosophical thought in the 20th and 21st centuries in the context of such currently popular processes as multidisciplinarity in the humanities. It analyzes R. Jakobson's contribution to the development of structuralism and semiology in modern linguistics. The authors also review the author's major works and materials from his foreign and domestic publications, identifying the main periods of his scientific and creative activity. Based on the results of the study, key contemporary scientific trends in the research fields established by R. Jakobson are identified, as well as current research "branches" of R. Jakobson's theories are noted, which allows us to outline prospects for further work in the field of Jacobsoniana.
Keywords: historical linguistics, R. Jakobson, structural linguistics, semiology, Jacobsoniana

For citation: Khukhuni G.T., Savchenko E.P. "Russkij Filolog": on the 130th anniversary of the birth of Roman Osipovich Jakobson. Modern Scientist. 2026. 11. P. 118 – 123. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-118-123

The article was submitted: June 14, 2026; Approved after reviewing: July 11, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Цель статьи – провести ретроспективный анализ деятельности одного из самых ярких исследователей, ученых, чей научный вклад изменил науку о языке XX века – Романа Осиповича Якобсона. В его трудах на теоретико-лингвистическом уровне, в научной парадигме и метаязыковом контексте общелингвистической теории речевой деятельности (речевой коммуникации) впервые в истории лингвистики была создана типологическая классификация глагольных категорий и приведено обоснование самостоятельного статуса категории «засвидетельствованности» как отдельной грамматической категории глагола, существенно отличающейся от всех других глагольных категорий своей коммуникативной функцией и грамматической семантикой. Но научный потенциал исследователя, безусловно, намного шире и до сих пор представляет интерес для ученых всего мира.

Материалы и методы исследований

Тематика статьи определила методологический инструментарий исследования, проведенный анализ носит скорее качественный характер, нежели количественный, авторы использовали следующие лингвистические методы и алгоритм действии: постановка исследовательского вопроса, системный поиск литературы в авторитетных базах данных, отбор релевантных трудов и публикаций, извлечение искомых данных, анализ и синтез результатов.

Результаты и обсуждения

Текущий год для науки о языке ознаменован двумя юбилейными датами, тесно связанными между собой. Во-первых, сто лет назад возник Пражский лингвистический кружок, в создании которого Роман Осипович Якобсон сыграл большую (в известном смысле слова, наряду с его организатором – Вилемом Матезиусом – даже, можно сказать, определяющую) роль – хотя бы потому, что при создании этой организации, без которой немыслимо представление о лингвистике XX столетия, его основатели и члены во многом опирались на традиции и опыт Московского лингвистического кружка, родившегося одиннадцатью годами ранее. Его первым председателем был именно Р.О. Якобсон, которому – это уже, во-вторых, – в 2026 г. исполнилось бы 130 лет.

О его жизни и деятельности написано весьма много. Возможно даже – если говорить о нашей области – «якобсониана» уступит в количественном отношении разве только «соссюриане» [14]. Но нельзя не отметить, что хотя оба названных ученых оказали на мировое языкознание огромное влияние и в работах по истории лингвистики имена Ф. де Соссюра и Р.О. Якобсона нередко упоминаются в одном контексте – первого как предшественника / основоположника структурализма (хотя, по своеобразной иронии судьбы, сам Соссюр никогда термина структура не употреблял, оперируя исключительно понятием «система») [2; 9], второго – в числе наиболее выдающихся представителей этого направления (что, правда, многогранности творчества Р.О. Якобсона отнюдь не исчерпывает). Однако и в личном, и в творческом отношении между ними наличествовала весьма существенная разница. Биография Ф. де Соссюра, как известно, не была особо богата внешними событиями. Говоря о ней, ограничиваются обычно, тремя городами: Лейпциг (учеба у младограмматиков, с которыми потом отношения не очень сложились, и магистерская диссертация о первоначальной системе индоевропейского вокализма) – Париж (преподавательская деятельность и основание Французской социологической школы в языкознании, идеи которой нашли свое дальнейшее развитие в работах А. Мейе) – Женева и деятельность в тамошнем университете, завершением которой стал «Курс общей лингвистики», воссозданный Ш. Балли и А. Сешэ по студенческим записям и вышедший в свет уже после смерти ученого) [6; 11]. При этом – достаточно ранняя, даже по меркам той эпохи, смерть (в 56 лет), довольно редкая публикационная активность [1, с. 666], ограничение контактов с окружающими и пришедшая уже после ухода из жизни посмертная слава. У Р.О. Якобсона дело в большинстве моментов обстояло противоположным образом. Его жизнь оказалась гораздо более долгой (86 лет) и в некоторых отношениях (оставляем сейчас в стороне собственно научный аспект) напоминала приключенческий роман: после московского периода (ознаменовавшегося, как известно, появлением в 1928 г. в журнале «Новый ЛЕФ» написанных вместе с Ю.Н. Тыняновым тезисов, ставших прообразом Пражских, которые получили позднее мировой отклик) [12; 13] – работа в советском полпредстве в Праге – «невозвращенство» в Советский Союз

– активное участие в евразийском движении (примечательно, что, когда в 1938 г. Р.О. Якобсон принял православие, его крестным отцом был не кто иной, как основатель и лидер этого движения П.Н. Савицкий) – пребывание на нелегальном положении в оккупированной нацистами Чехословакии – сопровождавшаяся рядом весьма драматичных моментов эмиграция через несколько скандинавских стран в Соединенные Штаты Америки... При этом Р.О. Якобсон – в чем опять-таки разительный контраст с Ф. де Соссюром – демонстрирует поразительную научную плодовитость: им был создано огромное количество трудов в самых различных областях. Друживший с ним Илья Григорьевич Эренбург, вспоминая свои впечатления о Романе Осиповиче, писал: «Меня он поразил тем, что все знал – и построение стиха Хлебникова, и старую чешскую литературу, и Рембо, и козни Керзона или Макдональда» [15]. Заметим, что в этом весьма внушительном – учитывая, к тому же, тогдашний возраст Якобсона (встреча произошла в 1923 г., когда будущему классику мировой лингвистики было 27 лет) – перечне не упомянута главная область деятельности собеседника автора – лингвистика (возможно, потому, что Илья Григорьевич к представителям нашей профессии не принадлежал…). При этом Р.О. Якобсон отнюдь не отказывался от радостей жизни, в связи с чем в одном из писем к нему, относящемся уже к середине 30-х гг., Н.С. Трубецкой не без упрека заметил своему коллеге: «У Вас всегда была тяга к богеме. В молодом возрасте это безопасно. Но рано или поздно наступает момент, когда надо “остепениться”» [15].

Возвращаясь к отмеченному выше обстоятельству, что к Ф. де Соссюру подлинная слава пришла уже посмертно [8; 10], констатируем, что о Р.О. Якобсоне этого сказать никак нельзя [4]: он в полной мере вкусил прижизненной славы и за рубежом, и – что, учитывая некоторые обстоятельства его биографии, представляется особенно интересным – в Советском Союзе. В 1962 году ученый даже был номинирован на Нобелевскую премию по литературе (лингвистов, как известно, Нобель в своем завещании не упомянул). Однако, премия ему присуждена не была, причем, откровенно говоря, понять такое решение членов Нобелевского комитета, пожалуй, можно: выдающимся *филологом-литературоведом* его можно назвать с полным основанием, но крупным *литератором* – даже в том широком смысле, который позволил девятью годами ранее наградить этой премией У. Черчилля – считать Романа Осиповича допустимо только с достаточно большой натяжкой (если, конечно, оставить за скобками его поэтические опыты) [18; 19] … С другой стороны, входя в состав ряда академий (и в США, и за их пределами), членом Академии наук СССР он так и не стал, хотя, по словам В.В. Иванова, один период разговоры об этом шли: обсуждая в 60-е гг. возможность его возвращения, «с ним начали говорить о том, что его могут избрать в нашу Академию наук» [3, с. 20].

Вообще, рассматривая, так сказать, «официальное» отношение к Р.О. Якобсону советских властей после его эмиграции, т.е. невозвращения в Советский Союз после прекращения работы в советском постпредстве (а этот период охватывает в общей сложности более полувека – с конца 20-х по начало 80-х гг. прошлого века), нельзя не заметить некоторой парадоксальности. Напомним, что отказ возвратиться из-за границы в СССР, наряду с нелегальным бегством за границу, не только в те годы, о которых идет речь, но и значительно позднее – вплоть почти до конца существования Советского Союза – расценивался Уголовным кодексом страны как измена Родине. Участие Р.О. Якобсона (наряду с Н.С. Трубецким) в евразийском движении [16, с. 50], которое рассматривалось как явно антисоветское (что, в общем, соответствовало действительности, хотя его оппоненты в эмиграции упрекали сторонников евразийства в том, что последние проявляют к Советской власти «двойственное и двусмысленное отношение» и «находят для себя в большевизме ряд родственных мотивов» [5]) также не могло вызвать у советских властей каких-либо симпатий (напомним, что евразийцы были одним из объектов известной операции «Трест», направленной против представителей эмиграции). Неоднократно упоминалось оно (включая имена Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона) и в материалах имевшего место в первой половине 30-х гг. так называемого «дела славистов», которому посвящено специальное исследование [1]. Традиционно в таких случаях соответствующие лица обычно либо подвергались тому, что в античности именовалось *damnatio memoriae*, т.е. их имена просто не полагалось называть, причем, они нередко изымались и из сочинений уже покойных к тому времени авторов – подобно тому, как из поэмы В.В. Маяковского о В.И. Ленине в большинстве изданий 30-первой половины 50-х гг. исчезли упоминания о Л.Д. Троцком, Г.Е. Зиновьеве, В.А. Антонове-Овсеенко, – либо информация о них сопровождалась соответствующей «идеологически правильной» характеристикой – как это имело место в вышедших до середины 50-х гг. томах Большой советской энциклопедии, где речь шла, например, о К.Д. Бальмонте или И.А. Бунине… Но при этом советские школьники многих поколений в обязательном порядке должны были заучивать стихотворение того же Владимира Маяковского «Товарищу Нетте – пароходу и человеку», персонаж которого, воспетый поэтом как образец революционного героя, погибшего на боевом посту, «напролет болтал о Ромке Якобсоне» (кстати, один из авторов настоящей статьи именно тогда впервые услышал имя последнего – хотя, разумеется без каких-либо подробных разъяс-

нений, кем является упомянутый «Ромка») [7]. Ну, а в студенческий период одного из авторов (конец 60-начало 70-х гг.) имя Якобсона звучало в лекциях наших университетских преподавателей как живого классика филологической науки. С другой стороны, то обстоятельство, что Роман Осипович Якобсон неоднократно посещал Советский Союз (в том числе, после венгерских (1956 г.) и чехословацких (1968 г.) событий (притом, что во время последних он весьма поспешно покинул Прагу после прихода советских войск), также говорило о том, что особых претензий к всемирно известному лингвисту ни за прошлое, ни за настоящее власти не имели, хотя определенные сложности с публикациями его работ время от времени могли возникать…

Как известно, проблема бессознательного (которую традиционно увязывали с концепцией и личностью З. Фрейда) так называемой «официальной» наукой в СССР, начиная с 30-х гг., не слишком приветствовалась (хотя ранее переведенные на русский язык его работы можно было получить в крупных библиотеках, где они имелись; во всяком случае, в Тбилисской публичной библиотеке один из авторов данной статьи имел возможность, еще будучи студентом, с ними ознакомиться). Неудивительно поэтому, что симпозиум привлек к себе весьма большое внимание – и не только со стороны психологов, а участие в нем Р.О. Якобсона возбуждало особый интерес, тем более что каких-либо ограничений на посещение относящихся к этому событию мероприятий (в основном, проходивших в Тбилисском государственном университете, ныне носящем имя своего основателя Иванэ Джавхишвили) фактически не было. Это дало повод В.В. Иванову заметить: «Симпозиум был не только многолюдным и нестройным, но и бестолковым <…>. На симпозиум или на беседы вокруг него приехало много не имевших никакого отношения к психоанализу людей, желавших повидать Якобсона или получить от него поддержку» [4]. Что касается научной общественности Грузии, то она, естественно, постаралась воспользоваться предоставленной возможностью в полной мере.

Сам доклад, посвященный лингвистическим аспектам сознательного и бессознательного, был опубликован в материалах симпозиума (вышедших до его начала), и уже в 90-е гг. вошел в сборник избранных работ ученого [17], поэтому останавливаться подробно на его содержании нет необходимости. Однако можно отметить, что в нем весьма заметно проявилась одна особенность, на которую также обратил внимание В.В. Иванов. Вспоминая одну из бесед с Р.О. Якобсоном, он заметил: «По его словам, Шахматов (на опыт которого он ссылался нередко) говорил, что надо ссылаться или на все существующие работы, или ни на одну» [4]. Действительно, текст доклада насыщен ссылками на работы самых различных авторов XIX-XX веков: Ф. де Соссюра, Н.В. Крушевского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Э. епира (что, вероятно, по нынешним временам могло бы при проверке на «процент оригинальности» послужить поводом для замечания в недостатке таковой…).

Однако приходится признать, что выступление Р.О. Якобсона произвело впечатление, в первую очередь, не столько огромной эрудицией ученого, сколько умением оживить весьма серьезную тему не лишенными юмора примерами. Особенно запомнился приведенный им случай, иллюстрирующий личностную установку при восприятии двусмысленной единицы, который произошел (если не изменяет память) с профессором Московского университета Романом Федоровичем Брандтом. Услышав от молодой собеседницы признание: «Я развелась», – ученый одобрительно заметил: «Это очень хорошо; развиваться надо постоянно».

Выводы

И в заключение – еще один момент. Зарубежные коллеги нередко говорили о Р.О. Якобсоне как о человеке, который «на семи языках научился говорить по-русски». Думается, что – вероятно, помимо воли авторов этой шутки – она относится не только к наличию у Романа Осиповича русского акцента (так, А.А. Жолковский вспоминал: «Поразила нас <…> ораторская манера Якобсона. Она была именно ораторской, блестящей, величественной уже по своему интонационному рисунку <…> Удивил – и заставил разнообразно задуматься – и густой, нимало не скрываемый русский акцент в английском языке <…> Отчасти акцент даже возвышал Якобсона, так сказать, не давшего себе труда притворяться американцем») [20], но и к той функции своего рода «посредника» между русской и западной (в широком смысле слова) традициями, которую Р.О. Якобсон выполнял на протяжении более полувека и благодаря которой на европейских языках «заговорили по-русски» достижения многих классиков отечественной науки. Причем, речь идет не только о тех, кого адепты структурной лингвистики числили среди своих предшественников (в первую очередь, естественно, это И.А. Бодуэн де Куртенэ), но и таком ученом как Ф.Ф. Фортунатов, считавшемся (другой вопрос, насколько справедливо) представителем младограмматической концепции, отрицательное отношение к которой рассматривалось как едва ли не главная черта различных структуралистских течений (ср. свидетельство В.В. Иванова, который даже вспоминал слова его супруги про «неумеренное восхищение Якобсона Россией и всем русским») [3, 4].

Список источников

1. Ашнин Ф.Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.

2. Бенвенист Э. Понятие структуры в лингвистике [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-174806998_350 (дата обращения: 01.05.2026)

3. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. 459 с.

4. Иванов В.В. Лингвистический путь Романа Якобсона // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1982. С. 5 – 29.

5. Иванов В. В. О Романе Якобсоне (глава из воспоминаний) [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/1999/7/o-romane-yakobsone-glavy-iz-vospominanij.html (дата обращения: 01.05.2026)

6. Кизеветтер А.А. Евразийство [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Евразийство_(Кизеветтер) (дата обращения: 05.05.2026)

7. Кузнецов В.Г. Парижская и женевская ветви учеников и последователей Ф. де Соссюра // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 28 – 65.

8. Маяковский В.В. Сочинения в одном томе. М.: ОГИЗ, 1941. 536 с.

9. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968. 376 с.

10. Радченко О.А., Аликаев Р.С. Азартная кривизна зеркал: Роман Якобсон в «популярной историографии лингвистики» // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2023. № 3 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/azartnaya-krivizna-zerkal-roman-yakobson-v-populyarnoy-istoriografii-lingvistiki (дата обращения: 05.05.2026)

11. Савченко Е.П., Никитин О.В., Хухуни Г.Т. и др. Три города (Москва, Прага, Женева) в судьбе русского учёного: жизнь и научная судьба Сергея Карцевского: коллективная монография. М.: РИО Государственного университета просвещения, 2025. 143 с.

12. Тынянов Ю.С., Якобсон Р.О. Проблемы изучения литературы и языка [Электронный ресурс]. URL: https://metodolog.ru/00598/00598.html (дата обращения: 01.05.2026)

13. Холодович А.А. Фердинанд де Соссюр. Жизнь и труды // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 650 – 696.

14. Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. «Евразийская лингвистика»: наука или политика // Тамыр. 2011. Вып. 3 (28). С. 26 – 32.

15. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь [Электронный ресурс]. URL: https://thelib.ru/books/erenburg_i/lyudi_gody_zhizn_kniga_iii-read-5.html (дата обращения: 01.05.2026)

16. Якобсон Р.О. Выступление на 1-м международном симпозиуме «Знак и система языка» (Эрфурт, ГДР, 1959) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М.: Просвещение, 1965. С. 395 – 402.

17. Якобсон Р.О. К языковедческой проблематике сознания и бессознательного // Якобсон Р. Сознание и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. С. 13 – 25.

18. Якобсон Р.О. К характеристике евразийского языкового союза. Париж: Издание евразийцев, 1931. 59 с.

19. Якобсон Роман Осипович – поэт, лингвист, литературовед, критик / сост. Н.Н. Перцова [Электронный ресурс]. URL: https://soyuz-pisatelei.ru/forum/53-1708-1 (дата обращения: 03.05.2026)

20. Zholkovsky A.K. Роман Осипович Якобсон (из мемуарных заметок) [Электронный ресурс]. URL: https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/jakob/ (дата обращения: 01.05.2026)

References

1. Ashnin F.D., Alpatov V.M. "The Case of the Slavists": the 1930s. Moscow: Nasledie, 1994. 284 p.

2. Benveniste E. The Concept of Structure in Linguistics [Electronic resource]. URL: https://vk.com/wall-174806998_350 (accessed: 01.05.2026)

3. Zvegintsev V.A. History of Linguistics in the 19th–20th Centuries in Essays and Excerpts. Part 2. Moscow: Prosveshchenie, 1965. 459 p.

4. Ivanov V.V. The Linguistic Path of Roman Jakobson. Jakobson R.O. Selected Works. M.: Progress, 1982. Pp. 5–29.

5. Ivanov V.V. About Roman Jakobson (a chapter from his memoirs) [Electronic resource]. URL: https://magazines.gorky.media/zvezda/1999/7/o-romane-yakobsone-glavy-iz-vospominanij.html (date of access: 01.05.2026)

6. Kizevetter A.A. Eurasianism [Electronic resource]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Evraziystvo_(Kizevetter) (date of access: 05.05.2026)

7. Kuznetsov V.G. Parisian and Genevan branches of F. de Saussure's students and followers. Ferdinand de Saussure and modern humanitarian knowledge. Moscow: INION RAS, 2008. P. 28 – 65.

8. Mayakovsky V.V. Works in One Volume. Moscow: OGIZ, 1941. 536 p.

9. Polivanov E.D. Articles on General Linguistics. Moscow: Nauka, 1968. 376 p.

10. Radchenko O.A., Alikaev R.S. The Gambling Curvature of Mirrors: Roman Jakobson in the "Popular Historiography of Linguistics". Crede Experto: Transport, Society, Education, Language. 2023. No. 3 (38). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/azartnaya-krivizna-zerkal-roman-yakobson-v-populyarnoy-istoriografii-lingvistiki (date of access: 05.05.2026)

11. Savchenko E.P., Nikitin O.V., Khukhuni G.T., et al. Three cities (Moscow, Prague, Geneva) in the fate of a Russian scientist: the life and scientific fate of Sergei Kartsevsky: a collective monograph. Moscow: RIO State University of Education, 2025. 143 p.

12. Tynyanov Yu.S., Jakobson R.O. Problems of the study of literature and language [Electronic resource]. URL: https://metodolog.ru/00598/00598.html (date of access: 01.05.2026)

13. Kholodovich A.A. Ferdinand de Saussure. Life and Works. Saussure F. de. Works on Linguistics. Moscow: Progress, 1977. Pp. 650 – 696.

14. Khukhuni G.T., Valuytseva I.I. "Eurasian Linguistics": Science or Politics. Tamyr. 2011. Issue 3 (28). Pp. 26 – 32.

15. Ehrenburg I.G. People, Years, Life [Electronic resource]. URL: https://thelib.ru/books/erenburg_i/lyudi_gody_zhizn_kniga_iii-read-5.html (date of access: 01.05.2026)

16. Jakobson R.O. Presentation at the 1st International Symposium "The Sign and the System of Language" (Erfurt, GDR, 1959). Zvegintsev V.A. History of Linguistics of the 19th-20th Centuries in Essays and Excerpts. Part 2. Moscow: Prosveshchenie, 1965. P. 395 – 402.

17. Jakobson R.O. On the Linguistic Problematics of Consciousness and the Unconscious. Jakobson R. Consciousness and the Unconscious. Moscow: Gnosis, 1996. P. 13 – 25.

18. Jakobson R.O. On the Characteristics of the Eurasian Language Union. Paris: Izdatelstvo Evraziytsev, 1931. 59 p.

19. Jakobson Roman Osipovich – poet, linguist, literary scholar, critic. Compiled by N.N. Pertsova [Electronic resource]. URL: https://soyuz-pisatelei.ru/forum/53-1708-1 (date of access: 03.05.2026)

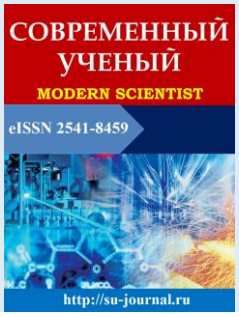
20. Zholkovsky A.K. Roman Osipovich Yakobson (from memoir notes) [Electronic resource]. URL: https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/jakob/ (date of access: 01.05.2026)

Информация об авторах

Хухуни Г.Т., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения, khukhuni@mail.ru

Савченко Е.П., кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, ep.savchenko@eduprosvet.ru

© Хухуни Г.Т., Савченко Е.П., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'42:811.512.142
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-124-130

Концепт «тюзлюк» (справедливость) в карачаево-балкарском песенном дискурсе нового времени: аксиологический аспект

[1] Теппеева Д.Р.

[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Аннотация: целью настоящей статьи является выявление аксиологической специфики ключевого этического концепта «тюзлюк» («справедливость») в карачаево-балкарском песенном дискурсе нового времени. В задачи работы входит анализ семантической структуры и ценностного наполнения данного концепта, выявление его когнитивных признаков в песенных текстах, а также определение его роли в формировании нравственных ориентиров в современной песенной культуре карачаевцев и балкарцев. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения способов объективации базовых этических констант в жанрах, отражающих живые процессы национальной лингвокультуры. Научная новизна заключается в обращении к песенному дискурсу как особой сфере функционирования концепта «тюзлюк» и в привлечении в качестве эмпирической базы текстов современных авторов. Теоретическую основу исследования составили положения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Методология исследования включает концептуальный анализ, дискурсивный анализ и элементы аксиологического анализа. В результате установлено, что в песенном дискурсе нового времени концепт «тюзлюк» сохраняет базовые этические смыслы (правда, объективность, верность) и актуализирует когнитивные признаки: понимание справедливости как активной силы, требующей борьбы; как божественной прерогативы; как универсального принципа гармонии, в том числе гармонии межэтнического единства. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в вузовских курсах по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: концепт, *тюзлюк, справедливость*, карачаево-балкарский язык, песенный дискурс, аксиология, лингвокультурология

Для цитирования: Теппеева Д.Р. Концепт «тюзлюк» (справедливость) в карачаево-балкарском песенном дискурсе нового времени: аксиологический аспект // Современный ученый. 2026. № 11. С. 124 – 130. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-124-130

Поступила в редакцию: 14 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The concept of 'tyuzlyuk' (justice) in Karachay-Balkar song discourse of the modern era: an axiological aspect

[1] Teppeeva D.R.

[1] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

***Abstract*:** the aim of this article is to identify the axiological specificity of the key ethical concept «tüzlyuk» ('justice') in Karachay-Balkar song discourse of the modern era. The research tasks include analyzing the semantic structure and value content of this concept, identifying its cognitive features in song lyrics, and determining its role in shaping moral orientations in the contemporary song culture of the Karachays and Balkars. The relevance of the study is determined by the need to investigate the ways in which fundamental ethical constants are objectified in genres that reflect the ongoing processes of national linguoculture. The scientific novelty lies in approaching song discourse as a specific domain for the functioning of the concept «tüzlyuk», as well as in drawing on lyrics by contemporary authors as the empirical basis. The theoretical framework of the research is grounded in the principles of linguoculturology and cognitive linguistics. The methodology comprises conceptual analysis, discourse analysis, and elements of axiological analysis. The findings demonstrate that in the song discourse of the modern era, the concept «tüzlyuk» retains its core ethical meanings (truth, objectivity, loyalty) and actualizes the following cognitive features: the understanding of justice as an active force requiring struggle; as a divine prerogative; and as a universal principle of harmony, including the harmony of interethnic unity. The practical significance of the work lies in the potential application of its results in university courses on linguoculturology and cognitive linguistics.
Keywords: concept, *tüzlyuk*, *justice*, the Karachay-Balkar language, song discourse, axiology, linguoculturology

For citation: Teppeeva D.R. The concept of 'tyuzlyuk' (justice) in Karachay-Balkar song discourse of the modern era: an axiological aspect. Modern Scientist. 2026. 11. P. 124 – 130. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-124-130

The article was submitted: June 14, 2026; Approved after reviewing: July 11, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В рамках антропоцентрической лингвистической парадигмы особое место занимают исследования, направленные на реконструкцию языковой картины мира через изучение ключевых культурных концептов, в которых аккумулирован духовный опыт этноса. Как отмечают С.К. Башиева и З.М. Ульбашева, «язык отражает взаимосвязь этноса и культуры в вербальных средствах, репрезентирующих особенности бытия и мировоззренческих установок людей» [1, с. 450]. В этой связи особый интерес представляют этические концепты, объективирующие нравственные ценности народа, поскольку именно они формируют основу морального сознания и регулируют поведение членов социума. В карачаево-балкарской лингвокультуре особой значимостью обладают этические концепты «сый» ('уважение'), «бет» ('совесть'), «тюзлюк» ('справедливость'), которые являются константами нравственной картины мира карачаево-балкарского этноса и «в совокупности образуют морально-духовную категорию "адамлыкъ" ('человеческое достоинство')» [1, с. 449].

Особой сферой репрезентации этнических ценностей является карачаево-балкарский песенный дискурс, который, будучи этнолингвокультурной моделью, воплощенной в концептах, обладает богатейшим лингвокультурным потенциалом, транслирует основополагающие человеческие ценности и позволяет «достаточно отчетливо проследить особенности менталитета карачаево-балкарского народа» [2, с. 294]. Как отмечается в работах по дискурсологии, «современные тексты песен, обладая уникальными особенностями, способны влиять на слушателей» [3, с. 7], что делает этот материал незаменимым для аксиологического анализа. При этом, как подчеркивает Ю.Е. Плотницкий, «связь и взаимовлияние англоязычного песенного дискурса и социальной жизни сложились главным образом в период расцвета контркультурного движения в 1960-х годах, причем именно этот факт повлиял на изменение характера песенной лирики в плане ее усложнения» [4, с. 382] – это наблюдение в полной мере применимо и к анализу национальных песенных традиций, где социальные и этические смыслы также обретают новую глубину.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью изучения способов объективации базовых этических констант в таких жанрах, которые наиболее живо и непосредственно отражают ак-

туальные процессы национальной лингвокультуры. Песенный дискурс нового времени, в отличие от строго регламентированных фольклорных форм или паремиологических сводов, представляет собой динамичную среду, где традиционные ценностные смыслы адаптируются к современным социальным, культурным и мировоззренческим контекстам, что требует отдельного лингвокультурологического осмысления.

Цель данной работы заключается в выявлении аксиологической специфики ключевого этического концепта «тюзлюк» («справедливость») в карачаево-балкарском песенном дискурсе нового времени.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

1. Провести анализ семантической структуры и ценностного наполнения концепта «тюзлюк» на материале лексикографических источников и песенных текстов.

2. Выявить и систематизировать когнитивные признаки данного концепта, актуализируемые в современном песенном дискурсе.

3. Определить роль концепта «тюзлюк» в формировании нравственных ориентиров и мироустройства в современной песенной культуре карачаевцев и балкарцев.

Научная новизна исследования заключается в обращении к песенному дискурсу нового времени как к особой, недостаточно изученной сфере функционирования концепта «тюзлюк». В отличие от традиционных для подобных исследований фольклорных, паремиологических или художественно-прозаических текстов, в данной работе в качестве эмпирической базы впервые привлекаются тексты современных авторов-исполнителей, что позволяет проследить трансформацию и актуализацию этического концепта в живой, актуальной национальной культуре.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили тексты песен карачаево-балкарских авторов нового времени, в которых вербализуется концепт «тюзлюк» или его семантические дериваты. Выборка осуществлялась методом сплошного поиска по открытым источникам сети Интернет с последующей верификацией текстов. В качестве репрезентативного эмпирического корпуса были отобраны песни следующих исполнителей и авторов: Альберт Узденов, Сапар Узденов, Кайсын Холамханов, Алим Газаев, Руслан Катчиев. Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XX по начало XXI в., что позволяет рассматривать песенный дискурс данного периода как «новое время» в развитии карачаево-балкарской песенной культуры.

Теоретико-методологической основой исследования послужили труды отечественных ученых в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, теории концепта и аксиологической лингвистики (В.И. Карасик [5], Ю.С. Степанов [6], С.Г. Воркачев [7]).

В работе применялись следующие методы: концептуальный анализ, направленный на выявление семантической структуры и когнитивных признаков концепта «тюзлюк»; дискурсивный анализ текстов песен с целью выявления способов и контекстов вербализации концепта; элементы аксиологического анализа для определения ценностного содержания концепта; описательный метод, включающий приемы наблюдения, обобщения и интерпретации языкового материала.

Результаты и обсуждения

Концепт «тюзлюк» входит в ядро этической системы карачаево-балкарской лингвокультуры. Согласно данным толкового словаря, лексема тюзлюк представлена в следующих значениях: «ровность, прямизна»; «справедливость, объективность, беспристрастность»; «правда»; «преданность, верность» [8, с. 647]. Как отмечают С.К. Башиева и З.М. Ульбашева, «концепт тюзлюк ‘справедливость’ представляет собой смысловую структуру, репрезентирующую, с одной стороны, понимание справедливости как божью кару, а с другой стороны – как необходимость беспристрастного отношения друг к другу внутри социума» [1, с. 449].

В карачаево-балкарском песенном дискурсе нового времени концепт «тюзлюк» объективируется через ряд когнитивных признаков, которые могут быть сгруппированы в три основные тематические доминанты:

1. Справедливость как активная сила, требующая борьбы.

В исследованных текстах «тюзлюк» предстает не как пассивная данность, а как ценность, достижение которой сопряжено с волевым усилием и противодействием несправедливости. Об этом свидетельствует употребление лексемы тюзлюк в контексте семантических полей «оружие» и «борьба». Так, в одном из фрагментов справедливость метафорически отождествляется с пулей, способной поразить цель: «Уу сёзлюге джууаб табмай къалмазча, / Окъ ишлей бил айтыр тюзлюк сёзюнгден!» [9] (‘Чтобы ядовитый язык не остался без ответа, / умей сделать пулей свое слово правды!’). Здесь слово «тюзлюк» входит в конструкцию тюзлюк сёз (‘слово правды/справедливости’), которое уподобляется пуле (окъ), что подчеркивает дей-

ственность, результативность справедливого слова. В том же тексте содержится прямая императивная связка справедливости и борьбы: «Кюреш тюзлюк эшиклени ачхынчы!» [Там же] (‘Борись, пока не откроются двери справедливости!’). Таким образом, песенное сознание репрезентирует справедливость как цель, требующую активных действий.

2. Справедливость как божественная прерогатива.

Второй когнитивный признак связан с сакрализацией справедливости. В ряде текстов «тюзлюк» выступает как атрибут высших сил, гарант миропорядка. В одном из примеров встречается отождествление справедливости с Аллахом: «Джер юсюнде тюзлюк барды, / «Аты» уа аны Аллахды, / Ол мени тюбде къоймаз.» [10] (‘На земле справедливость есть, / Имя же ей – Аллах, / Он меня не оставит в беде’). Здесь справедливость не просто санкционируется Богом, но онтологически приравнивается к нему («аты Аллахды» – ‘имя ей Аллах’). Это коррелирует с наблюдениями М.Ч. Джуртубаева, который отмечал, что «балкарец твердо убежден, что справедливость можно нарушить, только заблуждаясь… что в конечном счете мир основан на справедливости» [11, с. 171]. Аналогичная семантика обнаруживается в другом фрагменте, где справедливость соседствует с верой (иман) в молитвенной формуле: «‘Иман болсун миллетде, / Тюзлюк болсун джюрекде‘, – / Тилейме мен бизни Иебиз Аллахдан.» [12] (‘Да будет вера в народе, / Да будет справедливость в сердце’, – / прошу я у нашего Владыки – Аллаха’). В данном случае «тюзлюк» предстает как сакральная ценность, которую человек не может создать самостоятельно, но может испросить у Бога. Это подчеркивает пассивно-рецептивный аспект справедливости в отличие от активного, описанного выше.

3. Справедливость как универсальный принцип гармонии и человеческих отношений.

Третий когнитивный признак раскрывает «тюзлюк» как основу мироустройства, обеспечивающую равновесие в природе и социуме. В одном из лирических фрагментов справедливость выступает условием для встречи влюбленных: «Дунияда тюзлюк бар эсе, сюйген сюйгеннге тюбесин, / Сюймеклик сокъур тюл эсе, эки джюрекни бир этсин.» [13] (‘Если в мире есть справедливость, пусть любимые встретятся, / Если любовь не слепа, пусть соединит два сердца’). Здесь «тюзлюк» функционирует как космический закон, аналогичный физическому: его наличие гарантирует соразмерность и взаимность.

В другом тексте справедливость предстает как экзистенциальная ценность и жизненный ориентир, определяющий бытие и повседневную практику карачаевцев и балкарцев. Лексема «тюзлюк» входит в состав словосочетания «тюзлюк джол» (‘путь справедливости’), по которому идут «близнецы» (эгизле): «Тюзлюк джолда тенг атлагъан эгизле, / Зорлукъ, ачыу сынамагъыз ёмюрде!» [14] (‘По пути справедливости идущие рядом близнецы, / Пусть насилие и горе не коснутся вас в жизни!’).

В данном контексте лексема «эгизле» (‘близнецы’) символизирует неразрывное единство балкарского и карачаевского народов, которые исторически и культурно связаны и нередко в песенной поэзии предстают как братские близнецы. Однако принципиально важно, что их движение по пути справедливости не является случайным или ситуативным: сам факт избрания «тюзлюк джол» свидетельствует о том, что справедливость осмысляется как базовая ценность-ориентир, способ бытия и нравственный компас, которому эти народы сознательно следуют в своей жизненной стратегии. Путь справедливости – это не метафора, а реальная этическая программа, определяющая поведение, отношения и мировосприятие.

Характеристика человека, идущего по этому пути, включает отказ от предательства («шохун-тенгин сатмагъан» – ‘не предавший друга’) и отказ от насилия («башхалагъа сауут алыб чабмагъан» – ‘не нападавший на других с оружием’) [14]. Эти запреты имеют не декларативный, а практически-регулятивный характер: они фиксируют те поступки, которые несовместимы с пребыванием на пути справедливости. Тем самым «тюзлюк» выступает не только как объединяющая идея, но и как этический императив, способ бытия, определяющий личную честность, верность, ненасилие и межэтническое братство в их неразрывном единстве.

Выявленные когнитивные признаки концепта «тюзлюк» в песенном дискурсе нового времени не являются взаимоисключающими; они сосуществуют и взаимодополняют друг друга. Активный (борьба за справедливость) и пассивно-рецептивный (справедливость как дар Бога) аспекты отражают диалектику народного этического сознания: человек должен стремиться к справедливости, но конечной инстанцией является высшая сила. При этом универсальный принцип справедливости как гармонии (в любви, в дружбе, в единстве народов) обеспечивает связь индивидуальной этики с космическим и социальным порядком.

Особого внимания заслуживает то, что в песенном дискурсе справедливость не ограничивается абстрактным идеалом, а предстает как практическая максима и экзистенциальный ориентир, регулирующий повседневные поступки и межличностные отношения. Отказ от предательства и насилия становится не просто моральной рекомендацией, а неотъемлемым атрибутом «пути справедливости», по которому сознательно идут народы-близнецы. Тем самым аксиологический статус концепта расширяется: он не только

объединяет, но и дисциплинирует, направляет поведение в реальной жизни, превращая этическую норму в способ бытия. Справедливость в этом контексте выступает как онтологическая основа существования этноса – то, что задает вектор движения, определяет границы дозволенного и формирует нравственный облик человека и народа.

Важно отметить, что ни в одном из проанализированных текстов не зафиксировано антонимическое употребление (тюзлюксюз ‘несправедливый’) или прямой критики несправедливости. Однако имплицитно несправедливость присутствует в виде негативных маркеров: зорлукъ (‘насилие’), ачыу (‘горе’). Это свидетельствует о том, что ценность справедливости осознается прежде всего через ее отсутствие или через необходимость ее утверждения.

Песенный дискурс нового времени, в отличие от паремий, не просто фиксирует готовые формулы, а встраивает их в конкретные жизненные ситуации (любовные переживания, борьба за справедливость, религиозное чувство, межэтническое единство), что расширяет аксиологический потенциал концепта. Как показано в психолингвистических исследованиях, посвященных понятию «справедливость» и его репрезентации, «психолингвистическое значение исследуемого понятия шире по объему и наполненности, чем денотативное значение, поскольку включает еще эмоционально-оценочные компоненты, выступающие в роли ассоциаций на определенную денотативную оболочку слова-понятия» [15, с. 120]. Именно эти эмоционально-оценочные компоненты активно вербализуются в песенном дискурсе, что подтверждает наше исследование. Кроме того, «концепт “справедливость” занимает центральное место в сознании […] народа. Он выступает как универсальная ценность, охватывающая морально-этические, социальные, философские и даже религиозные аспекты» [16, с. 53], что полностью согласуется с выявленной нами структурой концепта «тюзлюк» в карачаево-балкарской лингвокультуре. В этом контексте уместно вспомнить, что истоки песенного дискурса восходят к глубинным механизмам осознания мира, где, как пишут М.В. Мальцева и В.Н. Бабаян, «ритмизация стала одним из важных приемов осознания окружающего мира, своеобразным упрощением прихотливого течения жизни, вливанием сознания древнего человека в единый поток с его племенем и с природой» [17, с. 126]. Ритм и повтор, лежащие в основе песни, изначально служили инструментом упорядочивания хаоса, и в этом смысле обращение к справедливости как к гармонизирующему началу в современных песенных текстах обнаруживает глубокую архетипическую связь.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд обобщений. В лексикографических дефинициях концепт «тюзлюк» предстает как многокомпонентное смысловое образование, ядро которого составляют значения ‘ровность/прямизна’, ‘справедливость/объективность/беспристрастность’, ‘правда’, а также ‘преданность/верность’.

В карачаево-балкарском песенном дискурсе нового времени «тюзлюк» актуализируется через три ключевых когнитивных признака. Во-первых, справедливость понимается как активная сила, требующая борьбы: об этом свидетельствуют метафоры оружия (пуля/стрела правды) и прямая связь с понятием «кюреш» (борьба). Во-вторых, справедливость предстает как божественная прерогатива – в текстах встречается как онтологическое отождествление справедливости с Аллахом, так и молитвенные формулы, испрашивающие справедливость для народа. В-третьих, «тюзлюк» осмысляется как универсальный принцип гармонии и экзистенциальный ориентир, регулирующий любовные отношения и социальные связи, выступая нравственным компасом и способом бытия для карачаевцев и балкарцев. Единство этих народов символически представлено как «близнецы», сознательно избравшие путь справедливости в качестве жизненной стратегии; сам факт следования этому пути свидетельствует о том, что справедливость является для них базовой ценностью-ориентиром, определяющей повседневные поступки, отказ от насилия и предательства, а также межэтническое братство.

Аксиологическая роль концепта в современном песенном дискурсе определяется его способностью интегрировать личную, социальную, сакральную и этническую этику. Справедливость выступает не как абстрактная норма, а как действенная ценность и практический императив, который одновременно требуется от человека («кюреш» – ‘борись’) и даруется свыше («тилейме Аллахдан» – ‘прошу у Аллаха’). Сохранение базовых когнитивных признаков концепта при их адаптации к новым тематическим контекстам (любовная лирика, патриотическая песня, религиозная рефлексия, межэтническое единство) свидетельствует о высокой степени устойчивости данной нравственной константы в карачаево-балкарской лингвокультуре. Перспективы дальнейшего исследования связаны с сопоставительным анализом репрезентации «тюзлюк» в разных жанрах песенного дискурса (историко-героическом, любовно-лирическом, обрядовом) и в диахроническом аспекте.

Список источников

1. Башиева С.К., Ульбашева З.М. Репрезентация концептов «сый» ‘уважение’, «бет» ‘совесть’, «тюзлюк» ‘справедливость’ в карачаево-балкарской лингвокультуре // Электронный журнал «Кавказология». 2025. № 3. С. 449 – 457. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-449-457

2. Теппеева Д.Р. Лингвокультурная специфика карачаево-балкарского фольклорного песенного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 4. С. 291 – 295.

3. Гусева А.Е., Вапник Н.А., Краснова И.А. Песенный дискурс в социокультурном аспекте // Российский социально-гуманитарный журнал. 2025. № 1. С. 1 – 20. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.05.2026)

4. Плотницкий Ю.Е. Англоязычный песенный дискурс в контексте общественной жизни // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42, № 2. С. 377 – 383. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-377-383

5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 2-е изд., испр.и доп. М.: Академический Проект, 2001. 990 с.

7. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64 – 72.

8. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. / Отв. ред. Ж.М. Гузеев. Ючтомлукъ. III том. Нальчик: «Эль-Фа» китап басма. 2005. 1157 с.

9. Текст песни Узденов А. – Муратынг ючюн кюреш [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://karachai.ucoz.ru/publ/m/ezd_alb_cholp/muratyng_juchjun_kjuresh_alijlany_shakharbijge/26-1-0-965?ysclid=mqice1zk4o753511258 (дата обращения: 10.05.2026)

10. Текст песни Узденов С. Ёлюб къалмам [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zvyki.com/song/100651778/Sapar_Uzdenov_-_YOlyub_kalmam/ (дата обращения: 10.05.2026)

11. Джуртубаев М.Ч. Душа Балкарии. Сборник статей. Нальчик: Эльбрус, 1997. 232 с.

12. Текст песни Катчиев Р. Саугъа болур [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tekstipesenok.pro/16/Ruslan-Katchiev/tekst-pesni-Sauga-bolur (дата обращения: 10.05.2026)

13. Текст песни Холамханов К. Балий терекчик [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tekstipesenok.pro/10/Kaysyn-Holamhanov/tekst-pesni-Baliy-terekchik (дата обращения: 10.05.2026)

14. Текст песни Газаев А. Къарачайым-Малкъарым [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://m.song.guru/text/алим-газаев-къарачайым-малкъарым (дата обращения: 10.05.2026)

15. Матюшина В.В. Денотативный и психолингвистический аспекты значения слов, обозначающих морально-этические понятия // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 120 – 126. DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-120

16. Вань Г., Шабельская Н.К. Отражение концепта «Справедливость» в сознании русского и китайского народов // Litera. 2025. № 1. С. 51 – 60. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.1.72990

17. Мальцева М.В., Бабаян В.Н. Дескриптивный подход в осмыслении генезиса песенного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 123 – 132. DOI: 10.20323/2499_9679_2024_1_36_123

References

1. Bashiev S.K., Ulbasheva Z.M. Representation of the concepts "syi" 'respect', "bet" 'conscience', "tyuzlyuk" 'justice' in the Karachay-Balkar linguoculture. Electronic journal "Kavkazologiya". 2025. No. 3. P. 449 – 457. DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-449-457

2. Teppeeva D.R. Linguistic and cultural specificity of the Karachay-Balkar folk song discourse. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2019. Vol. 12. No. 4. P. 291 – 295.

3. Guseva A.E., Vapnik N.A., Krasnova I.A. Song Discourse in the Sociocultural Aspect. Russian Social and Humanitarian Journal. 2025. No. 1. P. 1 – 20. URL: www.evestnik-mgou.ru (date of access: 10.05.2026)

4. Plotnitsky Yu.E. English-Language Song Discourse in the Context of Public Life. Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics. 2023. Vol. 42, No. 2. P. 377 – 383. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-2-377-383

5. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.

6. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian Culture: 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Academichesky Proekt, 2001. 990 p.

7. Vorkachev S.G. Lingvoculturology, linguistic personality, concept: formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. Philological sciences. 2001. No. 1. P. 64 – 72.

8. Karachay-malkar tilni angylatma sozlyugyu. Rep. ed. J.M. Guzeev. Yuchtomluk. Volume III Nalchik: “El-Fa” kitap basma. 2005. 1157 p.

9. Lyrics of the song Uzdenov A. – Murating yuchun kyuresh [Electronic resource]. Access mode: https://karachai.ucoz.ru/publ/m/ezd_alb_cholp/muratyng_juchjun_kjuresh_alijlany_shakharbijge/26-1-0-965?ysclid=mqice1zk4o753511258 (date of access: 10.05.2026)

10. Lyrics of the song by Uzdenov S. Yolyub Kalmam [Electronic resource]. Access mode: https://zvyki.com/song/100651778/Sapar_Uzdenov_-_YOlyub_kalmam/ (date of access: 10.05.2026)

11. Dzhurtubaev M.Ch. The Soul of Balkaria. Collection of articles. Nalchik: Elbrus, 1997. 232 p.

12. Lyrics of the song Katchiev R. Sauga bolur [Electronic resource]. Access mode: https://tekst-pesenok.pro/16/Ruslan-Katchiev/tekst-pesni-Sauga-bolur (date of access: 10.05.2026)

13. Text of the song Kholamkhanov K. Baliy terekchik [Electronic resource]. Access mode: https://tekst-pesenok.pro/10/Kaysyn-Holamhanov/tekst-pesni-Baliy-terekchik (date of access: 10.05.2026)

14. Text of the song Gazaev A. Karachayim-Malkarym [Electronic resource]. Access mode: https://m.song.guru/text/алим-газаев-къарачаым-малкъарым (date of access: 10.05.2026)

15. Matyushina V.V. Denotative and psycholinguistic aspects of the meaning of words denoting moral and ethical concepts. Upper Volga Philological Bulletin. 2024. No. 3 (38). Pp. 120 – 126. DOI: 10.20323/2499-9679-2024-3-38-120

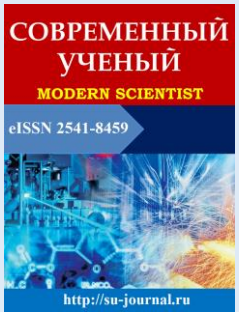
16. Wan G., Shabelskaya N.K. Reflection of the concept of "Justice" in the consciousness of the Russian and Chinese peoples. Litera. 2025. No. 1. P. 51 – 60. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.1.72990

17. Maltseva M.V., Babayan V.N. A Descriptive Approach to Understanding the Genesis of Song Discourse. Upper Volga Philological Bulletin. 2024. No. 1 (36). P. 123 – 132. DOI: 10.20323/2499_9679_2024_1_36_123

Информация об авторе

Теппеева Д.Р., кандидат филологических наук, старший преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-6490-4983, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 360004, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, jamilya244@mail.ru

© Теппеева Д.Р., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81΄373.352.3
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-131-139

Национально-культурные коннотации зоонима *тыгъужъ* «волк» в адыгейском языке

[1] Тхаркахова Н.Г.

[1] Адыгейский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу функционирования зоонима *тыгъужъ* «волк» в адыгейском языке. Цель исследования – выявление национально-культурных коннотаций зоонима *тыгъужъ* «волк» в составе паремиологических, топонимических, фразеологических единиц и сравнительных конструкций. Материалом послужили фразеологические и топонимические словари, паремиологические сборники, художественная литература, периодические газетные издания, электронный ресурс «Адыгейский корпус». Методологическую основу работы составили метод сплошной выборки, компонентный и контекстуальный анализ, приемы лингвокультурологического анализа. Результаты показывают, что в адыгейской лингвокультуре *тыгъужъ* «волк» символизирует и положительные, и негативные коннотации. Основные положительные коннотации волка – (о волке) *свободолюбивый, бесстрашный, активный, выносливый;* (о человеке) *выносливый, мужественный, бесстрашный, храбрый*. Основные негативные коннотации – (о волке) *хищник, вор, жестокий, агрессивный, враждебный, коварный, уязвимый, свирепый*; (о человеке) *безжалостный, беспощадный, бессострадательный, бесчестный, бесчеловечный.* Практическая значимость исследования связана с возможностью применения полученных результатов в преподавании вузовских курсов лексической семантики, лексикологии адыгейского языка, стилистики адыгейского языка.
Ключевые слова: зооним, зоолексема, коннотация, эвфемизм, фразеологическая единица, паремия, топоним, сравнительный оборот

Для цитирования: Тхаркахова Н.Г. Национально-культурные коннотации зоонима тыгъужъ «волк» в адыгейском языке // Современный ученый. 2026. № 11. С. 131 – 139. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-131-139

Поступила в редакцию: 14 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

National and cultural connotations of the zoonym tyguzh "wolf" in the Adyghe language

[1] Tkharkakhova N.G.

[1] Adygea State University

Abstract: the article is devoted to the analysis of the functioning of the zoonym tyguzh "wolf" in the Adyghe language. The purpose of the study is to identify the national and cultural connotations of the zoonym tyguzh "wolf" in the composition of paremiological, toponymic, and phraseological units, as well as in comparative constructions. The material for the study was obtained from phraseological and toponymic dictionaries, paremiological collec-

tions, fiction literature, periodicals, and the electronic resource "Adyghe Corpus". The methodological basis of the work was formed by the method of continuous sampling, component and contextual analysis, techniques of linguocultural analysis. The results show that in the Adyghe linguoculture *tyguzh* "wolf" symbolizes both positive and negative connotations. The main positive connotations of the wolf are (about the wolf) *free-spirited, fearless, active, and hardy*; (about a person) *hardy, courageous, fearless, and brave*. The main negative connotations are (about the wolf) *predator, thief, cruel, aggressive, hostile, vulnerable, and ferocious*; (about a person) *ruthless, merciless, compassionate, dishonest, and inhuman*. The practical significance of the study is related to the possibility of applying the results obtained in teaching university courses on lexical semantics, lexicology of the Adyghe language, and stylistics of the Adyghe language.
Keywords: zoonym, zoolexeme, connotation, euphemism, phraseological unit, paremia, toponym, comparative phrase

For citation: Tkharkakhova N.G. National and cultural connotations of the zoonym tyguzh "wolf" in the Adyghe language. Modern Scientist. 2026. 11. P. 131 – 139. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-131-139

The article was submitted: June 14, 2026; Approved after reviewing: July 11, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Под термином «коннотация» понимается любое второстепенное, добавочное значение в слове, которое дополняет содержащееся в нем основное лексическое и грамматическое значения. Ю.Д. Апресян, говоря о семантических ассоциациях или коннотации, отмечал, что «…именно на их основе *(коннотациях)* слово регулярно метафоризуется, включается в сравнения, участвует в словообразовании и других языковых процессах» [1, с. 68].

Часто, при описании термина «коннотация», а именно классификации его компонентов, в качестве примеров приводятся названия животных, поскольку именно данный лексический пласт обладает большим коннотативным потенциалом, и в каждом языке то или иное животное для своей культуры несет свою коннотацию, имеет свой национально-культурный компонент.

Е.М. Сторожева отмечает, что «отдельно можно выделить и *национально-культурный компонент* коннотации, который отражает принятую в данном обществе, культуре точку зрения на предмет речи. Так, слово *слон* в русском языке имеет коннотацию «тяжеловесности», «неуклюжести»» [10, с. 117].

Л.А. Сергеева пишет, что «коннотации узуально закреплены за языковыми единицами – морфемами, словами и фразеологизмами – и характеризуются воспроизводимостью, <…> они могут представлять собой культурный компонент – ту часть содержания языкового знака, в которой отражается знание культуры» [9, с. 154].

Каждое высказывание со своей стороны определяет сущность понятия «коннотации». В силу своей природы данному термину невозможно дать однозначное определение. Он имеет множество аспектов: эмоциональные, стилистические, культурные, ассоциативные, прагматические и т.д. Такой всесторонний характер обусловлен тем, что данное понятие является сложным, многогранным, отсюда и большое количество определений термина, исследовательских работ о природе коннотации. Мы же в своей работе попытаемся провести небольшой анализ собранного нами языкового материала, в котором функционирует зооним *тыгъужъ* «волк» и показать его национально-культурную обусловленность; выявить те добавочные значения, которые в течение многих лет вкладывал народ. При таком направлении коннотация дополняет уже имеющееся основное сигнификативное значение слова национальной спецификой, которой наполняет говорящий.

Материалы и методы исследований

В работе использовались: *метод сплошной выборки* – для сбора и анализа языкового материала из фразеологических и топонимических словарей, паремиологических сборников, художественной литературы, периодических газетных изданий, электронного ресурса «Адыгейский корпус» (https://adyghe.web-corpora.net/); *компонентный и контекстуальный анализ* – для изучения функционирования паремиологических, фразеологических, топонимических языковых единиц, сравнительных оборотов с зоокомпонентом *тыгъужъ* «волк»; *приемы лингвокультурологического анализа* – для уточнения коннотативных признаков и приведения лингвистических данных.

Результаты и обсуждения

Л.Н. Гишкаева, Ю.Н. Эбзеева, Н.В. Дубинина, В.В. Барабаш, А.Н. Широбоков в статье «Культурные коннотации русского зоонима «волк» и его эквивалентов в английском, испанском и чеченском языках» анализируют контекстуальную семантику русского зоонима «волк» и его эквиваленты в трех неблизкородственных языках (английском, испанском и чеченском), а также многочисленные устойчивые выражения с данным компонентом. В результате исследования авторы установили, что «во всех четырех языках присутствуют коннотации *волк – алчный хищник, опасный, неблагодарный, беспощадный (жестокий), лицемерный, одинокий, хитрый.* Отсутствуют в рассматриваемых нами языках следующие коннотации: в русском – *сильный (храбрый), патриот*; английском – *чужой (враждебный), патриот*; испанском – *недружелюбный, чужой (враждебный), сильный (храбрый), патриот*; чеченском – *голодный, бывалый (моряк)*. Таким образом, в чеченском языке имеется уникальная коннотация, не наблюдающаяся в других сопоставляемых языках, а именно: *патриот*» [5, с. 159].

Американский лингвист М. Блэк, интерпретируя выражение «человек – волк», повествует о совокупности ассоциативных признаков, составляющих основу вышеуказанной метафоры, и при этом исходит не из прямого значения словарной единицы волк, а прежде всего из сложившихся стереотипных представлений об этом диком звере [2, с. 41-42].

Интересно происхождение в адыгейском языке слова *тыгъужъы* «волк». Б.М. Берсиров и С. Кушу приводят свои доводы о табуировании, эвфемизме названия *тыгъужъы* «волк»: *«Псэушъхьэу е пкъыгъоу щынагъо зыпылъхэм ыцIэ занкIэу къызепIокIэ изэрар къэкIощтыш, ар едзэкIыгъэу иплъышъо е изекIокIэ нэшанэ горэ къызэрыкIрэ гущыIэкIэ къэIогъэныр ары. Ащ фэдэ гущыIэхэм эвфемизмэхэр арапо»* [3, с. 28]. «Считалось, что если прямо называть животное или предмет, представляющее опасность или страх, то причинит вред, поэтому к таким предметам или животным подбирались названия в переносном значении по какому-либо признаку или поведению. Такие слова называются эвфемизмами» (Здесь и далее перевод наш – Н.Т.). Далее они отмечают, что *«занкIэу зыцIэ къепIомэ мыхъущт псэушъхьэу адыгэмэ алъытэщтыгъэм* ***тыгъужъыр*** *ащыщыгъ. Мыр псэушъхьэ лъэш, щынагъо, мыхъо-мышIэу бэ цIыфым къыфихьырэр. Адыгабзэм мыщ зэрэщеджэхэрэр* ***тыгъужъы / дыгъужь*** *ыкIи цIыфым къыришIэрэмэ ащыщэу анахь шэн шъхьаIэр – къызэретыгъорэр къыхэщы. Мыщ нэмыкI едзэкIыгъэ мэхьанэ яIэу бзэм щагъэфедэх эвфемизмэхэу хьэ, мэзыхь / мэзыхьэ. ГущыIэу хьэ-м къегъэлъагъо тыгъужъыр псэушъхьэ купэу хьэ лъэпкъым зэрэхахьэрэр»* [Берсиров, 2003: 28]. «Одним из животных, кого нельзя было прямо называть, по мнению адыгов, был *волк.* Это сильное животное, страшное, доставлявшее много вреда людям. В адыгских языках он именуется *тыгъужъы / дыгъужь* и одним из основных видов вреда, наносимых им человеку – воровство. В адыгских языках функционируют и другие эвфемизмы с переносным значением – *хьэ* «собака», *мэзыхь / мэзыхьэ* «лесная собака»».

Говоря о табуировании названий предметов, Ю.А. Тхаркахо также приводит в пример наименования животных: «Отдельные синонимичные дублетные пары появились в результате табуирования названий предметов. В них табуированное слово оказывается более нейтральным, а противопоставленный ему эвфемизм имеет просторечный оттенок: *пхъацIэ* (Н), *ныбэшъхьэшъуамбгъу* (П) «клоп»; *шъуае* (Н), *кIэкIыхь* (П) «крыса»; *тыгъужъ* (Н), *мэзыхь* (П) «волк» [11, с. 122]. Среди приведенных дублетных пар наблюдаем *тыгъужъ – мэзыхь.* Первое слово в паре дословно переводится «старый вор», коннотация – *алчный хищник, беспощадный, жестокий,* второе слово в паре – *мэзыхь* «лесная собака», коннотация – *лесное животное, относящееся к роду собак*.

Зоолексема *тыгъужъы* образована путем сложения двух корней: *тыгъу(н)/дыгъу* «вор, воровать» + *жъы* «старый, невзрачный, неказистый» – «старый вор», «невзрачный вор», «неказистый вор». А.К Шагиров отмечает, что «**Дыгъӯ/тыгъӯ ‘**вор’ образовано от глагола *дыгъӯын/тыгъӯын* ‘воровать (кого-что-л.)’. <…>. Согласно Рогава (см. Структура основ 39), сращение экспонента грамматического класса вещей *ды-/ты-* с корневым элементом гъӯ(гъӯэ). По автору, *гъӯ* родственно чеч. *къу* ‘вор’, ‘воровать’, ‘воровство’; ср. также абх.-абаз. *а-гъыч/гъыч* ‘вор’, *а-гъычра/гъычра* ‘воровать’, убых. *ӯыцы* ‘воровать’, *ӯыцы* ‘воровство’, ‘кража’» [16, с. 153-154].

От слова *тыгъужъ* образовалось множество других слов с помощью различных морфем (суффиксов, приставок, окончаний): *тыгъужъхьабз* «волчица», *тыгъужъхьажъу* «волчонок», *тыгъужъщыр* «волчонок», *хьэтыгъужъ* (тыгъужъщырэу къахьи щагум щапIугъэ тыгъужъыр ары) «прирученный волк (волк, которого щенком принесли и вырастили во дворе)» и т.д. [6, с. 79-82].

«Мэзым тыхэтэу тыкIозэ, зы къулэджэ къое-чIэжъ горэм тызынэсым, ***тыгъужъхьабз*** *пцIымэ-быу макъэхэр зэрэгъэжъотэу къыдэIукIэу зэхэтхыгъ.* «Когда мы, двигаясь по лесу, дошли до одного глубокого оврага, услышали, как оттуда доносился вой волчиц».

Хьамэм чэщым тыщыIагъэу, пчэдыжьым мэзгъунэм тыкъырекIокIзэ, ***тыгъужъщыр*** *цIыкIухэр, хьажъу щэлъыгъэм фэдэхэу, тыкъызалъэгъум щтэхишъ, акIэхэр акобэкъу даупкIи мэзым хэлъэдэжьыгъэх.* «Побывав ночью в амбаре, утром идя вдоль леса, маленькие волчата, словно щенки, увидев нас, испугались, поджав хвосты между ног, убежали в лес».

Хьатыгъужъыр *сыд фэдизэу бгъэтхъагъэми, мэзымкIэ маплъэ (ГущыIэжъ).* «Сколько не балуй приученного волка, в лес смотрит» *(Пословица)* [6, с. 79-82].

Сопоставление человека с животным является давно устоявшимся языковым и культурным явлением, потому как человек с давних времен, созерцая за окружающим его миром, находил имеющиеся сходства и различия между собой и животными. В адыгейской лингвокультуре, как и во многих других, имеются устоявшиеся стереотипные представления о волке. Веками адыгский народ наблюдал за окружающей его действительностью и животным миром. Язык накопил огромное количество народных изречений, содержащих в своей структуре наименование *тыгъужъ* «волк», но не просто «наименование», а его глубинное и всестороннее функционирование в языке. Паремиологический фонд связан с народной мудростью и культурой, фразеологические единицы – с устойчивостью и выразительностью языка, топонимические единицы – с географическими названиями и историей, а сравнительные обороты – с синтаксическим выражением сравнения, именно поэтому эти языковые явления выбраны в качестве предмета исследования национально-культурных коннотаций зоонима *тыгъужъ* «волк».

Паремиологические языковые единицы с зоокомпонентом тыгъужъ «волк» в адыгейском языке

В адыгской традиции действительно существует устойчивое выражение «старый вор» в контексте обозначения волка. Оно отражает историческую ассоциацию волка с хищничеством и способностью уносить добычу, что могло повлиять на его обозначение в языке. Волк по своей природе типичный хищник, он получил дурную славу из-за его хищнической натуры. Волки устраивают засады и облавы. Адыги издревле занимались животноводством, овцеводством, коневодством. А волк жестоко расправляется с домашними животными, с дикими зверями в том числе, поэтому среди адыгских пословиц и поговорок наблюдаем следующие единицы:

Тыгъужъыр *зыдэщыIэм мэлхэм зыщагъэпсэфырэп.* «Там, где **волк**, овцы не отдыхают».

Iэхъогъум хэкIырэ мэлыр ***тыгъужъым*** *ешхы* «Овцу, ушедшую из отары, съедает **волк**».

Тыгъужъыр *мэлахъо ашIырэп.* «**Волка** не делают чабаном».

Тыгъужъыр *зыдэмыхьэгъэ къуладжэм лы диз.* «Там, где не ступала нога **волка** – полно мяса».

Тыгъужъым *мэл зихьыкIэ, зышIуихьыгъэм феплъэкIыжьырэп.* «Если **волк** украл овцу, он не оглядывается на хозяина».

Хьэр игъолъыпIэ икIымэ, ***тыгъужъым*** *ехьы.* «Если собака покидает свое лежбище, волк уносит ее».

Выявленные паремии демонстрируют следующие коннотации волка – *хищный, вор, жестокий, беспощадный.*

*«****Тыгъужъым*** *ышхи ымышхи ыныбэ илъ» зэраIоу <…> илажьи имылажьи бэ ащ зэрэтыралъхьэщтыгъэр ары* (Теуцожь Хьабиб. Къушъхьэ бгъэжъым инабгъу) «Как говорят в народе, съел, не съел, все равно **у волка** в животе – виноват, не виноват, все равно на него указывали».

У волков есть определенные поведенческие ограничения, которые можно рассматривать как своеобразные «табу»: не красть у соседа, оставлять кусок не съеденным, не есть то, что дают (показывать гордость). Об этом свидетельствуют следующие пословицы:

Тыгъужъыри *игъунэгъу етыгъожьырэп.* «Даже **волк** не крадет у соседа».

Тыгъужъыми *пкъымыих (мыхьэ-мыих) ешIы.* «И **волк** не все части тела ест (т.е. из своей жертвы что-то оставляет не съеденной).

Оептырэр ***тыгъужъым*** *ышхырэп.* «**Волк** с рук не ест».

Данные пословицы демонстрируют коннотации – *принципиальный, свободолюбивый.*

Слово *тыгъужъ* «волк» в пословицах в сравнении с другими животными принимает различные коннотации: в сравнении с лисой – *глупый*: *Баджэм тыгъужъибл егъапцIэ* «Лиса перехитрит семь волков»; в сравнении с медведем – *лохматый*: *Мышъэм тыгъужъыр шIопырац*. «Для медведя волк лохматый (а не сам)»; в сравнении с дружным стадом – *слабый*: *Iэхъогъу зэдэзыштэмкIэ тыгъужъыри щынагъоп* «Для дружного стада и волк не страшен».

Пословица ***Тыгъужъым*** *лы ыгъотымэ, псы ыгъотыжьырэп.* «**Волк**, добыв мяса, не найдет воды» передает негативную коннотацию волка – *уязвимый.*

В пословице *Аслъаныр тыгъужъым ыуж мэлым еIэщтэп.* «После волка и лев не притронется к овце» отражена идея, что голодный волк, проявляя агрессию и стремление к выживанию, может быть настолько

опасен, что даже более сильный хищник, как лев, не захочет связываться с его добычей. Это отражает стереотипное представление о волке как о хищнике, который не всегда предсказуем в своих действиях.

В пословице *Псычэт лъащэри, тыгъужъ щырыри бгъэсэн плъэкIыщтэп.* «Хромая утка и волчонок не поддаются воспитанию» подчёркивается врождённая неспособность к обучению и не поддаваемость воспитанию, что связано с природной независимостью и свободолюбием волка.

В паремии *Ныбджэгъу фэдэу мэзекIо, тыгъужъ фэдэу мэцакъэ.* «Ведет себя, как друг, кусает как волк» волк метафорически передаёт идею двойственности, когда внешне человек может казаться дружелюбным, но при этом обладает скрытой агрессивностью или враждебностью.

Таким образом, в рассмотренных пословицах образ волка как хищное животное, часто ассоциируется с такими коннотациями как: 1) с положительной характеристикой: *принципиальный, независимый, свободолюбивый;* 2) с отрицательной характеристикой: *хищный, вор, жестокий, беспощадный, глупый, лохматый, слабый, агрессивный, враждебный.* Но все эти черты со временем ослабевают, волк с возрастом теряет свою мощь и силу, становится *слабым*. Пословица *Тыгъужъыр жъы хъумэ, хьэмэ яджэгуалъ* «Старый волк – игрушка для собак» подтверждает данную коннотацию. В адыгейских пословицах ассоциация образа человека с образом волка наделяет негативными коннотациями: *состояние эмоционального дискомфорта, разочарование, ощущение неудовлетворённости, агрессивность, враждебность.*

Топонимические языковые единицы с зоокомпонентом тыгъужъ «волк» в адыгейском языке

Зооним *тыгъужъ* «волк» активно присутствует и в топонимике адыгейского языка, участвуя в словообразовании многих топонимов. В ходе исследования лексикографического издания К.Х. Меретукова «Адыгейский топонимический словарь» выявлены топонимические наименования с зоонимом-компонентом *тыгъужъ* «волк»:

«***Тыгъужъ гъашхэ*** (Тигуж гашхе). Болото рядом с поселком Хомутовым (ТIуабгъу). *Тыгъужъ* «волк», *гъэ* – префикс каузатива, *шхэ* «есть». Буквально «Кормилец волков (лес)».

Тыгъужъ тIысыпI (Тигуж тисип). Окраина а. Хачемзий. *Тыгъужъы* «волк», *тIысын* «сесть», *пIэ* «место». «Место обитания волков».

Тыгъужъ убыт къуладж (Тигуж убит куладж). «Долина реки, где ловят волков». *Тыгъужъ* «волк», *убыт* «ловить», *къуладж* «долина», «река». В долине реки устраивали деревянные клетки-ловушки для волка. Река протекает в 2-3 км выше а. ШэхэкIэиишху (Большой Кичмай).

Тыгъужъ гъэлIэ къуладж (Тигуж гетле куладж). Правый приток реки Хъутакъэ икъуладж. *Тыгъужъ* «волк», *гъэлIэн* «умертвить», *къуладж* «река». «Долина реки, где умертвляют волков». В этой долине устраивали ловушки – волчьи ямы.

Тыгъужъ гъэшхэ станиц (Тигуж гашхе станиц). *Тыгъужъ* «волк», *гъэшхэн* «кормить». «Кормящая волков станица» – адыгейское название ст. Мартанской.

Тыгъужъыр зыщылъфэгъэ пан (Тугужир зищилфеге пан). «Терновник, в которм ощенилась волчица». *Тыгъужъы* «волк», *зыщылъфэгъэ* «там, где ощенилась», *панэ* «терн, терновый куст». Местность расположена в районе а. Козет.

Тыгъужъэщ (Тигужещ) Местность в верховьях реки Псыбэ. *Тыгъужъы* «волк», *щ* – словообразовательный элемент со значением вместилища (мэлэ-щ «овчарня», чэтэ-щ «курятник»). *Тыгъужъэ-щ* «обиталище волков»» [8, с. 192-193].

Использование названий животных для образной характеристики человека объясняется экстралингвистическими причинами. В исследуемом языке образ волка чаще выступает символом *мужества, бесстрашия, храбрости*. Поэтому сына называли *Тыгъужъ* «Тугуж», чтобы подчеркнуть его храбрость или чтобы воспитать в нем упомянутые выше качества, характерные для волка. У адыгов встречаются имя, чаще фамилия *Тыгъужъ* «Тугуз». К примеру, всем известный наиболее значимый предводитель адыгов в борьбе Черкесии за независимость во время Кавказской войны – *Тыгъужъыкъо Къызбэч* «Тугужико Кизбеч». Зоолексема *Тыгъужъ* «Тугуз, Тугуж/Тугуш» выполняя функцию имени или фамилии дает коннотации – *мужественный, бесстрашный, храбрый*. Имена и фамилии часто становятся компонентами топонимических единиц:

Тыгъужъ имэз (Тигуж имез) – небольшой лес между а. Габукай и Кунчукохабль. «Лес Тугужа».

Тыгъужъымэ ячъыг (Тугужиме ячиг). «Дерево Тугузовых» – северная окраина а. Габукай. За деревом ухаживал сам Тугуз.

Тыгъужъы ичъыгай (Тигуж ичигай). Дерево Тугужа» [8, с. 192].

Таким образом, антропотопонимы с собственным именем (фамилией) *Тыгъужъ* «Тугуз», восходящего (восходящей) к зооним *тыгъужъ* «волк», дают следующие коннотации – *мужественный, бесстрашный,*

храбрый, а топонимическая коннотация зоотопонимов с компонентом *тыгъужъ* «волк» – это прямые названия мест, означающие *места обитания, кормежки, появления щенят, ловли, истребления волков.*

Фразеологические языковые единицы с зоокомпонентом тыгъужъ «волк» в адыгейском языке

В адыгейском языке компаративные фразеологизмы встречаются с компонентами-зоонимами, например: *тыгъужъ нэкIыгъэм фэдэу* (досл. голодный, как волк) «свирепый, безжалостный, злобный, коварный». Подобные фразеологизмы показывают отрицательный образ человека и вызывают отрицательные эмоции у читателя. Передача негативной оценки наблюдается особенно в тех случаях, где используется сравнительная конструкция, например, *тыгъужъ нэкIыгъэм фэдэу* «голодный, как волк». *Тыгъужъ* «волк» считается символом злобного, коварного и жадного человека, поэтому фразеологические единицы с компонентом *тыгъужъ* (волк) обычно имеют отрицательную оценку характеристики.

Качество *нэкIыгъ* сочетается не только с зоолексемой *тыгъужъ* «волк», но и с другими зоолексемами, например, *быгъу* «бык»: ***Быгъу нэкIыгъэу*** *зиплъыхьэу,* / ***Тыгъужъ нэкIыгъэу*** *Iубзаеу…* (Пэрэныкъо Мурат. НэкIмаз). «Смотрит **злобно,** как бык, по сторонам, / Облизывает, как волк, **безжалостно**».

Соматический зоофразеологизм *тыгъужъыгу кIоцIылъ* (досл. волчье сердце содержит внутри) означает «бесстрашный», «смелый». *Ащ* ***тыгъужъыгу кIоцIылъ****, пфэгъэщынэщтэп*. «Он **бесстрашный**, его не напугаешь» (перевод наш – Н.Т.). На наш взгляд, данная фразеологическая единица содержит коннотацию – *бесстрашный*: *тыгъужъыгу зыкIоцIылъ* (досл. тот, у кого волчье сердце / с волчьим сердцем) «бесстрашный», *тыгъужъыгу ышхыгъ* (досл. съел волчье сердце) «бесстрашный», «беспощадный». Ю.А. Тхаркахо в слове *тыгъужъыгу* усматривает коннотацию – *жъалым* «жестокий»: *Тыгъужъ – мэзыхь, тыгъужъыгу еплъ жъалым* [12, с. 108]. «Волк – лесная собака, волчье сердце см. жестокий» (перевод наш – Н.Т.). В синонимичном ряду слова *жъалым* «жестокий» он приводит и такие слова как *гукIэгъунчъ* «бессострадательный», *гупхъаш* «с твердым сердцем / жестокий», что говорит об особенностях самого животного, подчеркивая его повадки, характер, а именно о его жестокости и беспощадности.

Фразеологическая единица *сыгу тыгъужъэу къебыукIы* (букв. мое сердце волком воет) означает «горюет, горько жалуется, выражает сожаление»: ***Сыгу тыгъужъэу къебыукIми****, семычъажьэу, унэм сис. Сыхэхьажьмэ, къехъулIэщтым сегупшысэ уинамыс!* (Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре). «Если даже **сожалею**, не сбегаю, сижу дома. Если сбегу, что же будет с твоей честью!».

Негативную коннотацию демонстрирует фразеологическая единица *тыгъужъы шIыкIэм ихьан* (досл. уподобиться волку/его качествам) «стать бесчестным», «стать бесчеловечным»: *Ар зыфакIорэр къызгурыIонэу зищыкIэгъэ дэдэр оры. ЦIыфыгъэр зыпIэкIэзырэм,* ***тыгъужъы шIыкIэм уихьанкIи*** *бэрэ пэтыщтэп…* (КIэрэщэ Тембот. Ны Iушым ыпхъу). «Именно тебе нужно понять, к чему это приводит. После потери человечности, есть вероятность **стать бесчестным (бесчеловечным)**».

Сравнительные обороты с зоокомпонентом тыгъужъ «волк» в адыгейском языке

Издревле человеку свойственно было переносить свое внешнее сходство с конкретным животным. Например, особые отличительные черты волка – красные светящиеся глаза в темноте, взгляд, его серо-темный цвет шерсти и другие внешние качества. Если таковые внешние характеристики имеются, то создается яркий экспрессивный образ того или иного наблюдаемого объекта.

Говоря о внешности исследуемого животного, часто употребляемая сравнительная конструкция *тыгъужъ нэкъыплъэу* «словно волк с покрасневшими глазами», в которой идет отсылка к мифологии «волк с покрасневшими глазами – это образ, который может быть связан с различными мифами, легендами и фольклором. В некоторых культурах, например, в скандинавской мифологии, волки считаются символом силы и власти, а красные глаза могут указывать на их магическую природу. В других культурах, таких как индейская, волки могут быть связаны с духами или божествами, и красные глаза могут символизировать их могущество и силу» [4].

В адыгейском языке функционирует лексема *тыгъужъыныплъ бот*. «максамосейка» – название дикого мака. Наименование выбрано, скорее всего, ввиду уподобления/сравнения красных глаз волка с самим внешним видом/окрасом данного цветка (ярко-красный цвет).

В адыгейском языке устойчивое выражение *тыгъужъ нэкъыплъэу* «словно волк с покрасневшими глазами» дает коннотацию – *яростно, свирепо*, где компонент *нэкъыплъ* означает «покрасневшие глаза» [13, с. 180], часто употребляется. К примеру, *Мэз чIэгъым мэзахэр къычIэплъышъ, /* ***Тыгъужъ нэкъыплъэу*** *кIеIэжьы.* (Пэрэныкъу) «Ночь выглядывает из леса / ***Словно волк*** с ***покрасневшими глазами*** убегает» [12, с. 8].

По данным «Толкового словаря адыгейского языка» *нэкъыплъ* (*нэкъыплъыр*) – «покрасневший глаз». Жъоплъы. ***Нэкъыплъы хъужьыгъэу*** *унэм къикIыгъ* [14, с. 428]. «Он с **покрасневшими глазами** вышел из дома».

Сравнительный оборот *тыгъужъ нэкъыплъэу* «словно волк с покрасневшими глазами» используется в художественном тексте для создания образного сопоставления, которое усиливает выразительность описания: «*Хьэ купышхо Іэлхэр* ***тыгъужъ нэкъыплъхэу****, къызкъозыгъэхэри умышІэу, уапашъхьэ къызитаджэхэкІэ, пшІэщтыр уагъэшІэжьырэп*» (Адыгэ Макъ, 31.01.2017). «Большая группа диких собак, **словно волки с покрасневшими глазами**, когда появляются неожиданно перед тобой, не знаешь, что делать».

Качество *нэкъыплъ* «красноглазый» употребляется не только к волку, но и к другим животным, например, к быку: *Къэлэкъутэ Іэщым дэлъади,* ***быгъу нэкъыплъым*** *ыбжъакъомэ ятхъуагъ, ышъхьэ шІуиІонтыкІи, чІыгум тыридзагъ* [7]. «Калакут заскочил в скотный двор, схватил за рога **быка с покрасневшими глазами**, свернул ему голову, свалил на землю».

Довольно часто происходит сравнение уорков* – *дворяне и рыцари в традиционном черкесском обществе, стоявшие на социальной лестнице сразу после князей,* с образом волка. Их сравнение основано на их схожих поведенческих качествах и повадках. В иносказательной форме пословицы говорят о том, что там, где феодалы, крестьяне не смогут жить спокойно. Например: «***Оркъыжърэ тыгъужърэ»*** [15, с. 391]. «Что матерый **уорк**, что первостепенный **волк**». Но отмечают, что ***Тыгъужъым*** *пкъымыих ешІы, ау пщыоркъмэ зэхэдз ашІырэп* «**Волк** пожирает не все части тела животного, но пщи и уорки не делают разбора».

Синтаксические конструкции, которые выражают сравнение действий или качеств человека, в адыгейском языке часто вводятся союзом *фэдэу/пІонэу* «как», «будто», «словно»: ***тыгъужъым фэдэу, тыгъужъ пІонэу*** – «как волк», «словно волк», «будто волк». Основная функция – показать сравнение с волком:

Сэтэнаекъомэ ящагу къыдахьэ къэс ***тыгъужъым фэдэу****, чІинагъэ горэм къыфигъэзэжьыгъэм яхьщырэу, зэкІэм ынэхэр зэбгырычъыщтыгъэх* (Цуякъо Юныс. Хымэ лыуз). «Каждый раз, заходя во двор к Сатанаевым, у него разбегались глаза, словно волк, вернувшись на прежнее место, он искал потерянное».

Удэ, удэ, у Іаехэр, ***тыгъужъым фэдэу*** *шъубыоу...* (Цуякъо Юныс. Хымэ лыуз). «Ты посмотри на них, воете **словно волки**».

Джы Барычы къыгурыІуагъ а купым лъэгъунэу мы мэз чапэм щыряІагъэр: ***тыгъужъым фэдэхэу*** *лыхьэ Іэхъогъум къэкІуагъэх.* (Теуцожь Хьабиб. Къушъхьэ бгъэжъым инабгъу). «Барыч теперь понял, с какими намерениями эти люди пришли в лес: **словно волки**, пришли за мясом в стадо».

Гъаблэм ишІуагъэджэ ***тыгъужъым фэдэу*** *убыу зыхъуджэ, боу ІэшІу ар.* (Цуякъо Юныс Къэзгъэзэжьрэ ижъырэ шыухэр). «Когда воешь от голода, **словно волк**, то и это станет лакомством».

ЯІэпыІэгъукІэ тызялъэІурэм хьапсым тычІадзэщтыгъ, ***тыгъужъым фэдэу*** *таукІыщтыгъ* (Адыгэ Макъ. 18.05.2015). «Если мы попросим у них помощи, то окажемся в тюрьме и изобьют нас, **как волков**».

Ау Махатадзэ тхьамыкІэм къызэрихьыгъагъэм, ***тыгъужъщыр пІонэу*** *къытфычІэплъэу тапашъхьэ зэрисыгъэм сыщыгъуаз...* (МэщбэшІэ Исхьакъ. ГъэритІу). «Но, когда бедный Махатадзе украл ее, напуганная, **как волчонок**, она сидела перед нами и смотрела на нас».

Положительная коннотация интерпретируется сравнительной конструкцией *тыгъужъынэм фэдэу* «как глаза волка»: *КІэлэ ищыгъэ Іэм-лъэм, пэкІэ цІыкІу тет, нэпкъ-пэпкъ зэхэхыгъ, ынэхэр* ***тыгъужъынэм фэдэу*** *къэлыдыщтыгъэх* (Кощбэе Пщымаф. Къушъхьэтхым тет унэр). «Высокий стройный парень, с небольшими усами и открытым лицом, а **глаза, как у волка,** блестели».

В примерах из художественных текстов используются сравнительные конструкции как *тыгъужъ шІыкІэу* «по-волчьи делать», *тыгъужъ плъакІэу* «по-волчьи смотреть», *тыгъужъэу зеплъыхьэ* «по-волчьи оглядывается», основанные на наблюдениях за поведением и качествами животного, сравнением и перенесением их на человека, чтобы образно, емко и понятно охарактеризовать поведение, характер и внешность:

Джары сэ, ***тыгъужъ шІыкІэу****, сихьанэгъунэ сыкІыщымыІэбагъэр* (Кощбэе Пщымаф. Къушъхьэтхым тет унэр). «Поэтому я, **по-волчьи,** не краду на своей территории».

– «Ора сэІо, Бэбэжъ, сауж итыр?.. – Сахьидэ ***тыгъужъ плъакІэу*** *псынкІэу ишыпэ къызэригъэзэкІыгъ, зымафэ зэфэмыгубжыгъагъэх пІонэу, къыІугушІуагъ»* – «Это ты что ли, Бабеж, идешь за мной?.. – Сагид, **по-волчьи**, быстро оглянулся и улыбнулся, словно они и не повздорили вовсе на днях».

Жъалымыгъэм ыушІункІыгъэ ынитІу лъыр къателъэдагъэу, ***тыгъужъэу зеплъыхьэ*** (Къуекъо Налбый. Къушъхьэ ябг). «Почерневшие от ярости глаза налились кровью, **по-волчьи оглядывается**».

Коннотация «коварство, хитрость» демонстрируется в некоторых афоризмах: *Мэлышъо зытелъэшъогъо тыгъужъ* «Волк в овечьей шкуре». Он показывает, что образу волка не стоит доверять и не стоит забывать о его «истинном лице». *ЛэжьэнкІэ чІыкъу, шхэнкІэ тыгъужъы* «В работе как барсук, в еде – как волк».

Народный афоризм *Тыгъужъыр ылъакъомэ агъашхэ* «Волка кормят ноги» имеет мелиоративно-нейтральную коннотацию – *активный, подвижный, выносливый, трудолюбивый.*

НэмыкІэу къэпІон хъумэ, ***«тыгъужъыр ылъакъомэ агъашхэ»*** *зэраІуагъэм фэдэу къэтэчъыхьэ, хэкІыпІэ пстэуми талъэхъу* (Адыгэ Макъ, 23.10.2014). «Как принято говорить в народе, **«волка кормят ноги»**, мы

не сидим на месте, ищем всевозможные решения и выходы». Афоризм *Тыгъужъыр ылъакъомэ агъашхэ* подчеркивает уважение в адыгской культуре к тем, кто своим физическим и интеллектуальным трудом пробивает себе дорогу в жизни.

Выводы

Таким образом, зооним *тыгъужъ* «волк» – распространенный зооморфный образ в паремических, топонимических, фразеологических единицах адыгейского языка. В адыгейской лингвокультуре *тыгъужъ* «волк» символизирует такие коннотации, как: **1) в паремиях** (о волке) – а) положительные коннотации: *независимый, свободолюбивый, принципиальный*; б) негативные коннотации: *хищный, вор, жестокий, беспощадный, глупый, лохматый, слабый, агрессивный, враждебный*; (о человеке) негативные коннотации: *состояние эмоционального дискомфорта, разочарование, ощущение неудовлетворённости, агрессивность, враждебность*; **2) в топонимике** – *место обитания, кормежки, появления щенят, ловли, истребления волков;* **3) фразеологических единицах** – а) положительные коннотации: *бесстрашный, смелый;* б) негативные коннотации: *свирепый, безжалостный, злобный, беспощадный, жестокий, бессострадательный, сожалеющий, бесчестный, бесчеловечный;* **4) сравнительные** обороты – а) положительные коннотации: *активный, подвижный, выносливый, трудолюбивый;* б) негативные коннотации: *с покрасневшими глазами, яростный, свирепый, уорки, коварный, хитрый.*

Из вышеизложенного материала становится понятным, что национально-культурные коннотации являются важным элементом любого языка, поскольку они воспроизводят связь с культурой того или иного этноса и образуют своеобразную языковую картину народа, непохожую на остальные картины мира. Перспективу дальнейшего исследования видим также в выявлении и изучении национально-культурных коннотаций других зоонимов.

Список источников

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Избранные труды. Москва, 1995. Т. 1. 442 с.

2. Black M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. Ithaca, NY, 1962. 276 p.

3. Бырсыр (Бырсэйкъо) Б., Кушъу С. ИжъкIэ тыгъужъым зэреджэщтыгъэхэм ихъишъ // Псалъ = Слово. 2003. № 1 (4). Н. 28 – 30.

4. Волк и его красные глаза: от мифов к реальности [Электронный ресурс]. https://shedevrum.ai/post/ae457cc42acd11eeb3f9963c1ee369ba/?utm_referrer=httpsFFyandex.ru

5. Гишкаева Л.Н., Эбзеева Ю.Н., Дубинина Н.В., Барабаш В.В., Широбоков А.Н. Культурные коннотации русского зоонима «волк» и его эквивалентов в английском, испанском и чеченском языках // Сибирский филологический журнал. 2017. № 3. С. 151 – 160.

6. Гъыщ Н. ПсэушъхьацIэмэ ягущыIалъ: гущыIэ 400 фэдиз мэхъу. Мыекъуапэ, 1990. 192 н.

7. Машбаш И.Ш. Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том третий. Романы. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2013. 776 с.

8. Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Москва: Прометей, 1990. 336 с.

9. Сергеева Л.А. Коннотация, культурный компонент значения и фоновые-знания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12. Ч. 1. С. 152 – 155.

10. Сторожева Е.М. Коннотация и ее структура // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 13. С. 113 – 118.

11. Тхаркахо Ю.А. Лексическая и словообразовательная синонимия в адыгейском языке. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1992. 184 с.

12. Тхаркахо Ю.А. Словарь синонимов адыгейского языка (на адыгейском языке). Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1988. 144 с.

13. Тхаркахо Ю.А. Адыгейско-русский словарь. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1991. 304 с.

14. Толковый словарь адыгейского языка / сост. А.А. Хатанов, З.И. Керашева; под ред. А.Н. Абрегова, Н.Т. Гишева. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2006. 512 с.

15. Хут Ш.Х. Адыгское народное искусство слова. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2003. 536 с.

16. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Москва: «Наука», 1977. 290 с.

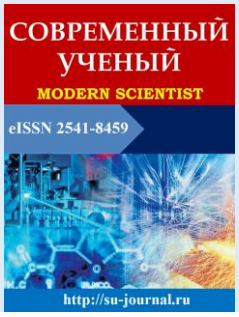
References

1. Apresyan Yu.D. Lexical Semantics. Selected Works. Moscow, 1995. Vol. 1. 442 p.
2. Black M. Models and Metaphors: Studies in Language and Philosophy. Ithaca, NY, 1962. 276 p.
3. Byrsyr (Byrseik'o) B., Kushu S. Izh'kIe tyg'uzh'ym zeredzheshtyg'ehem ikh'ish'. Psal' = Word. 2003. No. 1 (4). N. 28 – 30.
4. The Wolf and His Red Eyes: From Myths to Reality [Electronic resource]. https://shedevrum.ai/post/ae457cc42acd11eeb3f9963c1ee369ba/?utm_referrer=httpsFFyandex.ru
5. Gishkaeva L.N., Ebzeeva Yu.N., Dubinina N.V., Barabash V.V., Shirobokov A.N. Cultural connotations of the Russian zoonym "wolf" and its equivalents in English, Spanish, and Chechen. Siberian Philological Journal. 2017. No. 3. P. 151 – 160.
6. Gyshch N. Pseudo-vocalization: the development of a 400-year-old wolf. Myekuape, 1990. 192 n.
7. Mashbash I.Sh. Collected Works in Sixteen Volumes. Volume Three. Novels. Maykop: Adyghe Republican Book Publishing House, 2013. 776 p.
8. Meretukov K.Kh. Adyghe Toponymic Dictionary. Moscow: Prometheus, 1990. 336 p.
9. Sergeeva L.A. Connotation, the Cultural Component of Meaning, and Background Knowledge. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2016. No. 12. Part 1. P. 152 – 155.
10. Storozheva E.M. Connotation and Its Structure. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2007. No. 13. P. 113 – 118.
11. Tkharkaho Yu.A. Lexical and Word-Formation Synonymy in the Adyghe Language. Maykop: Adyghe Book Publishing House, 1992. 184 p.
12. Tkharkakho Yu. A. Dictionary of Synonyms of the Adyghe Language (in Adyghe). Maykop: Adyghe Branch of the Krasnodar Book Publishing House, 1988. 144 p.
13. Tkharkakho Yu. Adyghe-Russian Dictionary. Maykop: Adyghe Book Publishing House, 1991. 304 p.
14. Explanatory Dictionary of the Adyghe Language. compiled by A.A. Khatanov, Z.I. Kerasheva; edited by A.N. Abregov, N.T. Gishev. Maykop: Adyghe Republican Book Publishing House, 2006. 512 p.
15. Khut Sh.Kh. Adyghe Folk Art of Words. Maykop: Adyghe Republican Book Publishing House, 2003. 536 p.
16. Shagirov A.K. Etymological Dictionary of the Adyghe (Circassian) Languages. Moscow: Nauka, 1977. 290 p.

Информация об авторе

Тхаркахова Н.Г., Адыгейский государственный университет

© Тхаркахова Н.Г., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 82.12.
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-140-149

Архитипические мотивы и архитипические образы в драме М. Цветаевой «Червонный валет»

[1] Борова А.Р., [1] Хульчаева М.Х., [1] Битокова М.В.

[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Аннотация: статья посвящена исследованию архетипических мотивов и образов в драме М. И. Цветаевой «Червонный валет» (из цикла «Романтика»). В центре внимания – механизм реализации мифопоэтического слоя в поэтическом тексте. Архетипические мотивы в пьесе рассматриваются в контексте романтики XVIII века с её атрибутикой (плащи, шпаги, безответная любовь, измена, заговор, жертвенная гибель), в нем также исследуются мотив пути, мотив любви, бинарная оппозиция «добро – зло». Среди архетипических образов особенно выделяются образы мудрого старца, Прекрасной Дамы, Злодея. Особое место отводится символике игральных карт, в которых каждая масть и персонаж-карта несут многослойные смыслы. В статье показывается, как Цветаева трансформирует архетипы в соответствии с авторским замыслом и духом эпохи. Делается вывод, что архетипы, представленные в «Червонном валете», не просто демонстрируют мифологическую традицию, но активно участвуют в создании новой художественной реальности. Пьеса обретает многослойное смысловое пространство, где универсальные схемы человеческого опыта переосмысляются через призму индивидуального мифотворчества Цветаевой. Несмотря на отсутствие прямых отсылок к традиционным мифологическим сюжетам, Цветаева создает художественное пространство, насыщенное архетипическими смыслами.
Ключевые слова: миф, архетип, архетипический мотив, архетипический образ, серебряный век, драма, «Червонный Валет», Марина Цветаева

Для цитирования: Борова А.Р., Хульчаева М.Х., Битокова М.В. Архитипические мотивы и архитипические образы в драме М. Цветаевой «Червонный валет» // Современный ученый. 2026. № 11. С. 140 – 149. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-140-149

Поступила в редакцию: 15 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Archetypal motifs and archetypal images in M. Tsvetaeva's drama «The Jack of Hearts»

[1] Borova A.R., [1] Khulchaeva M.Kh., [1] Bitokova M.V.

[1] Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

Abstract: the article is devoted to the study of archetypal motifs and images in M.I. Tsvetaeva's drama "The Jack of Hearts" (from the cycle "Romance"). The focus is on the mechanism of realization of the mythopoeic layer in the poetic text. The archetypal motifs in the play are considered in the context of 18th-century romance with its attributes (cloaks, swords, unrequited love, betrayal, conspiracy, sacrificial death), it also explores the motive of the

path, the motive of love, the binary opposition "good – evil". Among the archetypal images, the images of a wise old man, a Beautiful Lady, and a Villain stand out especially. A special place is given to the symbolism of playing cards, in which each suit and character card carry multi-layered meanings. The article shows how Tsvetaeva transforms archetypes in accordance with the author's idea and the spirit of the era. It is concluded that the archetypes represented in the Jack of Hearts do not just demonstrate a mythological tradition, but actively participate in the creation of a new artistic reality. The play acquires a multi-layered semantic space, where the universal schemes of human experience are reinterpreted through the prism of Tsvetaeva's individual myth-making. Despite the absence of direct references to traditional mythological subjects, Tsvetaeva creates an artistic space saturated with archetypal meanings.
Keywords: myth, archetype, archetypal motif, archetypal image, silver Age, drama, «Jack of Hearts», Marina Tsvetaeva

For citation: Borova A.R., Khulchaeva M.Kh., Bitokova M.V. Archetypal motifs and archetypal images in M. Tsvetaeva's drama «The Jack of Hearts». Modern Scientist. 2026. 11. P. 140 – 149. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-140-149

The article was submitted: June 15, 2026; Approved after reviewing: July 12, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Всю историю человечества – не только первобытного, но и цивилизованного с его развитыми рациональными формами культуры – сопровождает мифотворческая деятельность сознания. Как отмечает В.М. Найдыш, мифологическое проникает в самые сокровенные глубины человеческого духа даже в то время, когда, казалось бы, верх должен взять рациональное, логическое, интеллектуальное начало. Хотя в историческом развитии цивилизации процесс демифологизации культуры в итоге берёт верх над ее ремифологизацией, полностью подчинить мифологические слои культуры рациональному осмыслению, судя по всему, невозможно. По мысли данного исследователя, при самом общем взгляде на эволюцию духовной культуры становится очевидно: мифотворчество – это не просто отголоски древнего мифопоэтического наследия, но и отражение глубинных, ещё не до конца исследованных аспектов человеческой духовности [7, с. 8].

Материалы и методы исследований

Любой миф следует рассматривать прежде всего как культурный фактор, который является мощным духовным оружием. Е.М. Мелитинский, считая миф древнейшим механизмом осмысления окружающего мира, называл этот феномен «первичной моделью всякой идеологии и синкретической колыбелью различных видов культуры – литературы, искусства, религии и, в известной мере, философии и даже науки» [6, с. 419]. Иными словами, миф – это изначальная основа, из которой произрастают разные формы культурного творчества. Поэтому неудивительно, что в разные периоды культурного самоопределения и духовного поиска мифология становилась не только доминантой образного, поэтического языка, но и неотъемлемой частью творческого мышления – к мифологическим образам и сюжетам систематически обращались представители разных видов искусства – от литераторов до живописцев.

Эта устойчивая традиция обрела новую актуальность в начале XX века, когда одной из наиболее важных тенденций развития искусства стало активное обращение художника к различным формам мифомышления. В эпоху, которую принято именовать «серебряным веком», интерес к мифу не только не угас, но и вспыхнул с новой силой. В символизме – одном из ключевых направлений этой эпохи – отчетливо проявляется сознательная ориентация на мифопоэтическое мышление, противопоставленное рационалистическому и позитивистскому сознанию XIX столетия. Ю. Лотман подчеркивал, что в годы предреволюционного «апокалипсиса», когда, по словам Владимира Соловьева, «еще летали сны, и схваченная снами душа молилася неведомым богам», на умы деятелей культуры оказывали сильное влияние концепции Вагнера о мифологическом искусстве как идеале искусства грядущего и ницшеанская идея о животворящей силе мифологизирующей «философии жизни». Это способствовало формированию у них «стремления организовать все формы познания как мифопоэтические (в противоположность аналитическому миропостижению)» [5, с. 740].

Итак, в начале XX века не только разгораются споры о мифе, о роли мифологии и мифотворчества уже в новую эпоху, но на миф смотрят как на новую реальность. Носители мифологической идеи, среди которых Вячеслав Иванов, Константин Бальмонт, Александр Блок, Дмитрий Мережовский, Марина Цветаева и многие другие поэты-символисты рассматривают мир как некий микрокосм, а жизнь – как феномен, балансi-

рующий на грани реального и ирреального.

Такое восприятие действительности неизбежно вело к актуализации архетипических мотивов и образов в художественном творчестве творцов «русского ренессанса». Опираясь на мифологическое мышление, символисты не просто воспроизводили древние сюжеты, а обращались к «универсальным схемам человеческого опыта» – архетипам.

Результаты и обсуждения

Современные исследователи определяют архетипы как бессознательные первообразы и смысловые структуры, сформировавшиеся в ранней истории человечества. Эти психические образования (так называемые «психоиды») синтезируют материальное и психическое, фиксируя базовые паттерны культуры, поведения и деятельности наших предков [10, с. 59].

Термин «архетип» был введен швейцарским психологом и психиатром К.-Г. Юнгом (1875-1961), сформулировавшем теорию общего коллективного бессознательного, исходя из сходства многообразных видов человеческой фантазии [Пушкина, с. 55]. В своей работе «Архетипы и коллективное бессознательное» (1919) Карл Густав Юнг определял архетип как врожденную, универсальную, бессознательную структуру, образец поведения и восприятия) которая является частью коллективного бессознательного и определяет потенциальную возможность психики человека переживать и реагировать на фундаментальные жизненные ситуации определенным, типичным для всего человечества образом. Иными словами, архетип, по Юнгу, - это глубинный шаблон, который порождает в сознании человека конкретные образы и видения, символически отражающие ключевые аспекты его реальной жизни [16]. Юнг отмечал, что архетипы действуют как неосознаваемые установки, которые непрерывно влияют на наши чувства, мысли, действия и поступки. Будучи содержанием бессознательного, они трансформируются в тот момент, когда становятся осознанными и воспринимаются субъектом [15].

Архетипы обладают способностью к актуализации. Как отмечал швейцарский исследователь, именно в начале XX века это свойство проявилось наиболее отчетливо: архетипы перестали быть лишь хранителями традиционных смыслов, начав выступать катализатором принципиально новых идей и творческих импульсов, прежде не осознававшихся человеком [11, с. 57]. С его точки зрения, именно мифы аккумулируют архетипы как творчески оформленный материал, содержащий человеческие нравы и обычаи, «вечные темы», которые «способны не только пробуждать те или иные эмоции, но и побуждать к совершению дел и поступков, далеко выходящих рамки обыденных» [3, с. 69].

Превращение архетипов из «хранителей традиционных смыслов» в катализаторы новых идей находит особенно отчетливое воплощение в художественном творчестве символистов. В их произведениях архетип перестает быть абстрактной психической структурой: он оживает через конкретные формы художественного выражения, обретая «плоть» в конкретных элементах этого феномена, а именно — в архетипических мотивах и архетипических образах.

В рамках анализа художественного текста и его сюжетной каннвы, прежде всего, следует обратить внимание на архитипичные мотивы или сюжеты, проблематика которых разрабатывалась как литературоведами, так и исследователями мифа и традиционного фольклора. Эта проблематика, как отмечает Т.А. Осипова, «тесно связана с коллективным бессознательным и устойчивыми паттернами поведения, которые одинаково (инстинктивно) работают у представителей разных эпох и культур» [8, с. 147].

В рамках культурологии архетипический мотив определяется как универсальная, устойчивая сюжетная единица, или тематическая схема, которая повторяется в мифологиях, фольклоре и искусстве разных эпох. Если рассматривать понятие архетипического мотива в контексте литературоведения, тор архитипический мотив следует определить как древнейшую устойчивую ситуацию, которая заложена в основу повествовательной структуры художественного произведения и определяет ее глубинное, вневременное содержание [9].

Под археттипическим образом, как правило, понимается конкретное, эмоционально насыщенное воплощение архетипа в персонаже или в каком-то трудом объекте, в том числе и в объекте-символе, произведения. Это тот персонаж или символ, который несет в себе всю нагрузку универсального первообраза, становясь его наполненной формой в рамках художественного мира. Архетипический образ несет в себе квинтэссенцию универсальных человеческих черт, происходящих от мифов и ритуалов. В художественном произведении иногда под архетипом подразумевается непосредственно персонаж как объект, критически выявляемый через сопоставительный анализ с мифологическими первоисточниками [1].

Итак, в художественном произведении архетип реализуется не сам по себе, а через систему мотивов и образов, которые одновременно:

- сохраняют связь с изначальным архетипическим ядром;
- трансформируются под влиянием авторского замысла и историко-культурного контекста;
- создают многомерный смысловой пласт, позволяющий тексту выходить за рамки конкретного сюжета и касаться «вечных тем».

Мировидение в контексте обращения к архетипическим мотивам и образам было в особой степени свойственно художникам слова эпохи «серебряного века», ознаменовавшейся, как мы уже отмечали, сознательным обращением к мифопоэтическому мышлению. И именно в творчестве Марины Ивановны Цветаевой – художницы, чье мировосприятие неразрывно связано с романтическим порывом и трагизмом эпохи – мифологическое начало обретает предельно экспрессивное и напряженное выражение. Для М. Цветаевой миф никогда не был отвлеченной схемой или декоративным элементом: он жил в ее сознании как изначальная матрица смыслов, как жизненная необходимость, как язык самой души.

Марина Цветаева с юных лет окружающую ее реальность «воспринимала сквозь призму всемогущего, все определяющего и всё объясняющего мифа» [2, с. 45]. «... все – миф, … не-мифа – нет, вне-мифа – нет, из-мифа – нет, … миф предвосхитил и раз навсегда изваял – всё» [12, с. 98], - писала она в автобиографическом очерке «Дом у старого Пимена», и эти строки особенно ярко свидетельствует о том, насколько было мифологизировано ее мировидение.

Мифологизм, присущий цветаевскому мышлению, «теоретически» выражен и в другом высказывании поэтессы: «Мистификаторство в иных устах уже начало правды, когда же оно дорастает до мифотворчества, оно – вся правда» [14, с. 22]. Таким образом, Цветаева не разделяет миф и реальность – для нее они существуют в неразрывном единстве. Миф у поэтессы не является ни аллегорией, ни декоративным приемом: он выступает живым способом постижения действительности, инструментом, позволяющим проникнуть в суть явлений за пределами бытовой эмпирики.

В понимании М. Цветаевой мифотворчество – не уход от реальности, а, напротив, путь к ее глубинной правде. Когда «мистификаторство» (игра с образами, намеренное смещение смыслов) перерастает в мифотворчество, оно перестает быть просто художественным приёмом – оно становится способом создания новой онтологической реальности, где субъективное переживание обретает статус универсальной истины.

Для Цветаевой миф – это:

- не пересказ древних сюжетов, а акт творческого созидания;
- не копия действительности, а её метафизическая проекция;
- не украшение речи, а язык, на котором говорит сама жизнь.

В поэтическом мифе Марины Цветаевой находят отражение мощные архетипические образы: разрушительная стихия, дионисийское начало (ставшее в эпоху «русского ренессанса» символом диалектики жизни и смерти), мотив «вечного возвращения», страстная любовь Федры, романтическая преданность Орфея, демоническая одержимость Стеньки Разина. Однако Цветаева не воспроизводит мифологические сюжеты в их традиционном виде – она подвергает их творческой трансформации. Рассматривая себя не в роли сказителя, а в качестве мифотворца, поэтесса создает собственные мифологические конструкции, насыщая их духом современности и чертами своих современников.

Особенно наглядно механизм реализации архетипов через систему мотивов и образов проявляется в драматургии Марины Цветаевой. Ярчайшим тому примером служит цикл пьес под названием «а» (1918-1919), в котором автор сознательно обращается к архетипическим структурам, переосмысляя их в контексте личных и исторических потрясений эпохи.

Драматургический цикл «Романтика» был создан Мариной Цветаевой в предельно сжатые сроки – в течение одного года (осень 1918 – осень 1919). На фоне катастрофических реалий московского быта – повсеместной разрухи, голода и стужи – поэтесса обращается к эстетике неоромантизма. В шести пьесах цикла она конструирует художественный мир, где историческое (XVI-XIX века) переплетается с фантастическим, а географические координаты (Богемия, Италия, Франция, Германия) служат не столько документальной локацией, сколько поэтической условностью. Цветаева сознательно противопоставляет суровой повседневности мир ушедших эпох, сочетая в текстах пьес элементы этнографической достоверности («местный колорит») с ярко выраженной сказочной стихией [4, с. 28].

Следует отметить, что все пьесы цикла «Романтика» («Каменный Ангел», «Конец Казановы», «Метель», «Приключение», «Червонный Валет», «Фортуна») не опираются на готовые мифологические сюжеты: их образный строй рожден эстетикой романтизма, который для Цветаевой воплощал подлинную жизнь человеческой души. Тем не менее в структуре каждой драмы прослеживается мифологический подтекст: по-

этесса выстраивает параллели между своими героями и персонажами минувших эпох, активно используя архетипические мотивы и образы. Таким образом, несмотря на отсутствие прямой мифологической «праосновы», тексты обретают глубинную смысловую перспективу за счет скрытого диалога с мифопоэтической традицией.

Цикл открывается двухактной пьесой «Червонный валет», где действующими лицами выступают персонифицированные игральные карты. Характерологическая разработка сведена к минимуму: на первый план выдвинута фабула. Сюжет строится вокруг беззаветной любви Червонного Валета – слуги – к своей двадцатилетней госпоже, Червонной Даме, супруге престарелого Червонного Короля, отбывающего в поход.

Ключевым элементом произведения становится предсказание карт о *«постели амурной»* Червонной Дамы с Пиковым Королём. Пророчество реализуется: Трефовый и Бубновый Валеты, подстрекаемые Пиковым Валетом, организуют заговор в интересах своих королей, претендующих на руку Червонной Дамы. Их цель – застать любовников во время свидания. Червонный Валет, сохраняя верность госпоже, успевает предупредить ее о грозящей опасности (что позволяет ей и Пиковому Королю скрыться) и погибает от рук Пикового Валета, жертвуя жизнью ради возлюбленной.

В контексте сложившейся традиции восприятия «Червонный Валет» воспринимается многими исследователями как неудачный драматургический опыт – в первую очередь, в контексте фабулы. Однако, с этим мнением можно поспорить. Ведь не фабула раскрывает «глубины» произведения. Перед нами, действительно, персонажи-куклы, «картонность» которых вызывает ассоциации с кукольностью героев блоковского «Балаганчика». Постижение героями своей картонной сущности (Бубновый Валет Червонного Валета называет *«рыцарем картонным»*) означает, что картонная замкнутость все же нарушается, особенно в финале пьесы, когда перед нами предстают живые люди – страдающие, умеющие любить и прощающие своих недоброжелателей.

Фабула пьесы перекликается с сюжетной схемой другой драмы Блока – «Роза и Крест». Будто подтверждая аналогию сюжета «Червонного Валета» с некоей стандартной, архетипической, эталонной «драмой вообще», персонаж цветаевской пьесы, Бубновый Валет, произносит:

«Все как надо: там – война,
Тут – неверная жена,
Там – солдаты и седины,
Здесь – веселый разговор.
Муж – из спальни, в спальню – вор...
Трон. Коварство. Страсть. Кинжал.
А милей всего финал:
Кто на свадьбу опоздал,
Поспевает – на крестины.
Муж – в ворота, вор – в окно...» [13].

Автор как бы подчеркивает заданность фабульных ходов, делая узнаваемыми не только некоторые сюжетные повороты из блоковской драматургии, но и романтику XVIII века со всей атрибутикой: плащами, шпагами, безответной любовью, изменой, заговором и спасением возлюбленной ценою собственной жизни. Костюмы и аксессуары для действующих лиц М. Цветаева также подбирала в духе того времени: у Червонного Валета – лютня, У Пикового Валета – пика, Трефовый Валет носит банты на туфлях (как ему положено, трефовые), все герои носят плащи, накидки, маски, символизирующие «век осьмнадцатый». Мотивы долга, любви, измены, смерти - это тоже XVIII век, когда еще не было забыто слово «честь».

На этот архетипический сюжет накладывается и символика игральных карт – этих маленьких зеркал мифологической картины бытия. С давних времен люди видят в картах не просто забаву, но и язык судьбы, где каждая масть, каждакарта несут свой скрытый, сакральный, смысл. Четыре масти – словно четыре стихии, четыре времени года, четыре стороны света. Тринадцать карт в каждой масти повторяют тринадцать лунных месяцев. Вся колода – это целая Вселенная в миниатюре. В ней – и радость, и печаль, и вечная борьба сил, что вечно соперничают, стремясь победить друг друга.

В основе уже самого «языка» карт, которые раньше были предназначены только для гаданий, лежат своеобразные мифологемы и символы. Карты как «гадательный инструмент», создают «мостик» между реальной жизнью человека и своими значениями. Особенность этого языка – в двойной смысловой плоскости: за названиями и изображениями карт скрывается целый мир – люди, вещи, события. В гадательной традиции карты часто «оживают»: каждая становится персонифицированным образом, воплощающим опреде-

ленный смысл. В результате название карты перестает быть просто обозначением – оно превращается в символ, который может означать человека, событие или даже причину, запускающую цепь происшествий.

В образах пьесы «Червонный Валет» и нашли свое применение символические формы карточного языка. Но в то же время герои-карты цветаевской драмы представляют собой архетипы других мифологических систем – как ранних, так и более поздних.

Пьеса открывается монологом Червонного Короля, который дает указания своей молодой жене, Червонной Даме.

«На карнавал не глядите в щелку,
Не забывайте вдевать в иголку
Красного шелку, красного шелку.
Да не гуляй вечерами в парках,
Да не гадай по ночам на картах…» [13].

Червонный Король воплощает архетипический образ мудрого старца, описанный К. Юнгом. Ключевым визуальным маркером выступает ремарка М. Цветаевой о его *«седой бороде».* В архаической греческой традиции бородатые мужчины служили символом мудрости – высшей ступени человеческой зрелости, при которой индивид уподобляется божественному началу. Согласно концепции К. Юнга, бородатый архаический тип находит воплощение в олимпийских богах: Гермесе, Аполлоне, Дионисе (в зените власти), а также в Зевсе и Посейдоне как образцах мужского совершенства. Эти фигуры представляют собой наглядную манифестацию вневременного качества, которое Гомер определял как сущностную характеристику богов: «Они не стареют, они не умирают, они вечны» [17, с. 39].

Образ Червонного Короля репрезентирует *архетип старца,* который включает следующие семантические компоненты:знание, сообразительность; размышление; проницательность, мудрость). В системе карточной символики этот персонаж соотносится с Нептуном – божеством морей, чей иконографический атрибут (длинная седая борода) служит визуальным маркером архетипической мудрости и вневременной власти.

Но важно обратить внимание еще вот на какой момент: в средневековой Франции, где карты появились примерно в XIV веке, «картинки» были связаны с теми или иными историческими или легендарными персонажами. И под Червонным Королем обычно мыслился образ Карла Великого, первого императора Запада, создавшего Великую Империю (Карл, как известно, также носил бороду).

Червонный Король отправляется в путь. Его *Путь* – это не только поход, в который время от времени отправлялся Карл Великий. Архетип пути имеет большое символическое значение. Это и жизненный путь, и путь духовно-нравственного искания, и путь к «вечной жизни», символизирующий уход в небытие, т.е. смерть. Ведь, как мы помним, цветаевский Король из похода не возвращается. Судьба его неясна, поэт ставит многоточие. О таком же Пути говорит Червонный Валет Червонной Даме:

«ДАМА
Мальчик! Вышли все четыре
Мне шестерки.
Это означает?
ВАЛЕТ
Путь» [13].

Путь, о котором говорит Валет, это не только дорога, по которой Дама пойдет рука об руку со своим любимым, Пиковым Королем. Сбежав от привычкой жизни, покинув мужа, Королева не будет счастлива, ей также уготована смерть, хотя в пьесе об этом ничего не говорится. Но последняя строка пьесы – *«Черный вихрь ее унес»* – указывает на то, что героиня не будет счастлива со своим избранником, что у нее также впереди – Путь в небытие. Таким образом, прибегая к использованию архетипа Пути, М. Цветаева «нагнетает» мотив трагической обреченности, можно даже сказать, фатальности в судьбе не только Червонного валета, но и Дамы.

Действительно, Валет, этот юный белокурый мальчик, обречен, он, спасая Даму своего сердца, погибает, пронзенный черной пикой Пикового Валета с именем Прекрасной дамы на устах. Обречена и Дама, понимая, что в водовороте страстей она потеряла все:

«Господи, смилуйся, помоги! Иду!
Я великая грешница, я буду гореть в аду...» [13].

Безликий герой (карта) молоденький мальчик Червонный Валет становится олицетворением чести и достоинства, преданности. Спасая свою Прекрасную Даму, он, как и романтический герой XVIII века, с достоинством принимает свой крест – смерть. И, понимая свою обреченность, Червонный Валет поет гимн любви и счастью своей возлюбленной – Червонной Дамы:

«Страшная старуха – старость,
Не коснешься уст моих…
Черный плащ его, как парус,
Черный конь его, как вихрь…
Это карты нагадали.
Здесь никто не виноват.
Жизнь моя – aeternum vale!
Роза тронная – виват!» [13].

Червонный Валет, по сути, добровольно выбирает смерть, надевая на себя плащ Пикового Короля. Для Валета, влюбленного в Даму, уход в смерть логичен, ведь, по Цветаевой, любовь тоже является иной реальностью.

Уже в названии пьесы «спрятан» архетипический мотив – жизнь на острие клинка, где любовь и смерть сплетаются воедино во имя Прекрасной Дамы. Само заглавие – как предвестие судьбы, как шепот карт, раскладывающих сюжет по невидимым линиям. С одной стороны следует обратить вн имание на масть гадальных карт, которая символизирует теплые времена года, весну и лето, и свет, что льется сквозь время. А Червонный Валет... Его знак – пылающее сердце, что бьётся в унисон с судьбой. И в этом мерцании смыслов происходит столкновение двух видов любви: любовь-роковая страсть (Дама) и любовь-жертва, любовь-смерть (Червонный Валет).

Антиподом Червонного Валета в пьесе выступает Пиковый Валет. Образ Пикового Валета репрезентирован посредством яркой маски, визуальным маркером которой выступает пика с черным сердцем. В данном персонаже концентрируется семантика темных сил и зла; значимо, что его описание систематически сопровождается колористическим эпитетом «черный», усиливающим негативную символику образа.

«Черен взгляд и черен плащ
Черен с головы до пят.
В черных жилах – яд,
Ад.
Этой пики острие –
Сердце черное мое.
Чья возьмет? – Моя взяла!
Мгла.
Зло для зла» [13]

Пиковый Валет и Червонный Валет – это оппозиция сил добра и зла, чести и бесчестия. Отметим, что именно этот персонаж получился образным и динамичным.

Вообще пиковая масть, в разных толкованиях, может символизировать интеллект, действие, воздух, судьбу и даже смерть. Король Пик, скорее всего, соотносится с последней. В пьесе он не появляется, хотя М. Цветаева вносит его в список действующих лиц в начале пьесы. Но, согласно, карточной символике, Король Пик приносит несчастье. Таким образом, символика карт раскрывает образ черного Злодея, погубившего Королеву, хотя Король и не появляется в пьесе.

В пьесе «Червонный Валет» действуют еще два персонажа – Бубновый Валет и Трефовый Валет, но эти персонажи выписаны довольно слабо и их поступки практически не сочетаются с символикой игральных карт. Например, в руках у Трефового Валета – трилистник, который символизирует важнейшие триады: единство, гармонию и совершенство; землю, небо и загробный мир; прошлое, настоящее и будущее. Однако эти символы никак не отражены в образе Трефового Валета. Сходство героя (Валета) и атрибута (Трилистника) чисто внешнее: трефовая масть по своей форме напоминает трилистник, хотя, если исходить

их символики карт, это растение означает жизнь, что обозначается первой триадой, упомянутой нами раньше.

Бубновый Валет – это воин, который олицетворяет мужество и энергию. Но таковым мы его в драме не видим. Перед нами всего лишь – ветреное бесполое существо, дитя своего века – века карнавалов и интриг, века любви и дуэлей, который говорит о себе так:

«Я и юноша, и дева,
Я несу тебе напевы,
Встречи в глубине зеркал,
Мраморных фонтанов зевы,
Вздохи справа, вздохи слева, –
Королева, королева,
Королева, – карнавал» [13]

Бубновый и Червонный Валеты у М. Цветаевой – это всего лишь молодые люди XVIII века, которые плетут интрижки, помогая своему другу устранить соперника. Это своего рода секунданты, которые ни на минуту не задумываются о нравственной стороне готовящегося убийства. Для них участие в подобном заговоре всего лишь «приключение» и «развлечение».

Выводы

Итак, мы выделили следующие архетипические мотивы и образы, к которым М. Цветаева прибегает в пьесе «Червонный Валет»:

● архетипические мотивы:

- романтика XVIII века со всей атрибутикой: плащами, шпагами, безответной любовью, изменой, заговором и спасением возлюбленной ценою собственной жизни;
- мотив пути;
- мотив любви;
- мотив бинарной оппозиции «Добро – Зло».

● архетипические образы:

- архетип «мудрого старика» (Червонный Король);
- архетип Прекрасной Дамы (Червонная Королева);
- архетип Злодея (Пиковый Валет);
- архетип плаща

Вывод при проведенном нами анализе драмы, напрашивается следующий: действия в традиционном понимании здесь нет, вся игра заключается внутри, в раскрытии психологии героев, в порывах страсти и любви, добрых и темных сил, иными словами – в выявлении архетипов прошлых эпох, которые присутствуют в данном произведении не просто как отсылки к мифологической традиции, но активно работают на создание многослойного смыслового пространства.

Список источников

1. Гоц Л.С. Теоретико-методологические проблемы культурологии. Архетип vs архетипический образ // Wissenschaftliche Ergebnisse und Errungenschaften: сборник статей международной конференции. 2020. Т. 3. С. 15 – 17.

2. Ельницкая С. «Возвышающий обман». Миротворчество и мифотворчество Цветаевой // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. II. Марина Цветаева. 1892-1992 / Под ред. С. Ельницкой и Е. Эткинда. Нортфильд: Вермонт: Русская школа Норвичского университета, 1992. С. 45 – 62.

3. Кокорина Е.Г., Макеева К.А. Теоретические аспекты изучения архетипических мотивов в текстах культуры: мифах и сказках // МедиаVектор. 2022. № 6. С. 68 – 72.

4. Кумукова Д.Д. «Романтика» М. И. Цветаевой на сломе эпох // Вопрсоы театра. 2018. № 3-4. С. 27 – 40.

5. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.

6. Мелетинский Е.М. Миф и двадцатый век // Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания. М.: Российский гуманитарный. университет, 1998. С. 419 – 428.

7. Найдыш В.М. Мифология. М.: КНОРУС, 2010. 432 с.

8. Осипова Т.А. Архетипический персонаж и архетипический мотив в тексте традиционного мифа и неомифа // Культура и цивилизация. 2025. Т. 15. № 6А. С. 143 – 151.

9. Пинчукова Т.П. Мотивы в литературе: архитипический подход // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте: сборник научных статей VI Международной научной конференции. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. С. 450 – 453.

10. Процик И.В. Понятие архетипа в научной литературе: генетико-теоретический аспект // Вестник Запорожского национального университета. 2019. № 2. С. 56 – 67.

11. Пушкина О.И. Теория архетипов: проблемы и перспективы в изучении национальной культуры // Искусство и культура. 2020. № 3 (39). С. 54 – 59.

12. Цветаева М.И. Избранные сочинения: в 2-х тт. Т. 2 Автобиографическая проза. Воспоминания. Дневниковая проза. Статьи. Эссе. М.: «Литература», 1998. 656 с.

13. Цветаева М.И. Пьесы. М.: Директ-Медиа, 2023. 240 с.

14. Тышковская Л.В. Мифы Марины Цветаевой. СПб.: Алетейя, 2021. 216с.

15. Юнг К.-Г. Архетип и символ. М.: Канон+, 2025. 336 с.

16. Юнг К.-Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: Издательство АСТ, 2019. 496 с.

17. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

References

1. Gots L.S. Theoretical and Methodological Problems of Cultural Studies. Archetype vs. Archetypal Image. Wissenschaftliche Ergebnisse und Errungenschaften: Collection of articles from the international conference. 2020. Vol. 3. P. 15 – 17.

2. Elnitskaya S. “The Ennobling Deception”. Tsvetaeva’s Peacemaking and Mythmaking. Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Vol. II. Marina Tsvetaeva. 1892-1992. Ed. by S. Elnitskaya and E. Etkind. Northfield: Vermont: Russian School of Norwich University, 1992. P. 45 – 62.

3. Kokorina E.G., Makeeva K.A. Theoretical Aspects of the Study of Archetypal Motifs in Cultural Texts: Myths and Fairy Tales. MediaVector. 2022. No. 6. P. 68 – 72.

4. Kumukova D.D. "Romance" by M.I. Tsvetaeva at the Turn of the Epochs. Voprosy teatra. 2018. No. 3-4. P. 27 – 40.

5. Lotman Yu.M. History and Typology of Russian Culture. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2002. 768 p.

6. Meletinsky E.M. Myth and the Twentieth Century. Meletinsky E.M. Selected Articles. Memories. Moscow: Russian Humanitarian University, 1998. P. 419 – 428.

7. Naidysh V.M. Mythology. M.: KNORUS, 2010. 432 p.

8. Osipova T.A. Archetypal Character and Archetypal Motif in the Text of Traditional Myth and Neomyth. Culture and Civilization. 2025. Vol. 15. No. 6A. P. 143 – 151.

9. Pinchukova T.P. Motifs in Literature: An Archetypal Approach. East Slavic Languages and Literatures in the European Context: Collection of Scientific Papers from the VI International Scientific Conference. Mogilev: A.A. Kuleshov Moscow State University, 2020. P. 450 – 453.

10. Protsyk I.V. The Concept of Archetype in Scientific Literature: A Genetic and Theoretical Aspect. Bulletin of Zaporozhye National University. 2019. No. 2. P. 56 – 67.

11. Pushkina O.I. The Theory of Archetypes: Problems and Prospects in the Study of National Culture. Art and Culture. 2020. No. 3 (39). P. 54 – 59.

12. Tsvetaeva M.I. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 2. Autobiographical Prose. Memories. Diary Prose. Articles. Essays. Moscow: "Literature", 1998. 656 p.

13. Tsvetaeva M.I. Plays. Moscow: Direct-Media, 2023. 240 p.

14. Tyshkovskaya L.V. Myths of Marina Tsvetaeva. St. Petersburg: Aleteya, 2021. 216 p.

15. Jung K.-G. Archetype and Symbol. Moscow: Canon+, 2025. 336 p.

16. Jung K.-G. Archetypes and the Collective Unconscious. Moscow: AST Publishing House, 2019. 496 p.

17. Jung K.G. Soul and Myth: Six Archetypes. Kyiv: State Library of Ukraine for Youth, 1996. 384 p.

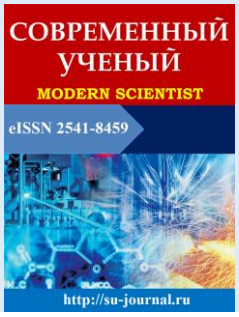
Информация об авторах

Борова А.Р., доктор филологических наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, assbora@mail.ru

Хульчаева М.Х., кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, mariam.li.18@yandex.ru

Битокова М.В., кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, mariebitok@yandex.ru

© Борова А.Р., Хульчаева М.Х., Битокова М.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'373
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-150-155

Реверсия и глагольное словосложение

[1] Карпова О.П., [1] Перминов В.О.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: в статье рассматриваются два продуктивных метода словообразования в современном американском просторечии: реверсия (обратное словообразование) и словесное словообразование путем сложения. Реверсия включает десуффиксацию мотивирующих слов, где конечный элемент совпадает с суффиксальной морфемой или маркером, что приводит к выделению сегмента в самостоятельную лексему. В исследовании анализируются структурные характеристики обратимых глаголов со сложными структурами, которые классифицируются на два типа: основа существительного + основа глагола и основа прилагательного + основа глагола. В статье утверждается, что словообразование путем сложения становится все более продуктивным в американском просторечии. С помощью трансформационного анализа исследование демонстрирует, что словесные соединения обладают отличительными семантическими особенностями, включая метафорическую интерпретацию компонентов и способность к более широкой генерализации по сравнению с соответствующими синтаксическими конструкциями. Метафорический механизм в словесных соединениях действует на микроконтекстуальном уровне, где оба компонента могут подвергаться образной интерпретации, создавая новые ассоциативные связи между разрозненными понятиями. Исследование показывает, что, хотя словесные соединения обладают более слабой идентификационной способностью, они демонстрируют значительную экспрессивную функцию и антропоцентрическую ориентацию, характерные для разговорной лексики. Полученные результаты способствуют пониманию динамического характера процессов словообразования в английском языке и продолжающейся конкуренции между реверсией и словообразованием в развитии словарного лексикона.
Ключевые слова: реверсия, глагольное словосложение, американское просторечие, сложные глаголы, метафоризация, десуффиксация, словообразовательная продуктивность, мотивирующая основа, семантическая трансформация

Для цитирования: Карпова О.П., Перминов В.О. Реверсия и глагольное словосложение // Современный ученый. 2026. № 11. С. 150 – 155. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-150-155

Поступила в редакцию: 16 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Reversion and verbal compounding

[1] Karpova O.P., [1] Perminov V.O.

[1] Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: the article examines two productive methods of verbal word formation in modern American colloquial/substandard English: reversion (back-formation) and verbal compounding. Reversion involves the desuffixation of motivating words where the final element coincides with a suffixal morpheme or marker, resulting in the extrac-

tion of a segment into an independent lexeme. The study analyzes the structural characteristics of reversible verbs with complex structures, which are classified into two types: noun stem + verb stem and adjective stem + verb stem. The paper argues that while reversion plays a significant role in verbal derivation, recent linguistic scholarship suggests that verbal compounding has become increasingly productive in contemporary American colloquial English. The study demonstrates that verbal compounds exhibit distinctive semantic features, including metaphorical reinterpretation of components and the capacity for broader generalization compared to corresponding syntactic constructions. The metaphorical mechanism in verbal compounds operates at the micro-contextual level, where both components can be subject to figurative interpretation, creating new associative connections between disparate concepts. The research reveals that while verbal compounds possess weaker identificational capacity, they demonstrate significant expressive function and anthropocentric orientation characteristic of colloquial vocabulary. The findings contribute to understanding the dynamic nature of English word-formation processes and the ongoing competition between reversion and compounding in the development of verbal lexicon.
Keywords: reversion, verb compounding, American colloquialisms, complex verbs, metaphorization, desuffixation, word-formation productivity, motivating basis, semantic transformation

For citation: Karpova O.P., Perminov V.O. Reversion and verbal compounding. Modern Scientist. 2026. 11. P. 150 – 155. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-150-155

The article was submitted: June 16, 2026; Approved after reviewing: July 13, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Динамичное расширение английского глагольного лексикона долгое время поддерживалось несколькими продуктивными процессами словообразования, среди которых традиционно центральное место занимали конверсия, аффиксация и реверсия. Реверсия, в частности, признана третьим по продуктивности механизмом, действующим посредством десуффиксации мотивирующих основ, где конечный элемент совпадает с суффиксальной морфемой, тем самым извлекая новую независимую лексему.

Однако современные лингвистические исследования выявляют значительный и продолжающийся сдвиг в тенденциях словообразования. В то время как реверсия продолжает порождать сложные глагольные структуры, растущий объем научных работ – как зарубежных, так и отечественных – указывает на то, что словообразование путем сложения постепенно становится столь же продуктивным источником глагольных неологизмов.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили произведения американских писателей (Э. Колдуэлл, Р. Чандлер, Т. Капоте).

Методологическую основу исследования составляет сопоставительно-типологический метод для противопоставления реверсии и словосложения как конкурирующих словообразовательных механизмов. Трансформационный и компонентный семный анализ позволяют реконструировать исходные синтаксические структуры и выявить интенсиональные семы компонентов, что необходимо для описания механизмов метафоризации. Контекстуальный и корпусный анализ эмпирического материала обеспечивает проверку продуктивности процессов и их функционирование в реальной речи, а синхронно-диахронический ракурс позволяет оценить динамику деривационных тенденций в современном американском просторечии.

Результаты и обсуждения

Реверсия как способ образования глаголов сложной структуры

Реверсия (обратное словообразование) занимает третье место по продуктивности среди глагольных деривационных процессов, уступая лишь конверсии и аффиксации. Словообразовательный характер реверсии состоит в том, что «мотивирующее слово в силу звукового совпадения его финала с суффиксальной морфемой или маркером подвергается десуффиксации с выделением части в самостоятельную лексему» [1]. Реверсальные глаголы сложной структуры широко представлены в современном американском просторечии. Продуктивность этого способа неоднократно отмечалась как в зарубежной, так и в отечественной лингвистике, где конверсия и реверсия традиционно признаются основными источниками пополнения глагольного состава английского языка.

В словопроизводстве основы реверсальных глаголов сложной структуры пассивны, но словообразовательно не изолированы, т.к. «в словообразовательном гнезде их сопровождают имена действия и имени деятеля, которые являются мотивирующими по отношению к глаголу словами», [1] тогда как сам реверсальный глагол выступает в роли мотивированного.

Сравните: *panhandle* «попрошайничать» *pan-handler* «нищий», *double-cross* «надувать» *double-crosser* "обманщик", *double-crossing* "надувательство" [11].

Пример: "*Chet can go somewhere else to do his bird-dogging*!" [9].

Bird – dogging → bird-dog «отбивать женщину».

Структура образованных по реверсии глаголов представлена двумя типами:

а) основа существительного + основа глагола; б) основа прилагательного + основа глагола,

brain-wash «промывать мозг" N + V → *brain-washing*

free-load «пить за чужой счет» Adj + V → *free-loading*.

При реверсии метафора заложена в мотивирующей основе, и поэтому глаголы, образованные этим способом следует рассматривать как косвенные наименования, возникшие без участия словообразовательной метафоры.

Сравните: *Pan-handler* n. *A beggar* (ср. также *beggar → beg*) → *panhandle* v. *To beg money from strangers in the street* [12].

Вопрос о реверсии, ее продуктивности как словообразовательного приема, тесно связан с вопросом о существовании такого словообразовательного приема как глагольное словосложение.

Глагольное словосложение

Как отмечается в научной литературе, словосложение «свойственно всей германской группе языков, а то видное место, которое оно занимает в производстве нестандартных дериватов отражает действие исконных тенденций языкового развития» [1].

Традиционно считается, что словосложение не характерно для глагольного словообразования. В последнее время, однако, появилось несколько работ, авторы которых считает, что в синхронном словообразовании такой традиционный способ как реверсия не играет уже той существенной роли, которую он играл раньше, и что наиболее продуктивным способом словообразования для глаголов сложной структуры в современном английском языке является глагольное словосложение [5]. Сложные глаголы с именным компонентом (*baby-sit*) трактуются как результат сложения основ, а не реверсии. По мнению Л.Ф. Омельченко, видеть в них псевдосложные образования от существительных нелогично: это противоречит синхронному подходу и смешивает вопросы происхождения и структуры слова. Данная точка зрения представляется слишком категоричной. Более обоснованной выглядит позиция Э.М. Медниковой и Т.И. Беляевой, которые отмечают, что «в ряде случаев затруднительно определить деривационный механизм: реверсия от сложных существительных с компонентом на *-er*/*-ing* (как в *baby-sit, chain-smoke*) или словосложение» [1, 3], продуктивность которого в американском варианте английского языка неуклонно возрастает. В соответствии с этим подходом можно рассматривать глаголы типа *sugar-coat* «приукрашивать», *skull-drag* «усердно работать», *table-hop* «работать официантом», *skin-search* «обыскивать» как образованные словосложением [10].

Таким образом глагольное словосложение в синхронии постепенно становится продуктивным способом словообразования в американском просторечии. В отличии от реверсии глагольное словосложение отличается некоторыми особенностями, в частности, отсутствием лексикографической возможности возвращения к источнику новообразования, т е. к мотивирующему суждению. Семантика мотивирующего слова (словосочетания) может бить установлена перенесением непосредственных составляющих глагольного композита с лексемного уровня на синтаксический, благодаря последовательному сопоставлению производных слов с мотивировавшими их синтаксическими конструкциями [2].

Методом трансформации было установлено, что при структурно-семантическом разложении глаголов-композитов наиболее широко представлены глаголы с объектной валентностью: *shin-crack* «танцевать» → *to crack a shin*; *skull-drag* «усердно учиться» → *drag the skull* и т.п. [11].

Семантическая модель глагольного композита со структурой N + V может быть представлена следующим образом:

$$p \leftarrow \rightarrow obj_{Пац}$$

где p, – предикат; $obj_{Пац}$ – объектный аргумент в семантической роли пациенса; ← → векторы экспликации, указывающие на взаимодействие между предикатом и аргументом.

Примеры выбора свидетельствует, что в глагольных композитах метафорическому переосмыслению, как правило, подвергаются оба компонента сложного слова, вместе с тем имеются случаи, когда переосмысле-

ние распространяется лишь на именной компонент, тогда как глагольный компонент остается в своем буквальном значении, как, например, *baby-sit – to stay with a baby (child).*

В глагольном композите *sugar-coat – to make something be or seem more agreeable than it is* [12] метафоризация охватывает как первый, так и второй компонент сложного комплекса. Словосочетание, лежащее в основе этого сложного слова, после трансформации принимает вид: *to coat with sugar* «покрыть сахаром». В интенсионал слова sugar входит сема «сладкий», которая в свою очередь распадается на семы, образующие свободный импликационал, а также отрицательный импликационал слова sugar «приятный», «доставляющий удовольствие» и «льстивый», «лицемерный», соответственно [4]. (Ср. русск. «сладкие мечты» и «сладкие речи»).

Словосочетание, лежащее в основе сложного глагола отличается семантической двупланностью, при которой в старую форму вливается новое содержание. Отличие сложного глагола sugar-coat от соответствующего ему словосочетания состоит в том, что «синтаксически оборот точен и однозначен, тогда как сложное слово, проигрывая в точности обозначения, выигрывает одновременно в степени обобщённости и развивает тем самым способность покрывать более широкий и более разнообразный круг значений» [2], т.е. обладает большей способностью к метафоризации.

Следует отметить, что в настоящем исследовании мы придерживаемся точки зрения, разделяемой В.М. Павловым и В.И. Шадриным, согласно которой не следует искать четкой, абсолютной границы между классом сложных слов и словосочетаний [6, 7]. Утверждение о том, что сложное слово содержит признаки словосочетания, позволит рассматривать сложное слово как минимальный контекст для реализации метафорического значения. Е.И. Шендельс справедливо отмечает, что в сложных словах оба компонента метафоры совмещены в контактной позиции внутри одной лексемы, превращая слово в микроконтекст. В этом микроконтексте «реализуются все условия метафоризации: двойная соотнесённость, перестройка привычных ономасиологических связей и возникновение нового интегрирующего звена, объединяющего отдалённые понятия и выполняющего номинативную функцию» [8].

Рассмотрим несколько примеров сложных слов, образованных по способу глагольного словосложения. Глагольный композит *skull-drag* 1. *To study hard* → 2. *To give one's best effort, to think or play with concentration* [12] после восстановления исходной синтаксической конструкции принимает вид: *to drag /one's/ skull*. В интенсионал значения глагола drag входят семы «усилие», «сложность». Сочетание этих сем с семами, входящими в интенсионал существительного (объекта действия), выступающего в качестве ономасиологического признака совершаемого действия, способствует метафоризации этого негимпликационального словосочетания, в ходе которой реализуется просторечное значение «усердно работать», «напряженно думать» [4] (ср. русск. «ломать голову» − стараться понять, что-нибудь трудное).

Аналогичная ситуация наблюдается при рассмотрении сложного глагольного слова *shin-crack − to dance esp. to jitterbug* [12], которое после синтаксической трансформации принимает следующий вид: *to crack /one's/ shin*. Актуализация в глаголе crack семы «концентрация усилий», которая происходит с одновременной нейтрализацией входящей в интенсионал значения семы «ломать», «бить», а также выделение окказиональной семы «танцевать» (ср. русск. «отбивать чечетку»), создают глагольному комплексу новое метафорическое значение, которое характеризуется большой образностью.

Выбор окказиональных, несущественных признаков в глагольной номинации отражает общую для эмоционально-оценочной лексики тенденцию, которая проявляется и в сложных словах. При этом степень соотнесенности между объектами и действиями не существенна, а внутренняя форма может быть скрытой от говорящего, что, однако, делает сложные слова более яркими и выразительными.

Сложные глаголы отличаются слабой идентифицирующей способностью и невысокой информативностью, однако компенсируют это значительной экспрессивностью, которая передаёт отношение говорящего к объекту номинации. Кроме того, подобно всей просторечной лексике, они обладают антропоцентрической направленностью.

Выводы

При реверсивном словообразовании сложных глаголов метафоризация локализуется в мотивирующей основе, поэтому производные единицы трактуются как косвенные наименования, лишённые собственно словообразовательной метафоры. Для этого способа типичны модели:

$$N + (Ver/ing) \rightarrow N + V \text{ и } Adj + (Ver/ing) \rightarrow Adj + V.$$

С синхронной точки зрения словосложение представляет собой продуктивное словообразование, т.е. сложные глаголы создаются по образу и подобию уже имеющихся сложных слов (в частности, образованных по реверсии).

Особенность глаголов, образованных с помощью глагольного словосложения, состоит в том, что значительное количество из них мотивируется своими компонентами, что свидетельствует о наличии у них семантического инварианта, который связывает сложные глаголы с синтаксическими конструкциями, имеющими в своём составе коррелятивные глаголы и выступающими в качестве производящей основы.

Основное отличие способа глагольного словосложения от реверсии состоит в том, что при реверсии метафоризация проходит в мотивирующей основе, тогда как в случае глагольного словосложения метафора участвует в словообразовательном акте.

Список источников

1. Беляева Т.М., Хомяков В.А. Нестандартная лексика английского языка. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/belyaeva/text.pdf (дата обращения: 16.03.2026)
2. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
3. Медникова Э.М. К вопросу о лексико-морфологических категориях. URL: https://vja.ruslang.ru/archive/1971-5.pdf (дата обращения: 16.03.2026)
4. Ожегов С.И. Толковый словарь.URL: https://slovarozhegova.ru/ (дата обращения: 21.03.2026)
5. Омельченко Л.Ф. Продуктивные типы сложных слов в современном английском языке. Киев: Высшая школа, 1981. 143 с.
6. Павлов В.М. К дискуссии о словосложении в немецком языке // Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1975. Вып. 91. С. 63 – 68.
7. Шадрин В.И. Семантико-синтаксическое исследование сложных существительных в английском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М.: МГПУ, 1977. 15 с.
8. Шендельс Е.И. Сложное слово как минимальный контекст для реализации стилистических фигур// Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1975. Вып. 91. С. 82 – 89.
9. Caldwell E. The humorous side of Erskine Caldwell. URL: https://archive.org/details/completestorieso00cald/page/n547/mode/2up (дата обращения: 02.03.2026)
10. Capote T. In cold blood. New York: Random House, 2013. 368 p.
11. Chandler R. Farewell, my lovely stories. London: Penguin, 2010. 368 p.
12. Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American slang. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1975. 776 p.

References

1. Belyaeva T.M., Khomyakov V.A. Non-standard vocabulary of the English language. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/belyaeva/text.pdf (date of access: 16.03.2026)
2. Kubryakova E.S. Types of language meanings. Semantics of a derivative word. Moscow: Nauka, 1981. 200 p.
3. Mednikova E.M. On the issue of lexical and morphological categories. URL: https://vja.ruslang.ru/archive/1971-5.pdf (date of access: 16.03.2026)
4. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary. URL: https://slovarozhegova.ru/ (date of access: 21.03.2026)
5. Omelchenko L.F. Productive types of compound words in modern English. Kyiv: Vysshaya shkola, 1981. 143 p.
6. Pavlov V.M. Towards a Discussion of Word Composition in German. Collected scientific papers of the M. Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Moscow, 1975. Issue 91. P. 63 – 68.
7. Shadrin V.I. Semantic-syntactic study of compound nouns in English. Abstract of Cand. Sci. (Philological) Dissertation. Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 1977. 15 p.
8. Shendels E.I. A Compound Word as a Minimal Context for the Realization of Stylistic Figures.” Collected scientific papers of the M. Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. Moscow, 1975. Issue 91. P. 82 – 89.
9. Caldwell E. The Humorous Side of Erskine Caldwell. URL: https://archive.org/details/completestorieso00cald/page/n547/mode/2up (date of access: 02.03.2026)
10. Capote T. In cold blood. New York: Random House, 2013. 368 p.

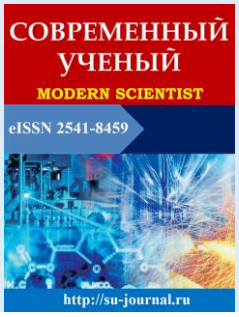
11. Chandler R. Farewell, my lovely stories. London: Penguin, 2010. 368 p.
12. Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American slang. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1975. 776 p.

Информация об авторах

Карпова О.П., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Перминов В.О., кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, vperminov@mail.ru

© Карпова О.П., Перминов В.О., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'42:316.722:008(4:5)
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-156-165

Лингвокогнитивные признаки концепта роскошь в национальном коде европейской и восточной культур

[1] Литвяк О.В., [2] Скрипичникова Н.С.

[1] Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации,
[2] Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Аннотация: в данной статье рассматриваются лексические средства репрезентации концепта 豪华/Luxury в западной и восточной культурах на примере рекламных текстов товаров категории люкс. Актуальность данной работы обусловлена высоким интересом к данному понятию и особенностям его репрезентации со стороны исторического и культурного наследия современных обществ. Цель данного исследования заключается в анализе концепта «роскошь» сквозь призму рекламного текста в современных медиа изданиях и онлайн платформах, а именно рассмотреть данное понятие как конструкт, который варьируется в зависимости от культурных контекстов. В рамках данного исследования основными методами являются лингвокультурологический анализ, который предполагает изучение концепта через призму национальной культуры, и лингвокогнитивный подход, фокусирующийся на структуре и содержании концепта в языковом сознании человека и нации. Исследование репрезентации концепта «роскошь» в различных культурных контекстах позволяет выявить национально-культурную специфику восприятия данного явления и особенности его вербализации.

Ключевые слова: концепт, лингвокогнитивный анализ, лингвокультурологический подход, ментальность, семантический анализ, реклама, кросс-культурный анализ, роскошь, товары люкс, рекламный текст

Для цитирования: Литвяк О.В., Скрипичникова Н.С. Лингвокогнитивные признаки концепта роскошь в национальном коде европейской и восточной культур // Современный ученый. 2026. № 11. С. 156 – 165. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-156-165

Поступила в редакцию: 16 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Linguocognitive features of the concept of luxury in the European and Eastern cultural patterns

[1] Litvyak O.V., [2] Skripichnikova N.S.

[1] Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation,
[2] Crimea Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Abstract: this article examines the lexical means of representing the concept of luxury in Western and Eastern cultures using advertising texts for luxury goods as an example. The relevance of this work is due to the high interest in this concept and the specific features of its representation from the historical and cultural heritage of modern societies. The purpose of this study is to analyze the concept of luxury through the prism of advertising texts in modern media publications and online platforms, namely, to consider this concept as a construct that varies depending on cultural contexts. The main methods within this study are cultural linguistic analysis, which involves studying the concept through the lens of national culture, and a cultural linguistic approach, focusing on the structure and content of the concept in the linguistic consciousness of individuals and nations. Studying the representation of the concept of luxury in various cultural contexts allows us to identify the national and cultural specifics of the perception of this phenomenon and the features of its verbalization.
Keywords: concept, cognitive linguistic analysis, cultural linguistic approach, mentality, semantic analysis, advertising, cross-cultural analysis, luxury, luxury goods, advertising text

For citation: Litvyak O.V., Skripichnikova N.S. Linguocognitive features of the concept of luxury in the European and Eastern cultural patterns. Modern Scientist. 2026. 11. P. 156 – 165. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-156-165

The article was submitted: June 16, 2026; Approved after reviewing: July 14, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Роскошь, как одно из старейших понятий современного общества, возникла ещё на заре цивилизации практически одновременно с социальным расслоением общества, когда роскошный образ жизни стал символом превосходства, избранности и свидетельством богатства и достоинства для членов сообщества, избавленных от необходимости трудиться ради выживания.

Еще в античной культуре встречаются примеры, в которых можно встретить описание роскошной жизни, где «человек ведет праздное бытие, утопая в неге и изобилии» [1]. При том, что в комедиях, трагедиях и утопиях древнегреческих философов Феокрита, Эсхила, Гомера, Софокла и Еврипида описываются нереалистичные «берега изобилия, где реки-самобранки, превращаются в вино, а берега устланы медом» [8], к роскоши в Элладе относились как к проявлению неумеренности, дурного вкуса и варварства, а Платон одним из первых рассуждал о взаимосвязи социального порядка и роскоши, как угрозе процветанию общества.

Для Востока вопросы роскоши всегда рассматривались в тесном переплетении с религией. В Древний Египте – колыбели роскошного образа жизни, проявлением излишества считалось озеленение территории поместий и дворцов, создание искусственных оазисов в пустыне, что одновременно не просто подчеркивало статус владельца, но и говорило о невероятном труде и торжестве технической мысли, своеобразное проявление честолюбия, избранности и уникальности. С другой стороны, в эпоху династии Цинь (221 год до нашей эры) в Китае были введены первые известные правила о роскоши, в которых говорилось о сдержанности в быту и проявлении презрения к дорогим вещам и праздному образу жизни. А в Индии, наравне с учением Будды о духовности и умеренности, возводились дворцы, создавались ювелирные украшения и наряды, в которых зачастую было невозможно передвигаться из-за наличия в них драгоценных металлов и камней.

Верование в страну изобилия, где каждому обеспечена безбедная и праздная жизнь встречаются в эпосах и средневековых сказаниях практически всех европейских стран: Pays de Cocagne во французском, Cockaigne в английском языке, схожие лексемы в итальянском и испанском языка – Cuccagna и Cucana, а

также немецкий рай – Schlaraffenland, где можно бесконечно объедаться деликатесами, женщины обладают невероятной красотой и вечно молодостью, а жители погружены в бесконечную негу и блаженную лень, праздность бытия, в которой отсутствует труд, считающийся грехом [7].

Социальная иерархия, религия, историческое и культурное развитие вывело понятие «роскошь» в один из ключевых концептов современного мира, буквально эксплуатируя его во всех сферах жизни, в особенности в медийном мире, будь то реклама, маркетинг, популистская журналистика или новостные тексты, давая возможность манипулировать общественным сознанием, проектировать или менять нормы, стандарты поведения и мировоззрение. Особую роль в этом занимает реклама, которая призвана не просто продавать товар категории «люкс», но и создавать саму категорию, образ и модель эксклюзивной жизни, подводя под это идеологическую и философскую базу.

Цель данного исследования заключается в необходимости не просто рассмотреть концепт «роскошь» в разрезе рекламного пространства современного Запада и Востока, но и проанализировать данное понятие как конструкт, который варьируется в зависимости от культурных контекстов и времени, что ставит перед нами ряд исследовательских задач по рассмотрению основных теоретических подходов к пониманию данного концепта и его эволюции, анализа лексико-семантических и лингвокогнитивных особенностей его использование в рекламном тексте разных культур и влияния на восприятие брендов.

Феномен стремления к роскошной эксклюзивной жизни является не только естественным желанием человека, но и приставляет интерес для исследований в разных областях наук, что говорит о необходимости и актуальности данного исследования, выполненного на стыке лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и медиалингвистики, маркетинга и других.

Материалы и методы исследований

Концепты влияют на наше восприятие информации поскольку сводят разнообразие наблюдаемых явлений к единому понятию, что позволяет нам хранить, полученные знания о мире, обрабатывать их через призму субъективного опыта подводя явления и понятия под определённые, выработанные обществом, категории и классы. Кроме того, усвоенные концепты способны влиять на качественную специфику восприятия, затрагивая эмоции воспринимающего и его перцептивные переживания [5].

Исследование репрезентации концепта «роскошь» в различных культурных контекстах позволяет выявить национально-культурную специфику восприятия данного явления. Особый интерес в данном случае представляет современная реклама товаров люксовой категории, поскольку они являются не просто показателем уровня достатка, но и маркером принадлежности к определенному социальному кругу, уникальности и эксклюзивности, а также индикатором таких категорий как образование, духовность, статусность, удовольствие и другие.

В качестве объекта исследования, мы обратились к рекламным текстам роскошных товаров в журналах (Vogue, The Resident, Harper’s Bazaar, Conde Nast Traveller, How To Spend It, Coveted Magazine, Prestige, Rayli, VOGUE China, TRENDS China и др.) и интернет-источниках (Secoo (寺库), Mei.com, Meici (美西, который можно перевести как «Западная красота»), 5Lux, Shangpin и другие) за последние 7 лет, в которых, на наш взгляд, представлены национально-культурные стереотипы о понятии «роскошь».

В рамках данного исследования основными методами стали лингвокультурологический анализ, который предполагает изучение концепта через призму национальной культуры, и лингвокогнитивный подход, фокусирующийся на структуре и содержании концепта в языковом сознании человека и нации; теоретические исследования и анализ публикаций по основным понятиям, а также метод качественно-количественного контент-анализа рекламных текстов, полученных методом сплошно выборки.

Метод семантической интерпретации, наравне с другими, лежит в основе настоящего исследования, поскольку позволяет выстроить логическое и комплексное обоснование понятия «роскошь», где также рассматривается этимология слова, словарное и графическое значения, а также концептуальное поле. Кроме того, сравнительно-сопоставительный анализ дает возможность рассмотреть и проанализировать культурные коды, скрытые в рекламном тексте и особенности национального менталитета.

По мнению И.А. Стернина, основной идеей когнитивной лингвистики считается то, что «через анализ языковой семантики можно выйти в сферу концептов» [6]. Соответственно, нашей задачей является понять особенности ментальной репрезентации концепта роскошь в современных европейском (английском) и китайском обществе на основе языкового материала, а также выявить культурные коды, влияющие на построение и восприятие рекламного текста товаров категории люкс, что в рамках современной научной антропоцентрической парадигмы невозможно без понимания ментальности и культурного наследия.

Рекламный текст представляется нам целостным, стереотипизированным и эмоционально окрашенным языковым комплексом, в котором обязательно отражены социокультурные маркеры жизни человека, и, в который вписаны экстралингвистический и историко-культурный контексты. Такие вербальные компоненты, помимо целостного образа рекламного сообщения – героя, цвета, композиции, шрифта и т.д., представляет собой некую «национальную прослойку», связанную с существующими культурными доминантами [4].

Реклама – это особая смоделированная реальность, в которой заключены не только понятийно-смысловая и знаково-символическая системы, а также целый комплекс национально-специфических преставлений о предмете, мире, эмоции, культурных смыслов, значений и ценностей, переживаний и чувств, мотивов, вербализованных общественных норм и принципов [4; 2].

Результаты и обсуждения

Английская лексема «luxury» уходить корнями в средневековое *luxurie* (старофранц. «разврат, распущенность, похоть»), у которого, в свою очередь, латинские корни luxuria – «излишество, расточительность». Стоит отметить, что латинская морфема luxus, согласно некоторым исследованиям, имеет связь с глаголом luctari, в переводе «бороться, напрягаться», который имеет ярко выраженную негативную оценочную коннотацию, передающую нежелание прикладывать усилия [14; 15].

В XVII веке английская лексема утрачивает уничижительную окраску и к 1630 году приобретает нейтральное значение – «привычка к потворству тому, что является изысканным или дорогостоящим», что позже отразилось в устойчивых выражениях – «роскошная обстановка» (начало XVIII века), и к концу века, новых значениях – «нечто изысканное или удобное, выходящее за рамки жизненных потребностей» [10].

Сегодня в английском языке концепт «luxury» представлен тремя категориями: *opulence* (букв. богаство, роскошь, великолепие, пышность), *extravagance* в значении расточительства, сумасбродства и несдержанности, и *pleasure*, означающего радость, увеселение и наслаждение. Концептуальное поле представлено: лексемами – voluptuousness, hedonism, sumptuousness, richness, splendour, affluence, wealth, bliss, wellbeing, satisfaction, indulgence, gratification и другие, причем, понятие voluptuousness напрямую связано с этимологией слова luxury, где в средние века роскошь воспринималась как грех, караемый церковью и богом, что отразилось и на негативной коннотации слова – плотоугодие; на уровне сленгизмов лексика обладает такой же экспрессивностью и большей метафоричностью: big bucks, big money, top dollar, megabucks, pretty penny, wad, boujee, over-the-top, bling, high-end, при этом большинство из них связаны со значением излишка, вычурности и безвкусия; идиомами и фразеологизмами: from rags to riches (русский аналог «из грязи в князи»), high on the hog, to be in clover, to live large, living in the lap of luxury (жить в роскоши), money to burn (русский аналог «денег куры не клюют»), rolling in dough (купаться в деньгах), number better off, a beggar on horseback, deep pockets, to rake in the money, to live the life of Riley, filthy rich, cost an arm and a leg, cost a fortune, worth every penny, to strike it rich и другие, в которых отчетливо прослеживается историко-культурная коннотация [13].

В Китае роскошь связана с использованием двух иероглифов: 奢侈 (shēchǐ), состоящий из составляющих: 奢 (shē) – «излишний», 侈 (chǐ) – «излишний», «расточительный», который согласно словарям YellowBridge и HanBook, имеет прямое значение «роскошный», «излишний» [17; 18], и иероглиф 豪华 (háohuá), означающий «великолепие». Кроме того, основой иероглифа 豪华 является 贵 (guì) в значении которого не только «богатство», но и «благородство», «уважение», «влияние» и «ценность». В древности в Китае в качестве денежного эквивалента использовалась жемчуг и раковины моллюсков, что отразилось в ключе иероглифа 贝 bèi (№ 154) и его трансформации: обилие ракушек, нанизанных на нить, говорили о достатке владельца, и о том, что его следует почитать, поскольку в свое богатство он вложил значительный труд – добывать моллюсков в жемчугом трудно.

Рекламный текст, как особый вид вербальной составляющей рекламного сообщения, создается, прежде всего, с целью продвижения определенной категории товаров или услуг, привлечения внимания целевой аудитории и, как следствие, стимулирования спроса. И на первый план выходят особые, языковые приемы, которые в современных условиях пресыщения товарами и услугами, помимо убеждения и мотивации, выполняют функцию дифференциации, создания ценности и формирования эмоциональной связи, апеллируя к ценностям, национальной памяти, потребностям, зачастую общественным, и чувствам, а не к рациональным аргументам. Такой язык должен быть простым, ясным, оригинальным и образным, поскольку он не просто информирует, но создает философию, образ мышления и поведения.

Несмотря на большое количество существующих исследований данного понятия в ряде наук - социологии, психологии, экономике, мы, прежде всего, говорим о данном концепте в разрезе культурной относительности, поскольку именно культурный код нации определяет, что является роскошью, т.е. превышает необходимость и обыкновенность. В случае культурной относительности речь идет не о доступности ресурсов, а об их желанности для людей разных культур. Содержание понятия роскоши определяется в конкретную историческую эпоху в конкретной стране или культурной общности и один и тот же ресурс может считаться излишеством, роскошью в одной культуре и рассматриваться как что-то обычное, бесполезное или даже нежелательное в другом культурном контексте или же в другой эпохе в одном и том же обществе. [3]

Исторический контекст доказывает, что любой товар может перейти из категории «люкс», т.е. товар с уникальными характеристиками для избранных, до товара общедоступного потребления за относительно небольшой срок. Например, автомобили, которые в начале XX века считались роскошью, доступной исключительно знати, до современных автомобилей, которые даже в базовой комплектации предлагают своему потребителю максимальный комплект опций, как, в рассмотренных нами примерах рекламы автомобилей за последние 10 лет.

Исходя из проведенного анализа, западная реклама в своих слоганах и рекламных сообщениях базируется на материальных атрибутах роскоши, статусности, т.е. принадлежности к закрытому, элитарному сообществу, и гедоизме, стремлении к наслаждению, отрыву от реальности и ухода от стресса, что зачастую присутствует в рекламе, где целевая аудитория имеет средний доход: «*Experience unparalleled luxury*», «*Escape to a World of Unparalleled Luxury*» стремление к безупречной роскоши (реклама туристических поездок и отелей), «*The epitome of elegance and sophistication*», где подчеркивается особая черта аристократии - элегантность (рекламная кампания Louis Vuitton).

В настоящее время на Западе акцент в категории товаров люкс сместился от покупки предметов роскоши в сторону приобретения недвижимости, туризм, вложений в образование и здоровье, в том числе огромное внимание уделяется проблемам экологичности, натуральности, личностному росту, духовности. Роскошь в современном понимание западного человека – это прежде всего удобство, комфорт и безвредность для окружающей среды [9; 11].

Тем не менее, известные бренды продолжают рекламировать собственные товары исходя из уникальности товара и его исключительности, качестве продукции, приверженности традициям, представляя товар через такие лексемы как: *lavishness, beauty, tranquility, exclusiveness, uniqueness, brightness, comfortable, pleasure* и другие [12].

Так, в рекламе престижных автомобилей можно встретить такие слоганы: «Rollin’ in Style, Always», «More Rolls, Less Stress», «When Luxury Calls, Answer with Rolls», «Luxury: Not Optional» от компании Rolls-Royce, где напрямую говориться об эксклюзивности и принадлежности к особому классу людей, для которых на первом месте комфорт и роскошь, а не набор оптимальных характеристик; « The best or nothing», «Unlike Any Other», в которых машины Mercedes-Benz также повторяют девиз о возможности выбора быть среди лучших, быть избранным [16].

Рекламные тексты компаний в сфере красоты апеллирует не просто к канонам красоты, но к возможности быть свободным, чувствовать и проявлять свою уникальность, быть собой: «The freedom to go beyond», «The Voices of Tomorrow», «Monica Vinader celebrates real women, making them feel individual and confident every day», «This Counts», «Embrace your 25 a day».

В целом в большинстве рекламных слоганов товаров категории «люкс» редко присутствует слово «*luxury*», наоборот, в большинстве кампаний используются лексемы, которые передают атрибутику роскоши, лишь намекая на нее: «Defining the future of fashion», «Provocative, poetic, and beautiful» от британского производителя дорогой одежды Alexander McQueen, «The art of couture» бренд Valentino, «Bold, glamorous, and iconic» - Versace, «Crafting dreams since 1837» слоган компании Hermes.

Среди прочих слоганом можно отметить: Live an *iconic* life, Live with *excellence*, Here is your home-*sweet-home*, Change is in the air, Come home with *peace*, Live with a view, Suite dreams and *happy* night, Live A complete modern life, Your quality of life starts here, Your *ultimate comfort*, An *immense experience* like *never before*, Fashion *comes from the soul*, A piece of cloth that never sleeps, We create for you, Be *innovative* every day, To stay *classy*, be calm, Live like everyday *classy*, A style for your everyday story, Wear what you want to wear, Be a *fashionista* every day, Believe in yourself and nothing else, *Embrace a life* of *exquisite taste* and *effortless elegance*, Step into a world of *unparalleled refinement*, Crafting *extraordinary* moments, one lavish experience at a time, Exquisite craftsmanship meets unparalleled elegance, Luxury reimagined for the modern connoisseur, Where luxury becomes a statement of *unrivaled prestige*, Immerse yourself in a world of unparalleled refinement, *Unleash*

opulence and embrace the extraordinary, где высвечиваются основные стереотипы роскошного образа жизни – спокойствие, уверенность в завтрашнем дне, элегантность и статусность, престиж и комфорт, которые тебя окружают.

Для восточной рекламы характерны сочетания культурных компонентов, базирующихся на духовных ценностях, таких как гармония, внутренний мир, стремление к совершенству, отсылке к истории страны, эстетика, которая проявляется в минимализме. Так, даже рекламные кампании западных корпораций или реклама китайских производителей, ориентированных на внешний рынок в своих лозунгах, использует такие нарративы, как: «Harmony of tradition and modernity», т.е. гармония традиций и современности; «Eternal beauty in every detail», т.е. вечная красота в каждой детали, где виден отсыл к особому отношению к времени в восточной культуре.

因为有你，世界更美好。(Благодаря тебе, мир становится прекраснее) – слоган банка Postal Savings Bank of China, одного из крупнейших банков Китая, в котором показывается исключительность менталитета – особое отношение к гостю, почтение и уважение. Поскольку в Китае, пользование услугами финансовых учреждений, уже само по себе означает принадлежность к особой катего–рии, в данном слогане эксплуатируется семантическая связь, которая апеллирует к латентным желаниям и поддерживается лексемами с выраженной эмоциональной коннотацией, такими как **美好** (měihǎo) – прекрасный, **快**乐 (kuàilè) – радость, **温暖** (wēnnuǎn) – тёплый, **信任** (xìnrèn) – доверие, **期待** (qīdài) – ожидание, через которые формируется чувства комфорта, безопасности, что напрямую связано с пониманием роскоши.

Компания *Huawei в своих слоганах всегда апеллирует к таким категориям как мастерство, профессионализм, т.е. характеристикам успешных людей, живущих в динамичном мире, ориентированными на успех, а соответственно и доход. Так, слоган* **改**变世界，**从你我开始**。(Изменим мир, начиная с нас) *формируется посредством фреймовых элементов, репрезентирующих высокое качество смартфонов HUAWEI, где базовыми лексемами, составляющие ядро этого ассоциативного поля, выступают: **出**发 – отправляться, 发现 – открывать, **改**变 – менять, **追求** – стремиться, **成就** – достигать.*

匠心打造，智能未来。– «Создано с мастерством, для умного будущего», где компания *акцентирует внимание на качестве и уникальности рекламируемого продукта, через ассоциацию с такими характеристикам, как профессионализм (专业), высочайшее качество (**极致**), мастерство исполнения (**匠心**), оригинальность дизайна (**原创**) и технологичность (**智能**). При этом, в культурном контексте ярко выражена связь поколений и ориентирование на будущее, т.е. сейчас мы формируем наше будущее, в котором мы видим продолжение традиции.*

切皆有可能 («Всё возможно») – рекламный слоган компании Li-Ning производителя спортивной одежды и инвентаря, китайский аналог Nike, демонстрирует принципы и характеристики успешного человека: достижение целей, самореализация, преодоление границ. В контексте китайского рынка, где спортивная одежда и аксессуары все чаще воспринимаются как элементы статуса и принадлежности к определенному социальному кругу, т.е. слоган Li-Ning не просто рекламирует одежду, но и продвигает определенный образ жизни, ассоциирующийся с «роскошью самореализации».

Целеустремленность, как необходимое качество успешного человека, рассматривается не просто как путь, а как обязательное условие, при этом, в рекламе мужского костюма компании Cipai «**男人**, **就**应该对自己狠一点» (Мужчина должен быть немного жестоким по отношению к себе) говорится о самодисциплине и мужественности, силе воли и способности преодолевать трудности на пути к успеху. Для Китая, как и для любой другой восточной культуры, путь – является одним из компонентов культурного кода, ты живешь в мире постоянно совершенствуя себя и мир, который по своей сути приставляет собой движение, бесконечность. Слоган имплицитно предполагает, что ношение костюма Cipai способствует формированию и поддержанию статусного образа, мотивируя мужчину к постоянному саморазвитию, что в контексте данной культуры является атрибутом роскоши, т.е. идеального внутреннего мира и духовности.

Мир женственности в современной китайской рекламе во многом похож на мировые стандарты красоты, где во главе угла – красота, великолепие, роскошь, уникальность. **美不**设限 — «Красоте нет границ», **完美日**记 — «Идеальный день», где ориентиром женской привлекательности становится, освобождение от стандартов, возможность самовыражения и индивидуальной интерпретации красоты как новую форму роскоши, доступную каждой женщине.

Китайская стратегия маркетинга во многом основана на технике, к которой на востоке особое отношение. Так, совершенствуясь в изготовление нового поколения бытовой техники, автомобилей, китайцы обращаются к таким слоганам как **科技**，绿动未来 – «Технологии и зелёная энергия для будущего» (реклама китайского электромобиля BYD), где акценты смещаются в сторону не просто комфорта в моменте, а комфорта для всех, в том числе для общества и планеты, что в современном мировом обществе стало важным маркером социального статуса богатого человека, думающего о вечных ценностях, однако, всегда было элементом культуры и национального менталитета Китая.

А слоган компании Haier **真**诚到永远 — «Искренность – навсегда» в контексте китайской культуры, где доверие и долгосрочные отношения ценятся чрезвычайно высоко, косвенно указывает на надежность и долговечность продукции, где, роскошь представлена не через демонстративное потребление, а через надежность, качество и долговечность, что формирует у потребителя ощущение стабильности и комфорта.

Особый интересен представляет собой реклама спиртного напитка, в которой используются стихотворные строки из классической китайской поэзии «**借**问酒家何处有, **牧童遥指杏花村**» — «Спроси, где находится винная лавка, пастушок укажет в даль на деревню в цветах абрикоса», что демонстрирует обращение к культурному наследию, традициям и истории как инструменту создания образа бренда. В данном случае, РОСКОШЬ (**奢侈品**) представлена не только через качество самого продукта, но и через принадлежность к культурному коду, понимание которого является маркером определенного уровня образования и культурного капитала. Таким образом, потребление алкогольной продукции здесь позиционируется не просто как удовлетворение базовой потребности, а как акт культурного осмысления, приобщения к истории и традициям, что в современном Китае может рассматриваться как особая репрезентативная форма интеллектуальной роскоши.

Среди наиболее рекламируемых сегментов брендовой и люксовой категории на Западе и в Китае можно выделить следующие (рис. 1):

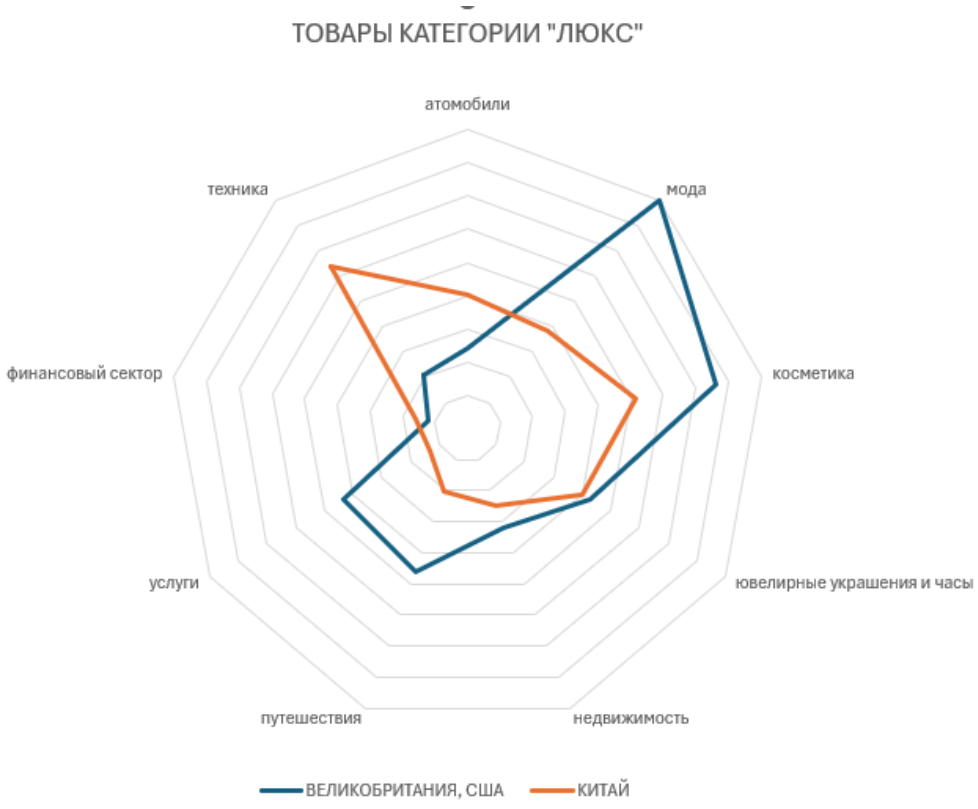


Рис. 1. Доминирующие сферы репрезентации концепта «роскошь» в европейском и восточном лингвокультурных пространствах.

Fig. 1. Dominant spheres of representation of the concept of “luxury” in European and Eastern linguocultural spaces.

Стоит отметить, что и в китайской, и в англоязычной рекламе товаров категории люкс понятие роскоши раскрывается через призму базовых лексем, связанных с этим концептом, и это связано с особенностями культурного кода, в котором заложено представление о роскоши на уровне национальных стереотипах (табл. 1).

Таблица 1

Кросс культурный анализ частотности употребления языковых единиц с семантическим компонентом «роскошь».

Table 1

Cross-cultural analysis of the frequency of use of linguistic units with the semantic component "luxury".

	Великобритания	США	Китай
эксклюзивность	++	+	
комфорт	+	++	+
цена		+	
культура	+		++
семья	+	++	++
элитарность	++	+	
экологичность	++	+	++
чувственность	+		++
благородство, аристократичность	++		+
традиции	++	+	++
удовольствие	++	++	+
престиж	+	++	

Из табл. 1 видно, какие из лексем концептуального поля «роскошь» преобладают в рекламных текстах каждой страны, что подтверждает гипотезу о важности понимания культурного кода, которых заложен в вербальных маркерах концепта «роскошь» в рекламах люксовых товаров. Так, для англоязычной аудитории важным фактором являются эксклюзивность продукта, его неповторимость и уникальность, что дарит ощущение своей личности, некоторой возвышенности и отстранённости от других.

Для рекламы Китая, независимо от предмета категории роскошь, покупка и владение брендовым вещами уходит на второй план, а главным становится внутреннее ощущение гармонии и связи с обществом, семьёй, бытом, культурой и историей.

Выводы

Таким образом, можно говорить о различиях в восприятии концепта «роскошь» через призму культурных ценностей и приоритетов. Китайская реклама, ориентированная на внутреннее содержание и духовность, обращаясь к традиционной символике, например, лотосу, символизирующий чистоту и гармонию, или же философские концепции, связанные с даосизмом и конфуцианством.

Западная реклама, в частности американская, фокусируется на внешних проявлениях богатого образа жизни, где важен демонстративный характер потребления и оценка покупки другими людьми. Для западной рекламы характерны бренды, которые требуют особой подачи и упоминаются в определённых каналах, где важна не только сама покупка, но и её оценка. Кроме того, западная реклама ориентирована на рациональность, где за престиж готовы платить, он превыше всего, а в китайской рекламе цена оговаривает как равнозначная чувству удовлетворения, комфорту, приносящему мир и спокойствие.

Исследование показало, что концепт «роскошь» имеет различную культурную маркировку в западной и восточной традициях, что отражается в рекламных текстах путем выбора лексических средств, показывающих ценностные ориентиры той или ино нации. Перспективы дальнейших исследования связаны с углубленным изучением прагматического потенциала рекламных текстов и их влияния на формирование потребительских предпочтений в разных культурных контекстах, а также расширением кросс-культурного анализа.

Список источников

1. Афиней. Пир мудрецов: в 15 кн. / под ред. Н.Т. Голинкевича и др. Москва: Наука, 2003-2010. С. 1 – 950. URL: https://royallib.com/read/afiney/pir_mudretsov.html#61440 (дата обращения: 17.06.2025)

2. Вишнякова Е.П. Лингвостилистические особенности англоязычных рекламных слоганов // Интерактивная наука. 2023. № 2 (78). С. 91 – 93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-angloyazychnyh-reklamnyh-sloganov (дата обращения: 17.05.2025)

3. Зинчак Е.В. Роскошь как объект исследования: разработка определения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 12 (60). С. 1 – 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/roskosh-kak-obekt-issledovaniya-razrabotka-opredeleniya (дата обращения: 17.05.2025)

4. Калинина И.М., Коваленко Е.В. Лингвистический аспект рекламного текста // Молодой ученый. 2015. № 10.5 (90.5). С. 42 – 43. URL: https://moluch.ru/archive/90/18109/ (дата обращения: 27.08.2025)

5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004. С. 1 – 477.

6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: Издательство АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 1 – 314.

7. Роттердамский Эразм, Себастьян Брант Похвала глупости; Корабль дураков: пер. с лат. П. Ардашева и др. Москва: Родина, 2022. С. 1 – 270.

8. Феокрит Мосх, Бион Идиллии и эпиграммы: пер. и коммент. М.Е. Грабарь-Пассек. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1958. 326 с.

9. Яковлева А.В. Американский образ жизни и американские ценности // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. 2009. № 4. С. 263 – 269.

10. Berry C.J. The idea of prestige: A conceptual and historical investigation. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 285 p.

11. Chevalier M., Mazzalovo G. Luxury Brand Management: A world of privilege. Singapore: John Wiley and Sons, 2008. 350 p.

12. Defining luxury // Dictionary.com. URL: https://www.dictionary.com/browse/luxury (дата обращения: 14.08.2025)

13. Luxury // Thesaurus.com. URL: https://www.thesaurus.com/browse/luxury (дата обращения: 14.09.2025)

14. Oxford Latin Dictionary / edited by P. G. W. Glare. Oxford: Oxford University Press, 2012. 2416 p. URL: https://www.oxfordscholarlyeditions.com/page/the-oxford-latin-dictionary (дата обращения: 11.08.2025)

15. Luxury // Oxford English Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/luxury (дата обращения: 02.06.2025)

16. Luxury Shopping, from the Other Side of the Register // The New Yorker. URL: https://www.newyorker.com/business/currency/luxury-shopping-from-the-other-side-of-the-register (дата обращения: 11.08.2025).

17. YellowBridge Chinese Language and Culture. URL: https://www.yellowbridge.com (дата обращения: 01.08.2025)

18. Hanbook Online Dictionary. URL: https://hanbook.com (дата обращения: 11.08.2025)

References

1. Athenaeus. The Feast of the Wise Men: in 15 books. Edited by N.T. Golinkevich et al. Moscow: Nauka, 2003-2010. P. 1 – 950. URL: https://royallib.com/read/afiney/pir_mudretsov.html#61440 (date of access: 17.06.2025)

2. Vishnyakova E.P. Linguistic and Stylistic Features of English-Language Advertising Slogans. Interactive Science. 2023. No. 2 (78). P. 91 – 93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskie-osobennosti-angloyazychnyh-reklamnyh-sloganov (date of access: 17.05.2025)

3. Zinchak E.V. Luxury as an Object of Research: Definition Development. Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal. 2013. No. 12 (60). P. 1 – 12. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/roskosh-kak-obekt-issledovaniya-razrabotka-opredeleniya (date of access: 17.05.2025)

4. Kalinina I.M., Kovalenko E.V. Linguistic Aspect of Advertising Text. Young Scientist. 2015. No. 10.5 (90.5). Pp. 42–43. URL: https://moluch.ru/archive/90/18109/ (date of access: 27.08.2025)

5. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2004. P. 1 – 477.

6. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics. Moscow: AST Publishing House: Vostok-Zapad, 2007. P. 1 – 314.

7. Erasmus of Rotterdam, Sebastian Brant. Praise of Folly; Ship of Fools: trans. from Latin by P. Ardasheva et al. Moscow: Rodina, 2022. P. 1 – 270.

8. Theocritus Moschus, Bion. Idylls and Epigrams: trans. and commentary. M.E. Grabar-Passek. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. 326 p.

9. Yakovleva A.V. American Way of Life and American Values. Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2009. No. 4. pp. 263–269.

10. Berry C.J. The Idea of Prestige: A Conceptual and Historical Investigation. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 285 p.

11. Chevalier M., Mazzalovo G. Luxury Brand Management: A World of Privilegedness. Singapore: John Wiley and Sons, 2008. 350 p.

12. Defining Luxury. Dictionary.com. URL: https://www.dictionary.com/browse/luxury (date of access: 14.08.2025)

13. Luxury. Thesaurus.com. URL: https://www.thesaurus.com/browse/luxury (date of access: 14.09.2025)

14. Oxford Latin Dictionary. edited by P.G.W. Glare. Oxford: Oxford University Press, 2012. 2416 p. URL: https://www.oxfordscholarlyeditions.com/page/the-oxford-latin-dictionary (date of access: 11.08.2025)

15. Luxury. Oxford English Dictionary. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/luxury (date of access: 02.06.2025)

16. Luxury Shopping, from the Other Side of the Register. The New Yorker. URL: https://www.newyorker.com/business/currency/luxury-shopping-from-the-other-side-of-the-register (date of access: 11.08.2025)

17. YellowBridge Chinese Language and Culture. URL: https://www.yellowbridge.com (date of access: 01.08.2025)

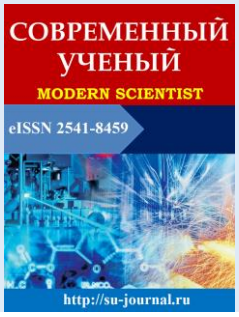
18. Hanbook Online Dictionary. URL: https://hanbook.com (date of access: 11.08.2025)

Информация об авторах

Литвяк О.В., кандидат филологических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, ole.litviak@yandex.ru

Скрипичникова Н.С., кандидат филологических наук, доцент, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, tashmif-1980@ya.ru

© Литвяк О.В., Скрипичникова Н.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81.432.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-166-173

Фразеологические средства объективации культурных ценностей в британском и американском вариантах английского языка

[1] Пьянова М.В., [2] Корнева Н.А., [3] Пристенская Н.В.

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
[2] Высшая школа зарубежной филологии и межкультурной коммуникации им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
[3] Белгородский государственный национально-исследовательский университет

Аннотация: явление языковой вариативности – одно из фундаментальных свойств языка, обеспечивающее его функции как средства общения, мышления, выражения и объективации проявлений окружающей действительности, в том числе на культурном уровне. Важными маркерами культурных ценностей, раскрывающими особенности мировосприятия, а также характерные черты материальной и духовной жизни народа, выступают фразеологические единицы. В данной статье исследуются лингвокультурные особенности фразеологических единиц в британском и американском вариантах английского языка, связанных с репрезентацией культурных ценнностей. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на единство языковой системы, британская и американская лингвокультуры демонстрируют существенные расхождения в ценностных ориентирах, которые находят непосредственное отражение во фразеологии. Хотя английский язык служит общим коммуникативным кодом для обоих социумов, культурно-исторический опыт, менталитет и социокультурные установки британцев и американцев формировались в разных условиях, что породило специфику в семантике и употреблении устойчивых выражений. Анализ этих различий позволяет: а) выявить культурно маркированные компоненты значений фразеологизмов; б) проследить, как в устойчивых выражениях объективируются национально специфические представления о мире; в) продемонстрировать, каким образом фразеология фиксирует расхождения в ценностных системах двух англоязычных сообществ. Результаты исследования показали, что британские и американские фразеологизмы объективно отражают расхождения в культурных ценностях двух социумов: в британском варианте доминируют установки на приватность и сдержанность, тогда как в американском – на труд и индивидуализм.
Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, фразеологическая картина мира, концепт, национальный менталитет, фразеологические единицы, культурные ценности

Для цитирования: Пьянова М.В., Корнева Н.А., Пристенская Н.В. Фразеологические средства объективации культурных ценностей в британском и американском вариантах английского языка // Современный ученый. 2026. № 11. С. 166 – 173. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-166-173

Поступила в редакцию: 17 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Phraseological means of objectification cultural values in the British and American versions of the English language

[1] Pyanova M.V., [2] Korneva N.A., [3] Pristenkaya N.V.

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
[2] I.A. Baudouin de Courtenay Higher School of Russian Language and Intercultural Communication,
Institute of Philology and Intercultural Communication,
Kazan (Volga Region) Federal University,
[3] Belgorod State National Research University

Abstract: the phenomenon of linguistic variability is one of the fundamental properties of language, ensuring its functions as a means of communication, thinking, expression and objectification of manifestations of the surrounding reality, including at the cultural level. Phraseological units are important markers of cultural values that reveal the peculiarities of world perception, as well as the characteristic features of the material and spiritual life of the people. This article examines the linguistic and cultural features of phraseological units in the British and American versions of English related to the representation of cultural values. The relevance of the study is due to the fact that, despite the unity of the language system, the British and American linguistic cultures demonstrate significant differences in value orientations, which are directly reflected in phraseology. Although English serves as a common communicative code for both societies, the cultural and historical experience, mentality and sociocultural attitudes of the British and Americans were formed in different conditions, which gave rise to specifics in the semantics and use of stable expressions. Analyzing these differences allows you to: a) to identify culturally marked components of the meanings of phraseological units; b) to trace how nationally specific ideas about the world are objectified in stable expressions; c) to demonstrate how phraseology captures discrepancies in the value systems of two English-speaking communities. The results of the study showed that British and American phraseological units objectively reflect differences in the cultural values of the two societies: the British version is dominated by attitudes towards privacy and restraint, while the American version is dominated by work and individualism.
Keywords: worldview, linguistic worldview, phraseological worldview, concept, national mentality, phraseological units, cultural values

For citation: Pyanova M.V., Korneva N.A., Pristenkaya N.V. Phraseological means of objectification cultural values in the British and American versions of the English language. Modern Scientist. 2026. 11. P. 166 – 173. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-166-173

The article was submitted: June 17, 2026; Approved after reviewing: July 15, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Проблема взаимоотношения языка и культуры обсуждается в лингвистике уже два столетия. Начиная с эпохи В. Гумбольдта, язык воспринимается не только как средство общения, но и как компонент культуры, культурно-историческая реалия, оказавшая огромное влияние на духовное развитие человечества. В настоящее время ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что язык и культура зависят друг от друга и находятся друг с другом в постоянном взаимодействии, хотя и остаются при этом автономными знаковыми системами [3]. С точки зрения В.А. Масловой, язык выражает специфические черты национальной ментальности, а поскольку культура тоже входит в структуру последней, то она непосредственно связана с языком [3]. По мысли даннного исследователя, язык – это продукт культуры, ее существенный компонент и необходимое условие существования. Но язык – это еще и фактор, формирующий культурные коды [3, с. 7].

Культурный код как универсальное психолингвистическое явление неизменно сопровождает процесс вторичной номинации: человек, носитель культуры, интуитивно соотносит воспринимаемый объект реальности с определенной областью знаковой системы, заданной самой культурой. В.В. Красных образно описывает механизм действия культурного кода в языке следующим образом. Культурный код – это своеобразная «сетка». Человеческое сознание, будучи средоточием родной культуры, «набрасывает» эту сетку на окружающий мир. В результате происходит членение мира, его категоризация, структурирование и оценка [6, с. 232].

Итак, язык и культура – это не две грани этнокультурной самобытности, а единое целое, формирующее неповторимый облик этноса, зафиксированный в картине мира.

Картина мира является одной из форм мировоззренческого отражения объективной реальности в национальном сознании и предполагает формирование обобщенного образа социокультурной среды в процессе длительной духовно-практической деятельности людей [12, с. 108]. Картина мира – это специфический способ восприятия реальности носителями языка, исторически сложившийся когнитивный конструкт, формируемый на протяжении многовекового культурного опыта поколений не только культурой, но и языком, превращающим разрозненные впечатления, существующие в сознании нации, в системную модель реальности [11]. Таким образом, язык и культура конституируют единую картину мира: язык кодирует культурные смыслы, а культура задает семантические рамки языковых единиц.

Картина мира, формируемая культурой и зафиксированная в языке, стала именоваться языковой картиной мира, благодаря немецкому лингвисту Л. Вайсгерберу, считавшего что в языке конкретного сообщества живет духовное содержание культуры, которое есть сокровище знаний. Его «по праву называют картиной мира конкретного языка» [2].

Современные исследователи языковой картиной мира (ЯКМ) называют отраженный средствами языка образ сознания-реальности, модель интегрального знания о концептуальной системе представлений, репрезентированных языком. Языковую картину мира отграничивают от концептуальной или когнитивной модели мира, являющейся основой языкового воплощения, словесной концептуализации совокупности знаний человека о мире. Сущность языковой картины мира антропоцентрическая, она передает не только образ мира сам по себе, но и фиксирует правила ориентации человека в мире, формирует стереотипы восприятия и выступает «ментальным зеркалом» национально-культурных ценностей [5, с. 37].

Национально-культурные ценности, являющиеся неотъемлемой частью глубинной структуры языковой картины мира, находят свое яркое отражение не только в лексических, но и во фразеологических единицах, которые являются «языковыми универсалиями», благодаря заложенному в их структуру образу «коллективного сознания» лингвокультурного сообщества. Фразеологическая картина мира (ФКМ) также является носителем и транслятором культурной специфики этноса, поскольку в устойчивых, образных выражениях – даже в большей степени, чем в лексических единицах, – отражается опыт народа, его мировоззрение и ценностные ориентиры [4].

Очень часто фразеологию рассматривают как языковую универсалию, свойственную каждому языку в его целостности. Однако, углубляясь в суть фразеологической картины мира, мы видим, что эта целостность относительна. Так, в рамках одного языка, несмотря на общность его лексической и грамматической основы, в сознании народов-носителей могут формироваться разные картины мира, что обусловлено историческими, социальными и географическими факторами. Такая особенность неизбежно приводят и к неидентичности их фразеологических фондов. Тому пример – британская и американская разновидности английского языка, которые хоть и представляют собой две ветви единого целого, демонстрируют явные различия в своих фразеологических системах. Эти различия не только отражают эволюцию самого языка в его национальной форме, но и служат свидетельством формирования уникальных картин мира, так непохожих друг на друга в силу сложившейся у двух народов системы ценностей.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составили 50 британских и американских фразеологических единиц, выделенных из «Большого англо-русский фразеологического словаря» А.В. Кунина

В основе исследования лежат следующие научные методы: метод компонентного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, описательный метод, статистический метод.

Результаты и обсуждения

Переходя от теоретических основ к практическому анализу, мы обратимся к тому, как фразеологическая картина мира отражает культурные ценности носителей британского и американского вариантов английского языка. Как было установлено, несмотря на языковое единство, эти варианты характеризуются различными моделями мира, что находит прямое отражение в их фразеологических фондах. Далее мы проанализируем, как ключевые культурные концепты британцев и американцев объективируются в устойчивых выражениях.

Национальный характер и менталитет нации тесно связаны с ее историческим путем, социальными условиями и географическим положением. Эти факторы формируют систему ценностей, которая, в свою очередь, находит воплощение в языке, и особенно – во фразеологии. Проведенный анализ показал, что для

британской ФКМ характерно тяготение к таким концептам, как ПРИВАТНОСТЬ и СДЕРЖАННОСТЬ, в то время как американская ФКМ в значительной степени отражает понятия РАБОТА, ИНДИВИДУАЛИЗМ и СОРЕВНОВАТЕЛЬНОСТЬ. Теперь рассмотрим национальные особенности данных концептов в контексте фразеологической картины мира.

Британская фразеологическая картина мира на концептуальном уровне

Концепт ПРИВАТНОСТЬ является одним из основополагающих концептов в британской лингвокультуре. Его значимость уходит корнями в исторические особенности формирования общества, традиции личной автономии и уважения к личному пространству. Это не просто желание уединиться, но и глубокое убеждение в ценности личной сферы, неприкосновенности частной жизни и независимости от излишнего вмешательства окружающих [10]. В британском менталитете ценность приватности часто связана со сдержанностью и некоторой дистанцией в общении, что отличает его от более открытого и прямолинейного стиля, свойственного, например, американцам.

В английском языке ПРИВАТНОСТЬ как ценность ярко объективируется через широкий спектр фразеологических единиц, отражающих как саму идею личного пространства, так и способы его поддержания или защиты. При этом большинство фразеологизмов дают оценку действий, связанных с соблюдением или нарушением «законов» приватности так, ФЕ *air one's dirty linen in public* (рус. эквивалент «выносить сор из избы»), прямо осуждают нарушение личной сферы на публике. Фразеологизмы, описывающие вторжение в личное пространство или распространение конфиденциальной информации, часто несут негативную оценку: *get fresh with somebody* («вести себя развязно»), *hit one where it lives* («задеть за живое»), *have a big mouth* («сболтнуть лишнее) [7].

Анализ оценочных характеристик, связанных с приватностью, показывает, что негативную коннотацию приобретают действия, направленные на: 1) незаконное получение личной информации: *worm oneself into somebody's confidence* («втираться в доверие»), *have itching ears* («быть любопытным»), *force somebody's hand* («вынуждать раскрыть секреты»); 2) нарушение личных границ и пространства: *crash a party* («явиться без приглашения»), *a cuckoo in the nest* («незваный гость»); 3) распространение конфиденциальной или негативной информации: *stab somebody in the back* («предать»), *cast dirt at somebody* («обливать грязью»), *talk scandal* («распускать сплетни»), *foul one's own nest* («разглашать тайны»); 4) навязчивое наблюдение и нежелательное присутствие, т.е. слежку: *watch somebody like a hawk* («следить неотступно»), *cling like a limpet to somebody* («липнуть, приставать»), *breathe down somebody's neck* («стоять над душой»); 5) вмешательство в личные дела: *poke one's nose into somebody's affairs* («совать нос в чужие дела»), *poach on somebody's preserves* («посягать на чужую территорию»). 6) навязывание чего-либо кому-нибудь (услуги, мнения, знакомства и т.п.): *scrape acquaintance with somebody* («набиваться в знакомые»), *cram something down somebody's throat* («навязывать мнение»); 7) нарушение норм и приличий: *as independent as a hog on ice* («нахал, развязный человек»), *go beyond all bounds* («выходить из границ»); 8) высокомерие и заносчивость: *have one's nose in the air* («быть высокомерным»); 9) контроль и подчинение: *get somebody by the short hairs* («держать в руках»), *trample underfoot* («помыкать кем-либо») [7].

В то же время, британская фразеология положительно оценивает характеристики, способствующие сохранению приватности и поддержанию границ личного пространства. Британцы ценят: 1) невмешательство в чужие дела: *keep one's nose out of something* («не вмешиваться»), *go about one's own business* («заниматься своим делом»); 2) сохранение собственной приватности: *be a master in one's own house* («быть хозяином в своем доме»); 3) соблюдение приличий и норм вежливости: *keep on the rails* («соблюдать приличия»), *mind one's p's and q's* («держаться приличий») [7].

Большая часть фразеологических единиц, входящих в концепт ПРИВАТНОСТЬ обладают образностью, т.е. в их внутренней структуре заложен метафорический перенос. При этом значимыми компонентами данных ФЕ могут быть: а) названия животных (свинья как образец нахальства или глупости: *as independent as a hog on ice, stare like a stuck pig;* кукушка как символ постороннего, чужого человека, незваного гостя: *cuckoo in the nest);* б) названия предметов (так, компонент *door* в выражениях *close the door on somebody* и *darken somebody's door является символом* границы «своего» и «чужого»); в) названия действий (например, в единице *not to breathe a word* происходит переосмысление действия, выражаемого глаголом *breathe* за счет создания ассоциации «выболтать что-то вместе с дыханием») [7].

Таким образом, в основе большинства фразеологизмов, представляющих концепт приватности, лежит метафора. Эта метафоричность придает фразеологизмам образность и экспрессивность, а их связь с конкретными образами и ситуациями делает их эффективным средством объективации культурных ценностей.

В британской лингвокультуре, где эмоциональная сдержанность и самоконтроль являются высоко ценимыми качествами, проявление эмоций на коммуникативном уровне регулируется строгими нормами. Как

отмечает Т.В. Ларина, эмоции в английской культуре «в большей степени фокусируют свое внимание на чувствах других» [8, с. 123]. Иными словами, поведение, ориентированное на выражение личного внутреннего состояния без учета общего настроения или чувств окружающих, расценивается как нарушение этических норм.

Этот принцип находит отражение во фразеологическом фонде английского языка, где концепт СДЕРЖАННОСТЬ объективируется через фразеологизмы, подчеркивающие важность соблюдения приличий и контроля над поведением, включая эмоциональное: *to keep up appearance* («соблюдать приличия, держать марку»); *to do the civil* («вести себя вежливо, сдержанно»); *to carry it off well* («не подать виду») и др. [7].

Потеря самообладания и переход границ у британцев считаются неэтичным поведением, что отражено во фразеологизмах *to go over the line* и *to be beyond the pale,* означающих «перейти границы дозволенного, выходить за рамки приличий» [7].

К ценностной категории британцы относят скромность, которая считается проявлением сдержанности [10]. Во фразеологии это качество человека представлено через сдержанную оценку собственной личности и отказ от излишней демонстрации эмоциональных переживаний. Например, *to keep in the background* («оставаться в тени»), *to pass into the background* («отойти на задний план») и т.д. [7].

Несдержанность речевого поведения и излишняя эмоциональность жителями британских островов не приветствуются. Поэтому фразеологизмы *to blow one's own horn* («бахвалиться») и *to wear one's heart upon one's sleeve* («выставлять свои чувства напоказ, не отличаться сдержанностью») имеют отрицательную коннотацию [7].

Таким образом, система морально-этических представлений в британском национальном сознании в значительной степени ориентирована на оценку внешней модели поведения человека, представленной концептом СДЕРЖАННОСТЬ. Открытое проявление эмоций, равно как и хвастовство или излишняя экспрессивность, воспринимаются как социальные девиации, требующие коррекции через поддержание самоконтроля и соблюдение принятых норм.

Американская фразеологическая картина мира на концептуальном уровне

Американцев как нацию отличает активный, деятельностный подход к окружающему миру, где человек выступает как субъект, способный своими действиями, изменить, любую ситуацию [1]. В первую очередь, эта ценность а реализуется во фразеологических единицах, входящих в концепт РАБОТА/ТРУД.

В основе американского отношения к труду лежит протестантская этика: упорный труд до изнеможения и самодисциплина рассматриваются как путь к материальному успеху [1]. Кстати, в британской лингвокультуре работа также является ценностью, но труд не должен быть изнуряющим, а должен приносить радость (поэтому англичане так любят работать в саду) [10]. В сознании американцев труд ассоциируется прежде всего, с финансовым благополучием и получением определенного статуса в обществе [1]. Поэтому фразеологизмы одобряют такие качества, как 1) выносливость и трудолюбие: *all day horse,* («работать как лошадь») [в британском варианте есть аналог данной ФЕ – *work like a horse,* но он, скорее образный, чем отражает реальность, поскольку британцы не будут, как американцы, работать «до седьмого пота»]; *sit up (at) nights* («трудиться ночами»); *hit the ball* («тяжело и долго работать»; 2) предприимчивость: *get up early (*«быть начеку, начинать день рано») [в данном случае обыгрывается традиционное представление об активном, энергичном человеке, который встает рано утром и многое успевает сделать за день]; 3) энергичность и активность: *make the fur fly («*действовать стремительно»); *as busy as a beaver* («работать как бобер») [7].

Ценность активной деятельности и трудолюбия утверждается и через осуждение противоположных им характеристик – таких как а) праздность и лень, откладывание дел на завтра: *spring fever* («ленивая лихорадка») [так говорят о ленивых людях, называя лень болезнью»]*; land / kingdom of manana* («страна по имени "завтра"); б) уклонение от своих обязанностей: *saw wood* («заниматься собственными делами») *coffee cooler* (так называют того, кто не работает, а ведет праздный образ жизни); в) пустые разговоры вместо действий: *all talk and no cider* «много слов, мало дела») ;*paper city* – «город, существующий только на бумаге»; г) пустые мечты, далекие от реальной жизни: *rainbow chaser (*«мечтатель; тот, который хочет реализовать невозможные или непрактичные проекты) и др. [7].

Итак, концепт РАБОТА/ТРУД в американской лингвокультуре отражает:

- культ трудолюбия (упорный труд как моральный долг);
- прагматизм (ценность результата, а не процесса);
- отказ от пустых слов в пользу действий.

Во фразеологических единицах, семантически связанных с концептом РАБОТА/ТРУД, В КАЧЕСТВЕ

национального идеала американцев представлен человек, который через труд и стойкость преодолевает препятствия, добивается успеха и сохраняет достоинство [1].

Члены американского общества движимы собственными интересами и интересами ближайших членов семьи, каждый имеет право на собственный выбор, не зависящий от мнения социальной группы, к которой человек принадлежит [1]. Поэтому большую значимость в американской лингвокультуре имеет концепт ИНДИВИДУАЛИЗМ. Индивидуализм предполагает уверенность человека в собственных силах и опору только на себя в трудной ситуации, а также личную ответственность за свои поступки.

Концепт ИНДИВИДУАЛИЗМ представлен во фразеологическом фонде американского варианта английского языка в таких аспектах, как 1) личная ответственность, необходимость самому выполнять самые неприятные обязанности: *on one's own hook* («на свой страх и риск»); *skin one's own skunks* («делать всю грязную работу»); 2) опора на собственные силы, уверенность в себе, стремление идти своим путем: *hoe one's own row, hold one's own in an encounter (*«полагаться только на себя, на свои силы»); 3) отстаивание своей точки зрения и смелость высказать свое мнение независимо от обстоятельств: *talk straight (*«говорить правду»), *speak one's piece* («говорить искренне»); *speak out in meeting* («отстаивать свою точку зрения, несмотря ни на что»); 4) значимость личных достижений, успеха, завоеванного без посторонней помощи: *go it alone* («справиться самому»), *do from the shoulder* («не опираться на чье-либо плечо») и др. [7].

Следует отметить еще ряд фразеологизмов данной группы, репрезентирующих другую американскую ценность – кооперацию, работу в команде над совместным проектом, где каждый вносит свой вклад в общее дело: *work in harness (*«работать в одной упряжке»); *hitch teams together (*«объединив усилия, стать партнерами») [7].

Исходя из анализа концепта ИНДИВИДУАЛИЗМ, представленного в американской фразеологии, можно констатировать, что устойчивые выражения в американском варианте английского языка фиксируют двойственность американского индивидуализма:

- позитивный аспект: самостоятельность, ответственность, свобода выбора, вера в собственные силы;
- негативный аспект: риск эгоизма, изоляции, переоценки возможностей.

При этом концепт не отрицает кооперации – он подчеркивает, что сотрудничество должно быть добровольным, а не навязанным. В итоге фразеологизмы кодируют национальный идеал человека, который сам строит свою судьбу, но при необходимости умеет работать в команде.

Выводы

В данном исследовании был проведен лингвокультурный анализ фразеологических единиц английского языка в его британском и американском вариантах, отражающих культурные ценности двух народов — англичан и американцев. Было установлено, что фразеологические единицы обоих вариантов английского языка связаны с мировидением наций, которое сложилось в результате исторического развития, в связи с чем можно сказать, что исследуемая часть фразеологического фонда обладает национально-культурной спецификой. На если британские фразеологизмы имеют долгий путь исторического развития, то фразеологизмы-американизмы представляют небольшой период истории – с XVII по XX вв., что отразилось на репрезентации культурных ценностей.

За основу нашего исследования мы взяли ФЕ, передающие национальную специфику, с одной стороны, за счет лингвострановедческой информации, а с другой стороны – за счет содержащейся в них аксиологической информации, закрепленной в значении и внутренней форме.

Результаты исследования показали, что основные ценностные установки британской и американской культуры, отраженные во фразеологических единицах, совпадают с набором ценностей, выделенных в трудах исследователей, занимающихся проблемами менталитета и национального характера жителей Англии и США.

Анализ фразеологического материала британского варианта английского языка позволил выделить два основных концепта, репрезентирующих ценности британского общества – ПРИВАТНОСТЬ и СДЕРЖАННОСТЬ. При этом количество ФЕ, отражающих семантику приватности, превалирует – 37 единиц. Концепт СДЕРЖАННОСТЬ представлен в 12-ти единицах.

Анализ фразеологического фонда американского варианта английского языка показал, что в американском обществе превалируют концепты РАБОТА/ТРУД и ИНДИВИДУАЛИЗМ. Их количество примерно одинаково: концепт РАБОТА/ТРУД представлен 19-ю фразеологизмами, а концепт ИНДИВИДУАЛИЗМ – 22-мя устойчивыми выражениями.

Представленная в статье концептуальная дифференциация является следствием различий британского и американского менталитетов. Так, если американцы отдают предпочтение труду как средству материальной

стабильности и обеспечения, то у англичан труд – это, прежде всего, способ избавиться от лени. Поэтому данный концепт, хотя и существует в британской лингвокультуре не является значимым. Для англичан более важной является частная жизнь, поэтому в британской лингвокультуре одними из ведущих является концепт ПРИВАТНОСТЬ.

Еще одно различие между британским и американским этносом состоит в дифференциации эмоциональных состояний. Британцы – нация, не любящая, в противовес американцам, эмоций. Поэтому в британском варианте английского языка определенную нишу занимает концепт СДЕРЖАННОСТЬ. Практически все фразеологизмы британского варианта английского языка, хотя и обладают образностью, но их семантика направлена на подавление «активных всплесков души», их содержание отражает рациональность и практичность англичан как этноса. Менталитет британцев (как правило, англичан) отличается консерватизмом, что также отражается в семантике фразеологических единиц.

Фразеологизмы американского варианта английского языка отражают деятельный, активный характер американцев, они репрезентируют желание побороть все трудности и, главное, работать в поте лица своего – причем не только на себя лично, но и на общество. Американская культура – это максимальная реализация своих возможностей, которые, вместе с упорством, создают портрет американской нации.

Список источников

1. Англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа» / Под ред. Г.В. Чернова. Смоленск: Полиграмма, 1996. 1185 с.

2. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М.: URSS, 2004. 229 с.

3. Афанасьева О.В., Баранова К.М., Барышников Н.В. и др. Взаимодействие языков и культур: от диалога к полилогу. М.: ООО «Издательский Дом ВКН», 2021. 328 с.

4. Власенко М.В. Национально-культурная специфика фразеологизмов // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2022. Т. 27 (66). № 2. С. 34 – 38.

5. Иванова О.В. Языковая картина мира как отражение языкового сознания личности // Научные записки национального университета «Острожская Академия». 2020. № 4. С. 36 – 39.

6. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

7. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Просвещение, 2021. 1210 с.

8. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

9. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Юрайт, 2025. 208 с.

10. Павловская А.В. 5 O'Clock и другие традиции Англии. М.: Родина, 2022. 368с.

11. Саевич И.Г. Картина мира и модель мира в лингвистических исследованиях // Язык и культура: научный журнал. 2021. № 54. С. 39 – 45.

12. Хлистун О.С. Языковая картина мира: рефлексивный опыт // Культура и современность. 2024. № 2. С. 106 – 111.

References

1. The English-Russian Dictionary of Linguistics and Cultural Studies "Americana". Ed. G.V. Chernov. Smolensk: Poligramma, 1996. 1185 p.

2. Weisgerber L. Native Language and the Formation of the Spirit. Moscow: URSS, 2004. 229 p.

3. Afanasyeva O.V., Baranova K.M., Baryshnikov N.V., et al. Interaction of Languages and Cultures: From Dialogue to Polylogue. Moscow: OOO "Izdatelskiy Dom VKN", 2021. 328 p.

4. Vlasenko M.V. National and Cultural Specificity of Phraseologisms. Scientific Notes of the Tavrichesky National University named after V.I. Vernadsky, Series "Philology. Social Communications". 2022. Vol. 27 (66). № 2. P. 34 – 38.

5. Ivanova O.V. The Linguistic Picture of the World as a Reflection of an Individual's Linguistic Consciousness. Nauchnye zapiski natsional'noi Universiteta "Ostroh Academy." 2020. № 4. P. 36 – 39.

6. Krasnykh V.V. Ethnopsycholinguistics and Linguistics: A Course of Lectures. Moscow: Gnosis, 2002. 284 p.

7. Kunin A.V. Comprehensive English-Russian Phraseological Dictionary. Moscow: Prosveshchenie, 2021. 1210 p.

8. Larina T.V. The Category of Politeness and Communication Style: A Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions. Moscow: Manuscript Monuments of Ancient Rus, 2009. 512 p.

9. Maslova V.A. Linguistics. Moscow: Yurait, 2025. 208 p.

10. Pavlovskaya A.V. 5 O'Clock and Other Traditions of England. Moscow: Rodina, 2022. 368 p.
11. Saevich I.G. Picture of the World and Model of the World in Linguistic Research. Language and Culture: Scientific Journal. 2021. No. 54. P 39 – 45.
12. Khlistun O.S. Linguistic Picture of the World: Reflexive Experience. Culture and Modernity. 2024. No. 2. P. 106 – 111.

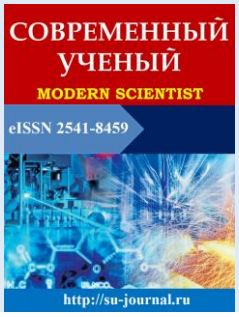
Информация об авторах

Пьянова М.В., кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1, pyanova@ranepa.ru

Корнева Н.А., Высшая школа зарубежной филологии и межкультурной коммуникации им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет, natellllla@mail.ru

Пристенская Н.В., старший преподаватель, Белгородский государственный национально-исследовательский университет, nadinesorokina8484@gmail.com

© Пьянова М.В., Корнева Н.А., Пристенская Н.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070.44:81'42:087.5
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-174-180

Выражение оптимистической эмотивности в молодёжных медиатекстах

[1] Сидорова Л.И.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья посвящена изучению функций категории эмотивности в медиатекстах молодёжных каналов мессенджера MAX. Материалом исследования послужили публикации четырёх каналов – «Росмолодёжь», «ВЕДЫ», «Разгон» и «Другое Дело». Интердисциплинарный подход, объединяющий инструментарий медиалингвистики, эмотиологии, социологии и психологии, позволил установить, что доминантным компонентом эмотивности исследуемых медиатекстов является оптимизм. Авторы интегрируют в тексты юмористический компонент, таким образом выражая оптимистическую эмотивность, с целью сократить коммуникативную дистанцию между автором и аудиторией, перевести коммуникацию в формат диалога и сформировать проактивную мотивационную установку у молодых читателей, спортсменов, а также помочь создать более инклюзивное и справедливое общество.
Ключевые слова: эмотивность, молодёжный медиадискурс, оптимистическая эмотивность, юмор; мессенджер MAX

Для цитирования: Сидорова Л.И. Выражение оптимистической эмотивности в молодёжных медиатекстах // Современный ученый. 2026. № 11. С. 174 – 180. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-174-180

Поступила в редакцию: 18 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Expression of optimistic emotivity in youth media texts

[1] Sidorova L.I.

[1] St Petersburg State University

Abstract: the article is devoted to examining the functions of the emotivity category in media texts published on MAX messenger platform by channels aimed at a young audience. The research material consisted of posts from four channels: Rossmolodezh, VEDY, Razgon, and Drugoye Delo. An interdisciplinary approach combining the tools of media linguistics, emotiology, sociology, and psychology made it possible to establish that the dominant component of emotivity in the media texts under study is optimism. The authors integrate a humorous component into their texts, thereby expressing optimistic emotionality, with the aim of reducing the communicative distance between the author and the audience, shifting communication into a dialogue format, and fostering a proactive motivational mindset among young readers and athletes, as well as helping to create a more inclusive and equitable society.
Keywords: adaptive sport, public perception, recognition, support, athlete, limited motor capabilities, television

For citation: Sidorova L.I. Expression of optimistic emotivity in youth media texts. Modern Scientist. 2026. 11. P. 174 – 180. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-174-180

The article was submitted: June 18, 2026; Approved after reviewing: July 16, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Эмоции в языке оживают и приобретают особое значение, становятся неотъемлемым компонентом коммуникации: инструментом самовыражения, отражения действительности, вербализации собственного отношения к происходящему и воздействия на собеседника – это относится как к межличностной коммуникации в формате живого общения, так и к коммуникации внутри СМИ, изучением которой занимается медиалингвистика.

С переходом коммуникации в медийную среду и её цифровизацией эмоции всё чаще становятся предметом праксиологического анализа: речевое поведение коммуникантов рассматривают не только как набор языковых средств, но и как совокупность коммуникативных шагов, речевых действий и коммуникативно-речевых блоков [6, с. 10]. При таком подходе на первый план выходит вопрос о том, как выбор языковых средств подстраивается под условия медиасреды – так, чтобы высказывание сохраняло и точность, и адресность. В основе медиалингвистического анализа лежит проблема адаптации языка к меняющимся условиям коммуникации [5, с. 393; 7, с. 54; 8, с. 300-301], и именно поэтому изучение эмотивности сегодня особенно востребовано.

Перенос межличностного и институционального общения в онлайн-пространство заметно изменило и сами способы выражения эмоций. Поскольку в переписке в мессенджерах и соцсетях невербальные средства недоступны, авторам приходится компенсировать их отсутствие иначе – с помощью эмодзи, мемов, игры со шрифтом, намеренных отступлений от нормы. Интернет-коммуникация выработала собственный эмотивный код, не совпадающий с кодами устной речи и традиционной письменности – в частности, эмотивность здесь реализуется через гибридные жанры [4, с. 117], совмещающие черты разговорного и письменного дискурса. В молодёжном интернет-дискурсе ключевую роль среди эмотивных средств играет юмор: юмористические жанры – от мема до иронического заголовка – функционируют не только как инструмент развлечения, но и как маркер групповой идентичности и стратегия коммуникативного сближения [11, с. 163]. Таким образом, анализ эмотивности в молодёжных медиатекстах предполагает не только изучение собственно лингвистических характеристик эмотивов, но и анализ платформенных условий их функционирования. Цель данного исследования – определить, какую функцию выполняет эмотивность в текстах, ориентированных на молодёжную аудиторию.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили публикации в каналах мессенджера MAX, ориентированных на молодёжную аудиторию, – «Росмолодёжь», «ВЕДЫ», «Другое Дело», «Разгон». Выбор мессенджера обусловлен его возрастающей популярностью среди молодёжи. На платформе создаются новые каналы, которые не представлены в других социальных сетях или мессенджерах, а также в MAX регистрируются сообщества, которые уже существуют на других платформах. Выбор самих каналов обоснован тем, что они ориентированы на молодых людей одного возраста – примерно 18-25 лет; кроме того, перечисленные каналы являются официальными аккаунтами институциональных организаций, что обеспечивает стандартизированный формат контента и возможность анализа стратегии коммуникации. Публикации были отобраны методом сплошной выборки с момента создания каналов.

Оптимизм рассматривается как комплексное эмоциональное состояние, объединяющее позитивный взгляд на настоящее и будущее, веру в собственные усилия и готовность предпринимать шаги для достижения целей и реализации карьерных амбиций. Исследования социологов показывают, что молодым людям свойственно смотреть на мир через призму оптимизма, который является отличительной чертой молодости [10, с. 22]. Оптимизм не просто упрощает процесс переживания каких-либо негативных факторов, событий и потрясений, он позволяет не зацикливаться на неудачах и негативных событиях [3, с. 102-103], поэтому оптимистичный молодой человек сдвигает фокус внимания с неудач на благоприятные события и успехи, а это способствует повышению самооценки, увеличивает академическую успеваемость [2, с. 13-14] и воспитывает готовность ставить перед собой более трудные и комплексные задачи [12, с. 2-3]. Совокупность перечисленных свойств оптимизма – позитивного взгляда на настоящее и будущее, веры в собственные силы и готовности действовать – не только облегчает преодоление трудностей, но и формирует у молодёжи проактивную установку на развитие.

Результаты и обсуждения

Анализ показывает, что внедрение юмористического компонента является частью реализации оптимистической стратегии. Юмор как составляющая оптимизма актуализирует положительные переживания и трансформирует восприятие событий в более благоприятном ключе [1, с. 69-86], что обусловливает его коммуникативную ценность для молодёжной аудитории, находящейся в ситуации профессиональной и личностной неопределённости. В каналах «Росмолодёжь», «Разгон» и «Другое Дело», которые ориентированы на продвижение образовательных программ и мероприятий, юмористический компонент необходим для снижения тревожности аудитории и мотивации к конкретным действиям. Канал «ВЕДЫ» относится к научно-популярным – его авторы внедряют юмористический компонент для снижения степени формальности подачи материала. В текстах всех четырёх каналов юмористический компонент становится инструментом одновременно сближения с аудиторией и дидактического воздействия на неё.

С одной стороны, юмор – это «разрядка», которая создаёт положительный эмоциональный фон и задаёт позитивное настроение внутри новостной ленты канала. С другой стороны, внедрение юмористического компонента в медиатексты соотносится с коммуникативной установкой авторов воодушевить молодых людей на совершение конкретных действий на пути к своим карьерным и личным целям. Включение юмористического компонента в медиатексты позволяет снизить степень серьёзности, отодвинуть сопутствующие сложности на второй план и сфокусировать внимание на позитивном отношении к настоящему и будущему. Выражение оптимистической эмотивности через юмористический компонент дидактично, поскольку цель авторов молодёжных каналов – воспитать заинтересованную молодёжь, которая не боится своих амбиций и точно знает, что в будущем её ждут благоприятные перспективы для личностного и карьерного развития.

Пост 1. *Хотеть – не вредно, вредно – не хотеть!*

Слышали когда-нибудь эту фразу от родителей? Вот и мы тоже. Поэтому решили спросить у активистов Росмолодёжи, чего же они хотят ⬆ □

А о чём мечтаете вы? Делитесь в комментариях 👇 (Росмолодёжь. 26.08.2025)

Пост 2. *«Кто не кринжует, тот не пьёт капучино на банановом» – согласны или всё-таки кринж?*

Главная боль любого современного контентщика: снял ролик и думаешь – «А стоит ли выкладывать?», «А что обо мне подумают?» Знакомо?

Известный зумер-блогер Максим Лутчак поделился секретами топового контента и дал ясно понять, что делать в ситуациях, когда ты не уверен в себе. Смотрите в видео (Разгон. 29.03.2026. 12:33)

Пост 1 канала «Росмолодёжь» начинается с хиазма «Хотеть – не вредно, вредно – не хотеть!». Эта риторическая фигура создаёт комический эффект благодаря неожиданной симметрии и языковой игре, что вызывает у читателя когнитивный диссонанс и, таким образом, привлекает внимание. Хиазм звучит как слоган, призывающий читателя вспомнить о собственных амбициях и не бояться совершать шаги на пути к их реализации – благодаря данной фигуре автор публикации не просто привлекает внимание аудитории, но и заставляет усомниться в собственных убеждениях в том, что желаемое недостижимо. Призыв «А о чём мечтаете вы? Делитесь в комментариях» переводит монолог в диалог и соотносится с той же коммуникативной целью: повысить вовлечённость и эксплицитно указать, что автор знает о мечтах и целях своего читателя. Юмористический компонент публикации здесь также связан с оптимистической эмотивностью: за счёт него автору удаётся сформировать у аудитории положительное отношение к будущему, что непосредственно является компонентом оптимизма. Автор воодушевляет аудиторию, подчёркивая, что целеустремлённость – правильный жизненный выбор, а пассивность («не хотеть») ведёт к апатии и отсутствию развития. Так, юмор выполняет и дидактическую функцию, воспитывая проактивную установку.

Второй пример из канала «Разгон» интересен тем, что он содержит синтез приёмов – автор использует хиазм и вместе с тем выводит коммуникацию на уровень диалога с аудиторией. Заголовок построен на хиазме в сочетании с абсурдным, но понятным молодёжи предметом – «капучино на банановом», – что позволяет привлечь внимание аудитории и одновременно маркировать позицию как понимающую культурные коды молодёжи.

Однако хиазм в данном посте не просто привлекает внимание, а служит отправной точкой для вовлечения аудитории в диалог: через вопрос «согласны или всё-таки кринж?» автор напрямую обращается к читателю, предлагая ему оценить утверждение и высказать собственную позицию по вопросу. Это стратегия коммуникативного сближения, которая переводит монолог в диалог, создаёт эффект солидарности и повышает вовлечённость. С этой же целью автор вводит ряд вопросительных конструкций, в частности, вопрос «Знакомо?» позволяет выстроить коммуникацию на уровне диалога и укрепить веру читателя в то, что ав-

тор понимает своего реципиента. В заключение автор предлагает решение проблемы через пример известного зумер-блогера Максима Лутчака, который «дал ясно понять, что делать в ситуациях, когда ты не уверен в себе». Автор выражает оптимистическую эмотивность с помощью юмористического компонента (хиазм), что позволяет ему расположить аудиторию к себе и создать позитивный эмоциональный фон – это необходимо для того чтобы мотивационная установка, которая эксплицитно выражена в конце поста, не воспринималась как директива, а оценивалось аудиторией как дружеский совет и попытка вместе разобраться в том, что может сделать молодой человек, когда он находится в тупике или не понимает, какие карьерные перспективы ждут его в будущем.

Пост 3. *Никогда не слишком рано, чтобы стать легендой*

Макс Александр – самый юный кутюрье в истории, который дебютировал на Неделе моды в Париже. Рената рассказала о его уникальном таланте подробнее. (ВЕДЫ. 20.03.2026)

Третий пример – пост канала «ВЕДЫ» («Никогда не слишком рано, чтобы стать легендой») – выстроен на трансформации прецедентного высказывания, семантической игре на основе нарушения ожидаемого оборота «никогда не слишком поздно». Через такое замещение в заголовке публикации автор привлекает внимание аудитории и поддерживает общую тему публикации – феномен молодого кутюрье Макса Александра. Юмористический компонент в данном случае соответствует позиционированию канала «ВЕДЫ» как научно-популярного «медиа для зумеров»: взросление целевой аудитории пришлось на активное внедрение цифровизации во все сферы жизни, в частности, в медиа, где контент часто построен на мемах, отсылках и языковых играх, поэтому они легко считывают такие намёки и положительно реагируют на них. Кроме того, научно-популярный характер канала требует баланса между доступностью и серьёзностью: юмористический компонент, построенный на трансформации прецедентного высказывания, позволяет снизить градус формальности, при этом содержание не упрощается до «развлечения через глупость». Это позволяет повысить доверие аудитории к каналу как к источнику достоверной, но при этом доступной, легковоспринимаемой информации. Такая трансформация становится способом выражения оптимистической эмотивности – автор мотивирует читателя и формирует положительное отношение к настоящему и будущему: аудитория видит возможность раннего успеха, что снижает тревожность и усиливает веру в собственные силы.

Описанные юмористические компоненты можно назвать «эмоциональными крючками», которые привлекают внимание аудитории. Авторы внедряют стилистические фигуры в текст публикаций для привлечения внимания и вместе с тем для реализации собственной коммуникативной установки, которая соотносится с главной задачей молодёжных каналов – воспитание амбициозного, перспективного молодого поколения, которое не боится сложностей и с уверенностью начинают свой карьерный путь. С учётом платформенных особенностей мессенджера MAX, где информация представлена в формате потокового вещания, ограничена по количеству знаков и в то же время стремительно нарастает и ежедневно накапливается, краткие эмотивные конструкции с юмористическими компонентами становятся необходимым элементом коммуникативной стратегии авторов канала. С помощью данных элементов авторы медиатекстов привлекают внимание аудитории, облегчают восприятие серьёзной информации и в то же время, с точки зрения дидактики, настраивают молодых людей на оптимистичный лад.

Пост 4. *Ты: «Ой, ну какая ещё зарядка, я лучше посплю…»*

Всероссийская акция «Будь здоров!»: «А если призы?»

7 апреля в 10:00 вся Россия (ну, почти) встанет и разомнётся. 89 регионов, школы, ссузы, вузы – все будут делать зарядку одновременно. Это как флешмоб, только полезнее.

У нас для тебя тоже припасено кое-что ЗОЖное: выполняй задания в мини-аппе, участвуй в розыгрыше – и ты в игре.

14 апреля генератор случайных чисел решит, кому достанутся призы от «Волонтёров-медиков».

P. S. От Тима: а если делать зарядку лёжа, это считается ЗОЖ? Просто уточняю стратегию… (Другое Дело. 05.04.2026. 21:38)

Приведённый пост из канала «Другое Дело» начинается со стилизации под диалог между читателем («ты») и персонифицированным образом Всероссийской акции «Будь здоров!». Этот диалог создаёт комический эффект: в первой части автор эксплицитно выражает типичную установку своей аудитории, актуализируя внутренний конфликт между желанием вести здоровый образ жизни и стремлением к комфорту и подчёркивая, что он канала понимает свою аудиторию, её желания и предпочтения; во второй части происходит резкая смена тональности – абстрактный призыв к самодисциплине и спортивному образу жизни сменяется конкретным прагматическим стимулом через систему поощрений («А если призы?»). Через подобную имитацию шутливого диалога автор снижает степень назидательности, повышая вероятность полу-

чения положительного отклика от аудитории и, таким образом, мотивируя на участие в мероприятии, которое проводит организация. Сначала автор апеллирует к тем мыслям, которые, предположительно, чаще всего приходят на ум реципиенту (та самая дилемма, когда при выборе между зарядкой и более продолжительным сном выигрывает последнее), а затем предлагает то, от чего реципиент вряд ли захочет отказаться – участие в розыгрыше призов.

Дополнительным инструментом сокращения коммуникативной дистанции выступает финальный постскриптум: «P. S. От Тима: а если делать зарядку лёжа, это считается ЗОЖ? Просто уточняю стратегию…». Эта имитация спонтанного неформального обмена репликами содержит иронию и является маркированной отсылкой к конкретному автору, что позволяет отойти от формального формата общения. Подобная «свойскость» (стратегия коммуникативного сближения) нейтрализует потенциальное сопротивление аудитории, способствуя формированию устойчивого эмоционального контакта и переводу коммуникации из режима одностороннего информирования в формат доверительного партнёрского диалога. Юмористический компонент данной публикации соотносится с оптимистической эмотивностью, поскольку через него формируется положительный взгляд на настоящее, и даже порицаемый обществом порок – лень – представлена в менее негативных красках благодаря тому, что автор приписывает себя к обладателю той же проблемы, того же порока. Таким образом, автор формирует более лояльное отношение аудитории к каналу, а вместе с тем укрепляет уверенность в том, что ЗОЖ – это не столько сложно, сколько доступно и приятно. Выбранная стратегия напрямую соотносится с дидактичной целью старшего поколения воспитать здоровое молодое поколение, которое будет заботиться о своём здоровье и заниматься спортом, при этом уровень дидактизма смягчается за счёт внедрения юмористического компонента.

Кроме стилистических фигур, авторы также используют приём намеренного нарушения грамматических форм как юмористический элемент.

Пост 5. *Что выбрать для пушистого босса сегодня: торт из рыбов, букет из креветков или запас коричневых камушков?*

1 марта – День кошек, и это значит, что пора вскрывать карты и знакомить вас с теми, кто:

– бегает по клавиатурам, когда мы работаем над важным отчётом

– ждёт нас из долгих командировок

– будит с концертом в 6 утра «просто потому что»

– превращает дом в самое уютное место на Земле

Вот они – пушистые сотрудники «Другого Дела»!

А давайте устроим в комментариях настоящий котообмен? Присылай фото своего любимого мохнатика и пиши, как его зовут.

Праздничный котодень объявляется открытым! (Другое Дело. 01.03.2026. 11:35)

Автор данной публикации стремится вписать новостную повестку канала в будничную повседневность, в которой есть радостные моменты общения с «пушистыми боссами» – домашними питомцами, которые делают жизнь ярче и радостнее. Автор намеренно проводит нарушение грамматических форм в самом первом предложении публикации – использует формы «рыбов» и «креветков» вместо нормативных форм «рыб» и «креветок». Этот приём восходит к уже устоявшемуся языковому мему интернет-коммуникации, который заключается в пародировании речи домашних питомцев, какой бы она могла быть, если бы они говорили, то есть таким образом автор маркирует близость к культурному коду молодёжи, свою осведомлённость. Эта девиация выполняет экспрессивно-юмористическую функцию: нарушение нормы воспринимается не как ошибка, а как игровой сигнал, задающий тон всей публикации и создающий эффект «свойскости»; данный юмористический компонент становится инструментом выражения оптимистической эмотивности, благодаря которой создаётся позитивный эмоциональный фон.

Наряду с грамматической девиацией автор активно использует приём словослияния – создание окказиональных неологизмов путём контаминации двух основ: «котообмен», «котодень», «мохнатик», «пушистые сотрудники». Подобные лексические новообразования выполняют номинативную функцию, обозначая понятия, не закреплённые в нормативном словаре, и вместе с тем несут выраженную эмотивную нагрузку [9, с. 2-3]: они создают особое семантическое пространство, в котором тематика канала органично соединяется с привычным, бытовым пространством читателя. Автор завершает пост риторическим восклицанием «Праздничный котодень объявляется открытым!», таким образом усиливая степень оптимистической эмотивности и настраивая читателя на позитивный лад. Публикация также имеет дидактический характер. Однако, в отличие ранее рассмотренных стратегий, установка автора заключается в формировании у аудитории ощущения, что настоящее уже наполнено поводами для позитивных эмоций, – это, в свою очередь,

укрепляет общую оптимистическую установку и доверие к каналу как источнику не только информации, но и эмоциональной поддержки.

Несмотря на то что перечисленные приёмы относятся к разным языковым уровням – синтаксическому (хиазм), семантическому (трансформация прецедентного высказывания), морфологическому (грамматическая девиация) и лексическому (словослияние), – они объединены одним порождающим принципом: намеренное отступление от нормы, будь то синтаксической, семантической или грамматической. Именно такое отступление создаёт эффект неожиданности, активизирует внимание читателя и одновременно маркирует принадлежность автора к тому же культурному и языковому пространству, что и аудитория. При всём разнообразии конкретных форм юмористический компонент в этих медиатекстах неизменно работает как носитель оптимистической эмотивности.

Выводы

Оптимистическая эмотивность – доминирующий функциональный компонент медиатекстов молодёжных каналов мессенджера MAX. Через юмористические компоненты авторы сокращают коммуникативную дистанцию, имитируют спонтанный неформальный диалог, формируют эффект «свойскости» и удерживают устойчивый эмоциональный контакт с аудиторией. При этом юмор несёт и дидактическую нагрузку: оптимистическая эмотивность становится инструментом воспитания проактивной установки у молодёжи, при этом выбранные стратегии позволяют смягчить назидательность и перевести мотивационное послание в формат дружеского совета. Исследование также показало, что выбор языковых средств определяется платформенными особенностями мессенджера MAX: в условиях потокового формата подачи информации, ограниченного объёма публикации и высокой конкуренции за внимание пользователя краткие эмотивные конструкции с юмористическим компонентом становятся необходимым элементом коммуникативной стратегии – именно они помогают привлечь внимание к публикации и удержать читателя в информационном потоке конкретного канала.

Список источников

1. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.

2. Арскиева З.А. Педагогический оптимизм как основа успешности обучающихся. // Проблемы современного педагогического развития. 2025. № 86-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-optimizm-kak-osnova-uspeshnosti-obuchayuschihsya (дата обращения: 16.05.2026)

3. Барышева Е.И. Оптимизм / пессимизм как индивидуальная картина отношения к миру. // Вестник НГПУ. 2023. № 4 (47). С. 103 – 104.

4. Горошко Е.И., Жигалина Е.А. Виртуальное жанроведение: устоявшееся и спорное // Вопросы психолингвистики. 2010. Т. 24 (63). № 1. С. 105 – 124.

5. Дускаева Л.Р., Иванова Л.Ю. Возражение как способ вовлечения в онлайн-коммуникацию // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 2. С. 391 – 407.

6. Дускаева Л.Р. Медиалингвистика в России: лингвопраксиологическая доминанта. // Медиалингвистика. 2014. № 1 (4). С. 5 – 15.

7. Казак Е.А. Цифровой медиадискурс как актуальная проблема современной интернет-коммуникации. // Этнопсихолингвистика. 2023. С. 52 – 64.

8. Кушнерук С.Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации. Медиалингвистика. 2024. № 11 (3). С. 300 – 324.

9. Полякова Е.В., Титлова А.С. Оценочность неодериватов в современном медиатексте // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 9 (45). URL: https://rulb.org/archive/9-45-2023-september/10.18454/RULB.2023.45.4 (дата обращения: 17.05.2026)

10. Темницкий А.Л. Социокультурные факторы оптимизма современной молодёжи России // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 4 (16). С. 19 – 35.

11. Щурина Ю.В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 161 – 173.

12. Keating A., Melis G. Youth attitudes towards their future: the role of resources, agency and individualism in the UK. // Journal of Applied Youth Studies. 2022. № 5. P. 1 – 18.

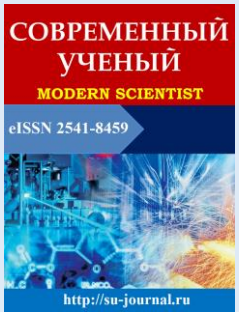
References

1. Argyle M. Psychology of Happiness. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003. 271 p.
2. Arskieva Z.A. Pedagogical Optimism as the Basis for Student Success. Problems of Contemporary Pedagogical Development. 2025. No. 86-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiy-optimizm-kak-osnova-uspeshnosti-obuchayuschihsya (date of access: 16.05.2026)
3. Barysheva E.I. Optimism. Pessimism as an Individual Picture of Attitude to the World. Bulletin of NSPU. 2023. No. 4 (47). P. 103 – 104.
4. Goroshko E.I., Zhigalina E.A. Virtual Genre Studies: Established and Controversial. Issues of Psycholinguistics. 2010. Vol. 24 (63). No. 1. P. 105 – 124.
5. Duskaeva L.R., Ivanova L.Yu. Objection as a Way of Engaging in Online Communication. Issues of Theory and Practice of Journalism. 2024. Vol. 13. No. 2. P. 391 – 407.
6. Duskaeva L.R. Media Linguistics in Russia: Lingvopraxiological Dominant. Medialinguistics. 2014. No. 1 (4). P. 5 – 15.
7. Kazak E.A. Digital Media Discourse as a Current Problem of Modern Internet Communication. Ethnopsycholinguistics. 2023. P. 52 – 64.
8. Kushneruk S.L. Telegram discourse as a digital communication format. Medialinguistics. 2024. No. 11 (3). P. 300 – 324.
9. Polyakova E.V., Titlova A.S. Evaluation of neoderivatives in a modern media text. Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 9 (45). URL: https://rulb.org/archive/9-45-2023-september/10.18454/RULB.2023.45.4 (date of access: 17.05.2026)
10. Temnitsky A.L. Sociocultural factors of optimism of modern Russian youth. Sociological science and social practice. 2016. No. 4 (16). P. 19 – 35.
11. Shchurina Yu.V. Internet memes as a phenomenon of internet communication. Scientific dialogue. 2012. No. 3. P. 161 – 173.
12. Keating A., Melis G. Youth attitudes towards their future: the role of resources, agency, and individualism in the UK. Journal of Applied Youth Studies. 2022. No. 5. P. 1 – 18.

Информация об авторе

Сидорова Л.И., аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0009-3562-9857, Высшая школа журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9, gagevamila@mail.ru

© Сидорова Л.И., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 821.134.2(7/8)
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-181-189

Жанровая специфика колыбельного цикла Габриэлы Мистраль в сборнике «*Ternura*»: аксиологический аспект

[1] Бабаева А.М., [1] Жуков А.П.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: цель настоящего исследования состоит в выявлении аксиологического потенциала жанра колыбельной песни в творчестве Габриэлы Мистраль (на материале сборника «*Ternura*») и определении её роли в процессе становления национальной идентичности Латинской Америки. Научная новизна заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении цикл колыбельных песен чилийского поэта исследуется не как феномен детской литературы, а как инструмент создания континентальной мифологии. В статье обосновывается, что Габриэла Мистраль переосмысливает жанр колыбельной песни, уводя её от утилитарной функции убаюкивания ребёнка к теургическому акту, направленному на сотворение детства континента.

Результаты исследования иллюстрируют авторскую рецепцию материнства как явления не биологического, а духовного и соответствующего культуротворческой миссии поэта – стать Матерью Латинской Америки. Выявлена осознанная замена автором традиционного мотива запугивания ребёнка мотивом тревожного бдения матери, транслирующего экзистенциальное измерение в структуре жанра колыбельной песни. Образ ребёнка становится метафорой будущего единства «*Nuestra América*», а книга «*Ternura*» интерпретируется как символический акт «рождения» континента, лишённого, с точки зрения Мистраль, детства в историческом прошлом.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут найти применение в учебном процессе вузов гуманитарного направления – при изучении спецкурсов и спецсеминаров по истории литературы стран Латинской Америки, спецкурсов, посвященных проблемам культурной идентичности в литературе XX века, а также при подготовке учебных пособий по латиноамериканской поэзии.

Ключевые слова: сборник «*Ternura*», колыбельная песня, культуротворчество, Латинская Америка

Для цитирования: Бабаева А.М., Жуков А.П. Жанровая специфика колыбельного цикла Габриэлы Мистраль в сборнике «*Ternura*»: аксиологический аспект // Современный ученый. 2026. № 11. С. 181 – 189. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-181-189

Поступила в редакцию: 19 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Genre specifics of Gabriela Mistral's lullaby cycle in the collection «*Ternura*»: axiological aspect

[1] Babaeva A.M., [1] Zhukov A.P.

[1] St. Petersburg State University

Abstract: the purpose of this study is to identify the axiological potential of the lullaby genre in Gabriela Mistral's work (based on the collection «*Ternura*») and determine its role in the formation of Latin American national identity. The novelty of this study lies in the fact that for the first time in Russian literary studies, the Chilean poet's lullaby cycle is examined not as a phenomenon of children's literature, but as a tool for creating a continental mythology. The article argues that Gabriela Mistral reinterprets the lullaby genre, moving it away from the utilitarian function of lulling a child to sleep and toward a theurgic act aimed at creating a continent's childhood.

The results of the study illustrate the author's perception of motherhood as a spiritual rather than biological phenomenon, corresponding to the poet's cultural mission to become the Mother of Latin America. The author's deliberate substitution of the traditional motif of child intimidation with that of a mother's anxious vigilance is revealed, conveying an existential dimension within the structure of the lullaby genre. The image of the child becomes a metaphor for the future unity of «Nuestra América», and the book «*Ternura*» is interpreted as a symbolic act of «birth» for a continent deprived, in Mistral's view, of childhood in its historical past.

The practical significance of the study lies in the fact that its results can be used in the educational process of universities specializing in the humanities – in the study of special courses and special seminars on the history of literature of Latin American countries, special courses devoted to the problems of cultural identity in twentieth-century literature, as well as in the preparation of textbooks on Latin American poetry.

Keywords: «*Ternura*» collection, lullaby, cultural creativity, Latin America

For citation: Babaeva A.M., Zhukov A.P. Genre specifics of Gabriela Mistral's lullaby cycle in the collection «*Ternura*»: axiological aspect. Modern Scientist. 2026. 11. P. 181 – 189. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-181-189

The article was submitted: June 19, 2026; Approved after reviewing: July 17, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Габриэла Мистраль (1889-1957) – чилийский поэт и педагог, лауреат Нобелевской премии по литературе 1945 года. Испытавшая влияние идей политического и военного деятеля, национального героя Венесуэлы Симона Боливара (1783-1830), а также кубинского поэта Хосе Марти (1853-1895), она выступала как проводник провиденциальной концепции «*Nuestra América*» (с исп. – «Наша Америка») в интеллектуальном пространстве Латинской Америки.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью пересмотра и расширения устоявшихся научных позиций, касающихся творчества Габриэлы Мистраль, в частности её колыбельной поэзии, представленной в сборнике «*Ternura*».

Несмотря на признание поэта классиком литературы Латинской Америки, а также наличие ряда работ, посвященных поэтике «*Ternura*» (Arce de Vázquez, 1964; Concha 1987; Quezada, 1989; Horan, 1994), проблематика жанровой трансформации колыбельной песни и её роли в становлении культуро-цивилизационной концепции автора остаётся недостаточно изученной. Исследователи, как правило, фокусируют внимание на биографическом контексте или теме материнства, однако ими недостаточно освещён аксиологический аспект колыбельного цикла Мистраль, в русле которого данные произведения становятся инструментом конструирования латиноамериканской идентичности. Актуальность настоящей работы также определяется интересом современного литературоведения к проблеме формирования латиноамериканской самобытности, а именно тому, каким образом этот процесс отражается в художественном тексте. В свете дискуссии о самобытности – важнейшей для латиноамериканистики на всех этапах её существования – новое исследование колыбельного цикла книги «*Ternura*» как манифеста культуростроительства представляется необходимым.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- определить историко-культурные предпосылки создания книги «*Ternura*» в свете интеллектуальных исканий Латинской Америки 1920-х годов;
- проанализировать художественную стратегию поэта в работе с жанром колыбельной песни, определив источники и особенности жанровой трансформации;
- проанализировать систему образов цикла колыбельных песен в аксиологическом ключе;
- обосновать роль сборника «*Ternura*» в культуростроении Латинской Америки, в особенности его влияние на процесс мифологизации «детства» континента.

Теоретическая база статьи опирается на труды отечественных и зарубежных литературоведов. Фундаментальное значение для понимания культурно-исторического контекста имеет исследование В.Б. Земскова (1997), чья концепция первотворчества и экстерриториальности позволяет осмыслить поэзию Габриэлы Мистраль в русле общеконтинентального процесса формирования латиноамериканской идентичности; А.Ф. Кофмана (1997), выдвигающего признак инаковости как одну из ключевых в координатах художественного образа мира Латинской Америки.

Жанровая специфика анализируется с опорой на следующие исследования: работу Х. Кесады (1989), посвященную структурным особенностям книги «*Ternura*», в которой исследователь полемизирует с устоявшейся в ранней критике трактовкой сборника как наивно-детской поэзии; также монографию Х. Кончи (1987), выдвигающую тезис о переходе Мистраль в «*Ternura*» от индивидуального лирического «Я» к коллективному «Мы».

Новейший исследовательский контекст представлен научными трудами последних лет. Так, К. Весели Авария (2023) доказывает, что автор «*Ternura*» трансформировала жанровую традицию колыбельных посредством авторской интенции; А. Мэйн-Николлс (2025) выдвигает тезис о богословском субстрате сборника «*Ternura*», выраженном в утопической конструкции изображаемого мира; М. Бортиньон (2025) в статье на стыке филологии и психоанализа подчёркивает трансцендентную и спасительную функции, возложенные автором «*Ternura*» на колыбельную песню.

Таким образом, обращение к классическим исследованиям и трудам последних лет, подтверждает: колыбельная поэзия Габриэлы Мистраль представляет собой сложный художественный феномен, требующий системного анализа и рассмотрения в аксиологическом ключе, что и определяет новизну настоящей работы.

Материалы и методы исследований

Методологический комплекс, направленный на решение обозначенных задач, включает в себя **культурно-исторический метод**, который позволяет проследить создание книги «*Ternura*» в непосредственной связи с латиноамериканской социально-политической картиной 1920-х годов (реформу образования в Мексике, движение за единство «*Nuestra América*», а также связанные с данными явлениями эпизоды биографии Габриэлы Мистраль, в частности, эмиграция и просветительская работа в Мексике). Применение **мифопоэтического метода** было осуществлено при анализе библейских и космологических образов – выявлении архетипической парадигмы колыбельного цикла. Структурно-семантический метод, включающий элементы стиховедческого и интертекстуального анализов, использовался для детального рассмотрения лирических произведений цикла (лексика, приёмы градации и параллелизма, образная система) в сопоставлении с фольклорной традицией. Синтез указанных методов актуализирует комплексный подход к исследованию формальных и содержательных особенностей жанра колыбельной песни в книге «*Ternura*».

В качестве **материалов исследования** были привлечены письма Габриэлы Мистраль, непосредственно книга «*Ternura*», а также эссе автора, посвященные размышлениям о сущности фольклора и колыбельной песни. Вспомогательнымы источником в процессе работы послужили прозаический сборник Мистраль «Padre Bolívar. Recados de la América Nuestra» и билингвальное издание «Грустный Бог», включающий большую часть переводов проанализированных в данной статье произведений.

Результаты и обсуждения

Книга «*Ternura*» (в переводе с испанского – «Нежность») – вторая по счету в творчестве чилийского поэта Габриэлы Мистраль, увидевшая свет в 1924 году в мадридском издательстве «*Editorial Saturnino Calleja*». К этому времени автор уже прославилась в Латинской Америке и за ее пределами благодаря опубликованному в Нью-Йорке в 1922 году сборнику «*Desolación*» («Отчаяние»).

Второй сборник знаменует существенный этап в формировании мировоззрения его автора. Х. Кесада отмечал, что замысел «Нежности» зарождался у Мистраль ещё в ранний период творчества: в письме другу Эухенио Лабарке (1875-1944), датированном 1915 годом, она пишет о намерении опубликовать собрание

школьных стихотворений: «…Я дала поэту Сильве несколько оригиналов, чтобы он мог написать пролог… После моей первой книги выйдет другая, со стихами иного рода, дополняющими «Сонеты смерти»» [12, p. 114]. Это поэтическое собрание она предполагала назвать «*Suaves decires*» («Нежные изречения»).

В 1922 году Мистраль по приглашению Хосе Васконселоса (1882-1959), мексиканского философа и политического деятеля, первого в истории страны министра образования, покинула Чили и отправилась в Мексику, где приняла участие в масштабной просветительской реформе. Этот переезд, согласно замечанию доминиканского филолога Педро Энрикеса Уреньи (1884-1946), стал для будущего нобелевского лауреата точкой творческого перелома: «Габриэла Мистраль стала намного лучше, чем была, с тех пор, как поняла, что её голос имеет авторитет…». Уренья определил её в число интеллектуалов, покинувших неудобную башню из слоновой кости и отправившихся на Агору обсуждать общественно значимые вопросы» [13, p. 182]

В обозначенный период Мистраль оказывается в эпицентре интеллектуальной повестки о «*Nuestra América*» – концепции, восходящей к кубинскому поэту Хосе Марти и Симону Боливару и предполагающей духовное и культурное единение стран Латинской Америки. Как подчёркивает В.Б. Земсков, культура континента проходила своё становление «в особом креативном поле – поле Первозданности и возникающего на этом фоне явления Первотворчества» [2, с. 8]. Именно в данном ключе следует понимать миссию чилийского поэта в Мексике: она выступала не только как педагог, но и как со-творец зарождающейся культурной реальности. На это она укажет значительно позже – в эпилоге ко второму изданию книги «*Ternura*» (1945): ««Мне следовало бы рассказать кое-что о детских стишках, которые я написала 25 лет назад… Скажу лишь то, что в те годы детский жанр в нашей Америке находился в зачаточном состоянии…Эта задача настолько трудна, что мы все ещё решаем её на ощупь, потому что, как я только что сказала, мы родились чудовищно, как не рождаются расы: без детства, в муках полового созревания, и совершая прыжок от индейцев к европейцам, который вываливает и ломает кости» [11, p. 177].

Идея американизма Мистраль выразилась в её убеждённости в единстве континента на основе земли, расы и культурного наследия. В публицистике, прозе и выступлениях разных лет она излагала представления о метисации, ставшей базой для формирования американской идентичности, а также иные вопросы, связанные с латиноамериканской самобытностью (*цикл 20-х годов «Recados para América»; El tipo del indio americano,1932 и др.)*. Понимание автором «*Ternura*» американской расы следует рассматривать не в биологическом, а в духовно-трансцендентном ключе, как космический союз кровей. Национальная идентичность в концепции Мистраль предстаёт как художественный образ мира – наднациональный образ Америки [3, с.26]. Этот мир выстроен на основе пространства в совокупности его характеристик, важнейшая из которых – инаковость.

Осуществляемая посредством двойной системы оппозиций (региональной и континентальной) она, в первую очередь, артикулирует противопоставлением «Новый Свет – Старый Свет».

В мексиканском журнале «*Revista de Revistas*» в 1922 году было опубликовано одно из «*recados*» Мистраль, озаглавленное как «Крик» (*El grito*), где автор пишет следующее: «Мы по-прежнему Мексика, Венесуэла, Чили, ацтеки-испанцы, кечуа-испанцы, арауканы-испанцы… Учитель, расскажите в своём классе о мечте Боливара, первого провидца. Популяризируйте Америку, её Белло, её Сармьенто, её Ластаррию, её Марти. Не опьяняйтесь Европой, не опьяняйтесь тем, что далеко, странно именно потому, что далеко, а также устарело прекрасной роковой устарелостью. Опишите свою Америку. Заставьте нас полюбить сияющее мексиканское плато, зелёную степь Венесуэлы, чёрные южные джунгли. Расскажите всё о своей Америке; расскажите, как поют на аргентинских пампасах, как добывают жемчуг на Карибах, как населена белыми Патагония…» [10, p. 20]. Завершается «*El grito*» провозглашением Америки как будущего царства свободы и высочайшего совершенства. Заглавие этого «*recados*» отражает риторическую стратегию автора: посыл о единстве строится на противопоставлении «мы – они», «прошлое – будущее». В предисловие к сборнику прозы Мистраль «Padre Bolívar. Recados de la América Nuestra» можно найти утверждение Х. Кесады о том, что «…она всегда была американисткой и последовательницей Боливара – в самой своей сущности, в своих эмоциях и чувствах, в своем подходе к живым реалиям человечества, расы, истории, географии, общества и будущего» [10, p. 9].

Не менее важное открытие в дискурсе самобытности – это элемент сверхнормативности, в котором А.Ф. Кофман видит отправную точку представления о континенте. Противопоставление европейской норме открывает аномальный, иррациональный, мир – «чудесную реальность» [3, с. 33].

Родная почва воспринимается поэтом как исключительная: «На 105 градусах нашей широты земля является более рьяной, чем любая другая земля, в своём тайном долге дарить счастье человечеству. Возможно

потому, что она меньше устаёт от поколений, более богата животворящими водами и красками и менее обременена ростом населения…» [10, p. 24]

Именно в данном контексте возникла «*Ternura*», которая в авторском замысле должна была стать всеобщей колыбелью континента, исторически лишённого собственного детства.

Комментируя свой сборник, Мистраль подчеркнула, что её задачей было создание «новой школьной поэзии, которая, будучи школьной, не перестаёт быть поэзией» [9, p. 270]. Это принципиальное заявление: поэт стремилась избежать дидактизма и примитивизации, стремясь к высокому эстетическому уровню. Х. Конча пишет, что в обновлённой редакции книга «*Ternura*» обретает глубинную связь с «зарождающейся жизнью» [6, p. 89]. Автор связывает рождение колыбельной с архаическом актом: «Первые Евы начали укачивать своих младенцев просто, на коленях: затем они поняли, что нежное покачивание менее успокаивающее, чем когда оно сопровождается шёпотом. Этот шёпот, должно быть, был первым, мягкий звук сомкнутых губ, так похожий на журчание воды. И вдруг у матери возникло желание говорить. Стремление к фразам. И она говорила с ребёнком и с собой одновременно [11, p. 171-172].

Концептуально «Нежность» необходимо рассматривать как книгу, символизирующую рождение континента. Первый сборник Мистраль «Отчаяние», как и в целом её первые знаковые стихи – «*Los sonetos de la muerte*», *1914* («Сонеты смерти») – проникнуты духом упадка, скорби, разрушения. Однако в послесловии автор просит прощения за свою горестную Песнь и даёт обет – подарить людям надежду «как того желал Всемилостивый» [4, с. 443]. По этой причине издание «Нежности» выражает символическое искупление и, таким образом, движется в сторону созидательного, материнского начала, оформившего фундаментальный для творчества Мистраль образ Матери.

Габриэлу Мистраль в процессе создания «*Canciones de cuna»* вдохновили произведения испанской народной поэзии, провансальской лирики, поэзии итальянского предренессанса [11, p. 177]. Углубившись в фольклор названных национальных культур, она выстроила собственный художественный универсум: глубоко привязанная к традициям, Мистраль предприняла значительную работу по возрождению латиноамериканских колыбельных. Как и, например, уругвайский поэт Хуана де Ибарбуру (1882-1979), автор «*Ternura*» развивала феномен испаноязычной авторской колыбельной, что официально положило начало вхождению этого жанра в «поэзию с большой буквы» [14].

Versolari (поэт-импровизатор) или *payador* (бродячий поэт-певец) для детей, в понимании Мистраль, не может стремительно возникнуть: это медленный путь, сравнимый с созреванием плода. Поэт осознавала, что находится в поисках детского языка, в процессе изучения тайны его выражения, которая: «в своей глубине напоминает искусно выполненный бразильский кварц, вводящий в заблуждение зрение и руку своей ложной поверхностью» [11, p. 177].

В предисловии ко второму изданию автор сравнивает свою поэзию с вытканным креольскими узорами полотном. Раздел «*La cuenta-mundo*» («Обо всем на свете») начинается с обращения: «*…te contaré lo que tenemos / y tomarás de nuestra parte*» [4, с. 224] («…я расскажу тебе о том, что у нас есть, и ты примешь это от нас») [4, с. 225]. Возникает некая общность, выраженная формой самоидентификации – «Мы», а значит, противопоставление себя некоему Другому (иностранцу). Таким образом, здесь «mundo» (свет), о котором намеревается поведать лирический субъект – это земля Латинской Америки в ореоле её чудесного ландшафта, отличного от всех остальных ландшафтов.

Мистраль в «*Ternura*» стремится повторить евангельское первотворение через произнесённое слово. Глазам ребёнка явлен континент как макрокосм – в образах света, воздуха, радуги, фауны и флоры, которые существуют не изолированно друг от друга, но в гармонической слитности и взаимообусловленности, что являет утопическую конструкцию: «люди и связанные с ними вещи не исключаются из пейзажа, а наоборот, подчёркивается связь с другими одушевлёнными и неодушевлёнными существами» [7, p. 67]

«Соответственно, материнство в «*Canciones de cuna»* с оптической точки зрения необходимо рассматривать как позитивную метафору творчества [5, p. 26]. Раздел «*La cuenta-mundo*» открывается одноимённым стихотворением из одной строфы:

Таблица 1
Table 1

Оригинальный текст	Подстрочник	Художественный перевод
«Niño pequeño, aparecido, que no viniste y que llegaste, te contaré lo que tenemos y tomarás de nuestra parte» [4, с. 224]	«Маленький ребёнок, найденный, который не шёл, но явился, расскажу тебе, что у нас есть, и ты возьмёшь от нашей стороны».	«С рождением тебя, малыш! Пришёл ты в добрый час. Всё то, что в этом мире есть, Получишь ты от нас» [4, с. 225].

Обратим внимание на то, как изображён ребёнок в оригинальном тексте: он не рождён, а обнаружен. В стихе «*que no viniste y que llegaste*» необычное на первый взгляд звучание: «который не шел, но явился», однако два этих глагола подразумевают разные семантические оттенки: «*viniste*» – движение к месту, где находится говорящий (или субъект, о котором идет речь). Акцент смещён на направление к текущему местоположению; «*llegaste*» – достижение конечной цели маршрута или пункта назначения, независимо от местоположения говорящего. Точка зрения сконцентрирована на самом факте завершения пути.

Мистраль подразумевает не биологическое, а духовное материнство – явление, которое сродни чудесной библейской истории: мы не знаем, откуда пришёл этот ребёнок, его рождение остаётся тайной, а сам он представляет олицетворение будущего – единства «*nuestra América*» как новой космической расы. Это отчётливо прослеживается в колыбельной «*Semilla*» («Зернышко»), лирический субъект которой сравнивает сына с зёрнышком, спящим всё лето в лоне почвы и готовящимся к великому будущему:

Таблица 2
Table 2

Оригинальный текст	Подстрочник	Художественный перевод
Cuerpecito que me espejea de cosas grandes que vendrán, con el pecho lleno de luna partido en tierras por arar… Duerme, heredero de aventuras que se vinieron por el mar, ahijado de antiguos viajes de Colón y de Gengis Kan [4, с. 172].	Маленькое тельце, отражающее грядущие великие события, с полной грудью луны, разделенной на пахотные земли… Спи, наследник морских приключений, Крестник древних путешествий Колумба и Чингисхана.	Это крохотное тельце ждут великие дела: лунным светом полно сердце, плуга жаждет целина… Спи, наследник приключений, чья отчизна – океан; над тобой колышут тени и Колумб, и Чингисхан [4, с. 173].

Данная интерпретация возможна, поскольку чилийский поэт вынашивала проект всеобщего синтеза культур в русле континента, которому судьбой предназначена высокая миссия. Здесь Мистраль сплавляет воедино историю колонизации и восточных завоеваний, представляя ребёнка как наследника всего мирового культурного опыта, который должен получить своё воплощение на латиноамериканской почве.

В «*Ternura*» автор сознательно использует жанр колыбельной, чтобы сотворить миф о происхождении Латинской Америки. Образ ребёнка в этом мифе – не только представление о будущем, но и упоминание о прошлом – детстве континента, которого не случилось, но которое необходимо придумать. Так, раздел «*La cuenta-mundo*» является актом творения мира посредством перечисления его составляющих.

Колыбельные песни Мистраль определила как жанр поэзии, подразумевающий дневной и ночной разговор матери с душой, с ребёнком и Землёй. Эта связь через осязание и аудиальность представляет в мировоззренческой парадигме Мистраль аксиологическую ценность: такова связь и лирического субъекта с Богом и Сыном Божьим: через прикосновение и слух. В этом свете необходимо сравнение с произведениями, не входящими в колыбельный цикл, но в то же время близкими по упомянутому мотиву божественного присутствия. Так, в стихотворении «*Credo*», *1924* («Кредо») сердце склоняется «грозному Богу на грудь» [4, с. 43]; в стихотворении «*Poeta*», *1938* («Поэт») лирический субъект прижат к сердцу Бога [4, с. 323]; в стихотворении «*El espino*», *1922* («Терновник») лирический субъект обнимает терновник и сравнивает это с объятием Иова и Агарь [4, с. 127].

Библейские образы колыбельных Мистраль существуют в контексте испанской (европейской) традиции, однако Бог в художественной реальности автора предстаёт не в качестве незримого субъекта, а как ощутимая космическая сила.

В одном из текстов «Нежности» – «*Meciendo*» («Колыбельная» – в художественном переводе, а в буквальном – «Качание») – путём приёма параллелизма обнаруживается связь между Богом, чью тень от руки ощущает на себе героиня, и укачиванием ребёнка [4, с. 152]. Это укачивание синхронно с ходом Вселенной: так, море раскачивает волны, а ветер колышет пшеницу – все на свете связано, все соприкасается, всё синхронно погружается в покой. Речь и движение в совокупности своей представляют явление синкретизма – древней формы бытования творческой энергии. Сама поэзия, согласно Мистраль, произрастает из синхронности слова и шага как взаимообусловленных процессов [1, с. 84]. В то же время, поэтологической метафорой лирики выступает пение, которое в большей степени присуще женщине: «Женщины, хотя именно они поют больше всех в мире, не фигурируют в истории музыки как создательницы и почти воспринимаются как немые. Меня всегда интриговала огромная пустота женственности в музыкальном мире, наша

бесплодность в создании ритмов, их упорядочивании и рождении песни, живого существа, рождения [11, p. 171].

Аудиальность для Мистраль – один из способов восприятия и познания мира: «Первые Евы начали укачивать своих младенцев просто, на коленях: затем они поняли, что нежное покачивание менее успокаивающее, чем когда оно сопровождается шёпотом. Этот шёпот, должно быть, был первым, мягкий звук сомкнутых губ, так похожий на журчание воды. И вдруг у матери возникло желание говорить. Стремление к фразам, и она говорила с ребёнком и с собой одновременно [11, p. 171-172].

Поэзия как уникальное переживание реальности основана на материнстве: между двумя явлениями существует зависимость: материнство как привилегированное духовное переживание может быть объективировано только через язык, через поэтическое действо.

Мотив тревоги, совершенно отличный от испанского и индейского мотива запугивания ребёнка, становится едва ли не главным в «Нежности». Так, в стихотворении «*Apegado a mí!*» / «Неразлучные» своеобразным «условием» утопического измерения становится отсутствие сна:

Таблица 3
Table 3

Оригинальный текст	Подстрочник	Художественный перевод
«Yo que todo lo he perdido ahora tiemblo de dormir. No resbales de mi brazo: ¡duérmete apegado a mí!» [4, с. 162]	«Я, потерявшая всё, теперь дрожу от страха перед сном. Не выскальзывай из моих объятий: спи рядом со мной!»	«Жизнь даёт и отбирает, Только ты со мной, сынок! Я не сплю, и сердце знает: сон твой крепок и глубок!» [4, с. 163]

В других колыбельных сборника «Нежность»:

Таблица 4
Table 4

Оригинальный текст	Подстрочник	Художественный перевод
«Y por eso temo, al quedar dormida, se evapore como la helada en las viñas…» [4, с. 156] *«Hallazgo»* «Duerme, duerme, dueño mío, sin ozobra, sin temor, aunque no se duerma mi alma, aunque no descanse yo… *«La madre triste»* [4, с. 166]	«И поэтому я боюсь, что, когда усну, он испарится, как Утренний иней на виноградниках… «Находка» Спи, спи, мой господин, без тревоги, без страха, даже если душа моя не спит, даже если я не отдыхаю…» «Печальная мать»	«Глазам я больше не дам закрыться: не то росою он испарится…» [4, с. 157] «Находка» «Спит в тебе моя тревога, и тоска, и боль обид. За меня глаза смежаешь, – Я не сплю, но сердце спит… «Печальная мать» [4, с. 167]

Бессонница лирического субъекта – состояние космического единения со вселенной. В этом аспекте колыбельные Мистраль сосредоточены на переживании материнства как трансцендентного откровения и как возможности постичь Абсолют. Бессонница как обязательное условие материнства знаменует переход границы вечности: потому качание колыбели сродни божественному бдению: в стихотворении «*La noche*» («Ночь») фокус с засыпающего младенца смещается в сторону матери. Сюжет стихотворения выстроен по принципу градации – бытовая ситуация – убаюкивание ребёнка – возрастает до вселенского бытия – масштаба, доступного только глазу Бога и Поэта. Границы пространства расширяются до полного исчезновения. Динамика хронотопа ведёт не просто к слиянию с природой (тишиной дороги, вздохами реки, туманностью пейзажа), а к творению духовности как действу теургическому. Нахождение у колыбели трансформируется в вездесущность лирического субъекта, равную вездесущности божественной. Бытовая ситуация переосмысливается на онтологическом уровне.

Выводы

Проведённое исследование позволило определить, что книга Габриэлы Мистраль «*Ternura*» является не сборником детской поэзии в узком смысле, а многогранным культурофилософским манифестом, в котором жанр колыбельной песни проходит этап своей трансформации. Ключевые выводы можно свести к следующему:

1. Создание «*Ternura*» непосредственно связано с социальными и культурными процессами в Латинской Америке 1920-х годов. В частности, важнейшую роль здесь сыграла идея единства континента – «*Nuestra América»* и связанная с ней просветительская деятельность Габриэлы Мистраль.

2. Художественная стратегия поэта была сконцентрирована вокруг идеи синтеза европейской фольклорной традиции и коренного мировосприятия и преодоления устоявшегося принципа дидактизма детской литературы. Это позволило Мистраль стать у истоков обновления жанра колыбельной песни в испаноязычном мире.

3. В «*Canciones de cuna»* конструируется уникальная аксиологическая система: материнство приобретает духовно-мессианский характер, а ребёнок выступает как символ будущего единства «*Nuestra América»*, предвосхищая «новую космическую расу».

4. С точки зрения семантики, колыбельный цикл строится на оппозиции сна и бодрствования – тревоги и покоя. Бессонница матери метафорически восходит к божественному бдению и творческому состоянию.

5. Книгу «*Ternura*» следует интерпретировать как символический акт рождения континента, направленный на восполнение отсутствия «детства» в его исторической судьбе. Жанр колыбельной песни наиболее релевантен для данного контекста, поскольку он определяет материнский дискурс как способ повествования о судьбе целого мира.

Таким образом, настоящее исследование доказывает, что обращение чилийского поэта к жанру колыбельной песни является мировоззренческим шагом, основанным на феномене культуростроительства континента как определяющей примете времени.

Перспективы будущего изучения *«Canciones de cuna»* могут быть связаны с сопоставительным анализом с испаноязычными колыбельными песнями XX века, а также исследованием явления американизма в творчестве Габриэлы Мистраль.

Список источников

1. Бабаева А.М., Плохарский А.Е. Мотив пути и особенности его воплощения в поэзии Габриэлы Мистраль // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. 2023. № 4. С. 83 – 88.

2. Земсков В.Б. О культуротворческой нормативности в Латинской Америке // Iberica Americans. Тип творческой личности в латиноамериканской культуре: сборник научных статей. Москва: Наследие, 1997. С. 5 – 14.

3. Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. Москва: Наследие, 1997. 320 с.

4. Мистраль Г. Грустный Бог: Стихотворения. Москва: Центр книги Рудомино, 2018. 464 с.

5. Bortignon M. Una Ternura y una maternidad siniestras. La figura de la caíd en las canciones de cuna de Gabriela Mistral a la luz de las teorías psicoanalíticas de Sabina Spielrein // Taller de letras. 2025. № 77. P. 8 – 34.

6. Concha J. Gabriela Mistral. Madrid: Ediciones Júcar, 1987. 237 p.

7. Mayne-Nicholls A. La concepción franciscana en las rondas de Gabriela Mistral // Revista UCMaule. 2025. №. 68. P. 50 – 70.

8. Mistral G. Algunos elementos del folklore chileno. Gabriela Mistral: sitio desarrollado por SISIB y Facultad de Filosofía y Humanidades. Santiago: Universidad de Chile. URL: http://gabrielamistral.uchile.cl/prosa/elfolklore.html#as1 (дата обращения: 20.12.2025)

9. Mistral G. Carta a Eugenio Labarca // Anales de la Universidad de Chile. 1957. № 106. P. 251 – 279.

10. Mistral G. Padre Bolívar. Recados de la América Nuestra. Caracas: Fundación Editorial El perro y la rana, 2021. 140 p.

11. Mistral G. Ternura. Santiago: Universidad de Chile, 2025. 248 p.

12. Quezada J. Gabriela Mistral: algunas referencias a Ternura // Acta literaria. 1989. №. 14. P. 109 – 119.

13. Ureña Pedro Henríquez. Los hombres de letras que toman parte en nuestra vida // Las corrientes literarias en la América Hispánica. México: Biblioteca Americana, FCE, México, 1949. P. 181 – 214.

14. Vesely Avaria C. Antojo de palabras para la infancia: la canción de cuna latinoamericana como caudal poético de denuncia y ternura // Textes et contexts. 2023. Vol. 18. № 1. URL: https://preo.ube.fr/textesetcontextes/index.php?id=4152&lang=en#quotation (дата обращения: 02.01.2026)

References

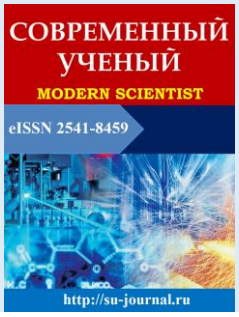
1. Babaeva A.M., Plokharsky A.E. The Motif of the Path and Its Embodiment in the Poetry of Gabriela Mistral. Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. 2023. No. 4. P. 83 – 88.
2. Zemskov V.B. On Cultural-Creative Normativity in Latin America. Iberica Americans. The Type of Creative Personality in Latin American Culture: A Collection of Scientific Articles. Moscow: Nasledie, 1997. P. 5 – 14.
3. Kofman A.F. Latin American Artistic Image of the World. Moscow: Nasledie, 1997. 320 p.
4. Mistral G. A Sad God: Poems. Moscow: Rudomino Book Center, 2018. 464 p.
5. Bortignon M. A Last Day and a Mother of Siniests. La figura de la caíd en las canciones de cuna de Gabriela Mistral a la luz de las teorías psicoanalíticas de Sabina Spielrein. Taller de letras. 2025. No. 77. P. 8 – 34.
6. Concha J. Gabriela Mistral. Madrid: Ediciones Júcar, 1987. 237 p.
7. Mayne-Nicholls A. La concepción franciscana en las rondas de Gabriela Mistral. Revista UCMaule. 2025. No. 68. P. 50 – 70.
8. Mistral G. Algunos elementos del folklore chileno. Gabriela Mistral: sitio desarrollado por SISIB y Facultad de Filosofía y Humanidades. Santiago: Universidad de Chile. URL: http://gabrielamistral.uchile.cl/prosa/elfolklore.html#as1 (date of access: 20.12.2025)
9. Mistral G. Carta a Eugenio Labarca. Anales de la Universidad de Chile. 1957. No. 106. P. 251 – 279.
10. Mistral G. Padre Bolívar. Recados de la América Nuestra. Caracas: Fundación Editorial El perro y la rana, 2021. 140 p.
11. Mistral G. Ternura. Santiago: Universidad de Chile, 2025. 248 p.
12. Quezada J. Gabriela Mistral: algunas referencias a Ternura. Acta literaria. 1989. No. 14. P. 109 – 119.
13. Ureña Pedro Henríquez. Los hombres de letras que toman parte en nuestra vida. Las corrientes literarias en la América Hispánica. México: Biblioteca Americana, FCE, México, 1949. P. 181 – 214.
14. Vesely Avaria C. Antojo de palabras para la infancia: la canción de cuna latinoamericana como caudal poético de denuncia y ternura. Textes et contexts. 2023. Vol. 18. No. 1. URL: https://preo.ube.fr/textesetcontextes/index.php?id=4152&lang=en#quotation (date of access: 02.01.2026)

Информация об авторах

Бабаева А.М., соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет

Жуков А.П., кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

© Бабаева А.М., Жуков А.П., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'38
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-190-202

Стратегии популяризации медицинского знания в произведениях художественного нон-фикшена: лингвостилистический анализ

[1] Пинчукова А.Е.

[1] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: статья посвящена анализу стратегий популяризации медицины в контексте активно развивающегося литературного жанра. Цель исследования заключается в выявлении способов адаптации медицинского знания под стилистические и прагматические особенности произведений жанра «художественный нон-фикшен» медицинской тематики, используемых авторами-популяризаторами с разной профессиональной принадлежностью. В статье рассматривается жанр художественного нон-фикшена, являющийся гибридом классического нон-фикшена и художественной литературы и характеризующийся высокой степенью достоверности и обдуманным подходом к художественной стороне произведения. В задачи исследования входило рассмотреть базовые характеристики художественного нон-фикшена и анализа научно-популярных работ, выявить используемые авторами популяризаторские стратегии и соответствующие им языковые средства выразительности, а также установить степень влияния профессиональной принадлежности авторов на употребляемые стратегии. Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его результаты для образовательных целей (например, в рамках курса по лексикологии или нарративной медицине для студентов филологических, лингвистических и медицинских направлений) и популяризации науки. В результате исследования установлено, что основными стратегиями популяризации являются: введение и контекстуализация тематики; целенаправленное использование заголовков, юмора и лица повествования для вовлечения читателя; употребление «изобразительности» и объяснений для передачи информации в понятном виде; указание ссылок на источники и дополнительную литературу для соблюдения критерия достоверности информации. Отмечается, что обозначенные стратегии реализуются с помощью языковых средств выразительности и структурных элементов организации текста.

Ключевые слова: популяризация медицинского знания, стратегии популяризации медицины, художественный нон-фикшен, медицинский художественный нон-фикшен, стилистика художественного нон-фикшена, прагматика художественного нон-фикшена

Для цитирования: Пинчукова А.Е. Стратегии популяризации медицинского знания в произведениях художественного нон-фикшена: лингвостилистический анализ // Современный ученый. 2026. № 11. С. 190 – 202. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-190-202

Поступила в редакцию: 20 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Strategies for popularizing medical knowledge in creative nonfiction works: a linguostylistic analysis

[1] Pinchukova A.E.

[1] National Research University Higher School of Economics

Abstract: the article analyzes strategies for popularizing medicine in the context of a rapidly developing literary genre. The aim of the study is to identify ways to adapt medical knowledge to the stylistic and pragmatic features of nonfiction works on medical topics, used by science communicators with different professional backgrounds. The article examines the genre of creative nonfiction, a hybrid of classical nonfiction and fiction, characterized by a high degree of veracity and a thoughtful approach to the artistic side of the work. The objectives of the study included examining the basic characteristics of creative nonfiction and analyzing popular science works, identifying the popularization strategies used by authors and the corresponding linguistic means, and also establishing the degree of influence of the authors' professional background on the strategies used. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results for educational purposes (for instance, within the framework of a course on lexicology or narrative medicine for students of philological, linguistic, and medical fields) and the popularization of science. The study has revealed that the main popularization strategies are: introduction and contextualization of the topic; targeted use of headlines, humor, and narration to engage the reader; the use of imagery and explanations to convey information clearly; and the inclusion of references to sources and additional literature to ensure the reliability of the information. It is noted that these strategies are implemented through expressive linguistic means and structural elements of text organization.

Keywords: medicine popularization, strategies of medicine popularization, creative nonfiction, medical creative nonfiction, creative nonfiction stylistics, creative nonfiction pragmatics

For citation: Pinchukova A.E. Strategies for popularizing medical knowledge in creative nonfiction works: a linguostylistic analysis. Modern Scientist. 2026. 11. P. 190 – 202. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-190-202

The article was submitted: June 20, 2026; Approved after reviewing: July 17, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена потребностью в обсуждении проблем здоровья, которая является устойчивой на протяжении многих столетий и сохраняется в современном мире. Однако в настоящее время все еще наблюдается недостаток доступных широкой аудитории форматов передачи базовой информации о человеческом здоровье [13; 16; 23]. Информация, которую предоставляют врачи в ходе лечения пациентов, не всегда оказывается достаточной для понимания медицинской проблемы, с которой сталкивается человек.

В связи с этим люди, не обладающие профессиональными знаниями в области медицины, вынуждены обращаться к различным общедоступным ресурсам, чтобы восполнить недостаток знания и разобраться в волнующей проблеме. С развитием технологий появляются разнообразные средства получения адаптированного под нужды населения медицинского знания: телепередачи, подкасты, видео, брошюры, гайдлайны, справочные базы данных (например, PubMed и eMedicine, которые изначально являются базами для профессионалов, могут также быть востребованы среди широкой аудитории). Среди наиболее доступных широкой аудитории форматов можно также выделить медицинскую журналистику – например, еженедельные рубрики в газетах и журналистские фильмы.

Однако далеко не всегда информация в подобных источниках оказывается достоверной и соответствующей настоящему этапу развития той или иной медицинской области. Важно отметить, что именно в медицине неосторожность в обращении с адаптированной информацией может иметь не просто негативные, но даже опасные последствия. Показательным примером может стать пожилое поколение, которое имеет тенденцию к доверительному отношению к предлагаемым им рекомендациям в различных медицинских телепрограммах. Поэтому важно уметь определять, какую именно функцию реализует конкретный формат популяризации медицинского знания – просветительскую и обучающую или прежде всего развлекательную.

Активную роль в реализации добросовестной адаптации медицинского знания играют популяризаторы науки. В то время как авторами многих блогов и других средств популяризации являются профессиональные врачи (например, широко известен блог под названием Doctor Mike, автором которого

является Михаил «Майк» Варшавский), распространен также и феномен медфлюенсинга (*medfluencing*), нашедшего особую популярность среди студентов-медиков, которые еще не имеют ученой степени и, соответственно, могут предоставлять недостоверную информацию. Тем не менее, более традиционный способ получения информации – с помощью книг – все еще не теряет спрос широкой аудитории, и в настоящее время наблюдается рост популярности нового жанра научно-популярной литературы – медицинского художественного нон-фикшена. Данный жанр объединяет обе функции – просветительскую и развлекательную, – и авторами многих работ являются профессиональные врачи. Однако также существуют произведения за авторством популяризаторов с отсутствием или недостатком базового медицинского образования, в которых авторы, тем не менее, стремятся реализовать просветительскую (образовательную) функцию на достойном уровне. Интерес к различиям в подходе к адаптации медицинского знания специалистами с разным профессиональным бэкграундом обусловил цель настоящего исследования, которая заключается в выявлении способов адаптации медицинского знания под стилистические и прагматические особенности произведений жанра «художественный нон-фикшен» медицинской тематики, используемые авторами-популяризаторами с разной профессиональной принадлежностью.

Для достижения основной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- обозначить базовые характеристики художественного нон-фикшена как жанра и основные принципы анализа научно-популярных текстов;
- выявить с помощью каких популяризаторских стратегий реализуются основные характеристики художественного нон-фикшена – высокая степень достоверности и внимательный подход к «художественной» стороне языка;
- выделить конкретные языковые средства выразительности и структурные элементы текста, с помощью которых реализуются выявленные популяризаторские стратегии;
- обозначить наличие или отсутствие влияния профессионального бэкграунда авторов на употребление определенных популяризаторских стратегий.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили три произведения художественного нон-фикшена медицинской тематики: «Бессмертная жизнь Генриетты Лакс» Ребекки Склут, «У каждого пациента своя история» Лизы Сандерс и «Сто имен любви» Дианы Акерман. Выбор произведений продиктован разной профессиональной принадлежностью авторов, которая может обусловить выводы об употреблении популяризаторских стратегий и соответствующих им языковых средствах выразительности и элементов структурной организации текста. Так, Ребекка Склут – журналист, Лиза Сандерс – врач, а Диана Акерман – поэт. Логично предположить, что Ребекка Склут и Лиза Сандерс будут применять различные средства выразительности целенаправленно и обдуманно, взвешивая то, облегчит ли такой подход к описанию явлений понимание читателя. Предположительно, в произведении Дианы Акерман с большой долей вероятности будут использоваться средства выразительности, которые могут препятствовать эффективному пониманию контекстов, объясняющих определенное медицинское явление.

Кроме того, выбранные произведения представляют собой три разных формата художественного нон-фикшена: биография («Бессмертная жизнь Генриетты Лакс»), научно-популярный сборник историй («У каждого пациента своя история») и мемуары («Сто имен любви»). Каждое из произведений получило широкое признание или было удостоено высоких наград за литературное мастерство (произведение «Сто имен любви» Дианы Акерман стало финалистом Пулитцеровской премии).

При решении задач использовались методы исследования, изложенные далее. Для обозначения характеристик художественного нон-фикшена и принципов анализа научно-популярных текстов используется контент анализ. Для выявления популяризаторских стратегий, с помощью которых реализуются основные характеристики художественного нон-фикшена, применяется аналитический фрейм для анализа научно-популярного дискурса Ф.М. Стерк и М.М. ван Гоч. Выделение языковых средств выразительности и структурных элементов текста реализуется с помощью контекстуального анализа материала. В случае использования автором метафоры также применяется процедура идентификации метафоры – сравнения контекстного значения лексической единицы со словарным значением [17]. Наконец, методы классификации и систематизации выявленных языковых средств выразительности и структурных элементов текста используются для установления наличия или отсутствия влияния профессиональной принадлежности авторов на употребление тех или иных популяризаторских стратегий.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные работы исследователей теории дискурса Т. ван Дейка и Э. Кальсамилья и научно-популярного дискурса В.Е. Чернявской, Ф.М. Стерк и

М.М. ван Гоч [6; 9; 22], а также художественного нон-фикшена Л. Гаткинда, Ф. Жерара, М. Сингер и Н. Уокер, С. Прентисс и Дж. Нельсон [10; 11; 12; 20; 18]. В работе Т. ван Дейка и Э. Кальсамилья [9] раскрывается сущность дискурсивных, прагматических и когнитивных аспектов популяризации научного знания, а также выявляются стратегии популяризации понятия «геном» в журналистских текстах на испанском языке, в то время как В.Е Чернявская в своем исследовании [6] фокусируется на базовых структурных категориях научного текста, а Ф.М. Стерк и М.М. ван Гоч [22] представляют структурированное исследование стратегий популяризации научного знания, реализованного на основе широкой эмпирической базы журналистских текстов. Работы перечисленных исследователей художественного нон-фикшена вносят вклад в изучение базовых характеристик данного гибридного жанра с филологической точки зрения, выделяя использование авторами таких приемов, как ретроспектива, лицо повествования, малые и большие абзацы, прием всезнающего рассказчика и другие.

Базой исследования также послужила фундаментальная работа по теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [14], в рамках которой постулируется, что метафора является когнитивным механизмом и объясняет наличие и вербализацию определенных метафорических фреймов в речи, а процедура идентификации метафоры [17], заключающаяся в сравнении словарного и контекстуального значения для установления наличия метафорического переноса, стала одним из методов исследования.

В исследовании учитывались работы С.И. Маджаевой [3; 4; 5] и Л.А. Киселевой [1; 2], посвященные изучению медицинских текстов в непрофессиональном дискурсе и постулирующие, что популяризация медицинского знания в этих текстах обеспечивается с помощью использования специальной лексики (терминов), реализующей определенные функции – прежде всего, просветительскую, а также функцию портретирования.

Результаты и обсуждения

Один из традиционных источников информации – научная литература – в настоящее время также претерпевает изменения вследствие выраженной тенденции к демократизации знания. Особую популярность приобретает медицинский художественный нон-фикшен – жанр литературы, в котором медицинские специалисты, пациенты и их родственники получают «право голоса», описывая личный опыт решения проблем, связанных со здоровьем и заботой о его сохранении. Художественный нон-фикшен обладает рядом особенностей, которые отличают его от знакомого широкой аудитории жанра классического нон-фикшена [10; 11; 18].

Этот жанр объединяет конвенции классического нон-фикшена, отдающего приоритет изложению объективных фактов, и общеизвестных художественных форматов, поощряющих употребление различных лингвостилистических средств организации информации с целью наглядного описания субъективного человеческого опыта. Подобная двойственность жанра вызывает трудности при попытке дать ему точное определение. Наряду с термином «художественный нон-фикшен» используются также «литература фактов», «литература реальности», «документальный нарратив» или «верфабула» [12, p. 9]. Как отмечают Марго Зингер и Николь Уокер, жанр художественного нон-фикшена является «гибридом», причем не только по форме, но и по содержанию [20].

Заметим, что очевидная внутренняя противоречивость названия жанра вызвала общественный резонанс еще в 1959 г., когда этот термин был употреблен впервые, и в 1969 г., когда термин стал употребляться широко [12]. Как отмечает Ли Гаткинд, сам по себе термин *creative nonfiction*, или «художественная научно-популярная литература», «художественный нон-фикшен», акцентирует определение *creative* («креативный, художественный»), что приводит к определенным противоречиям [12, p. 10]. Так, оба прилагательных – «креативный» и «художественный» – содержат сему ‘вымышленный, придуманный’, но жанр нехудожественной, научно-популярной литературы предполагает изложение объективных фактов, без представления авторской точки зрения.

Исследователи выделяют две основные характеристики, которые должны прослеживаться в произведениях данного жанра: 1) высокая степень достоверности при передаче фактов и 2) повествовательный характер письма и внимательное отношение к писательскому мастерству [10; 18]. Первая характеристика особо значима для определения художественного нон-фикшена, так как главной целью произведений данного жанра является просвещение общественности, хотя и с помощью определенных языковых средств выразительности [11]. Авторы могут преследовать разные цели, которые и диктуют перевес в сторону достоверности или художественности, потому что степень достоверности представляет собой спектр с размытыми границами, является некоей серой зоной. Художественный нон-фикшен принадлежит именно серой зоне, поскольку он балансирует между абсолютной правдой и стопроцентной выдумкой в разной степени, в зависимости от интенций автора [18, p. 19-21].

Однако данные характеристики жанра являются абстрактными и не позволяют выработать схему анализа произведений с точки зрения того, каким образом реализуется популяризаторский компонент. Поэтому для изучения отобранных произведений выбран «фрейм» для анализа популяризаторского (научно-популярного) дискурса, предложенный Ф.М. Стерк и М.М. ван Гоч. Исследователи обращают внимание на то, что научно-популярный дискурс преимущественно анализируется на основе немногочисленных корпусов текстов, что не позволяет сделать более обобщенные количественные и качественные выводы о наиболее распространенных стратегиях популяризации знания и лингвостилистических средствах, благодаря которым они реализуются в тексте. Более того, исследователи также могут пренебрегать детальным описанием методологии, что препятствует воспроизведению последующих исследований подобного формата [22]. Эти недостатки стали отправной точкой для составления их собственного метода – аналитического фрейма, состоящего из наиболее распространенных в текстах популяризаторских стратегий и соответствующих им средствам языковой выразительности и элементам структурной организации текста.

Структура метода заключается в маркировании отдельных слов, словосочетаний, предложений и абзацев кодами, соответствующим стратегиям популяризации. Следует отметить, что исследователи предлагают рассматривать стратегии популяризации знания с точки зрения анализа дискурса популяризации, позиционируя отдельные тексты как частные случаи «глобального коммуникативного акта популяризации» [9]. Стратегии популяризации знания определяются как «коммуникативные задачи, выраженные языковыми характеристиками – от отдельных на лексическом уровне до комбинированных на синтаксическом уровне (уровне предложения)» («*communicative goals that consist of lexical to multi-sentence features*») [22, p. 7].

Двумя основными процессами, которые можно проследить в научно-популярном дискурсе, являются реконтекстуализация и реформулирование [22]. Соответственно, под реконтекстуализацией понимается «переосмысление выводов исследований в повседневном контексте» на концептуальном уровне, а под реформулированием – «повышение понятности текста», что прослеживается в первую очередь на «языковом и текстовом уровнях» [22, p. 6].

В предложенной Стерк и Гоч классификации большее внимание уделяется выделению конкретной темы и популяризаторской стратегии, которая ей соответствует. Так, для целей настоящего исследования особо важными являются следующие темы и стратегии: 1) тематика (*subject matter*) – введение, контекстуализация; 2) вовлечение (*engagement*) – заголовки и подзаголовки, юмор, «инклюзивные» местоимения, предоставление читателю «голоса» с помощью выбора лица повествования; 3) изменение способа передачи информации под нужды читателя (*tailoring information to the reader*) – изобразительность, объяснения; 4) достоверность (*credibility*) – указание ссылок на оригинальные исследования и дополнительные источники [22, p. 52-57].

Несмотря на то, что авторы оригинального исследования позиционируют предлагаемый ими фрейм как универсальный, подходящий для анализа любых научно-популярных произведений, мы не можем согласиться с этим в полной мере. Анализ отобранных произведений художественного нон-фикшена на медицинскую тематику показывает, что список стратегий популяризации знания может быть дополнен с учетом использования более широкого спектра средств языковой выразительности и структурной организации текста для реализации той или иной популяризаторской стратегии.

Соответственно, средства языковой выразительности и структурной организации текста, которыми можно дополнить список способов реализации перечисленных популяризаторских стратегий, являются: 1) введение (*lede*) – наличие дисклеймеров в начале произведения, контекстуализация – построение фоновой сцены; 2) заголовки и подзаголовки, а также юмор – нетривиальные наименования глав (используются, например, таймлайны и каламбуры, цитаты, метафоры, эпитеты, субстантивация и другие), «инклюзивные» местоимения и предоставление читателю «голоса» – выбор лица повествования; 3) изобразительность и объяснения – метафоры для объяснения терминов и явлений; 4) указание ссылок на оригинальные исследования и дополнительные источники – включение раздела «Notes» в конце произведения.

Следует отметить, что авторы используемого аналитического фрейма рассматривали преимущественно журналистские популяризаторские тексты, что ограничивает их исследование с точки зрения более конкретных языковых средств, соответствующих стратегиям популяризации. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка расширить ранее предложенный список.

Основными способами реализации *стратегии введения и контекстуализации тематики* являются дисклеймеры в начале произведения (введение) и построение фоновой сцены (контекстуализация). Необходимость использования дисклеймеров объясняется совокупностью нескольких факторов. С одной

стороны, автору может понадобиться ввести необходимые обозначения, как, например, в произведении Лизы Сандерс, в котором она уже в начале отмечает, что местоимение *he* в общем значении (*generic «he»*) будет использоваться для обозначения пациента, а местоимение *she* – для обозначения врача. Ребекка Склут употребляет дисклеймер для того, чтобы подчеркнуть достоверность приводимых диалогов, в которых она передает особенности афроамериканского диалекта персонажей, что иллюстрируется, например, ненормативным написанием форм глаголов с суффиксом *-ing* и местоимения *them*: «[...] John Hopkins took her cells and *them* cells are still *livin* today, still *multyplyin,* still *growin* and *spreadin* if you don't keep *em* frozen» [21, p. 11] («[Больница] Джона Хопкинса забрала ее клетки и эти клетки до сих пор живы, размножаются, растут и распространяются, если не хранить их в замороженном виде»). (Здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А.П.)

С другой стороны, необходимость дисклеймера может быть обусловлена тем, что авторы несколько изменяют факты. Несмотря на выдвинутое Ли Гаткиндом положение о том, что никакие факты реальности в работе художественного нон-фикшена не могут быть изменены [11], этот принцип не всегда последовательно реализуется. Изменение фактов может потребоваться в тех ситуациях, когда сохранение достоверности может навредить репутации человека (например, врача) или повлечь за собой нежелательное внимание к его персоне. Подобный дисклеймер можно встретить в работе Лизы Сандерс: «The stories I tell here are real. In order to respect the confidentiality of these patients who were kind enough to share their stories with me, I have changed their names. [...] The doctors featured in these pages described in detail some of their most difficult diagnoses—mistakes and all. They are distinguished not by these errors but by their willingness to discuss them. No one should be punished for simply being honest, and so I have changed the names of these brave doctors» [19, p. ix] («Истории, которые я здесь рассказываю, реальны. Чтобы соблюсти конфиденциальность этих пациентов, которые так любезно поделились со мной своими историями, я изменила их имена. [...] Врачи, о которых идет речь на этих страницах, подробно описали некоторые из своих самых сложных диагнозов – со всеми ошибками. Но их отличают не эти ошибки, а готовность обсуждать их. Никто не должен быть наказан просто за честность, поэтому я изменила имена этих смелых врачей»).

В противоположной ситуации, когда автор сохраняет высшую степень достоверности, может использоваться дисклеймер о том, что опрошенные люди дали свое информированное согласие на использование информации: «This is a work of nonfiction. No names have been changed, no characters invented, no events fabricated» [21, p. xxi] («Это произведение нон-фикшена. Имена не изменены, персонажи не придуманы, события не сфабрикованы»). Это часто подразумевает сохранение манеры речи человека и ее передачу различными графическими способами на письме, о чем уже упоминалось ранее: «I've done my best to capture the language with which each person spoke and wrote: dialogue appears in native dialects [...]» [21, p. xxi] («Я постаралась максимально точно передать язык, на котором каждый человек говорил и писал: диалоги представлены на местных диалектах [...]»). Эксплицированное авторское решение о полном сохранении объективных фактов встречается и в работах классического нон-фикшена, что свидетельствует в пользу гибридного характера рассматриваемого жанра.

Построение фоновой сцены предполагает более подробное описание того, каким образом выглядит определенное место, что позволяет читателю пережить опыт автора или одного из персонажей. Бренда Миллер отмечает, что построение сцены является одним из главных инструментов художественного нон-фикшена именно по обозначенной причине. Иными словами, художественный нон-фикшен от классического отличает как раз то, что читатель приглашается пережить опыт самостоятельно, без посредников. Любая сцена также должна содержать определенное действие, которое разворачивается в окружающем его месте. Например, именитый хирург Ричард Селзер описывает опыт осмотра пациента и восприятия диагноза от первого лица таким образом, как будто читатель узнает о страшном диагнозе одновременно с самим врачом: «There is a hush in the room. Speech stops. The hands of the others, assistants and nurses, are still. [...] The stomach is okay. Greater curvature clean. No sign of ulcer. [...] Liver… uh-oh… [...] Three big hard ones in the left lobe, one on the right. Metastatic deposits. Bad, bad» [15, p. 187–189] («В комнате воцаряется тишина. Речь затихает. Руки остальных, ассистентов и медсестер, неподвижны. [...] Желудок в порядке. Большая кривизна желудка чистая. Признаков язвы нет. [...] Печень… ой-ой… [...] Три больших твердых образования в левой доле, одно в правой. Метастатические очаги. Плохо, очень плохо»). В соответствии с канонами описания фоновой сцены, этот фрагмент включает и понятное читателю представление образа больницы, и ощущения, ассоциирующиеся с врачебным кабинетом. Более классическое описание фоновой сцены можно встретить в произведениях Ребекки Склут и Дианы Акерман, которые прибегают к описанию деталей пространства с помощью различных определений: «Inside Cliff's

house, the ***electric-blue and white walls*** were ***darkened with smudges*** of oil and dirt. [...] He slept downstairs on a thin, ***sheetless twin bed*** across from the refrigerator and woodstove, next to a folding table [...]» («Внутри дома Клиффа стены, окрашенные в ярко-синий и белый цвета, были покрыты пятнами масла и грязи. [...] Он спал внизу на тонкой односпальной кровати без простыней, напротив холодильника и дровяной печи, рядом со складным столом [...]») и «For three weeks, he'd languished in this ***high-tech cove*** [...]» [21, p. 137-138; 7, 2011, p. 3] («Три недели он томился в этом высокотехнологичном убежище [...]»).

Стратегии использования заголовков, подзаголовков и юмора находят свое выражение в нетривиальных наименованиях глав произведений. Примечательно, что различные средства языковой выразительности используются в двух рассматриваемых произведениях из трех – «Бессмертная жизнь Генриетты Лакс» и «У каждого пациента своя история», а «Сто имен любви» Дианы Акерман имеет традиционное обозначение глав с помощью нумерации. Среди наиболее распространенных средств выразительности можно выделить цитаты, метафоры, градацию, субстантивацию, различные графические приемы, лексические повторы, пословицы, каламбуры и эпитеты.

К наиболее примечательным цитатам в названиях глав «Бессмертной жизни Генриетты Лакс» можно отнести те, которые включают также определение и предикатив (*The Most* ***Critical*** *Time on This Earth is Now* («Самое критическое время на Земле – сейчас»)*; It's* ***Alive*** («Оно живое») – данное название относится к разговору о клетках Генриетты), риторические вопросы (*Who Told You You Could Sell My Spleen?* («Кто вам сказал, что вы можете продать мою селезенку?»)), квантификаторы (***All*** *That's My Mother* («Все, чем является моя мать»)) и метафоры (*The* ***Devil of Pain*** *Itself* («Дьявол боли собственной персоной»)). Прием градации также встречается в названии одной из глав – *Illegal, Immoral, and Deplorable* («Незаконно, аморально и отвратительно»), – иллюстрируя этическое противоречие, связанное с тем, что Генриетта не давала своего согласия на забор биоматериала, как и многие другие пациенты, на которых впоследствии проводились эксперименты с помощью клеток HeLa. Интересно отметить, что Ребекка Склут демонстрирует верность принципу максимальной достоверности и в названии одной из глав, передавая афроамериканский диалект с помощью ненормативного написания причастия и общей грамматической формулировки предложения: *Blackness* ***Be Spreadin*** *All Inside* («Чернота распространяется повсюду внутри»).

Субстантивация является еще одним любопытным приемом, который особенно эффективно обыгрывает само имя Генриетты и общеупотребительное название ее клеток HeLa. Название клеток первоначально встречается дважды в качестве определения: *The* ***HeLa*** *Factory* («Фабрика HeLa») и *The* ***HeLa*** *Bomb* («Бомба HeLa»). В третьей и заключительной части книги «Immortality» («Бессмертие») Ребекка Склут внедряет в это наименование также графический прием, используя написание с помощью строчных букв, предположительно подчеркивая важную роль Генриетты как личности в научном прорыве (*Hela* как сокращение от Henrietta Lacks): ***Hela****, Goddess of Death* («HeLa, богиня смерти»). Более того, можно также обратить внимание и на употребленную метафору «goddess of death» («богиня смерти»), способствующую созданию сильного образа женщины, стоящей за всем известной популяцией клеток, с помощью эмоционально окрашенного существительного *goddess*. Среди ярких примеров названий можно также выделить *A Village of* ***Henriettas*** («Деревня Генриетт»), в котором автор употребляет уже полное имя Генриетты, делая из него существительное во множественном числе и подчеркивая популярные в 2000-ых годах доводы о том, что клетки Генриетты могли бы стать возможной основой для ее клонирования. В произведении Лизы Сандерс также встречаются примеры конверсии, которые употребляются уже в более общих контекстах в основном тексте произведения: «[...] the ***whats***, ***wheres***, and ***whens*** extracted by an interrogation, but often the ***whys*** and ***hows*** as well» [19, p. 7] («[...] в ходе допроса извлекаются сведения о том, что, где и когда, но часто также и о том, почему и как»). Интересно, что в данном случае эффект подвергшихся конверсии вопросительных слов усиливается употреблением метафоры «общение пациента и врача – это допрос» («extracted by an ***interrogation***» («получено в ходе допроса»)).

В произведении Лизы Сандерс «У каждого пациента своя история» также встречаются интересные языковые средства выразительности в названиях некоторых глав. Среди наиболее показательных можно выделить лексические повторы, пословицы, каламбуры и эпитеты. К лексическим повторам можно отнести пример анадиплосиса, который соединяет название произведения «Every Patient Tells A Story» и одно конкретное название главы – ***The Stories*** *They Tell* («Истории, которые они рассказывают»). Каламбуры представлены примерами, обыгрывающими явления из области медицины – *The* ***Heart*** *of the Matter* («Суть дела»), ***Sick*** *Thinking* («Больное мышление»), *Afterword: The* ***Final Diagnosis*** («Послесловие: окончательный диагноз»). Так, существительное *heart* и прилагательные *sick* и *final* (последнее – в комбинации с существительным *afterword*) обеспечивают общий эффект ироничного отношения к обсуждаемым

проблемам, являющимся одновременно с этим серьезными. Более того, два раздела произведения также носят названия, включающие в себя игру слов, основанную на созвучии лексем: один из разделов – *High Touch* («Высокий уровень тактильного контакта»), следующий – *High Tech* («Высокотехнологичный»). Можно предположить, что в то время как первая глава уделяет больше внимания врачебному взгляду на проблему, вторая глава фокусируется на проблемах, возникающих в процессе постановки диагноза с помощью доступных технологий. Среди пословиц и эпитетов можно выделить два интересных примера – *Seeing Is Believing* («Пока не увижу, не поверю») и *A Vanishing Art* («Исчезающее искусство»). Примечательно, что в случае пословицы *Seeing Is Believing* автор употребляет каламбур, который основывается не столько на идиоматическом значении выражения («нужно что-то увидеть, прежде чем поверить в это»), сколько на связи глагола *see* с физической способностью человека видеть. Наконец, эпитет *vanishing* в названии *A Vanishing Art* представляет собой довольно типичный для художественного нон-фикшена прием использования эмоционально окрашенной лексики. Логично предположить, что существительное *art* соотносится с основной тематикой произведения – постановкой диагноза, а прилагательное *vanishing*, соответственно, отражает затруднительную ситуацию, в которой находится данная область. Негативная окраска данного причастия в сочетании с метафорически использованным существительным производит необходимый эффект безысходности, который хочет передать автор.

Помимо превалирующих в названиях глав произведения Ребекки Склут языковых средств выразительности можно также выделить один не менее примечательный структурный элемент текста – сопровождение каждого названия главы годом, о котором пойдет речь. Склут внедряет в свое произведение таймлайн, охватывающий как несколько десятилетий работы над книгой самого автора, так и воссозданные по свидетельствам родственников Генриетты Лакс события. В связи с этим кажется эффективным добавлять к названию каждой главы конкретный год, который может позволить читателю начать мысленно выстраивать последовательную картину, даже не начав читать произведение: например, «1. The Exam – 1951» («1. Осмотр – 1951»). В десятилетии «1950s» на стреле времени выделен 1951 год, соответствующий главе «5. Blackness Be Spreadin All Inside» («5. Чернота распространяется повсюду внутри»), в которой описываются первые переживания Генриетты после осознания тяжести своего состояния, а от десятилетия «2000s» на таймлайне ответвляется 2009 год, которому посвящена глава «38. The Long Road to Clover» («38. Долгая дорога в Кловер»), где Склут описывает собственный опыт посещения уже опустевшего города. Этот прием ориентирован на читателя, так как он фокусирует внимание на сравнительно небольшом периоде времени в рамках отдельной главы, встраивая каждое описываемое событие в более широкий контекст практически целого столетия (примерно с 1920 по 2009 год).

Стратегии использования «инклюзивных» местоимений и предоставления читателю «голоса» реализуются с помощью сознательного выбора лица повествования. Основными вариантами являются описание непосредственно от первого лица и описание от третьего лица, часто объединенное с приемом «всезнающего рассказчика». Ли Гаткинд отмечает, что повествование от первого лица может быть предпочтительнее в тех случаях, когда пережитый автором включается в описание переживаний персонажей, что усиливает эффект от описания событий. Выбор третьего лица или приема «всезнающего рассказчика» может быть полезен в тех случаях, когда главная тема работы представляет интерес и без «голоса» автора (например, при описании сильных переживаний персонажей) [11]. В этом смысле работа Ребекки Склут также является примечательной, так как в ней автор совместил оба способа повествования – третье лицо для более объективного описания подробной хронологии жизни Генриетты Лакс и первое лицо для введения в текст фрагментов, повествующих о своем опыте знакомства и исследовательском интересе к написанию истории Генриетты: «On January 29, 1951, ***David Lacks sat*** behind the wheel of his old Buick [...] ***He*** was parked under a towering oak tree outside Johns Hopkins Hospital…» («29 января 1951 года Дэвид Лакс сидел за рулем своего старого Бьюика [...] Он припарковался под высоким дубом возле больницы Джона Хопкинса…») и «There's a photo on my wall of a woman ***I've never met.*** [...] ***I've spent*** years staring at that photo [...] ***I first learned*** about HeLa cells and the woman behind them in 1988, thirty-seven years after her death [...]» [21, p. 15, 1–2] («На стене у меня висит фотография женщины, которую я никогда не встречала. [...] Я годами смотрела на эту фотографию [...] Впервые я узнала о клетках HeLa и о женщине, стоящей за ними, в 1988 году, через тридцать семь лет после ее смерти [...]»).

Серьезный подход к реализации изобразительности и доступного объяснения информации и терминов реализуется с помощью метафор. Именно метафоры являются тем ключевым элементом художественного нон-фикшена, который привносит в работу необходимую образность и драматичность там, где в работе классического нон-фикшена излагаются факты реальности [8]. Особый интерес представляют фрагменты, в которых авторы прибегают к примерно одинаковым образам: например, в работе Лизы Сандерс сравнение

постановки диагноза с загадкой или головоломкой, которую необходимо решить, встречается уже с первых страниц, что задает характер восприятия информации читателем: «[...] it was not clear if the ***mystery of her illness*** was going ***to be solved*** in time to save her life» и позже «A ***bell went off*** and the connection was made [...] This book is about ***that bell***…» [19, p. xvi, xxi] («[...] было неясно, удастся ли разгадать тайну ее болезни вовремя, чтобы спасти ей жизнь», «[В голове как будто] прозвенел звонок, и связь стала понятна [...] Эта книга об этом звонке…»).

Можно также выделить метафоры, используемые для усиления эффекта отрицательно окрашенного образа какого-либо объекта, опыта или действия: «Standing on Main Street, staring at the ***corpse*** of Clover's downtown [...]» [21, p. 351] («Стоя на главной улице и глядя на труп центра города Кловер [...]»), «[...] ***gnawed*** insistently in the back of her mind [...]» [19, p. 4] («[...] настойчиво терзало ее подсознание [...]»), «[...] the patient, a ***passive bystander*** to the ***ongoing crime***, providing a flattering and somewhat limited ***eyewitness account*** of what happened [...] the patient's story is important only as a ***vehicle*** for the facts of the ***case***» [19, p. 6] («[...] пациент, пассивный наблюдатель за происходящим преступлением, дает лестное и несколько ограниченное свидетельство очевидца о случившемся [...] история пациента важна лишь как средство изложения фактов дела»). Так, в первом случае Ребекка Склут прибегает к олицетворению, сравнивая *город / пригород* с человеком с помощью существительного *corpse*, что усиливает образ полностью разваленного и покинутого места, в котором когда-то жили родственники Генриетты Лакс. Лиза Сандерс в своем произведении прибегает к конвенциональной метафоре для описания ощущения, которое испытывает человек с тревожными мыслями, используя глагол *gnaw*. В произведении Ребекки Склут данная метафора употребляется в похожем контексте: «Pounding in the back of their heads was a ***gnawing feeling*** that science and the press had taken advantage of them» [21, p. 6] («Их мучило гнетущее чувство, что наука и пресса воспользовались их положением»). Интересной метафорой является также сравнение человека со свидетелем преступления («*a passive bystander to the ongoing crime*») с фокусом на фразе *passive bystander*, отрицательная коннотация которой лишает пациента агентности при описании собственных ощущений, необходимых для постановки диагноза. Более того, Сандерс расширяет эту метафору, подчеркивая, что история пациента может помочь специалисту получить необходимые факты его жизни для верной постановки диагноза («the patient's story [...] is a ***vehicle*** for the facts»). Лиза Сандерс также использует другую распространенную метафору для описания процесса постановки диагноза: «[...] the metaphor of ***two writers collaborating on a manuscript***, passing ***draft of the story*** back and forth until both are satisfied [...]» («[...] метафора совместной работы двух писателей над рукописью, передающих черновик истории друг другу до тех пор, пока оба не будут удовлетворены [...]»). Эта метафора не имеет отрицательной окраски, как в предыдущих примерах, она иллюстрирует более современный взгляд на проблему постановки диагноза и коммуникации между пациентом и врачом, в которой обе стороны принимают равное участие (в отличие от вышеописанной метафоры «patient is a passive bystander»).

Произведение Дианы Акерман насыщено метафорами, которые употребляются в более развернутом виде для целей детального описания пережитого персонажами опыта. Употребляемые автором метафоры представляют особый интерес потому, что произведение написано в формате мемуаров, а значит, максимально приближено к описанию пережитого опыта от первого лица. Многие из них выполняют эвокативную функцию, вызывая в сознании читателей зрительные образы. Среди наиболее распространенных метафор можно выделить такие, как описание тела человека, характера, движений, отношений, психологических переживаний, окружающей обстановки, предметов. В большинстве случаев метафоры Дианы Акерман являются окказиональными, что может быть связано с ее профессиональным опытом в поэзии. При сравнении физических и ментальных состояний человека автор часто прибегает к зоологической метафоре: «[...] I was struck by how the body sometimes looks like the ***sea creature*** it is, a ***jellyfish*** with ***long tentacles***, not really a fish at all but a ***gelatinous animal*** full of hidden symmetries, as well as lagoons and sewers, and lots of spongy and stringy bits [...]» («[...] Меня поразило, как иногда его тело напоминает морское существо, которым оно и является: медузу с длинными щупальцами, вовсе не рыбу, а желеобразное животное, полное скрытых симметрий, а также лагун и сточных труб, и множество губчатых и нитевидных образований [...]»), «I used to be such a ***lion***» – «I'd greeted him [...] holding a ***stuffed lion***» [7, p. 3–4] («Раньше я был таким львом» – «Я приветствовала его [...] держа в руках плюшевого льва»). Примечательно, что в последних двух отрывках Акерман мастерски обыгрывает «угасание» сильного образа ее мужа, который однажды ощущал себя настоящим львом, с помощью переноса этого образа на более мягкий образ плюшевой игрушки. При описании психологических процессов и сильных переживаний автор использует метафоры, вызывающие яркие визуальные образы: ***detonation*** of a virtuoso brain («взрыв виртуозного мозга»); he was ***colliding*** at speed with himself («он стремительно сталкивался сам

с собой»); he seemed to be ***in another solar system*** («было похоже, что он находился в другой солнечной системе»)*;* ***sirens*** started ***wailing*** inside me («внутри меня завыли сирены»); as if I were ***on shipboard*** in ***a bow-cracking storm*** («как будто я нахожусь на борту во время шторма, от которого трещит нос корабля»); he'd ***felt assaulted*** by things bright and metallic («он чувствовал себя атакованным яркими металлическими предметами»). Таким образом, функция большинства метафор – привнесение большей доли образности, что способствует эффективному пониманию описываемых переживаний.

Наконец, *стратегия добавления ссылок на оригинальные исследования и дополнительную литературу* репрезентируется разделом «Notes», который приводится в конце произведения. Как отмечают исследователи, отсутствие четкой последовательности сообщения результатов исследования является одной из базовых характеристик научно-популярного текста (в противопоставление, например, логичной структуре научной статьи проблема – гипотеза – доказательство – выводы). Более того, в научно-популярном тексте также традиционно отсутствуют внутритекстовые ссылки на первоисточники [6, с. 43]. Напротив, в произведениях художественного нон-фикшена авторы, тем не менее, соблюдают этические нормы ссылки на оригинальные исследования, но оформляют их в формате послетекстовых примечаний (*endnotes*), которые находятся в конце каждого раздела или целого произведения. Так, Ребекка Склут использует комбинацию послетекстового комментария и послетекстовой ссылки в конце произведения «Henrietta's medical records [...] can be found in Howard W. Jones, "Record of the First Physician to see Henrietta Lacks at the Johns Hopkins Hospital: History of the Beginning of the HeLa Cell Line", *American Journal of Obstetrics and Gynecology* 176, no. 6 (June 1997): S227-S228» [21, p. 394] («Медицинские записи Генриетты [...] можно найти в книге Говарда У. Джонса «Записи первого врача, осмотревшего Генриетту Лакс в больнице Джона Хопкинса: история создания клеточной линии HeLa»), Американский журнал акушерства и гинекологии 176, номер 6 (июнь 1997): С227–С228», а Лиза Сандерс прибегает к более лаконичным послетекстовым примечаниям со ссылкой на исследования: «In a study of over thirty thousand patient records: Leape L, et al. The nature of adverse events in hospitalized patients: results of the Harvard Medical Practice Study II. N Engl J Med. 1991;324:377-384» [19, p. 311] («В исследовании, охватившем более тридцати тысяч историй болезни пациентов: Leape L, et al. Характер нежелательных явлений у госпитализированных пациентов: результаты исследования медицинской практики Гарвардского университета II. N Engl J Med. 1991;324:377-384»). Так, хотя авторы художественного нон-фикшена и стремятся в высшей степени соответствовать критерию достоверности жанра, приводя ссылки на источники, они не стремятся сделать данный элемент центральным в произведении. Напротив, основная часть посвящена просвещению читателя с помощью резюме фактической информации, в то время как послетекстовые ссылки и комментарии – соблюдению критерия достоверности.

Выводы

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Достигнута цель исследования – выявление способов адаптации медицинского знания под стилистические и прагматические особенности произведений жанра «художественный нон-фикшен» медицинской тематики, которые используются авторами-популяризаторами с разной профессиональной принадлежностью (профессиональный врач, журналист и поэт). Отмечается, что прагматические особенности обусловлены основными функциями жанра (просветительская и развлекательная), в то время как стилистические – общими конвенциями жанра и профессиональным бэкграундом авторов. Подобный подход объясняется меняющимися требованиями к популяризации знания (достоверностью информации и доступностью ее изложения и восприятия).

Реализация основных характеристик художественного нон-фикшена – высокой степени достоверности и внимательного подхода к «художественной» стороне языка – происходит в рамках процессов реконтекстуализации и реформулирования знания, которым соответствуют конкретные популяризаторские стратегии. Основные популяризаторские стратегии можно разделить на четыре категории, каждой из которых соответствуют определенные средства языковой выразительности и структурной организации текста: 1) введение (структурный элемент – дисклеймеры) и контекстуализация (построение фоновой сцены, реализуемое с помощью структурных элементов и языковых средств выразительности); 2) заголовки, подзаголовки и юмор (структурный элемент и языковые средства выразительности – наименования глав), а также местоимения и предоставление читателю «голоса» (структурный элемент – лицо повествования); 3) изобразительность и объяснения (языковые средства выразительности – метафоры) и 4) указание ссылок на оригинальные исследования и дополнительные источники (структурный элемент – раздел «Notes»).

Примечательно, что профессиональная принадлежность авторов лишь частично играет важную роль в предпочтении употребляемых популяризаторских стратегий и соответствующих им средств языковой выразительности и структурной организации текста. Так, поэт Диана Акерман больше внимания уделяет употреблению метафор и построению фоновой сцены, но пренебрегает возможностью использовать креативные названия глав. Врач Лиза Сандерс и журналист Ребекка Склут подходят к структурной организации произведений более обдуманно и прагматично: с помощью использования дисклеймеров, раздела «Notes» или выбора лица повествования. Однако в их работах также можно выделить наличие более художественных элементов – метафор и других языковых средств выразительности в названиях глав и построения фоновой сцены. Это может свидетельствовать в пользу того, что наличие профессионального бэкграунда в области медицины является важным для более точного соблюдения гибридных конвенций жанра «художественный нон-фикшен».

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно выделить расширение эмпирической базы и смещение фокуса с популяризаторских стратегий на конкретные языковые явления, с помощью которых происходит адаптация медицинского знания под нужды широкой аудитории. Так, изучение произведений медицинского художественного нон-фикшена авторов-врачей может позволить выявить не только общие паттерны популяризации медицинского знания, но и характеристики идиостиля каждого автора.

Список источников

1. Календр А.А., Киселева Л.А. Профессионально-языковая картина мира клинического психолога в популярно-медицинском дискурсе // Казанская наука. 2026. № 2. С. 564 – 567.
2. Киселева Л.А. Лингвистический аспект в медицинской терминологии (на примере детерминологизации медицинских терминов в художественной литературе и словарях) // Вестник Калмыцкого университета. 2024. № 3 (63). С. 79 – 84.
3. Маджаева С.И. Функционирование медицинских терминов с колоронимами в английском языке // Материалы XXX Международной научной конференции «Пушкинские чтения – 2025. Художественные стратегии классической и новой словесности». 2025. С. 359 – 362.
4. Маджаева С.И. Особенности специальной информации в художественных текстах // Когнитивные исследования языка. 2024. № 4 (60). С. 747 – 753.
5. Маджаева С.И. Особенности функционирования медицинских терминов в художественной литературе // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию Московского педагогического государственного университета «Лингвистика и образование». 2023. С. 122 – 128.
6. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста: учебное пособие. 4-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2007. 128 с.
7. Ackerman D. One Hundred Names for Love: A Stroke, a Marriage, and the Language of Healing. New York: W.W. Norton & Company, 2011. 336 p.
8. Beger A., Smith T.H. How Metaphors Guide, Teach and Popularize Science. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2020. 332 p.
9. Calsamiglia H., Van Dijk T.A. Popularization Discourse and Knowledge about the Genome // Discourse & Society. 2004. Vol. 15. No. 4. P. 369 – 389.
10. Gerard P. Creative Nonfiction: Researching and Crafting Stories of Real Life. Illinois: Waveland Press, 2004. 216 p.
11. Gutkind L. The Art of Creative Nonfiction. Nashville: Turner Publishing Company, 2007. 224 p.
12. Gutkind L. The Fine Art of Literary Fist-fighting. New Haven: Yale University Press, 2024. 288 p.
13. Hart A. Popular Health & Medical Writing for Magazines: How to Turn Current Research & Trends Into Salable Feature Articles. Bloomington: iUniverse, 2005. 236 p.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
15. Miller B., Paola S. Tell It Slant: Creating, Refining and Publishing Creative Nonfiction. New York: McGraw Hill Education, 2019. 347 p.
16. Porter R. The Popularization of Medicine. Oxfordshire: Taylor & Francis, 2013. 320 p.
17. Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. Lawrence Erlbaum Associates. 2007. No. 22. P. 1 – 39.
18. Prentiss S., Nelson J. Advanced Creative Nonfiction: A Writer's Guide and Anthology. London: Bloomsbury Publishing, 2021. 352 p.

19. Sanders L. Every Patient Tells a Story: Medical Mysteries and the Art of Diagnosis. New York: Harmony; Rodale; Convergent, 2009. 304 p.

20. Singer M., Walker N. Bending Genre: Essays on Creative Nonfiction. London: Bloomsbury Publishing, 2013. 240 p.

21. Skloot R. The Immortal Life of Henrietta Lacks. London: Pan Macmillan, 2019. 431 p.

22. Sterk F.M., van Goch M.M. Re-presenting Research: A Guide to Analyzing Popularization Strategies in Science Journalism and Science Communication. London: Palgrave Macmillan, 2023. 141 p.

23. Wang T., Xu Z., Mou Y. Medical Communication: From Theoretical Model To Practical Exploration. Singapore: World Scientific Publishing Company, 2020. P. 1 – 9.

References

1. Kalendr A.A., Kiseleva L.A. Professional and linguistic picture of the world of a clinical psychologist in popular medical discourse. Kazan science. 2026. No. 2. P. 564 – 567.

2. Kiseleva L.A. Linguistic aspect in medical terminology (based on the determinology of medical terms in fiction and dictionaries). Bulletin of Kalmyk University. 2024. No. 3 (63). P. 79 – 84.

3. Madzhaeva S.I. Functioning of medical terms with coloronyms in English. Proceedings of the XXX International Scientific Conference "Pushkin Readings – 2025. Literary strategies of classical and new literature". 2025. P. 359 – 362.

4. Madzhaeva S.I. Features of Special Information in Fiction. Cognitive Studies of Language. 2024. No. 4 (60). P. 747 – 753.

5. Madzhaeva S.I. Features of the Functioning of Medical Terms in Fiction. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 150th Anniversary of Moscow State Pedagogical University "Linguistics and Education." 2023. P. 122 – 128.

6. Chernyavskaya V.E. Interpretation of Scientific Text: A Study Guide. 4th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2007. 128 p.

7. Ackerman D. One Hundred Names for Love: A Stroke, a Marriage, and the Language of Healing. New York: W.W. Norton & Company, 2011. 336 p.

8. Beger A., Smith T.H. How Metaphors Guide, Teach and Popularize Science. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2020. 332 p.

9. Calsamiglia H., Van Dijk T.A. Popularization Discourse and Knowledge about the Genome. Discourse & Society. 2004. Vol. 15. No. 4. P. 369 – 389.

10. Gerard P. Creative Nonfiction: Researching and Crafting Stories of Real Life. Illinois: Waveland Press, 2004. 216 p.

11. Gutkind L. The Art of Creative Nonfiction. Nashville: Turner Publishing Company, 2007. 224 p.

12. Gutkind L. The Fine Art of Literary Fist-fighting. New Haven: Yale University Press, 2024. 288 p.

13. Hart A. Popular Health & Medical Writing for Magazines: How to Turn Current Research & Trends Into Salable Feature Articles. Bloomington: iUniverse, 2005. 236 p.

14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.

15. Miller B., Paola S. Tell It Slant: Creating, Refining and Publishing Creative Nonfiction. New York: McGraw Hill Education, 2019. 347 p.

16. Porter R. The Popularization of Medicine. Oxfordshire: Taylor & Francis, 2013. 320 p.

17. Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. Law-rence Erlbaum Associates. 2007. No. 22. P. 1 – 39.

18. Prentiss S., Nelson J. Advanced Creative Nonfiction: A Writer's Guide and Anthology. London: Bloomsbury Publishing, 2021. 352 p.

19. Sanders L. Every Patient Tells a Story: Medical Mysteries and the Art of Diagnosis. New York: Harmony; Rodale; Convergent, 2009. 304 p.

20. Singer M., Walker N. Bending Genre: Essays on Creative Nonfiction. London: Bloomsbury Publishing, 2013. 240 p.

21. Skloot R. The Immortal Life of Henrietta Lacks. London: Pan Macmillan, 2019. 431 p.

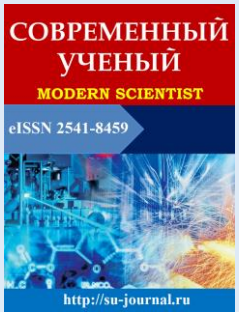
22. Sterk F.M., van Goch M.M. Re-presenting Research: A Guide to Analyzing Popularization Strategies in Science Journalism and Science Communication. London: Palgrave Macmillan, 2023. 141 p.

23. Wang T., Xu Z., Mou Y. Medical Communication: From Theoretical Model To Practical Exploration. Singapore: World Scientific Publishing Company, 2020. P. 1 – 9.

Информация об авторе

Пинчукова А.Е., преподаватель, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, apinchukova@hse.ru

© Пинчукова А.Е., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'23
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-203-209

Когнитивный коллапс категоризации как источник ужаса: образ Ньярлатхотепа в прозе Г.Ф. Лавкрафта

[1, 2] Балобанова А.Г., [1, 2] Рец Н.И., [3] Толстоброва Л.И., [4] Глибина А.А.

[1] Московский политехнический университет,
[2] Российский институт дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
[3] Новосибирский государственный технический университет,
[4] Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

Аннотация: статья посвящена исследованию феномена образа Ньярлатхотепа, из «Мифов Ктулху» Г.Ф. Лавкрафта, нарушающего базовые механизмы человеческого мышления. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время из всех наиболее значимых божеств, населяющих лавкрафтовский пантеон, именно Ньярлатхотеп, а не Ктулху продолжает сохранять способность дестабилизировать значение и разрушать когнитивные матрицы читателя. Основными методами исследования являются метод концептуального, интертекстуального, нарративного и когнитивно-семантического анализа, а также описательный метод. Исследование сосредоточено на теоретических основах изучения процесса категоризации, разработанные Дж. Лакоффом (теория прототипов), и когнитивный подход Н.Н. Болдырева, согласно которому категоризация опирается на субъективный опыт человека. В ходе работы были выявлены и описаны нарушения данного процесса, вызванные образом Ньярлатхотепа. Новизна исследования заключается в анализе образа Ньярлатхотепа, как феномена, вызывающего когнитивный коллапс. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что источником космического ужаса в произведениях писателя является не внешний вид Бога тысячи лиц, а разрушение базовых механизмов категоризации. Выводы, представленные в статье, представляют интерес для исследователей, изучающих когнитивную лингвистику, а именно процесс категоризации и выявления прототипа.
Ключевые слова: Ньярлатхотеп, категоризация, прототип, когнитивный коллапс, субъективный опыт, источник ужаса.

Для цитирования: Балобанова А.Г., Рец Н.И., Толстоброва Л.И., Глибина А.А. Когнитивный коллапс категоризации как источник ужаса: образ Ньярлатхотепа в прозе Г.Ф. Лавкрафта // Современный ученый. 2026. № 11. С. 203 – 209. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-203-209

Поступила в редакцию: 21 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The cognitive collapse categorization as the source of horror: Nyarlathotep's image in H. P. Lovecraft's prose

[1, 2] Balobanova A.G., [1, 2] Retz N.I., [3] Tolstobrova L.I., [4] Glibina A.A.

[1] Moscow Polytechnic University,
[2] Patrice Lumumba Russian University of Peoples' Friendship,
[3] Novosibirsk State Technical University,
[4] Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation

Abstract: the article is devoted to the phenomenon research of Nyarlathotep's image from the "Myths of Cthulhu" by H.F. Lovecraft violating the basic human thinking mechanisms. The relevance of the study is due to the fact that at present, of all the most significant deities inhabiting the Lovecraftian pantheon, it is Nyarlathotep, not Cthulhu who continues to retain the ability to destabilize meaning and destroy the reader's cognitive matrices. The main research methods are the method of conceptual, intertextual, narrative and cognitive-semantic analysis as well as the descriptive method. The research focuses on the theoretical research frameworks for the categorization process developed by J. Lakoff (prototype theory) and N.N. Boldyrev's cognitive approach according to which categorization is based on the person's subjective experience. In the work course, violations of this process caused by the Nyarlathotep's image were identified and described. The research novelty lies in the analysis of the Nyarlathotep's image as the phenomenon causing cognitive collapse. The results allow us to conclude that the cosmic horror source in the writer's works is not the appearance of the Thousand Faces God but the destruction of basic categorization mechanisms. The conclusions presented in the article are of interest to researchers studying cognitive linguistics, namely the categorization process and prototype identification.
Keywords: Nyarlathotep, categorization, prototype, cognitive collapse, subjective experience, source of horror

For citation: Balobanova A.G., Retz N.I., Tolstobrova L.I., Glibina A.A. The Cognitive collapse categorization as the source of horror: Nyarlathotep's image in H.P. Lovecraft's prose. Modern Scientist. 2026. 11. P. 203 – 209. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-203-209

The article was submitted: June 21, 2026; Approved after reviewing: July 17, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Имя Говарда Филлипса Лавкрафта широко известно любителям литературы ужасов во всем мире. Вот уже второе столетие творчество писателя-визионера продолжает волновать читателя и заставлять исследователей обращаться к изучению его творческого наследия, и это не случайно. Лавкрафт создал уникальную вселенную, населил ее древними богами и невообразимыми существами. В основе его мира лежит философия космицизма, к которой писатель прибегает, чтобы объяснить, что человек не является центром вселенной и что в нашей жизни отсутствует божественное присутствие. Лавкрафтовские боги – это могучие древние космические силы, хаотичный пантеон, наводящий ужас на человека, а не объекты духовного спасения и преображения. С точки зрения писателя, наши способности познания необъятной вселенной ничтожно малы, и все, выходящее за рамки человеческого понимания, порождает экзистенциальный страх. Следует заметить, что созданный писателем бестиарий давно стал объектом не только научных изысканий, но и поп-иконизации.

В феврале 2026 г. поклонники литературы ужасов праздновали столетие со дня появления на свет рассказа «Зов Ктулху». Долгие годы древнее божество, олицетворяющее скользящий ужас, оставалось одной из ключевых фигур лавкрафтовского пантеона, однако растиражированность превратила Ктулху из скользящего означающего в стабильный, легко узнаваемый знак, тем самым лишив его способности вызывать нестабильность, на которой строится космический ужас. Массовое потребление «одомашнило» Ктулху, сделав его скорее поп-идолом, чем объектом когнитивного напряжения. Как убедительно доказывает американская исследовательница М.У. Ризи, специализирующаяся на творчестве Лавкрафта, Ктулху «исчерпал себя как знаковый образ, как символ – сигнификатор, чрезмерно представленный в современной популярной культуре» [3].

В этой связи юбилей Ктулху оказывается не столько поводом для чествования одного из самых популярных литературных героев, сколько моментом констатации его семиотической исчерпанности и переоценки ключевых образов Лавкрафта. Именно поэтому сегодня наиболее актуальным объектом лингвистического анализа становится не Ктулху, а Ньярлатхотеп. Как отмечает К. Пшик, лавкрафтовский космический ужас формируется через особые лингвистические механизмы, и Ньярлатхотеп занимает в этом процессе центральное место [5, с. 89]. Из множества существ лавкрафтовского бестиария именно этот персонаж продолжает сохранять способность дестабилизировать значение и разрушать когнитивные матрицы читателя. Однако, несмотря на растущий интерес исследователей к этому феномену, его анализ в современной лингвистике, в частности когнитивной, остается фрагментарным.

Ключевой целью нашей работы является выявление и описание нарушений процесса категоризации, вызванных образом Ньярлатхотепа, как источника когнитивного коллапса, порождающего ужас.

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужили произведения Г.Ф. Лавкрафта, в которых центральное место занимает образ Ньярлатхотепа: поэма в прозе «Ньярлатхотеп» (1920), рассказ «Грёзы в ведьмовском доме» (1932), рассказ «Обитающий во мраке» (1935), повесть «Сомнамбулический поиск неведомого Кадата» (1927) [6; 7; 8; 9]. В исследовании использовались следующие методы:

-концептуальный анализ;

-интертекстуальный анализ;

-нарративный анализ;

-когнитивно-семантический анализ;

-описательный метод.

Использование данного комплекса методов позволило выявить механизмы разрушения процесса категоризации, порождающего космический ужас.

Результаты и обсуждения

Как утверждает М.У. Ризи, «на смену ему (Ктулху) приходит Ньярлатхотеп, Ползучий Хаос, который, как и Реальность, не может быть ограничен в силу своей природы» [3]. Ньярлатхотеп, по мнению исследователя, систематически разрушает понятийные границы, божество не вписывается в определенные рамки, его нельзя отнести к какому-то классу, он нарушает сам процесс категоризации. Однако для того, чтобы уяснить, что нечто «не может быть ограничено», необходимо понять, что значит «ограничить»: как наделить данный феномен набором различительных признаков и вписать его в существующую систему координат, т.е. понять, «чем именно руководствуются люди, собирая некие факты или явления и решая, являются ли они проявлением "одного и того же" или нет» [1, с. 311].

Поиск ответов исследователей на поставленные вопросы для глубокого понимания когнитивных процессов привел к появлению прототипического подхода в лингвистике. По утверждению американского лингвиста Джорджа Лакоффа, классическая теория категорий долгое время не являлась предметом глубокого изучения и основывалась не на эмпирических исследованиях, а на теоретических суждениях. Она воспринималась как «философский постулат» [1, с. 15]. Согласно классической теории категоризации, категория определяется как абстрактное вместилище – «контейнер», куда помещаются объекты, объединенные на основе набора необходимых и достаточных признаков. Традиционный подход предполагает, что мышление не связано с культурной спецификой и индивидуальным восприятием человека. Однако новые эмпирические данные по категоризации явно противоречат сложившемуся взгляду на данный процесс.

По словам Дж. Лакоффа, место традиционного подхода занимает новый подход к категориям, который Элеонора Рош назвала теорией прототипов и категорий базового уровня [1, с. 45-46]. В основе этого подхода лежит представление о том, что существует наиболее репрезентативный представитель, вокруг которого формируются категории в виде других, сходных с ним по каким-то характеристикам элементов. Дж. Лакофф, отрицая классическую теорию категоризации, утверждает, что для всех членов категории не обязательно иметь какую-либо общую характеристику, которая будет рассматриваться как критерий отнесения некоторого элемента к категории. Вместо этого наиболее важными понятиями теории прототипов являются такие понятия, как «центральность», «градация», «континуум», «пограничность», «маргинальность», «размытость, нечеткость» [1, с. 19].

В исследованиях Э. Рош, на которые опирается Дж. Лакофф, установлено, что члены категории могут быть «лучшими» или «худшими» образцами данной категории. Другими словами, не все члены категории равны [1, с. 35]. С точки зрения Дж. Лакоффа, категории организуются вокруг «идеализированных когни-

тивных моделей» (ИКМ), имеют «радиальную» структуру, где в центре такой категории находится прототип - самый яркий и типичный её представитель («лучший пример»). Вокруг него располагаются менее типичные случаи («периферия»), которые могут иметь лишь косвенное отношение к основному прототипу, а членство в категории основано на опыте человека и его взаимодействии с миром [1, с. 67-70]. Оспаривая традиционный подход, исследователь выдвигает принцип «сферы опыта», по которому: «если существует сфера опыта, ассоциирующаяся с А, то все реалии этой сферы естественно принадлежат той же категории, что и А» [1, с. 20]. Согласно данному принципу, предметы с совершенно различными физическими свойствами могут принадлежать к одной категории посредством опыта. Классический подход предполагает, что мышление не связано с индивидуальным восприятием человека. В то время как новый подход основывается на том, что человек опирается как на свой жизненный, физический, эмоциональный и т.д., опыт, так и на воображение, т.е., «с одной стороны, на особенности восприятия, физиологии, двигательной активности и культуры и, с другой стороны, на свойства метафоры, метонимии и ментальной образности» [2, с. 29].

Принципиально иная ситуация возникает при столкновении с Ньярлатхотепом, который систематически нарушает радиальную структуру категории Дж. Лакоффа. Этот персонаж не имеет устойчивых наборов свойств. Его нельзя с чем-то сравнить, подобрать для него прототип. Как пишет М. Ризи, его суть - это «отсутствие, порожденное рождением означающего» [3]. Ньярлатхотеп воплощает собой ключевую парадигму семиотической подвижности: *Бог тысячи лиц* – это не просто указание на множественность, а отрицание любого устойчивого прототипа – лучшего примера категории.

Дебют Ньярлатхотепа в мифологии Ктулху состоялся в одноимённой поэме в прозе, написанной Лавкрафтом в 1920 году, где автор описывает внешние черты *Бога тысячи лиц* как *смуглого, стройного, неизменно мрачного, выходца из Египта* [7]. Как отмечает М. Ризи, этот первый образ Ньярлатхотепа был вдохновлен сообщениями об электрических опытах Николы Теслы, что связывает персонажа с современной наукой и технологиями [3]. В рассказе «Обитающий во мраке» Ньярлатхотеп уже идентифицируется как «*крылатое создание с перепончатыми крыльями и одним трёхдольным пылающим глазом*» [9]. Здесь образ божества приближается к хтоническому чудовищу, наводящему ужас на людей через нарушение зрительных и пространственных ожиданий.

В повести «Сомнамбулический поиск неведомого Кадата» из «Сновидческого цикла» Ньярлатхотеп предстает перед читателем в величественном и обманчиво привлекательном образе *Чёрного Фараона: высокая, стройная фигура с юным лицом античного правителя, облаченная в переливающийся хитон и увенчанная сияющим золотым венцом* [6]. Здесь Ньярлатхотеп – искуситель и страж, чья роль заключается в том, чтобы не пускать смертных к Великим Богам. В этом произведении образ Ньярлатхотепа объединяет несовместимые функции *мудрого наставника и хитрого обманщика, божества и слуги, прекрасного фараона и порождения хаоса* [3]. *Бог тысячи лиц* становится метафорой когнитивной западни. Преодолев все испытания, главный герой, а вслед за ним и читатель, приходит в величайшее изумление, узнав, что великолепный фараон и есть *посланник Иных богов и ужасный дух* [6]. Сознание персонажа не может одновременно воспринимать объект как фараона, олицетворяющего порядок, и как ползучий хаос - символ иррациональности. Этот диссонанс вызывает когнитивный сбой. Можно констатировать тот факт, что во всех текстах Лавкрафта у *Бога тысячи лиц* нет прототипа, его различные ипостаси не образуют радиальной структуры.

В рассказе «Грёзы в ведьмовском доме» Ньярлатхотеп предстает перед читателем как антропоморфная сущность – сверхъестественное существо с дефектами человеческого образа [8]:

-есть цвет кожи, но нет расовой принадлежности;

-есть лицо, но нет мимики;

-есть звук шагов, но не видны ноги;

-есть действие (указывает), но без эмоций и воли.

Этот феномен можно обозначить термином Ю.М. Лотмана как «минус-приём». Исследователь определяет «минус-прием» как «значимый нуль», ставший «органической частью графически зафиксированного текста» [10, с. 70, 127]. С точки зрения Ю.М. Лотмана, «минус-приём» – это «неупотребление, изъятие ожидаемого элемента, его значимое отсутствие в структурном положении, подразумевающем его присутствие» [10, с. 70]. При этом значимо только такое отсутствие, которое соотносится «со структурой читательского ожидания» [10, с. 71].

Анализ цветовой характеристики *Бога тысячи лиц* также показывает полную неопределенность. Изначально Ньярлатхотеп описывается просто как *смуглый человек*, что, вероятно, было отсылкой к его «*египетскому*» облику [7]. Далее Лавкрафт постепенно «затемняет» цвет кожи Ньярлатхотепа. В рассказе «Грёзы в ведьмовском доме» мы встречаем образ «*высокого, худого мужчины мёртво-чёрной окраски, но без*

малейшего следа негроидных черт...» [8]. Читатель понимает, что Лавкрафт намеренно не наделяет своего персонажа расовыми признаками, а скорее символически обозначает абсолютную пустоту: этот абсолют полностью лишен жизни, и именно это делает его *мертвенно-черным*. Это *нечто*, выглядящее как человек, но таковым не являясь, вызывает отторжение и наводит ужас.

В финальной сцене одноименного рассказа «Ньярлатхотеп» перед нами предстают *танцующие гигантские, чудовищные боги, последние боги Вселенной*, которые представляют собой оксюморонное смешение категориальных признаков: *живое/неживое, разумное/механическое, сакральное/профанное* [7].

Перечисленные приёмы, используемые Лавкрафтом в мифологии Ктулху, преследуют одну цель: показать, что в образе Ньярлатхотепа нет ни одной устойчивой характеристики, которая помогла бы отнести его к какой-либо категории.

Согласно утверждению Н.Н. Болдырева, субъективный опыт человека, основанный на его взаимодействии с реальностью, является фундаментальной основой категоризации знаний о мире. Именно через призму этого опыта человек формирует концепты, объединяет объекты в категории и дает им оценки [2, с. 45-47]. В рассказе «Ньярлатхотеп» мы наблюдаем крушение данной категоризации. Главный герой позиционирует себя как *хладнокровного и рационального человека, наделенного скептическим научным мышлением, объясняющим сверхъестественное статическим электричеством, оптическими иллюзиями и массовым гипнозом* [7]. Однако в ходе сеанса у рассказчика возникают когнитивные аномалии, подрывающие данный фрейм. Например, главный герой повествует о том, что *«...его (Ньярлатхотепа) пресловутые искры обладали чудесной способностью вызывать у людей видения, что доселе таились в самой глубине их зрачков и не могли быть извлечены никаким иным способом»* [7]. Здесь мы видим нарушение причинно-следственной связи в восприятии человека, где внешний стимул порождает образ через сенсорные каналы, а не наоборот.

По окончании сеанса, изобилующего аномальными явлениями, персонажи *клятвенно заверяли друг друга* в том, что ничего не изменилось и город живет своей прежней жизнью [7]. Возникшая необходимость такой верификации свидетельствует о состоявшемся когнитивном сбое.

Следующим крушением основ категоризации является потеря пространственных и временных ориентиров, приводящая к разрушению дейктической системы: когнитивная карта города и его окрестностей катастрофически распадается, а её место занимает перцептивный шум, приводящий к физическим мучениям персонажей. *«Мы шли и замечали, что там, где раньше была мостовая, теперь росла трава, а на месте трамвайных рельсов лишь изредка попадалась полоска-другая ржавого металла. Один раз мы наткнулись на трамвай – искореженный, с выбитыми стеклами, запрокинутый набок, и, сколько бы мы ни всматривались вдаль, мы никак не могли понять, куда делась третья по счету башня на берегу реки и почему верхушка второй башни имеет такие неровные очертания»* [7].

В сцене падения в чудовищную пропасть также наблюдается аномалия, из-за которой нарушается привычная схема движения, связанная с падением и последующим ударом. *«Слабая, беспомощная тень, ... мчится сквозь непроглядную тьму распадающегося на части мироздания мимо мертвых планет с язвами на месте городов. Ледяные вихри задувают тусклые звезды, словно свечи. Бесформенные призраки невообразимых монстров встают над галактиками. За ними теснятся смутные очертания колонн неосвященных храмов, что покоятся на безымянных утесах, а вершинами уходят в пустоту гибельного пространства - туда, где кончается царство света и тьмы»* [7]. Бесконечный полет в пространстве, безусловно, не поддается объяснению с точки зрения законов гравитации.

Мы видим, что совокупность лавкрафтовских приемов, вызывающих неопределенность, порождает эффект тотального когнитивного коллапса категоризации. Мир утрачивает связность, восприятие теряет свою достоверность, а субъект лишается способности к логическому умозаключению.

Выводы

Проведённое исследование образа Ньярлатхотепа в прозе Г.Ф. Лавкрафта позволяет утверждать, что источником космического ужаса в произведениях писателя является не внешний вид божества, а разрушение базовых механизмов категоризации. Образ Ньярлатхотепа не имеет устойчивых признаков, его ипостаси не образуют радиальную структуру и не связаны между собой фамильным сходством.

Анализ произведений показал, что при столкновении с *Богом тысячи лиц* рушится сама основа категоризации – человеческий опыт. Персонажи произведений, оказываются в состоянии когнитивного тупика, где привычные ментальные схемы не работают, а альтернативные не предлагаются, и это состояние сбоя когнитивной системы и вызывает космический ужас. Ньярлатхотеп сохраняет способность дестабилизировать значение и разрушать когнитивные матрицы читателя. «Победа» Ньярлатхотепа над героями – это не

триумф колдовства и магии, а победа хаоса над логикой, невозможности - над возможностью, когнитивной западни – над стремлением к знанию. Ньярлатхотеп концептуализируется не как антропоморфный злодей, а как *имя* самого принципа когнитивного сбоя – эпистемической сингулярности, в которой приостанавливаются привычные операции классификации, причинного вывода и дейктической ориентации.

Полученные результаты открывают новые направления для изучения. Нам представляется продуктивным применить разработанный в работе когнитивно-лингвистический инструментарий к анализу других персонажей лавкрафтовского бестиария, таким как Азатот, Йог-Сотот и Шаб-Ниггурат, а также к произведениям более поздних авторов, продолжающих традиции космического ужаса.

Список источников

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении = Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind: пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2011. 792 с.

2. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для студентов вузов. 3-е изд., стер. М.: Директ-Медиа, 2016. 290 с.

3. Ризи М.У. В слепой водоворот невообразимого: Ньярлатхотеп, или Траектория лавкрафтовского означающего [Электронный ресурс]: пер. с англ. // Лаборатория Фантастики (FantLab.ru): сайт. 2022. URL: https://fantlab.ru/edition1234567 (дата обращения: 14.05.2026)

4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

5. Pšczyk K. The Language of Cosmic Horror: A Linguistic Analysis of H.P. Lovecraft’s Selected Works // Text Matters: A Journal of Literature, Theory and Culture. 2023. Vol. 13. No. 1. P. 87 – 104.

6. Лавкрафт Г.Ф. Сомнамбулический поиск неведомого Кадата = The Dream-Quest of Unknown Kadath [Электронный ресурс]: пер. с англ. О. Алякринского // Lovecraft.ru: сайт. URL: https://www.lovecraft.ru/library/kadath/ (дата обращения: 14.05.2026)

7. Лавкрафт Г.Ф. Ньярлатхотеп = Nyarlathotep [Электронный ресурс]: пер. с англ. О. Алякринского // Lovecraft.ru: сайт. URL: https://www.lovecraft.ru/library/nyarlathotep/ (дата обращения: 14.05.2026)

8. Лавкрафт Г.Ф. Грёзы в ведьмовском доме = The Dreams in the Witch House [Электронный ресурс]: пер. с англ. Е. Сухачева // Lovecraft.ru: сайт. URL: https://www.lovecraft.ru/library/witch-house/ (дата обращения: 14.05.2026)

9. Лавкрафт Г.Ф. Обитающий во мраке = The Haunter of the Dark [Электронный ресурс]: пер. с англ. Ю.Р. Соколова // Сказки для всех: сайт. URL: https://skajky.org/horror/799-obitayuschiy-vo-mrake.html (дата обращения: 14.05.2026)

10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, 2016. 704 с.

References

1. Lakoff J. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind: translated from English by I.B. Shatunovsky. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2011. 792 p.

2. Boldyrev N.N. Cognitive Linguistics: A Textbook for University Students. 3rd ed., reprinted. Moscow: Direct-Media, 2016. 290 p.

3. Rizi M.U. Into the Blind Whirlpool of the Unimaginable: Nyarlathotep, or the Trajectory of Lovecraft's Signifier [Electronic resource]: translated from English. Fantastic Science Fiction Laboratory (FantLab.ru): website. 2022. URL: https://fantlab.ru/edition1234567 (date of access: 14.05.2026)

4. Kubryakova E.S. Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in Cognition of the World. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 560 p.

5. Pšczyk K. The Language of Cosmic Horror: A Linguistic Analysis of H.P. Lovecraft’s Selected Works. Text Matters: A Journal of Literature, Theory and Culture. 2023. Vol. 13. No. 1 P. 87 – 104.

6. Lovecraft H.F. The Dream-Quest of Unknown Ka-dath [Electronic resource]: trans. from English. O. Alyakrinsky. Lovecraft.ru: website. URL: https://www.lovecraft.ru/library/kadath/ (date of access: 14.05.2026)

7. Lovecraft H.F. Nyarlathotep = Nyarlathotep [Electronic resource]: trans. from English by O. Alyakrinsky. Lovecraft.ru: website. URL: https://www.lovecraft.ru/library/nyarlathotep/ (date of access: 14.05.2026)

8. Lovecraft H.F. The Dreams in the Witch House [Electronic resource]: trans. from English by E. Sukhacheva. Lovecraft.ru: website. URL: https://www.lovecraft.ru/library/witch-house/ (date of access: 14.05.2026)

9. Lovecraft H.F. The Haunter of the Dark [Electronic resource]: translated from English by Yu.R. Sokolov. Fairy Tales for Everyone: website. URL: https://skajky.org/horror/799-obitayuschiy-vo-mrake.html (date of access: 14.05.2026)

10. Lotman Yu.M. The Structure of the Fictional Text. Analysis of the Poetic Text. St. Petersburg: Azbuka, 2016. 704 p.

Информация об авторах

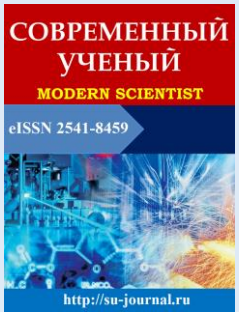
Балобанова А.Г., кандидат филологических наук, доцент, Московский политехнический университет; Институт внешнеэкономической безопасности и таможенного дела, Российский институт дружбы народов имени Патриса Лумумбы, balolika@mail.ru

Рец Н.И., кандидат технических наук, доцент, Московский политехнический университет; Институт внешнеэкономической безопасности и таможенного дела, Российский институт дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Толстоброва Л.И., старший преподаватель, Новосибирский государственный технический университет, tolstobrova@corp.nstu.ru

Глибина А.А., кандидат филологических наук, доцент, заместитель заведующего кафедры «Иностранные языки», Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Anna.Glibina@inbox.ru

© Балобанова А.Г., Рец Н.И., Толстоброва Л.И., Глибина А.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.133.1'37
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-210-214

Концептуальные основы британской идентичности, запечатленные в творчестве «The Beatles»

[1] Орлова Э.А., [1] Шарикова Ф.Н., [1] Душко М.С.

[1] Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма

Аннотация: данное исследование сосредоточено на фундаментальных концептах британской языковой картины мира и специфике их репрезентации в поэтическом наследии коллектива «The Beatles». Анализ лингвокультурологических особенностей британского мировосприятия в песнях «The Beatles» выявил их неразрывную связь с культурным контекстом эпохи и позволил классифицировать ключевые тематические векторы и языковые механизмы трансляции культурных смыслов таких как «человек», «дом» и «любовь», получивших широкое отражение в музыкальном творчестве группы. Данные языковые способы передачи культурного пространства реализуются как через прямое использование лексем, так и посредством их дериватов, семантических оппозиций, синонимических рядов, а также метафорических конструкций, фразеологизмов, аллюзий и идиоматических выражений. Следовательно, универсальная модель мира, опосредованная языковыми средствами, находит весомое воплощение в произведениях «The Beatles». Это открывает возможности для изучения концептуальной составляющей лирики, выявления ключевых концептов английской языковой картины мира и их вербализации в музыке.
Ключевые слова: концепт, культурные концепты, концептуальная картина мира, языковая картина мира, лингвокультурология, дом, любовь, человек

Для цитирования: Орлова Э.А., Шарикова Ф.Н., Душко М.С. Концептуальные основы британской идентичности, запечатленные в творчестве «The Beatles» // Современный ученый. 2026. № 11. С. 210 – 214. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-210-214

Поступила в редакцию: 22 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The conceptual foundations of British identity embodied in the work of The Beatles

[1] Orlova E.A., [1] Sharikova F.N., [1] Dushko M.S.

[1] Kuban State University of Physical Education, Sports and Tourism

Abstract: this study focuses on the fundamental concepts of the British linguistic worldview and the specifics of their representation in the poetic legacy of The Beatles. An analysis of the linguacultural characteristics of the British worldview in The Beatles' songs revealed their inextricable connection with the cultural context of the era and allowed us to classify key thematic vectors and linguistic mechanisms for conveying cultural meanings such as "human," "home," and "love," which are widely reflected in the band's musical work. These linguistic methods of conveying cultural space are realized both through the direct use of lexemes and through their derivatives, semantic

oppositions, synonymous series, as well as metaphorical constructions, phraseological units, allusions, and idiomatic expressions. Consequently, a universal model of the world, mediated by linguistic means, is meaningfully embodied in the works of The Beatles. This opens up opportunities for studying the conceptual component of lyrics, identifying key concepts of the English linguistic picture of the world and their verbalization in music.
Keywords: concept, cultural concepts, conceptual worldview, linguistic worldview, cultural linguistics, home, love, man

For citation: Orlova E.A., Sharikova F.N., Dushko M.S. The conceptual foundations of British identity embodied in the work of The Beatles. Modern Scientist. 2026. 11. P. 210 – 214. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-210-214

The article was submitted: June 22, 2026; Approved after reviewing: July 18, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Проблематика осмысления и структурирования реальности традиционно занимает центральное место в лингвистической науке. Одной из наиболее трудоемких и актуальных задач остается дефиниция концепта, который рассматривается исследователями как базис категоризации знаний и определяющий фактор формирования как концептуальной, так и языковой картины мира [1, 4].

Концептуальная картина мира представляет собой сложную, интегративную систему, аккумулирующую данные о когнитивной, практической и социальной активности индивида. Она тесно сопряжена с дискурсивной картиной мира, транслируя как субъективные, так и коллективные паттерны восприятия действительности [8].

Формирование концептуальной системы обусловлено как воздействием внешней, объективной реальности, так и процессами саморефлексии – непрерывной внутренней работой сознания по систематизации его содержания. Концептосфера, в свою очередь, определяется как ментальное пространство знаний, которое, являясь отражением менталитета (особого способа интерпретации реальности), само находится под его детерминацией [6]. Языковая картина мира выступает продуктом сознания, возникающим в результате синергии мысли, реальности и языка как инструмента вербализации представлений о ней [3, 5]. При этом концептуальная картина мира является более масштабным понятием, так как в её конструировании участвуют различные когнитивные процессы, включая внеязыковые формы мышления.

Концептуальная картина мира британцев синтезирует результаты их познавательных процессов, культурно-исторические и социальные параметры, а также уникальный ракурс восприятия окружающего пространства [7]. Её эволюция происходит под влиянием языка, национальных традиций, ментального склада, географического фактора, системы воспитания и ряда иных социальных детерминант.

Теоретической базой исследования являются труды лингвистов (Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Ю.С. Степанова, Б.А. Серебренникова, А.А. Уфимцевой, Е.С. Кубрякова, В.А. Масловой, В.И. Карасика и др.).

Материалы и методы исследований

Методологический аппарат исследования был сформирован исходя из специфики объекта и поставленных целей и задач. В работе были применены следующие подходы:

- метод лингвистического наблюдения и описания применялся для выявления языковых маркеров, фиксирующих особенности восприятия действительности и культурную специфику языковых моделей мира;

- концептуальный анализ использовался для изучения концептов как комплексных ментальных единиц, содержащих национально-культурную информацию, через исследование их вербальных воплощений, структуры и контекстуальной вариативности;

- лингвокультурологический анализ, направленный на изучение взаимосвязи языка и культуры, позволял определить механизмы, с помощью которых языковые единицы аккумулируют и транслируют коллективный опыт этноса. Данный метод помог проследить процесс передачи национальной ментальности, ценностных ориентиров и традиций через языковые знаки.

Материалом послужили альбомы: «Please Please Me» (1963), «With The Beatles» (1963), «A Hard Day's Night» (1964), «Help!» (1965), «Rubber Soul» (1965), «Revolver» (1966), «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» (1967), «Magical Mystery Tour» (1967), «The Beatles» (1968), «Yellow Submarine» (1969), «Abbey Road» (1969), «Let It Be» (1970), а также тексты четырех песен, не вошедших в дискографию (суммарно 213 единиц).

Результаты и обсуждения

Исследование было сосредоточено на анализе концептологической картины мира британцев через призму текстов группы «The Beatles». Для верификации ключевых концептов в английском языке был задействован British National Corpus (BNC) – репрезентативная база данных, охватывающая широкий спектр источников и обеспечивающая комплексное представление о языке. В ходе работы были изучены 19 базовых английских концептов, описанных в научной литературе, посредством их обработки в корпусе объемом 100 миллионов слов. Результаты исследования показали, что наиболее частотными являются концепты «home», «love» и «man».

Согласно лингвистическим представлениям, объем концептов, формирующих картину мира нации, может варьироваться от пяти до нескольких десятков. Для углубленного изучения в данной работе было решено сосредоточиться на трех наиболее значимых концептах, имеющих русские эквиваленты: «человек», «дом» и «любовь».

Лингвокультурологическая интерпретация песенного творчества «The Beatles» позволяет эксплицировать их связь с культурным фоном эпохи, выявить специфику символизации, доминирующие темы и лексические средства выражения культурных концептов. Анализ творчества группы подтверждает, что тексты Леннона и Маккартни глубоко укоренены в культурной среде авторов.

В ходе исследования было установлено, что по частотности употребления среди эмоциональных концептов лидирующую позицию занимает концепт «любовь»(416 включений). За ним следуют такие лингвокультурологические единицы, как «человек» (138 включений) и «дом» (95 включений).

Выводы

Тексты песен группы насыщены элементами, репрезентирующими британский быт, что служит важным показателем лингвокультурной самобытности исследуемого материала [14].

Языковая интерпретация картины мира находит отчетливое выражение в лирике коллектива. Универсальные категории, такие как «человек», «дом» и «любовь», представлены в текстах, как через прямую номинацию, так и через использование дериватов, синонимов, антонимов, метафор, устойчивых оборотов, аллюзий и лингвокультурем.

Концепты «дом» и «любовь» занимают фундаментальное место в мировоззрении многих народов, включая британское общество, отражая базовые ценности, убеждения и жизненные ориентиры [12, 13].

В английском языке, подобно русскому, понятие «дом» может обозначать как жилое пространство, так и семейный круг или родину. Тем не менее, британская культура демонстрирует особую, глубокую эмоциональную привязанность к данному концепту.

Семантика понятия «love» охватывает широкий спектр значений: от романтических чувств и материнской привязанности до увлеченности делом, а также патриотизма и гуманизма.

Слово «love» является наиболее частотным в лирике группы (416 упоминаний), что дает в среднем 1,95 упоминания на одну композицию [2].

Анализ способов вербализации ключевых элементов британской концептосферы на примере песен группы углубляет понимание лингвокультурной специфики данных понятий и открывает новые пути их репрезентации. Данное направление обладает значительным потенциалом для дальнейших изысканий.

Таким образом, творчество «The Beatles» не только транслирует общечеловеческие ценности, но и содержит маркеры специфической британской концептуальной картины мира с её уникальными лингвокультурными чертами [9, 10].

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных данных при изучении различных лингвистических дисциплин (теории языка, лексикологии, стилистики), а также при подготовке учебных материалов, проведении семинаров и выполнении научно-исследовательских работ в сфере лингвистики и лингвокультурологии.

Таким образом, эта тема имеет значимость, как для академического сообщества, так и для практики — в образовании, культурологии, лингвистике и изучении влияния культуры на общество.

Список источников

1. Астрахан Ю.В. Концепт и языковая картина мира: современный взгляд на проблему соотношения // Наука и современность. 2011. № 12-3. С. 32 – 36.

2. Зотова Е.С. Концепт «любовь» в русском и английском языках // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6 (37). Ч. 2. С. 69 – 72. URL: https://research-journal.org/languages/14300/ (дата обращения: 26.02.2026)

3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. С. 75 – 80.

4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.

5. Маслова В.А. Концепт как способ изучения культуры через язык // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 20 – 25.

6. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М., 1988. С. 87 – 107.

7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. М.: Слово, 2000. 624 с.

8. Шеина И.М. Концепт «человек» в русской и английской языковых картинах мира // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: русский и иностранные языки и методика их преподавания. М.: РУДН, 2011. № 3. С. 60 – 68.

9. Longman Dictionary of Contemporary English. Part I-II. Longman, 2009.

10. Schneider M. The Long and Winding Road from Blake to the Beatles. Nineteenth-century major lives and letters. Palgrave Macmillan, 2008. 230 p.

11. Thesaurus. Большой словарь синонимов и антонимов английского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.thesaurus.com (дата обращения: 22.03.2026)

12. «Lyrsense». Переводы песен [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://en.lyrsense.com/beatles.htm (дата обращения: 17.04.2026)

13. «The Beatles». Энциклопедия группы [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://4beatles.info/perevodypesen.html. 18. (дата обращения 18.05.2026)

14. Alistair Taylor «With the Beatles». Published by John Blake Publishing Ltd, 3 Bramber Court, 2 Bramber Road, London W14 9PB, England. 288 p.

15. Тексты песен «The Beatles». Режим доступа: URL: http://www.amalgama-lab.com (дата обращения 30.04.2026)

References

1. Astrakhan Yu.V. Concept and linguistic picture of the world: a modern view of the problem of correlation. Science and Modernity. 2011. No. 12-3. P. 32 – 36.

2. Zotova E.S. The concept of “love” in Russian and English. International Research Journal. 2015. No. 6 (37). Part 2. P. 69 – 72. URL: https://research-journal.org/languages/14300/ (date of access: 26.02.2026)

3. Karasik V.I., Slyshkin G.G. Lingvocultural concept as a unit of research. Methodological problems of cognitive linguistics: collection of scientific papers. Edited by I.A. Sternin. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2001. P. 75 – 80.

4. Kolshansky G.V. An Objective Picture of the World in Cognition and Language. Moscow: Nauka, 1990. 108 p.

5. Maslova V.A. Concept as a Way of Studying Culture through Language. Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2012. No. 14. P. 20 – 25.

6. Serebrennikov B.A. How is the Picture of the World Reflected in Language? The Role of the Human Factor in Language: Language and Picture of the World. Moscow, 1988. P. 87 – 107.

7. Ter-Minasova S.G. Language and Intercultural Communication: A Study Guide. Moscow: Slovo, 2000. 624 p.

8. Sheina I.M. The Concept of "Human Being" in the Russian and English Language Pictures of the World. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages and Their Teaching Methods. Moscow: RUDN University, 2011. No. 3. P. 60 – 68.

9. Longman Dictionary of Contemporary English. Part I-II. Longman, 2009.

10. Schneider M. The Long and Winding Road from Blake to the Beatles. Nineteenth-century major lives and letters. Palgrave Macmillan, 2008. 230 p.

11. Thesaurus. A Comprehensive Dictionary of Synonyms and Antonyms of the English Language [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.thesaurus.com (date of access: 22.03.2026)

12. "Lyrsense". Song Translations [Electronic resource]. Access mode: URL: https://en.lyrsense.com/beatles.htm (date of access: 17.04.2026)

13. "The Beatles." Encyclopedia of the group [Electronic resource]. Access mode: URL: http://4beatles.info/perevodypesen.html. 18. (date of access: 18.05.2026)

14. Alistair Taylor "With the Beatles". Published by John Blake Publishing Ltd, 3 Bramber Court, 2 Bramber Road, London W14 9PB, England. 288 p.
15. Lyrics of "The Beatles." Access mode: URL: http://www.amalgama-lab.com (date of access: 30.04.2026)

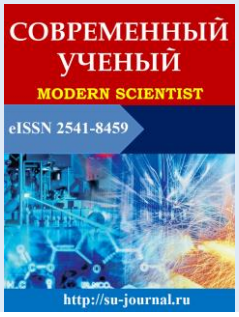
Информация об авторах

Орлова Э.А., кандидат педагогических наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 350015, г. Краснодар, ул. Буденного, 161

Шарикова Ф.Н., кандидат филологических наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризм, 350015, г. Краснодар, ул. Буденного, 161

Душко М.С., кандидат психологических наук, доцент, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризм, 350015, г. Краснодар, ул. Буденного, 161

© Орлова Э.А., Шарикова Ф.Н., Душко М.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 82-1/29
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-215-221

Мир насекомых как культурный феномен в танской поэзии: на примере творчества Ли Хэ

[1] Щептева В.Э., [1] Крашенинников А.Е.

[1] Северо-Восточный государственный университет

Аннотация: насекомые, являясь частью окружающего мира, не могли не стать частью словесности Китая, где одной из фундаментальных идей является идея единства человека и природы. Поэты эпохи Тан нередко использовали энтомологические лексемы, и «Дьявол поэзии» Ли Хэ не является исключением. Многие произведения литератора зачастую эксплицируют чувство негодования по поводу нереализованного таланта. Поэт обращался к использованию энтомологических лексем, помогающих создать особую меланхоличную, иногда таинственную, мрачную атмосферу, передающую внутреннее состояние автора.
Статья посвящена выявлению и анализу энтомологических лексем, присутствующих в поэзии Ли Хэ. Понятия «лексема» и «образ» тесно связаны, первая служит «меткой», которая активирует или формирует соответствующий образ в сознании, поэтому в настоящей работе мы прибегаем к рассмотрению энтомологических образов в том числе. Исследование сопровождается комментариями, поясняющими культурологический контекст лексем. Также в статье представлен сопоставительный анализ коннотаций энтомологических образов Ли Хэ с традиционными китайскими символическими значениями. В результате исследования были сделаны выводы, обобщающие полученные данные о коннотациях лексем и об их функциях в произведениях Ли Хэ.
Ключевые слова: Ли Хэ, китайская поэзия, танская поэзия, энтомологические лексемы, образность, символизм, поэтика

Для цитирования: Щептева В.Э., Крашенинников А.Е. Мир насекомых как культурный феномен в танской поэзии: на примере творчества Ли Хэ // Современный ученый. 2026. № 11. С. 215 – 221. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-215-221

Поступила в редакцию: 23 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The insect world as a cultural phenomenon in Tang poetry: a case study of Li He's work

[1] Shchepteva V.E., [1] Krasheninnikov A.E.

[1] North-Eastern State University

Abstract: insects, being part of the natural world, inevitably became part of Chinese literature, where one of the fundamental ideas is the unity of man and nature. Tang Dynasty poets frequently used entomological lexemes, and Li He's "The Devil of Poetry" is no exception. Many of his works often express indignation at his unrealized talent.

The poet turned to entomological lexemes to create a unique melancholic, sometimes mysterious, and gloomy atmosphere, conveying the author's inner state.
This article is devoted to identifying and analyzing entomological lexemes present in Li He's poetry. The concepts of "lexeme" and "image" are closely related; the former serves as a "marker" that activates or forms a corresponding image in the mind. Therefore, in this paper, we also consider entomological images. The study is accompanied by commentary explaining the cultural context of the lexemes. The article also presents a comparative analysis of the connotations of Li He's entomological images with traditional Chinese symbolic meanings. As a result of the study, conclusions were drawn that summarize the data obtained on the connotations of lexemes and their functions in the works of Li He.
Keywords: Li He, Chinese poetry, Tang poetry, entomological lexemes, imagery, symbolism, poetics

For citation: Shchepteva V.E., Krasheninnikov A.E. The insect world as a cultural phenomenon in Tang poetry: a case study of Li He's work. Modern Scientist. 2026. 11. P. 215 – 221. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-215-221

The article was submitted: June 23, 2026; Approved after reviewing: July 20, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Одной из фундаментальных идей китайской культуры является идея единства человека и природы. Основная концепция даосизма, возникшего VI-V вв. до н.э. и оказавшего глубокое влияние на различные аспекты человеческого существования, заключается именно в стремлении обрести гармонию с природой. Древнейшая практика Фэншуй (风水) рассматривает взаимодействие человека с природой как основу благополучия и гармонии. Естественно, эта идея нашла своё отражение в искусстве. Традиционные жанры китайской живописи, такие как *Шань-шуй* («山水», «горы и вода») и *Хуаняо* («花鸟», «цветы и птицы») отражают стремления художников передать гармонию и целостность, пронизывающие природные явления. В китайской литературе тема природы является одной из ключевых, занимая центральное место в классическом песенно-поэтическом творчестве. Насекомые, являясь частью окружающего мира, не могли не стать частью литературного процесса. Они «попадают» в произведения через соответствующие лексические единицы. Энтомологические лексемы, как и любые другие, выполняют множество функций, одной из которых является эстетическая (изобразительная, поэтическая) [3, с. 49]. Она «трансформирует» номинативную единицу в образ, метафору, символ и т.д.

Начиная с «Книги песен» («诗经»), энтомологические образы, выраженные в виде соответствующих лексем, многократно появлялись в произведениях, неся в себе множество культурных и эмоциональных коннотаций. Их возникновение в значительной степени детерминировано постоянными наблюдениями древних народов за природой. В аграрную эпоху звуки, издаваемые насекомыми, сопровождали смену сезонов сельскохозяйственного года, песни цикад, например, отмечали летнее солнцестояние, стрекотание сверчков возвещало осень и т.д. Ритмы насекомых были интегрированы в повседневную жизнь людей. В процессе генезиса китайской поэзии коннотации энтомологических образов постоянно обогащались, от их первоначальной роли в качестве фенологических маркеров до философских идей и проекций чувств, насекомое стало уникальным культурным символом.

Одна из наших работ [4] посвящена анималистическим образам китайского поэта эпохи Тан Ли Хэ (李贺; 790-816). В процессе исследования наше внимание привлекли энтомологические лексемы, используемые литератором. Помимо «привычных» светлячков и мотыльков, Ли Хэ использует образы зелёной падальной мухи, жука-древоточца и др. Настоящая работа ставит своей целью ввести в научный оборот «энтомологический мир» Ли Хэ, выявив энтомологические лексемы в произведениях поэта, а также сравнив их коннотации с традиционными для китайской культуры.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования является корпус поэтических текстов китайского поэта Ли Хэ, представленный в сборнике «Дьявол поэзии Ли Хэ» [1], а также труды отечественных и китайских исследователей. Для исследования применялись следующие методы: биографический метод, семиотический анализ, поэтологический анализ, культурно-исторический метод.

Результаты и обсуждения

Энтомологические лексемы в произведениях Ли Хэ встречаются не так часто, как анималистические, и занимают не центральное, но немаловажное место в его поэтике. Обратимся к стихотворению «宫娃歌» («Песнь о фрейлине») [1, с. 46-47]. Главная героиня – дворцовая служанка, запертая во дворце и стремящаяся к свободе. Автор передаёт её страдания и выражает сочувствие её горестной судьбе. Печаль и одиночество героини усиливают такие образы, как «寒» (холод), «影» (тень) «霜» (иней), «啼蛄» (плач медведки) создающие соответствующий эмотивный фон. Рассмотрим последнюю лексему в контексте: «啼蛄吊月钩阑下，/ 屈膝铜铺锁阿甄。» («Под поздней луной тоскливо рыдает медведка, / Как для Ачжэнь, запертой на дверной замок») (здесь и далее – подстрочник наш). Ачжэнь (Госпожа Чжэнь; 183-221) – первая жена императора Цао Пи. Попав во дворец, Ачжэнь снискала благосклонность, однако из-за клеветы впала в немилость и была заключена в тюрьму. Её имя стало нарицательным для придворных служанок, потерявших расположение императора.

В китайской культуре образ медведки имеет множество символических значений, включающих как негативные, так и позитивные коннотации, отражающие их «амбивалентную» природу. Например, она символизирует разрушения и беды, т.к. является сельскохозяйственным вредителем; трудности в достижении мастерства; наступление летнего сезона и др. В стихотворении образ медведки символизирует ностальгию по родине и стремление к ней, что также является одним из традиционных символических значений. Это обусловлено характерным для насекомых низкочастотным стрекотанием, а также их тесной связью с землёй: они обитают в сельскохозяйственных районах и в связи с этим вызывают ассоциации, связанные с жизнью в провинции. Принимая во внимание тот факт, что в эпоху Тан бóльшая часть населения жила именно в деревнях, такая коннотация не представляется причудливой. Отметим также, что ономатопея щелчков медведки «咕，咕，咕……» (gū, gū, gū …) созвучна с глаголом «плакать» (哭; kū).

Нам представилась интересной лексема «青蝇» (зелёная падальная муха), использованная во втором стихотворении цикла «感讽五首其» («Аллегории») [1, с. 60-61]: «都门贾生墓，/ 青蝇久断绝。» («За городскими воротами есть гробница Цзя И, / Зелёные мухи уже давно там не появились.»). Цзя И (201-169 гг. до н. э) – государственный деятель, поэт, философ, сумевший к 18 годам завоевать немалый авторитет благодаря своей эрудированности и выдающемуся литературному таланту. В стихотворении выражено разочарование и отчаяние Ли Хэ, которые он испытывал в связи с неудачами в самореализации на государственной службе. Этот мотив неудовлетворённости жизнью является довольно частым в творчестве поэта [4, с. 128].

Основное символическое значение зелёной мухи в китайской культуре – клеветник и льстец. Оно уходит корнями в «Книгу песен», стихотворение «Зелёные мухи» из раздела «Малые оды» («诗经·小雅·青蝇»), где поведение насекомых метафорически изображает образ действий клевещущих мелочных людей. Подобно тому, как мухи тянутся к грязи и вони, жужжа и беспорядочно летая, оскверняя чистоту, так и клеветников привлекают сплетни и ложь, который они используют, чтобы нарушить порядок при дворе и посеять вражду между правителем и его подчинёнными.

Образ Ли Хэ содержит другую коннотацию: присутствующие на похоронах, скорбящие. Она берёт своё начало из «Биографии Юй Фаня», «Записи о Трёх царствах. Том 57. Истории династии У» («三国志．卷五十七．吴书．虞翻传»). В комментариях к произведению историк Пэй Сунчжи (裴松之; 372-451) цитирует неофициальную биографию Юй Фаня: «自恨疏节，骨体不媚，犯上获罪，当长没海隅，生无可与语，死以青蝇为吊客，使天下一人知己者，足以不恨。» («Он сожалел о своей высокомерной принципиальности, чуждости к лести, оскорблении вышестоящих и последующем осуждении, обречённости умереть в отдалённом уголке мира. При жизни ему не с кем было поговорить, после смерти его скорбящими были зелёные мухи. Если во всём мире хотя бы один человек понял бы его, этого было бы достаточно, чтобы он не о чём не сожалел.») [10]. Таким образом это стало метафорой полного одиночества, отсутствия близких людей при жизни.

Ли Хэ видит сходства судьбы Цзя И со своей собственной: они оба пострадали от злословия завистников. Формальная проблема, из-за которой поэт не смог сдать экзамен на высшую учёную степень *цзиньши* [2, с. 101], возникла по вине его недоброжелателей. С помощью образа зелёных мух Ли Хэ создаёт довольно мрачную картину одиночества, которое, по мнению литератора, ждёт его в будущем.

Обратимся к тексту стихотворения «秋来» («Осень наступает») [1, с. 80-81]: «桐风惊心壮士苦，/ 衰灯络纬啼寒素。» («Осенний ветер дует сквозь листья тунга, пугая сердце страдающего храбреца, / Тускло мерцает лампа, кузнечик печально заливается от холода.»). В этих строках отражена осенняя меланхолия автора. Проявляя необычайную чувствительность к течению времени, он приходит в состояние испуга от звука осеннего ветра, шелестящего листьями дерева. Испуг, однако, быстро сменяется горечью и холодом на

сердце: прилагательное «寒» во второй строке относится не только к наступившему времени года, но и к ощущению холода на сердце героя, которое возникает под воздействием стрекотания кузнечика.

Лексемой «络纬» обычно обозначают вид насекомых «Mecopoda elongata», звук взмаха их крыльев напоминает тот, который сопровождает процесс прядения нити [8], отсюда их название (纺织娘 – ткачиха). Одной из их характерных черт является стрекотание, частота и интенсивность которого возрастает с наступлением холодов. Этот образ используется для обозначения прихода осени, примером служит народное выражение, берущее начало из «Книги песен»: «络纬鸣，懒妇惊» («Кузнечик застрекотал, лентяйка испугалась») [9]. Помимо функции фенологического маркера, образ кузнечика у Ли Хэ выполняет эмоциональную, помогая передать печаль автора по поводу несбывшихся мечт, о чём говорит упоминание Бао Чжао (鲍照; ок. 414 – ок. 466), поэта, который жаловался на непризнание своего таланта. Также это подтверждают следующие строки стихотворения: «谁看青简一编书， / 不遣花虫粉空蠹。» («Кто будет читать письмена на бамбуковой планке, / Не позволяя [книжным] червям изъесть её до порошка и дыр?»). Таким образом главной темой стихотворения является разочарование талантливого человека, не получившего заслуженного признания.

Здесь появляется другая любопытная лексема – «蠹». В контексте произведения она выступает в качестве глагола «изъедать», но также может играть роль существительного (жук-древоточец). Она образует предикативную пару с лексической единицей «花虫» – книжные черви. В данном случае «蠹» не просто является сказуемым, но и усиливает свою «пару», подчёркивая таким образом степень распада. Под «письменами на бамбуковой планке» подразумевается литературное творчество самого Ли Хэ. Поэт задаётся вопросом: кто оценит стихи, в которые он вложил сердце и душу, и не позволит им бесследно и навсегда исчезнуть?

Лексема «蠹» использована в стихотворении «堂堂» («Старый дворец») [1, с. 36-37]: «十年粉蠹生画梁， / 饥虫不食摧碎黄。» («За десять лет точильщики изгрызли окрашенные балки, / Голодные насекомые [больше] не едят щепки»). Главная тема произведения – упадок дворца Хуацингун (华清宫). Через безнадёжное состояние загородной резиденции императоров времен империи Тан автор выражает плач по золотому веку династии и отражает социальные реалии, характерные для периода сепаратистского правления региональных военных губернаторов и засилья евнухов при императорском дворе. Частый для Ли Хэ мотив разочарования и неудовлетворённости жизни также отражён в стихотворении.

Здесь лексема «蠹» выступает в роли существительного. Автор использует её, и другие единицы, такие как «红脱» (облупившаяся краска), «**梅灰香**» (увядающий аромат слив), «蕙花已老» (состарившиеся орхидеи) и др. с целью подчеркнуть степень упадка дворца и всей эпохи. Лексема «虫» (насекомые) является контекстуальным синонимом к «蠹».

Стихотворение «难忘曲» («Мелодия о незабвенном») [1, с. 110-111], написанное в жанре *юэфу*, выражает меланхолические чувства женщины, скорбящей об увядающей красоте. В первых четырёх строках описывается великолепие и уединённость резиденции, в следующих двух появляются интересующие нас энтомологические лексемы – «蜂» (пчела) и «蛾» (мотылёк): «蜂语绕妆镜， / 拂蛾学春碧。» («Пчёлы жужжат вокруг [туалетного] зеркала, / [Дева] рисует брови, красивые, как весенний пейзаж.»).

Образ пчёл в китайской культуре имеет множество положительных коннотаций: трудолюбие, единство и командная работа, гармония, изобилие и др. [6] [7]. В стихотворении лексема «蜂» образует предикативную пару с «语» (разговаривать). Синтаксической единицей «蜂语» обозначают жужжание, издаваемое пчёлами во время полёта, зачастую в местности, изобилующей ароматными цветами. Насекомые, рея вокруг зеркала, за которым сидит дева, приняли её за благоухающий цветок.

Лексема «蛾» в данном случае является сокращением от «蛾眉», что изначально имело значение «изогнутые усики шелкопряда», но в дальнейшем лексическая единица начала использоваться как метафора изящных женских бровей [5]. Таким образом, названные энтомологические лексемы используются с целью подчеркнуть красоту героини.

В последних двух строках описана довольно печальная сцена: женщина держит в руках цветок сирени, который вскоре должен увянуть. Это «кульминация» всего произведения. Юность героини угасает, и цветы являются ярким изображением её растраченных лет. Меланхоличное настроение, выраженное в строках, консонирует с атмосферой одиночества, отражённой в начале стихотворения.

Лексема «蛾» была встречена нами ещё в двух стихотворениях Ли Хэ: «伤心行» («Боль раненой души») [1, с. 22-23] и «神弦» («Чарующие струны») [1, с. 76-77]. В первом произведении она использована в опи-

сании пейзажа, являющегося эмотемой: «…木叶啼风雨。/ 灯青兰膏歇 / 落照飞蛾舞。» («…Листья плачут в непогоду. / Масло орхидеи заканчивается, и пламя лампы гаснет, / На закате танцуют мотыльки.»). Во втором стихотворении лексема «蛾» использована в качестве метафоры бровей: «攒蛾» (досл. мотыльки собрались) – нахмурить брови.

Лексическая единица «萤» (светлячки) использована Ли Хэ в стихотворении «南山田中行» («Брожу в полях на южном склоне») [1, с. 30-31]: «荒畦九月稻叉牙，/ 蛰萤低飞陇径斜。» («В сентябре на заброшенных полях беспорядочно растёт рис, / Тусклые светлячки низко летают вдоль наклонных тропинок.»). Как и в случае с лексемой «蛾» в произведении «伤心行», «蛰萤» использована в описании осенней сельской местности в ночное время суток, помогая создать соответствующий эмотивный фон: меланхоличная сцена отражает одновременно чувство любви автора к родным местам и печаль, характерную для поэтики Ли Хэ. Помимо этого, лексическая единица «蛰萤» помогает подчеркнуть автору наступление осени: она используется для описания светлячков, свет которых начал тускнеть из-за понижения температуры. С аналогичной целью создания атмосферы в третьей строке употреблена лексема «虫»: «秋野明，/ 秋风白，/ 塘水漻漻虫唼唼。» («Осенние поля чисты, / Осенний ветер бел, / Пруд глубокий и прозрачный, насекомые стрекочут.»).

Лексема присутствует также в третьем стихотворении цикла «感讽五首其» («Аллегории») [1, с. 62-63]: «漆炬迎新人，/ 幽圹萤扰扰。» («Лакированные фонари приветствуют новых людей, / [Словно] светлячки, беспорядочно порхающие перед склепом.»). Под «новыми» людьми (新人) подразумеваются недавно умершие. Мрачный тон всему тексту создаёт первая строка: «南山何其悲，...» («До чего же скорбит Чжуннаньшань, ...»). Гора Чжуннань (Чжуннаньшань) играет роль последнего пристанища всего сущего. Следует отметить, что существует довольно тесная связь между концептами «萤» и «幽圹» (склеп, могильная яма): в древности люди верили, что увядшая трава превращается в светлячков, которых часто можно было увидеть в густой траве и среди могил. Как и в «南山田中行», лексема «萤» помогает автору создать таинственную, мрачную атмосферу.

Лексемы, обозначающие светлячков, довольно часто можно увидеть в стихотворениях поэтов эпохи Тан. Они встречаются 245 раз в «Полном собрании поэзии эпохи Тан» («全唐诗»), около 90 поэтов использовали образ светлячков в своём творчестве, в том числе Ли Бо (李白), Ду Фу (杜甫), Бо Цзюйи (白居易), Ли Шанъинь (李商隐) и др. [11]. В основном образ светлячков помогал литераторам создать атмосферу одиночества, таинственности и выразить мимолётность и непостоянство бытия. Последнее имеет прямую связь с их непродолжительным жизненным циклом и перекликается с одной из тенденций генезиса поэзии эпохи Тан: философскими размышлениями поэтов о течении времени и быстротечности жизни.

Энтомологическая лексема «**蝴蝶**» (бабочка, мотылёк) встречается в стихотворении «蝴蝶飞» («Полёт мотылька») [1, с. 98-99]: «东家蝴蝶西家飞，/ 白骑少年今日归。» («Бабочка летит с восточного двора на западный, / Юноша на белом коне сегодня вернётся»). В основе произведения лежит народное поверье о том, что бабочка является посланником радостной вести. Героиня долгое время ждёт своего возлюбленного в одиночестве, находя утешение в дорогих вещах, о чём говорит синтаксическая единица «醉眼缬» (обр. «пёстрый шёлк») во второй строке. Появление бабочки одновременно дало ей надежду, что молодой человек скоро вернётся, и вызвало грусть: пока бабочки свободно летают, она вынуждена сидеть одна в своих покоях и ждать возвращение юноши.

Широкозначная лексема «虫», помимо вышеупомянутого стихотворения «堂堂», была встречена нами в произведениях «南园十三首。其六» (Шестое стихотворение из цикла «Южный парк») [1, с. 28-29] и «昌谷读书 示巴童» («За чтением книг в Чангу обращаюсь к моему слуге, уроженцу Ба») [1, с. 54-55]. В первом случае она использована в составе единицы «老雕虫», что означает человека, посвящающего свою жизнь пустяковым, мелочным занятиям. Во втором тексте она наряду с единицами «灯光薄» (тусклый свет лампы), «宵寒» (холодная ночь), «药气浓» (густой лекарственный запах) выполняет функцию эмотемы, помогая создать одинокую сцену в жилище больного холодной зимней ночью.

Выводы

Анализ энтомологической лексики в корпусе произведений Ли Хэ позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся их коннотаций и функций: во-первых, в основном символические значения скрывающихся за лексемами образов не противоречат и даже соответствуют принятым в китайской культуре; во-вторых, наиболее частая функция энтомологических лексем в произведениях поэта – функция эмотемы, создание соответствующей атмосферы или эмотивного фона.

Безусловно, для наиболее точного и глубокого анализа энтомологической лексики в поэтике Ли Хэ необходимо подвергнуть анализу бóльшее количество поэтических текстов, а также провести сравнительный анализ лексем, использованных Ли Хэ, с аналогичными единицами, присутствующими в творчестве других поэтов эпохи Тан. Мы надеемся, что данная работа послужит катализатором для дальнейших научных изысканий и будет способствовать более полному раскрытию богатства и значимости поэзии Ли Хэ.

Список источников

1. Дьявол поэзии Ли Хэ: пер. с кит. Торопцев С. А.; науч. консультант проф. Гу Юй. М.: ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2023. 143 с.

2. Крашенинников А.Е., Нарбут Е.В., Щептева В.Э. Черты поэтики Ли Хэ как представителя танской поэзии // Современный ученый. 2025. № 11. С. 99 – 105.

3. Морковкин В.В. Основные функции лексических единиц // Полилингвиальность и транскультурные практики, 2007. № 1. С. 43 – 51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-funktsii-leksicheskih-edinits (дата обращения: 21.04.2026)

4. Щептева В.Э., Крашенинников А.Е. Анималистические образы в поэзии Ли Хэ // Современный ученый. 2026. № 5. С. 126 – 131.

5. 蛾 / 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/蛾 (дата обращения: 18.04.2026)

6. 蜂谐勤劳：蜜蜂在中国文化中的多重象征 / 百度. 2025. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1832935933928759385&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 22.04.2026)

7. 老人言：“猫来穷、狗来富，燕来贵”，那蜜蜂来了预示什么？ / 百度. 2024. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1797538753647747095&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 17.04.2026)

8. 络纬 / 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/络纬 青蝇吊客 (дата обращения: 16.04.2026)

9. 络纬鸣，懒妇惊 /百度百科. URL: https://baike.baidu.com/item/络纬鸣，懒妇惊/23118060 (дата обращения: 16.04.2026).

10. 青蝇吊客 / 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/青蝇吊客 (дата обращения: 15.04.2026)

11. 萤光微冷：浩渺文化长河，萤火虫诗歌拾贝 / 网易. 2017. URL: https://www.163.com/dy/article/CVSQS2FU0511DCTQ.html (дата обращения: 19.04.2026)

References

1. The Devil of Li He's Poetry: trans. from Chinese. Toroptsev S. A.; scientific consultant Prof. Gu Yu. Moscow: Chance International Publishing Company, 2023. 143 p.

2. Krasheninnikov A.E., Narbut E. V., Shchepteva V.E. Features of Li He's Poetics as a Representative of Tang Poetry. Sovremennyy Scientist. 205. No. 11. P. 99 – 105.

3. Morkovkin V. V. Basic functions of lexical units. Polylingualism and transcultural practices, 2007. No. 1. P. 43 – 51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-funktsii-leksicheskih-edinits (date of access: 21.04.2026)

4. Shchepteva V.E., Krasheninnikov A.E. Animalistic images in the poetry of Li He. Sovremennyy ucheny. 2026. No. 5. P. 126 – 131.

5. 蛾 / 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/**蛾** (access date: 04/18/2026)

6. **蜂**谐勤劳：蜜蜂在中国文化中的多重象征. **百度**. 2025. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1832935933928759385&wfr=spider&for=pc (date of access: 22.04.2026)

7. **老人言**：“**猫来**穷、狗来富，燕来贵”，**那蜜蜂来了**预示什么？ **百度**. 2024. URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1797538753647747095&wfr=spider&for=pc (date of access: 17.04.2026)

8. 络纬 / 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/络纬青蝇吊客 (date of access: 16.04.2026)

9. 络纬鸣，懒妇惊 /**百度百科**. URL: https://baike.baidu.com/item/络纬鸣，懒妇惊/23118060 (date of access: 16.04.2026)

10. 青蝇吊客. 汉典. URL: https://www.zdic.net/hans/青蝇吊客 (date of access: 15.04.2026)

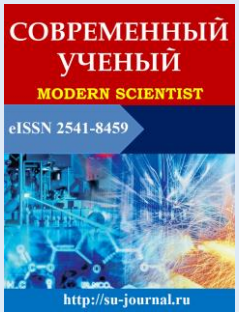
11. 萤光微冷：浩渺文化长河 · 萤火虫诗歌拾贝 / 网易. 2017. URL: https://www.163.com/dy/article/CVSQS2FU0511DCTQ.html (date of access: 19.04.2026)

Информация об авторах

Щептева В.Э., Северо-Восточный государственный университет

Крашенинников А.Е., кандидат филологических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет

© Щептева В.Э., Крашенинников А.Е., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.111-26
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-222-228

Некооперативность как категория педагогического дискурса: репрезентация в англоязычной прозе XX века

[1] Ремизов Н.И., [1] Боронин А.А.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: статья посвящена исследованию дискурсивной категории некооперативности и форм её репрезентации в педагогическом дискурсе на материале англоязычной художественной прозы XX века. Под дискурсивной категорией в работе понимается инвариантный содержательный параметр коммуникативной ситуации, объединяющий разноуровневые языковые средства на основе общности их прагматической функции. Категориальные корреляты кооперативность и некооперативность, в узком смысле опирающиеся на максимы кооперации П. Грайса, рассматриваются как базовые категории межличностного взаимодействия; дискурсивной формой выражения некооперативности в образовательной среде выступает педагогический конфликт. Цель исследования – комплексное описание категории некооперативности через анализ языковых средств репрезентации её фаз и типов разрешения. Задачи включают определение фаз некооперативного взаимодействия, анализ применяемых коммуникативных стратегий и установление средств языковой репрезентации категории некооперативности в зависимости от типа образовательного учреждения. На материале семи романов, из которых методом сплошной выборки извлечено 52 текстовых фрагмента с описаниями конфликта, определены характерные языковые средства четырёх фаз: провокации, эскалации, кульминации и разрешения. Выявлены речевые акты угрозы и вызова, маркеры эмоционального нарастания, переключение регистра, молчание как кульминационный маркер, языковые формулы примирения и институционального разрыва. Установлено, что языковая репрезентация категории некооперативности дискурсивно дифференцирована: набор речевых актов и дискурсивных маркеров, оформляющих разрешение педагогического конфликта, варьируется в зависимости от типа образовательного учреждения, что свидетельствует о вариативности средств вербализации данной категории в художественном тексте. Результаты исследования расширяют жанровую типологию педагогического дискурса, репрезентированного в английском языке, и могут быть применены в курсах по интерпретации англоязычного текста и лингвистической прагматике.

Ключевые слова: английский язык, художественный прозаический текст, педагогический дискурс, дискурсивная категория, кооперативность, некооперативность, педагогический конфликт, дискурсивный жанр

Для цитирования: Ремизов Н.И., Боронин А.А. Некооперативность как категория педагогического дискурса: репрезентация в англоязычной прозе XX века // Современный ученый. 2026. № 11. С. 222 – 228. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-222-228

Поступила в редакцию: 25 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Non-cooperativeness as a category of pedagogical discourse: representation in 20th-century English prose

[1] Remizov N.I., [1] Boronin A.A.

[1] Federal State University of Education

Abstract: the article examines the discursive category of non-cooperativeness and the forms of its representation in pedagogical discourse based on 20th-century English-language fiction. A discursive category is understood as an invariant content parameter of a communicative situation that integrates multi-level linguistic means on a shared pragmatic function. The categorial correlates cooperativeness and non-cooperativeness, narrowly grounded in P. Grice's maxims of cooperation, are regarded as basic categories of interpersonal interaction; the discursive form of expressing non-cooperativeness in educational settings is the pedagogical conflict. The purpose of the study is a comprehensive description of the category of non-cooperativeness through the analysis of linguistic means representing its phases and resolution types. The tasks include determining the phases of non-cooperative interaction, analyzing the communicative strategies employed, and identifying the linguistic means representing this category depending on the type of educational institution. Based on seven novels, from which 52 text fragments containing descriptions of conflict were extracted, the study identifies linguistic means of the four phases: provocation, escalation, climax, and resolution. Speech acts of threat and challenge, markers of emotional escalation, register switching, silence as a climactic marker, and linguistic formulae of reconciliation and institutional rupture are revealed. It is established that the linguistic representation of non-cooperativeness is discursively differentiated: the set of speech acts and discursive markers framing conflict resolution varies with the type of educational institution. The findings expand the genre typology of pedagogical discourse as represented in the English language and can be applied in courses on English-language text interpretation and linguistic pragmatics.
Keywords: the English language, fiction prose text, pedagogical discourse, discursive category, cooperativeness, non-cooperativeness, pedagogical conflict, discursive genre

For citation: Remizov N.I., Boronin A.A. Non-cooperativeness as a category of pedagogical discourse: representation in 20th-century English prose. Modern Scientist. 2026. 11. P. 222 – 228. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-222-228

The article was submitted: June 25, 2026; Approved after reviewing: July 22, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Одним из базовых понятий современной лингвистики дискурса является понятие дискурсивной категории. Вслед за А.В. Бондарко и развивающими его подход исследователями институционального дискурса под дискурсивной категорией мы понимаем инвариантный содержательный параметр коммуникативной ситуации, объединяющий разноуровневые языковые средства на основе общности их прагматической функции в данном типе общения. К числу базовых дискурсивных категорий межличностного речевого взаимодействия относится категориальные корреляты кооперативность и некооперативность. В узком прагмалингвистическом понимании наличие этой диады опирается на сформулированный П. Грайсом принцип кооперации и систему его максим (количества, качества, отношения и способа); отклонение от этих максим, не получающее имплицитной коммуникативной мотивации, формирует категорию некооперативности.

В рамках статусно-ориентированного институционального общения категория некооперативности приобретает особую конфигурацию. Дискурсивной формой её репрезентации в образовательной среде выступает педагогический конфликт – открытое столкновение между участниками педагогического процесса, нарушающее нормативный ход педагогической коммуникации.

Педагогический дискурс, понимаемый вслед за В.И. Карасиком как «статусно-ориентированное общение, целью которого является социализация нового члена общества» [1, с. 209], характеризуется развитой жанровой системой. В работах М.Ю. Олешкова [2, с. 20-24], Ю.В. Щербининой [3, с. 36-44], В.Б. Кашкина [4, с. 37-38] выделены такие жанры педагогического дискурса, как урок, опрос, объяснение, оценивание, воспитательная беседа и др. Однако жанр «педагогический конфликт» как дискурсивная форма категории

некооперативности в данных классификациях либо отсутствует, либо рассматривается только как коммуникативный сбой, что оставляет за пределами лингвистического описания целый пласт речевых явлений.

Между тем, как показывает наш анализ, в англоязычной художественной прозе XX века педагогический конфликт занимает центральное место. Это делает художественный текст ценным источником эмпирического материала для исследования категории некооперативности, репрезентированной в описаниях ситуаций педагогического конфликта.

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью категории некооперативности в педагогическом дискурсе [5, с. 156-165]; во-вторых, растущим интересом лингвистики к художественной репрезентации институциональных дискурсов [6, с. 48; 13, с. 130]; в-третьих, необходимостью расширения жанровой типологии педагогического дискурса [12, с. 78-80] за счёт художественного материала.

Материалы и методы исследований

Материалом послужили семь англоязычных романов XX века, репрезентирующих различные типы образовательных учреждений: романы о государственных школах – «Школьные джунгли» Э. Хантера (1954), «Вверх по лестнице, ведущей вниз» Б. Кауфман (1964), «Учителю, с любовью» Э.Р. Брейтуэйта (1959), «Пустельга для отрока» Б. Хайнса (1968); романы о частных школах – «Прощай, мистер Чипс» Дж. Хилтона (1934), «Общество мёртвых поэтов» Н.Х. Клейнбаум (1989), «Сепаратный мир» Дж. Ноулза (1959). Названия произведений и авторские данные на английском языке представлены в табл. 1; полные библиографические описания приведены в разделе «Источники иллюстративного материала».

Из данных романов методом сплошной выборки извлекались текстовые фрагменты, репрезентирующие педагогический дискурс, а именно совокупности предложений, тематически соотнесённых со сферой образования. Протяжённость одного фрагмента составила от 8 предложений (нижняя граница) до 15 предложений (верхняя граница). Общий объём авторской базы данных составил 279 текстовых фрагментов, из которых 52 текстовых фрагмента (18,6%) были квалифицированы в качестве репрезентантов педагогического конфликта; суммарный объём подкорпуса текстовых фрагментов с описаниями конфликта – 640 предложений.

Методологическую основу исследования составили: теория речевых жанров М.М. Бахтина [7, с. 237-280] и В.В. Дементьева [12, с. 78-107], модель дискурс-анализа Дж. Синклера и Р. Култхарда [8], теория дискурса В.И. Карасика [1, с. 209], концепция конфликтного дискурса В.С. Третьяковой [9, с. 12-17]. Под педагогическим конфликтом мы понимаем дискурсивную ситуацию, в которой между участниками педагогического процесса происходит некооперативное речевое взаимодействие, маркированное речевыми актами угрозы, вызова, обвинения или отказа и нарушающее нормативный ход педагогического взаимодействия.

Результаты и обсуждения

Количественная характеристика. Дискурсивная ситуация «педагогический конфликт» представлена во всех семи романах выборки; распределение текстовых фрагментов с описаниями некооперативного поведения субъектов педагогического дискурса по романам и по типам разрешения обобщено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение педагогических конфликтов в корпусе по романам и типам разрешения.

Table 1

Distribution of pedagogical conflicts in the corpus by novels and resolution types.

Роман (оригинальное название и автор)	Тип школы	Всего конфликтов	Деструктивное	Трансформирующее	Символическое
E. Hunter – The Blackboard Jungle	государственная	10	3	6	1
B. Kaufman – Up the Down Staircase	государственная	8	3	4	1
E.R. Braithwaite – To Sir, With Love	государственная	8	1	7	0
B. Hines — A Kestrel for a Knave	государственная	7	6	1	0
Итого (государственные)	**—**	**33**	**13 (39%)**	**18 (55%)**	**2 (6%)**
J. Hilton – Goodbye, Mr. Chips	частная	5	1	1	3
N.H. Kleinbaum – Dead Poets Society	частная	8	4	0	4

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

J. Knowles – A Separate Peace	частная	6	5	0	1
Итого (частные)	**—**	**19**	**10 (53%)**	**1 (5%)**	**8 (42%)**
ВСЕГО	**—**	**52**	**23 (44%)**	**19 (37%)**	**10 (19%)**

Языковые средства выражения разных фаз педагогического конфликта. Анализ 52 текстовых фрагментов с описаниями конфликта позволил выявить четыре фазы, каждая из которых обладает специфическими языковыми маркерами.

Фаза 1: Провокация. Конфликт инициируется речевым актом, нарушающим институциональную норму. Языковые маркеры первой фазы включают использование сниженной лексики, отказ от нормативного обращения, риторические вопросы, ирония, невербальные провокации. В романе Э. Хантера ученик Уэст инициирует конфликт невербальной провокацией, сопровождаемой речевым актом угрозы: I'll piss all over the floor [Я вам тут весь пол изгажу] (здесь и далее перевод наш – Н.Р., А.Б.). Данная реплика реализует речевой акт угрозы, в котором нарушение телесной нормы используется как способ демонстративного неповиновения институциональному порядку. В романе Б. Кауфман ученик Фероне реагирует на замечание учительницы перечислением гипотетических санкций: You gonna report me? Spank me? [А что, Вы донесёте на меня? Высечете?]. Перечисление возможных карательных мер в форме риторического вопроса функционирует здесь как вербальное обесценивание институциональной власти учителя. В романе Б. Хайнса директор Грайс вызывает учеников фразой I want four boys outside my room [Четырёх учеников к моему кабинету, живо, немедленно!]. Эта реплика реализует речевой акт приказа, предваряющий процедуру телесного наказания и тем самым переводящий институциональную норму в режим репрессивного применения.

Фаза 2: Эскалация. После провокации происходит нарастание конфликта, маркированное повышением эмоциональной интенсивности, переключением регистра (с формального институционального на сниженный неформальный) и вовлечением дополнительных участников. Характерные лингвистические особенности второй фазы включают прагматический диссонанс, коллективные реплики, эллиптизацию синтаксических конструкций, использование парцелляции и обилие восклицательных предложений, что маркирует высокий уровень эмоциональной напряжённости. Так, в романе Б. Кауфман ученики коллективно инсценируют судебный процесс над учительницей, перенося институциональную рамку судебной процедуры в пространство урока: реплика I object, Your Honor! [Я протестую, Ваша честь!] актуализирует дискурсивную гибридизацию, что превращает педагогический конфликт в коллективную игровую инсценировку и подрывает институциональный авторитет учителя.

В романе Э.Р. Брейтуэйта ученик предлагает учителю боксёрский поединок: Fair play, like, Sir? [Играем по-честному, сэр?]. В данном примере речевой акт вызова характеризуется прагматическим диссонансом: внешняя институциональная вежливость (обращение Sir, апелляция к «честной игре») имплицирует речевой акт вызова, нарушающий статусную асимметрию между учителем и учеником.

Фаза 3: Кульминация. Кульминация педагогического конфликта представляет собой точку наивысшего напряжения, которая, как правило, получает репрезентацию не через вербальную агрессию, а через значащее отсутствие коммуникации. В англоязычном художественном тексте это выражается описанием невербального действия или индикацией коммуникативного акта молчания. В таких ситуациях привычный обмен репликами приостанавливается, уступая место семиотически насыщенным паузам. Например, в романе Э. Хантера кульминационный эпизод представляет собой сцену нападения ученика на учителя с ножом; точка кульминации маркируется не вербальной агрессией, а контрастным включением нормативной формы обращения. Когда другой ученик встаёт на защиту учителя и произносит Sure, Mr. Dadier [Конечно, мистер Дадьер], институциональная ономастическая модель (социальный детерминитив Mr. + фамильное имя) сигнализирует о переходе от конфликтного регистра общения к нормативной коммуникации в рамках педагогического дискурса. В романе Б. Кауфман в ситуации угрозы учительница прибегает к молчанию: авторская ремарка She said nothing [Она ничего не сказала] маркирует исчерпание вербальных средств педагогического воздействия и переход к семиотически насыщенной паузе как кульминационному маркеру.

Фаза 4: Разрешение. Анализ англоязычной художественной прозы позволил выделить три типа разрешения педагогического конфликта.

Деструктивное разрешение (23 случая, 44% выборки) приводит к разрушению институциональных связей и педагогического взаимодействия: к увольнению учителя, исключению ученика или физическому ущербу. В качестве языковых маркеров здесь выступают формулы институционального отчуждения, вербализующие окончательный разрыв коммуникации [10, с. 115-118]. Так, в романе Н.Х. Клейнбаум звучит

реплика Leave, Mr. Keating! [Уходите, мистер Китинг!], которая реализует речевой акт жёсткого императива и оформляет процедурный финал (увольнение учителя).

Трансформирующее разрешение (19 случаев, 37% выборки) приводит к качественному изменению отношений между участниками педагогического взаимодействия. Речевыми маркерами служат смена формы обращения и коммуникативные акты, восстанавливающие кооперативную рамку взаимодействия (благодарность, признание заслуг учителя, переоценка прежней позиции). В романе Э.Р. Брейтуэйта разрешение конфликта кодируется инскрипцией на подарке – To Sir, With Love [Учителю, с любовью]. В рассматриваемом контексте сухое институциональное обращение наполняется коллективно-личностным содержанием: безличная субординативная форма социального детерминитива Sir в сочетании с этикетным стереотипным выражением with love преобразуется в автосемантичный гонораторив, что маркирует переход коммуникации в кооперативный режим без отказа от институциональной дискурсивной рамки (дискурсивная категория некооперативности нейтрализуется).

Символическое разрешение (10 случаев, 19% выборки) реализуется через генерализирующее высказывание, в котором конфликтная ситуация снимается не прямым директивным воздействием, а сменой речевого регистра. В романе Дж. Хилтона герой продолжает урок во время бомбёжки и произносит: You cannot judge the importance of things by the noise they make [Нельзя судить о важности вещей по шуму, который они производят]. С лингвистической точки зрения данная реплика представляет собой сентенцию: модальный предикат cannot и форма обобщённого настоящего (gnomic present) переводят высказывание из плана конкретной ситуации в план генерализованного суждения. Косвенный речевой акт констатив в функции директива порождает импликатуру (продолжение урока коммуникативно релевантнее реакции на бомбёжку), а переход от диалогического обмена репликами к афористическому монологическому высказыванию маркирует возврат коммуникации в кооперативный регистр. Символическое разрешение конфликта получает в текстовом фрагменте, актуализирующем педагогический дискурс, специфическое языковое / речевое оформление: сентенциозную модальность, импликативность речевого регистра, антитетическую афористичность.

Данные табл. 1 позволяют статистически обосновать корреляцию между типом разрешения конфликта и типом образовательного учреждения. В романах о государственных школах (n = 33) трансформирующее разрешение составляет 55% случаев. В романах о частных школах (n = 19) доминируют деструктивное (53%) и символическое (42%) разрешения на фоне сюжетного противопоставления индивидуальных ценностей жёстким институциональным нормам. Особого внимания заслуживает роль молчания: в художественном тексте оно функционирует либо как знак трансформации межличностных отношений, либо как знак окончательного разрыва педагогической коммуникации. С позиций лингвистического анализа приведённое распределение значимо прежде всего как свидетельство дискурсивной дифференциации категории некооперативности: каждый тип разрешения конфликта выражается с помощью устойчивых языковых и речевых (дискурсивно-обусловленных) средств, а их частотность регулируется спецификой образовательного учреждения.

Выводы

Некооперативность представляет собой дискурсивную категорию педагогического общения, репрезентируемую в англоязычной художественной прозе XX века посредством описаний ситуаций педагогического конфликта. В формальном выражении данная категория характеризуется набором языковых и речевых средств, специфически соотносимых с описаниями каждой из четырёх фаз педагогического конфликта: провокации, эскалации, кульминации и разрешения. Установлено, что тип образовательного учреждения является экстралингвистическим фактором, в некоторой степени определяющим отбор языковых / речевых средств репрезентации категории некооперативности в педагогическом дискурсе, представленном в прозаическом художественном тексте XX века. Доказано, что в англоязычном художественном тексте описания молчания субъектов и их невербальных действий в рамках педагогического конфликта актуализируют содержательно-концептуальную информацию (в трактовке И.Р. Гальперина). Результаты исследования вносят вклад в частную теорию дискурса (дискурс как объект изучения в англистике) за счёт использования категориального, текстоцентрического и коммуникативно-прагматического подходов.

Список источников

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
2. Олешков М.Ю. Педагогический дискурс: учебное пособие. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2012. 314 с.
3. Щербинина Ю.В. Речевая агрессия в педагогическом дискурсе: причины, формы, последствия // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 2. С. 36 – 44.
4. Кашкин В.Б. Введение в теорию дискурса. Москва: Восточная книга, 2010. 152 с.
5. Ленец А.В. Дискурсивные стратегии конфликтного педагогического общения // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 4. С. 156 – 165.
6. Болотова Е.А. Художественный текст как источник изучения институционального дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 3. С. 44 – 54.
7. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979. С. 237 – 280.
8. Sinclair J., Coulthard M. Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils,. London: Oxford University Press, 1975. 163 p.
9. Третьякова В.С. Речевой конфликт и аспекты его изучения // Юрислингвистика. 2019. № 11. С. 12 – 17.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
11. Van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
12. Дементьев В.В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78 – 107.
13. Кожемякин Е.А. Институциональный дискурс: категории, модели, типы // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 130 – 148.
14. Duff P.A. Language Socialization in Classrooms: Social, Cultural, and Linguistic Dimensions of Interaction // Annual Review of Applied Linguistics. 2020. Vol. 40. P. 36 – 55.
15. Matsumoto Y. Teacher and Student Conflict in the Classroom: A Critical Discourse Analysis // Journal of Language, Identity and Education. 2021. Vol. 20. № 4. P. 254 – 269.

References

1. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
2. Oleshkov M.Yu. Pedagogical Discourse: A Tutorial. Nizhny Tagil: Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Academy, 2012. 314 p.
3. Shcherbinina Yu.V. Speech Aggression in Pedagogical Discourse: Causes, Forms, Consequences. Russian Language at School. 2021. Vol. 82. No. 2. P. 36 – 44.
4. Kashkin V.B. Introduction to Discourse Theory. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2010. 152 p.
5. Lenets A.V. Discursive Strategies of Conflictual Pedagogical Communication. Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. 2019. No. 4. P. 156 – 165.
6. Bolotova E.A. Literary Text as a Source for Studying Institutional Discourse. Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2020. Vol. 19. No. 3. P. 44 – 54.
7. Bakhtin M.M. The Problem of Speech Genres. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. P. 237 – 280.
8. Sinclair J., Coulthard M. Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils,. London: Oxford University Press, 1975. 163 p.
9. Tretyakova V.S. Speech Conflict and Aspects of Its Study. Jurislinguistics. 2019. No. 11. P. 12 – 17.
10. Issers O.S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. 5th ed. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 288 p.
11. Van Dijk T.A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 267 p.
12. Dementyev V.V. Theory of Speech Genres and Current Processes of Modern Speech. Voprosy yazykoznaniya. 2015. No. 6. P. 78 – 107.
13. Kozhemyakin E.A. Institutional Discourse: Categories, Models, Types. Discourse-Pi. 2023. T. 20. No. 1. P. 130 – 148.

14. Duff P.A. Language Socialization in Classrooms: Social, Cultural, and Linguistic Dimensions of Interaction. Annual Review of Applied Linguistics. 2020. Vol. 40. P. 36 – 55.

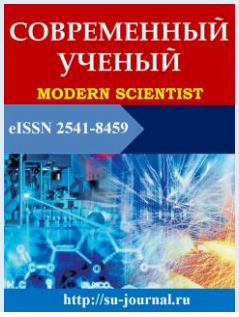
15. Matsumoto Y. Teacher and Student Conflict in the Classroom: A Critical Discourse Analysis. Journal of Language, Identity and Education. 2021. Vol. 20. No. 4. P. 254 – 269.

Информация об авторах

Ремизов Н.И., аспирант, ORCID: https://orcid.org/0009-0003-1516-5342, Государственный университет просвещения, 105005, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, nik_1818@mail.ru

Боронин А.А., доктор филологических наук, доцент, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1551-1765, Государственный университет просвещения, 105005, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, inloco@inbox.ru

© Ремизов Н.И., Боронин А.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'27
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-229-238

Функционирование фатической коммуникации в деловом общении

[1] Буранова М.В.

[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Аннотация: статья посвящена анализу использования контактоустанавливающей функции фатической коммуникации на всех этапах делового общения. Фатическое речевое поведение детерминировано заданной коммуникативной ценностью, поскольку эта нормативно устойчивая разновидность речевого поведения была выработана для осуществления межличностного контакта в деловом общении, которое является стереотипным строго регламентированным процессом коммуникативного взаимодействия партнеров. Как показал анализ фатической коммуникации, ее основное предназначение есть не столько передача информации, сколько быть средством установления и поддержания контакта как необходимого условия общения Фатическая коммуникация целесообразно используется, будучи неинформативным речевым поведением, в то же время выполняет важнейшие функции регулирования коммуникативного взаимодействия и поддерживания интерактивной стороны делового общения. Такими функциями являются: контактоустанавливающая, контактоудерживающая, отдаляющая (дистанцирующая), контакт восстанавливающая, контактозавершающая, аргументативная.
Анализ фатической коммуникации в контексте делового общения выявляет также, что в реализации ее функций большое значение приобретают такие фатические речевые поступки, как комплимент и извинение. Показано, что для успешного делового общения, в том числе и фатической коммуникации, имеют умения убеждения, речевого воздействия на партнеров общения, а также умения слушания и, в частности эмпатического слушания.
Ключевые слова: функции фатической коммуникация, деловое общение, коммуникативные компетенции, контактоустанавливающая, контактоудерживающая, отдаляющая (дистанцирующая), контактовосстанавливающая, контактозавершающая, аргументативна, общественно-коммуникативная деятельность, интерактивное общение, эмпатическое слушание

Для цитирования: Буранова М.В. Функционирование фатической коммуникации в деловом общении // Современный ученый. 2026. № 11. С. 229 – 238. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-229-238

Поступила в редакцию: 28 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The functioning of phatic communication in business communication.

[1] Buranova M.V.

[1] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Abstract: the article examines the functioning of phatic communication in the context of business communication, where the issue of motives for engaging in communication is significant. Phatic speech behavior is determined by a given communicative value, since this normatively stable type of speech behavior was developed for interpersonal

contact in business communication, which is a stereotyped and strictly regulated process of communicative interaction between partners. As the analysis of actual communication has shown, its main purpose is not so much to transmit information, but rather to establish and maintain contact as a necessary condition for communication. Phatic communication is expediently used, being non-informative speech behavior, at the same time performs the most important functions of regulating communicative interaction and maintaining the interactive side of business communication. Such functions are: contact-establishing, contact-maintaining, distancing (distancing), contact-restoring, contact-concluding, argumentative.

An analysis of phatic communication in the context of business communication also reveals that such phatic speech acts as compliments and apologies play an important role in fulfilling its functions. It has been shown that successful business communication, including phatic communication, requires skills in persuasion, verbal influence on communication partners, as well as listening skills, and in particular, empathetic listening.

Keywords: functions of phatic communication, business communication, communicative competencies, contact-establishing, contact-retaining, distancing, contact-restoring, contact-completing, argumentative, social and communicative activity, interactive communication, empathic listening

For citation: Buranova M.V. The functioning of phatic communication in business communication. Modern Scientist. 2026. 11. P. 229 – 238. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-229-238

The article was submitted: June 28, 2026; Approved after reviewing: July 24, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Проблема общения, такая же многогранная как сама жизнь, остается в центре внимания всех наук о человеке и обществе. Изменяется и совершенствуется действительность, а вместе с тем, изменяются и совершенствуются способы общения между людьми, возникают новые виды общения в ответ на индивидуальные и общественные потребности.

Одним из таких видов общения, актуализированных в последнее время, является деловое общение, которое стало отражением и инструментом стремительно развивающихся деловых, профессиональных связей между отдельными людьми, социальными группами и различными институциями.

Как показывает практика жизни, владение коммуникативными компетенциями делового общения, как правило, обусловливает успех и результаты самого дела. Однако остаются неизученными еще многие аспекты делового общения, в которых имеются предпосылки оптимизации делового взаимодействия людей.

Одним из таких аспектов общения и, в частности, делового общения. которые привлекают к себе внимание исследователей, является фатическая коммуникация в рамках делового общения.

Во-первых, представляется интересным, как используется фатическая коммуникация в таком стереотипном строго регламентированном процессе, как деловое общение.

Во-вторых, сегодня в исследованиях общения значительный интерес представляет собой выражение и понимание различных интенциональностей общения, что оказывается во многом связанным с фатической коммуникацией. Как считают лингвисты, необходимость рассмотрения и изучения фатических жанров общения не оставляет сомнений по той причине, что в современной лингвистике возрос интерес к исследованию закономерностей употребления языковых единиц, Которые произносятся в конкретной ситуации общения, с определенной целью [2].

Материалы и методы исследований

Как показывают тексты делового общения, средств массовой коммуникации, информационно-аналитических медиа, досуговых и политических текстов, роль и доля фатической коммуникации значительно увеличивается. Однако остается открытым вопрос: о смысле, функциях фатической коммуникации и способах ее выражения в коммуникативном взаимодействии и, в частности, в деловом общении. Этим обусловливается актуальность данного исследования, целью которого является выявление особенностей функционирования фатической коммуникации в деловом общении.

Цель исследования состоит в выявлении роли, места и особенностей функционирования фатической коммуникации в деловом общении.

Достижение цели исследования потребовало решения ряда задач:

1. Провести теоретический анализ общепсихологической проблемы общения;

2. Выявить на основе теоретического анализа особенности делового общения как одного из видов общения;
3. Определить сущность и функции фатической коммуникации в процессе взаимодействия между людьми;
4. Определить роль, место и способы функционирования фатической коммуникации в деловом общении.

Для решения поставленных задач и достижения цели исследования были использованы метод теоретического анализа литературы по проблеме исследования и эмпирический анализ данных практики осуществления делового общения.

Материалом исследования послужила выборка из текстов делового общения (деловых переговоров, бесед) фатических высказываний общим объемом в триста коммуникативных единиц.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим более подробно функции фатической коммуникации в общении.

Как было изложено выше, деловое общение, которое само по себе не имеет самодовлеющего значения, является одним из тех видов общения, которое в наибольшей мере ориентируется на решение определенных деловых задач и получение результата. В этом случае участниками взаимодействия могут стать партнеры, которые могут быть мало знакомы или вообще не знать друг друга, в силу чего особого внимания требует умение поддержания интерактивной стороны общения. В связи с этим в деловом общении, которое является строго целенаправленным, стереотипным, регламентированным, имеющим строгий социально-ролевой характер, необходимо использование фатической коммуникации, связанной с соблюдением этикета церемониальных процедур общения.

Доминирующая направленность фатического общения на контакт делает необходимым рассмотрение социально-психологической сущности понятия «контакт» и его влияния на коммуникативное взаимодействие людей. Контакт может осуществляться как вербальными, так и невербальнми незнаковыми средствами. Контакт есть необходимое условие всякого взаимодействия, которое предполагает его развитие, т.е. в общении он переходит в фазу коммуникации, в процессе которой видоизменяются ситуации контакта, включаются соответствующие им механизмы рефлексии, контроля, оценки, самооценки и т.д.

Критерием и показателем установления контакта является наличие обратной связи, т.е. взаимообусловленный и взаимопонятный обмен действиями. Намеренное или случайное осознание контакта может трансформироваться в целенаправленную активность или деятельность. Неотъемлемым атрибутом контакта является мотивационно-побудительный компонент, включающий установки, интенции, мотивы, направленность, интересы. В противном случае коммуникация как следствие контакта не может иметь место.

Таким образом, психологическая сущность контакта, показывает роль и место фатической коммуникации, целиком направленной на установление и поддержание контакта на всем протяжении коммуникативного взаимодействия.

Как известно, достижение результата в деловом взаимодействии становится возможным только в условиях кооперативного вида взаимодействия на основе этико-гуманистических ценностей, предполагающих владение навыками установления и удержания контакта, а также проявление уважения, вежливости, доброжелательности и любезности к партнерам взаимодействия.

Как показывает анализ, средством создания таких благоприятных условий для делового общения служит фатическая коммуникация, эффект которой должен проявляться на всем протяжении делового взаимодействия.

Основная задача фатического речевого поведения в деловом общении, как и в других видах общения – это говорить, чтобы высказаться и встретить понимание со стороны своего собеседника. Этот обмен репликами, ассоциативно связанными друг с другом, сознательно направлен на поддержание разговора и организацию успешной совместной деятельности. Интересно отметить, что при этом правила выбираются собеседниками скорее интуитивно, чем сознательно. Сюда можно отнести обмен мнениями и чувствами, который может быть недостаточно логичный, но искренний. Коммуниканты в деловом общении, в процессе которого предстоит решить общую проблему, имеют равные права и стремятся прийти в конечном итоге к совместно выработанному решению. Соответственно, использование фатической речи максимально приближает слушающего к личности говорящего.

Прежде чем перейдем к анализу более конкретного использования фатической коммуникации в деловом общении, рассмотрим общие принципы актуализации фатического речевого поведения в деловом общении.

Классическим примером использования фатики в общении является коммуникативное поведение в английской лингвокультуре, в которой фатическое общение является одной из доминантных черт. В связи с этим фатические принципы в английской лингвокультуре оказали большое влияние и на развитие делового общения и являются универсальными основами при выстраивании деловых взаимодействий.

В соответствии с этим одним из наиболее распространенных способов фатической коммуникации в деловом общении является Small Talk (светский разговор). «Small Talk» в New Oxford Dictionary of English определяется как « polite conversation unimportant or uncontroversial matters especially as engaged in social occasions». К. Шнайдер выделяет две типичные коммуникативные ситуации для Small Talk в соответствии с двумя выполняемыми им основными функциями: 1. заполнение коммуникативной лакуны при встрече незнакомых или малознакомых людей, вынужденных находиться некоторое время в одном пространстве; 2. намеренное завязывание социальных контактов с расчетом на будущие социальные взаимодействия [10].

К деловой коммуникации можно отнести такие свойства фатической коммуникации, как семантические доминанты фатической коммуникации в английском языке. Это «неформальность», «дружелюбие», «незначительность темы», «интерактивность». Об этом говорит большое количество семантических и стилистических вариантов номинации в пределах данного поля. Обилие нейтрально и положительно оценочных единиц позволяет говорить о том, что фатическое общение в английской лингвокультуре оценивается положительно как умение поддержать личностно нейтральные отношения. А для этой цели надо уметь говорить о мелочах. Отсутствие коммуникативных умений в области фатического общения косвенно фиксируется в языке как нежелательное явление. Например, согласно идиоме «talk shop (to talk about business at a social event is out of place), что означает «говорить на профессиональные темы в обществе неприлично» [4].

Использование Small Talk имеет конвенциональный характер и необходим в некоторых ситуациях официального и полуофициального общения. В современном коммуникативном процессе этот жанр закреплен за сферой делового общения и полностью отражает его сущность цели задачи. Фатика является разновидностью непрямой коммуникации и получает воплощение в разных языковых средствах, требующих дополнительных усилий по интерпретации высказывания, так как понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся собственно в высказывании.

В англоязычной лингвокультуре Small Talk имеет статус фрейма: стереотипного обмена фатическими репликами, целью которого является переход к собственно деловым переговорам. Разделение фатического и информативного общения маркируется фразами типа Shall we get down to business? How can I help you? [1].

Итак, рассмотрим использование фатической коммуникации в процессе делового общения.

Проведенный анализ показывает, что фатическая коммуникация в деловом общении используется на всех его этапах, наиболее ярко при этом проявляясь на начальной и завершающей стадиях взаимодействия.

Начальным этапом делового общения, как было отмечено выше, является установление контакта, а функция, которую выполняет фатическое общение, называется контактоустанавливающей. Любое коммуникативное взаимодействие предполагает стадию включения его участников в речевой обмен, когда обе стороны включают средства, позволяющие установить контакт друг с другом.

На этой стадии партнеры прилагают максимум усилий для снятия всех психологических барьеров, заполнения пауз, формирования имиджа своих собеседников и привлечения их внимания. С другой стороны, происходит и позитивная самоподача с целью вызвать доверие и стимулировать партнера к активности в общении и созданию общего пространства возможностей для конструктивного делового обсуждения проблемы и принятия решений. Существуют так называемые «включатели», т.е. средства, позволяющие установить контакт и выступают в роли зачинов. К ним относятся заполнители пауз, маркеры формирования имиджа коммуникантов, привлечения собеседника, передачи слов, инициирующих ответную реакцию, приветствия.

В качестве приветствия здесь выступают вопросы о самочувствии типа How are you? (Как дела? Как себя чувствуете?). Ответы на такие вопросы должны быть краткими и позитивными: I am fine, I m well, I’m great. Это объясняется тем, что в деловой, также, как и межличностной коммуникации ценится внимание к собеседнику и жизненный оптимизм, в связи с чем они выступают как стратегии взаимодействия. При этом ценится личная автономия собеседников, когда не принято делиться своими личными проблемами и неприятностями и обременять ими друг друга.

Характеризуя, в целом, использование фатической коммуникации, на первом этапе делового общения, следует подчеркнуть ее глубоко ритуализированный характер. Ритуал, как известно, это формализованный и условный акт речевого поведения, посредством которого индивид выражает свое уважение к объекту, предмету и субъекту высказывания. Несмотря на высокую степень стереотипности ритуальных

высказываний, отсутствие во взаимодействии стереотипных тем и формул вежливости крайне отрицательно сказывается на начальном контакте делового взаимодействия. Так, к ритуальными темам, примыкающим к приветствиям относятся темы, связанные с погодой, здоровьем, транспортом. Согласно ритуалу, при этом избегаются темы, относящиеся к политике и религии.

Антрополог Кейт Фокс отмечает, что выбор темы «погода» в качестве универсальной обусловлен тем, что, во-первых, это наиболее нейтральный предмет для начала социальных контактов, поэтому это надежный способ избежать социального дискомфорта, а, во-вторых, тем, что погода является повседневной частью жизни англичан. Автор справедливо полагает, что реплики о погоде выполняют функцию приветствия, вытесняя традиционные How do you do? и How are you? Они широко используются как в неформальных, так и в деловых контактах [2]. Фатический непрямой характер высказываний о погоде используется при приветствиях партнеров и необходимости приступить к запланированному общению. Например, фраза «Nice day isn it?» означает «I'd like to talk to you-- would you talk to me?».

Для формирования имиджа партнера и привлечение его внимания используются фразы, показывающие интерес собеседника и желание помочь в случае необходимости. Примерами таких фатических высказываний являются: «Did you have a good journey?», «Do you need any help or information?», «Where are you staying?», «Is this your first visit to?», «When did you actually arrive?», «Where abouts do you come from?», «Pleased to meet you!», «Have you just arrived?» и т.д. Поскольку в деловой коммуникации также ценится оптимизм, то делается выбор соответствующих стратегий-демонстрации заинтересованности в продолжении контакта.

Фатическая коммуникация первого этапа делового общения отчасти решает и задачи второго этапа, в качестве которого выступает ориентация в людях и обстоятельствах и определение ролей. Используемая при этом система обращений также выполняет свою первичную функцию – контактоустанавливающую. Система обращений, используемая в деловом общении, включает обращение по имени, должности, статусу, почетному званию и способствует распределению ролей во взаимодействии.

На этапах обсуждения проблемы и совместного ее решения как важнейших этапов, определяющих ход и результаты делового общения, также используются элементы фатической коммуникации.

Эти этапы предполагают полное включение собеседников в обсуждение предмета общения, умение слушать и понимать партнеров. Принятие совместного решения может быть достигнуто только при условии реализации сотрудничества между партнерами и умения находить взаимопонимание, которое нередко достигается при помощи фатической коммуникации.

Включению собеседника в обсуждение могут способствовать вежливые просьбы, типа: «с Вашей стороны будет очень любезно, если Вы изложите вашу точку зрения на суть проблемы», «мы будем благодарны, если вы начнете обсуждение», «если вас особенно не обременит...», «Вы нас очень обяжете, если…».

Одной из функций фатической коммуникации, как было отмечено, является аргументативная, или функция убеждения и воздействия. Убежденность участников общения является одним из эффектов фатической коммуникации на этапах обсуждения проблемы и принятия решения в деловом общении который облегчает ход взаимодействия и достижение взаимоудовлетворяющих результатов. Поэтому убеждение является одним из действенных приемов фатического речевого поведения. Как писал академик П.К. Анохин, эмоциональная основа для любых действий человека, и в особенности для реализации цели и намерений, является самым существенным «мотивом», без которого все начинания человека разбиваются о первые же препятствия [5].

Убеждение в деловом общении – это интеллектуальное психологическое воздействие как на рациональную, так и на эмоциональную сферу партнера с целью добиться принятия им своих положений. Важно подчеркнуть, что, осуществляя речевое воздействие, необходимо добиться не просто принятия своей точки зрения, но и внутреннее согласие с ней. Это означает, что убеждающее воздействие ни в коем случае не должно идти вразрез с мнениями и желаниями партнера и должно вызывать его внутреннее согласие [6].

Отличие и особенность убеждения, например, по сравнению с доказательством, состоит в том, что здесь для достижения цели недостаточно только приводить логично выстроенные факты и аргументы- здесь необходимо воздействие на эмоциональную сферу личности. Именно эмоциональная сфера личности позволит осуществить и поддерживать контакт между партнерами делового общения. Создание эмоциональной связи между коммуникантами показывает понимание проблемы и потребностей друг друга. Эмоциональная вовлеченность партнеров в обсуждение проблемы помогает установить и поддерживать

контакт, вызвать доверие, проявлять выдержку, терпение и такт, выдвигать новые идеи так, чтобы они ассоциировались с уже усвоенным.

Применение убеждающей стратегии в деловом общении предполагает вежливость, проявление эмпатии, персонализацию, возможность аппелирования к пережитому опыту, высказывать свои идеи. Необходимо проявлять изначально согласие в главном.

В данном случае активно используются просьбы, риторические вопросы. повторения, демонстрирующие значимость определенного положения. используются такие высказывания, как «другими словами, вы считаете, что сказанное вами может означать, что..», « нельзя ли это повторить более подробно?», «правильно ли я понял вас?», «как мы поймем, что сделали правильный выбор?», «есть ли у вас альтернативные варианты?», «Я вполне разделяю вашу точку зрения», «думаю, мы договоримся по основным пунктам нашей проблемы»., «это, на самом деле, хорошая идея».

Для того, чтобы вызвать доверие в убеждающем речевом воздействии, важно проявлять и элементы самокритики, например, называя минусы и в своем подходе к решению проблемы. Например, «я не предлагаю данный вывод как окончательный, поскольку сам чувствую спорность определенных моментов».

Одним из наиболее действенных приемов фатического речевого поведения является убеждающее высказывание, опирающееся на ценности партнера общения. В этом случае говорящий, как правило. достигает своей цели – вызвать доверие и встречное желание собеседника решить проблему определенным образом. Такие фразы, как, например, «Я знаю, что вы всегда придерживаетесь принципа справедливости в своих решениях», или «Нам известна тщательность разработки вами каждого положения» и т.д.

Несогласие и критика никогда не должны выходить на первый план высказывания в деловом общении. При необходимости выразить несогласие, отказ, замечание, следует предварить это какой-либо похвалой, комплиментом, которые будут выполнять фатическую контактосохраняющую роль. Например, «я высоко ценю вас как партнера, но необходимо еще раз обговорить условия нашей дальнейшей совместной работы».

В поддержании общей контактной функции фатической коммуникации в деловом общении значительное место занимает контактовосстанавливающая функция, которая направлена на восстановления общения в случае заминок или каких-либо нарушений этикета. Эта фатическая функция реализовывается как посредством стандартных речевых формул извинения, так и другими высказываниями в семантике которых извинение отсутствует.

Извинения – это прежде всего социальный акт, направленный на поддержание хороших отношений между участниками общения. Извиняться – значит вести себя вежливо, обращая внимание на потребности адресата [3]. Извинение – это социально значимое явление, когда происходит нарушение социальных норм взаимодействия.

По мнению Дж.Серля, цель речевого акта извинения – это восстановление гармонии между говорящим и слушающим. поскольку извинение имеет эффект компенсации за причиненный ущерб плюс восстановление достоинства пострадавшей стороны [5].

В реальных ситуациях общения формулы извинения, являясь репрезентацией вежливости, регулируют речевое взаимодействие коммуникантов и служат сохранению социального равновесия.

Акт извинения возможен только при принятии говорящим ответственности за ущерб, а также выражении сожаления за него. Коммуникативные действия в данном случае должны включать:

- извинения;
- несение ответственности за причиненный ущерб;
- объяснение мотивации, которая привела к поступку;
- поиск решения для возмещения ущерба;
- обещание избегать подобных ситуаций.

Речевые поступки извинения могут выражаться как с помощью этикетных формул, так и при помощи свободных высказываний. Выделяются превентивные, когда говорящий извиняется, чтобы смягчить еще не сделанный ущерб, и ретроспективные извинения за уже причиненный вред.

За незначительные проступки (невнимательность, неаккуратность и др.) выражаются ритуально-этикетные формулы извинения, которые не требуют особой ответной реакции или оно носит чисто этикетный характер. За причинение более значительного ущерба надо предпринять усилия, чтобы другая сторона приняла доводы, объяснения, обещания более не повторять таких ошибок.

В формулах извинения используются глаголы «извинить, простить с вариациями, в английском варианте «to apologize», «to excuse», «to forgive» и другие варианты. Примеры используемых извинений в английской

и русской лингвокультурах: «Извините, что не предупредил звонком, но дело неотложное, всего несколько минут!», «Мы искренне сожалеем за опоздание, но в это время дня мы не ожидали пробок. Будем иметь это ввиду в следующий раз.», «I really must apologize to you for keeping so long here», «I am afraid I was somewhat overcritical».

Лингвистические средства реализации извинения варьируются в зависимости от пола, возраста, социальных ролей общающихся. Представляется, что формулы извинения за незначительные формы нанесения ущерба (причинения неудобства, невнимательность, постановка вопроса, неаккуратность и другие) больше носят фатический характер. В таких случаях отсутствуют мотивы, ответственность и объяснение поступков. В таких случаях используются фразы: «извините», «простите», «сожалею», «Excuse me», «I beg your pardon», «Forgive me».

В процессе делового общения на этапе обсуждения проблемы и принятия решения, связанного с единством позиций участников общения, естественным образом возникают моменты, когда становится необходимым уточнение позиций каждой из сторон, которые могут не совпадать в определенных отношениях. В этом случае в действие вступает так называемая отдаляющая функция фатического общения, направленная на отделения себя от своего партнера, точнее, своего мнения от мнения собеседника. Несмотря на дистанцирующую функцию, фатическое общение здесь помогает уточнить и прояснить точки зрения участников взаимодействия и реализовать общую направленность фатической коммуникации на сохранение и удержание контакта.

Как и в ряде других функциях фатической коммуникации, обязательным условием реализации отдаляющей функции является положительная пресуппозиция, смягчающая возможности отрицательного воздействия на партнера общения.

В качестве примеров дистанцирующей функции фатической коммуникации можно привести следующие высказывания: «Нам хорошо известен ваш безусловный авторитет в этой области, но все-таки у нас на этот счет имеется другое мнение», «Вы очень логично представили один из вариантов решения этой проблемы, но, к сожалению, мы видим суть этой проблемы в ином свете», «в принципе, мы согласны с большинством ваших доводов, но у нас есть несколько замечаний и возражений».

Очевидно, что такая форма реализации отдаляющей функции фатического речевого поведения не нанесет ущерба поддержанию контакта в деловом общении.

Завершая анализ контактообразующей функции фатической коммуникации, ее разновидностей и факторов ее определяющих, следует подчеркнуть роль слушания как условия существования контакта. Слушание есть процесс восприятия, осмысления и понимания речевого сообщения, результатом которых являются умозаключения, а вместе с тем и определенное эмоционально-психологическое состояние.

Возникновение положительных эмоций по отношению к говорящему в процессе слушания является показателем эмпатического слушания, ведущей целью которого является уловить эмоциональную окраску сообщения и его значение для говорящего, проникнуть во внутренний мир партнера общения. Именно эмпатическое слушание становится необходимым в ситуациях с высоким эмоциональным напряжением, как, например, при разрешении конфликтов между людьми, при проведении переговоров [7].

Эмпатическое слушание включает в себя такие приемы рефлексивного слушания как уточнение, перефразирование, резюмирование. Однако, если целью рефлексивного слушания является осознать, как можно точнее сообщение говорящего, то целью эмпатического слушания является понять, какие чувства он при этом испытывает. Это означает психологическую готовность собеседника к контакту и принятию его точки зрения.

Эмпатическое слушание предполагает приемы перефразирования. резюмирования, одобрения, отражение понимания чувств говорящего.

Так, эмпатическое слушание предполагает такие высказывания слушающего, как: «вашими основными идеями, как я понял, являются.», «если теперь подытожить сказанное вами, то.» «не чувствуете ли вы себя несколько ущемленным.», «мне кажется, что вы чувствуете», «я понимаю, какое значение имеет для вас эта идея».

Рассматривая использование фатической коммуникации в деловом общении, невозможно обойти вниманием понятие комплимента, которое служит не только маркером вежливости, но и средством укрепления межличностных и социальных связей. Будучи частью речевого этикета комплимент наряду с такими функциями, как прагматическая, манипулятивная, апеллятивная, эмпатическая, выполняет главную фатическую функцию-контактоустанавливающую. Н.И.Формановская, рассматривает комплимент в русской культуре не только как качество выражения уважения или восхищения, но и как инструмент социального воздействия, способствующий налаживанию контактов [9]. Эта контактная функция

комплимента может быть использована практически на всех этапах делового общения, начиная с установления контакта на начальном этапе и заканчивая завершающей стадией переговоров, на которой комплимент выполняет контактозавершающую функцию.

Основная цель комплимента – это формирование и поддержание в коммуникативном взаимодействии приятной атмосферы, а также выражения уважения и или восхищения по отношению к собеседнику. Комплимент – это форма речевого поведения, предназначенная для выражения уважения, одобрения или восхищения собеседником, часто используемая для улучшения социальных отношений, создание позитивного впечатления и налаживания контактов. Комплименты, влияя на восприятие индивидуумом своего места в социальной иерархии, осуществляют коммуникативное воздействие на личность.

Рассматривая комплимент, необходимо правильно соотносить его с понятиями одобрения, похвалы и лести. Комплимент считается эмоциональным концептом, обладающим признаками, отличающими его от смежных концептов «похвалы» и «лести».

Одобрение – это «ядро» в структуре комплимента, играющее ключевую роль в речевом этикете. Этот аспект взаимодействия способствует укреплению межличностных связей, созданию позитивной атмосферы и поддержанию отношений. Одобрение в комплименте следует рассматривать как механизм укрепления социального взаимодействия, где выражение положительных чувств стимулирует взаимность и эмоциональное соединение, что и является основой контакта. Различие между похвалой и комплиментом состоит в том, что для похвалы основной целью является положительная оценка, а для комплимента – это средство информирования собеседника о добрых чувствах и благорасположении.

Похвала также связана с оценкой конкретных достижений или действий человека, а комплимент адресуется внешнему виду или личностным качествам.

Комплимент как фатическое речевое поведение менее информативно, чем похвала. Он чаще всего используется как инструмент социальной смазки, помогая улучшить и укрепить отношения без прямой связи с какими-либо поступками и достижениями.

Другим понятием, близким к комплименту, является смежное понятие «лесть». Это понятие также оказывает значительное влияние на межличностные отношения и используется для достижения внимания со стороны собеседника. Но лесть, в отличие от комплимента, чаще несет в себе скрытую мотивацию и является инструментом социального манипулирования. Способность отличать лесть от комплимента требует понимания истинных намерений говорящего. Пониманию намерений говорящего способствует коммуникативный опыт и перцептивные умения слушающего, связанные с невербальными компонентами общения. Раскрытие корыстных намерений лести подрывает доверие и создает напряженность в общении, в то время как комплимент снимает напряжение и поддерживает доверительный контакт.

Как было отмечено, начало взаимодействия в деловом общении является наиболее важным этапом, определяющим дальнейшее развитие коммуникации. В связи с этим чрезвычайно важно здесь использование фатической контактоустанавливающей функции, которая вовлекает собеседника в обсуждение проблемы, поддерживает и активизирует его. Посредством контактоустанавливающей функции комплимента осуществляется регламентация отношений (социальных и индивидуально-личностных) между участниками общения, направленная на выработку общей платформы совместной деятельности. Коммуниканты стараются создать благоприятную психологическую атмосферу, обнаружить общность мыслей, интересов, демонстрировать участие друг в друге, расположить к себе собеседника и дать ему почувствовать собственное расположение. Даже такой простой комплимент, как «вы сегодня прекрасно выглядите!» направлен на создание приятной атмосферы и на расположение к себе собеседника.

Эффект воздействия комплимента на собеседника в фатической коммуникации может часто достигаться за счет преуменьшения своих собственных достоинств в пользу партнера. Например, очень оправданным является такой комплимент: «Как Вам удалось поговорить с шефом? Я вчера уговаривала его час, но все было напрасно, а Вы за несколько минут решили этот вопрос!». Такие комплименты, как правило, аргументированы и достигают цели расположения к себе собеседника и установления с ним контакта. Такая стратегия использования комплиментов в деловом общении применяется на начальном этапе взаимодействия, но может выполнять и другие контактные функции в процессе обсуждения, принятия решения и завершения контакта.

Владение стратегиями и тактиками комплимента – это часть общей культуры человека, предписываемая этикетом, это официальная этикетная формула вежливости, обязательная для поддержания благоприятного климата в общении. Комплимент предполагает использование эмоционально –окрашенной лексики, включая прямые номинации, эпитеты (marvellous, excellent), усиленные эпитеты (fabulous, неподражаемый), сравнения, повтор, риторические вопросы восклицания междометия [8].

Следует отметить, что комплименты характеризуются высокой национально-культурной спецификой, что требует особого внимания в деловом общении с представителями различных культур.

В русской культуре, например, комплименты отличаются прямолинейностью, открытостью, искренностью и направленностью на внешность и достижения собеседника. Для английской культуры характерна сдержанность и точность комплиментов, уважение к личному пространству собеседника. Комплименты при этом направлены на его личностные качества и манеры. Комплименты итальянцев являются экспрессивными, живыми, представляют собой комментирование внешности и личных качеств и, соответственно, направлены на внешность собеседника.

Таким образом, комплимент в деловом общении, как и в других видах общения, выполняет важную фатическую функцию, создавая и поддерживая доброжелательный контакт, благоприятную атмосферу для общения и влияя на психологическое сближение партнеров. Комплимент как речевой акт направлен на реализацию таких планов речевого общения, создающих контакт, как план регулирования общения, план гармонизации межличностных отношений и план выражения вежливых отношений в процессе делового взаимодействия.

Наконец, фатическая коммуникация принимает самое активное участие на стадии завершения контакта в деловом общении. Одним из основных принципов выхода из контакта является выполнение этических принципов делового общения, выражения удовлетворения от проделанной работы сохранения доброжелательных отношений с партнерами. Как отмечалось выше, фатическая коммуникация наиболее ярко проявляется на начальном и завершающем этапах делового общения, как бы обрамляя процесс общения. В коммуникативном взаимодействии люди не передают информацию механически, они создают последствия, т.е. перспективы будущих коммуникаций. Отражением такого принципа взаимодействия является фатическая коммуникация на стадии завершения контакта.

В межличностном общении расставание, размыкание контакта считается связанным с некоторым дискомфортом, влияние которого надо смягчать. Этот принцип действует и в деловом общении и реализовывается фатической коммуникацией с применением смягчающих маркеров.

В данном случае деловые партнеры благодарят друг друга за сотрудничество, демонстрируют взаимное расположение друг к другу. внимательность и заинтересованность в продолжении деловых контактов.

Соответственно, фатическими высказываниями благодарности за совместную работу могут быть такие: «очень признателен вам за проделанную работу», «позвольте мне от имени нашей фирмы поблагодарить всех за участие в сегодняшнем обсуждении и выразить надежду на дальнейшее сотрудничество», «Я полагаю, что проблему можно считать решенной, давайте подведем итоги»; затем выражаются пожелания приятного пути, хорошего времяпровождения и т. д. Такими финальными фразами могут быть следующие «Good-bye and thanks for everything», «Have a good journey», «Have a pleasant evening. Give my kind regards to».

Выводы

Подводя итоги, вышеизложенному, следует отметить, что, проведенный анализ реализации поэтапного делового общения позволяет проследить использование в нем фатической коммуникации, актуализирующей интерактивную сторону общения и поддерживающей контакт между участниками делового взаимодействия.

В целом, данные проведенного исследования доказали, что, несмотря на строго регламентированный стереотипный характер делового общения, в нем успешно функционирует фатическая коммуникация, актуализирующая интерактивный аспект общения и выполняющая свою основную контактную функцию во всех ее разновидностях на всех этапах делового взаимодействия.

Парадокс фатической коммуникации состоит в том, что, не имея информативного значения, она при этом способствует цели информационного обмена и, в конечном итоге, достижению цели коммуникативаного взаимодействия. Это объясняется тем, что в фатической коммуникации язык выполняет одну из основных своих функций – быть средством общения, вовлечения собеседников в атмосферу вежливого речевого взаимодействия, не преследуя при этом цели передачи идей, мыслей и сообщений. Другими словами, в фатической коммуникации выражается человеческая природа социальности и стремление к «узам общности», для чего недостаточно простого обмена словами.

Список источников

1. Витгенштейн Л. Философские произведения // Новое в зарубежной лингвистике. Москва, 1985. Вып. 16. 128 с.
2. Горбачева Е.Ю., Маркин С.Д. Реализация фатической функции в деловом общении // Молодой ученый. 2015. №22 (102).-С. 927 – 931.
3. Еремина Д.В. Коммуникативные формулы извинений в британском варианте английского языка. Белгород, 2018. 73 с. http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/36310/1
4. Замятина Е.Е. Фатическая коммуникация в деловом общении британцев. Cyberleninka. Ru, 2014.
5. Плетнева Е.А. Извинение как социокультурно обусловленный феномен // Вестник Воронежского государственного университета. 2007. № 2. С. 221 – 227.
6. Ружин В.И. Уметь убеждать. Москва, 1980. 135 с.
7. Тумина А.Е. Эмпатическое слушание // Психология общения. Москва: Когитоцентр, 2015. 671 с.
8. Овчинникова Е.В. Лингвокультурная специфика речевого жанра «комплимент» // Студенческий электронный журнал «СТРИЖ». 2018. С. 70 – 73.
9. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика. Москва: Высшая школа, 1989. 334 с.
10. Клаус Шнайдер "Светская беседа": анализ фатического дискурса. Хидзерот, 1988. 163 с.

References

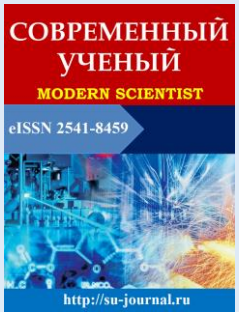
1. Wittgenstein L. Philosophical Works. New in Foreign Linguistics. Moscow, 1985. Issue 16. 128 p.
2. Gorbacheva E.Yu., Markin S.D. Implementation of the Phatic Function in Business Communication. Young Scientist. 2015. No. 22 (102). P. 927 – 931.
3. Eremina D.V. Communicative Formulas of Apology in the British Version of the English Language. Belgorod, 2018. 73 p. http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/36310/1
4. Zamyatina E.E. Phatic Communication in Business Communication of the British. Cyberleninka. Ru, 2014.
5. Pletneva E. A. Apology as a Socioculturally Determined Phenomenon. Bulletin of Voronezh State University. 2007. No. 2. P. 221 – 227.
6. Ruzhin V.I. Being Able to Persuade. Moscow, 1980. 135 p.
7. Tumina A.E. Empathic Listening. Psychology of Communication. Moscow: Kogitocenter, 2015. 671 p.
8. Ovchinnikova E.V. Linguocultural Specifics of the Speech Genre "Compliment". Student Electronic Journal "STRIZH". 2018. P. 70 – 73.
9. Formanovskaya N.I. Speech Etiquette in Russian Communication. Theory and Practice. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989. 334 p.
10. Klaus Schneider "Small Talk": Analysis of Phatic Discourse. Hidzeroth, 1988. 163 p.

Информация об авторе

Буранова М.В., кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, byranova_madina@mail.ru

© Буранова М.В., 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.013
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-239-247

Генезис идеи обучения первой помощи в школе

[1] Мурашов О.В., [1] Бугеро Н.В., [1] Якимова Д.В., [1] Матвеева Е.Д., [1] Егорова Д.А.

[1] Псковский государственный университет

Аннотация: в статье дано описание этапов становления обучения школьников оказанию первой помощи и анализ содержания раздела данной области знаний в школьных учебниках по дисциплине «Биология. Человек» в историческом аспекте. Цель работы – проследить историческое развитие идеи обучения первой помощи в школьной системе образования: от первых инициатив до современной нормативной и методической базы. Авторами также представлен опыт организации внеурочной и внешкольной работы по обучению псковских школьников основам оказания первой помощи, направленный на установление связи теории с практикой и использование практического материала для закрепления усвоенных учеником знаний и умений по различных школьным дисциплинам. Особый акцент делается на использование современных обучающих технологий, обучение на тренажерах, привлечение к обучению медиков и сотрудников организации «Красный крест», волонтеров-медиков и организацию турниров по оказанию первой помощи. Делается вывод о том, что идея обучения первой помощи в школе прошла длительный путь от эпизодических кружков до системной интеграции в образовательный процесс. Современный этап обучения первой помощи характеризуется компетентностным подходом, акцентом на практические навыки и использование инновационных технологий.
Ключевые слова: обучение, школа, первая помощь, анатомия человека, организационно-педагогические условия, учебная среда

Для цитирования: Мурашов О.В., Бугеро Н.В., Якимова Д.В., Матвеева Е.Д., Егорова Д.А. Генезис идеи обучения первой помощи в школе // Современный ученый. 2026. № 11. С. 239 – 247. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-239-247

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The genesis of the idea of teaching first aid at school

[1] Murashov O.V., [1] Bouguero N.V., [1] Yakimova D.V., [1] Matveeva E.D., [1] Egorova D.A.

[1] Pskov State University

Abstract: this article describes the stages of the development of first aid training for schoolchildren and analyzes the content of this section of knowledge in school textbooks on the subject "Biology. Humanity" from a historical perspective. The purpose of the work is to trace the historical development of first aid training in the school education system: from the first initiatives to the current regulatory and methodological framework. The authors also pre-

sent the experience of organizing extracurricular and extracurricular activities to teach first aid basics to Pskov schoolchildren, aimed at establishing a connection between theory and practice and the use of practical material to consolidate the knowledge and skills acquired by students in various school subjects. Particular emphasis is placed on the use of modern educational technologies, training on simulators, the involvement of medical professionals and Red Cross employees, medical volunteers, and the organization of first aid tournaments. It is concluded that the idea of first aid training in schools has come a long way from occasional clubs to systemic integration into the educational process. The current stage of first aid training is characterized by a competency-based approach, an emphasis on practical skills, and the use of innovative technologies.
Keywords: education, school, first aid, human anatomy, organizational and pedagogical conditions, learning environment

For citation: Murashov O.V., Bouguero N.V., Yakimova D.V., Matveeva E.D., Egorova D.A. The genesis of the idea of teaching first aid at school. Modern Scientist. 2026. 11. P. 239 – 247. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-239-247

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026

Введение

События последних лет оказали значительное влияние на все сферы общественной жизни и потребовали консолидации всего общества для противостояния надвигающимся угрозам. Потери из-за террористических актов, военных действий, стихийных бедствий и техногенных катастроф заставляют людей иначе оценить значимость знаний и умений поведения человека в опасных и чрезвычайных ситуациях и их готовность к оказанию первой помощи (ПП) пострадавшим. Вовремя и квалифицированно оказанная помощь на месте происшествия, даже в незначительном объеме, может спасти жизнь пострадавшего. Так, за первые 9 мин можно спасти до 90 % пострадавших, в то время как через 18 мин – только 15 % [3]. У пострадавших с тяжелыми травмами, не получивших помощь в течение первого часа летальность возрастает на 30 %, трех часов – на 60 % и шести часов – в два раза [27]. Выживание человека в случае остановки сердца и дыхания напрямую связано со временем начала реанимационных действий. На основании проведенных многочисленных исследований было доказано, что более полное восстановление функций коры головного мозга происходит при остановке мозгового кровообращения на время, не превышающее 3-3,5 минут [20]. При нахождении в состоянии клинической смерти менее 3 минут вероятность спасения жизни составляет 75 %, 5 минут – 25 %, а через 10 минут шансы на спасение равны нулю [27]. Учитывая столь короткий период времени для прибытия медицинских работников, необходимые действия по поддержанию жизни в большинстве случаев немедленно могут начать окружающие люди. Однако они, как правило, способны лишь вызвать «скорую помощь», боясь навредить пострадавшему своими действиями. К сожалению, готовность населения к оказанию ПП остается крайне невысокой. Так, анализ индивидуальных случаев остановки сердца показал, что попытки оказания ПП свидетелями происшествия предпринимались всего в 10 % случаев [2].

Материалы и методы исследований

Использовались такие теоретическое методы, как анализ и синтез научной литературы, сравнение подходов к обучению первой помощи в разные исторические периоды, систематизация и классификация идей и методов. Среди эмпирических методов можно отметить изучение и анализ практического опыта педагогов.

Результаты и обсуждения

Анкетирование 100 учащихся старших классов в возрасте 16-18 лет, проведенное сотрудниками Воронежского государственного медицинского университета имени Н.Н. Бурденко, показало, что считают себя готовыми к оказанию ПП 15 % респондентов, а на предложенные 9 вопросов по этой теме не было получено ни одного правильного ответа [24]. Оценка качества обучения учащихся медицинских классов Московских школ показала, что уровень теоретической подготовки составил в среднем 56 %, практической – 23 % [13]. Основные причины такой низкой готовности населения к оказанию ПП обусловлены несовершенством самой системы обучения, базирующейся на устаревших недостаточно эффективных методиках [4]. В этой связи обучение школьников современным методам оказания ПП является весьма важным и актуальным делом, а, следовательно, повышается роль и ответственность школьной образовательной системы.

Отдельный предмет под названием «Основы первой медицинской помощи» в школьной образовательной системе никогда не преподавался. Вопросы в этой области знаний всегда были дополнением ряда других предметов, изучаемых в школе: «Анатомия и физиология человека», «Начальная военная подготовка», «Биология» и др.

Исторически преподавание основ первой медицинской помощи (ПМП) в школе было связано с введением в систему школьного образования в 1852 г. предмета «Анатомия и физиология человека», когда в царских гимназиях была довольно объемная программа по естествознанию, но без методического обоснования содержания и последовательности изучаемых предметов. Особенностью этой программы явилось введение нового учебного курса «Анатомия и физиология человека», изучение которого предполагалось в 7 классе (1 урок в неделю) [5].

С момента зарождения курса анатомии и физиологии человека в 1852 г. и до конца 20-х – начала 30-х годов XX-го столетия вопросы практической медицины не находили отражения при изучении школьного курса. Программы и учебники как до-, так и послереволюционной школы В.В. Завьялова (1907, 1922) и В.А. Герда (1910) не содержали раздела оказания ПМП [10, 15, 16].

Исторически начало обучению ПМП в школе было организовано как внеклассная работа, направленная на изучение анатомии и физиологии человека.

В 1929 году Н.М. Верзилин пишет: «Наблюдается упадок усвояемости, заинтересованности, любознательности» [7, с. 341]. Автор объясняет это тем, что детям преподносится материал не по годам серьезный, не дающий достаточно пищи воображению и предлагает усилить внеклассную работу. Практические поиски путей развития у учащихся интереса к предмету шли в направлении улучшения методики ведения урока и расширения внеклассной работы, ее активизации и установления связи внеклассной работы с уроками.

Результатом расширения внеклассной работы следует рассматривать введение в курс анатомии и физиологии человека в конце 20-х – начале 30-х годов вопросов ПМП [1, 17]. В частности, в учебнике Е.А. Аркина (1928) описаны и хорошо иллюстрированы методы остановки кровотечения, а в учебнике А.Н. Кабанова (1932), выдержавшем 15 изданий, в теме «Дыхание» рассматривается раздел «Искусственное дыхание». Автор отмечает, что при несчастных случаях, когда происходит остановка дыхания, необходимо проведение искусственного дыхания, обеспечивающего пострадавшему вдох и выдох [17].

Большой вклад в просвещение школьников внесли гуманитарные и медицинские организации. Так, в 30-е годы в СССР большую работу по обучению учащихся оказанию ПМП проводил Красный крест. С 1934 г. во всех Обществах началась массовая подготовка населения по программе «Готов к санитарной обороне СССР» и учащихся по программе «Будь готов к санитарной обороне СССР». Миллионы советских людей овладели приемами оказания ПМП и санитарно-гигиеническими нормами. В последующие годы практические знания и умения по оказанию ПМП, полученные в школе, сыграли неоценимую роль во время Великой Отечественной войны, когда удалось вернуть в строй 72 % раненых в сравнении с 50 % в годы первой мировой войны. Этому во многом способствовали принципы организации медицинской помощи, среди которых оказание первой медицинской само- и взаимопомощи [21].

В 1961 году в СССР создается общегосударственная система по защите населения и народного хозяйства от ракетно-ядерных и других средств массового поражения. Такой системой явилась «Гражданская оборона» (ГО). Организация «Общество Красного Креста и Красного Полумесяца» стала активно пропагандировать среди населения гигиенические и медицинские знания. В школьную программу по Начальной военной подготовке (НВП) были включены сведения по организации медицинской службы гражданской обороны (ГО) и ее основным задачам. Школьников обучали обязанностям членов санитарных дружин, оказанию ПМП в очагах поражения и основам общего ухода за больными и пораженными людьми [25].

С начала 50-х годов непрерывно совершенствовалось и содержание курса «Анатомия и физиология человека», что отразилось и на улучшении проведения занятий по оказанию ПМП. Большой вклад в разработку структуры методики обучения данному курсу внесла работа педагога-методиста Е.П. Бруновт (1954), которую следует считать первой методической работой с рекомендациями по проведению преподавателем биологии занятий по ПМП. Автор рекомендует внеклассную форму для обучения приемам искусственного дыхания, что позволяет учителю показать связь теории с практикой и использовать практический материал для закрепления усвоенных учеником знаний по биологии [5].

На важность обучения ПМП при изучении анатомии и физиологии указывали также такие авторы, как И.В. Козырь, П.И. Суворова, А.М. Цузмер (1954), отмечая большую практическую значимость знания приемов оказания ПМП при несчастных случаях. Однако, учитывая специфику обучения вопросам практической медицины, требующую специальных профессиональных знаний и умений, они рекомендовали привлечь врача для проведения практических занятий [18].

В 1956 году выходят новая программа и учебник (авторы Р.Б. Гарибьян и Н.Г. Марков), выдержавший 12 изданий, в которых впервые полно были отражены вопросы ПМП [9]. Учебники всех последующих лет выходили практически без существенных изменений.

В 1991 г. происходит введение в школьную образовательную систему новой дисциплины под названием «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ), содержащую вопросы оказания само- и взаимопомощи в условиях чрезвычайных ситуаций (ЧС). По настоящее время ОБЖ остается основной дисциплиной, где школьники обучаются оказанию ПП. Изменившееся название (прежнее – первая медицинская помощь) практически не затронуло содержательную часть ранее изучаемого материала данного раздела.

Сегодня обучению школьников способствуют заслуживающие добрых слов усилия «Российского общества Красного Креста», «Территориального центра медицины катастроф», объединений волонтёров-медиков и других добровольных волонтёрских организаций, продвигающих массовое обучение населения оказанию ПП [8].

Более подробно основные этапы развития первой медицинской помощи в школе представлены в табл. 1.

Таблица 1

Генезис идеи обучения первой помощи в школе.

Table 1

Genesis of the idea of first aid training in schools.

Период	Ключевые события и инициативы	Особенности обучения	Значение для развития идеи
Конец XIX – начало XX века	Первые кружки и курсы по оказанию первой помощи при обществах Красного Креста	Обучение преимущественно для взрослых (волонтёров, рабочих)	Зарождение идеи массового обучения первой помощи
1920–1930-е гг.	Создание Осоавиахима; включение основ первой помощи в программы подготовки молодёжи	Практико-ориентированный подход, военная направленность (первая помощь при травмах, ранениях)	Идея обучения первой помощи интегрируется в систему патриотического и военно-физкультурного воспитания
1940–1950-е гг.	Активное обучение первой помощи в школах в условиях Великой Отечественной войны и в послевоенный период	Упор на помощь при ранениях, ожогах, кровотечениях; использование наглядных пособий и простейших тренажёров	Формирование традиции преподавания основ первой помощи как элемента гражданской обороны
1960–1980-е гг.	Систематическое преподавание основ гражданской обороны (ГО) и первой помощи в школах	Регулярные уроки и тренировки; отработка навыков на манекенах; проведение соревнований и учений	Становление устойчивой системы школьного обучения первой помощи в рамках курса ГО
1990-е гг.	Пересмотр программ; включение основ безопасности жизнедеятельности (ОБЖ) вместо ГО	Комбинирование знаний по ГО, экологии, безопасности на дорогах и первой помощи	Трансформация идеи: от военной подготовки к комплексной безопасности
2000-е – 2010-е гг.	Стандартизация содержания обучения первой помощи в рамках ФГОС. Развитие практико-ориентированных методик	Акцент на практические навыки: отработка на манекенах, симуляционные сценарии, решение ситуационных задач	Закрепление идеи обязательного обучения первой помощи в школьной программе
2020-е гг. – настоящее время	Расширение тематики (психологическая поддержка, помощь при ЧС), развитие волонтёрских программ	Интерактивные и цифровые тренажёры, VR-симуляции, кейс-метод, волонтёрские инициатив	Внедрение цифровых технологий и тренажёров; переход к компетентностному подходу

Значим и вопрос организации обучения ПП. В настоящий момент активно применяются всевозможные тренажеры, максимально анатомически приближенные к телу человека с использованием насадок-аппликаторов, отражающих различные повреждения. Их использование позволяет улучшить эффективность обучения. Например, повторение действия на тренажере в сопровождении звукового информатора

позволяет достигнуть 100 % усвоения навыков оказания первой помощи [11]. В компьютерный век цифровые технологии коснулись и обучения ПП. Проведенные исследования показывают, что использование таких технических средств обучения как персональный компьютер, интерактивная доска, учебные видеофильмы положительно воздействуют на уровень усвоения учебной информации по ПП у обучающихся [19]. Однако, следует отметить, что в процессе обучения школьников приемам ПП не в полной мере используется потенциал образовательных технологий, среди которых важное место занимает использование компьютерных технологий [14].

Игровая деятельность в форме ролевой игры рассматривается как наиболее доступный и эффективный метод обучения оказанию ПП [12]. При обучении оказанию ПП важно «поставить обучающихся в ситуации, близкие к реальным» [23, с. 23].

Важнейшим организационно-педагогических условием в обучении ПП является расширение возможностей и способов получения учащимися теоретических знаний по оказанию ПП пострадавшим на уроке «Основы безопасности жизнедеятельности» [6]. Выполнение такой задачи может быть достигнуто за счет расширения внеклассной и внешкольной работы, ее активизации и установления связи данной работы с уроками [26]. Одним из примеров внешкольного обучения является «Школа ПП» с участием в обучении медицинской сестры [22].

С 2005 года в г. Пскове в рамках внешкольной работы активно проводилось обучение школьников оказанию ПП. Такой формой организации школьников стал клуб «Юный санинструктор», образованный на базе центра внешкольной работы «Патриот». За период существования клуба более ста школьников прошли обучение оказанию ПП. Организационно-педагогические условия проведения данного обучения представлены на рис. 1.

Рис. 1. Организационно-педагогические условия обучения ПП в клубе «Юный санинструктор» (г. Псков).
Fig. 1. Organizational and pedagogical conditions for training PP in the “Young Medical Instructor” club (Pskov).

Важнейшим этапом, оценивающим результаты проведенной внешкольной работы для учащихся школ г. Пскова в клубе «Юный санинструктор» центра внешкольной работы «Патриот», явилась организация соревнования по оказанию ПП между двумя командами членов клуба. Мероприятие включало четыре конкурса: приветствие, практическую часть, теоретический этап и конкурс капитанов. Во время приветствия команды представляли девиз и эмблему.

Практический этап включал выполнение заданий по оказанию ПП при переломах и ранениях, по остановке кровотечения, наложению повязок и транспортировке пострадавших.

Теоретический конкурс состоял из ответов на вопросы по медицинской тематике, созданных на основе усвоенных учеником знаний из других дисциплин. Приведем несколько примеров.

1. История. Отступая от Москвы в 1813 году, армия Наполеона потеряла около 100000 солдат, которые умерли от переохлаждения и обморожений. Главный хирург армии Наполеона Доминик-Жан Ларрей обратил внимание на то, что пораженные морозом конечности у определенной части солдат очень быстро отекали и загнивали, что оказывалось для них смертельным исходом. Почему? (Из-за того, что солдаты грели обмороженные конечности на костре).

2. Ботаника. Это растение можно встретить по краям полей и вблизи канав (демонстрируется изображение этого растения). Что это за растение и чем оно опасно? (Борщевик, прикосновение к которому вызывает сильнейшее раздражение кожи).

3. Зоология. В заброшенных строениях и темных уголках леса можно встретить паука, укусы которого вызывают сильную боль в животе, обморочное состояние, расширение зрачков, отек лица и конечностей, иногда судороги. Распознать его можно по рисунку в виде песочных часов красного цвета на его теле. Что это за паук? (Черная вдова).

4. Химия. Это чрезвычайно ядовитый бесцветный газ с запахом тухлого яйца; он тяжелее воздуха, легко воспламеняется и взрывоопасен при смешивании с равными долями кислорода. При концентрации 0,01 % в воздухе человек теряет обоняние и может погибнуть. Этот газ может находиться в любых полузакрытых помещениях, где происходит разложение органических веществ, таких как выгребные ямы, трюмы рыболовецких судов, канализация. Назовите этот газ и его химическую формулу (Сероводород, H_2S).

5. Физика. Артерия – это кровеносный сосуд, несущий кровь от сердца в виде трубки с толстой стенкой. При ранении артерия может быть полностью перерезана или только надрезана. В каком случае кровь будет вытекать более медленно из поврежденного сосуда и почему? (При полном пересечении артерии кровотечение будет слабее, так как, благодаря эластичности стенки ее концы сжимаются, уменьшая просвет. При надрезе артерии с каждым сокращением сердца кровь под давлением будет расширять отверстие, усиливая кровотечение).

Конкурс капитанов включал задания на смекалку, внимательность, быстроту выполнения задания. Ключевым моментом данного мероприятия был состав приглашенного жюри, высокопрофессиональных представителей городского отдела образования, службы МЧС и врачей (травматологов и хирургов). Их профессиональная и объективная оценка выявила команду-победителя, после чего состоялось обсуждение результатов и награждение победителей.

В настоящее время конкурс по оказанию ПП проводится с участием всех школ г. Пскова.

Выводы

Подводя итоги проведенного анализа организации обучения школьников в историческом аспекте, можно выделить основные этапы ее становления:

1. Введение в школьное образование преподавания анатомии и физиологии человека (1852 г.);

2. Организация проведения внеклассной работы по обучению ПМП, направленной на установление связи теории с практикой и использования практического материала для закрепления усвоенных учеником знаний по анатомии и физиологии человека (с конца 20-х – начала 30-х годов до наших дней);

3. Обучение школьников с привлечением гуманитарных и медицинских организаций (с 30-х годов до наших дней);

4. Разработка, внедрение и совершенствование курса по оказанию ПМП в рамках преподавания дисциплины «Биология. Человек» (с 1928 г. до наших дней);

5. Введение в школьное образование предмета «ОБЖ» с разделом «Первая медицинская помощь» (1991);

6. Использование современных образовательных технологий, включающих использованием тренажеров, компьютерных технологий, привлечение к преподаванию врачей и волонтеров-медиков, создание обстановки, максимально приближенной к реальным условиям.

Список источников

1. Аркин Е.А. Человек: учеб. книга для школ II ступени. М.-Л.: 1-я Образцовая тип.,1928. 271 с.

2. Биркун А.А., Самарин С.А., Тупотилова А.А. Новости как средство популяризации первой помощи: контент-анализ новостных сообщений о случаях остановки сердца у детей в школах и детских садах России // Неотложная медицинская помощь. Журнал им. Н.В. Склифосовского. 2022. Т. 11. №. 4. С. 668 – 675.

3. Богоявленский И.Ф. Первая медицинская, первая реанимационная помощь. Критические состояния на догоспитальном этапе: в 2 т. Т. 1. СПб.: ОАО Медиус, 2000. 224 с.

4. Борщевская Е.В. Ситуационные задачи как средство формирования здоровьесберегающей грамотности учащихся на уроках медицинской подготовки // Функциональная грамотность обучающихся и ее роль в достижении целей устойчивого социально-экономического развития страны: мат. междунар. науч.-практ. конф. Минск: Академия образования, 2025. С. 44 – 49.

5. Бруновт Е.П. Методика преподавания анатомии, физиологии человека. М.: Изд-во Академия педагогических наук, 1954. 480 с.

6. Ведерникова Е.В., Зязева Т.В. Применение активных методов обучения на уроках основ безопасности и защиты родины в старших классах // Теория и методика профессионального образования: современный контекст: мат. науч. конф. Ярославль: РИО ЯрПУ, 2025. С. 95 – 100.

7. Верзилин Н.М. Как сделать преподавание естествознания интересным // Естествознание в школе. 1929. № 4. С. 341.

8. Воронов А.И., Лунин А.Д., Лунина М.А., Остроголовый В.М., Сафонюк В.Д., Щупак А.Ю., Юхно В.В. Современное состояние обучения первой помощи в России // Актуальные вопросы и перспективы физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности: сб. науч. тр. по мат. всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск: ТГУ, 2023. С. 44 – 48.

9. Гарибьян Р.Б., Марков Н.Г. Анатомия и физиология человека М.: Учпедгиз, 1956. 202 с.

10. Герд В.А. Строение и жизнь человеческого тела. СПб.: Изд-во К. Л. Риккера, 1910. 224 с.

11. Гончаров В.В., Салмина А.А., Болдина Е.А. Учебно-практический тренажер для оказания первой помощи на языке программирования Python // Цифровая трансформация образования: современное состояние и перспективы: сб. науч. тр. по мат. II междунар. науч.-практ. конф. Курск: КГМУ, 2024. С. 127 – 129.

12. Горина П.И. Перспективы игровых форм обучения навыкам первой помощи у учащихся младшей школы // Scientist (Russia). 2024. № 4 (30). С. 31 – 34.

13. Деулина И.Ю., Деулина Ю.А. Формирование у учащихся медицинских классов Московских школ навыков оказания первой помощи с применением современных образовательных средств обучения // #ScienceJuice2020: Сборник статей и тезисов студенческой открытой онлайн-конференции. Москва, 2021. С. 299 – 300.

14. Доценко И.С., Новоселова А.А. Результативность использования электронных средств обучения в преподавании курса «Основы безопасности жизнедеятельности» // Человек-Природа-Общество: Теория и практика безопасности жизнедеятельности, экологии и валеологии. 2022. № 8 (15). С. 14 – 18.

15. Завьялов В.В. Краткий очерк физиологии человека. М.: 1-я Образцовая тип., 1922. 160 с.

16. Завьялов В.В. Учебник анатомии и физиологии человека для средних учебных заведений. Киев: Изд-во Пироговск. т-во, 1907. 175 с.

17. Кабанов А.Н. Анатомия и физиология человека. М.: Учпедгиз, 1932. 160 с.

18. Козырь И.В., Суворова П.И., Цузмер А. М. Методика преподавания анатомии и физиологии человека: Пособие для учителей сред. школы. М.: Учпедгиз, 1954. 248 с.

19. Корчагина Т.А. Формирование навыков по основам первой помощи у обучающихся с использованием технических средств обучения на факультативных занятиях по ОБЖ // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-1. С. 196 – 201.

20. Корячкин В.А., Страшнов В.И. Интенсивная терапия угрожающих состояний. СПб.: Медицинское изд-во, 2002. 288 с.

21. Лисицын К.М., Шапошников Ю.Г. Военно-полевая хирургия. М.: Медицина, 1982. 336с.

22. Лихачева В.М. Актуальность работы школы первой помощи, роль медицинской сестры в ее функционировании // Молодежный инновационный вестник. 2023. Т. 12. №. S2. С. 434 – 437.

23. Масляков В.В., Андреев К.А., Барыльник С.Н., Гришина А.А. Важность обучения школьников оказанию первой медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях современного мира // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №. 9-2 (72). С. 21 – 25.

24. Подопригора Д.В., Ловчикова И.А. Обучение подростков навыкам оказания первой помощи как фактор повышения безопасности // Всероссийские научные чтения имени академика А.Д. Сахарова: сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Новая наука, 2021. С. 298 – 303.

25. Решетов А.Ф. Учебник для подготовки санитарных дружин и санитарных постов. М.: Медицина, 1984. 224 с.

26. Смирнова Ю.К. Внеурочная деятельность как средство формирования у молодежи знаний и навыков по оказанию первой помощи // Молодой ученый. 2025. № 16 (567). С. 348 – 350.

27. Форштат М. Опасная тенденция. Детский дорожно-транспортный травматизм вчера и сегодня // ОБЖ: Основы безопасности жизни. 2006. №. 3. С. 38 – 42.

References

1. Arkin E.A. Man: a textbook for second-level schools. Moscow-Leningrad: 1st Obraztsovaya print., 1928. 271 p.

2. Birkun A.A., Samarin S.A., Tupotilova A.A. News as a means of popularizing first aid: a content analysis of news reports on cases of cardiac arrest in children in schools and kindergartens in Russia. Emergency Medical Care. N.V. Sklifosovsky Journal. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 668 – 675.

3. Bogoyavlensky I.F. First Medical Aid, First Resuscitation Aid. Critical Conditions at the Prehospital Stage: in 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: OAO Medius, 2000. 224 p.

4. Borshchevskaya E.V. Situational tasks as a means of developing students' health-preserving literacy in medical training lessons. Functional literacy of students and its role in achieving the goals of sustainable socio-economic development of the country: Proc. of the international scientific-practical conf. Minsk: Academy of Education, 2025. P. 44 – 49.

5. Brunovt E.P. Methods of teaching human anatomy and physiology. Moscow: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences, 1954. 480 p.

6. Vedernikova E.V., Zyazeva T.V. Application of active teaching methods in lessons on the fundamentals of security and defense of the homeland in senior grades. Theory and methodology of vocational education: modern context: Proc. of the international scientific conf. Yaroslavl: RIO YarPU, 2025. P. 95 – 100.

7. Verzilin N.M. How to Make Teaching Natural Science Interesting. Natural Science in Schools. 1929. No. 4. P. 341.

8. Voronov A.I., Lunin A.D., Lunina M.A., Ostrogolovy V.M., Safonyuk V.D., Shchupak A.Yu., Yukhno V.V. The Current State of First Aid Training in Russia. Current Issues and Prospects of Physical Culture, Sports, and Life Safety: Coll. of Scientific Papers on the Mathematics of the All-Russian Scientific and Practical Conf. Khabarovsk: TSU, 2023. P. 44 – 48.

9. Garibyan R.B., Markov N.G. Human Anatomy and Physiology Moscow: Uchpedgiz, 1956. 202 p.

10. Gerd V.A. The Structure and Life of the Human Body. St. Petersburg: K.L. Ricker Publishing House, 1910. 224 p.

11. Goncharov V.V., Salmina A.A., Boldina E.A. An Educational and Practical Simulator for Providing First Aid in the Python Programming Language. Digital Transformation of Education: Current State and Prospects: Coll. of Scientific Papers on Mat. II Int. Res. and Pract. Conf. Kursk: KSMU, 2024. P. 127 – 129.

12. Gorina P.I. Prospects for Game-Based Teaching of First Aid Skills to Primary School Students. Scientist (Russia). 2024. No. 4 (30). P. 31 – 34.

13. Deulina I.Yu., Deulina Yu.A. Developing First Aid Skills in Students of Medical Classes at Moscow Schools Using Modern Educational Teaching Aids. #ScienceJuice2020: Collection of Articles and Abstracts of the Student Open Online Conference. Moscow, 2021. P. 299 – 300.

14. Dotsenko I.S., Novoselova A.A. Effectiveness of Using Electronic Learning Aids in Teaching the Course "Fundamentals of Life Safety". Man-Nature-Society: Theory and Practice of Life Safety, Ecology, and Valeology. 2022. No. 8 (15). P. 14 – 18.

15. Zavyalov V.V. A Brief Outline of Human Physiology. Moscow: 1st Obraztsovaya Printing House, 1922. 160 p.

16. Zavyalov V.V. Textbook of Human Anatomy and Physiology for Secondary Educational Institutions. Kyiv: Pirogovsk Publishing House, 1907. 175 p.

17. Kabanov A.N. Human Anatomy and Physiology. Moscow: Uchpedgiz, 1932. 160 p.

18. Kozyr I.V., Suvorova P.I., Tsuzmer A.M. Methods of Teaching Human Anatomy and Physiology: A Manual for Secondary School Teachers. Moscow: Uchpedgiz, 1954. 248 p.

19. Korchagina T.A. Developing First Aid Skills in Students Using Technical Teaching Aids in Elective Life Safety Classes. Problems of Modern Pedagogical Education. 2021. No. 70-1. P. 196 – 201.

20. Koryachkin V.A., Strashnov V.I. Intensive Care of Threatening Conditions. St. Petersburg: Medical Publishing House, 2002. 288 p.

21. Lisitsyn K.M., Shaposhnikov Yu.G. Military Field Surgery. Moscow: Meditsina, 1982. 336 p.

22. Likhacheva V.M. Relevance of the Work of the First Aid School, the Role of the Nurse in Its Functioning. Youth Innovation Bulletin. 2023. Vol. 12. No. S2. P. 434 – 437.

23. Maslyakov V.V., Andreev K.A., Barylnik S.N., Grishina A.A. The Importance of Teaching Schoolchildren First Aid in Emergencies in the Modern World. International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2022. No. 9-2 (72). P. 21 – 25.

24. Podoprigora D.V., Lovchikova I.A. Teaching Adolescents First Aid Skills as a Factor in Improving Safety. All-Russian Scientific Readings named after Academician A.D. Sakharov: Coll. Articles of the All-Russian Scientific and Practical Conf. Petrozavodsk: Novaya Nauka, 2021. P. 298 – 303.

25. Reshetov A.F. Textbook for Training Sanitary Teams and Sanitary Posts. Moscow: Meditsina, 1984. 224 p.

26. Smirnova Yu.K. Extracurricular Activities as a Means of Developing First Aid Knowledge and Skills in Young People. Young Scientist. 2025. No. 16 (567). P. 348 – 350.

27. Forshtat M.A Dangerous Trend. Child Road Traffic Injuries Yesterday and Today. Life Safety: Fundamentals of Life Safety. 2006. No. 3. P. 38 – 42.

Информация об авторах

Мурашов О.В., старший преподаватель, Псковский государственный университет,ps60rus@mail.ru

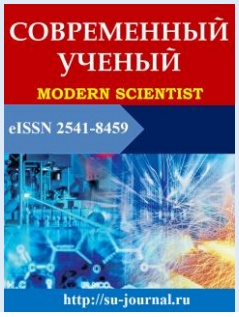
Бугеро Н.В., доктор биологических наук, профессор, Псковский государственный университет, bugero@mail.ru

Якимова Д.В., Псковский государственный университет, darya.ybugero@mail.ru

Матвеева Е.Д., Псковский государственный университет, ekaterinadmitrievna2020@gmail.com

Егорова Д.А., Институт медицины и экспериментальной биологии, Псковский государственный университет, dashylia333@yandex.ru

© Мурашов О.В., Бугеро Н.В., Якимова Д.В., Матвеева Е.Д., Егорова Д.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 376.37:616.83
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-248-262

Речевой профиль при болезни Галлервордена-Шпатца: клинический случай

[1] Бердникович Е.С.

[1] Российский научный центр неврологии и нейронаук

Аннотация: в статье рассматриваются клинические проявления, диагностика и речевая реабилитация при болезни Галлервордена-Шпатца, ранее известной как нейродегенерация с накоплением железа в мозге первого типа, – редком наследственном нейродегенеративном заболевании, обусловленном патологическим накоплением железа в структурах базальных ганглиев. Цель исследования заключается в анализе характера речевых нарушений и разработке эффективных подходов к логопедической коррекции у пациентов с данным заболеванием. В ходе работы проведён анализ клинических данных семи женщин в возрасте от 18 лет и старше (средний возраст – 31,4 ± 8,5 лет), у всех пациенток диагноз был подтверждён с помощью генетического анализа и магнитно-резонансной томографии головного мозга. На магнитно-резонансной томографии у всех обследованных выявлен типичный для этого заболевания признак – симптом «глаз тигра» в области медиального сегмента бледного шара. У пациентов диагностированы различные формы дизартрии: псевдобульбарная, подкорковая, гиперкинетическая и гипокинетическая. Речевые нарушения сочетались с артикуляционной апраксией, нарушениями голосовой функции, снижением громкости и темпоритмической организации речи. Особый интерес представляет клинический случай пациентки с ювенильной формой болезни, у которой первые признаки патологии появились в подростковом возрасте, что подчёркивает актуальность раннего выявления заболевания. Исследование демонстрирует необходимость комплексной оценки речевой функции и применения персонифицированных программ реабилитации, адаптированных к прогрессирующему характеру нейродегенеративного процесса. Подчёркивается важность повышения осведомлённости логопедов и неврологов о редких нейродегенеративных патологиях. Полученные результаты могут быть использованы в практической деятельности специалистов по нейрореабилитации для оптимизации подходов к восстановлению коммуникативных навыков и улучшения качества жизни пациентов с редкими нейродегенеративными заболеваниями.
Ключевые слова: болезнь Галлервордена-Шпатца, накопление железа в мозге, приобретенная дизартрия, речевая реабилитация, «глаз тигра», базальные ганглии

Для цитирования: Бердникович Е.С. Речевой профиль при болезни Галлервордена-Шпатца: клинический случай // Современный ученый. 2026. № 11. С. 248 – 262. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-248-262

Поступила в редакцию: 5 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Speech profile in Gallervorden-Spatz disease: clinical case

[1] Berdnikovich E.S.

[1] Russian Research Center for Neurology and Neuroscience

Abstract: the article discusses clinical manifestations, diagnosis, and speech rehabilitation in Hallervorden-Spatz disease, formerly known as neurodegeneration with brain iron accumulation type 1 – a rare hereditary neurodegenerative disorder caused by pathological iron accumulation in the structures of the basal ganglia. The aim of the

study is to analyze the nature of speech disorders and develop effective approaches to logopedic correction in patients with this condition. A retrospective analysis was conducted on clinical data from seven female patients aged 18 years and older (mean age: 31.4 ± 8.5 years). In all cases, the diagnosis was confirmed through genetic testing and magnetic resonance imaging of the brain. Magnetic resonance imaging revealed a characteristic sign of the disease – the "eye of the tiger" sign – in the medial segment of the globus pallidus in all examined patients. Various forms of dysarthria were diagnosed, including pseudobulbar, subcortical, hyperkinetic, and hypokinetic types. Speech impairments were combined with verbal apraxia, voice function disorders, reduced vocal loudness, and disturbances in speech tempo and rhythm. Of particular interest is the clinical case of a patient with the juvenile form of the disease, in whom the first symptoms appeared during adolescence, highlighting the importance of early disease detection. The study demonstrates the necessity of a comprehensive assessment of speech function and the implementation of personalized rehabilitation programs tailored to the progressive nature of the neurodegenerative process. Emphasis is placed on the need to increase awareness among speech therapists and neurologists regarding rare neurodegenerative pathologies. The findings can be applied in clinical practice by specialists in neurorehabilitation to optimize strategies for restoring communicative skills and improving the quality of life for patients with rare neurodegenerative disorders.
Keywords: Gallervorden-Spatz disease, accumulation of iron in the brain, acquired dysarthria, speech rehabilitation, "tiger eye", basal ganglia

For citation: Berdnikovich E.S. Speech profile in Gallervorden-Spatz disease: clinical case. Modern Scientist. 2026. 11. P. 248 – 262. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-248-262

The article was submitted: June 5, 2026; Approved after reviewing: July 2, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В настоящее время наблюдается рост нейродегенеративных заболеваний (НДЗ), среди которых выделяются как возраст-ассоциированные формы, так и редкие варианты, манифестирующие у лиц моложе 30 лет. В современной логопедии выявление и систематизация речевых нарушений становятся важным инструментом ранней диагностики нейродегенеративных процессов. Особенно значимы речевые дефекты у пациентов с избыточным накоплением поливалентных металлов в мозге, таких как железо – они могут выступать патогномоничным маркером орфанных НДЗ, включая нейродегенерацию с накоплением железа в мозге (ННЖМ). Ориентировочная частота нейродегенеративных заболеваний с накоплением железа в мозге составляет 1–3:1 000 000 [10]. Речевые нарушения при этих состояниях не только отражают прогрессирование неврологического дефицита, но и играют ключевую роль в снижении качества жизни, способствуя социальной изоляции и инвалидизации пациентов. Актуальной задачей современной логопедии и нейрореабилитации является поиск эффективных, неинвазивных и доступных для пациентов методов речевой реабилитации, а также повышение доказательной базы существующих методик. Повышенный уровень металлов может влиять на нейротрансмиссию, приводя к нейродегенерации с когнитивными нарушениями, двигательными и речевыми расстройствами, а также нарушениями обучаемости и памяти. Доказано, что нейротоксичность, вызванная металлами, связана с многочисленными неврологическими заболеваниями, в том числе – нейродегенерацией с накоплением железа в мозге (NBIA) [12, 23]. На рис. 1 представлены общие механизмы нейродегенераций и их признаки.

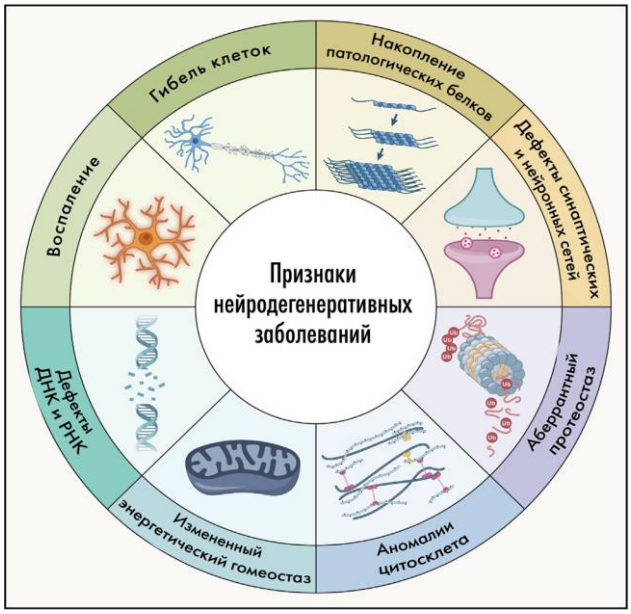


Рис. 1. Общие механизмы нейродегенераций и их признаки [13].
Fig. 1. Common mechanisms of neurodegeneration and their features [13].

Нейродегенерация, ассоциированная с пантотенаткиназой (PKAN), вызвана мутациями в гене, кодирующем пантотенаткиназу 2 (PANK2), которая является основным генетическим дефектом при NBIA [33]. У пациентов с PKAN по данным магнитно-резонансной томографии (МРТ) накопление железа в бледном шаре в 3-4 раза выше, чем у здоровых людей [15].

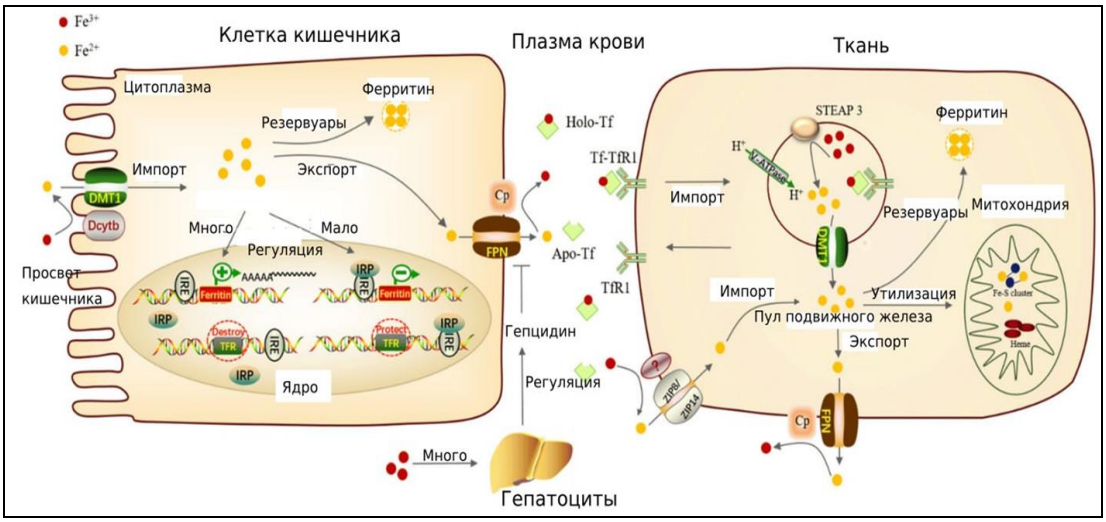


Рис. 2. Роль железа в нормальном метаболизме человека [36].
Fig. 2. Role of iron in normal human metabolism [36].

По данным специальной литературы, на сегодняшний день отмечается дефицит исследований, изучающих проблему логопедической коррекции приобретенной дизартрии, дисфонии и дисфагии у пациентов с болезнью Галлервордена-Шпатца (БГШ). Всемирная организация здравоохранения определяет реабилитацию как «набор вмешательств, направленных на оптимизацию функционирования и снижение инвалидности у лиц с нарушениями здоровья во взаимодействии с окружающей средой» [31]. Классическая форма БГШ с манифестацией в 5-7 лет составляет порядка 90% случаев, однако, сообщалось и о более поздних случаях проявлений заболевания в 30-40 лет. Симптомы болезни включают быстро нарастающий дистонический гиперкинез, дизартрию, психические и когнитивные расстройства. Как правило, в течение 10 лет болезнь приводит к утрате двигательной активности и летальному исходу. В 15 % случаев БГШ начинается

на втором-третьем десятилетиях жизни, прогрессирует более медленно и проявляется различными видами гиперкинезов и психическими расстройствами. Течение заболевания медленно прогрессирующее, прогноз для реабилитации и жизни неблагоприятный. Смерть наступает до 30 лет, в состоянии полного психического распада личности [5]. При раннем начале продолжительность жизни таких пациентов составляет 10-15 лет, у взрослых – 15-40 лет [6]. Нарушения речи характерны на протяжении всего периода течения заболевания. При позднем начале ННЖМ-1 (порядка 15% всех случаев болезни) они являются первичными, а именно: палилалия, тахилалия, дизартрия, атрофия языка, дисфагия. Заболеванию с равной вероятностью подвержены и мужчины, и женщины [7].

Дизартрия – нарушение двигательной функции речи, вызванное мышечной слабостью или параличом, – серьезно влияет на разборчивость речи и качество жизни. Проявления дизартрии различаются в зависимости от заболевания и вызвавшего его неврологического расстройства [37; 16]. Выявление и различение типов дизартрии важно для диагностики основного заболевания и оценки его прогрессирования [37]. В ранее опубликованных научных статьях нами рассматривались речевые нарушения у пациентов, проходивших стационарное либо амбулаторное лечение в ФГБНУ «Российский центр неврологии и нейронаук» (ФГБНУ РЦНН), при болезни Паркинсона [4], мозжечковой атаксии [2], болезни Вильсона-Коновалова [3]. В исследовании [24] авторы обнаружили, что чем сильнее выражена дизартрия, тем более негативно она влияет на качество жизни людей с нейродегенеративными заболеваниями. Кроме того, все параметры речи, оцениваемые в этом исследовании (дыхание, фонация, резонанс, артикуляция и просодия), в разной степени были изменены и способствовали ухудшению коммуникации. По мнению авторов, важно оценивать и контролировать дизартрию, а также качество жизни, чтобы предлагать варианты лечения или, по крайней мере, способствовать сохранению клинических условий, благоприятствующих социальному взаимодействию на всех стадиях заболевания.

Ряд исследований подтверждает, что нормальное функционирование ротовой полости – включающее не только речь, но и жевание, сосание, глотание и дыхание – является необходимым условием для обеспечения высокого качества жизни [19, 35]. Эти функции тесно взаимосвязаны и формируют основу повседневной коммуникации, питания и социальной адаптации. Нарушение хотя бы одного из компонентов, особенно при прогрессирующих неврологических заболеваниях, таких как БГШ, приводит к каскадному ухудшению функционального статуса пациента, увеличению риска осложнений (например, аспирационной пневмонии) и усилению социальной изоляции. Таким образом, сохранение или компенсация орофациальных функций становится не просто коррекционной задачей, а важнейшим элементом нейрореабилитации, направленным на поддержание автономности и достоинства пациента на всех этапах нейродегенеративного заболевания.

Первое упоминание БГШ было сделано в 1922 г. немецкими морфологами Ю. Галлерворденом и Г. Шпатцем [20]. В 1832 г. в норвежском медицинском журнале «Eyr» была опубликована серия статей о четырёх братьях и сёстрах с одним и тем же заболеванием, написанная окружным врачом Петером Йенсеном (1799-1832) в Олесунне в 1830 г. У детей, которые были здоровыми почти до школьного возраста, развились дистонические непроизвольные движения и деформации всех конечностей, они потеряли способность говорить и истощились, прежде чем умерли в возрасте около девяти лет. Дальнейшая информация о семье и пятом больном ребёнке была найдена в приходских записях. Клиническая картина соответствует нейродегенерации, ассоциированной с пантотенат-киназой (PKAN), – редкому заболеванию с отложением железа в базальных ганглиях, описанному в 1922 году немецкими невропатологами Юлиусом Галлерворденом (Julius Hallervorden) (1882-1965) и Хьюго Шпатцем (Hugo Spatz) (1888-1969). Авторы опубликовали клиническое наблюдение за семьей, в которой 5 из 9 детей страдали экстрапирамидной ригидностью с деменцией, и провели детальное патологоанатомическое исследование мозга одной девочки из этой семьи. На открытие нового нейродегенеративного заболевания их натолкнул случай одного семейства, в котором сразу у пяти сестер обнаружились признаки деменции и дизартрии – затруднения в произношении слов. Большинство случаев, описанных в исторической литературе как «болезнь Галлервордена-Шпатца», вероятно, были связаны с PKAN, но почти наверняка включали и другие формы NBIA. Это важное наблюдение при попытке почерпнуть информацию о PKAN из более ранней литературы. Юлиус Галлерводен и Гуго Шпатц были немецкими невропатологами, чьи работы основывались на патологических образцах, полученных в рамках нацистской программы активной эвтаназии людей с физическими и интеллектуальными нарушениями. Открытие гена PANK 2 [38] не только дало возможность установить общепринятое название для NBIA, но и послужило катализатором для того, чтобы обесценить и отказаться от этого названия (эпонима).

В 1917 году британский невролог Джеймс Хант (J. Hunt) описал клинический случай ювенильного паркинсонизма, связанного с прогрессирующей атрофией бледного шара [22]. В 1930-1940-х годах британский

невролог Чарльз Дэвисон (Charles Davison) задокументировал серию случаев из пяти пациентов с комбинацией экстрапирамидных и пирамидных симптомов – дистонии, паркинсонизма и спастичности – и ввёл понятие «бледно-пирамидной дегенерации» [14]. После подтверждения причастности Галлервордена и Шпатца к программе эвтаназии нацистского режима в Германии, а также недавних открытий в области нейровизуализации и генетики, этот синдром был переименован в NBIA – «нейродегенерация с накоплением в головном мозге железа» [21]. На рисунке 3 представлена доля распространённости синдромов среди общего числа ННЖМ.

Исторически значительное внимание изучению дегенеративных заболеваний базальных ганглиев с накоплением железа было уделено отечественной неврологической школой. Важный вклад в описание клинической картины и патогенетических механизмов подобных состояний внёс выдающийся русский невролог, один из основоположников отечественной невропатологии и клинической неврологии, Сергей Николаевич Давиденков, опубликовавший одни из первых систематических наблюдений ещё в 1932 году. Хотя С.Н. Давиденков не описывал напрямую БГШ, он одним из первых в отечественной медицине обратил внимание на клинико-генетические формы нейродегенераций, включая семейные случаи с нарушениями ходьбы, дистонией и деменцией. Его системный подход к анализу таких заболеваний стал основой для последующих исследований в области орфанных нейродегенеративных расстройств, включая те, которые сегодня относятся к группе ННЖМ.

Независимо от отечественных исследований, в 1958 году швейцарский невропатолог А. Мейер (A. Meyer) описал серию из 30 клинических случаев сходного заболевания, подчеркнув его наследственный характер, раннее начало и прогрессирующее течение с выраженной экстрапирамидной симптоматикой [27]. Эти работы стали фундаментальными для последующей классификации и молекулярной диагностики пантотенат-киназа-ассоциированной нейродегенерации (PKAN).

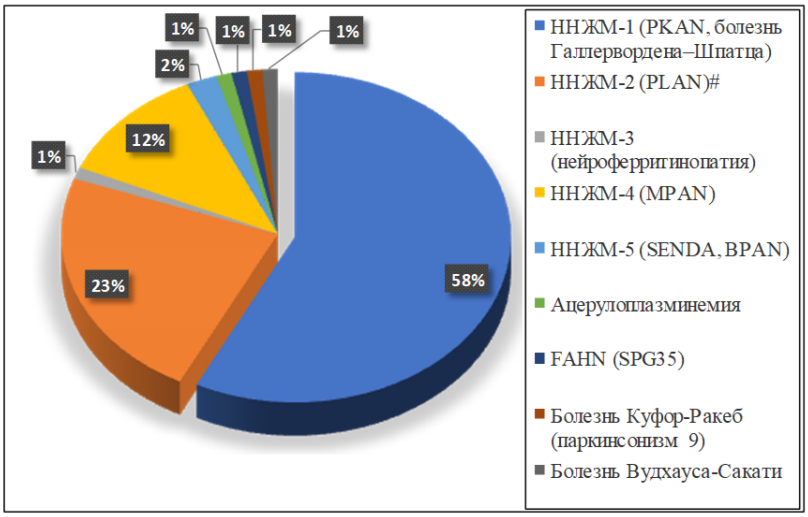


Рис. 3. Распространенность синдромов ННЖМ.
Fig. 3. Prevalence of NBIA syndromes.

Генетическая гетерогенность заболевания приводит к клиническому полиморфизму течения БГШ, что определяет трудности диагностики. Типичной является оромандибулярная дистония, проявляющаяся расстройством речи и глотания. В отдельных случаях, обычно при позднем начале, описано длительное течение заболевания на протяжении 30 лет. Клинические проявления болезни Галлервордена-Шпатца характеризуются значительным полиморфизмом симптомов, включая внутрисемейную вариабельность, которая зависит от возраста начала заболевания и типа его течения [9]. На протяжении многих лет диагноз устанавливался исключительно патоморфологически, однако развитие методов нейровизуализации позволило верифицировать заболевание прижизненно. Патогномоничным признаком БГШ является МРТ-феномен «глаз тигра» –симметричная овальная гиперинтенсивная зона в центре бледного шара на фоне окружающей гипоинтенсивной области, отражающая внеклеточное накопление железа в базальных ганглиях [34]. Учитывая прогрессирующий характер патологии, реабилитация при ННЖМ должна быть непрерывной, систематической и пожизненной.

Актуальность настоящего исследования обусловлена ростом распространенности нейродегенеративных расстройств, недостаточной изученностью современных подходов к речевой реабилитации пациентов с

БГШ в российской популяции, а также отсутствием унифицированной педагогической модели восстановления речи и голоса. В связи с этим, мы сочли важным представить подробное описание собственного клинического случая пациентки с БГШ с акцентом на структуру и динамику речевого дефицита, а также эффективность логопедической коррекции.

Речевые нарушения служат значимым диагностическим маркером нейродегенеративных заболеваний. В современной логопедии выявление и систематизация речевых нарушений выступают важным инструментом ранней диагностики нейродегенеративных процессов. Учитывая нейродегенеративную природу патологии и её неуклонное прогрессирование, реабилитационные мероприятия для пациентов с ННЖМ должны носить перманентный характер и осуществляться на протяжении всего периода течения заболевания. В русскоязычной научной литературе представлены лишь единичные публикации, посвящённые данной редкой патологии, в которых акцентируется сложность её диагностики как в педиатрической, так и во взрослой популяции [7]. Цель настоящего исследования – комплексный анализ клинических проявлений БГШ, актуальных аспектов её диагностики и современных подходов к речевой реабилитации пациентов.

Материалы и методы исследований

Проведён комплексный литературный обзор, охватывающий следующие аспекты БГШ: патоморфологию; патогенез; классификацию; дифференциальную диагностику; полиморфизм клинических проявлений; современные диагностические и лечебные подходы. Под нашим наблюдением в ФГБНУ РЦНН в период с 2014-2024 гг. на стационарном лечении находились 7 (100%) пациентов с подтвержденным редким орфанным заболеванием «Дегенеративное заболевание базальных ганглиев с накоплением железа (код по МКБ-10: G23.0)», при этом вся экспериментальная группа состояла из женщин. Средний возраст пациентов на момент осмотра составил [31,4 ± 8,5] лет, средняя продолжительность заболевания по общей группе – [8,3 ± 3,9] года. Распределение по типам дизартрии было следующим: 2 (29%) пациента имели псевдобульбарную дизартрию, 3 (43%) – подкорковую, 1 (14%) – гиперкинетическую и 1 (14%) женщина – гипокинетическую дизартрию. Изучение катамнеза в течение 10 лет было направлено на оценку долгосрочных последствий речевых нарушений при БГШ; анализ эффективности ранее проведённой логопедической коррекции; выявление факторов, влияющих на динамику восстановления речи при столь редком нейродегенеративном заболевании. В течение всего периода логопедического воздействия фармакологическая терапия у пациентов оставалась неизменной, это позволило исключить влияние медикаментозных изменений на динамику речевых показателей и оценить изолированное воздействие логопедических методик. В табл. 1 представлена клинико-анамнестическая характеристика участников исследования.

Таблица 1

Характеристика участников исследования.

Table 1

Characteristics of study participants.

Пациент (№)	Возраст (лет)	Пол	Место проживания	Дебют (лет)	Длительность (лет)	Форма заболевания		Степень выраженности дизартрии	Гиперкинезы	Форма дизартрии
						Атипичная (взрослая)	Ювенильная			
П.1	24	Ж	Курск	22	2	✓		умеренная	тремор рук	псевдобульбарная
П.2	39	Ж	Саха (Якутия)	32	7	✓		умеренная	тетрапарез, тремор	подкорковая
П.3	30	Ж	Москва	18	12		✓	умеренная	дрожание рук	подкорковая
П.4	25	Ж	Севастополь	22	3	✓		умеренная	гиперкинез языка,частое смаргивание	подкорковая
П.5	55	Ж	Москва	52	3	✓		легкая	атетоидные движения, дистоническая установка кистей рук	псевдобульбарная
П.6	24	Ж	Москва	16	8		✓	умеренная	«сведение» мышц гортани, гиперкинезы пальцев левой руки	гиперкинетическая
П.7	25	Ж	Москва	12	13		✓	легкая	постуральный тремор пальцев рук	гипокинетическая

Критерии включения. В исследование включались пациенты, соответствующие всем следующим критериям: возраст 18 лет и старше; наличие дизартрии, подтверждённое результатами логопедического скрининга; данные магнитно-резонансной томографии головного мозга с выявленным накоплением железа, характерным для БГШ; подтверждение диагноза по результатам ДНК-диагностики, проведённой в сертифицированных лабораториях г. Москвы; наличие письменного информированного согласия на участие в исследовании.

Критерии исключения. Из исследования исключались пациенты при наличии хотя бы одного из следующих критериев: эпизоды острого нарушения мозгового кровообращения в анамнезе; выраженная депрессия; онкологическая патология любой локализации (в том числе в стадии ремиссии менее 5 лет); острые или хронические воспалительные заболевания, а также любые болезни, сопровождающиеся лихорадкой на момент включения в исследование; наличие судорожного синдрома; грубые нарушения психики, деменция, препятствующие выполнению диагностических и реабилитационных процедур; наличие коморбидных неврологических или соматических заболеваний, способных оказать значимое влияние на речевую функцию и/или исказить результаты оценки эффективности логопедической помощи.

Наиболее частые речевые проявления при БГШ имеют фенотипическое сходство с гипокинетической дизартрией, наблюдаемой при болезни Паркинсона, и характеризуются значительной вариативностью симптоматики. Основные речевые нарушения при БГШ включают просодические расстройства (монотонность речи; снижение мелодичности; гипофония); нарушения плавности речи: (напряжённость речевого потока; прерывистость речи; в отдельных случаях – скандированность; речевые застывания (запинки, паузы в начале или середине высказывания); палилалия)); расстройства речевого дыхания: (неадекватная паузация; ограничение объёма речевого выдоха); темпо-ритмические нарушения (брадилалия либо тахилалия); артикуляционные расстройства (нечеткость артикуляции и снижение разборчивости речи); экстрапирамидная симптоматика в речи, связанная с дистонией или гиперкинезами периоральных мышц и влияющая на точность и ритмичность артикуляторных движений.

Помимо речевых расстройств, у пациентов с ННЖМ отмечается дисфагия различной степени выраженности (рис. 4). Для комплексной диагностики речевых и глотательных функций у пациентов с ННЖМ применялся следующий набор стандартизированных шкал и инструментов: 1) шкала дизартрии – для оценки выраженности речевых симптомов; 2) время максимальной фонации (ВМФ) – показатель, отражающий функциональное состояние голосового аппарата; 3) Sialorrhea Clinical Scale for PD (SCS-PD) – клиническая шкала для оценки степени тяжести сиалореи; 4) Voice Handicap Index (VHI) – индекс нарушений голоса, позволяющий оценить субъективное восприятие пациентом своего голосового состояния; 5) Eating Assessment Tool (EAT-10) – стандартизированный 10-пунктный опросник для оценки трудностей с глотанием.

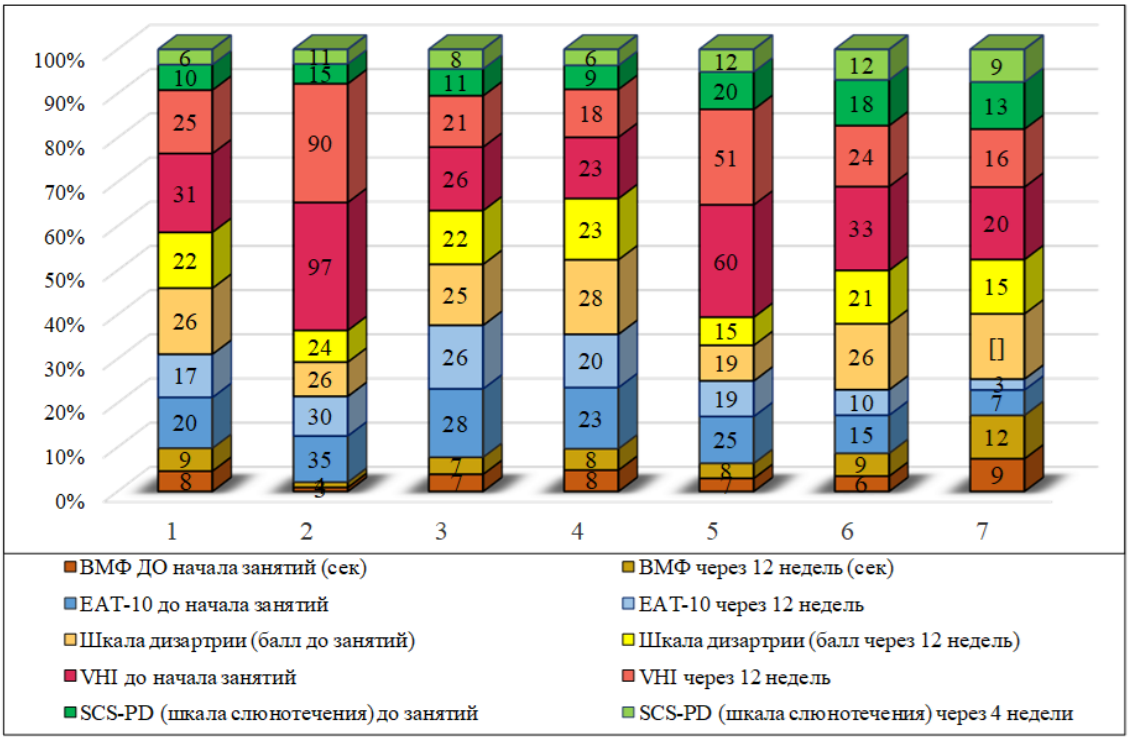


Рис. 4. Динамика речевой реабилитации по результатам диагностических шкал.
Fig. 4. Dynamics of speech rehabilitation based on the results of diagnostic scales.

Анализ данных, представленных на рисунке 4, выявил ключевой фактор логопедического прогноза: исходные показатели речевой функции до начала реабилитации демонстрируют значимую корреляцию с результатами через 12 недель, что указывает на прогностическую ценность первичной оценки. Дисфония была выявлена у 87,5 % пациентов: в 75 % случаев – лёгкой степени выраженности, в 12,5 % – умеренной степени. Установлена умеренная положительная корреляция между показателями шкалы SCS-PD (слюнотечение при болезнях, связанных с двигательными нарушениями) и Voice Handicap Index (VHI): r=0,65, p=0,03. Это свидетельствует о том, что увеличение выраженности слюнотечения статистически достоверно связано с ухудшением голосовых функций.

Выявлена сильная обратная корреляция между показателями шкалы EAT-10 и ВМФ: r=−0,78, p=0,01. Это означает, что чем выраженнее дисфагия, тем короче продолжительность устойчивого голосового выдоха. Интерпретация общей картины корреляций показала умеренную положительную связь между исходным уровнем дизартрии и ВМФ: r=0,56. Были подтверждены сильные корреляции (коэффициент Спирмена ρ>0,7) между начальными и конечными значениями по следующим параметрам: по шкале EAT-10: ρ=0,82 – высокая стабильность оценки дисфагии до и после курса реабилитации; по шкале дизартрии: ρ=0,85 – значимая взаимосвязь между исходным и итоговым уровнем тяжести дизартрии; по времени максимальной фонации: ρ=0,75 – сохранение корреляции между начальным и конечным ВМФ.

После прохождения курса логопедической реабилитации отмечена тенденция: чем ниже итоговый балл по шкале дизартрии, тем больше значение ВМФ. Изменение характера корреляции с отрицательной на положительную в динамике может свидетельствовать о положительном влиянии реабилитационных мероприятий на взаимосвязь между речевыми параметрами. Время максимальной фонации оказалось менее тесно связано с другими аспектами речевого дефицита по сравнению, например, с корреляцией между дисфагией и дизартрией. Это может указывать на различные патофизиологические механизмы, лежащие в основе этих нарушений, и свидетельствует о возможности их дифференцированной коррекции.

Для логопеда особое значение имеет оценка реабилитационного потенциала пациента. Слабые корреляции между некоторыми показателями открывают перспективы для разработки целевых реабилитационных методик – например, улучшение фонационной функции может достигаться независимо от динамики дизартрии. Наиболее выраженные положительные изменения в ходе реабилитации были отмечены по шкалам EAT-10 и ВМФ, что указывает на высокую чувствительность этих параметров к логопедическому воздействию и позволяет рассматривать глотание и фонацию как приоритетные направления коррекции. С учётом вышеизложенного, целесообразно внедрение тепловой карты речевых нарушений в клиническую практику.

Такой инструмент позволяет быстро выявлять функциональные дефициты у конкретного пациента, визуализировать кластеры сильных корреляций и выделять подтипы речевого дефицита. Особое внимание следует уделять показателям с высокой прогностической значимостью – например, исходным значениям по шкале EAT-10, которые могут служить ориентиром при планировании работы с дисфагией.

В отсутствие целенаправленной логопедической реабилитации коммуникативные нарушения неуклонно прогрессируют на фоне характерной клинической триады: дизартрии, дисфагии и дисфонии, что существенно снижает качество жизни и усугубляет социальную изоляцию. Ключевое значение в замедлении темпов прогрессирования речевых расстройств имеет ранняя диагностика, позволяющая своевременно инициировать коррекционные мероприятия. Однако следует учитывать, что стандартизированные методы оценки по шкалам зачастую обладают ограниченной чувствительностью и могут не отражать тонких, но клинически значимых индивидуальных особенностей речевого дефицита [11]. Это подчёркивает важность комплексного подхода, включающего не только количественную оценку по балльным системам, но и качественный анализ речевой динамики, наблюдение в естественной коммуникации и персонифицированную интерпретацию результатов. В подтверждение данного тезиса далее приводится клиническое наблюдение из собственной практики – описание случая редкой формы болезни Галлервордена–Шпатца, иллюстрирующего как типичные, так и атипичные проявления речевых нарушений при данном заболевании.

В 2021 году в ФГБНУ РЦНН, в 5-е неврологическое отделение с молекулярно-генетической лабораторией, поступила на стационарное лечение пациентка Р., 24 лет, с диагнозом: «Дегенеративное заболевание базальных ганглиев с накоплением железа» (МКБ-10: G23.8). Пациентка была госпитализирована с жалобами на нарушение речи и голоса, повышенное слюноотделение, тремор языка и нижней челюсти, чувство скованности в коленях, изменение походки. Из *анамнеза* известно: с 5 лет пациентка страдала заиканием, которое корректировалось у логопеда с незначительным клиническим эффектом. В школьном возрасте родители отметили появление нарушений ходьбы. В возрасте 16–17 лет развилась скованность в коленных суставах, трудности при вставании со стула, прогрессирующее изменение походки – появилось подволакивание стоп. На фоне неврологической симптоматики отмечались когнитивные нарушения: снижение внимания, замедление мышления, трудности в планировании и организации деятельности. Со слов родителей, речь пациентки постепенно утратила плавность, стала монотонной, тихой, с нарушением артикуляции (признаки, характерные для развивающейся дизартрии).

Общий анамнез: росла и развивалась в соответствии с возрастными нормами. Школьную программу освоила в полном объеме, без академических трудностей. В 2013 году окончила Московский институт пищевой промышленности, получив высшее образование. Трудовая деятельность до момента прогрессирования заболевания была возможной, но в последние годы требовала всё большей поддержки. Семейный анамнез не отягощён: родители и старший брат (34 года) здоровы, наследственных неврологических заболеваний в роду не зарегистрировано.

Объективное *обследование при поступлении*: гипокинезия, ригидность по пластическому типу, тремор языка и нижней челюсти в покое и при нагрузке. Признаки псевдобульбарного синдрома: дизартрия смешанного гиперкинетического и гипокинетического генеза, дисфония, дисфагия лёгкой степени, слюнотечение. Ходьба – с короткими шажками, с подволакиванием стоп, нарушение координации при ходьбе. Пирамидная симптоматика: повышение мышечного тонуса по нижним конечностям, симметричные патологические рефлексы Бабинского. Магнитно-резонансная томография головного мозга выявила типичный для пантотенат-киназа-ассоциированной нейродегенерации (PKAN) признак – симптом «глаз тигра»: зона гиперинтенсивного сигнала в центре медиальных отделов бледного шара на фоне гипоинтенсивного окружения, обусловленного накоплением железа. Молекулярно-генетическое исследование подтвердило мутацию в гене PANK2 – что позволило установить окончательный диагноз: нейродегенерация с накоплением железа в мозге типа 1 (NBIA1, PKAN). На рис. 5 представлена характерная МР-картина поражения бледного шара, подтверждающая диагноз.

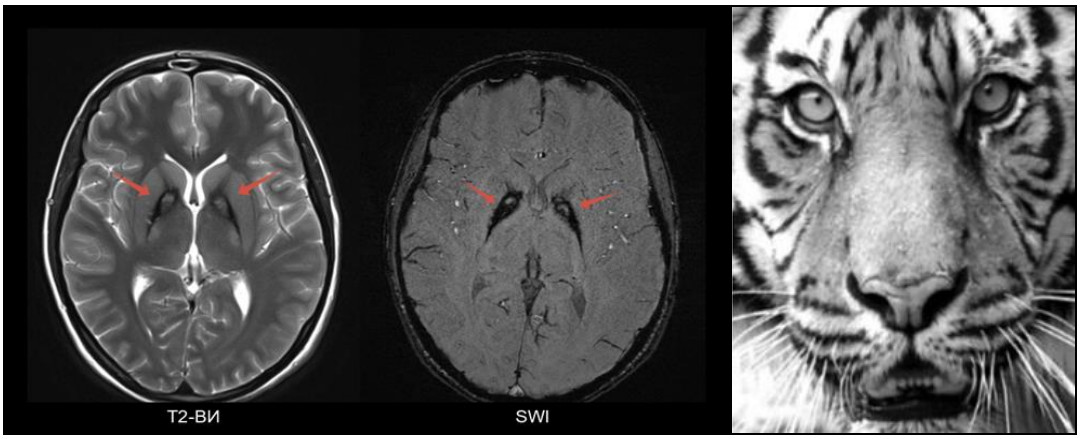


Рис. 5. МР-томография головного мозга пациентки Р. с PKAN (болезнь Галлервордена-Шпатца): симптом «глаз тигра». А – режим Т2: симметричное снижение сигнала в бледном шаре (накопление железа). Б – режим SWI: подтверждение снижения сигнала, в центре зоны – участок высокого сигнала (глиоз и спонгиоз).
Fig. 5. MR brain imaging of patient R. with PKAN (Gallervorden-Spatz disease): tiger eye symptom. A – T2 mode: symmetric signal reduction in the pale ball (iron accumulation). B – SWI mode: confirmation of signal decrease, in the center of the zone is a high signal area (gliosis and spongiosis).

Неврологический статус: сознание ясное, чувствительность на лице не изменена, лицо симметрично в покое и при выполнении мимических проб. Отмечаются атетоидные движения и дистоническая установка кистей рук, усиливающаяся при письме, умеренная брадикинезия, постуральные нарушения при перемене положения тела. *Нейропсихологическое обследование* выявило умеренные когнитивные нарушения в мнестической сфере в виде контаминаций, лёгкую когнитивную дисфункцию по неамнестическому типу (оценка по MMSE – 24 балла). Снижен объём механической памяти средней степени выраженности, снижение динамики активного внимания в звене переключения и распределения в зрительно-моторной деятельности. При организации двигательного акта наблюдается снижение как динамического компонента, так и устойчивости активного внимания в процессе вербально-логической деятельности.

Консультация логопеда: сглажена правая носо-губная складка, язык при выведении из полости рта – по средней линии, отмечаются тремор языка и мягкого нёба, гиперсаливация, периодические попёрхивания при глотании жидкой пищи. В покое наблюдается тремор круговой мышцы губ. Речь скандирована, дизартрична с явлениями назолалии, замедлена. *Заключение*: дизартрия умеренной степени выраженности, дисфония лёгкой степени, дисфагия. На основании данных анамнеза, клинических симптомов, результатов нейровизуализации и генетического обследования пациентке был поставлен диагноз «БГШ, ювенильная форма». Для комплексной оценки состояния обследуемой были использованы стандартизированные психометрические и нейропсихологические методики:

1. Шкала Schwab and England [32] – для количественной оценки уровня повседневной активности: способности пациента к самостоятельному выполнению бытовых задач и самообслуживанию, выраженную в процентах (диапазон: 0–100 %).
2. Шкала PDQ-39 [30] – специфический опросник для оценки качества жизни у пациентов с болезнью Паркинсона, включающий 39 пунктов, сгруппированных в 8 доменов: мобильность, повседневная активность, эмоциональное благополучие, стигматизация, социальное поддержка, когнитивные функции, коммуникация и телесное неудобство.
3. Балльная шкала дизартрии [1] – для объективной оценки выраженности речевых нарушений, методика обеспечивает комплексную оценку речевых функций и позволяет отслеживать динамику состояния пациента на фоне реабилитации.
4. Тест на свободные и направленные ассоциации [8] – для исследования речевой продуктивности и гибкости когнитивных процессов, процедура включала четыре задания с временным лимитом 1 минута: свободные ассоциации (глаза закрыты, исключались имена собственные); генерация глаголов (грамматически опосредованные ассоциации); перечисление названий растений (семантически опосредованные ассоциации); подбор слов, начинающихся на заданную букву («л»; фонетически опосредованные ассоциации).
5. Шкала краткого исследования психического статуса (MMSE) [17] – для количественного скрининга когнитивных функций: ориентировки, внимания, памяти, речи и конструктивных способностей. Результаты

представляются в виде суммарного балла (максимум 30 баллов), что даёт возможность классифицировать степень когнитивного дефицита.

Таким образом, у пациентки Р. с ювенильной формой пантотенат-киназа-ассоциированной нейродегенерации (PKAN) отмечался прогрессирующий характер неврологической и речевой симптоматики на протяжении 15 лет. Первые признаки – заикание и нарушение походки – появились в дошкольном и школьном возрасте. К 24 годам присоединились дизартрия, дисфония, дисфагия и слюнотечение, что потребовало комплексной неврологической и логопедической помощи. После установления диагноза и стабилизации общего состояния пациентка была включена в индивидуальную программу логопедической реабилитации, рассчитанную на 12 недель, с частотой занятий – 2 раза в день по 40 минут в стационаре, затем – в амбулаторном и дистанционном формате. Программа была разработана индивидуально с учётом формы и степени тяжести нарушения, возраста, времени манифестации заболевания, сопутствующих заболеваний и направлена на компенсацию речевых нарушений, улучшение коммуникативной функции и предотвращение дальнейшего ухудшения.

Результаты и обсуждения

Статистический анализ проводился с применением программного пакета SPSS Statistics версии 23 (IBM, США). Во всех случаях использовались двусторонние варианты статистических критериев. Нулевая гипотеза отвергалась при уровне значимости $p < 0,05$ (при апостериорных попарных сравнениях – при скорректированном уровне значимости $p_{adj} < 0,05$). Результаты обследования артикуляционного аппарата пациентки на момент госпитализации и после проведения курса логопедических занятий представлены на рис. 6.

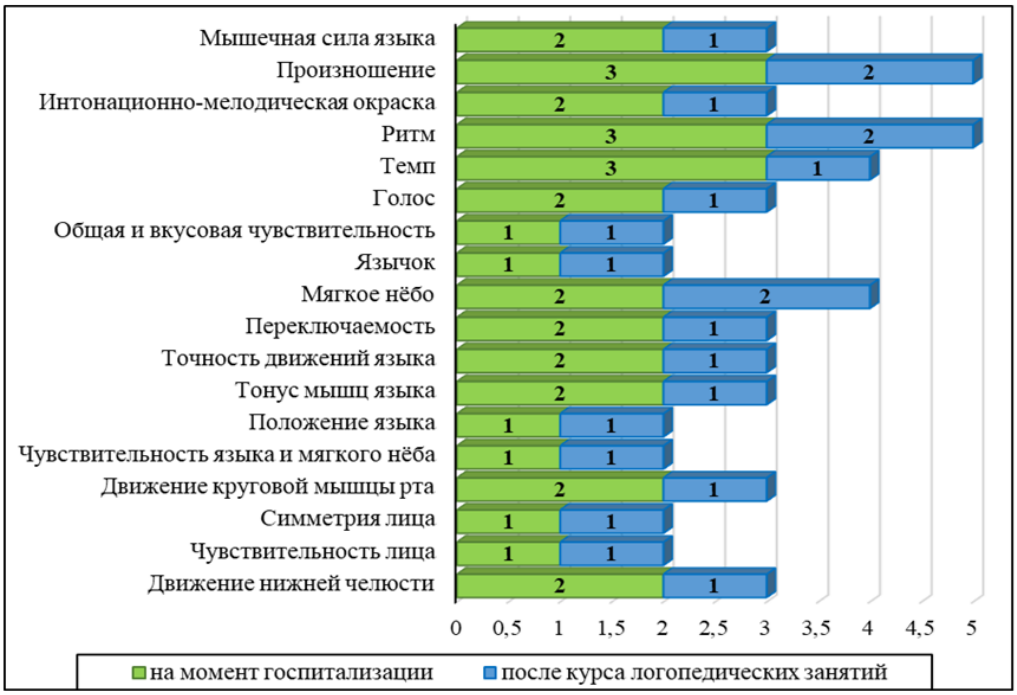


Рис. 6. Результаты обследования артикуляционного аппарата пациентки Р. до и после логопедических занятий.

Fig. 6. Results of examination of the articulation apparatus of patient R. before and after speech therapy.

Анализ динамики показателей свидетельствует о высокой эффективности логопедической реабилитации у пациентки с PKAN. Наиболее значимые улучшения отмечены по параметрам, связанным с фонацией и глотанием: ВМФ увеличилось на 74%, а балл по шкале EAT-10 снизился вдвое, что указывает на устойчивое улучшение глотательной функции. Снижение выраженности дизартрии на 28% и улучшение голосовых показателей (VHI ↓24%) подтверждают положительное влияние работы на артикуляцию, резонанс и дыхательно-голосовую координацию. Уменьшение слюнотечения и улучшение когнитивного статуса (рост MMSE на 1 балл) могут свидетельствовать о системном эффекте реабилитации, включая повышение самоконтроля и мотивации. Важно подчеркнуть, что стабильность прогресса была достигнута благодаря комплексному подходу, включающему не только коррекционные, но и компенсаторные стратегии, в том числе

использование элементов альтернативной коммуникации. Данный клинический случай подтверждает, что даже при прогрессирующем нейродегенеративном процессе целенаправленная логопедическая помощь способна замедлить ухудшение речевых функций, улучшить качество коммуникации и повысить качество жизни пациента.

В работе с пациентами, страдающими избыточным накоплением железа, целесообразно придерживаться следующих рекомендаций: 1) усилить работу над моторикой: включить в программу занятия, направленные на развитие мышечной силы и точности движений артикуляционного аппарата; 2) поскольку увеличение слюнотечения достоверно связано с ухудшением голосовых функций, необходимо как можно раньше начинать работу над устранением сиалореи; 3) приоритетное воздействие логопедической реабилитации сфокусировать на восстановлении акта глотания и фонации; 4) проводить регулярный мониторинг стабильных параметров: возможно, понадобятся дополнительные методы коррекции (массаж, физиотерапия).

Выводы

Учитывая молодой возраст пациентов и время манифестации заболевания, реабилитация приобретенной дизартрии – важнейшая проблема, и ее решение находится на стыке фундаментальных наук: неврологии, логопедии, нейрогенетики, нейропсихологии и реабилитологии. Клинический случай БГШ представлен как иллюстрация редкой патологии с выраженными речевыми нарушениями. Особое значение имеет тот факт, что углублённое изучение механизмов аккумуляции железа в церебральных структурах, ассоциированных с нейродегенеративными процессами, открывает перспективы для создания инновационных терапевтических подходов [28].

Наше исследование подчеркивает необходимость раннего начала логопедических занятий и дальнейшей пожизненной курации пациента с целью поддержания его артикуляционного, голосового и дыхательного аппарата в должном тонусе и работоспособности. Диагностика приобретенной дизартрии на ранних этапах помогает начать своевременную медикаментозную терапию и разработать персонифицированную программу реабилитационных воздействий, что в большинстве случаев значительно снижает риск развития патологической симптоматики. Таким образом, можно утверждать, что речевая реабилитация должна рассматриваться как приоритетное направление в лечении пациентов с БГШ наряду с медикаментозным сопровождением и симптоматической терапией.

Список источников

1. Балашова И.Н., Ванчакова Н.П. Шкала оценки дизартрии как инструмент клинической работы логопеда // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2016. № 1 (131). С. 312 – 317.

2. Бердникович Е.С. Влияние логопедической реабилитации на качество жизни лиц с прогрессирующей мозжечковой дизартрией // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 11. С. 149 – 156.

3. Бердникович Е.С. Методики организации педагогической работы с редкими речевыми нарушениями. // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 52 – 62.

4. Бердникович Е.С. Оптимизация логопедической работы по диагностике гипокинетической дизартрии у лиц с болезнью Паркинсона // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2022. № 7 (7). С. 740 – 746.

5. Болезни нервной системы: руководство для врачей / под ред. Н.Н. Яхно. М.: МЕДпресс-информ, 2022. Т. 2.

6. Калвиньш И.Я. М-лы международной конференции неврологов и семейных врачей. Рига, 2006.

7. Левин О.С., Юнищенко Н.А., Амосова Н.А., Смоленцева И.Г., Сагова М.М., Докадина Л.В. Болезнь Галлервордена-Шпатца с поздним началом // Неврологический журнал. 2004. Т. 9. № 2. С. 36 – 46.

8. Лурия А.Р. Речь и мышление. Издательство: М.: МГУ, 1975.

9. Неординарные (раритетные) синдромы и заболевания нервной системы у детей и взрослых / Под ред. проф. С.К. Евтушенко. Донецк-Святогорск, 2003. 285 с.

10. Руденская Г.Е., Захарова Е.Ю. Наследственные нейродегенерации с накоплением железа в мозге. Анналы клинической и экспериментальной неврологии. 2013. № 7 (4). С. 51 – 59.

11. Шмонин А.А., Мальцева М.Н., Мельникова Е.В. Мультидисциплинарная технология поиска цели реабилитации у пациентов с церебральным инсультом на основе Международной классификации функционирования, ограничения жизнедеятельности и здоровья // Consilium Medicum. 2019. № 21 (2). С. 9 – 17.

12. Chen P., Totten M., Zhang Z., Bucinca H., Erikson K., Santamaría A., Bowman A.B., Aschner M. Iron and manganese-related CNS toxicity: mechanisms, diagnosis and treatment // Expert review of neurotherapeutics. 2019. No 19. P. 243 – 260. https://doi.org/10.1080/14737175.2019.1581608

13. David M. Wilson, Mark R. Cookson, Ludo Van Den Bosch, Henrik Zetterberg, David M. Holtzman, Ilse Dewachter // Hallmarks of neurodegenerative diseases. Cell. 2023. № 186. P. 693 – 714.

14. Davison C. Pallido-pyramidal disease // J Neuropathol Exp Neurol. 1954. № 13 (1). P. 50 – 59. doi:10.1097/00005072-195401000-00007

15. Dusek P., Tovar Martinez E.M., Madai V.I., Jech R., Sobesky J., Paul F., Niendorf T., Wuerfel J., Schneider S.A. 7-Tesla Magnetic Resonance Imaging for Brain Iron Quantification in Homozygous and Heterozygous PANK2 Mutation Carriers // Mov. Disord. Clin. Pract. 2014. No. 1. P. 329 – 335.

16. Finch E., Rumbach A.F., Park S. Speech pathology management of non-progressive dysarthria: a systematic review of the literature // Disability and Rehabilitation. 2020. № 42 (3). P. 296 – 306. pmid:30286661

17. Folstein M.F., Folstein S., McHugh P.R. "Mini-mental state". A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician // J Psychiatry Res. 1975. No 12. P. 189 – 198.

18. Fujiu M', Logemann J. Effect of a tongue-holding maneuver on posterior pharyngeal wall movement during deglutition // Am J Speech Lang Pathol. 1996. No 5 (01). P. 23 – 30. Doi: 10.1044/1058-0360.0501.23

19. Guimarães K.C., Drager L.F., Genta P.R., Marcondes B.F., LorenziFilho G. Effects of oropharyngeal exercises on patients with moderate obstructive sleep apnea syndrome // Am J Respir Crit Care Med. 2009. No 179 (10). P. 962 – 966. Doi: 10.1164/rccm.200806-981OC

20. Hallervorden J., Spatz H. Eigenartige Erkrankung im extrapyramidalen System and beondeilung des Globus pallidus und der Substantia nigra: Ein Beitrag zu den Beziehungen zwischen diesen beiden Zentren // З. Гес. Neurol. Psychiat. 1922. No 79. P. 254 – 302.

21. Hogarth P. Neurodegeneration with brain iron accumulation: diagnosis and management // J Mov Disord. 2015. No 8 (1). P. 1 – 13. doi:10.14802/jmd.14034.

22. Hunt J. A system disease of the paralysis agitans type, characterized by atrophy of the motor cells of the corpus striatuma contribution to the functions of the corpus striatum // Brain. 1917. No 40 (1). P. 58 – 148. doi:10.1093/brain/40.1.58 First published title: Progressive atrophy of the globus pallidus

23. Kabir M.T., Uddin M.S., Zaman S., Begum Y., Ashraf G.M., Bin-Jumah M.N., Bungau S.G., Mousa S.A., Abdel-Daim M.M. Molecular Mechanisms of Metal Toxicity in the Pathogenesis of Alzheimer's Disease // Mol. Neurobiol. 2021. No 58. P. 1 – 20.

24. Leite Neto L., Constantini A.C. Dysarthria and quality of life in patients with amyotrophic lateral sclerosis // Rev CEFAC 2017. No 19 (05). P. 664 – 673. Doi: 10.1590/1982-021620171954017

25. Logemann J.A., Pauloski B.R., Rademaker A.W., Colangelo L.A. Speech and swallowing rehabilitation for head and neck cancer patients // Oncology (Williston Park) 1997. No 11 (05). P. 651 – 656, 659, discussion 659, 663 – 664.

26. McNeill A., Birchall D., Hayflick S. et al. MRI distinguishes foir subtypes of neurodegeneration with brain iron accumulation // Neurology. 2008. No 18. P. 1614 – 1619.

27. Meyer A. The Hallervorden-Spatz syndrome. In: Greenfield J.G. (ed.): Neuropathology. London: Edward Arnold Ltd. (pub.) 1958. P. 525ff/

28. Munshi M.I., Yao S.J., Ben Mamoun C. Redesigning therapies for pantothenate kinase-associated neurodegeneration // J. Biol. Chem. 2022 Mar. No 298 (3). P. 101577. DOI: 10.1016/j. jbc.2022.101577

29. Nivedita Thakur, Thomas Klopstock, Suzanne Jackowski, Enej Kuscer, Fernando Tricta, Aleksandar Videnovic. Rational Design of Novel Therapies for Pantothenate Kinase-Associated Neurodegeneration Movement Disorders. 2021. Vol. 36. No. 9.

30. Peto V., Jenkinson C., Fitzpatrick R. PDQ-39: a review of the development, validation and application of a Parkinson's disease quality of life questionnaire and its associated measures // J Neurol. 1998. No 245. S10–4. doi: 10.1007/pl00007730

31. Rehabilitation Competency Framework, Geneva, 12 September 2019. 38 p. Geneva: World Health Organization; 2020. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.

32. SHvab R.S., Angliya A.C. (1968-05-20). Proekcionnye metody ocenki hirurgicheskogo vmeshatel'stva pri bolezni Parkinsona. Tretij simpozium po bolezni Parkinsona, Korolevskij kolledzh hirurgov v Edinburge. E. & S. Livingstone Ltd., 1969.

33. Svetel M., Dragašević N., Petrović I., Novaković I., Tomić A., Kresojević N., Stanković I., Kostić V. NBIA Syndromes: A Step Forward from the Previous Knowledge // Neurol. India. 2021. No 69. P. 1380 – 1388.

34. Vincze A., Kapas I., Molnar M. et al. Clinicopathological variability in neurodegeneration with brain iron accumulation // Ideggyogy Sz. 2010. No 3-4. P. 129 – 135.

35. Warnecke T., Labeit B., Schroeder J. et al. Neurogenic Dysphagia: Systematic Review and Proposal of a Classification System // Neurology. 2021. No 96 (06). P. e876 – e889. Doi: 10.1212/WNL. 0000000000011350

36. Yao Tian, Yuanliangzi Tian, Zhixiao Yuan, Yutian Zeng, Shuai Wang, et. al. (2022). Iron Metabolism in Aging and Age-Related Diseases. IJMS. 23, 3612.

37. Yorkston K.M. The Degenerative Dysarthrias: A Window into Critical Clinical and Research Issues // Folia Phoniatrica et Logopaedica. 2007. No 59 (3). P. 107 – 117.

38. Zhou B., Westaway S.K., Levinson B., Johnson M.A., Gitschier J., Hayflick S.J. A novel pantothenate kinase gene (PANK2) is defective in Hallervorden-Spatz syndrome // Nat Genet. 2001. No 28. P. 345 – 349.

References

1. Balashova I.N., Vanchakova N.P. Dysarthria Assessment Scale as a Tool for Clinical Work of a Speech Therapist. Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. 2016. No. 1 (131). P. 312 – 317.

2. Berdnikovich E.S. The Impact of Speech Therapy Rehabilitation on the Quality of Life of Individuals with Progressive Cerebellar Dysarthria. Modern Science-Intensive Technologies. 2024. No. 11. P. 149 – 156.

3. Berdnikovich E.S. Methods of Organizing Pedagogical Work with Rare Speech Impairments. Social and Humanitarian Knowledge. 2018. No. 9. P. 52 – 62.

4. Berdnikovich E.S. Optimization of speech therapy work on the diagnosis of hypokinetic dysarthria in individuals with Parkinson's disease. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2022. No. 7 (7). P. 740 – 746.

5. Diseases of the nervous system: a guide for physicians. edited by N.N. Yakhno. Moscow: MEDpress-inform, 2022. Vol. 2.

6. Kalvinsh I.Ya. Proceedings of the international conference of neurologists and family doctors. Riga, 2006.

7. Levin O.S., Yunishchenko N.A., Amosova N.A., Smolentseva I.G., Sagova M.M., Dokadina L.V. Late-onset Hallervorden-Spatz disease. Neurological journal. 2004. Vol. 9. No. 2. P. 36 – 46.

8. Luria A.R. Speech and Thinking. Publisher: Moscow: Moscow State University, 1975.

9. Unusual (rare) syndromes and diseases of the nervous system in children and adults. Ed. by prof. S.K. Yevtushenko. Donetsk-Svyatogorsk, 2003. 285 p.

10. Rudenskaya G.E., Zakharova E.Yu. Hereditary neurodegenerations with iron accumulation in the brain. Annals of Clinical and Experimental Neurology. 2013. No. 7 (4). P. 51 – 59.

11. Shmonin A.A., Maltseva M.N., Melnikova E.V. Multidisciplinary technology for finding the goal of rehabilitation in patients with cerebral stroke based on the International Classification of Functioning, Disability, and Health. Consilium Medicum. 2019. No. 21 (2). P. 9 – 17.

12. Chen P., Totten M., Zhang Z., Bucinca H., Erikson K., Santamaría A., Bowman A.B., Aschner M. Iron and manganese-related CNS toxicity: mechanisms, diagnosis, and treatment. Expert review of neuro-therapeutics. 2019. No. 19. P. 243 – 260. https://doi.org/10.1080/14737175.2019.1581608

13. David M. Wilson, Mark R. Cookson, Ludo Van Den Bosch, Henrik Zetterberg, David M. Holtzman, Ilse Dewachter. Hallmarks of neurodegenerative diseases. Cell. 2023. No. 186. P. 693 – 714.

14. Davison C. Pallido-pyramidal disease. J Neuropathol Exp Neurol. 1954. No. 13 (1). P. 50 – 59. doi:10.1097/00005072-195401000-00007

15. Dusek P., Tovar Martinez E.M., Madai V.I., Jech R., Sobesky J., Paul F., Niendorf T., Wuerfel J., Schneider S.A. 7-Tesla Magnetic Resonance Imaging for Brain Iron Quantification in Homozygous and Het-erozygous PANK2 Mutation Carriers. Mov. Discord. Clin. Pract. 2014. No. 1. P. 329 – 335.

16. Finch E., Rumbach A.F., Park S. Speech pathology management of non-progressive dysarthria: a systematic review of the literature. Disability and Rehabilitation. 2020. No. 42 (3). P. 296 – 306. pmid:30286661

17. Folstein M.F., Folstein S., McHugh P.R. “Mini-mental state”. A practical method for grading the cognitive state of patients for the clinician. J Psychiatry Res. 1975. No. 12. P. 189 – 198.

18. Fujiu M’, Logemann J. Effect of a tongue-holding maneuver on posterior pharyngeal wall movement during deglutition. Am J Speech Lang Pathol. 1996. No. 5 (01). P. 23 – 30. Doi: 10.1044/1058-0360.0501.23

19. Guimarães K.C., Drager L.F., Genta P.R., Marcondes B.F., LorenziFilho G. Effects of oropharyngeal exercises on patients with moderate obstructive sleep apnea syndrome. Am J Respir Crit Care Med. 2009. No. 179 (10). P. 962 – 966. Doi: 10.1164/rccm.200806-981OC

20. Hallervorden J., Spatz H. Eigenartige Erkrankung im extrapyramidalen System and beondeilung des Globus pallidus und der Substantia nigra: Ein Beitrag zu den Beziehungen zwischen diesen beiden Zentren. Z. Ges. Neurol. Psychiat. 1922. No. 79. P. 254 – 302.

21. Hogarth P. Neurodegeneration with brain iron accumulation: diagnosis and management. J Mov Disord. 2015. No. 8 (1). P. 1 – 13. doi:10.14802/jmd.14034.

22. Hunt J. A system disease of the paralysis agitans type, characterized by atrophy of the motor cells of the corpus striatum contribution to the functions of the corpus striatum. Brain. 1917. No. 40 (1). P. 58 – 148. doi:10.1093/brain/40.1.58 First published title: Progressive atrophy of the globus pallidus

23. Kabir M.T., Uddin M.S., Zaman S., Begum Y., Ashraf G.M., Bin-Jumah M.N., Bungau S.G., Mousa S.A., Abdel-Daim M.M. Molecular Mechanisms of Metal Toxicity in the Pathogenesis of Alzheimer's Disease. Mol. Neurobiol. 2021. No. 58. P. 1 – 20.

24. Leite Neto L., Constantini A.C. Dysarthria and quality of life in patients with amyotrophic lateral sclerosis. Rev CEFAC 2017. No. 19 (05). P. 664 – 673. Doi: 10.1590/1982-021620171954017

25. Logemann J.A., Pauloski B.R., Rademaker A.W., Colangelo L.A. Speech and swallowing rehabilitation for head and neck cancer patients. Oncology (Williston Park) 1997. No 11 (05). P. 651 – 656, 659, discussion 659, 663 – 664.

26. McNeill A., Birchall D., Hayflick S. et al. MRI distinguishes foir subtypes of neurodegeneration with brain iron accumulation. Neurology. 2008. No. 18. P. 1614 – 1619.

27. Meyer A. The Hallervorden-Spatz syndrome. In: Greenfield J.G. (ed.): Neuropathology. London: Edward Arnold Ltd. (pub.) 1958. P. 525ff/

28. Munshi M.I., Yao S.J., Ben Mamoun C. Redesigning therapies for pantothenate kinase-associated neurodegeneration. J. Biol. Chem. 2022 Mar. No. 298 (3). P. 101577. DOI: 10.1016/j. jbc.2022.101577

29. Nivedita Thakur, Thomas Klopstock, Suzanne Jackowski, Enej Kuscer, Fernando Tricta, Aleksandar Videnovic. Rational Design of Novel Therapies for Pantothenate Kinase-Associated Neurodegeneration Movement Disorders. 2021. Vol. 36.No. 9.

30. Peto V., Jenkinson C., Fitzpatrick R. PDQ-39: a review of the development, validation and application of a Parkinson's disease quality of life questionnaire and its associated measures. J Neurol. 1998. No. 245. S10–4. doi: 10.1007/pl00007730

31. Rehabilitation Competency Framework, Geneva, 12 September 2019. 38 p. Geneva: World Health Organization; 2020. License: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.

32. Shvab R.S., Angliya A.C. (1968-05-20). Projection methods for evaluating surgical intervention in Parkinson's disease. Third Symposium on Parkinson's Disease, Royal College of Surgeons of Edinburgh. E. & S. Livingstone Ltd., 1969.

33. Svetel M., Dragašević N., Petrović I., Novaković I., Tomić A., Kresojević N., Stanković I., Kostić V. NBIA Syndromes: A Step Forward from the Previous Knowledge. Neurol. India. 2021. No. 69. P. 1380 – 1388.

34. Vincze A., Kapas I., Molnar M. et al. Clinicopathological variability in neurodegeneration with brain iron accumulation. Ideggyogy Sz. 2010. No. 3-4. P. 129 – 135.

35. Warnecke T., Labeit B., Schroeder J. et al. Neurogenic Dysphagia: Systematic Review and Proposal of a Classification System. Neurology. 2021. No. 96 (06). P. e876 – e889. Doi: 10.1212/WNL. 0000000000011350

36. Yao Tian, Yuanliangzi Tian, Zhixiao Yuan, Yutian Zeng, Shuai Wang, et. al. (2022). Iron Metabolism in Aging and Age-Related Diseases. IJMS. 23, 3612.

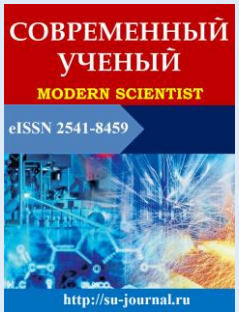
37. Yorkston K.M. The Degenerative Dysarthrias: A Window into Critical Clinical and Research Issues. Folia Phoniatrica et Logopaedica. 2007. No. 59 (3). P. 107 – 117.

38. Zhou B., Westaway S.K., Levinson B., Johnson M.A., Gitschier J., Hayflick S.J. A novel pantothe-nate kinase gene (PANK2) is defective in Hallervorden-Spatz syndrome. Nat Genet. 2001. No. 28. P. 345 – 349.

Информация об авторе

Бердникович Е.С., кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Лаборатории по созданию нейрореабилитационных высокотехнологичных устройств, Институт нейрореабилитации и восстановительных технологий, Российский научный центр неврологии и нейронаук, ORCID ID https://orcid.org/0000-0002-7608-2255, 125367, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 80, berdnickovitch.elena@yandex.ru

© Бердникович Е.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.036
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-263-268

Сравнительный анализ формирования и практической реализации программ эстетического воспитания в детских садах Китая и России

[1] Ван Ваньчжэнь

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: эстетическое становление является одной и наивысших потребностей человека и свидетельствует о его высокодуховной культуре, которая включает в себя моральные, нравственные и философские идеологически ценностные ориентиры. По этой причине в Китайской Народной Республике и Российской Федерации данному направлению развития граждан уделяется большое внимание с дошкольного детства. Наиболее эффективного и конструктивного развития ребенка можно достичь путем изучения специфики формирования и практической реализации программ эстетического воспитания в детских садах обеих стран, потому как каждая имеет большой потенциал, сформированный сквозь призму столетий существования народов и, соответственно, обладает большим опытом воспитания высокодуховной личности. Сравнительный анализ обозначенного феномена свидетельствует о некоторых различиях в методиках воспитания детей и реализации программ обучения профессиональными кадрами – данный аспект сформирован в контексте ментальности каждого из народов. Более того, государственная политика и ресурсы, ориентированные на достижение эстетически важных образовательных целей, имеет свою специфику, поэтому решение эстетически релевантных задач обучения дошкольников происходит с разной интенсивностью, а конечный результат отличается у каждого из народов.
Ключевые слова: эстетика, воспитание, обучение, детский сад, дошкольное образовательное учреждение, Китай, Россия, сравнительный анализ

Для цитирования: Ван Ваньчжэнь Сравнительный анализ формирования и практической реализации программ эстетического воспитания в детских садах Китая и России // Современный ученый. 2026. № 11. С. 263 – 268. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-263-268

Поступила в редакцию: 6 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Comparative analysis of the formation and practical implementation of aesthetic education programs in kindergartens in China and Russia

[1] Wang Wanzhen

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: aesthetic development is one of the highest needs of a person and testifies to his highly spiritual culture, which includes moral, moral and philosophical ideological value orientations. For this reason, in the People's Republic of China and the Russian Federation, much attention has been paid to this area of citizen development since preschool childhood. The most effective and constructive development of a child can be achieved by studying the

specifics of the formation and practical implementation of aesthetic education programs in kindergartens in both countries, because each has great potential, formed through the prism of centuries of existence of peoples and, accordingly, has extensive experience in educating a highly spiritual personality. A comparative analysis of this phenomenon indicates some differences in the methods of parenting and the implementation of training programs by professional staff – this aspect is formed in the context of the mentality of each of the peoples. Moreover, government policies and resources aimed at achieving aesthetically important educational goals have their own specifics, therefore, the solution of aesthetically relevant tasks of preschool education occurs with different intensity, and the end result differs for each of the peoples.
Keywords: aesthetics, upbringing, education, kindergarten, preschool educational institution, China, Russia, comparative analysis

For citation: Wang Wanzhen Comparative analysis of the formation and practical implementation of aesthetic education programs in kindergartens in China and Russia. Modern Scientist. 2026. 11. P. 263 – 268. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-263-268

The article was submitted: June 6, 2026; Approved after reviewing: July 4, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Исходя из теории творческого обучения Ресника (Rescnick) [4], современное образование в большей степени ориентировано на формирование навыков мышления, необходимых для творческого решения проблем и принятия решений, поэтому Р. Сон (Song 2022) акцентирует внимание на целесообразности объединения пяти компонентов воспитательной деятельности, включающих поддержку физического и психического здоровья, обогащение жизненного опыта, расширение эстетического восприятия и развитие творческого мышления [14, p. 677].

Материалы и методы исследований

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы: анализ, синтез, систематизацию и обобщение полученных результатов.

Результаты и обсуждения

Согласно исследованиям Ц. Ифань (Yifan 2025), проведенным в 2025 г. среди 224-х дошкольников из России (106 детей) и Китая (118 детей), в образовательных практиках обеих стран существуют различия в программах эстетического воспитания обучающихся: в России упор делается на свободе в творческой деятельности, благодаря чему у русских детей выше уровень креативности и самовыражения, тогда как у китайских обучающихся лучше сформировано эстетическое восприятие, так как упор в дошкольном обучении делается на традициях и технических навыках, воспитываемых через коллективную модель [8, с. 8].

Однако, чтобы понять объективность феномена включения в дошкольное образование эстетического компонента становления личности, важно проследить, какие сады существуют на территориях обоих государств и какая ментальность у каждого народа – его характерные особенности. Например, в России существуют как государственные сады, так и частные, при этом, независимо от того, коммерческое ли это учреждение или бюджетное, в образовательном кластере предусмотрены такие разные направления, как, например, общеобразовательное, математическое, спортивно-патриотическое, естественно-научное, гуманитарное, платно предоставляют все вышеперечисленные услуги, а также функционируют сады с научно-эстетическим уклоном, лингвистическим (например, с погружением в англоязычную, италоязычную, китаязычную или другую иноязычную среду) и билингвальным, в т.ч. популярна педагогическая система «Монтессори», Вальдорфский детский сад и т.д. – согласно каждой из методик в программу включается тот или иной объем эстетического воспитания дошкольников, интегрируемый в контекст конкретного направления. Родителям, в свою очередь, предоставляется свобода выбора дошкольного образовательного учреждения, которое им наиболее импонирует с точки зрения педагогической релевантности.

В то время как в России методисту принадлежит роль модератора, а воспитателям – роль помощника и наблюдателя, а не традиционного учителя, в китайской культуре перед воспитателем стоит задача трансляции знания сквозь призму коллективизма, «передачи культурного опыта и формирования четко определенной модели поведения, соответствующей общественным нормам и требованиям» [3, с. 107]. Помимо этого, в китайских детских садах воспитатели чаще проводят целенаправленные обучающие занятия, а не дают

детям достаточно времени для свободной игры и индивидуальной самореализации. Аналогичным образом эстетическое воспитание в Китае в основном организуется педагогическим составом, который определяет учебные проблемы и побуждает детей следовать инструкциям в рамках конкретных тем [14, p. 678].

По мнению Р. Сон (Song 2022) образовательный процесс в китайских детских садах превращает детей в пассивных получателей информации, поскольку воспитатели часто берут на себя контролирующую роль, «формируя из детей тех, кем они хотят их видеть» [14, p. 678], как следствие, воспитатели в дошкольных учреждениях уделяют слишком много внимания правильным ответам и воспроизведению знаний. Ученый подчеркивает, что академические успехи и социально-эмоциональные навыки детей в Китае можно улучшить с помощью традиционных методов обучения, а их творческое мышление следует развивать с помощью свободной творческой самореализации и игры [14, p. 678], как это принято в дошкольных образовательных учреждениях России.

Говоря о дополнительном дошкольном образовании, важно упомянуть, что в России предусмотрены различные кружки и секции, которые родители выбирают на свое усмотрение (есть как платные, так и бесплатные образовательные услуги). Например, в одной только Москве предусмотрено 67 направлений, из которых 22 ориентировано на становление личности сквозь призму эстетики и включает в себя 6197 кружков, 1647 из которых можно посещать бесплатно: «Вокальное искусство», «Воспитание и развитие дошкольников», «Декоративно-прикладное искусство», «Изобразительное искусство», «Духовые музыкальные инструменты», «Искусство фотографии», «Клавишные музыкальные инструменты», «Литературно-творческое направление», «Народные музыкальные инструменты», «Оркестры и ансамбли», «Сольфеджио», «Старинные музыкальные инструменты», «Струнные музыкальные инструменты», «Театральное искусство», «Ударные музыкальные инструменты», «Фольклор и художественное слово», «Хореография / танцевальное искусство», «Хоровое искусство», «Цирковое искусство», «История и культура», «Лингвистика», «Дизайн, мода, имидж». Все обозначенные секции опубликованы на официальном портале Мэра и Правительства Москвы Mos.ru – оформление на кружок происходит через сайт онлайн [6].

Непосредственно само дошкольное учебное упреждение, как правило, привязано к определенной школе, куда обучающиеся по окончании детского сада поступят в первый класс. Например, в Государственном бюджетном общеобразовательном учреждении г. Москвы «Школа № 338 имени Героя Советского Союза А.Ф. Авдеева» (далее – школа № 338) предусмотрено 16 площадок, на которых предоставляется дошкольное обучение: существуют отдельные кластеры с художественным уклоном, которые именуются «Холст» и «Эклектика» – там для дошкольников предусмотрены такие занятия как «Работа с глиной, песком, тестом и пластилином» (3-7 лет), «Фортепиано» (5-7 лет), «Основы театрального и музыкального творчества» (2-3 года), «Театральное и музыкальное творчество» (4-7 лет), «Классический танец, балет» (5-17 лет), «Живопись, графика» (5-12 лет), «Современные техники декорирования» (3-5 лет), «Народный танец» (3-4 года) и т.д. [4], а в сентябре 2026 г. в школе №338 планируется открытие образовательной площадки с музыкальным и театральным уклоном (предусмотрены оркестровый зал и помещение для хора) с детским садом, начальной и средней школой под названием «Камертон».

Также важно определить, в каком регионе функционирует тот или иной детский сад, так как Россия – многонациональная страна и каждая область / республика имеет свои особенности, которые определяют энтоориентированный воспитательный вектор в контексте тех культур и самобытных традиций, которые исторически превалируют в данном краю и тех, которые в современную реальность проживают там – т.е. образование имеет мультикультурную направленность (включает в себя различные спортивные национальные игры, танцы, музыкальные композиции, массовые гуляния региональных празднеств и т.д.) [7, с. 130]. Например, национальный состав одной только Республики Крым включает в себя 10 национальностей, каждая из которых учтена в образовательной траектории и имеет эстетический потенциал, формируемый в обучающихся через этноориентированное искусство, культуру, традиции, спорт, народные праздники и фольклор, преподаваемые в дошкольных учреждениях.

Данные тенденции начали активно развиваться последние 4 года с момента подписания Президентом России В.В. Путиным Указа №809 [11], в котором он утвердил основы госполитики по сохранению духовно-нравственных ценностей, где, в частности, рассматриваются традиционные ценности народов Российской Федерации как основа российского общества [10]. С.И. Абрамов (2008) подчеркивает, что именно в процессе духовно-нравственного становления личности дошкольника в роли одной из главных составляющих выступает эстетическая деятельность [2, с. 7].

В Китае, исходя из исследований В. Ван (2025), внимание акцентируется на таких традиционных видах искусства как каллиграфия (Shufa), национальная живопись Гохуа (Guohua), народные танцы и музыка [3, с. 107] в контексте которых большое значение придается развитию «мэйгань» (чувства прекрасного) и кон-

фуцианской философии, способствующей становлению добродетели, гармонии, порядка и ритуала (礼, lǐ) [3, с. 106-107]. В т.ч. в китайских детских садах у обучающихся есть около двух часов в день на различные внеклассные занятия и подвижные игры на свежем воздухе, а также конструирование из кубиков, рисование, чтение книг и игры [14, p. 678]. Помимо этого, китайские дошкольники изучают классическую поэзию (например, «Триста стихотворений эпохи Тан», 唐诗三百首) и народные песни [3, с. 107]. В России же дети занимаются спортом, гуляют на свежем воздухе, посещают уроки музыки, принимают участие как актеры в театральных постановках, приуроченных к определенным праздникам и непосредственно в самих торжествах, занимаются творчеством, ходят на экскурсии, рисуют, слушают произведения художественной литературы, которые им читают воспитатели, играют конструируют – прогулки занимают не менее трех часов, двигательная активность – час, и от 20-ти до 90-та минут предусмотрено свободной игровой деятельности (в зависимости от возраста).

Чжан и его соавторы (Zhang et al. 2022), а также Кан (Kang 2023) подчеркивают культурную и духовную глубину эстетического воспитания в Китае [13, p. 22-26], тогда как Р. Сон (Song 2022) обращает внимание еще и на роль дизайна и оформления помещений в развитии эстетического восприятия пространства детьми, а также их эстетического развития [14, p. 682]. Научные труды М. Сон, Л. Уишарт, К. Гуо, А.-М. Морриссси (Song, Wishart, Guo, Morrissey 2025) солидарны с актуальностью данного культурного акцента, а результаты их исследований свидетельствуют о том, что обучающиеся с дошкольного детства ценят визуальную красоту [13, p. 21].

В Китае в последние годы в большинстве детских садов основное внимание уделяется творческой деятельности – воспитатели придают важное значение ее влиянию на дальнейшее развитие обучающихся. Между тем эстетическая составляющая образовательной среды и доступность материалов существенно различаются в государственных и частных китайских детских садах. Местные органы власти и Управление образования предоставляют ресурсы и создают благоприятную среду для государственных учреждений, чтобы дети могли развивать эстетическое восприятие. В то же время годовой бюджет частных детских садов настолько ограничен, что руководителям приходится экономить на всем, поэтому часть покупки материала ложится на плечи родителей – подчеркивает Р. Сон (Song 2022) [14, p. 679; 12, p. 93]. В России же и в государственных, и в частных детских садах бюджет позволяет полностью обеспечить эстетически ориентированные занятия всем необходимым инструментарием и материалом.

Необходимо подчеркнуть роль руководства и родителей в детских садах, которые совместными усилиями реализовывают программу эстетического образования обучающихся, потому как воспитание в учебном учреждении не отделимо от института семьи – семья выступает главным центром развития и становления личности ребенка в российской культуре [1, с. 6]. Например, совместно с инициативными родителями в детских садах устраиваются тематические национальные праздники, в организации которых принимают непосредственное участие дети, а руководство выбирает широту и формат освещения того или иного национально важного события на торжестве.

В России посредством художественно-эстетического развития у дошкольников формируются патриотические чувства, а также национальная самоидентификация и самоактуализация. В т.ч. создаются благоприятные условия для становления вышеобозначенных качеств средствами музыкальной деятельности и изобразительного искусства. Такая практическая реализация программ эстетического воспитания в детских садах России создает предпосылки для эстетического развития, основанного на изучении народных традиций и культуры, классического и этнического искусства, фольклора в синтезе с патриотизмом и «уважения к богатому культурному наследию страны» [3, с. 107]. Этноориентированное обучение помогает развивать способности к «межкультурной и многонациональной коммуникации, самореализации и самоактуализации в творчестве, национального самоопределения в полиэтническом мире» [5, с. 102]. В Китаем, по мнению И. Хэ и Ш. Чу (He, Chu 2022), эстетическое воспитание в дошкольных учреждениях все еще находится на относительно низком уровне по сравнению с другими этапами эстетического развития. А именно, есть такие недостатки, как нехватка профессиональных кадров и неправильно выстроенная система образования, которые требуют доработки. На данном этапе в дошкольных учреждениях слишком много внимания уделяется подражанию и привитию конкретных навыков – воспитатели склонны использовать более жесткую и шаблонную систему оценивания, пренебрегая эстетическим потенциалом каждого отдельного обучающегося и его важными творческими и инклюзивными особенностями. Кроме того, в процессе обучения воспитатели не уделяют должного внимания эмоциональному и эстетическому развитию дошкольников, что лишает такое воспитание его сути [12, p. 94].

В программах детских садов Китая и России эстетическое воспитание осуществляется посредством интеграции традиционных культурных ценностей в современные педагогические подходы [3, с. 107], в т.ч. используются STEAM-технологии (подход в обучении, объединяющий в себе классическую педагогику с наукой, технологией, инженерным делом, искусством и математикой) [3, с. 106].

Выводы

В России и Китае в последние годы уделяется большое внимание эстетическому воспитанию обучающихся. В России система формирования и практической реализации программ эстетического воспитания в детских садах более насыщенна и вариативна, а также легкодоступна, тогда как в Китае она претерпевает определенные экономические и методические трудности, которые не позволяют полностью раскрыть потенциал обучающихся. В России воспитатели занимают чаще позицию наблюдателя и предоставляют обучающимся больше творческой свободы, тогда как в Китае придерживаются шаблонности. При этом в России уделяется много внимание эстетическому развитию сквозь призму патриотизма и любви к многонациональной культуре государства, в Китае важное значение уделяется конфуцианской философии и развитию «мэйгань» (чувства прекрасного).

Список источников

1. Аббасова Л.И., Зотова И.В. Семья как институт воспитания и обучения детей дошкольного возраста // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-1. С. 6 – 9.

2. Абрамов С.И. Значение эстетической деятельности в духовно-нравственном воспитании детей // Вестник ПСТГУ. Серия 4, Педагогика. Психология. 2008. № 8. С. 7 – 15.

3. Ван В. Современные практики эстетического развития в детских садах Китая и России: интеграция культурного наследия и инновационных методик // Вестник педагогических наук. 2025. № 11. С. 104 – 110.

4. Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение города Москвы «Школа № 338 имени Героя Советского Союза А.Ф. Авдеева». Официальный сайт: https://web.archive.org/web/20210625133342/https://sch338tn.mskobr.ru/info_add/additional (дата обращения: 05.04.2026)

5. Губенко Н.Н. Условия повышения эффективности формирования национальной самоидентификации детей старшего дошкольного возраста средствами музыкальной деятельности в ДОУ // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-3. С. 99 – 103.

6. Запись в кружки, спортивные секции и школы искусств // mos.ru – официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: https://www.mos.ru/pgu2/activity/ (дата обращения: 05.04.2026)

7. Захарова Л.М., Шубович В.Г. Этнокультурное воспитание детей: традиции и современность // Педагогический журнал Башкортостана. 2023. № 3 (101). С. 128 – 137. https://doi.org/10.21510/18173292_2023_101_3_128_137

8. Ифань Ц. Особенности художественного воспитания дошкольников в России и Китае: сравнительный анализ // Художественное образование и наука. 2025. № 4. С. 8 – 16. https://doi.org/10.36871/hon.202504008. Yifan C. Artistic Education of Preschool Children in Russia and ChINA: a Comparative Study. S-Lib. 2025. № 4. P. 8 – 16. https://doi.org/10.36871/hon.202504008

9. Панфилова Е. Готовят малыши сами, зимой обходятся без отопления: почему китайские детские сады удивляют людей по всему миру // Первый русский. Статья от 15.06.2024. URL: https://kemerovo.tsargrad.tv/special_projects/gotovjat-malyshi-sami-zimoj-obhodjatsja-bez-otoplenija-pochemu-kitajskie-detsady-udivljajut-ljudej-po-vsemu-miru_1013127 (дата обращения: 06.04.2026)

10. Путин утвердил основы госполитики по сохранению духовно-нравственных ценностей // ТАСС. Статья от 09.10.2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/16283057 (дата обращения: 05.04.2026)

11. Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

12. He Y., Chu Sh. A Brief Analysis of Dunhuang Culture and the Aesthetic Appropriateness of Preschool Education // International Journal of Arts and Humanities Studies. 2022. № 2 (1). P. 93 – 96. https://doi.org/10.32996/Ijahs.2022.2.1.12

13. Song M., Wishart L., Guo K., Morrissey A.-M. (2025) Not Just a Pretty Garden: A Mosaic Study Exploring Tensions Between Cultural Aesthetics and Pedagogical Intentions in Chinese Preschool Outdoor Spaces // Children Youth and Environments. 2025. № 35 (3). P. 21 – 44. https://doi.org/10.1353/cye.2025.a977250

14. Song R. (2022) Research on Chinese Children's Innovative Aesthetic Learning. In book: Proceedings of the 2022 5th International Conference on Humanities Education and Social Sciences (ICHESS 2022) (P. 677 – 686). https://doi.org/10.2991/978-2-494069-89-3_80

References

1. Abbasova L.I., Zotova I.V. Family as an Institution for the Upbringing and Education of Preschool Children. Problems of Modern Pedagogical Education. 2021. No. 72-1. P. 6 – 9.

2. Abramov S.I. The Importance of Aesthetic Activity in the Spiritual and Moral Education of Children. Bulletin of PSTGU. Series 4, Pedagogy. Psychology. 2008. No. 8. P. 7 – 15.

3. Wang W. Modern Practices of Aesthetic Development in Kindergartens of China and Russia: Integration of Cultural Heritage and Innovative Methods. Bulletin of Pedagogical Sciences. 2025. No. 11. P. 104 – 110.

4. Moscow State Budgetary Educational Institution "School No. 338 named after Hero of the Soviet Union A.F. Avdeev". Official website: https://web.archive.org/web/20210625133342/https://sch338tn.mskobr.ru/info_add/additional (date of access: 05.04.2026)

5. Gubenko N.N. Conditions for Improving the Efficiency of Forming National Self-Identity of Senior Preschool Children through Musical Activities in Preschool Educational Institutions. Problems of Modern Pedagogical Education. 2018. No. 60-3. P. 99 – 103.

6. Enrollment in Clubs, Sports Sections, and Art Schools. mos.ru – the official portal of the Mayor and the Government of Moscow. URL: https://www.mos.ru/pgu2/activity/ (date of access: 05.04.2026)

7. Zakharova L.M., Shubovich V.G. Ethnocultural education of children: traditions and modernity. Pedagogical journal of Bashkortostan. 2023. No. 3 (101). P. 128 – 137. https://doi.org/10.21510/18173292_2023_101_3_128_137

8. Yifan C. Features of artistic education of preschoolers in Russia and China: a comparative analysis. Art education and science. 2025. No. 4. P. 8 – 16. https://doi.org/10.36871/hon.202504008. Yifan C. Artistic Education of Preschool Children in Russia and CHINA: a Comparative Study. S-Lib. 2025. No. 4. R. 8 – 16. https://doi.org/10.36871/hon.202504008

9. Panfilova E. Children cook for themselves, do without heating in winter: why Chinese kindergartens surprise people all over the world. Perviy Russkiy. Article from 15.06.2024. URL: https://kemerovo.tsargrad.tv/special_projects/gotovjat-malyshi-sami-zimoj-obhodjatsja-bez-otoplenija-pochemu-kitajskie-detsady-udivljajut-ljudej-po-vsemu-miru_1013127 (date of access: 06.04.2026)

10. Putin approved the principles of state policy for the preservation of spiritual and moral values. TASS. Article from October 9, 2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/16283057 (date of access: 05.04.2026)

11. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 (as amended on March 4, 2026) "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values."

12. He Y., Chu Sh. A Brief Analysis of Dunhuang Culture and the Aesthetic Appropriateness of Preschool Education. International Journal of Arts and Humanities Studies. 2022. No. 2 (1). P. 93 – 96. https://doi.org/10.32996/Ijahs.2022.2.1.12

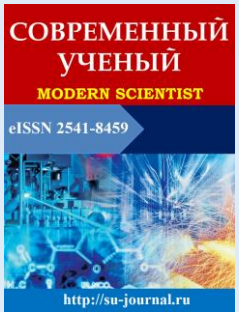
13. Song M., Wishart L., Guo K., Morrissey A.-M. (2025) Not Just a Pretty Garden: A Mosaic Study Exploring Tensions Between Cultural Aesthetics and Pedagogical Intentions in Chinese Preschool Outdoor Spaces. Children Youth and Environments. 2025. No. 35 (3). P. 21 – 44. https://doi.org/10.1353/cye.2025.a977250

14. Song R. (2022) Research on Chinese Children's Innovative Aesthetic Learning. In book: Proceedings of the 2022 5th International Conference on Humanities Education and Social Sciences (ICHESS 2022) (P. 677 – 686). https://doi.org/10.2991/978-2-494069-89-3_80

Информация об авторе

Ван Ваньчжэнь, аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, wangwanzhen007@163.com

© Ван Ваньчжэнь, 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 371.33
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-269-283

Моделирование в обучении физике: теоретические основы и подготовка будущих учителей в контексте современных педагогических исследований

[1] Клименко К.Н.

[1] Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко

Аннотация: в статье проанализирована проблема моделирования в обучении физике в условиях цифровизации современного образования. Рассматриваются теоретические основы моделирования, включая сущность и понятие данной методики, классификацию видов моделирования (физическое, мысленное, математическое, компьютерное), принцип наглядности и педагогическую валидность моделей. Особое внимание уделяется компьютерному моделированию. Проводится обзор программных средств (MathCAD, MATLAB, Mathematica, Maple, AutoCAD), языков программирования (Python, PascalABC.NET), виртуальных лабораторий и цифровых образовательных ресурсов. Анализируются методические аспекты использования моделирования в учебном процессе, включая этапы моделирования, методологически ориентированную систему обучения, геймификацию и STEM-подход. Отдельно рассматривается подготовка будущих учителей физики к использованию моделирования и обсуждаются проблемы и перспективы развития данного направления. На основе анализа научных источников формулируются методические рекомендации по эффективному применению моделирования в системе профессиональной подготовки будущих учителей физики.
Ключевые слова: моделирование, обучение физике, модельное мышление, подготовка учителей физики, компьютерная модель, дидактическая модель

Для цитирования: Клименко К.Н. Моделирование в обучении физике: теоретические основы и подготовка будущих учителей в контексте современных педагогических исследований // Современный ученый. 2026. № 11. С. 269 – 283. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-269-283

Поступила в редакцию: 7 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Modeling in physics education: theoretical foundations and training of future teachers in the context of modern pedagogical research

[1] Klimenko K.N.

[1] Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko

Abstract: the article analyzes the problem of modeling in physics education in the context of digitalization of modern education. It examines the theoretical foundations of modeling, including the essence and concept of this methodology, the classification of types of modeling (physical, mental, mathematical, and computer modeling), the principle of visualization, and the pedagogical validity of models. Special attention is given to computer modeling. The article provides an overview of software tools (MathCAD, MATLAB, Mathematica, Maple, and AutoCAD),

programming languages (Python and PascalABC.NET), virtual laboratories, and digital educational resources. The article analyzes the methodological aspects of using modeling in the educational process, including the stages of modeling, a methodologically oriented learning system, gamification, and the STEM approach. The article also discusses the preparation of future physics teachers for using modeling and the challenges and prospects for developing this area. Based on the analysis of scientific sources, methodological recommendations are formulated for the effective application of modeling in the system of professional training for future physics teachers.
Keywords: modeling, teaching physics, model thinking, physics teacher training, computer model, didactic model

For citation: Klimenko K.N. Modeling in physics education: theoretical foundations and training of future teachers in the context of modern pedagogical research. Modern Scientist. 2026. 11. P. 269 – 283. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-269-283

The article was submitted: June 7, 2026; Approved after reviewing: July 5, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В современном обществе физика становится сложной системой теоретических конструктов, центральное место в которой занимают модели. Развитие научного мышления обучающихся напрямую зависит от степени освоения ими метода моделирования как универсального способа познания природы [51]. Если в классической физике познание начиналось с непосредственного наблюдения, то в современной науке – квантовой физике, физике элементарных частиц, астрофизике – без метода моделирования невозможно построить новую теорию, а также провести содержательный эксперимент [40].

Философско-методологические основания моделирования были заложены в работах отечественных учёных. В.А. Штоф обосновал положение о том, что модель выступает не просто как упрощённое воспроизведение объекта, а как специфическая форма отражения действительности. В ней совмещаются два аспекта: модель как мысленный образ и модель как способ познания объекта «на его модели» [51]. М. Бунге подчёркивал, что модель есть «некоторая форма теоретической схемы, абстрактных объектов» [10]. В.С. Степин продемонстрировал, что в современной науке модели заняли прочное и равноправное место в системах научных знаний [40].

В методике обучения физике важнейшей методологической проблемой является иерархия моделей. Учёные В.Г. Разумовский и В.В. Майер выделяют три модельных уровня: фундаментальные модели, базисные модели и частичные модели [27]. Параллельно выделяют несколько видов моделирования: предметное, аналоговое, знаковое, математическое и компьютерное [51].

Вопросами методологических оснований обучения физике будущих педагогов посвящены исследования Г.А. Кунсбаевой. Рассмотрено методологические основания обучения физике будущих педагогов в системе профессионального образования [24]. На данный момент у обучающихся наблюдается недостаточный уровень фундаментальных знаний для самостоятельного построения математических моделей [42]. Как отмечает Ю.А. Сауров, в науке модели предназначены для генерации нового знания, тогда как в традиционной школьной практике они используются преимущественно как иллюстративный материал [36]. Проблема выходит за рамки школьной дидактики и трансформируется в проблему профессиональной компетентности учителя физики [36].

В условиях стремительной цифровизации образования метод моделирования приобретает принципиально новое значение. Современные программные средства, языки программирования, виртуальные лаборатории и цифровые образовательные ресурсы открывают новые возможности для наглядного и интерактивного изучения физических явлений [18, 38]. Компьютерное моделирование позволяет визуализировать процессы, которые ранее были недоступны непосредственному наблюдению – движение молекул, электромагнитные поля, квантовые переходы [1, 29]. При этом возникает необходимость целенаправленной подготовки педагогов к использованию данных технологий в учебном процессе [32, 42].

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современные требования Федеральных государственных образовательных стандартов нового поколения направлены на формирование у обучающихся не только предметных, но и метапредметных компетенций, включая умение моделировать, конструировать, исследовать [25]. Метод моделирования выступает как мощный инструмент развития именно таких компетенций [36]. Во-вторых, стремительное развитие компьютерных технологий создаёт новые возможности для моделирования физических процессов [4, 38]. В-третьих, накопленный в

последние годы опыт цифровизации образования выявил преимущества и проблемы использования компьютерного моделирования [15, 22].

Целью данной статьи является теоретический анализ проблемы моделирования в обучении физике и подготовке будущих учителей в контексте современных педагогических исследований, а также обоснование компонентов методической системы формирования готовности педагога к модельно-ориентированному обучению.

Материалы и методы исследований

Данное исследование носит обзорно-аналитический характер и основано на теоретическом анализе научной и методической литературы по проблеме моделирования в обучении физике и анализ в системе подготовки будущих учителей физики. Был проведен анализ публикаций в областях философии науки, психологии, общей педагогики, дидактики физики и методики преподавания физики.

При проведении теоретического анализа использовался комплекс взаимодополняющих подходов. Философско-гносеологический анализ применялся для выявления онтологических и эпистемологических оснований моделирования. Психологический анализ использовался для изучения когнитивных механизмов работы с моделями. Педагогический анализ направлен на выявление методических подходов к использованию моделей в учебном процессе [29].

Для структурирования полученных данных применялись методы систематизации и обобщения научных результатов по содержанию, территориальному признаку и временному критерию. Метод синтеза применялся для объединения выводов, полученных в результате философского, психологического и педагогического анализов. Сравнительный анализ использовался для выявления сходств и различий в подходах к моделированию.

Анализ литературы охватывал широкий спектр направлений: от фундаментальных исследований в области теории моделирования (В.А. Штоф, М. Бунге, В.С. Степин) до прикладных работ по использованию компьютерных технологий в обучении физике (исследования в области применения Python, Maple, MATLAB, виртуальных лабораторий). Особое внимание уделялось современным публикациям, отражающим тенденции цифровизации образования и развития STEM-подхода.

Результаты и обсуждения

В системе психолого-педагогических знаний важнейшее место принадлежит исследованию когнитивных процессов. Значительное влияние на привлечение и удержание внимания обучаемых оказывает целесообразное использование наглядности: моделирование физических процессов является по своей природе наглядным и проблемным [16, 29]. Восприятие обладает свойствами предметности, целостности и осмысленности, то есть сознательно воспринять физический объект значит отнести его к определённому классу [11]. Понимание является необходимым условием логического запоминания, что понято через призму модели, ассоциируется с прошлым опытом и запоминается прочнее [11, 12].

Учёный С.Л. Рубинштейн показал, что мышление возникает на основе практической деятельности и выходит за её пределы благодаря абстрагированию [11]. Физическое моделирование служит мостом между наглядно-образным и абстрактным мышлением. П.Я. Гальперин обосновал, что усвоение понятий происходит через переход от внешней материальной деятельности к внутреннему плану мышления [12]. Учёный Л.С. Выготский подчёркивал, что усвоение научных понятий происходит через интериоризацию внешней деятельности [11].

Метод моделирования органически связан с проблемным обучением. В системе проблемного обучения М.И. Махмутова центральное место занимает создание проблемной ситуации, побуждающей обучающихся к самостоятельному открытию нового знания [28]. Внутренний процесс усвоения знаний через модели проходит пять стадий: восприятие эмпирических данных, осмысление и выдвижение гипотезы, построение модели, закрепление через математический аппарат и применение для предсказания новых явлений [28].

Наиболее общим основанием классификации является разделение на материальные (вещественные) и мысленные (идеальные) модели [3, 51]. К первому классу относятся модели, собранные из вещественных элементов. Ко второму мысленные модели, состоящие из наглядно представленных или логически осмысленных элементов. Каждый из классов подразделяется на несколько видов, представленных на рис. 1.

Материальные модели делятся на натурные, физические и математические. Натурное моделирование – когда моделью является объект, созданный природой или человеком. Физическое моделирование осуществляется, когда модель и оригинал имеют одинаковую физическую природу. Математическое моделирование реализуется, когда модель и оригинал имеют разную физическую природу, но явления описываются одинаковыми математическими уравнениями [27].

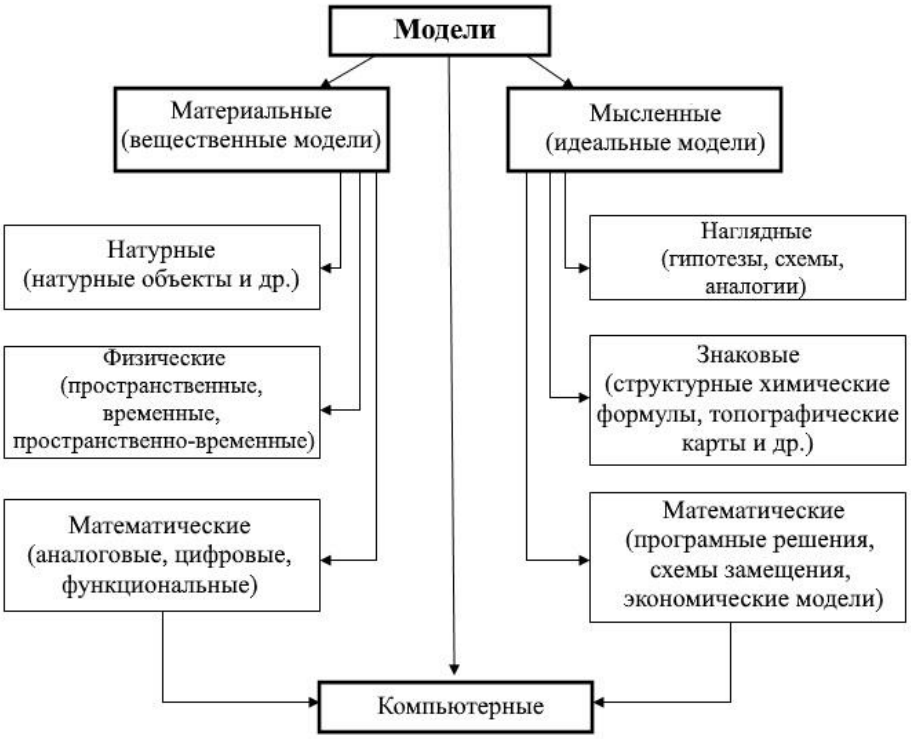


Рис. 1. Схема классификации моделей.
Fig. 1. Model classification scheme.

Мысленные модели подразделяются на наглядные (гипотезы, схемы, аналогии), знаковые (формулы, структурные формулы, карты) и математические (программные решения) [3, 4]. Классификация моделей по разным основаниям представлена на рис. 2.

Учёные В.Г. Разумовский и В.В. Майер построили иерархию моделей и выделяют три модельных уровня [34, 42]. К первому относятся фундаментальные модели (материальная точка, физический континуум), имеющие общефизический статус. Ко второму базисные модели (модель идеального газа, модель планетарного атома), существующие в границах основных физических теорий. К третьему типу это частичные модели, обеспечивающие прикладную направленность курса [34, 42].

Педагогическая валидность модели определяется степенью её соответствия дидактическим целям, возрастным особенностям обучаемых и требованиям научной достоверности [27, 36]. Научная корректность предполагает адекватное отражение существенных свойств объекта [27, 36]. Модель атома как планетарной системы валидна для школы, но требует уточнения в вузе – и та, и другая корректны в рамках своей области применимости [27, 36]. Дидактическая целесообразность определяется соответствием модели уровню подготовки учащихся [27, 47]. Модель должна быть достаточно простой для понимания и достаточно содержательной для формирования компетенций [27, 36].

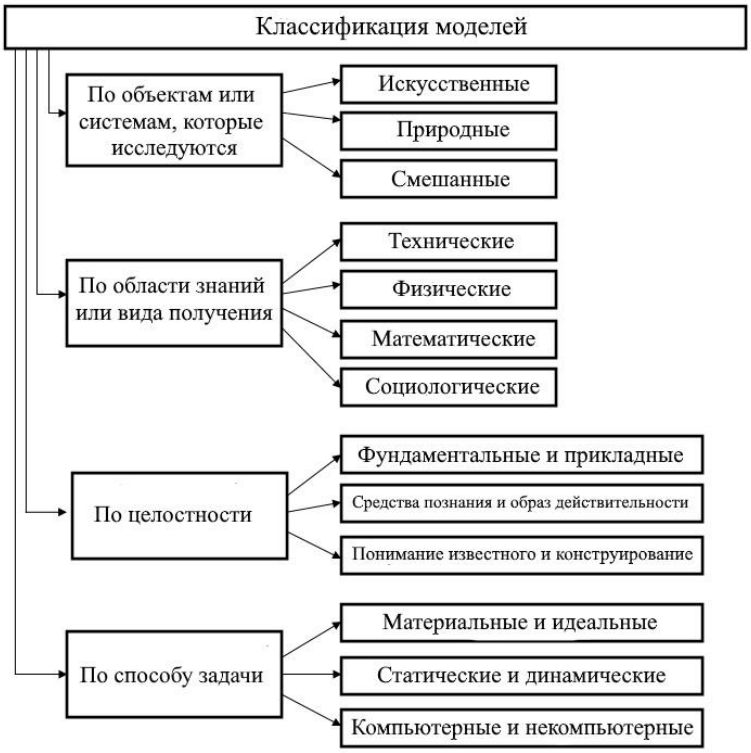


Рис. 2. Классификация моделей по разным основаниям.
Fig. 2. Classification of models based on different criteria.

Принцип наглядности является фундаментальным дидактическим принципом, имеющим особое значение для преподавания физики [17, 27]. Моделирование выступает как ключевой механизм реализации этого принципа, а именно через модели абстрактные понятия обретают визуально воспринимаемый образ [12, 11]. Различают несколько уровней наглядности: предметная (физические модели и натурные эксперименты), изобразительная (рисунки, схемы, графики) и динамическая (компьютерное моделирование и анимация) [18, 25]. Динамическая наглядность позволяет увидеть «в движении» то, что в реальности недоступно наблюдению [2, 18]. Исследователи отмечают, что эффективность повышается при переходе от пассивного созерцания к активному взаимодействию с моделью [7, 33].

За последние десятилетия в методологии моделирования произошло качественное изменение, связанное с созданием компьютерных моделей [29, 4]. Компьютерная модель сочетает в себе свойства материального и мысленного математического моделирования [16, 29]. Основные дидактические возможности компьютерных моделей заключаются в изучении сложных физических явлений на доступном уровне; акцентирование внимания на главном, существенном; наблюдение явления в динамике; визуальная интерпретация закономерных связей; осуществление операций, невозможных в реальности [16]. Компьютерные симуляции активируют правое полушарие мозга и развивают образное, визуальное мышление [29]. Наибольший эффект достигается при комбинированном использовании компьютерных симуляций и натурного эксперимента [18, 21].

Существует широкий спектр программных средств, используемых для компьютерного моделирования в обучении физике. К наиболее распространённым относятся математические пакеты (MathCAD, MATLAB, Mathematica, Maple), специализированные физические симуляторы, виртуальные лаборатории и системы программирования (Python) [21, 29, 47].

Математические пакеты, такие как Maple, MATLAB и MathCAD, находят широкое применение при обучении естественнонаучным дисциплинам, включая физику [7, 21]. Они позволяют не только проводить сложные вычисления, но и наглядно представлять результаты моделирования в графической форме [29]. Так, ученый А.А. Рахимов демонстрирует возможности использования Maple 18 и Visual Studio для решения задач статики, что подтверждает высокую эффективность математических пакетов в инженерном образовании [34].

В последние годы большое распространение получает использование языка программирования Python совместно с библиотекой Matplotlib для моделирования физических процессов. Ученый Аркабаев Н.К.

представил примеры моделирования разряда конденсатора, демонстрирующие высокую эффективность данного подхода для создания наглядных анимационных иллюстраций физических явлений. Авторами выделены четыре режима компьютерной анимации: многоэкранный, фрагментарный, элементный и образный, каждый из которых имеет свои дидактические преимущества [2].

Виртуальные лаборатории представляют собой программные комплексы, имитирующие реальное лабораторное оборудование и позволяющие проводить эксперименты на компьютере [21, 52]. Они дают возможность каждому обучающемуся высшей школы индивидуально выполнить лабораторную работу, варьировать условия эксперимента, многократно повторять измерения [19]. Ученые М.В. Ковригина и Р.А. Кончаков анализируют возможности компьютерного моделирования в обучении физике, подчёркивая, что виртуальные лаборатории позволяют изучать сложные явления, недоступные в школьных условиях [21].

Важным направлением является создание специализированных цифровых образовательных ресурсов, адаптированных под конкретные учебные курсы [38]. Наряду с этим, в образовательном процессе технических вузов находит применение компьютерное моделирование в среде AutoCAD для разработки виртуальных прототипов и симуляции физических процессов [35], что расширяет традиционные представления о средствах моделирования.

Процесс моделирования включает структурированную последовательность действий [19, 48]. По А.А. Червовой, основные этапы это постановка проблемы и целеполагание, анализ объекта (выделение существенных свойств), построение модели (создание упрощённого описания), исследование модели (проведение экспериментов, варьирование параметров), перенос результатов (проверка адекватности, сравнение с известными фактами), анализ и выводы (обобщение знаний, осознание границ применимости) [48]. Реализация этапов требует тщательной методической проработки [19, 42]. Важно обеспечить постепенный переход от моделирования под руководством педагога к самостоятельной работе учащихся [25, 32].

Методологически ориентированная система направлена на преодоление разрыва между теорией и практикой через интеграцию методов познания [3, 4]. В рамках этого подхода моделирование выступает фундаментальным методом, органически связанным с теоретическим анализом и экспериментом.

В последние годы перспективным направлением становится использование элементов геймификации в обучении STEM-дисциплинам [37, 33]. Игровые механизмы, интегрированные в процесс моделирования, позволяют повысить мотивацию обучающихся и сделать усвоение физических понятий более увлекательным [37]. STEM-образование представляет собой интегративный подход к формированию способности решать практические задачи, в котором моделирование выступает ключевым инструментом [37]. Образовательные Web-технологии, реализующие требования современных ФГОС, открывают дополнительные возможности для организации интерактивного моделирования [25].

Компьютерное моделирование находит применение при изучении широкого круга физических явлений. Авторы Х.Х. Абушкин и М.Н. Семиков разработали модели электромагнитных явлений в среде PascalABC.NET, включая модель электродвигателя и опыта Ленца. Это позволяет наглядно демонстрировать студентам сложные электродинамические процессы [1].

Метод математического моделирования стохастических процессов, в частности на основе марковских цепей, представляет собой важный инструмент подготовки будущих физиков к работе с вероятностными моделями реальных явлений [23]. Ученая Ю.Ю. Коняева демонстрирует эффективность данного подхода в обучении теории вероятностей и математической статистики [23].

Теоретический анализ позволяет выделить последовательные этапы формирования моделей физических явлений, представленные на рис. 3.

Рис. 3. Этапы формирования моделей физического явления.
Fig. 3. Stages of forming models of a physical phenomenon.

На первом, эвристическом этапе обучающиеся формируют качественную модель, отвечающую на вопрос «почему происходит явление?». На втором этапе формируется математическая модель, отвечающая на вопрос «как количественно описывается явление?». Самым сложным является третий этап – конструирование мысленно-наглядной модели, интегрирующей качественную наглядность и количественную определённость. Три этапа не являются изолированными ступенями, а представляют взаимосвязанные фазы единого процесса. Отсутствие любого из компонентов приводит к отсутствию модельного мышления. В школьной практике процесс моделирования зачастую воспроизводится неявно и фрагментарно, что препятствует формированию подлинного модельного стиля мышления [29].

Подготовка будущего учителя физики в педагогическом вузе решает задачу преодоления разрыва между академическим знанием и школьной реальностью. Учёные Т.А. Петрушкина, Е.П. Литовка отмечают, что умение моделировать не возникает спонтанно: оно требует целенаправленного проектирования образовательной среды в вузе [32].

Проведённый анализ показывает, что современная методическая система подготовки учителя включает четыре взаимосвязанных компонента. Первый компонент – деконструкция научных теорий до уровня школьных моделей. Второй – овладение циклом научного познания через моделирование: наблюдение аномалии, выдвижение гипотезы, конструирование модели, экспериментальная проверка, коррекция модели. Третий – интеграция цифровых и аналоговых средств моделирования. Четвёртый – управление познавательной деятельностью обучающихся через моделирование [32, 42].

Ученая М.Д. Суханова анализирует подготовку будущих учителей к выбору и применению компьютерных программ для моделирования физических объектов [42]. Она выделяет несколько компонентов: овладение теоретическими основами моделирования (классификация, критерии валидности); овладение технологиями (MathCAD, MATLAB, Maple, Python, виртуальные лаборатории); развитие методической компетентности (планирование этапов, сочетание видов, организация исследовательской деятельности) [7, 32, 42]. Проблемами подготовки являются недостаточная оснащённость школ, малое время для методической подготовки, консерватизм методической системы [5, 42]. Преодоление требует модернизации программ подготовки, создания систем повышения квалификации [42, 32].

Несмотря на преимущества моделирования, его внедрение сталкивается с рядом проблем. К методическим относится риск формального использования, когда демонстрация подменяет понимание [16, 42], недостаточная подготовка педагогов [42, 32], отсутствие готовых методических разработок [15]. Технические проблемы включают недостаточную оснащённость учебных заведений [22], вопросы лицензирования программного обеспечения [7], цифровое неравенство [13]. Организационные проблемы связаны с недостатком учебного времени [27], сложностью встраивания моделирования в существующие программы [4], необходимостью пересмотра системы оценки [32].

Перспективы развития моделирования в обучении физике связаны с виртуальной и дополненной реальностью, искусственным интеллектом, облачными технологиями [30], которые создадут возможности для иммерсивного моделирования [18]. Развитие открытых образовательных ресурсов [38, 37], интеграция с дистанционным обучением [36] и STEM-подход [37, 33] открывают новые горизонты. Дальнейшее развитие методов моделирования связано с созданием новых программных средств, адаптированных для использования в образовательном процессе, с широким внедрением языков программирования (Python) и современных математических пакетов [4, 38], а также с подготовкой педагогических кадров, способных эффективно применять эти методы в своей практике [4, 32].

Выводы

Модель в физическом образовании выступает как специфическая форма теоретического знания, обладающая двойственной природой. Она одновременно является продуктом познавательной деятельности и инструментом дальнейшего познания. Наиболее общим основанием классификации является разделение на материальные (вещественные) и мысленные (идеальные) модели, каждый из которых подразделяется на несколько видов. Мысленные модели включают наглядные, знаковые и математические (программные решения), а классификация по разным основаниям охватывает объекты исследования, области знаний, целостность и способ задачи.

Моделирование активизирует всю систему когнитивных процессов и служит мостом между наглядно-образным и абстрактным мышлением. Компьютерные симуляции активируют правое полушарие мозга и развивают образное, визуальное мышление. Наибольший эффект достигается при комбинированном использовании компьютерных симуляций и натурного эксперимента.

Систематизация типологий моделей выявила многоуровневую иерархию: материальные и мысленные модели. В свою очередь, компьютерное моделирование выступает важнейшим звеном современной системы, обеспечивая переход от статических знаковых моделей к интерактивным динамическим системам. Использование математических пакетов (Maple, MATLAB, MathCAD), языков программирования (Python), виртуальных лабораторий и среды AutoCAD открывает широкие возможности для моделирования физических процессов в образовательном процессе.

Обоснована трёхэтапная модель формирования физических моделей: эвристическая (качественная модель), математическая (количественное описание) и мысленно-наглядная (интеграция наглядности и определённости). Три этапа представляют взаимосвязанные фазы единого процесса, отсутствие любого из которых приводит к неполноценности модельного мышления.

Современная методическая система подготовки учителя физики включает четыре взаимосвязанных компонента. А именно, деконструкция научных теорий до уровня школьных моделей, овладение циклом научного познания через моделирование, интеграция цифровых и аналоговых средств моделирования, управление познавательной деятельностью обучающихся.

Список источников

1. Абушкин Х.Х., Семиков М.Н. Использование компьютерного моделирования при изучении электромагнитных явлений в средней школе // Учебный эксперимент в образовании. 2024. № 1 (109). С. 72 – 79. DOI 10.51609/2079-875X_2024_1_72

2. Амиралиев А.Д., Инусова Х.М. Методические аспекты реализации межпредметных связей физики и математики на основе цифровых технологий // Цифровая трансформация образования: состояние и перспективы: Материалы IV Международной научно-практической конференции, Махачкала, 27-29 июня 2025 года. Махачкала: Типография «Ризо-пресс», Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, 2025. С. 277 – 284.

3. Антонова Д.А. Методологическая направленность подготовки будущих учителей к применению компьютерных симуляций при обучении физике в средней школе: дис. … канд. педаг. наук. 2024. 460 с.

4. Аркабаев Н.К., Абдугулова Г.С., Кудуев А.Ж. Цифровизация обучения физике: использование компьютерных моделей и анимации // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 3. С. 520 – 532. DOI 10.33619/2414-2948/100/68

5. Батраков А.М., Харитонов К.Е. О применении компьютерного моделирования физических процессов при обучении физике в школе // Современные проблемы математики, физики и физико-математического образования: Материалы XI Международной научно-практической конференции, Орехово-Зуево, 26 ноября 2021 года. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2021. С. 194 – 196.

6. Борибекова Ф., Кожахметов А.Н. Особенности обучения трехмерному компьютерному моделированию и визуализации будущих учителей информатики // Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации: Сборник материалов XI Международной научно-практической конференции, Москва, 20 января 2023 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство АЛЕФ», 2023. С. 69 – 76.

7. Бубин М.Н. Особенности применения моделирования физических экспериментов в обучении физике // Проблемы учебного физического эксперимента: Сборник научных трудов XXIX Всероссийской научно-практической конференции, Глазов, 26-27 января 2024 года. Москва: Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Институт стратегии развития образования», 2024. С. 8 – 9.

8. Букреев Д.А., Попов В.Н., Семиров А.В. Компьютерное моделирование джоулева нагрева проводников при обучении физике в школе // Обучение физике и астрономии в общем и профессиональном образовании: материалы XXII Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 27-28 марта 2024 года. Иркутск: Аспринт, 2024. С. 25 – 28.

9. Букреев Д.А., Деревянко М.С., Моисеев А.А. Компьютерное моделирование явления электромагнитной индукции при обучении физике в школе // Обучение физике и астрономии в общем и профессиональном образовании: Сборник трудов XXI Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 29-30 марта 2023 года. Иркутск: Аспринт, 2023. С. 21 – 25.

10. Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975. 344 с.

11. Выготский Л.С. Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. М.: Педагогика, 1991. 480 с.

12. Гальперин П.Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследования мышления в советской психологии. М.: Наука, 1965. С. 236 – 277.

13. Гусейнов М.К., Гусейнов А.М. Инновационные методы обучения студентов на занятиях по физике // Неделя науки – 2023: Сборник материалов 44 итоговой научно-технической конференции преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов ДГТУ, Махачкала, 17-29 апреля 2023 года. Махачкала: Дагестанский государственный технический университет, 2023. С. 572 – 573.

14. Данилов О.Е. Применение компьютерного моделирования колебательных систем в обучении физике // Цифровая трансформация социальных и экономических систем: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 27 января 2023 года / Отв. ред.: И.А. Королькова. Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2023. С. 246 – 250.

15. Зенцова И.М. Обзор зарубежных исследований по моделированию в процессе обучения школьников физике // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 4. С. 57 – 61.

16. Зуева Е.С. Проблемное обучение на основе компьютерного моделирования физических явлений // Современные проблемы совершенствования работы железнодорожного транспорта: Межвузовский сборник научных трудов. Москва: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет транспорта», 2022. С. 287 – 292.

17. Иванова О.М., Бакланов И.О., Логинов В.А. Принцип наглядности в обучении физике // Наука и образование: лучшие исследования и разработки 2025: Сборник статей IV Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 августа 2025 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. С. 40 – 42.

18. Ковылов Н.Б., Клинаев Ю.В., Корчагин С.А., Терин Д.В. Имитационное моделирование и натурный эксперимент в практикуме по физике в условиях дистанционного обучения // Паритеты, приоритеты и акценты в цифровом образовании: Сборник научных трудов: в 2-х ч. Том Часть 1. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 275 – 280.

19. Кириченко И.С., Морозов М.К., Червова А.А. Этапы моделирования при обучении физике в физико-математических школах и вузах физико-технической направленности // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-1. С. 158 – 161.

20. Киселева Е.С., Овчаренко Е.Н. Современные подходы к обеспечению преемственности обучения (на примере физики в школе и вузе) // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2011. № 3. С. 113 – 120.

21. Ковригина М.В., Кончаков Р.А. Возможности использования компьютерного моделирования в процессе обучения физике на примере лабораторной работы «радиационное повреждение высокоэнтропийного сплава» // Перспективные направления развития современной теории и методики обучения физике и естествознанию в школе и вузе: материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 12 апреля 2023 года. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. С. 32 – 37.

22. Коваленко И.А. Профильное обучение физике: роль компьютерного моделирования // Формирование и развитие профессиональной компетенции учителя: Материалы VII региональной научно-практической конференции, Воронеж, 24 апреля 2023 года / Редкол.: А.М. Фактор и др. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. С. 149 – 155.

23. Коняева Ю.Ю. Метод математического моделирования в обучении теории вероятностей и математической статистике будущих физиков // Эвристика и дидактика математики: материалы XIII Международной научно-методической дистанционной конференции-конкурса молодых ученых, аспирантов и студентов, Донецк, 24-25 апреля 2024 года. Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. С. 25 – 27.

24. Кунсбаева Г.А., Измайлова Г.Р., Альмухаметова Э.М. Методологические основания обучения физике будущих педагогов в системе профессионального образования // Педагогическое образование. 2026. Т. 7. № 3. С. 113 – 117.

25. Лозовская Л.Б., Фролов Д.П. Компьютерное моделирование механических процессов при обучении физике в средней школе // Образовательные Web-технологии в реализации требований современных ФГОС: Сборник статей участников Международной научно-практической конференции, Арзамас, 18-19 мая 2023 года. Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2023. С. 303 – 306.

26. Магомедов Г.М., Рашитова З.К., Рабаданова Л.Р. Использование проектных технологий и моделирования при обучении физике // Наука и образование состояние, проблемы, перспективы развития: Материалы научной сессии профессорско-преподавательского состава, посвящается 90-летию ученого, педагога, организатора образования Ахмеда Магомедовича Магомедова, Махачкала, 29-30 октября 2020 года. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 2021. С. 594 – 598.

27. Майер Р.В. Компьютерное моделирование физических явлений: монография / Федеральное агентство по образованию РФ, ГОУ ВПО «Глазовский гос. пед. ин-т им. В.Г. Короленко». Глазов: ГГПИ, 2009. 111 с.

28. Махмутов М.И. Проблемное обучение: основные вопросы теории. М.: Педагогика, 1975. 368 с.

29. Насырова Г.Р. Метод моделирования в обучении физике: теоретические основы и практическая реализация // Педагогика: актуальные вопросы теории и практики: Сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 мая 2026 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2026. С. 48 – 52.

30. Новик И.Б., Мамедов Н.М. Метод моделирования в современной науке. Москва: Общественная организация – Общество «Знание» России, 1981. 40 с.

31. Курбанбеков Б.А., Раманкулов Ш.Ж., Битибаева Ж.М. et al. Особенности применения технологии 3D моделирования при подготовке будущих учителей физики // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия: Педагогические науки. 2023. Vol. 78. No. 2. DOI 10.51889/2959-5762.2023.78.2.018

32. Петрушкина Т.А. Подготовка будущих учителей физики к применению инновационных технологий в процессе обучения в вузе // Актуальные вопросы методики преподавания математики и физики, Чебоксары, 05 ноября 2022 года. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2022. С. 40 – 43.

33. Прозаровская Л.А., Опаловский В.А. Развитие экспериментирующего мышления средствами цифровых образовательных платформ для моделирования физических процессов // Проблемы учебного физического эксперимента: Материалы XXX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Глазов, 24-25 января 2025 года. Москва: ИСРО РАО, 2025. С. 35 – 37.

34. Разумовский В.Г., Майер В.В. Физика в школе. Научный метод познания и обучение. М.: ВЛАДОС, 2004. 463 с.

35. Рахимов А.А. Использование компьютерного моделирования AUTOCAD в образовательном процессе для студентов технических направлений вуза // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. 2024. Т. 5. № 2. С. 43 – 48. DOI 10.54158/27132838_2024_5_2_43

36. Сауров Ю.А., Коханов К.А. Методология функционирования и развития физического образования: монография. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2011. 282 с.

37. Смирнов С.А., Симукова С.В. 3D моделирование в обучении физике в рамках stem образования // Теоретические и прикладные аспекты естественно-научного образования в эпоху цифровизации: Материалы III Международной научно-практической конференции, Брянск, 11-12 апреля 2024 года. Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2024. С. 336 – 340.

38. Жарлыкасов Б.Ж., Алимбаев А.А., Калжанов М.У., Телегина О.С. Современные компьютерные методы в обучении математике и физике: примеры использования Python // Bulletin of Toraighyrov University. Physics, Mathematics & Computer Science series. 2023. No. 4. P. 132 – 143. DOI 10.48081/hmpj1312

39. Жетписбаева А.Т., Медетов Б.Ж., Албанбай Н. и др. Современные подходы к исследованию законов динамики в физике с использованием экспериментальных установок на базе компьютерного зрения // EurasiaScience: Сборник статей LXV международной научно-практической конференции, Москва, 15 ноября 2024 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Актуальность.РФ», 2024. С. 88 – 97.

40. Степин В.С. Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

41. Султонов С.С., Норов Х.С. Межпредметные связи в процессе физико-математического моделирования при использовании информационных технологий // Ценности образования: традиции и инновации: Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25-26 февраля 2025 года. Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. С. 183 – 186.

42. Суханова М.Д. Подготовка будущих учителей к выбору и применению компьютерных программ с целью моделирования физических объектов и явлений // Физика в системе современного образования (ФССО-2023): Материалы XVII Международной конференции, Санкт-Петербург, 27-30 июня 2023 года. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2023. С. 568 – 574.

43. Умбетов А.У., Урманова К.К. Развитие познавательной активности учащихся при обучении физике с использованием средств и методов математического моделирования // Математика и математическое образование в эпоху цифровизации: материалы XII Всероссийской с международным участием научно-методической конференции, Красноярск, 09-10 ноября 2023 года. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2023. С. 205 – 210.

44. Федоровцев Д.Н., Запивахина М.Н. Математическое моделирование в школьном курсе физики: световые волны // Обратные задачи и математические модели: Сборник научных трудов, Бирск, 22 сентября 2023 года. Бирск: Уфимский университет науки и технологий, 2023. С. 155 – 157.

45. Филиппов И.М., Шевчук С.А., Фролова К.Е. Совершенствование методологии преподавания физики в общеобразовательной школе с использованием визуального моделирования // Современные тенденции развития технологического образования: Сборник материалов XII Международной заочной научно-практической конференции, Стерлитамак-Актобе, 03 октября 2022 года / Отв. ред. С.Ю. Широкова. Стерлитамак-Актобе: Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Башкирский государственный университет», Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, 2022. С. 97 – 99.

46. Харламов Г.В. Обучение студентов физике в курсе «Моделирование физических явлений на ЭВМ» // Цифровые трансформации в образовании (E-Digital Siberia 2022): материалы VI Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 20-21 апреля 2022 года. Новосибирск: Сибирский государственный университет путей сообщения, 2022. С. 379 – 386.

47. Нефедьев Л.А., Гарнаева Г.И., Низамова Э.И., Шигапова Э.Д. Цифровизация физического эксперимента при подготовке физиков педагогического направления // Казанский педагогический журнал. 2021. № 1 (144). С. 140 – 149. DOI 10.51379/kpj.2021.145.2.018

48. Червова А.А., Морозов М.К., Кириченко И.С. Этапы моделирования при обучении физике студентов вузов // Физико-математическое и технологическое образование: проблемы и перспективы развития: Материалы IX международной научно-методической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения доктора педагогических наук, профессора, Почетного профессора МПГУ С.Е. Каменецкого, Москва, 01-02 марта 2023 года. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2023. С. 304 – 309.

49. Чертоева М.Л. Применение компьютерных моделей в процессе обучения физике // Актуальные вопросы физико-математического образования: Материалы межрегиональной студенческой научно-практической конференции, Грозный, 29 апреля 2021 года. Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2021. С. 279 – 285.

50. Шалапинина А.В. Формирование мотивации учащихся к процессу обучения на основе применения метода моделирования физических явлений и процессов // Образование и наука в XXI веке: математика, физика, информатика и технологии в смарт-мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Красноярск, 23-24 мая 2023 года. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2023. С. 489 – 493.

51. Штоф В.А. Моделирование и философия / Академия наук СССР, Ленинградская кафедра философии. Москва; Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1966. 302 с.

52. Юркова М.А. Использование компьютерного моделирования в обучении молекулярной физике // Современные проблемы физико-математического образования в условиях цифровизации: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Саранск, 20 марта 2025 года. Саранск: РИЦ МГПУ, 2025. С. 51 – 57.

References

1. Abushkin H.H., Semikov M.N. Using Computer Modeling in the Study of Electromagnetic Phenomena in High School. Educational Experiment in Education. 2024. No. 1 (109). P. 72 – 79. DOI 10.51609/2079-875X_2024_1_72

2. Amiraliev A.D., Inusova H.M. Methodological Aspects of Implementing Interdisciplinary Links between Physics and Mathematics Based on Digital Technologies. Digital Transformation of Education: Status and Prospects: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, June 27-29, 2025. Makhachkala: Rizo-Press Printing House, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, 2025. P. 277 – 284.

3. Antonova D.A. Methodological Focus of Preparing Future Teachers for the Use of Computer Simulations in Teaching Physics in Secondary School: Diss. … Cand. Pedag. Sci. 2024. 460 p.

4. Arkabaev N.K., Abdugulova G.S., Kuduev A.Zh. Digitalization of Physics Teaching: Using Computer Models and Animation. Bulletin of Science and Practice. 2024. Vol. 10. No. 3. P. 520 – 532. DOI 10.33619/2414-2948/100/68

5. Batrakov A.M., Kharitonov K.E. On the Application of Computer Modeling of Physical Processes in Teaching Physics at School. Modern Problems of Mathematics, Physics, and Physics and Mathematics Education: Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference, Orekhovo-Zuyevo, November 26, 2021. Orekhovo-Zuyevo: State University of Humanities and Technology, 2021. P. 194 – 196.

6. Boribekova F., Kozhakhmetov A.N. Features of Teaching Three-Dimensional Computer Modeling and Visualization to Future Computer Science Teachers. Modern Trends in the Development of Science and the World Community in the Digital Age: Collection of Materials of the XI International Scientific and Practical Conference, Moscow, January 20, 2023. Moscow: Limited Liability Company "ALEF Publishing House", 2023. P. 69 – 76.

7. Bubin M.N. Features of the Application of Modeling of Physical Experiments in Teaching Physics. Problems of Educational Physical Experiments: Collection of Scientific Papers of the XXIX All-Russian Scientific and Practical Conference, Glazov, January 26-27, 2024. Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute for Education Development Strategy", 2024. P. 8 – 9.

8. Bukreev D.A., Popov V.N., Semirov A.V. Computer Modeling of Joule Heating of Conductors in Teaching Physics at School. Teaching Physics and Astronomy in General and Vocational Education: Proceedings of the XXII All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 27-28, 2024. Irkutsk: Asprint, 2024. P. 25 – 28.

9. Bukreev D.A., Derevyanko M.S., Moiseev A.A. Computer Modeling of the Physics of Electromagnetic Induction in Teaching Physics at School. Teaching Physics and Astronomy in General and Vocational Education: Collection of Papers of the XXI All-Russian Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 29-30, 2023. Irkutsk: Asprint, 2023. P. 21 – 25.

10. Bunge M. Philosophy of Physics. Moscow: Progress, 1975. 344 p.

11. Vygotsky L.S. Pedagogical Psychology. Edited by V.V. Davydov. Moscow: Pedagogy, 1991. 480 p.

12. Galperin P.Ya. Psychology of Thinking and the Doctrine of the Stage-by-Stage Formation of Mental Actions. Studies of Thinking in Soviet Psychology. Moscow: Nauka, 1965. P. 236 – 277.

13. Guseinov M.K., Guseinov A.M. Innovative methods of teaching students in physics classes. Science Week 2023: Collection of materials from the 44th final scientific and technical conference of teachers, staff, graduate students and students of DSTU, Makhachkala, April 17-29, 2023. Makhachkala: Dagestan State Technical University, 2023. P. 572 – 573.

14. Danilov O.E. Application of computer modeling of oscillatory systems in teaching physics. Digital transformation of social and economic systems: Materials of the international scientific and practical conference, Moscow, January 27, 2023. Ed.: I.A. Korolkova. Moscow: Moscow University. Witte, 2023. P. 246 – 250.

15. Zentsova I.M. Review of Foreign Research on Modeling in Teaching Physics to Schoolchildren. Bulletin of the State Humanitarian and Technological University. 2022. No. 4. P. 57 – 61.

16. Zueva E.S. Problem-Based Learning Based on Computer Modeling of Physical Phenomena. Modern Problems of Improving the Operation of Railway Transport: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Moscow: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Russian University of Transport", 2022. P. 287 – 292.

17. Ivanova O.M., Baklanov I.O., Loginov V.A. The Principle of Visual Acuity in Teaching Physics. Science and Education: Best Research and Development 2025: Collection of Articles from the IV International Scientific Research Competition, Penza, August 30, 2025. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2025. P. 40 – 42.

18. Kovylov N.B., Klinaev Yu.V., Korchagin S.A., Terin D.V. Simulation modeling and a full-scale experiment in a physics workshop in the context of distance learning. Parities, priorities and accents in digital education: Collection of scientific papers: in 2 parts. Volume Part 1. Saratov: Saratovsky Istochnik Publishing House, 2021. P. 275 – 280.

19. Kirichenko I.S., Morozov M.K., Chervova A.A. Stages of modeling in teaching physics in physics and mathematics schools and universities with a physics and technology focus. Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 80-1. P. 158 – 161.

20. Kiseleva E.S., Ovcharenko E.N. Modern Approaches to Ensuring Continuity of Learning (using Physics in School and University as an Example). Bulletin of the Southern Federal University. Pedagogical Sciences. 2011. No. 3. P. 113 – 120.

21. Kovrigin M.V., Konchakov R.A. Possibilities of Using Computer Modeling in Teaching Physics Using the Example of the Laboratory Work “Radiation Damage to a High-Entropy Alloy”. Promising Directions for the Development of Modern Theory and Methods of Teaching Physics and Natural Science in Schools and Universities: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 12, 2023. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2023. P. 32 – 37.

22. Kovalenko I.A. Profile teaching of physics: the role of computer modeling. Formation and development of professional competence of a teacher: Proceedings of the VII regional scientific and practical conference, Voronezh, April 24, 2023. Ed. board: A.M. Factor et al. Voronezh: Publishing and printing center "Scientific book", 2023. P. 149 – 155.

23. Konyaeva Yu.Yu. Method of mathematical modeling in teaching probability theory and mathematical statistics to future physicists. Heuristics and didactics of mathematics: Proceedings of the XIII International scientific and methodological distance conference-competition of young scientists, graduate students and students, Donetsk, April 24-25, 2024. Donetsk: Donetsk National University, 2024. P. 25 – 27.

24. Kunsbaeva G.A., Izmailova G.R., Almukhametova E.M. Methodological Foundations of Teaching Physics to Future Teachers in the System of Professional Education. Pedagogical Education. 2026. Vol. 7. No. 3. P. 113 – 117.

25. Lozovskaya L.B., Frolov D.P. Computer Modeling of Mechanical Processes in Teaching Physics in Secondary School. Educational Web Technologies in the Implementation of the Requirements of Modern Federal State Educational Standards: Collection of Articles by Participants of the International Scientific and Practical Conference, Arzamas, May 18-19, 2023. Arzamas: Arzamas Branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky”, 2023. P. 303 – 306.

26. Magomedov G.M., Rashitova Z.K., Rabadanova L.R. Use of project technologies and modeling in teaching physics. Science and education: state, problems, development prospects: Proceedings of the scientific session of the faculty, dedicated to the 90th anniversary of the scientist, teacher, and education organizer Akhmed Magomedovich Magomedov, Makhachkala, October 29-30, 2020. Makhachkala: Dagestan State Pedagogical University, 2021. P. 594 – 598.

27. Mayer R.V. Computer modeling of physical phenomena: monograph. Federal Agency for Education of the Russian Federation, State Educational Institution of Higher Professional Education “Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko”. Glazov: GGPI, 2009. 111 p.

28. Makhmutov M.I. Problem-Based Learning: Basic Theoretical Issues. Moscow: Pedagogy, 1975. 368 p.

29. Nasyrova G.R. The Modeling Method in Teaching Physics: Theoretical Foundations and Practical Implementation. Pedagogy: Current Issues of Theory and Practice: Collection of Articles from the XII International Scientific and Practical Conference, Penza, May 5, 2026. Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2026. P. 48 – 52.

30. Novik I.B., Mamedov N.M. The Modeling Method in Modern Science. Moscow: Public Organization – Knowledge Society of Russia, 1981. 40 p.

31. Kurbanbekov B.A., Ramankulov Sh.Zh., Bitibaeva Zh.M. et al. Features of the application of 3D modeling technology in the training of future physics teachers. Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. Series: Pedagogical Sciences. 2023. Vol. 78. No. 2. DOI 10.51889/2959-5762.2023.78.2.018

32. Petrushkina T.A. Training future physics teachers to apply innovative technologies in the teaching process at the university. Current issues in the methodology of teaching mathematics and physics, Cheboksary, November 5, 2022. Cheboksary: Chuvashia State Pedagogical University, 2022. P. 40 – 43.

33. Prozarovskaya L.A., Opalovsky V.A. Development of experimental thinking by means of digital educational platforms for modeling physical processes. Problems of educational physics experiment: Proceedings of the XXX All-Russian scientific and practical conference with international participation, Glazov, January 24-25, 2025. Moscow: ISRO RAO, 2025. P. 35 – 37.

34. Razumovsky V.G., Mayer V.V. Physics in School. Scientific Method of Cognition and Training. Moscow: VLADOS, 2004. 463 p.

35. Rakhimov A.A. Using AUTOCAD Computer Modeling in the Educational Process for Students of Technical Majors at the University. Science and Practice in Education: Electronic Scientific Journal. 2024. Vol. 5. No. 2. P. 43 – 48. DOI 10.54158/27132838_2024_5_2_43

36. Saurov Yu.A., Kokhanov K.A. Methodology of Functioning and Development of Physics Education: Monograph. Kirov: Raduga-PRESS, 2011. 282 p.

37. Smirnov S.A., Simukova S.V. 3D Modeling in Teaching Physics within the Framework of Stem Education. Theoretical and Applied Aspects of Natural Science Education in the Era of Digitalization: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Bryansk, April 11-12, 2024. Bryansk: Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, 2024. P. 336 – 340.

38. Zharlykasov B.Zh., Alimbaev A.A., Kalzhanov M.U., Telegina O.S. Modern Computer Methods in Teaching Mathematics and Physics: Examples of Using Python. Bulletin of Toraighyrov University. Physics, Mathematics & Computer Science series. 2023. No. 4. P. 132 – 143. DOI 10.48081/hmpj1312

39. Zhetpisbaeva A.T., Medetov B.Zh., Albanbay N., et al. Modern approaches to the study of the laws of dynamics in physics using experimental setups based on computer vision. EurasiaScience: Collection of articles from the LXV international scientific and practical conference, Moscow, November 15, 2024. Moscow: Limited Liability Company "Aktualnost.RF", 2024. P. 88 – 97.

40. Stepin V.S. Theoretical knowledge: Structure, historical evolution. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 744 p.

41. Sultonov S.S., Norov Kh.S. Interdisciplinary Connections in the Process of Physical and Mathematical Modeling Using Information Technologies. Values of Education: Traditions and Innovations: Collection of Scientific Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, February 25-26, 2025. St. Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions, 2025. P. 183 – 186.

42. Sukhanova M.D. Training Future Teachers to Select and Use Computer Programs for Modeling Physical Objects and Phenomena. Physics in the System of Modern Education (FSSO-2023): Proceedings of the XVII International Conference, St. Petersburg, June 27-30, 2023. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia, 2023. P. 568 – 574.

43. Umbetov A.U., Urmanova, K.K. Development of students' cognitive activity in teaching physics using the means and methods of mathematical modeling. Mathematics and mathematical education in the era of digitalization: Proceedings of the XII All-Russian scientific and methodological conference with international participation, Krasnoyarsk, November 9-10, 2023. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, 2023. P. 205 – 210.

44. Fedorovtsev D.N., Zapivakhina M.N. Mathematical modeling in the school physics course: light waves. Inverse problems and mathematical models: Collection of scientific papers, Birsk, September 22, 2023. Birsk: Ufa University of Science and Technology, 2023. P. 155 – 157.

45. Filippov I.M., Shevchuk S.A., Frolova K.E. Improving the Methodology of Teaching Physics in Comprehensive Schools Using Visual Modeling. Modern Trends in the Development of Technological Education: Collection of Materials of the XII International Correspondence Scientific and Practical Conference, Sterlitamak-Aktobe, October 3, 2022. Ed. S.Yu. Shirokova. Sterlitamak-Aktobe: Sterlitamak Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State University", Aktobe Regional University named after K. Zhubanov, 2022. P. 97 – 99.

46. Kharlamov G.V. Teaching Students Physics in the Course "Modeling Physical Phenomena on a Computer". Digital Transformations in Education (E-Digital Siberia 2022): Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, April 20–21, 2022. Novosibirsk: Siberian State Transport University, 2022. P. 379 – 386.

47. Nefed'ev L.A., Garnaeva G.I., Nizamova E.I., Shigapova E.D. Digitalization of physical experiments in the training of physicists in pedagogical fields. Kazan Pedagogical Journal. 2021. No. 1 (144). P. 140 – 149. DOI 10.51379/kpj.2021.145.2.018

48. Chervova A.A., Morozov M.K., Kirichenko I.S. Stages of modeling in teaching physics to university students. Physics, Mathematics and Technology Education: Problems and Development Prospects: Proceedings of the IX International Scientific and Methodological Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Professor of Moscow State Pedagogical University S.E. Kamenetsky, Moscow, March 1-2, 2023. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2023. P. 304 – 309.

49. Chertoeva M.L. Application of computer models in the process of teaching physics. Current issues of physics and mathematics education: Proceedings of the interregional student scientific and practical conference, Grozny, April 29, 2021. Grozny: Chechen State Pedagogical University, IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (Alef Printing House), 2021. P. 279 – 285.

50. Shalapinina A.V. Formation of students' motivation for the learning process based on the application of the method of modeling physical phenomena and processes. Education and science in the 21st century: mathematics, physics, computer science and technology in the smart world: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Krasnoyarsk, May 23-24, 2023. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, 2023. P. 489 – 493.

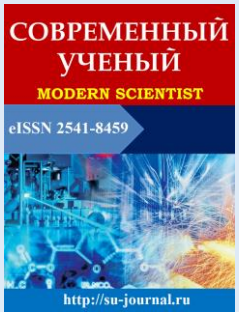
51. Shtof V.A. Modeling and Philosophy. USSR Academy of Sciences, Leningrad Department of Philosophy. Moscow; Leningrad: Nauka, Leningrad Branch, 1966. 302 p.

52. Yurkova M.A. Using Computer Modeling in Teaching Molecular Physics. Modern Problems of Physics and Mathematics Education in the Context of Digitalization: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, Saransk, March 20, 2025. Saransk: RIC MGPU, 2025. P. 51 – 57.

Информация об авторе

Клименко К.Н., аспирант, Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко

© Клименко К.Н., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.018.46:004.8
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-284-290

Количественный анализ моделей педагогического наставничества в системе профессионального образования

[1] Кохичко А.Н., [2] Муртазина С.А., [3] Симонов А.Н., [4] Аракелян А.А.

[1] Мурманский арктический университет,
[2] Казанский федеральный (Приволжский) университет,
[3] Ставропольский государственный аграрный университет,
[4] Российско-армянский университет, Армения

Аннотация: в системе профессионального образования педагогическое наставничество остается одним из наиболее востребованных способов сопровождения обучающихся. Вместе с тем сами модели наставнической работы существенно различаются по организации, интенсивности и содержанию, что требует не декларативной, а измеряемой оценки их результативности. Цель исследования состояла в количественном анализе моделей педагогического наставничества, реализуемых в организациях профессионального образования. Эмпирическая база была сформирована в 2022-2024 гг. на материале 17 организаций СПО и вузов крупных промышленных регионов Российской Федерации – Свердловской, Челябинской и Нижегородской областей. В исследование включены 340 участников: 170 наставников и 170 обучающихся. Использовались анкетирование, анализ программ наставничества и сопутствующих документов, методы описательной статистики и сравнение групп с помощью t-критерия. Основным показателем выступал уровень удовлетворенности участников действующей моделью наставничества по пятибалльной шкале; дополнительно анализировались профессиональные достижения обучающихся, а также частота и структура контактов в парах «наставник – обучающийся». Средний уровень удовлетворенности составил 4,1 балла. При этом выявлен статистически значимый разрыв в оценках: наставники воспринимали эффективность модели на 0,4-0,6 балла выше, чем обучающиеся. Наиболее высокие показатели продемонстрировала модель, ориентированная на решение конкретных ситуационных задач. Полученные данные показывают, что результативность наставничества определяется не столько формальной регулярностью встреч, сколько содержанием взаимодействия, его практической направленностью и совпадением ожиданий участников. Это позволяет рассматривать учет различий в восприятии и перенос акцента с формальных показателей на качество совместной работы как одно из ключевых условий повышения эффективности наставнических практик.
Ключевые слова: педагогическое наставничество, профессиональное образование, количественный анализ, модель наставничества, удовлетворенность, образовательная организация, методы исследования, результативность

Для цитирования: Кохичко А.Н., Муртазина С.А., Симонов А.Н., Аракелян А.А. Количественный анализ моделей педагогического наставничества в системе профессионального образования // Современный ученый. 2026. № 11. С. 284 – 290. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-284-290

Поступила в редакцию: 9 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Quantitative analysis of pedagogical mentoring models in the system of professional education

[1] Kokhichko A.N., [2] Murtazina S.A., [3] Simonov A.N., [4] Arakelyan A.A.

[1] Murmansk Arctic University,
[2] Kazan (Volga Region) Federal University,
[3] Stavropol State Agrarian University,
[4] Russian-Armenian University, Armenia

Abstract: in professional education, pedagogical mentoring remains one of the most important mechanisms for supporting students. At the same time, mentoring models differ considerably in structure, intensity, and content, which makes it necessary to evaluate their effectiveness on the basis of measurable indicators rather than general assumptions. The purpose of this study was to provide a quantitative analysis of pedagogical mentoring models implemented in vocational and higher education institutions. The empirical material was collected in 2022-2024 from 17 institutions located in major industrial regions of the Russian Federation, namely the Sverdlovsk, Chelyabinsk, and Nizhny Novgorod regions. The sample included 340 participants: 170 mentors and 170 students. The methodology combined questionnaires, analysis of mentoring programs and related documents, descriptive statistics, and group comparison using the t-test. The main indicator was participants 'satisfaction with the mentoring model measured on a five-point scale; additional attention was paid to students 'professional achievements as well as to the frequency and structure of mentor-student contacts. The mean satisfaction score reached 4.1 points. At the same time, a statistically significant perception gap was identified: mentors rated the effectiveness of the model 0.4–0.6 points higher than students. The highest results were associated with the situation-task-oriented model. The findings suggest that mentoring effectiveness depends less on the formal frequency of meetings than on the substance of interaction, its practical focus, and the extent to which participants ' expectations coincide. Therefore, a shift from formal indicators to the quality of joint work, together with attention to differences in perception between mentors and students, appears to be essential for improving mentoring practices.

Keywords: pedagogical mentoring, professional education, quantitative analysis, mentoring model, satisfaction, educational organization, research methods, effectiveness

For citation: Kokhichko A.N., Murtazina S.A., Simonov A.N., Arakelyan A.A. Quantitative analysis of pedagogical mentoring models in the system of professional education. Modern Scientist. 2026. 11. P. 284 – 290. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-284-290

The article was submitted: June 9, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Система профессионального образования сегодня развивается в условиях высокой технологической динамики и постоянного обновления требований к выпускнику. Для колледжей и вузов это означает не только необходимость корректировать содержание подготовки, но и искать рабочие формы сопровождения обучающихся, помогающие быстрее осваивать профессиональную роль. В этой логике педагогическое наставничество рассматривается как один из наиболее действенных инструментов поддержки, особенно там, где учебный процесс тесно связан с практикой и ранним вхождением в профессиональную среду.

Вместе с тем реальная практика наставничества в организациях профессионального образования далеко не одинакова. В одних случаях преобладает традиционная парная модель, в других – командное, сетевое или ситуативное сопровождение. Различаются частота встреч, характер заданий, степень формализации контактов, участие администрации и работодателей. Поэтому вопрос об эффективности наставничества не может решаться в общем виде: он напрямую связан с тем, какая именно модель реализуется и в каком организационном контексте она работает [2].

Современная литература подтверждает устойчивый интерес к наставничеству как к механизму адаптации, профессионального становления и передачи опыта [6]. Исследователи подробно описывают структурные компоненты наставнических моделей [3], условия их внедрения, а также потенциал сетевого и

корпоративного взаимодействия [2, 7]. Однако при всей насыщенности теоретических разработок количественные сопоставления разных моделей по единым критериям пока представлены ограниченно. На практике это приводит к ситуации, когда образовательные организации внедряют наставнические программы, не располагая достаточно надежными данными о том, какие параметры действительно обеспечивают результат.

Особенно заметен этот дефицит в системе СПО и прикладной подготовки, где значение наставника выходит далеко за рамки консультативной функции. Здесь он нередко становится посредником между учебной логикой и производственной реальностью, помогает обучающемуся соотнести требования программы с ожиданиями работодателя, выстроить индивидуальную траекторию профессионального роста. Если такая работа организована формально, наставничество быстро превращается в набор отчетных процедур. Если же взаимодействие строится вокруг конкретных профессиональных задач, его эффект проявляется значительно отчетливее.

Материалы, собранные нами в 17 организациях СПО и вузов Свердловской, Челябинской и Нижегородской областей в 2022-2024 гг., показали существенный разброс в практиках сопровождения обучающихся. Встречались как устойчивые программы с заранее определенной структурой, так и гибкие модели, где основная нагрузка приходилась на решение возникающих в учебной и производственной деятельности ситуаций. Такая неоднородность делает особенно важным переход от общих оценок пользы наставничества к сопоставлению измеримых показателей его эффективности.

Актуальность исследования определяется сразу несколькими обстоятельствами. Во-первых, наставничество все чаще рассматривается как ресурс развития кадрового потенциала образовательной системы, что находит отражение в современных управленческих и методических инициативах [1]. Во-вторых, сами организации профессионального образования заинтересованы в инструментах, позволяющих сравнивать разные форматы наставнической работы не интуитивно, а на основе данных. В-третьих, цифровизация образовательной среды меняет характер контактов между наставником и обучающимся, включая в наставнический процесс дистанционные и гибридные форматы взаимодействия, которые также требуют оценки [8].

Цель исследования состоит в количественном анализе и сравнительной оценке моделей педагогического наставничества, реализуемых в организациях профессионального образования. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: провести анкетирование и анализ документов в 17 организациях СПО и вузов; определить основные модели наставничества на основании их организационных и содержательных признаков; установить уровень удовлетворенности наставников и обучающихся реализуемыми моделями; проанализировать связь между типом модели, частотой контактов и профессиональными достижениями обучающихся с использованием методов описательной статистики и t-критерия. Рабочая гипотеза заключалась в том, что более высокие результаты будут демонстрировать модели, в которых взаимодействие строится регулярно, но не формально, а вокруг четко обозначенных профессиональных задач. Научная новизна работы связана с прямым сопоставлением нескольких моделей наставничества в едином исследовательском поле при одновременном учете оценок обеих сторон педагогического взаимодействия.

Материалы и методы исследований

Эмпирическая база исследования формировалась целенаправленно. В выборку включались те организации, где наставнические практики были не просто задекларированы, а реально использовались в работе с обучающимися. Такой подход позволил анализировать не формальные положения, а действующие модели педагогического сопровождения.

Общая выборка составила 340 человек и была распределена поровну между двумя группами: 170 наставников и 170 обучающихся. В группу наставников вошли преподаватели и мастера производственного обучения; в группу обучающихся – студенты и слушатели программ профессионального образования. Исследование проводилось в 17 организациях СПО и вузов, расположенных в Свердловской, Челябинской и Нижегородской областях. Сбор материала осуществлялся в 2022-2024 гг. Такой дизайн дал возможность сопоставить оценки участников, занимающих разные позиции в одной и той же системе взаимодействия.

Основным методом получения первичных данных стало анкетирование. Для обеих групп была разработана единая по логике анкета, включавшая блоки вопросов об удовлетворенности действующей моделью наставничества, характере и интенсивности контактов, а также о субъективной полезности совместной работы. Базовым количественным показателем выступал уровень удовлетворенности по пятибалльной шкале. Этот параметр дополнялся сведениями о профессиональных достижениях

обучающихся, которые оценивались не только по самоотчетам, но и на основании сопутствующих материалов: учебных результатов, элементов портфолио, данных промежуточной аттестации и практико-ориентированных форм контроля.

Отдельное направление работы было связано с анализом документов. Изучались программы наставничества, локальные положения, индивидуальные планы, отчетные материалы и иные документы, фиксирующие формальные рамки взаимодействия. Сопоставление нормативного контура с реальной практикой позволило выявить случаи, когда тщательно прописанная модель реализуется частично, а также ситуации, в которых действенные формы работы складываются быстрее, чем успевают быть формализованы в локальной документации.

Для статистической обработки использовались методы описательной статистики и сравнения групп. На первом этапе рассчитывались средние значения, частоты и стандартные отклонения. На втором этапе для проверки различий между оценками наставников и обучающихся применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок. Все расчеты выполнялись в пакете SPSS Statistics 26.0 с предварительной проверкой применимости параметрических процедур. Такой набор методов представляется достаточным для решения поставленных задач и соответствует распространенной практике педагогических исследований [12].

Следует учитывать и ограничения исследования. Мы фиксировали показатели в реальных условиях работы образовательных организаций, где невозможно полностью устранить влияние внешних факторов: индивидуальной мотивации участников, различий в уровне подготовки обучающихся, особенностей локальной организационной культуры. Тем не менее совмещение анкетирования, анализа документов и статистической обработки позволило получить надежный эмпирический материал для дальнейшей интерпретации.

Таблица 1

Структура выборки и применяемые методы исследования.

Table 1

Sample structure and research methods used.

Параметр	Характеристика
Общий объём выборки	340 участников
Группа наставников	170 чел. (преподаватели, мастера ПО)
Группа обучающихся	170 чел. (студенты, слушатели)
Количество организаций	17 (СПО и вузы)
Географический охват	Свердловская, Челябинская, Нижегородская области
Период сбора данных	2022-2024 гг.
Методы сбора данных	Анкетирование, анализ документов (программ наставничества)
Методы анализа данных	Описательная статистика, сравнение групп (t-критерий)

Представленная методическая схема обеспечила сбор и сопоставление эмпирических данных, необходимых для количественной оценки различных моделей педагогического наставничества и последующего анализа факторов их результативности.

Результаты и обсуждения

Полученные данные показывают, что в исследованных организациях наставничество в целом воспринимается положительно. Средний уровень удовлетворенности реализуемыми моделями составил 4,1 балла по пятибалльной шкале. Для системы, в которой организационные решения заметно различаются от учреждения к учреждению, это достаточно высокий показатель. Вместе с тем усредненная оценка не должна скрывать внутренних различий, поскольку именно они позволяют понять реальные механизмы эффективности.

Наиболее заметным результатом стало статистически значимое расхождение между позициями наставников и обучающихся. Наставники оценивали эффективность действующих моделей в среднем на уровне 4,3 балла, тогда как обучающиеся – на уровне 3,9 балла. Разрыв в 0,4-0,6 балла нельзя считать случайным. Он указывает на различие в ожиданиях, критериях полезности и, возможно, в самом понимании целей наставничества. Для наставника участие в такой работе нередко связано с профессиональной миссией, передачей опыта и ответственностью за результат. Для обучающегося же значимость наставничества определяется прежде всего тем, насколько конкретную помощь он получает здесь и сейчас.

Анализ структуры контактов показал, что формальная частота встреч сама по себе не обеспечивает более высоких оценок. Пары, взаимодействовавшие регулярно, но преимущественно в режиме отчетных или формально-организационных контактов, не демонстрировали заметного роста удовлетворенности. Напротив, более высокие показатели фиксировались там, где совместная работа была сосредоточена на разборе конкретных кейсов, учебно-производственных задач, подготовке к демонстрационным экзаменам или проектной деятельности. Иначе говоря, содержательное наполнение наставнического контакта оказалось важнее его календарной регулярности.

С этой точки зрения наиболее продуктивной показала себя ситуационно-задачная модель наставничества. Она получила высокие оценки от обеих групп участников и продемонстрировала наиболее устойчивую связь с профессиональными достижениями обучающихся. Вероятно, ее преимущество объясняется тем, что она позволяет сразу соотнести наставническую поддержку с решением профессионально значимой задачи. Для обучающегося такая форма взаимодействия выглядит не абстрактной, а практически полезной; для наставника она создает ясное поле приложения опыта и делает результат видимым.

Материалы документального анализа подтверждают этот вывод. В организациях, где наставничество было чрезмерно зарегламентировано и сводилось к выполнению фиксированного набора процедур, участники чаще воспринимали его как обязательный, но не всегда продуктивный элемент образовательного процесса. Напротив, в тех случаях, когда локальные документы задавали общую рамку, а конкретное содержание взаимодействия определялось реальными учебными и профессиональными задачами, удовлетворенность и оценки результативности были выше. Следовательно, эффективность наставнической модели определяется не только ее формальной архитектурой, но и степенью свободы для содержательной адаптации.

Для образовательной организации из этого следует важный практический вывод. При проектировании наставнических программ недостаточно ориентироваться на число встреч, наличие отчетных форм или закрепление участников в парах. Куда важнее обеспечить такую организацию взаимодействия, при которой наставник и обучающийся работают с материалом, имеющим для них профессиональный смысл. Именно этот параметр, судя по полученным данным, выступает главным условием устойчивого положительного эффекта.

Таблица 2

Сравнительные показатели оценки моделей наставничества.

Table 2

Comparative indicators for evaluating mentoring models.

Показатель	Наставники	Обучающиеся	Комментарий
Средняя удовлетво-ренность моделью наставничества	4,3	3,9	Разрыв оценок статистически значим; общий средний показатель по выборке – 4,1 балла
Разница в восприятии эффективности	—	—	Наставники оценивают эффективность на 0,4-0,6 балла выше, чем обучающиеся
Связь частоты встреч с удовлетворенностью	Слабая прямая связь	Слабая прямая связь	Формальная регулярность контактов не обеспечивает автоматически более высоких оценок
Работа с конкретными кейсами и проектами	Высокая оценка	Высокая оценка	Содержательное взаимодействие связано с ростом удовлетворенности и профессиональных достижений
Наиболее результа-тивная модель	Ситуационн о-задачная	Ситуационно-задачная	Модель получила наиболее устойчиво высокие оценки у обеих групп участников

Выводы

Сопоставление количественных и документальных данных позволяет сделать вывод о том, что качественная сторона наставнического взаимодействия обладает большей объяснительной силой, чем формальные показатели его интенсивности. Для системы профессионального образования это означает необходимость переориентации управленческой логики: от контроля за внешними параметрами - к проектированию содержательно насыщенных моделей, встроенных в решение реальных профессиональных задач.

Список источников

1. Ладилова Н.А. Изучение применения цифровых ресурсов в наставнической деятельности российских образовательных организаций // Ценности и смыслы. 2024. № 2 (90). С. 125 – 140.

2. Милькевич О.А. Проектирование сетевой модели наставничества в Московской области // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-3. С. 239 – 242.

3. Мубаракшина Л.Р. Структурно-содержательная модель формирования универсальных компетенций молодого педагога в условиях командного наставничества // Северный регион: наука, образование, культура. 2026. Т. 27. № 1. С. 53 – 60.

4. Шкуров А.Ю. Наставничество в государственно-общественном управлении образовательной организации: традиции или современные тренды // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1. С. 1 – 14.

5. Сошенко И.И. Роль наставничества в диффузии социальных инноваций в сфере образования // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2022. № 2 (42). С. 83 – 91.

6. Михайлов А.В., Кубаева Т.Н. Роль наставничества в становлении молодого педагога // Мировая наука. 2025. № 8 (101). С. 123 – 129.

7. Орлова С.П., Ткаченко Е.В. Педагогическая модель ситуационного корпоративного наставничества в среде индустриальных экспертов как фактор успешной сдачи демонстрационного экзамена // Качество профессионального образования и демонстрационный экзамен: опыт и сценарии развития: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2025. С. 401 – 402.

8. Ладилова Н.А. Исследование опыта внедрения системы (целевой модели) наставничества педагогических работников в практику наставнической деятельности российских образовательных организаций // Отечественная и зарубежная педагогика. 2024. Т. 1. № 2 (98). С. 109 – 124.

9. Коликова Е.Г. Создание в образовательной организации предметно-развивающей среды через двухуровневую систему наставничества // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2017. № 4 (33). С. 57 – 63.

10. Середа Е.В, Колечкин И.С. Дифференциация явлений «межпредметная тема», «межпредметный урок» и «урок-интеграция (интегративный урок)» (на примере дисциплины «Страноведение») // Современное профессиональное образование. 2025. № 6. С. 37 – 40.

11. Середа Е.В. Реализация персуазивного потенциала сентиметивных частей речи в публицистическом и художественном тексте // Современное педагогическое образование. 2024. № 1. С. 412 – 415.

12. Осадчая О.С. Применение современных цифровых маркетинговых инструментов для управления поведением потребителей онлайн-услуг дополнительного профессионального образования // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2023. № 2 (106). С. 27 – 37.

13. Купцова С.А. Психологические основы здоровьесбережения в современной системе образования // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 1. С. 94 – 99.

14. Осадчая О.С. Интеграция стратегий маркетинг 5.0 и Web 3.0 в управление потребительским поведением онлайн-рынка дополнительного профессионального образования // Фундаментальные исследования. 2024. № 3. С. 77 – 82. DOI: 10.17513/fr.43585

15. Троицкая Т.С. Философско-педагогическая рефлексия социальных перемен: вызов науке, обучению и воспитанию // Приоритетные направления развития высшего образования в Российской Федерации: коллективная монография. Ульяновск, 2023. С. 17 – 28.

16. Бородина М.А. Особенности обучения древним языкам в современном профессиональном образовании // Современное педагогическое образование. 2025. № 4. С. 167 – 173.

17. Троицкая Е.М. Диалог как методологический конструкт и механизм гармонизации культурно-образовательного пространства // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 11-1. С. 26 – 36.

References

1. Ladilova N.A. Studying the Application of Digital Resources in Mentoring Activities of Russian Educational Organizations. Values and Meanings. 2024. No. 2 (90). P. 125 – 140.

2. Milkevich O.A. Designing a Network Model of Mentoring in the Moscow Region. Problems of Modern Pedagogical Education. 2021. No. 72-3. P. 239 – 242.

3. Mubarakshina L.R. Structural and Content-Based Model of Forming Universal Competencies of Young Teachers in the Context of Team Mentoring. Northern Region: Science, Education, Culture. 2026. Vol. 27. No. 1. P. 53 – 60.

4. Shkurov A.Yu. Mentoring in State and Public Management of Educational Organizations: Traditions or Modern Trends. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2025. Vol. 13. No. 1. P. 1 – 14.

5. Soshenko I.I. The Role of Mentoring in the Diffusion of Social Innovations in Education. Pedagogical Review. 2022. No. 2 (42). P. 83 – 91.

6. Mikhailov A.V., Kubaeva T.N. The Role of Mentoring in the Development of Young Teachers. World Science. 2025. No. 8 (101). P. 123 – 129.

7. Orlova S.P., Tkachenko E.V. A Pedagogical Model of Situational Corporate Mentoring Among Industrial Experts as a Factor in Successful Passing of the Demonstration Exam. The Quality of Professional Education and the Demonstration Exam: Experience and Development Scenarios: Collection of Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. 2025. P. 401 – 402.

8. Ladilova N.A. A Study of the Experience of Implementing the System (Target Model) of Mentoring of Teaching Staff in the Practice of Mentoring Activities in Russian Educational Organizations. Domestic and Foreign Pedagogy. 2024. Vol. 1, No. 2 (98). P. 109 – 124.

9. Kolikova E.G. Creation of a Subject-Developing Environment in an Educational Organization Through a Two-Level Mentoring System. Scientific Support for the System of Advanced Training of Personnel. 2017. No. 4 (33). P. 57 – 63.

10. Sereda E.V., Kolechkin I.S. Differentiation of the phenomena “interdisciplinary topic”, “interdisciplinary lesson” and “integration lesson (integrative lesson)” (on the example of the discipline “Regional Studies”). Modern professional education. 2025. No. 6. P. 37 – 40.

11. Sereda E.V. Realization of the persuasive potential of sentimental parts of speech in journalistic and fiction texts. Modern pedagogical education. 2024. No. 1. P. 412 – 415.

12. Osadchaya O.S. Application of modern digital marketing tools for managing the behavior of consumers of online services of continuing professional education. Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management. 2023. No. 2 (106). P. 27 – 37.

13. Kuptsova S.A. Psychological Foundations of Health Preservation in the Modern Education System. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2017. No. 1. P. 94 – 99.

14. Osadchaya O.S. Integration of Marketing 5.0 and Web 3.0 Strategies in Managing Consumer Behavior of the Online Market of Continuing Professional Education. Fundamental Research. 2024. No. 3. P. 77 – 82. DOI: 10.17513/fr.43585

15. Troitskaya T.S. Philosophical and Pedagogical Reflection of Social Changes: A Challenge to Science, Training and Upbringing. Priority Directions for the Development of Higher Education in the Russian Federation: A Collective Monograph. Ulyanovsk, 2023. P. 17 – 28.

16. Borodina M.A. Features of Teaching Ancient Languages in Modern Professional Education. Modern Pedagogical Education. 2025. No. 4. P. 167 – 173.

17. Troitskaya E.M. Dialogue as a Methodological Construct and Mechanism for Harmonizing the Cultural and Educational Space. Pedagogical Journal. 2023. Vol. 13. No. 11-1. P. 26 – 36.

Информация об авторах

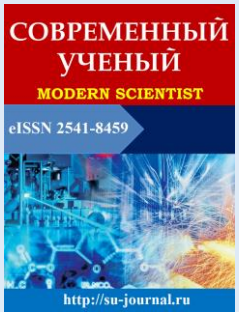
Кохичко А.Н., доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой, Мурманский арктический университет, andrey_kokhichko@mail.ru

Муртазина С.А., кандидат педагогических наук, доцент, Казанский федеральный (Приволжский) университет, sweta_albertovna@mail.ru

Симонов А.Н., кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Ставропольский государственный аграрный университет, simalnik@yandex.ru

Аракелян А.А., аспирант, Российско-армянский университет, Армения, artur@impulse-lms.com

© Кохичко А.Н., Муртазина С.А., Симонов А.Н., Аракелян А.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 796.011
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-291-298

Исследование организации тренировочной деятельности студентов технических вузов по академической гребле

[1] Антипина Ю.В.

[1] *Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения*

Аннотация: в проведенном исследовании организации тренировочной деятельности студентов, занимающихся академической греблей, было произведено изучение опыта работы со студенческими командами, проанализированы существующие методики физической подготовки и предложены рациональные подходы к планированию тренировочных нагрузок с учетом уровня физической подготовленности студентов технического вуза. Работа обоснована необходимостью поиска оптимальных путей развития физических качеств студентов-гребцов, привлечения к занятиям греблей, совершенствования техники и достижения стабильных спортивных результатов в виду высокого уровня гиподинамии среди молодежи. В работе детально рассмотрены вопросы периодизации тренировочного процесса, распределения акцентов в развитии физических качеств в разные сезоны, соотношения объемов скоростных тренировок и общефизической подготовки. Особое внимание уделено роли соревнований по гребле-индор как мотивационного фактора и средства контроля эффективности подготовки, а также значению общефизической подготовки для профилактики травматизма и гармоничного развития организма гребцов. Результаты исследования продемонстрировали, что систематическая работа со студентами-гребцами способствует не только росту спортивных достижений, но и формированию устойчивой мотивации к физической активности. Поэтапное распределение тренировочных нагрузок, сочетание специализированной подготовки с комплексной общефизической подготовкой и регулярный контроль промежуточных результатов обеспечили планомерное развитие функциональных возможностей организма и надежную профилактику патологических изменений опорно-двигательного аппарата.

Ключевые слова: студенческий спорт, академическая гребля, секция, технический вуз, планирование, физическая подготовка

Для цитирования: Антипина Ю.В. Исследование организации тренировочной деятельности студентов технических вузов по академической гребле // Современный ученый. 2026. № 11. С. 291 – 298. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-291-298

Поступила в редакцию: 10 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The research of the organization of training activities of students of technical universities in rowing

[1] Antipina Yu.V.

[1] Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: in the conducted research of the organization of training activities of students engaged in academic rowing, the experience of working with student teams was studied, existing methods of physical training were analyzed and rational approaches to planning training loads were proposed, taking into account the level of physical fitness of technical university students. The work is justified by the need to find optimal ways to develop the physical qualities of rowing students, involve them in rowing, improve their technique and achieve stable athletic results due to the high level of physical inactivity among young people. The paper considers in detail the issues of periodization of the training process, the distribution of accents in the development of physical qualities in different seasons, the ratio of the volume of speed training and general physical training. Special attention is paid to the role of indore rowing competitions as a motivational factor and a means of monitoring the effectiveness of training, as well as the importance of general physical training for injury prevention and the harmonious development of the body of rowers. The results of the study demonstrated that systematic work with rowing students contributes not only to the growth of athletic achievements, but also to the formation of sustainable motivation for physical activity. The step-by-step distribution of training loads, the combination of specialized training with comprehensive general physical training and regular monitoring of intermediate results ensured the systematic development of the body's functional capabilities and reliable prevention of pathological changes in the musculoskeletal system.
Keywords: student sports, rowing, section, technical university, planning, physical training

For citation: Antipina Yu.V. The research of the organization of training activities of students of technical universities in rowing. Modern Scientist. 2026. 11. P. 291 – 298. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-291-298

The article was submitted: June 10, 2026; Approved after reviewing: July 6, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В настоящих условиях всеобщей автоматизации, цифровизации всех областей жизнедеятельности и возникшем на этом фоне снижением физической активности среди молодежи, актуализация задач по привлечению к занятиям физической подготовкой, формированию мотивации к занятиям спортом студентов и развитию не только физических качеств, но и профессионально значимых показателей личности особое значение приобретают разработки направлений физкультурно-спортивной деятельности вуза. Появление и широкое распространение, в виду доступности, специализированных интерактивных тренажеров с полноценной имитацией академической гребли представляет собой развитие технологической составляющей гребного спорта, позволяющее существенно увеличить возможности по привлечению молодежи к данному виду спорта. Академическая гребля, сочетающая интенсивную физическую нагрузку с развитием навыков командной работы, стрессоустойчивости и аналитического мышления, в рамках занятий как в сборной, так и в секции вуза является одним из перспективных вариантов по улучшению, развитию физической подготовки и качеств. Применение современных технологий в виде онлайн тренировок индивидуальных и групповых, индор-соревнований выступают ведущими факторами мотивации студентов к занятиям данным видом спорта.

Устойчивая положительная динамика роста занимающихся показывает, что в Москве количество студенческих клубов гребли-индор увеличилось с 8 до 22, при этом численность занимающихся возросла на 40% – с 350 до 490 человек в период 2020-2025 гг. В Санкт-Петербурге в рамках программы «Спорт в инженерном образовании» 65% вузов включили греблю-индор в учебные планы, а ежегодные студенческие соревнования в 2024 году собрали свыше 1000 участников [8]. Примером развития и применения гребли в рамках физической подготовки выступает Томский университет систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). В вузе сформирована комплексная система гребной подготовки: создана кафедра спортивного совершенствования с включением академической гребли в официальный учебный план (первый подобный опыт в России), разработана система отбора студентов для занятий академической греблей на основании

клинико-лабораторных и функциональных параметров, налажено научно-практическое взаимодействие с НИИ онкологии в области биохимического мониторинга состояния спортсменов, организованы регулярные студенческие соревнования, включая Чемпионат и Кубок университетов по гребле-индор [13].

Активную позицию в популяризации академической гребли среди студентов выполняет «Российский спортивный студенческий союз» (РССС), при поддержке которого функционирует «Студенческая гребная лига» (СЛГ), объединяющая 36 вузов из 11 городов страны [1]. В Санкт-Петербургском университете аэрокосмического приборостроения при поддержке Федерации академической гребли и Студенческой гребной лиги тренируется и выступает на соревнованиях команда «Морские дьяволы».

В связи с ростом популяризации спорта с одной стороны от занимающихся соответственно с каждым годом требуется все более высокий уровень спортивной подготовки, с другой стороны, достигнуть необходимого развития физических качеств возможно только в условиях многолетнего, круглогодичного и тщательно спланированного процесса тренировки, разработанного тренерами и педагогами с учетом как индивидуальных особенностей студентов-спортсменов, так и изучения передового опыта, моделирования организации подготовки. Систематическая работа со студентами-гребцами является наиболее перспективной для прививания мотивации к занятиям физической активностью в принципе, а также возможным вариантом подготовки смены мастерам спорта и для дальнейшего повышения спортивных результатов.

Научно-исследовательские работы по планированию подготовки гребцов отмечают, что большинство вопросов подготовки гребцов-академистов проводились достаточно давно. Егоренко Е.А. в своей работе таже отмечает различный подход к организации направлений подготовки: «В вопросе оптимального содержания отдельных сторон подготовки начинающего спортсмена одни специалисты указывают на необходимость уже на первом году занятий добиваться четкого выполнения отдельных элементов техники, соблюдая правильную форму движений, другие придерживаются иного мнения и связывают эффективность начальной подготовки не с правильностью формы движений, а с количеством приобретенных самых разнообразных двигательных умений и навыков, с развитием физических способностей» [7].

В работе Адриановой Е.И., Рось А.Ю. и Федотовой Г.А. так же отмечается снижение уровня планирования подготовительного процесса, приводящее к снижению спортивных результатов, а также большой разброс в методиках организации тренировочного процесса в виду малочисленности научных изысканий по данному вопросу [5].

Одним из примером рационализации планирования физической подготовки является работа Алтынцева А.Г., где в виду высокотехнологичности академической гребли как вида спорта, требующего у занимающихся хорошей общей физической подготовки, координации, силовых качеств, выносливости и быстроты, автор предлагает использовать в подготовке студентов-спортсменов биологически обоснованную систему спортивной тренировки (БОССТ). При организации тренировок по такой системе был учтен календарный план соревнований и особенности обучения студентов [2].

Е.А. Ткачева в своей работе по разработке блочно-модульному проектированию физической подготовки гребцов отмечает, что «нынешняя система физической подготовки гребцов-академистов основана на давно утвердившихся методах и принципах с акцентом на развитии общей и специальной выносливости, силовых качеств, координации и техники движений», тогда как необходимо учитывать изменившиеся условия и предоставление новых возможностей по соревнованиям в зимний период [11].

Анализ соревнований различных уровней юношей и взрослых показывает, что команды, часто добивающиеся хороших результатов в юношеском возрасте, при переходе в разряд взрослых еще в течение двух-трех лет продолжают отставать по своим достижениям от мастеров, особенно в восьмерках и в парной гребле. Можно предполагать, что такое положение является следствием либо недостаточно совершенной техники, либо неправильной методики тренировки юношей.

Главным образом в процессе подготовки студентов-спортсменов и студентов технических вузов, занимающихся греблей в секции, необходимо учитывать, что студенты не являются профессиональными спортсменами, многие из них не занимались в спортивных школах и, соответственно, их уровень физической подготовленности находится ниже, также студенты не имеют возможности тренироваться в больших объемах. В ходе нашей исследовательской работы, анализ научных публикаций, наблюдения и опрос тренеров студенческих сборных неспортивных вузов показали, что проявление основных физических качеств быстроты, силы и выносливости студентов-гребцов связано как с возрастными особенностями, так и с отсутствием заложенных в детско-юношеском возрасте основ физической подготовки [3,4,6,7,10,12]. При этом влияние того или иного характера нагрузки в каждой возрастной группе сказывается по-разному. Как известно, у юношей 16-19 лет в большинстве случаев наблюдается отставание в развитии качества выносливости. Юноши значительно легче переносят кратковременные, разнообразные и эмоциональные нагруз-

ки, несколько уступающие по своему объему нагрузкам взрослых спортсменов. Но пиковые результаты спортивной карьеры гребцов, согласно статистическим данным, приходятся на возрастной период 23-25 лет для юношей и 21-24 для девушек [7,9].

Материалы и методы исследований

В исследовании анализировался опыт работы восьмерок. Для изучения были выбраны 8 студенческих команд технических вузов, разбитых на две однородные группы. Тренировка первой группы команд отличалась увеличенным объемом скоростной работы, прохождением большого количества коротких отрезков до 250 м. Вторая группа тренировалась по общепринятой методике работы со взрослыми.

Результаты определялись на основании педагогических наблюдений, видеосъемки, испытаний по нормативам общей и специальной физической подготовки, по спортивным результатам и по наблюдениям во время соревнований (фиксировалось время по 500-метровым отрезкам). В выполнении контрольных нормативов и по спортивным достижениям лучших результатов добились гребцы первой группы. Восьмерка этой группы заняла на первенстве города первое, а во юношеских соревнованиях – второе место, другая соответственно – второе и третье места.

В ходе наблюдений шесть из восьми команд первой группы получили право участвовать юношеском первенстве, на котором три команды заняли призовые и одна – четвертое место. Из семи команд второй группы в этих соревнованиях участвовали только две команды.

Результаты и обсуждения

Исходя из проведенных наблюдений и исследований, можно дать следующие рекомендации по тренировке команд юношей. В подготовительном периоде тренировки основной целью является развитие физических качеств у студентов-гребцов, а при наличии зимнего гребного бассейна – изучение и совершенствование техники гребли. На зимнем этапе подготовительного периода основным направлением в работе должно быть преимущественное развитие силы и выносливости, на весеннем – быстроты и выносливости. Указанная последовательность не исключает, а предполагает также параллельное развитие на всех этапах и других качеств. Развитие за последние годы формата соревнований гребли-индор, проводящегося в зимний период, существенно повлияло на процесс физической подготовки в межсезонье. Поэтому возможно моделирование процесса подготовки в зимний период таки образом, чтобы тренировочный план соответствовал этапам зимних индор-соревнований.

В отличие от существующей практики, по нашему мнению, следует больше обращать внимание: а) на разнообразие применяемых средств тренировки при меньшем количестве их повторений, б) на упражнения, способствующие развитию умения чередовать напряжения и расслабления и в) на эмоциональность проводимых занятий при постепенном волнообразном повышении тренировочных нагрузок.

В основном периоде в целях достижения более высоких и стабильных результатов занятия с командами студентов юношеского возраста, направленные на развитие выносливости и скоростной выносливости, должны быть заменены занятиями, главная цель которых преимущественное развитие быстроты и скоростной выносливости, результативность развития которых можно отслеживать по контрольным стартам на соревнованиях по индор-гребле. Кроме того, большее внимание нужно уделять средствам общефизической подготовки. Последнее не вызывает возражений ни у кого из тренеров, так как при обследовании участников всесоюзного первенства, имеющих стаж от двух лет, было установлено, что у юных гребцов, много работающих только на одной стороне в распашных лодках, наблюдаются искривления позвоночника в его грудном и поясничном отделах. Поэтому с первых же дней занятий на воде нужно серьезное внимание уделять общей физической подготовке. Специальные уроки по общей физической подготовке следует проводить не реже одного раза в неделю, а упражнения общеразвивающего характера включать в разминку перед каждым выходом на воду. После гребли необходимо широко использовать упражнения на расслабление, на растягивание, а также корригирующие упражнения для сохранения правильной осанки. С этой же целью можно проводить отдельные тренировки на парном весле и на противоположной стороне для гребцов распашных лодок.

Для восстановления техники и дальнейшего ее совершенствования в апреле команды должны иметь двух-трехнедельный период «вкатывания». Занятия проводятся в учебной или тренировочной лодке. Гребля носит по преимуществу равномерный характер средней и ниже-средней интенсивности с прохождением 8-10 км в одно занятие с большим числом остановок для исправления ошибок.

С мая можно рекомендовать следующие варианты недельного цикла со следующей направленностью тренировок:

Таблица 1

Варианты недельного цикла тренировок по академической гребля для студентов в весенне-летний мезоциклы.

Table 1

Options for a weekly cycle of academic rowing coaching sessions for students in the spring and summer mesocycles.

Дни недели	Май	Июнь	Июль-август
1	Быстрота	Быстрота	Быстрота
2	отдых	отдых	Скоростная выносливость
3	Выносливость	Общая физическая подготовка	Общая физическая подготовка
4	отдых		отдых
5	Общая физическая подготовка	Быстрота	Быстрота
6	Быстрота	Скоростная выносливость	Скоростная выносливость
7	отдых	отдых	отдых

В конце апреля – начале мая, с приближением сроков соревнований, начинают проводиться скоростные тренировки. Длительные тренировки в равномерном темпе заменяются переменными с включением отрезков до 500 м, проходимых в темпе выше среднего. Далее команды приступают к работе над развитием качества быстроты на отрезках от 50 до 200 м, проходимых с ходу. Интервалы отдыха заполняются спокойной греблей до восстановления относительно нормального дыхания. Общая сумма отрезков, проходимых с высокой скоростью, составляет 50-80%гоночной дистанции предстоящих соревнований. Общий километраж такой тренировки до 7-10 км.

Содержание занятий по общей физической подготовке в мае направлено на развитие качества быстроты и скоростной выносливости.

В скоростных тренировках в начале занятий 30-40 минут уделяется совершенствованию техники гребли. В тренировках на выносливость (до 15-20 км) работа над техникой проводится в процессе всего занятия. Ускорения с ходу вначале следует выполнять только путем увеличения силы проводки небольшими сериями по 5-10-15 гребков с обязательным сохранением длины проводки.

В июне общая сумма отрезков, проходимых для развития быстроты, доводится до соревновательной дистанции. Для развития скоростной выносливости применяются отрезки длиной 250 м и более. Сумма этих отрезков может составлять до 140-150% дистанции. В течение тренировки команда проходит 9-12 км. В конце месяца вводятся контрольные прохождения части или всей дистанции. Занятия по общей физической подготовке направлены на развитие скоростной выносливости. Участие команд в промежуточных соревнованиях расценивается как контрольное прохождение дистанции в усложненных условиях.

В июне, как правило, команды участвуют в первых ответственных соревнованиях, после чего содержание тренировок меняется исходя из задач дальнейшей подготовки и степени развития качеств быстроты и скоростной выносливости. Средства общей физической подготовки на этом этапе призваны поддержать тренированность гребцов и обеспечить активный отдых.

Для определения степени развития тех или иных качеств в июне проводятся контрольные нормативы по общей физической подготовке, прикидки на отрезках дистанции в 100 и 500 м для выявления «запаса скорости», а также фиксации времени по 500-метровым отрезкам в соревнованиях. «Запас скорости», т. е., превышение времени прохождения 100 м по сравнению со скорости показаний на 500 м в июне, должен составлять не менее 8%.

Объем скоростных тренировок в периоде составляет 20-25% от общего километража, пройденного командой за сезон. В зависимости от подготовленности гребцов этот процент может составлять в мае 12-17%, в июне – 17-25%, а в июле-августе – 25-30%.

Выводы

Исследование организации тренировочной деятельности юношей старшего возраста по академической гребле показало, что рациональными вариантом планирования тренировочных нагрузок для студентов технического вуза является применение структуры учебно-тренировочного процесса, базирующейся на сочетании совершенствования техники гребли и комплексной общефизической подготовки. Обоснованность выделения времени на ОФП связано, во-первых, с начальным уровнем физической подготовленности большинства студентов, который не соответствует требованиям специализированной гребной деятельности, что обуславливает необходимость всестороннего развития физических качеств. Во-вторых, сама дисциплина требует высокого уровня развития комплекса физических качеств, а также работа с общефизическими упражнениями способствует формированию разнообразных двигательных навыков на фоне работы систем организма – нервной, дыхательной, сердечно-сосудистой и других. В-третьих, существует специфика гребного спорта, связанная с асимметричной нагрузкой при работе в распашных лодках, создает риск развития патологических изменений опорно-двигательного аппарата, который может быть минимизирован за счет сбалансированной ОФП. Такой подход обеспечивает не только совершенствование специализированных двигательных навыков, но и гармоничное развитие функциональных возможностей организма в целом. Эмпирические данные подтвердили эффективность предложенной модели тренировочного процесса. Поэтапное распределение акцентов в развитии физических качеств – с приоритетом силы и выносливости в зимний период и смещением фокуса на быстроту и выносливость весной – продемонстрировало устойчивую положительную динамику спортивных результатов. Ключевую роль сыграло систематическое включение занятий ОФП (не реже одного раза в неделю) в сочетании с обязательным выполнением общеразвивающих упражнений в рамках разминки перед каждой тренировкой на воде.

Важным элементом контроля эффективности подготовки стало регулярное проведение контрольных испытаний: нормативов по ОФП (в июне) и прикидок на отрезках дистанции для оценки «запаса скорости». Оптимальное соотношение объемов скоростных тренировок (20-25 % от общего километража за сезон) с постепенным увеличением к летнему периоду (май – 12-17 %, июнь – 17-25 %, июль-август – 25-30 %) обеспечило планомерный рост специальной работоспособности. Особым фактором круглогодичной тренировочной деятельности являются соревнования по гребле-индор, выступающие как контрольные испытания и мотивационная составляющая к занятиям в течении всего года. Предложенный вариант научно обоснованного сочетания специализированной подготовки с комплексной ОФП позволяет достичь синергетического эффекта: обеспечить надежную профилактику травматизма, оптимизировать развитие функциональных резервов организма студентов-гребцов и создать устойчивую базу для стабильного роста спортивных результатов.

Список источников

1. Аганов С.С., Габов М.В., Мальцева И.В. История развития академической гребли как спортивного вида спорта // Теория и методика физической культуры, спорта и туризма: межвузовский сборник научно-методических работ / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург: Политех-Пресс. 2022. С. 251 – 254.

2. Алтынцева А.Г., Набатов А.А., Мавлиев Ф.А. и др. Планирование спортивной тренировки команды студенческой гребной лиги по модели БОССТ // Наука и спорт: современные тенденции. 2022. Т. 10. № 3. С. 37 – 46. DOI 10.36028/2308-8826-2022-10-3-37-46

3. Алтынцева А.Г., Латыпов И.К. Современные проблемы спортивной тренировки в академической гребле: теоретический анализ // Олимпийский спорт и спорт для всех: Материалы XXVI Международного научного Конгресса, Казань, 08-11 сентября 2021 года / Под общей ред. Р.Т. Бурганова. г. Казань: Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма. 2021. С. 4 – 6.

4. Алтынцев В.В., Шатунов Д.Ю. Теоретический анализ развития студенческой гребной лиги // Проблемы совершенствования физической культуры, спорта и олимпизма: материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, магистрантов, соискателей и студентов, Омск, 16-17 декабря 2021 года. Том Часть 2. Омск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет физической культуры и спорта". 2022. С. 75 – 80.

5. Андрианова Е.И., Рось А.Ю., Федотова Г.А. Воспитание специальной выносливости в академической гребле: методический аспект тренировочного процесса // Общество, педагогика, психология: актуальные исследования: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 01 октября 2021 года. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. С. 256 – 261.

6. Вяльцева Е.Д., Кузнецов И.В., Шестаков Ф.Ф. Динамика изменений в гребном спорте // Культура физическая и здоровье. 2024. № 4(92). С. 281-285. DOI 10.47438/1999-3455_2024_4_281

7. Двойникова Ю.В. Решение задач формирования здорового образа жизни студентов культивацией отдельных видов спорта (на примере академической гребли) // Организация работы с молодежью. 2023. № 1. С. 15 – 20.

8. Егоренко Л.А., Андреева Л.Я. Исследование системы физической подготовки юношей-новичков (13-15 лет) в академической гребле в годичном цикле подготовки // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2006. № 20. С. 12 – 17.

9. Крылов Д.М. Перспективы развития академической гребли для студенческой молодёжи технических вузов // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2025. № 3 (111). С. 28 – 30.

10. Мовчанова М.Д., Енченко И.В. Анализ участия гребцов-любителей в Большой Московской Регате-2024 // Физическая культура и спорт: проблемы и перспективы: Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Сургут, 29-30 ноября 2024 года. Сургут: Сургутский государственный университет. 2025. С. 210 – 215.

11. Ткачева Е.А. Методика блочно-модульного проектирования физической подготовки в академической гребле // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя С. Псіхолага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методыка. 2025. № 1 (65). С. 67 – 71.

12. Черненко В.В., Комачева О.А. Особенности тренировочного процесса студенческой восьмерки в академической гребле // Дети. Спорт. Здоровье : межрегиональный сборник научных трудов по проблемам интегративной и спортивной антропологии, посвященный памяти доктора медицинских наук, профессора Ратмира Николаевича Дорохова, Смоленск, 25 апреля 2025 года. Вып. 21. Смоленск: Смоленский государственный университет спорта, 2025. С. 229 – 233.

13. Якименко В.Н., Двойникова Ю.В., Добрынин А.С., Усынин Е.А. Академическая гребля как факультативный элемент комплексной подготовки инженерных кадров в ТУСУРе // Современное образование: интеграция образования, науки, бизнеса и власти. Приоритетные ориентиры высшего образования в России: стратегическое партнёрство и технологический суверенитет: материалы международной научно-методической конференции: в 2-х ч., Томск, 25-26 января 2024 года. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники. 2024. С. 51 – 54.

References

1. Aganov S.S., Gabov M.V., Maltseva I.V. History of the development of academic rowing as a sport. Theory and methodology of physical education, sports and tourism: interuniversity collection of scientific and methodological works. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University. St. Petersburg: Polytech-Press. 2022. P. 251 – 254.

2. Altyntseva A.G., Nabatov A.A., Mavliev F.A. et al. Planning sports training for a student rowing league team using the BOSST model. Science and Sport: Current Trends. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 37 – 46. DOI 10.36028/2308-8826-2022-10-3-37-46

3. Altyntseva A.G., Latypov I.K. Modern problems of sports training in rowing: theoretical analysis. Olympic Sport and Sport for All: Proceedings of the XXVI International Scientific Congress, Kazan, September 8-11, 2021. General editor R.T. Burganov. Kazan: Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism. 2021. P. 4 – 6.

4. Altyntsev V.V., Shatunov D.Yu. Theoretical Analysis of the Development of a Student Rowing League. Problems of Improving Physical Culture, Sports, and Olympism: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Postgraduates, Master's Students, Applicants, and Students, Omsk, December 16-17, 2021. Volume Part 2. Omsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Siberian State University of Physical Education and Sports". 2022. P. 75 – 80.

5. Andrianova E.I., Ros' A.Yu., Fedotova G.A. Developing Special Endurance in Rowing: A Methodological Aspect of the Training Process. Society, Pedagogy, Psychology: Current Research: Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Cheboksary, October 1, 2021. Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House" Sreda ", 2021. P. 256 – 261.

6. Vyaltseva E.D., Kuznetsov I.V., Shestakov F.F. Dynamics of Changes in Rowing. Physical Culture and Health. 2024. No. 4 (92). P. 281 – 285. DOI 10.47438/1999-3455_2024_4_281

7. Dvoynikova Yu.V. Solving the Problems of Forming a Healthy Lifestyle among Students through the Cultivation of Individual Sports (using Rowing as an Example). Organization of Work with Youth. 2023. No. 1. P. 15 – 20.

8. Egorenko L.A., Andreeva L.Ya. A study of the physical training system of novice young men (13-15 years old) in academic rowing in the annual training cycle. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2006. No. 20. P. 12 – 17.

9. Krylov D.M. Prospects for the development of academic rowing for student youth of technical universities. Actual problems of humanitarian and socio-economic sciences. 2025. No. 3 (111). P. 28 – 30.

10. Movchanova M.D., Enchenko I.V. Analysis of the participation of amateur rowers in the Great Moscow Regatta-2024. Physical education and sport: problems and prospects: Materials of the XXIII All-Russian scientific and practical conference with international participation, Surgut, November 29-30, 2024. Surgut: Surgut State University. 2025. P. 210 – 215.

11. Tkacheva E.A. Methodology of block-modular design of physical training in academic rowing. Vesnik Magileўskaga dzjarzhaўnaga ўniversiteta імя A.A. Kulyashova. Series C. Psihola-ga-pedagagichnyya navuki: pedagogika, psikhalogiya, metodika. 2025. No. 1 (65). P. 67 – 71.

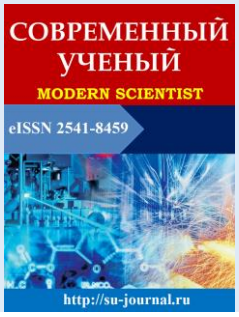
12. Chernenko V.V., Komacheva O.A. Features of the training process of the student eight in academic rowing. Children. Sport. Health: an interregional collection of scientific papers on the problems of integrative and sports anthropology, dedicated to the memory of Doctor of Medical Sciences, Professor Ratmir Nikolaevich Dorokhov, Smolensk, April 25, 2025. Issue 21. Smolensk: Smolensk State University of Sports, 2025. P. 229 – 233.

13. Yakimenko V.N., Dvoynikova Yu.V., Dobrynin A.S., Usynin E.A. Academic rowing as an optional element of the comprehensive training of engineering personnel at TUSUR. Modern education: integration of education, science, business and government. Priority Guidelines for Higher Education in Russia: Strategic Partnership and Technological Sovereignty: Proceedings of the International Scientific and Methodological Conference: in 2 parts, Tomsk, January 25-26, 2024. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. 2024. P. 51 – 54.

Информация об авторе

Антипина Ю.В., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП), uliasha@list.ru

© Антипина Ю.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.046.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-299-304

Формирование технологического патриотизма через дополнительное профессиональное образование: роль педагогического дизайна

[1] Курченко П.С., [1] Квач С.С.

[1] Балтийский государственный технический университет Военмех имени Д.Ф. Устинова

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования технологического патриотизма у взрослых специалистов в системе дополнительного профессионального образования (ДПО). Обосновывается, что ДПО обладает уникальным потенциалом для преодоления «технологического нигилизма» и воспитания ценностного отношения к отечественным технологиям. Раскрывается роль педагогического дизайна как инструмента целенаправленного проектирования образовательного опыта, обеспечивающего единство когнитивного, ценностно-мотивационного, деятельностного и рефлексивного компонентов технологического патриотизма. Предлагаются принципы и методы педагогического дизайна, адаптированные к специфике взрослого обучения. Делается вывод о том, что технологический патриотизм, формируемый через педагогический дизайн ДПО, становится стратегическим фактором технологического суверенитета и национальной безопасности.
Ключевые слова: технологический патриотизм, технологический нигилизм, педагогический дизайн, дополнительное профессиональное образование, технологический суверенитет, импортозамещение, взрослые специалисты

Для цитирования: Курченко П.С., Квач С.С. Формирование технологического патриотизма через дополнительное профессиональное образование: роль педагогического дизайна // Современный ученый. 2026. № 11. С. 299 – 304. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-299-304

Поступила в редакцию: 11 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Forming technological patriotism through continuing professional education: the role of pedagogical design

[1] Kurchenko P.S., [1] Kvach S.S.

[1] Baltic State Technical University “Voenmeh” named after D.F. Ustinov

Abstract: the article deals with the problem of the formation of technological patriotism among adult specialists in the system of additional professional education. It is proved that APE has a unique potential for overcoming "technological nihilism" and fostering a value attitude towards domestic technologies. The article reveals the role of pedagogical design as a tool for purposeful design of educational experience, ensuring the unity of cognitive, value-motivational, activity-based and reflexive components of technological patriotism. The principles and methods of pedagogical design adapted to the specifics of adult learning are proposed. It is concluded that technological patri-

otism, formed through the pedagogical design of vocational education, becomes a strategic factor of technological sovereignty and national security.
Keywords: technological patriotism, technological nihilism, pedagogical design, additional professional education, technological sovereignty, import substitution, adult specialists

For citation: Kurchenko P.S., Kvach S.S. Forming technological patriotism through continuing professional education: the role of pedagogical design. Modern Scientist. 2026. 11. P. 299 – 304. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-299-304

The article was submitted: June 11, 2026; Approved after reviewing: July 7, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Современный этап развития России характеризуется беспрецедентным санкционным давлением, ускоренным импортозамещением и острой потребностью в технологическом суверенитете. В этих условиях особую значимость приобретает кадровый вопрос: как отмечают А.Е. Шашурин, Я.А. Ивакин и Д.Н. Сиволобов, «общий дефицит кадров ОПК на пять лет оценивается в 550 тыс. человек» [10, с. 76]. Однако проблема не сводится лишь к количественному восполнению вакансий. Критическим вызовом становится преодоление феномена «технологического нигилизма» – устойчивого предубеждения в отсталости отечественных технологических решений, которое, по определению указанных авторов, «формирует порочный круг, в котором неверие в российские технологии снижает мотивацию к их изучению, усугубляя кадровый голод» [10, с. 75].

В противовес нигилизму выдвигается идея технологического патриотизма, который, «становится не идеологическим лозунгом, а прагматической необходимостью для технологического суверенитета и достижения поставленной Президентом Российской Федерации задачи технологического лидерства нашего государства» [10, с. 75]. Однако формирование технологического патриотизма не происходит автоматически. Оно требует целенаправленных педагогических усилий, особенно в системе дополнительного профессионального образования, где взрослые специалисты могут не только обновить знания, но и переосмыслить свою ценностно-профессиональную позицию. Ключевым инструментом такого формирования выступает педагогический дизайн – системный подход к проектированию образовательного процесса, обеспечивающий достижение заданных результатов в конкретном контексте.

Показателен в этом отношении опыт Китая, где, системное патриотическое воспитание в образовании стало одним из факторов, обеспечивших переход страны к выпуску конкурентоспособной высокотехнологичной продукции и укрепление технологического суверенитета [1, с. 42].

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено на основе теоретического анализа научно-педагогической литературы, нормативных документов в сфере образования и технологической политики, а также публикаций, посвящённых проблемам подготовки кадров для ОПК.

Методологическую базу составили: системный подход, личностно-деятельностный и ценностно-ориентационный подходы, теория педагогического дизайна, андрагогические принципы обучения взрослых. Применялись методы теоретического анализа, синтеза, моделирования и обобщения педагогического опыта.

Результаты и обсуждения

1. Технологический патриотизм: структура и ценностно-смысловое наполнение. Технологический патриотизм понимается нами как интегративное качество личности, включающее осознанное предпочтение отечественных технологий, готовность к их применению и развитию, способность к критическому анализу, а также морально-психологическую готовность защищать технологический суверенитет страны. В его структуре выделены четыре компонента:

- когнитивный – знания об истории и современном состоянии российской технологической сферы, кроме того, современные технологии обработки данных требуют переосмысления ряда фундаментальных понятий информационного права, что напрямую связано с формированием технологического суверенитета страны [9, с. 86].
- ценностно-мотивационный – положительное отношение, чувство гордости, предпочтение отечественных продуктов;

- деятельностно-практический – реальные действия по использованию, внедрению и популяризации российских решений;
- рефлексивно-критический – способность к взвешенной оценке сильных и слабых сторон, избегание как алармизма, так и ура-патриотизма.

Смысловое ядро технологического патриотизма образуют ценности достоинства национального труда, суверенности, преемственности и солидарности. Эти ценности не могут быть сформированы декларативно – они требуют специального педагогического проектирования.

2. Роль ДПО в формировании технологического патриотизма. Современный инженер должен не просто владеть инструментарием, но и обладать способностью к проектированию принципиально новых решений и кросс-дисциплинарному синтезу [5, с. 105]. Этот тезис напрямую относится и к системе ДПО, где формирование технологического патриотизма должно опираться на развитие проектного мышления и творческого подхода к использованию отечественных технологических решений

Система ДПО обладает уникальными характеристиками, делающими её основной площадкой для воспитания технологического патриотизма у взрослых специалистов:

- работа со сформированными профессиональными установками, позволяющая переосмыслить негативный опыт эксплуатации импортных технологий;
- непосредственная связь с реальной профессиональной деятельностью – обучение конкретным действиям по импортозамещению. Практико-ориентированный подход, является ключевым условием эффективного обучения специалистов технического профиля [6].
- гибкость и быстрота реагирования на технологические вызовы (в отличие от инертной системы высшего образования);
- возможность влиять на профессиональные сообщества через привлечение практиков-лидеров.

При этом, даже в условиях цифровой трансформации промышленности фундаментальные дисциплины сохраняют свою значимость, поскольку именно они “закладывают когнитивный фундамент” инженерного мышления [4, с. 154]. Этот вывод важен и для системы ДПО: формирование технологического патриотизма у взрослых специалистов не может ограничиваться только прикладными курсами по импортозамещению – оно должно опираться на развитие фундаментальных основ инженерного мышления, которые позволяют специалисту не просто осваивать отечественные технологии, но и творчески их развивать

Как справедливо отмечают А.Е. Шашурин и соавторы, «преодоление этого разрыва между реальными возможностями ОПК и их восприятием – ключевая задача технологического патриотизма как воспитательной, так и профориентационной парадигмы» [10, с. 75]. Однако без специального педагогического дизайна этот потенциал остаётся нереализованным, а технологический патриотизм приобретает либо стихийный, либо декларативный характер.

3. Педагогический дизайн как инструмент целенаправленного формирования технологического патриотизма. Педагогический дизайн в данном контексте должен быть расширен от «дизайна усвоения» до «дизайна целостного образовательного события», в котором техническое содержание неразрывно связано с ценностными смыслами. Предлагается циклическая модель, включающая пять этапов: анализ контекста, проектирование результатов, отбор содержания и методов, разработка учебных материалов и среды, оценка и рефлексия. В данном контексте, следует согласится, что «технолого-патриотическое воспитание требует длительной, интенсивной и творческой работы в ходе обучения, а также гордости за сопричастность к разработке того или иного изделия» [10, с. 78].

Ключевыми принципами педагогического дизайна, актуализирующими технологический патриотизм, являются: принцип технологического суверенитета в содержании – приоритетное освоение отечественных решений с анализом рисков зависимости; принцип ценностно-технологического конфликта – создание учебных ситуаций выбора, требующих обоснованного решения в пользу российского продукта; принцип проектной идентичности – выполнение завершённого проекта с использованием отечественных инструментов, формирующее личный вклад в технологический суверенитет; принцип критического патриотизма – открытое обсуждение реальных дефектов и зон роста, переход от констатации недостатков к конструктивным действиям по их устранению. Аналогичные методологические подходы к отбору дидактических принципов в технологическом образовании обоснованы в работе Н.Н. Лаврова [7].

В число эффективных методов включены: технологические кейсы с санкционной фабулой, рефлексивные дискуссии, проекты импортозамещения на рабочем месте, хакатоны «Сделано в России», экскурсии-погружения на производства и аналитические эссе-рефлексии. Важно, что методы применяются не изолированно, а в матричной интеграции с принципами, что обеспечивает синергетический эффект.

При этом эффективность применения перечисленных методов во многом зависит от личности самого преподавателя. Как справедливо отмечает О.Ю. Солопанова, педагогический имидж – это не только внешний облик, но и "способность к саморегуляции, стрессоустойчивости, многозадачности", а также умение транслировать культурные и ценностные установки [8, с. 257]. В контексте ДПО это означает, что ведущий курса должен не просто владеть техническим материалом, но и личным примером демонстрировать уважение к отечественным технологиям, формируя тем самым ценностно-мотивационный компонент технологического патриотизма у слушателей.

Исторический опыт подтверждает, что использование патриотической мотивации для технологического развития требует длительной и системной работы, однако именно такой подход способен обеспечить устойчивый технологический суверенитет в долгосрочной перспективе [2, с. 70].

4. Значение технологического патриотизма для устойчивости государства. Технологический патриотизм выходит за рамки личностного качества и приобретает значение фактора национальной безопасности. При этом, «формирование “инженерного патриотизма” – это стратегическая воспитательная задача для высших учебных заведений. … Её достижение невозможно путём проведения разовых мероприятий» [12, с. 86]. Идеальным механизмов в данном случае мыступает система дополнительного профессионального образования (далее – ДПО).

В образовательно-политическом измерении технологический патриотизм требует переориентации ДПО с инструментальной логики на ценностно-ориентированную. В социально-экономическом – даёт мультипликативный эффект: снижение трения при внедрении российских решений, рост инноваций, удержание кадров. В государственно-цивилизационном – формирует «суверенитет голов», преодолевая установку «догоняющего развития». Безусловно, без развития нравственного человеческого капитала, базирующегося на традиционных ценностях патриотизма и служения Отечеству, сохранение технологического суверенитета становится труднодостижимой задачей [11, с. 145]. Это подтверждает наш вывод о том, что технологический патриотизм – не абстрактная идея, а практический императив государственной политики

Не вызывает сомнения, что для преодоления кадрового кризиса в ОПК и смежных высокотехнологичных секторах необходима парадигма технолого-патриотического воспитания [10, с. 80].

Предлагаемая модель педагогического дизайна является практическим инструментом реализации этой парадигмы в системе ДПО.

Выводы. Проведённое исследование позволяет сделать ряд системных выводов:

1. Технологический патриотизм представляет собой многомерный личностный конструкт, включающий когнитивный, ценностно-мотивационный, деятельностный и рефлексивный компоненты. Его формирование требует целенаправленного педагогического проектирования, а не стихийного возникновения. Система ДПО обладает уникальным потенциалом для воспитания технологического патриотизма благодаря работе со сформированными установками, связи с реальной профессиональной деятельностью, гибкости и возможности влияния на профессиональные сообщества.

2. Проведённое исследование подтверждает вывод о том, что эффективное патриотическое воспитание возможно лишь при условии синергии технологического образования, профессиональной подготовки и ценностно-ориентированной воспитательной работы [3, с. 168].

3. Педагогический дизайн выступает стратегическим инструментом реализации этого потенциала. Предложенная модель, основанная на принципах технологического суверенитета, ценностно-технологического конфликта, проектной идентичности и критического патриотизма, а также на методах активного и рефлексивного обучения, позволяет перевести технологический патриотизм из абстрактного лозунга в действующую профессиональную ценность.

4. В условиях, когда технологическая независимость становится условием выживания и развития государства, формирование технологического патриотизма через педагогический дизайн ДПО переходит в разряд стратегических задач образовательной политики России.

Список источников

1. Даниленко Е.О. Патриотическое образование в КНР как самая успешная и продолжительная пропагандистская кампания // International Journal of Professional Science. 2024. № 1-1. С. 42 – 46.

2. Иванов А.А. Советский патриотизм в контексте технологической безопасности СССР // Вопросы безопасности. 2024. № 3. С. 62 – 72.

3. Истомин В.В. Воспитание молодежи в духе патриотизма, формирование у подрастающего поколения сознательного отношения к своей будущей профессиональной деятельности // Международное сотрудничество вузов государств – участников Содружества Независимых Государств. Роль технических университетов в формировании единого научно-технологического и образовательного пространства СНГ: Сборник научных статей. Москва: Ассоциация технических университетов, 2025. С. 161 – 168.

4. Квач И.В. Формирование инженерного стиля мышления в процессе изучения начертательной геометрии // Социально-гуманитарные технологии. 2025. № 4 (36). С. 153 – 161.

5. Квач И.В., Королев М.И. Формирование проектно-креативных компетенций средствами графического моделирования в процессе инженерно-графической подготовки // Социально-гуманитарные технологии. 2026. № 1 (37). С. 104 – 114.

6. Квач С.С., Квач И.В. Преподавание юриспруденции студентам технических специальностей: постановка проблемы // Социально-гуманитарные технологии. 2025. № 2 (34). С. 106 – 119.

7. Лавров Н.Н. Методологические проблемы развития подготовки преподавателей технологического образования // Актуальные вопросы и тенденции развития предметной области «Труд (Технология)»: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции, г. о. Люберцы, 15 ноября 2024 года. Санкт-Петербург: Наукоемкие технологии, 2025. С. 172 – 176.

8. Солопанова О.Ю. Педагогический имидж с позиции современной теории и практики // Вестник педагогических наук. 2024. № 5. С. 256 – 259.

9. Федулов И.Н., Квач И.В. Правовые аспекты управления big data в странах БРИКС и ШОС // Сервис plus. 2019. Т. 13. № 3. С. 85 – 92.

10. Шашурин А.Е., Ивакин Я.А., Сиволобов Д.Н. Технологический патриотизм как необходимая парадигма национального образования в системе подготовки кадров для ОПК // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2026. № 1. С. 74 – 81.

11. Шулаков А.В., Скворцова С.О., Обуховский Д.А. Патриотическое воспитание как одно из условий сохранения технологического суверенитета страны при переходе в шестой технологический уклад (на примере Новосибирского государственного университета экономики и управления) // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 3 (25). С. 144 – 153.

12. Яскевич И.Н. Патриотическое воспитание и формирование ответственной гражданской позиции у будущих инженеров в контексте обеспечения технологического суверенитета Республики Беларусь // Сормовские чтения – 2026: векторы развития образования: практики, качество, перспективы: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 13 февраля 2026 года. Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2026. С. 383 – 386.

References

1. Danilenko E.O. Patriotic Education in the PRC as the Most Successful and Long-Term Propaganda Campaign. International Journal of Professional Science. 2024. No. 1-1. P. 42 – 46.

2. Ivanov A.A. Soviet Patriotism in the Context of USSR Technological Security. Security Issues. 2024. No. 3. P. 62 – 72.

3. Istomin V.V. Educating Young People in the Spirit of Patriotism, Forming a Conscious Attitude to Their Future Professional Activities in the Younger Generation. International Cooperation of Universities of the Member States of the Commonwealth of Independent States. The Role of Technical Universities in the Formation of a Unified Scientific, Technological, and Educational Space of the CIS: Collection of Scientific Articles. Moscow: Association of Technical Universities, 2025. P. 161 – 168.

4. Kvach I.V. Formation of an Engineering Thinking Style in the Process of Studying Descriptive Geometry. Social and Humanitarian Technologies. 2025. No. 4 (36). P. 153 – 161.

5. Kvach I.V., Korolev M.I. Formation of Design and Creative Competencies by Means of Graphic Modeling in the Process of Engineering and Graphic Training. Social and Humanitarian Technologies. 2026. No. 1 (37). P. 104 – 114.

6. Kvach S.S., Kvach I.V. Teaching Jurisprudence to Students of Technical Specialties: Problem Statement. Social and Humanitarian Technologies. 2025. No. 2 (34). P. 106 – 119.

7. Lavrov N.N. Methodological problems of developing the training of teachers of technological education. Current issues and trends in the development of the subject area "Labor (Technology)": collection of materials of the IX All-Russian scientific and practical conference, Lyubertsy, November 15, 2024. St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2025. P. 172 – 176.

8. Solopanova O.Yu. Pedagogical image from the standpoint of modern theory and practice. Bulletin of pedagogical sciences. 2024. No. 5. P. 256 – 259.

9. Fedolov I.N., Kvach I.V. Legal aspects of big data management in the BRICS and SCO countries. Service plus. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 85 – 92.

10. Shashurin A.E., Ivakin Ya.A., Sivolobov D.N. Technological Patriotism as a Necessary Paradigm of National Education in the System of Training Personnel for the Defense Industry. Scientific Bulletin of the Defense Industrial Complex of Russia. 2026. No. 1. P. 74 – 81.

11. Shulakov A.V., Skvortsova S.O., Obukhovsky D.A. Patriotic Education as One of the Conditions for Maintaining the Country's Technological Sovereignty during the Transition to the Sixth Technological Wave (using the Novosibirsk State University of Economics and Management as an Example). Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. 2025. No. 3 (25). P. 144 – 153.

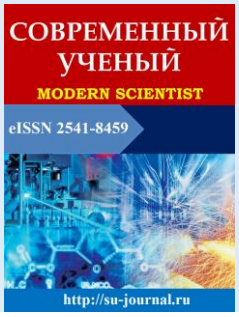
12. Yaskevich I.N. Patriotic education and the formation of a responsible civic position in future engineers in the context of ensuring the technological sovereignty of the Republic of Belarus. Sormovo readings – 2026: vectors of education development: practices, quality, prospects: Proceedings of the International scientific and practical conference, Krasnodar, February 13, 2026. Cheboksary: OOO "Izdatelsky dom" Sreda ", 2026. P. 383 – 386.

Информация об авторах

Курченко П.С., кандидат технических наук, начальник Управления дополнительного профессионального образования, старший преподаватель, Балтийский государственный технический университет Военмех имени Д.Ф. Устинова, kurchenko_ps@voenmeh.ru

Квач С.С., кандидат юридических наук, доцент, Балтийский государственный технический университет Военмех имени Д.Ф. Устинова, kvachss@ya.ru,

© Курченко П.С., Квач С.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.147.88
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-305-313

Формирование компетенций обучающихся медицинского вуза в рамках лабораторного практикума по биохимии

[1] Лейхтер С.Н., [1] Синицкая Е.Н., [1] Гешавец Н.П., [1] Коробицына Е.В.

[1] Северный государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме модернизации лабораторного практикума по биохимии как ключевого инструмента формирования профессиональных компетенций будущих врачей-биохимиков в соответствии с требованиями ФГОС ВО и профессионального стандарта. Обоснована необходимость перехода от репродуктивной модели обучения к деятельностной парадигме, интегрирующей фундаментальные знания и реальные клинико-диагностические задачи. Целью исследования являлась разработка и апробация компетентностно-ориентированного лабораторного практикума по дисциплине «Биохимия» для обучающихся по направлению подготовки 30.05.01 «Медицинская биохимия». Авторами представлен методически обновленный лабораторный практикум, сочетающий стандартные задания репродуктивного типа с заданиями открытого типа на основе кейс-метода. Раскрыт дидактический потенциал каждого типа заданий для формирования универсальных (УК-1, УК-6), общепрофессиональных (ОПК-1, ОПК-2) и профессиональных (ПК-1, ПК-2) компетенций. Новизна работы заключается в разработке и апробации оценочного инструментария – чек-листа для объективного контроля практических навыков на итоговом занятии. Результаты анкетирования выпускников подтверждают высокую эффективность предложенной модели: 100% респондентов отмечают вклад практикума в формирование компетенций, 84% – в развитие готовности к реальной диагностической работе. Материалы статьи представляют ценность для преподавателей медико-биологических дисциплин, решающих задачу интеграции теории и практики в клинико-лабораторной подготовке специалистов.

Ключевые слова: медицинский вуз, биохимия, лабораторный практикум, компетентностный подход, кейс-метод, чек-лист, врач-биохимик

Для цитирования: Лейхтер С.Н., Синицкая Е.Н., Гешавец Н.П., Коробицына Е.В. Формирование компетенций обучающихся медицинского вуза в рамках лабораторного практикума по биохимии // Современный ученый. 2026. № 11. С. 305 – 313. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-305-313

Поступила в редакцию: 12 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Formation of competencies of medical university students in the framework of laboratory practice in biochemistry

[1] Leikhter S.N., [1] Sinitskaya E.N., [1] Geshavets N.P., [1] Korobitsyna E.V.

[1] Northern State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: the article is devoted to the urgent problem of modernizing laboratory practice in biochemistry as a key tool for the formation of professional competencies of future biochemists in accordance with the requirements of the Federal State Educational Standard for Higher Education and professional standards. The necessity of transition from the reproductive model of education to the activity-based paradigm integrating fundamental knowledge and real clinical and diagnostic tasks is substantiated. The purpose of the study was to develop and test a competence-based laboratory workshop on the discipline "Biochemistry" for students in the field of training 30.05.01 "Medical biochemistry". The authors present a methodically updated laboratory workshop that combines standard reproductive-type tasks with open-type tasks based on the case method. The didactic potential of each type of assignment is revealed for the formation of universal (UC-1, UC-6), general professional (GPC-1, GPC-2) and professional (PC-1, PC-2) competencies. The novelty of the work lies in the development and testing of assessment tools – a checklist for objective control of practical skills in the final lesson. The results of the graduate survey confirm the high effectiveness of the proposed model: 100% of respondents note the contribution of the workshop to the formation of competencies, 84% – to the development of readiness for real diagnostic work. The materials of the article are valuable for teachers of biomedical disciplines who solve the problem of integrating theory and practice in the clinical and laboratory training of specialists.

Keywords: medical university, biochemistry, laboratory practice, competence approach, case method, checklist, biochemist

For citation: Leikhter S.N., Sinitskaya E.N., Geshavets N.P., Korobitsyna E.V. Formation of competencies of medical university students in the framework of laboratory practice in biochemistry. Modern Scientist. 2026. 11. P. 305 – 313. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-305-313

The article was submitted: June 12, 2026; Approved after reviewing: July 8, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Современный этап развития медицины характеризуется стремительным обновлением технологической базы медицинской биохимии и лабораторной диагностики, которые из вспомогательного инструментария превратились в фундамент принятия клинических решений. Эра персонализированной медицины предъявляет высокие требования к подготовке специалистов, способных не просто воспроизводить методики, но и интегрировать сложные биохимические массивы данных в клинический контекст [1, с. 96]. Именно это диктует необходимость пересмотра подходов к профессиональной подготовке врачей-биохимиков, при которой обучение должно выходить за рамки классической передачи знаний и быть ориентировано на формирование сложных профессиональных компетенций через активную практическую и исследовательскую деятельность.

Ключевой принцип современного обучения заключается в том, что студент осваивает профессию не путем механического запоминания, а через выработку стратегий действий в ответ на вызовы, моделирующие рабочую действительность [2, с. 63]. Суть в том, чтобы учебная деятельность, будь то аудиторная или внеаудиторная работа, была направлена на решение проблемных кейсов. Накопленный таким путем багаж компетенций выполняет двойную функцию: он резко сокращает период адаптации молодого специалиста и снимает внутренние ограничения в начале карьерного пути [3, с. 7; 4, с. 59; 5, с. 203]. Это позволяет вчерашнему выпускнику практически сразу демонстрировать инициативу и способность к нестандартным решениям, эффективно применяя свой ресурс для созидательной деятельности в профессии и социуме, осознавая свою роль в них [6, с. 105; 7, с. 187].

Подготовка специалистов по направлению подготовки 30.05.01 «Медицинская биохимия» регламентируется комплексом нормативных документов, задающих вектор формирования универсальных (УК), общепрофессиональных (ОПК) и профессиональных (ПК) компетенций. Федеральный государственный образо-

вательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) определяет в качестве обязательных такие способности, как готовность к проведению лабораторных и инструментальных исследований, интерпретации их результатов, организации научно-исследовательской деятельности и реализации биохимических подходов в клинической практике [8, с. 8-11]. Профессиональный стандарт «Врач-биохимик» конкретизирует трудовые функции, требуя от выпускника не только владения стандартными методиками, но и способности к аналитическому обеспечению лечебно-диагностического процесса, контролю качества и внедрению новых методов [9, с. 6-28]. Таким образом, содержание дисциплины «Биохимия» должно выходить за рамки трансляции фундаментальных знаний, превращаясь в интегрированную клинико-лабораторную образовательную среду, где теоретические основы прикладываются к решению профессиональных задач.

Педагогический дизайн дисциплины «Биохимия» должен базироваться на активных и интерактивных методах, имитирующих реальную профессиональную деятельность. Для интеграции теории и практики может использоваться такой вид практической учебной деятельности, как лабораторные работы (лабораторный практикум), которые при определенном методическом обеспечении способствуют формированию профессиональных компетенций [2, с. 64]. По нашему мнению, эффективными инструментами формирования компетенций являются лабораторные работы с обязательным клинико-диагностическим разбором результатов и решение ситуационных клинических задач (кейс-метод). Именно эти виды учебной деятельности позволяют моделировать полный цикл профессиональной активности врача-биохимика от получения биоматериала и аналитического этапа до формулировки лабораторного заключения, участвующего в постановке диагноза и прогнозе.

Однако, традиционная организация лабораторных занятий зачастую ориентирована на репродуктивное выполнение инструкций и не в полной мере обеспечивает формирование компетенций в деятельностной парадигме, именно поэтому разработка и внедрение методически обновлённого практикума, в котором каждый лабораторный модуль целенаправленно соотносится с конкретными трудовыми функциями, становится насущной образовательной задачей.

Цель настоящей работы – обосновать и представить методические подходы к построению лабораторного практикума по биохимии, ориентированного на комплексное формирование компетенций у обучающихся по направлению подготовки 30.05.01 «Медицинская биохимия», а также оценить их результативность на основе ретроспективного анализа мнений выпускников.

Материалы и методы исследований

Работа основана на анализе современных публикаций в области методики преподавания по реализации компетентностного подхода при подготовке специалистов медицинского профиля. Исследование носит практико-аналитический характер и основано на общенаучных методах анализа, синтеза, обобщения научных источников по исследуемой проблеме и собственных наработанных материалах. Разработан комплекс учебно-методической документации, включающий рабочую программу дисциплины, календарно-тематические планы лабораторно-практических занятий, рабочие тетради и чек-листы.

Результаты и обсуждения

ФГОС ВО по направлению подготовки 30.05.01 «Медицинская биохимия» содержит перечень обязательных компетенций, формируемых в ходе освоения дисциплины «Биохимия», в том числе при выполнении заданий лабораторного практикума. Лабораторный практикум – наиболее значимая и результативная составляющая естественнонаучной и общей профессиональной подготовки обучающихся медицинского вуза [10, с. 18]. Он способствует формированию таких необходимых будущему специалисту качеств, как самостоятельность, инициативность, организованность, обоснованность принятия эффективных решений, а также развитию исследовательских умений и осмыслению эмпирических оснований научных теорий [2, с.65; 11, с. 179].

Лабораторный практикум по биохимии согласно ФГОС ВО и рабочей программе дисциплины способствует формированию следующих компетенций:

- способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, вырабатывать стратегию действий (УК-1);
- способен определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы ее совершенствования на основе самооценки и образования в течение всей жизни (УК-6);
- способен использовать и применять фундаментальные и прикладные медицинские, естественнонаучные знания для постановки и решения стандартных и инновационных задач профессиональной деятельности (ОПК-1);

- способен выявлять и оценивать морфофункциональные, физиологические состояния и патологические процессы в организме человека, моделировать патологические состояния in vivo и in vitro при проведении биомедицинских исследований (ОПК-2);

- способен выполнять общеклинические, биохимические, иммунологические, микробиологические, гематологические и молекулярно-генетические лабораторные исследования различной категории сложности (ПК-1);

- способен консультировать медицинских работников и пациентов по применению лабораторных технологий для диагностики, профилактики, скрининга заболеваний и мониторинга за состоянием пациента, а также по влиянию особенностей аналитического этапа на интерпретацию результатов исследования (ПК-2) [8, с. 8-11].

Формирование компетенций базируется на соответствующем методическом обеспечении, составной частью которого являются учебно-методические пособия в формате рабочей тетради. Многие авторы отмечают важность использования рабочей тетради при обучении студентов медицинского вуза, что обусловлено оптимальным сочетанием информационного содержания с возможностью формирования компетенций через моделирование профессиональных ситуаций [12, с. 180].

Существенным компонентом разработанной нами рабочей тетради по биохимии является лабораторный практикум, предполагающий качественный и количественный анализ биологического материала, работу с современным оборудованием и интерпретацию экспериментальных данных. Он включает в себя описание принципа метода лабораторной работы, ход выполнения исследования, расчетные формулы, графики и таблицы, референсные интервалы и клинико-диагностическое значение биохимических показателей.

Основная часть лабораторного практикума носит репродуктивный характер, но имеются и задания открытого типа, требующие самостоятельной подготовки материалов и оборудования, разработки плана проведения лабораторной работы, анализа полученных результатов и формулировки соответствующих выводов. Задания репродуктивного типа направлены на выявление способностей обучающихся анализировать, воспроизводить, сравнивать, формулировать выводы, что способствует формированию ОПК-1 и ПК-1. Так, в ходе проведения лабораторного практикума, обучающиеся учатся строго следовать алгоритму выполнения работы, сравнивать полученные результаты с референсными значениями биохимических показателей и формулировать выводы по работе.

Наибольший потенциал для развития компетенций имеют задания лабораторного практикума открытого типа [11, с. 180; 13, с. 25]. Они подразумевают практические работы, не имеющие единственного заранее известного ответа или жесткого алгоритма выполнения, требуют от обучающегося самостоятельного планирования исследования, выдвижения гипотез и интерпретации результатов. Такой формат используется для развития критического мышления, что стимулирует обучающихся к анализу информации, выявлению причинно-следственных связей и принятию обоснованных решений (УК-1, УК-6, ОПК-2, ПК-1, ПК-2).

Примером заданий репродуктивного типа может служить лабораторная работа «Количественное определение содержания глюкозы в сыворотке крови». Студенты выполняют лабораторную работу в соответствии с указанным в рабочей тетради описанием, используя готовые наборы реагентов, посуды и оборудования, самостоятельно проводят расчеты и формулируют выводы. Данный вид работы направлен на формирование способности использовать и применять фундаментальные медицинские и естественнонаучные знания для решения стандартных задач профессиональной деятельности (ОПК-1, ПК-1).

Для реализации заданий лабораторного практикума открытого типа используется кейс-метод, или метод ситуационного анализа, представляющий собой метод активного обучения, основанный на анализе и решении реальных или приближенных к ним проблемных ситуаций [13, с. 26]. Работа над кейсами учит студентов логически мыслить, формулировать вопросы, аргументировать ответы, делать выводы и отстаивать свое мнение, а также способствует формированию лидерских качеств и навыков делового общения [14, с. 19]. Для успешного решения кейса необходимо последовательно пройти несколько этапов: собрать информацию, проанализировать факты, предложить варианты решений и выбрать наиболее подходящие [15, с. 235].

Примером задания открытого типа служит следующая клиническая ситуация: «Для лабораторного исследования представлены образцы мочи и сыворотки крови пациента 45 лет, у которого при прохождении ежегодной диспансеризации было выявлено содержание глюкозы в сыворотке крови 7,0 ммоль/л. Пациента беспокоят слабость, постоянная жажда, сухость кожи». Студентам необходимо составить план лабораторного исследования биологического материала пациента, провести определение необходимых биохимических показателей и сделать клинико-лабораторное заключение.

Обучающимся предлагается следующий алгоритм выполнения задания:

1. Постановка цели: определение того, что именно нужно выяснить или доказать.
2. Планирование: выбор биологического материала, реагентов, оборудования и методики эксперимента.
3. Сбор данных: проведение необходимых измерений и получение результатов.
4. Интерпретация и вывод: анализ данных и ответ на исходный вопрос, объяснение возможных отклонений.

В ходе выполнения данного задания обучающиеся осуществляют критический анализ информации, идентифицируют проблемную ситуацию и разрабатывают стратегию действий для ее решения (УК-1), таким образом, развивается способность к самоорганизации и самообразованию (УК-6). Осуществляют оценку физиологических и патологических процессов в организме человека (ОПК-2). По нашему мнению, в рамках лабораторного практикума могут формироваться и отдельные компоненты профессиональных компетенций, таких как способность самостоятельно выполнять биохимические лабораторные исследования и умение интерпретировать их результаты (ПК-1, ПК-2).

Для оценки сформированности компетенций нами разработана и внедрена методика проведения итогового занятия в формате контроля практических навыков. Обучающиеся рандомно получают одну из лабораторных работ, которые выполнялись в процессе изучения биохимии. Задание предполагает самостоятельное выполнение исследования, получение и интерпретацию результатов. Оценка выполнения работы проводится в соответствии с чек-листом, который позволяет объективно оценить все этапы исследования и сделать заключение об уровне сформированности компетенций. Методический паспорт контроля практических навыков включает в себя чек-лист, шкалу оценки каждого индикатора и таблицу трансформации баллов (табл. 1, 2).

Таблица 1

Чек-лист оценивания лабораторного практикума.

Table 1

Checklist for laboratory practice.

№	Критерий оценки	Балл (0-2)	Комментарий преподавателя
Этап 1. Подготовительный этап (Оцениваются УК-1, УК-6, ПК-1)			
1	Подготовка рабочего места: надел халат и перчатки, выбрал необходимое оборудование, лабораторную посуду и наборы реактивов.		
2	Идентификация биоматериала: Выбрал правильный биологический материал, оценил условия его хранения.		
3	Работа с дозаторами: Правильно выбрал дозатор и выставил необходимый объем, использовал новый наконечник для каждой пробы (стандарт, контроль, опыт), избегал образования пузырей.		
Этап 2. Аналитический этап (Оцениваются ОПК-1, ПК-1)			
4	Приготовление реакционной смеси: Внесение реагента и образца строго по алгоритму методики.		
5	Перемешивание и инкубация: аккуратно перемешал содержимое пробирки/кюветы, не допустив вспенивания. Точно выдержал время инкубации согласно инструкции.		
6	Работа на анализаторе: выбрал правильные параметры и режим измерения, правильно выполнил измерение.		
Этап 3. Постаналитический этап (Оцениваются ОПК-2, ПК-1, ПК- 2)			
7	Расчет концентрации: Математически верно произвел расчет, правильно указал единицы измерения.		
8	Валидация результата: Сравнил полученный результат с референсными интервалами для соответствующей методики.		
9	Диагностическая интерпретация: Соотнес полученный результат с референсными значениями, и объяснил механизмы отклонения от нормы. Предположил состояния, при которых возможно такое отклонение от референсных значений.		
10	Документирование: Оформил протокол исследования. Сформулировал и записал вывод.		
11	Эргономика и утилизация отходов: Сбросил наконечники и биоматериал в отходы класса «Б», бумагу/упаковку — в класс «А». Утилизировал перчатки, обработал руки.		
	Итого:		

Шкала оценки каждого индикатора:

2 балла – критерий полностью выполнен, все ключевые маркеры эталона достигнуты, ошибок нет.

1 балл – критерий выполнен частично, допущены незначительные ошибки или неточности, которые студент самостоятельно исправил после наводящего вопроса.

0 баллов – критерий не выполнен, допущена грубая методическая или клиническая ошибка, отсутствует понимание процесса.

Таблица 2

Трансформация баллов.

Table 2

Transformation of points.

Баллы	Оценка	Уровень сформированности компетенций
20-22	отлично	продвинутый
17-19	хорошо	повышенный
15-16	удовлетворительно	базовый
0-14	неудовлетворительно	компетенции не сформированы

Трехлетний опыт использования методики проведения компетентностно-ориентированных лабораторных практикумов позволяет отметить повышение уровня самостоятельности студентов, способности их к самоорганизации и самоконтролю, а также развитие навыков планирования этапов работы и интерпретации результатов исследований.

Для оценки результативности внедрения компетентностно-ориентированного лабораторного практикума проводилось анонимное анкетирование среди выпускников по направлению подготовки «Медицинская биохимия». В ретроспективном анализе анкет 50 респондентов было выявлено, что в 100% случаев лабораторный практикум по биохимии способствовал формированию профессиональных компетенций. Лабораторный практикум, по мнению 96% опрошенных, заложил мануальные навыки, ставшие фундаментом для освоения методов более высоких категорий сложности **(**ПК-1). Разбор клинических ситуаций (кейс-метод) в рамках лабораторного практикума у 43% анкетируемых способствовал развитию умений прогнозировать исходы заболеваний на основе биохимических сдвигов (УК-1, ОПК-1). Выполнение лабораторных работ с обязательным анализом клинико-диагностического значения определяемых показателей помогли 76% анкетируемых развить готовность к интерпретации результатов биохимических исследований (ПК-2). Высоко оценили роль заданий на дифференциальную диагностику лабораторных показателей (например, клинико-лабораторная диагностика желтух по картине сыворотки крови и мочи, анализ гликемических кривых) в формировании готовности к реальной диагностической работе 84% выпускников **(**УК-1, ПК-2), 63% отмечали, что лабораторный практикум способствовал развитию способности к самоорганизации и самообразованию (УК-6), в том числе за счёт необходимости самостоятельной подготовки к работе и освоения лабораторно-диагностических методик. Около половины выпускников (48%) отметили готовность по завершении курса «Биохимия» к первичной аккредитации и самостоятельному выполнению трудовых функций врача-биохимика, предусмотренных профессиональным стандартом.

Среди предложений выпускников по повышению уровня соответствия лабораторного практикума задачам будущей профессиональной деятельности фигурировали следующие:

- улучшить материально-техническое оснащение лабораторного практикума;
- увеличить долю заданий открытого типа;
- приблизить лабораторный практикум к рутинной работе лабораторий;
- сделать обучение еще более практико-ориентированным.

Результаты анкетирования выпускников свидетельствуют о высокой субъективной значимости лабораторного практикума: все респонденты отметили его вклад в становление профессиональных компетенций, большинство указали на развитие навыков интерпретации результатов, диагностического мышления и способности к самоорганизации. При этом обозначенные обучающимися направления совершенствования – увеличение доли заданий открытого типа и дальнейшее сближение учебного процесса с рутинной практикой лабораторий – задают вектор развития дисциплины.

Таким образом, результаты анкетирования выпускников подтвердили, что лабораторный практикум способствует формированию универсальных и профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО, мотивирует обучающихся к саморазвитию и самообразованию.

Выводы

Проведённое исследование подтверждает, что лабораторный практикум по биохимии, построенный в логике компетентностного подхода, становится действенным средством профессиональной подготовки врача-биохимика. Методическое оснащение практикума, включающее рабочую тетрадь с заданиями репродуктивного и открытого типа и систему итогового контроля с применением чек-листа, позволяет целенаправленно формировать универсальные, общепрофессиональные и профессиональные компетенции, регламентированные ФГОС ВО и профессиональным стандартом.

Таким образом, предлагаемая модель лабораторного практикума по биохимии позволяет преодолеть репродуктивный характер традиционных занятий и обеспечивает формирование компетенций через активную практико-ориентированную и исследовательскую деятельность, ускоряя профессиональную самоидентификацию обучающихся и их подготовку к самостоятельной трудовой деятельности в соответствии с требованиями современной медицины.

Список источников

1. Шибанов А.Н. Размышления о роли и месте клинической лабораторной диагностики в современной клинической медицине // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2025. Т. 11. № 1. С. 95 – 98. URL: https://www.vshouz.ru/journal/2025/razmyshleniya-o-roli-i-meste-klinicheskoy-laboratornoy-diagnostiki-v-sovremennoy-klinicheskoy-medits/ (дата обращения: 09.05.2026). DOI: https://doi.org/10.33029/2411-8621-2025-11-1-95-98

2. Драчук Л.А., Шамаева Т.Н., Пешикова М.В. Роль лабораторного практикума в развитии необходимых компетенций у обучающихся медицинского вуза // Инновационные технологии в подготовке современных профессиональных кадров: опыт, проблемы: Сборник научных трудов Девятой Международной научно-практической конференции, Челябинск, 30 января 2018 года. Челябинск: Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2018. С. 62 – 71. (дата обращения: 11.05.2026)

3. Бунина Т.А., Гринева М.В. Роль вузовского курса иностранного языка для специальных целей в формировании предметных и универсальных компетенций студентов-международников // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования, проблемы преподавания: Сборник научных статей. Москва: Квант-Медиа, 2025. С. 6 – 13. (дата обращения: 10.05.2026)

4. Звягина В.И. Опыт применения кейс-метода в процессе преподавания биологической химии // Психолого-педагогические проблемы образования в медицинском вузе: сборник научных трудов. Том Вып. 2. Рязань: Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, 2016. С. 57 – 64. (дата обращения: 10.05.2026)

5. Мезенцева А.И. Теоретическое обоснование и разработка педагогической модели формирования компетенций будущих педагогов на основе независимой оценки качества образования (на примере поликультурной гражданственности в условиях Крыма и Севастополя) // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2026. № 1 (112). С. 199 – 207. URL: https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/3236 (дата обращения: 10.05.2026). DOI 10.37493/2307-907X.2026.1.24

6. Саидов Ф.С. Формирование профессиональных компетенций обучающихся учебных центров производственных организаций // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия Педагогические науки. Образование. 2025. № 3 (128). С. 103 – 110. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82742938 (дата обращения: 10.05.2026)

7. Шамсутдинова Т.М. Оценка качества курсовых работ: компетентностный подход // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 2. С. 180 – 195. URL: https://www.edscience.ru/jour/article/view/936 (дата обращения: 11.06.2026). DOI 10.17853/1994-5639-2018-2-180-195

8. Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 N 998 (ред. от 27.02.2023) "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 30.05.01 Медицинская биохимия" (Зарегистрировано в Минюсте России 27.08.2020 № 59510) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361332/015122a85281ab/© Консультант Плюс, 1992-2026. (дата обращения: 8.06.2026). 2020. 20 с.

9. Приказ Минтруда России от 04.08.2017 № 613н "Об утверждении профессионального стандарта "Врач-биохимик" (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2017 N 47968) URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/professionalnyj_standart_vrach-biohimik/© Консультант Плюс, 1992-2026. (дата обращения: 8.06.2026). 2017. 30 с.

10. Тарасова А.В. Физический практикум как средство формирования профессиональных компетенций студента медицинского вуза: специальность 13.00.02 "Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)": автореф. дис. … канд. пед. наук. Москва. 2012. 24 с. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005055993?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 08.05.2026)

11. Милинский А.Ю. Практико-ориентированная подготовка будущих учителей физики на основе лабораторных работ с использованием учебного экспериментального оборудования собственного изготовления // Вестник педагогических наук. 2026. № 4. С. 177 – 183. URL: https://vpn-journal.ru/archives/11173 (дата обращения: 10.05.2026). DOI 10.62257/2687-1661-2026-4-177-183

12. Краева Н.В., Макарова В.И., Бабикова И.В., Плаксина Н.Ю., Плаксин В.А. Учебное пособие в формате рабочей тетради как форма обучения дисциплине «поликлиническая и неотложная педиатрия» // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 11-1. С. 179 – 183. URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37787 (дата обращения: 10.05.2026). DOI 10.17513/snt.37787

13. Грищук А.В., Сивцева С.В., Браславская Е.А. Применение кейс-метода при обучении профессиональному английскому языку студентов медицинского вуза // Гуманитарный научный вестник. 2026. № 1. С. 23-29. URL: https://naukavestnik.ru/archiv/ (дата обращения: 11.05.2026). DOI 10.5281/zenodo.18693040

14. Мокиевская Н.Е., Тришкина Ю.А. Использование кейс-методов в организациях СПО // Человек, общество, образование: состояние, проблемы и пути их решения: сб. тр. междунар. науч.-практ. конф. Пенза; Ташкент. 2024. С. 18 – 21.

15. Теплова Н.А. Применение технологии проблемного обучения в СПО на занятиях по экономике // Шаг в науку: материалы XIII Регион. науч.-практ. конф. студентов и магистрантов. Новосибирск. 2022. С. 235 – 237.

References

1. Shibanov A.N. Reflections on the Role and Place of Clinical Laboratory Diagnostics in Modern Clinical Medicine. ORGZDRAV: news, opinions, training. Bulletin of the VSHOUZ. 2025. Vol. 11. No. 1. P. 95 – 98. URL: https://www.vshouz.ru/journal/2025/razmyshleniya-o-roli-i-meste-klinicheskoy-laboratornoy-diagnostiki-v-sovremennoy-klinicheskoy-medits/ (date of access: 09.05.2026). DOI: https://doi.org/10.33029/2411-8621-2025-11-1-95-98

2. Drachuk L.A., Shamaeva T.N., Peshikova M.V. The Role of Laboratory Practical Training in Developing Necessary Competencies in Medical University Students. Innovative Technologies in Training Modern Professional Personnel: Experience, Problems: Collection of Scientific Papers of the Ninth International Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, January 30, 2018. Chelyabinsk: Chelyabinsk Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", 2018. P. 62 – 71. (date of access: 11.05.2026)

3. Bunina T.A., Grineva M.V. The Role of a University Course in Foreign Languages for Special Purposes in Developing Subject-Specific and Universal Competencies of International Relations Students. Language. Culture. Society. Current Issues, Research Methods, Teaching Problems: Collection of Scientific Articles. Moscow: Kvant-Media, 2025. P. 6 – 13. (date of access: 10.05.2026)

4. Zvyagina V.I. Experience of Applying the Case Method in Teaching Biological Chemistry. Psychological and Pedagogical Problems of Education in a Medical University: Collection of Scientific Papers. Vol. Iss. 2. Ryazan: Ryazan State Medical University named after Academician I.P. Pavlov, 2016. P. 57 – 64. (date of access: 10.05.2026)

5. Mezentseva A.I. Theoretical Justification and Development of a Pedagogical Model for Developing Future Teachers' Competencies Based on an Independent Assessment of the Quality of Education (using Multicultural Citizenship in Crimea and Sevastopol as an Example). Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2026. No. 1 (112). P. 199 – 207. URL: https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/3236 (date of access: 10.05.2026). DOI 10.37493/2307-907X.2026.1.24

6. Saidov F.S. Formation of professional competencies of students of training centers of industrial organizations. Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. Series Pedagogical Sciences. Education. 2025. No. 3 (128). P. 103 – 110. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82742938 (date of access: 10.05.2026)

7. Shamsutdinova T.M. Assessment of the quality of coursework: competence-based approach. Education and Science. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 180 – 195. URL: https://www.edscience.ru/jour/article/view/936 (date of access: 06/11/2026). DOI 10.17853/1994-5639-2018-2-180-195

8. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated August 13, 2020 N 998 (as amended on February 27, 2023) "On Approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education - Specialist in Specialty 30.05.01 Medical Biochemistry" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on August 27, 2020 No. 59510) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_361332/015122a85281ab/© Consultant Plus, 1992-2026. (Accessed: June 8, 2026). 2020. 20 p.

9. Order of the Ministry of Labor of Russia dated 04.08.2017 No. 613n "On approval of the professional standard "Biochemist" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 25.08.2017 N 47968) URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/professionalnyj_standart_vrach-biohimik/© Consultant Plus, 1992-2026. (date of access: 08.06.2026). 2017. 30 p.

10. Tarasova A.V. Physics practical training as a means of developing professional competencies of medical students: specialty 13.00.02 "Theory and methods of teaching and upbringing (by areas and levels of education)": author's abstract. dis. ... cand. ped. sciences. Moscow. 2012. 24 p. URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01005055993?page=1&rotate=0&theme=white (date of access: 08.05.2026)

11. Milinsky A.Yu. Practice-oriented training of future physics teachers based on laboratory work using educational experimental equipment of our own manufacture. Bulletin of pedagogical sciences. 2026. No. 4. pp. 177 – 183. URL: https://vpn-journal.ru/archives/11173 (date of access: 10.05.2026). DOI 10.62257/2687-1661-2026-4-177-183

12. Kraeva N.V., Makarova V.I., Babikova I.V., Plaksina N. Yu., Plaksin V.A. A textbook-based teaching aid as a form of teaching the discipline "Outpatient and Emergency Pediatrics". Modern Science-Intensive Technologies. 2019. No. 11-1. P. 179 – 183. URL: https://top-technologies.ru/ru/article/view?id=37787 (accessed: 10.05.2026). DOI 10.17513/snt.37787

13. Grishchuk A.V., Sivtseva S.V., Braslavskaya E.A. Application of the case method in teaching professional English to medical students. Humanitarian Scientific Bulletin. 2026. No. 1. P. 23 – 29. URL: https://naukavestnik.ru/archiv/ (date of access: 11.05.2026). DOI 10.5281/zenodo.18693040

14. Mokievskaya N.E., Trishkina Yu.A. Use of case methods in secondary vocational education organizations. Man, society, education: state, problems and ways to solve them: collection of works of the international. scientific and practical. conf. Penza; Tashkent. 2024. P. 18 – 21.

15. Teplova N.A. Application of problem-based learning technology in secondary vocational education in economics classes. Step into science: materials of the XIII Regional. scientific and practical. conf. of students and master's students. Novosibirsk. 2022. P. 235 – 237.

Информация об авторах

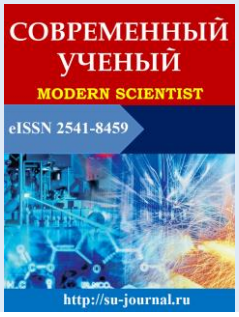
Лейхтер С.Н., кандидат биологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0538-6753, Северный государственный медицинский университет Минздрава России, 163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, д. 51, sleihter29@gmail.com

Синицкая Е.Н., кандидат биологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7466-4956, Северный государственный медицинский университет Минздрава России, 163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, д. 51, sinickayaen@yandex.ru

Гешавец Н.П., ассистент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-5822-7281, Северный государственный медицинский университет Минздрава России, 163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, д. 51, geshavetsnp@mail.ru

Коробицына Е.В., кандидат биологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6622-2699, Северный государственный медицинский университет Минздрава России, 163000, г. Архангельск, пр. Троицкий, д. 51, korobicyna.elena@mail.ru

© Лейхтер С.Н., Синицкая Е.Н., Гешавец Н.П., Коробицына Е.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 371.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-314-319

Специфика национальных кодов России и Китая как ценностная основа внешкольного воспитания: сравнительный анализ

[1] Николаева А.Д.

[1] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Аннотация: в статье на основе теоретических подходов к пониманию национального культурного кода в современной науке проведен сравнительный анализ специфики культурных, исторических и идеологических кодов России и Китая, а также выявление их роли в качестве ценностной основы систем внешкольного воспитания двух стран. Цель настоящего исследования заключается в выявлении общего и особенного национальных кодов России и Китая и выявлении их роли в качестве ценностной основы внешкольного воспитания детей. Охарактеризованы ключевые компоненты российского национального кода, формировавшиеся под влиянием православия, геополитического положения и исторического опыта; проанализирован китайский национальный код как синтез конфуцианских традиций и социалистической идеологии; выявлены ценностные основания внешкольного воспитания, их общее и особенное в России и Китае. Сравнительный анализ проводился по ряду параметров: историко-культурные предпосылки формирования кодов; базовые ценности, транслируемые во внешкольном воспитании; методы и формы воспитательной работы; степень идеологизации; институциональное оформление. Такой подход позволил обеспечить достоверность выводов и выявить не только явные, но и латентные различия систем. В результате выделены общие черты и национально обусловленные различия; обосновано влияние специфики национальных кодов на цели, содержание и методы внешкольного воспитания. Проведена оценка потенциала взаимного обогащения российской и китайской моделей с учётом их сильных сторон. Итоги анализа могут быть использованы при определении педагогического потенциала опыта внешкольного воспитания детей для обеих стран.
Ключевые слова: Россия, Китай, внешкольное воспитание, ценностные основания, специфика, национальный код, сравнительный анализ, сходство, различие

Для цитирования: Николаева А.Д. Специфика национальных кодов России и Китая как ценностная основа внешкольного воспитания: сравнительный анализ // Современный ученый. 2026. № 11. С. 314 – 319. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-314-319

Поступила в редакцию: 13 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Specificity of the national codes of Russia and China as a value basis of out-of-school education: a comparative analysis

[1] Nikolaeva A.D.

[1] North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

Abstract: on the basis of theoretical approaches to understanding the national cultural code in modern science, the article conducts a comparative analysis of the specifics of the cultural, historical and ideological codes of Russia and China, as well as the identification of their role as the value basis of the systems of out-of-school education of the two countries. The purpose of this study is to identify the common and specific national codes of Russia and China and to identify their role as a value basis for out-of-school education of children. The key components of the Russian national code, formed under the influence of Orthodoxy, geopolitical position and historical experience, are characterized; the Chinese national code is analyzed as a synthesis of Confucian traditions and socialist ideology; the value foundations of out-of-school education, their general and specific in Russia and China are revealed. A comparative analysis was carried out according to a number of parameters: historical and cultural prerequisites for the formation of codes; basic values transmitted in out-of-school education; methods and forms of educational work; the degree of ideologization; institutional design. This approach made it possible to ensure the reliability of the conclusions and to identify not only obvious, but also latent differences in the systems. As a result, common features and nationally determined differences are highlighted; The influence of the specifics of national codes on the goals, content and methods of out-of-school education is substantiated. The potential for mutual enrichment of the Russian and Chinese models is assessed, taking into account their strengths. The results of the analysis can be used to determine the pedagogical potential of the experience of out-of-school education of children for both countries.

Keywords: Russia, China, out-of-school education, value foundations, specifics, national code, comparative analysis, similarity, difference

For citation: Nikolaeva A.D. Specificity of the national codes of Russia and China as a value basis of out-of-school education: a comparative analysis. Modern Scientist. 2026. 11. P. 314 – 319. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-314-319

The article was submitted: June 13, 2026; Approved after reviewing: July 9, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В современном мире, характеризующемся процессами глобализации и культурной интеграции, особую актуальность приобретает изучение национальных кодов как фундаментальных оснований сохранения культурной идентичности и трансляции ценностных ориентаций подрастающему поколению. Россия и Китай, представляющие собой уникальные цивилизации с многовековой историей, обладают самобытными культурными кодами, которые оказывают определяющее влияние на формирование систем воспитания, в том числе внешкольного (дополнительного) образования. В современной научной литературе понятие «национальный культурный код» трактуется как совокупность элементов культуры, наделенных значимыми смыслами, отличающих одну культуру от другой и обеспечивающих эффективное взаимодействие представителей соответствующей культуры. Культурный код выступает отличительной характеристикой определенного народа, отражающей то, как народ воспринимает окружающую действительность и как каждый член общества отождествляет себя с определенной культурной средой [6]. Феномен культурного кода выполняет ряд важнейших функций в обществе: охранительную, кумулятивную, идентификационную, смыслопорождающую, ценностно ориентирующую, развивающую, моделирующую и регулирующую [1]. В процессе формирования национальной идентичности подрастающего поколения принципиальное значение имеет овладение не просто информацией о культуре, а глубинными смысловыми значениями, заключенными в культурных кодах.

Национальный код выступает важным компонентом понимания сущности человека как части национального сознания, так и отдельной личности. Культурные традиции способствуют передаче базовых цен-

ностей, сохранению смыслообразующих оснований человеческого бытия, а также мотивированию и формированию ценностных ориентаций подрастающего поколения [6].

Материалы и методы исследований

Эмпирическую базу исследования составили научные статьи, монографии и диссертационные работы российских и китайских авторов за период 2018-2026 годов, а также официальные документы (стратегии развития воспитания, государственные программы). Использован сравнительно-педагогический подход, позволяющий выявить сходства и различия воспитательных систем на основе их культурно-исторической детерминации. В работе использованы следующие методы теоретического уровня: анализ и синтез научной литературы по проблеме национальных кодов и внешкольного воспитания в исследуемых странах; контент-анализ нормативно-правовых документов, регулирующих сферу дополнительного образования в России и Китае; историко-педагогический метод, направленный на реконструкцию традиций внешкольного воспитания в каждой стране; сравнительно-сопоставительный метод для параллельного изучения ценностных оснований, целей и институциональных форм. Также применён метод интерпретации ключевых концептов (например, «соборность», «личность нравственно действующей силы», «цзюнь-цзы», «Китайская мечта»), позволяющий раскрыть глубинную смысловую нагрузку национальных кодов.

Результаты и обсуждения

Теоретическую основу работы составляют исследования феномена национального культурного кода, который понимается как совокупность элементов культуры, наделённых значимыми смыслами и обеспечивающих идентификацию народа. В работах Я.В. Коноваловой и С.В. Бобрышова (2026) раскрываются функции культурного кода (охранительная, кумулятивная, идентификационная, смыслопорождающая, ценностно ориентирующая, развивающая, моделирующая и регулирующая) [3]. А.С. Петрухина и И.Э. Шанхау (2024) рассматривают российскую культуру и традиции как часть национального кода, подчёркивая его роль в передаче базовых ценностей [6]. Морально-нравственный аспект российского культурного кода детально проанализирован Н.Е. Тихоновой и А.В. Каравай (2025), которые выявили специфическую систему моральных норм россиян, включая неприятие гомосексуальных связей, измены Родине, обогащения за счёт других [8]. А также моральный релятивизм в отношении обязанностей перед государством В.П. Рожкова (2020), который обращается к концепции «личности нравственно действующей силы» [7].

Сравнительный анализ культурных кодов России и Китая как ресурса формирования межкультурной компетенции выполнен Г.В. Николенко (2026). Трансформации китайского культурного кода под влиянием современных процессов посвящена публикация «Китай: к проблеме трансформации культурного кода» (2023), где отмечается синтез традиции и цифровизации [5]. Мэн Юйфэн (2018) анализирует концептуальные новации в официальном политическом дискурсе КНР, в частности, соединение конфуцианских ценностей с идеологией социализма с китайской спецификой и «Китайской мечтой» [9]. Эта идеологическая формула, включающая достижение среднезажиточного уровня жизни, омоложение нации и превращение Китая в могущественную державу, рассматривается как важнейший элемент современного национального кода.

Система внешкольного (дополнительного) образования в Китае исследована Кириенко (2020), характеризующейся как переход от несистемного характера к созданию многопрофильных детских центров и мобильных комплексов, а также влияние советской педагогической традиции. Нормативно-правовые основы воспитательных ценностей в профессиональном образовании России и Китая проанализированы Чанг З. (2025) [10]. Сравнению советско-российской и китайской моделей патриотического воспитания посвящена статья А.Д. Николаевой и Би Цюшуан (2025), где выявлены общие черты и специфика двух систем [4]. Таким образом, в совокупности данные источники составляют эмпирическую и теоретическую базу для проведения сравнительного анализа, позволяя обосновать роль национальных кодов как ценностной основы внешкольного воспитания.

*Культурный и исторический код России. К*ак отмечают Я.В. Коновалова, С.В. Бобрышов, он формировался под влиянием ряда определяющих факторов: географического положения на стыке Европы и Азии, православной религиозной традиции, коллективистских начал в организации общественной жизни, а также сложного исторического опыта, включающего периоды централизации государственной власти, модернизационных реформ и социальных потрясений [3]. Исследования морально-нравственных аспектов национального культурного кода россиян выявляют специфическую систему моральных норм, отличающуюся от норм, характерных как для стран условного Запада, так и для стран «мирового большинства». К числу таких норм Н.Е. Тихонова, А.В. Каравай относят: категорическое неприятие измены Родине, отрицание допу-

стимости обогащения за счет других, устойчивое отрицательное отношение к гомосексуальным связям, а также широкое распространение морального релятивизма в отношении выполнения обязанностей перед государством [8]. В основе российской культурной традиции лежат такие ценности, как духовность, соборность, справедливость, патриотизм, приоритет общественного блага перед частными интересами.

Относительно культурного, историко-идеологического кода Китая следует отметить, что он имеет древнейшие истоки, восходящие к конфуцианской традиции, которая на протяжении тысячелетий определяла базовые ценностные ориентации китайского общества. Идеал «благородного мужа» («цзюнь-цзы») Конфуция, воплощающий добродетель, мудрость, гуманность и следование ритуалу, стал архетипической моделью нравственно совершенной личности в китайской культуре [5]. Как отмечает Мэн Ю., особенностью современного китайского национального кода является органическое соединение традиционных конфуцианских ценностей с идеологией социализма с китайской спецификой [9]. Идеологическая формула «Китайская мечта», провозглашенная на XVIII съезде Коммунистической партии Китая, включает в себя достижение среднезажиточного уровня жизни для всех китайцев, омоложение нации и превращение китайского государства в самое могущественное государство мира. При этом «Китайская мечта» реализуется на основе использования традиционных кодов и концептов конфуцианства; традиция дополняется диджитализацией, информатизацией и идеологией социализма с китайской спецификой [6].

В официальном политическом дискурсе КНР программа социалистической модернизации Китая под руководством Коммунистической партии Китая соединяется с идеей «великого возрождения китайской нации», понятой в конфуцианском духе [9]. Таким образом, идеологический код современного Китая представляет собой синтез традиционных ценностей и социалистической идеологии, где патриотизм, коллективизм, уважение к старшим, почитание семьи и трудолюбие выступают основополагающими принципами.

В рамках темы статьи также необходимо рассмотреть ценностные основания внешкольного воспитания в России и Китае. Например, в России система внешкольного воспитания исторически развивалась как часть учебно-воспитательного процесса школы, одна из форм организации свободного времени учащихся. С 1992 года началось преобразование внешкольной работы и внешкольного воспитания в систему дополнительного образования детей. Ценностные основания российского внешкольного воспитания в первую очередь определены духовно-нравственными ценностями, укреплением патриотического и гражданского сознания, пропагандой здорового образа жизни, развитием инициативности молодежи и ее вовлеченности в волонтерскую деятельность [4].

Учреждения дополнительного образования, являясь в сегодняшних условиях центрами внеурочной деятельности, решают комплекс воспитательных задач, среди которых ключевое место занимает воспитание гражданственности, патриотизма, уважения к правам, свободам и обязанностям человека. Важной особенностью российской системы является опора на культурное и историческое наследие, включая православные традиции и ценности русской культуры, которые на протяжении веков были тесно взаимосвязаны с образованием и воспитанием [7].

В Китае долгие годы считалось, что дополнительное (внешкольное) образование не является системным элементом, поскольку такие занятия не выходили за пределы общеобразовательной школы и были призваны углублять знания, полученные в процессе обучения на уроках. Е.А. Кириенко отмечает, что в настоящее время ситуация изменилась: Китай вывел дополнительное образование на системный уровень. По всей стране построены современные многопрофильные детские центры, создаются мобильные комплексы для отдаленных и труднодоступных местностей, разрабатываются инновационные программы [1]. В Китае, наряду с патриотизмом и коллективизмом, воспитательные ценности основаны на социалистических принципах, трудовом воспитании и сохранении традиционных культурных ценностей (реализуемых, в том числе, таким социальным институтом, как семья) [10]. Важнейшей задачей внешкольного воспитания является формирование у подрастающего поколения уважения к культурному наследию и готовности к коллективной и общественно полезной деятельности. При этом, как отмечают исследователи [1; 9; 10], основные принципы организации дополнительного образования вне школьных стен были и остаются принципами, заложенными российскими (советскими) педагогами, однако они адаптируются с учетом специфики китайской культуры и партийной идеологии.

В рамках одной из задач исследования приведем сравнительный анализ систем внешкольного воспитания в исследуемых странах, в ходе которого выявлены как общие черты, так и существенные различия, обусловленные спецификой национальных кодов каждой страны. К общим чертам (схожести) можно отнести следующее:

1. Стремление к всестороннему развитию личности и формированию гражданской ответственности.
2. Патриотическую направленность воспитательного процесса.

3. Уважение к педагогам и стимулирование общественного участия молодежи.

4. Опора на историко-педагогический опыт и использование его для формирования у юных граждан чувства принадлежности к своей стране.

Указанные выше национальные коды влияют также на различия, которые представляют следующее:

1. Российская система в большей степени ориентирована на духовно-нравственные ценности, укорененные в православной традиции и русской философской мысли. Приоритет отдается формированию «личности нравственно действующей силы» [4], способной к самостоятельному нравственному выбору.

2. Китайская система акцентирует коллективистские начала, основанные на конфуцианской традиции и социалистической идеологии. Идеалом является «благородный муж» - личность, гармонично интегрированная в общественные отношения и следующая установленным нормам.

3. Идеологическая составляющая внешкольного воспитания в Китае является более выраженной и органически связанной с государственной политикой («Китайская мечта», социализм с китайской спецификой) [9], в то время как в России акцент делается на гражданско-патриотическом и духовно-нравственном воспитании без жесткой партийно-идеологической привязки [8].

4. Институциональные особенности: в России внешкольное воспитание интегрировано в общую систему дополнительного образования детей, имеющую длительную историю развития, тогда как в Китае его системное становление происходит в настоящее время, при значительном влиянии коммерческого сектора и активной государственной регуляции политики «двойного сокращения» [1].

Выводы

Национальные коды России и Китая, включающие культурные, исторические и идеологические компоненты, выступают фундаментальной ценностной основой систем внешкольного воспитания в обеих странах. При наличии общих ориентиров – патриотизма, гражданственности, уважения к культурному наследию – российская и китайская модели демонстрируют существенные различия, обусловленные спецификой национальных культурных кодов. Российский национальный код в большей степени ориентирован на духовно-нравственные ценности и личностную автономию, тогда как китайский – на коллективистские начала и гармоничную интеграцию личности в общественные структуры, что находит прямое отражение в целях, содержании и методах внешкольного воспитания. Сравнительный анализ позволяет не только глубже понять особенности каждой системы, но и выявить опыт и потенциальные точки роста для их взаимного обогащения.

Список источников

1. Кириенко Е.А. Современное дополнительное (внешкольное) образование в КНР – результат эффективной политики реформ // Педагогика. 2020. № 10. С. 113 – 120.

2. Китай: к проблеме трансформации культурного кода // Культура и искусство. 2023. № 2. С. 35 – 41.

3. Коновалова Я.В., Бобрышов С.В. Культурный код как детерминанта общероссийской идентичности и фактор формирования гражданского сознания // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2026. № 1. С. 148 – 155.

4. Николаева А.Д., Би Цюшуан. Советско-российское и китайское патриотическое воспитание молодого поколения: специфика и традиции // Педагогика. 2025. № 3. С. 119 – 128.

5. Николенко Г.В. Сравнительный анализ культурных кодов России и Китая как ресурс формирования межкультурной компетенции // Русская литература в иностранной аудитории: материалы XVII Международной научно-практической конференции. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2026. С. 174 – 181.

6. Петрухина А.С., Шанхау И.Э. Российская культура и традиции как часть национального кода // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2024. № 10. С. 45 – 51.

7. Рожков В.П. Нравственные основания субъекта межцивилизационного диалога России и Китая // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2020. № 4 (36). С. 74 – 83.

8. Тихонова Н.Е., Каравай А.В. Национальный культурный код: морально-нравственный аспект // Вестник Института социологии. 2025. Т. 16. № 3. С. 87 – 119.

9. Мэн Юйфэн. «Социализм с китайской спецификой» в эпоху Си Цзиньпина: о концептуальных новациях в официальном политическом дискурсе КНР // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. № 4. С. 270 – 277.

10 Чанг З. Нормативно-правовая основа воспитательных ценностей развития профессионального образования в России и Китае // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 342 – 350.

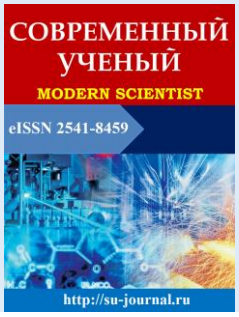
References

1. Kiriyenko E.A. Modern additional (extracurricular) education in the PRC – the result of an effective reform policy. Pedagogy. 2020. No. 10. P. 113 – 120.
2. China: On the Problem of Transformation of the Cultural Code. Culture and Art. 2023. No. 2. P. 35 – 41.
3. Konovalova Ya.V., Bobryshov S.V. Cultural code as a determinant of all-Russian identity and a factor in the formation of civic consciousness. Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2026. No. 1. P. 148 – 155.
4. Nikolaeva A.D., Bi Qiushuang. Soviet-Russian and Chinese patriotic education of the younger generation: specifics and traditions. Pedagogy. 2025. No. 3. P. 119 – 128.
5. Nikolenko G.V. Comparative Analysis of Cultural Codes of Russia and China as a Resource for Forming Intercultural Competence. Russian Literature in a Foreign Audience: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical Univ., 2026. P. 174 – 181.
6. Petrukhina A.S., Shankhau I.E. Russian Culture and Traditions as Part of the National Code. Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. 2024. No. 10. P. 45 – 51.
7. Rozhkov V.P. Moral Foundations of the Subject of Intercivilizational Dialogue between Russia and China. Humanitarian Bulletin of L.N. Tolstoy Tomsk State Pedagogical Univ. 2020. No. 4 (36). P. 74 – 83.
8. Tikhonova N.E., Karavai A.V. National Cultural Code: Moral and Ethical Aspect. Bulletin of the Institute of Sociology. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 87 – 119.
9. Meng Yufeng. “Socialism with Chinese Characteristics” in the Xi Jinping Era: On Conceptual Innovations in the Official Political Discourse of the PRC. State and Municipal Administration. Scientific Notes. 2018. No. 4. P. 270 – 277.
10. Chang Z. Normative and Legal Basis for Educational Values in the Development of Professional Education in Russia and China. Business. Education. Law. 2025. No. 1 (70). P. 342 – 350.

Информация об авторе

Николаева А.Д., доктор педагогических наук, профессор, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, allanikol@list.ru

© Николаева А.Д., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 372.881.111.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-320-325

Лингводидактический потенциал современного учебного пособия по домашнему чтению на английском языке

[1] Цверкун Ю.Б.

[1] Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал

Аннотация: данная статья посвящена определению лингводидактического потенциала современного учебного пособия по домашнему чтению на английском языке. В статье приводятся различные взгляды ученых на чтение как вид речевой деятельности, а также на домашнее чтение как один из важнейших компонентов процесса обучения иностранному языку. Автор подробно рассматривает основные аспекты, определяющие лингводидактический потенциал учебного пособия по домашнему чтению на английском языке в условиях цифровизации образования. В статье приводятся примеры заданий для выполнения на разных этапах работы с литературным произведением.
Ключевые слова: домашнее чтение, учебное пособие, обучение английскому языку, лингводидактический потенциал

Для цитирования: Цверкун Ю.Б. Лингводидактический потенциал современного учебного пособия по домашнему чтению на английском языке // Современный ученый. 2026. № 11. С. 320 – 325. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-320-325

Поступила в редакцию: 14 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Linguistic and didactic potential of a modern English home reading guide

[1] Tsverkun Yu.B.

[1] Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Federation Foreign Affairs Ministry (Odintsovo Branch)

Abstract: the main goal of this article is to determine the linguistic and didactic potential of a modern English home reding guide. In the paper different points of view on reading as a separate type of speech activity and home reading as one of the main components of the process of teaching English. The author considers the crucial aspects determining the linguistic and didactic potential of a modern English home reading guide in the context of digitalization in education. Various exercises to complete at different stages of reading a literary work are given in the article.
Keywords: home reading, guide, teaching English, media discourse, linguistic and didactic potential

For citation: Tsverkun Yu.B. Linguistic and didactic potential of a modern English home reading guide. Modern Scientist. 2026. 11. P. 320 – 325. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-320-325

The article was submitted: June 14, 2026; Approved after reviewing: July 10, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

При освоении иностранного языка чтение представляет собой один из важнейших источников лингвистической и социокультурной информации. Кроме того, чтение литературы на иностранном языке не только повышает мотивацию учащихся к освоению языка, поскольку процесс изучения становится более увлекательным, но и знакомит обучающихся с современными реалиями страны изучаемого языка. Домашнее чтение иностранной художественной литературы способствует развитию навыков устной речи, обогащает словарный запас, развивает критическое и аналитическое мышление. Обучение домашнему чтению на изучаемом языке играет важную роль в учебном процессе, поскольку студенты взаимодействуют с современным живым языком, а также появляется возможность обсудить литературное произведение, охарактеризовать героев.

Однако в современных условиях обучения требования к учебному пособию по домашнему чтению на иностранном языке постоянно меняются, дополняются. Рассмотрение основных требований к такому учебному пособию и определение его лингводидактического потенциала становится наиболее важным в условиях цифровой трансформации образования, доступа к огромному количеству учебных материалов, появления новых литературных произведений, что и объясняет **актуальность** данного исследования.

Целью данной работы является формулирование основных требований к современному учебному пособию по домашнему чтению на английском языке для студентов вузов, а также определение лингводидактического потенциала такого учебного пособия. **Объектом** исследования является домашнее чтение как вид самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка. **Предмет** исследования – лингводидактический потенциал современного учебного пособия по домашнему чтению для студентов вузов.

Домашнее чтение неоднократно становилось объектом исследования в трудах отечественных и зарубежных педагогов-исследователей. Так, в статье Т.М. Джалиловой подробно рассматриваются пять основных типов домашнего чтения на занятиях по иностранному языку [11]. Л.О. Шмыгарева определяет роль домашнего чтения в развитии и формировании иноязычной компетенции учащихся. В исследовании Ю.И. Казаковой поднимается проблема трансформации контексты преподавания домашнего чтения. Целью исследования автора стали поиск и разработка таких методов и приемов преподавания домашнего чтения, благодаря которым обеспечивалось бы комплексное развитие речевых умений с учетом специфики мышления обучающихся поколения Z [3]. Ю.В. Шлыкова, Р.В. Агеев, Е.С. Фирфарова и Д.С. Бабаева описывают опыт преподавания домашнего чтения и его роли в развитии иноязычной компетенции у студентов-лингвистов. Авторы разработали комплекс упражнений, которые можно адаптировать под любое художественное произведение [4]. Кроме того, Е.Ю. Ваганова, М.И. Сирык разработали рекомендации по проведению занятий по домашнему чтению на иностранном языке с использованием электронного перевода и других цифровых технологий [2]. Е.А. Шишиморова и С.О. Макеева делятся своим опытом разработки и апробации учебного-пособия по домашнему чтению [7].

В отличие от перечисленных выше работ в данной статье формулируются требования к современному учебному пособию по домашнему чтению на английском языке в вузе и определяется лингводидактический потенциал такого учебного пособия, что является **новизной** данного исследования.

Материалы и методы исследований

Автором данной статьи были предпринята попытка разработки современного учебного пособия по домашнему чтению на английском языке (Уровни B2-C1) [6], которое и послужило материалом данного исследования. В ходе работы над пособием и в процессе его апробации возник вопрос о требованиях, предъявляемых к современным учебным пособиям, а также об основных компонентах, которые должны содержаться в таком пособии. Методы исследования включают методы эмпирического анализа и метод анализа научно-педагогической литературы.

Результаты и обсуждения

Е.Н. Соловова рассматривает чтение как самостоятельный вид речевой деятельности и как средство формирования смежных языковых и речевых навыков и умений [5, с. 140]. Автор отмечает, что в условиях

разнообразия текстов доступных для использования в учебных целях основная трудность заключается в выборе наиболее удачных материалов. Среди требований к текстам Е.Н. Соловова выделяет следующие: объем текста, место основной идеи текста, тематика текста, проблематика текста и степень аутентичности. Говоря о последнем критерии, автор подчеркивает, что «чем старше учащиеся и чем выше их уровень коммуникативной компетенции, тем шире спектр аутентичных текстов» [5, с. 156]. Благодаря современным технологиям аутентичные тексты становятся все более доступными для использования в учебном процессе, однако здесь возникает серьезная проблема: «аутентичные тексты могут быть и проводниками определенной идеологии, не всегда приемлемой для нас» [5]. В связи с чем возникает необходимость в формировании критического осмысления прочитанного.

По мнению Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез, чтение представляет собой «сложную аналитико-синтетическую деятельность, складывающуюся из восприятия и понимания текста, причем самое совершенное (зрелое) чтение характеризуется слиянием этих двух процессов и концентрацией внимания на смысловой стороне содержания» [1, с. 224]. Говоря о текстах для чтения, авторы особенно выделяют тексты художественной литературы, поскольку такие тексты «создают большие возможности для накопления и уточнения знаний о культуре страны изучаемого языка, включая знания по истории, географии, литературе и др.» [1, с. 238]. Отмечается также, что тексты художественной литературы представляют собой определенные трудности для обучающихся, так как сочетают логическую (интеллектуальную) информацию с образной, т.е. эмоциональной. Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез поясняют, что культурный контекст содержит реалии, авторский стиль и разнообразные средства выразительности [1].

На наш взгляд, основная цель учебных пособий по домашнему чтению состоит в развитии у студентов навыков работы с неадаптированной художественной литературой, расширении словарного запаса, формировании навыков письма и совершенствовании навыков говорения. В контексте цифровой трансформации образования требования, предъявляемые к современному учебному пособию по домашнему чтению на иностранном языке, меняются.

Поясним, что лингводидактический потенциал современного учебного пособия по домашнему чтению на английском языке определяется несколькими ключевыми аспектами, каждый из которых играет важную роль в эффективном обучении иностранному языку:

1. Грамматическая, лексическая, тематическая, культурная корреляция с основными разделами учебно-методического комплекса, используемого в рамках дисциплины «Иностранный язык (английский)» на программах бакалавриата / специалитета / магистратуры по направлению подготовки «Лингвистика».

2. Подбор разножанровых литературных произведений на английском языке, что позволило бы студентам бакалавриата / специалитета / магистратуры по направлению подготовки «Лингвистика» подготовиться к более успешному освоению дисциплины «История англоязычной литературы». Более того, разнообразие жанров и тематик текстов помогает развивать культурную осведомленность и понимание особенностей англоязычной литературы и культуры.

3. Наличие коммуникативных заданий с элементами литературного анализа, что позволило бы студентам не только обсудить прочитанное произведение, обогатить словарный запас, но и совершенствовать коммуникативные навыки, а также развивать навыки аналитического чтения.

4. Подбор видеоматериалов к каждому литературному произведению, что помогло бы лучше понять проблемы, поднятые в произведении, узнать дополнительные сведения об авторе и / или произведении, определенные особенности литературного стиля автора и др.

5. Разработка дополнительных заданий (*worksheets*) к литературным произведениям, приведенных в конце каждого раздела учебного пособия, что способствовало бы совершенствованию навыков письменной речи;

6. Наличие QR-кодов, сопровождающих видеоматериалы, тексты произведений и дополнительные задания, что облегчило бы доступ к соответствующим файлам и работу с ними.

В процессе использования учебного пособия по домашнему чтению на английском языке наиболее эффективной представляется работа с оригинальным текстом по двум направлениям: 1) *лексическому* (освоение и тренировка использования предлагаемого вокабуляра, анализ контекста его употребления); 2) *интерпретационному* (анализ содержания текста, формирование и высказывание собственного мнения по поднимаемым проблемам).

Наиболее логичной представляется следующая *структура* главы, посвященной одному литературному произведению в учебном пособии: биографические данные об авторе, оригинальный текст произведения или QR-код, содержащий ссылку на него, глоссарий, вопросы и задания (*before reading, while reading, after reading*). В глоссариях необходимо привести наиболее значимые слова и словосочетания, которые, с одной

стороны, облегчат пересказ текста, описание героев, основных событий, обсуждение символов и проблем, а с другой стороны, обогатят словарный запас студентов.

Традиционно работа с литературным произведением организовывается в три этапа: предтекстовый этап (*before reading*), текстовый этап (*while reading*), послетекстовый этап (*after reading*).

1) ***Предтекстовый этап*** (***before reading***) содержит упражнения, направленные на активизацию предшествующих знаний, имеющих отношение к биографии автора литературного произведения, его творчеству. На этом этапе также выдвигаются предположения в отношении его содержания. Например:

a) What is the title of the book?

b) Does the title provide you with any clues as to what the book might include?

c) Do you know any other works by this author?

d) Who published this book? When?

e) Does the date of publication tell you anything about the contents of the book?

В этой части каждого раздела пособия рекомендуется привести вспомогательные материалы по биографии автора и его другим произведениям. Студенты могут не только ознакомиться с фактами из жизни писателей, но и ответить на вопросы по предлагаемым материалам, подготовиться к дискуссии. Например, перед чтением рассказов Э. Хемингуэя представляется целесообразным ознакомить студентов с «*Принципом айсберга*» (“*Iceberg Theory”*), литературным приемом, где лишь малая видимая часть текста (действия, диалоги, факты) раскрывает основную, скрытую глубину повествования (эмоции, подтекст, скрытые смыслы), подобно айсбергу, 7/8 которого находится под водой. Автор показывает только «верхушку», оставляя читателю домысливать недосказанное, что делает текст более значимым и позволяет глубже погрузиться в историю. Можно предложить студентам посмотреть видео об этой теории [9] и обсудить следующие вопросы:

a) What kind of news did Ernest Hemingway write as a journalist?

b) What did he put more time and effort into while writing short stories?

c) What is understood by selective omission?

d) What is the tip of the iceberg in the framework of the theory?

e) What is understood by the hidden part of the iceberg? [6]

2) Текстовый этап (while reading) включает вопросы и задания, направленные на понимание содержания литературного произведения. На этом этапе также выполняются задания, которые носят лексический характер:

а) *поиск лексических единиц в тексте*. Обсуждается конкретная единица, ее значение и коннотации, контекст и особенности употребления. В отдельных случаях могут быть приведены синонимы и антонимы лексической единицы, обсуждены различия в их значениях и употреблении. В данном типе работы поисковое чтение сопровождается использованием толковых и переводных словарей. Например: *Explain the meaning of the following words and word-combinations. Remember the context they were used in*: *to be of a sturdy built, to bulge out of smth, to make one’s way somewhere, so-and-so, to be put in with smb, to be all for smth*.

б) *перевод художественных фрагментов с английского на русский язык.* Работа с лексическими единицами в некоторых случаях может представлять собой задание на перевод. Для удобства в заданиях курсивом выделены единицы из активного вокабуляра. Например: translate the following extract into Russian:

There was a pier-glass between the windows of the room. Perhaps you have seen a pier-glass in an $8 flat. A very thin and very agile person may, by observing his reflection in a rapid sequence of longitudinal strips, obtain a fairly accurate conception of his looks. Della, being slender, had mastered the art [10].

в) *прочие задания лексикологического характера*. К ним относятся, например, формулировка дефиниций, выделение синонимических рядов, отбор составных прилагательных, подбор синонимов / антонимов, перифраз. Например: *Paraphrase the italicized parts of the following sentences.*

a. All emotions, and that one particularly, were *abhorrent to* his cold, *precise but admirably balanced mind*.

b. He *was pacing* the room *swiftly, eagerly,* with his head *sunk upon* his chest and his hands clasped behind him.

c. Obviously they have been caused by someone who has very *carelessly scraped round* the *edges of the sole* in order to remove *crusted mud* from it.

3) Послетекстовый этап (after reading) содержит задания, целью которых является стимулирование мыслительной деятельности студентов, рассуждение на волнующие автора темы, сопоставление авторских позиций и мнений героев со своим собственным опытом и мировоззрением. Обсуждение вопросов в аудиторных условиях перерастает в дискуссию, что способствует развитию навыков неподготовленной устной

речи. Например, после прочтения рассказа «Mars is Heaven!» Рэя Брэдбери можно предложить студентам следующее задание:

Questions for further discussion:

a) How did the Martians trick the crew when they landed on Mars? Why do you think the Martians did not fight them with weapons?

b) Why were the crew confused when the ship landed on Mars? Which ideas did they think of to explain the things they saw on the planet?

c) Why was it so hard for the crew to recognize that they were in real danger?

d) What does the author of the story want to say about human weakness?

e) The seductive - even fatal - nature of nostalgia and memory is considered to be the main theme of this story. Do you agree? Why / Why not? Explain [6].

Также представляется целесообразным в приложении к учебному пособию по домашнему чтению привести план анализа литературного произведения [10, с. 210], рекомендации по обсуждению литературного произведения в группе [10, с. 215], указания по краткому изложению его содержания [10, с. 218].

Выводы

Итак, домашнее чтение является важным компонентом процесса обучения английскому языку, способствующим всестороннему развитию языковых компетенций учащихся. Лингводидактический потенциал современного учебного пособия по домашнему чтению на английском языке заключается в его способности обеспечивать комплексный подход к обучению, развивая одновременно лингвистические, когнитивные и коммуникативные навыки учащихся.

Среди основных аспектов, определяющих лингводидактический потенциал современного учебного пособия по домашнему чтению, отметим разноаспектную корреляцию пособия с основными разделами УМК по иностранному языку (английскому), разнообразие жанров и тематик литературных произведений, включенных в пособие, коммуникативные задания, направленные на совершенствование навыков устной речи, видео- и аудиоматериалы как дополнительные источники информации о авторе и произведении.

Список источников

1. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. 3е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.

2. Ваганова Е.Ю., Сирык М.И. Применение цифровых технологий при организации занятий по домашнему чтению // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2023. № 1 (63). С. 146 – 152.

3. Казакова Ю.И. Межпредметный подход на занятиях по домашнему чтению // Магия ИННО: перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях: Электронный сборник научных трудов, Москва, 20-21 октября 2023 года. Москва: МГИМО МИД России, 2024. С. 50 – 58.

4. Шлыкова Ю.В., Агеев Р.В., Фирфарова Е.С., Бабаева Д.С. Роль домашнего чтения в формировании речевой компетенции у студентов языкового профиля подготовки // Казанская наука. 2025. № 5. С. 105 – 107.

5. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языка: Базовый курс лекций: пособие для студентов пед. вузов и учителей. М. : Просвещение, 2002. 239 с.

6. Цверкун Ю.Б. Home Reading. Учебное пособие по домашнему чтению для студентов 1 курса. Уровни B2-C1: учебное пособие. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "КноРус", 2025. 232 с.

7. Шишиморова Е.А., Макеева С.О. Разработка пособия по домашнему чтению в рамках модели личностного роста обучающихся // Актуальные проблемы лингвистики и методики: Материалы XII студенческой научно-практической конференции с международным участием, Екатеринбург, 14 апреля 2020 года. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. С. 163 – 171.

8. Collins English Dictionary. [Electronic resource]. URL: collinsdictionary.com (date of treatment: 21.05.2026)

9. Ernest Hemingway’s Iceberg Theory. [Electronic resource]. URL: https://disk.yandex.ru/i/G5VK3EtP03bllQ (date of treatment: 21.05.2026)

10. Henry O. The Gift of the Magi. [Electronic resource]. URL: https://www.owleyes.org/text/gift-magi/read/the-gift-of-the-magi#root-218982-5 (date of treatment: 21.05.2026)

11. Jalilova T.M. Home reading as an aspect of teaching foreign language// Colloquium-Journal. 2022. No. 1-1(124). P. 44 – 46.

References

1. Gal'skova N.D., Gez N.I. Theory of Teaching Foreign Languages. Lingvodidactics and Methods: A Textbook for Students of Linguistic Universities and Faculties of Foreign Languages of Higher Pedagogical Educational Institutions. 3rd ed., reprinted. Moscow: Publishing Center "Academy", 2006. 336 p.

2. Vaganova E.Yu., Siryk M.I. Using Digital Technologies in Organizing Home Reading Classes. Bulletin of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences. 2023. No. 1 (63). P. 146 – 152.

3. Kazakova Yu.I. An Interdisciplinary Approach to Home Reading Classes. The Magic of INNO: Prospects for the Development of Linguistics and Lingvodidactics in Modern Conditions: Electronic Collection of Scientific Papers, Moscow, October 20-21, 2023. Moscow: MGIMO MID of Russia, 2024. P. 50 – 58.

4. Shlykova Yu.V., Ageev R.V., Firfarova E.S., Babaeva D.S. The Role of Home Reading in Developing Speech Competence in Students Majoring in Language Studies. Kazan Science. 2025. No. 5. P. 105 – 107.

5. Solova E.N. Methods of Teaching Foreign Languages: Basic Lecture Course: A Handbook for Students of Pedagogical Universities and Teachers. Moscow: Prosveshchenie, 2002. 239 p.

6. Tsverkun Yu.B. Home Reading. A tutorial on home reading for first-year students. Levels B2-C1: a tutorial. Moscow: Limited Liability Company "Izdatelstvo "KnoRus", 2025. 232 p.

7. Shishimorova E.A., Makeeva S.O. Development of a Home Reading Manual within the Framework of the Personal Growth Model of Students. Actual Problems of Linguistics and Methodology: Proceedings of the XII Student Scientific and Practical Conference with International Participation, Yekaterinburg, April 14, 2020. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2020. P. 163 – 171.

8. Collins English Dictionary. [Electronic resource]. URL: collinsdictionary.com (date of treatment: 21.05.2026)

9. Ernest Hemingway’s Iceberg Theory. [Electronic resource]. URL: https://disk.yandex.ru/i/G5VK3EtP03bllQ (date of treatment: 21.05.2026)

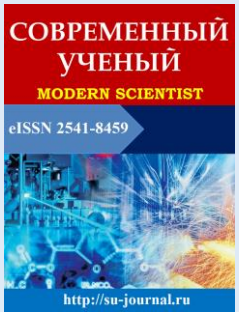
10. Henry O. The Gift of the Magi. [Electronic resource]. URL: https://www.owleyes.org/text/gift-magi/read/the-gift-of-the-magi#root-218982-5 (date of treatment: 21.05.2026)

11. Jalilova T.M. Home reading as an aspect of teaching foreign language. Colloquium-Journal. 2022. No. 1-1(124). P. 44 – 46.

Информация об авторе

Цверкун Ю.Б., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и переводоведения, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9084-5880, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Одинцовский филиал, y.cverkun@odin.mgimo.ru

© Цверкун Ю.Б., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.14
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-326-331

Комплексная программа формирования успешности университетского обучения иностранных граждан

[1] Шимкович Е.Д.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: статья посвящена проблеме разработки и внедрения комплексной программы формирования успешности обучения иностранных граждан на подготовительном факультете университета. Цель исследования – теоретически обосновать и представить практико-ориентированный алгоритм реализации авторской программы формирования успешности обучения иностранных граждан на подготовительном факультете университета. В работе использованы методы теоретического анализа педагогической литературы, моделирования образовательных процессов и обобщения опытно-экспериментальной работы, проведенной на подготовительном факультете Казанского (Приволжского) федерального университета в 2022–2025 гг. В результате исследования обоснована содержательная триада «Активность – Взаимодействие – Ситуативность» (АВС), представлена процессуальная характеристика обучения, включающая оптимальное сочетание форм, методов и средств обучения, а также пятикритериальная система диагностики результативности. Программа включает три основных этапа (подготовительный, практический, обобщающий) и детализированный план мероприятий на учебный год. Практический этап реализуется в рамках четырех последовательных блоков: диагностико-адаптационный, проектировочный, основной реализационный и контрольно-рефлексивный. Практическая значимость работы состоит в возможности адаптации предложенной программы для подготовительных факультетов российских университетов, что будет способствовать повышению качества обучения иностранных граждан, их успешной академической и социокультурной интеграции, а также укреплению позиций России на международном рынке образовательных услуг.
Ключевые слова: успешность обучения, иностранные граждане, подготовительный факультет, программа формирования успешности, триада «АВС», академическая адаптация, социокультурная интеграция

Для цитирования: Шимкович Е.Д. Комплексная программа формирования успешности университетского обучения иностранных граждан // Современный ученый. 2026. № 11. С. 326 – 331. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-326-331

Поступила в редакцию: 15 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Comprehensive program for the formation of success of university education for foreign citizens

[1] Shimkovich E.D.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article is devoted to the problem of developing and implementing a comprehensive program for developing the educational success of foreign citizens at the preparatory faculty of the university. The aim of the study is to theoretically substantiate and present a practice-oriented algorithm for implementing the author's program for developing the educational success of foreign citizens at the preparatory faculty of the university. The work uses methods of theoretical analysis of pedagogical literature, modeling of educational processes, and generalization of experimental work conducted at the preparatory faculty of Kazan (Volga Region) Federal University in 2022-2025. As a result of the study, the substantive triad "Activity – Interaction – Contextuality" (AIC) is substantiated, a procedural description of training is presented, including an optimal combination of forms, methods and teaching tools, as well as a five-criteria system for diagnosing effectiveness. The program includes three main stages (preparatory, practical, generalizing) and a detailed action plan for the academic year. The practical stage is implemented within four sequential blocks: diagnostic-adaptive, design, main implementation, and control-reflexive. The practical significance of the work lies in the possibility of adapting the proposed program for preparatory faculties of Russian universities, which will contribute to improving the quality of education for foreign citizens, their successful academic and sociocultural integration, as well as strengthening Russia's position in the international educational services market.
Keywords: educational success, foreign citizens, preparatory faculty, program for developing success, AIC triad, academic adaptation, sociocultural integration

For citation: Shimkovich E.D. Comprehensive program for the formation of success of university education for foreign citizens. Modern Scientist. 2026. 11. P. 326 – 331. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-326-331

The article was submitted: June 15, 2026; Approved after reviewing: July 11, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В условиях реализации государственной политики по экспорту российского образования и увеличению числа иностранных студентов в вузах РФ особую значимость приобретает проблема обеспечения успешности их обучения на начальном этапе – в рамках подготовительного факультета. Как справедливо отмечают исследователи, подготовительный факультет является первой и ключевой ступенью в системе университетского обучения иностранных граждан, поскольку именно здесь закладывается фундамент языковой, предметной и социокультурной компетенций, необходимых для дальнейшего профессионального становления [1].

Анализ современной научной литературы показывает, что проблематика обучения иностранных студентов традиционно рассматривается в контексте социокультурной адаптации [2, 3], межкультурной коммуникации [4] или психолого-педагогического сопровождения [5]. Однако, как отмечает Е.С. Сергушина, целостные программы, интегрирующие дидактические, методические и воспитательные аспекты и ориентированные на подготовительные факультеты, разработаны недостаточно [6, с. 1355]. Имеющиеся исследования описывают отдельные приемы и технологии обучения иностранных граждан [7, 8], но не выстраивают их в системный комплекс, обеспечивающий формирование успешности их обучения как интегративного качества личности.

Цель данной статьи – представить теоретико-методологическое обоснование и содержательно-процессуальное наполнение комплексной программы формирования успешности университетского обучения иностранных граждан, апробированной на подготовительном факультете Казанского (Приволжского) федерального университета.

Материалы и методы исследований

Для разработки программы использовались следующие методы: теоретический анализ и синтез педагогической литературы по проблеме обучения иностранных граждан; моделирование педагогических процес-

сов, позволяющее структурировать компоненты программы в целостную систему; обобщение передового педагогического опыта работы подготовительных факультетов/отделений российских университетов; анализ результатов опытно-экспериментальной работы, проведенной на подготовительном факультете Казанского (Приволжского) федерального университета в 2022-2025 гг.

Эмпирическую базу исследования составили данные входной и итоговой диагностики более 300 иностранных слушателей подготовительного факультета, обучавшихся по различным образовательным профилям (медико-биологическому, инженерно-техническому и технологическому, гуманитарному, экономическому или естественнонаучному). Диагностический инструментарий включал стандартизированные тесты по русскому языку как иностранному и профильным дисциплинам, методики оценки учебной мотивации, познавательной самостоятельности, социокультурной адаптации и самооценки образовательных достижений [9].

Результаты и обсуждения

Разработанная программа базируется на авторском коммуникативно-персонализированном подходе, суть которого заключается в синтезе коммуникативных принципов обучения и персонализированной образовательной стратегии. Содержательную основу программы составляет триада «Активность – Взаимодействие – Ситуативность» (АВС) [10].

Активность предполагает использование коммуникативных задач и проектов в учебной и внеучебной деятельности, что обеспечивает высокую познавательную вовлеченность студентов. Как показывают исследования Р.А. Валеевой и соавторов, академическая вовлеченность является ключевым предиктором успешности обучения в вузе [11, с. 155]. Взаимодействие реализуется через всестороннее сотрудничество между преподавателями, студентами, тьюторами, кураторами и наставниками, создавая «ситуацию успеха» и поддерживая мотивацию достижения [12]. Ситуативность обеспечивает контекстуальность и практическую направленность обучения через моделирование реальных ситуаций академической и бытовой коммуникации, что значительно повышает эффективность усвоения материала иностранными обучающимися [13].

Процессуальный компонент программы включает вариативное сочетание форм организации обучения (индивидуальная, парная, групповая, персональное сопровождение), методов обучения (коммуникативные, активные, проектные, проблемные, исследовательские) и современных средств обучения. Среди последних особое место занимают адаптивные цифровые платформы (Moodle, Stepik, Studerus), которые, как отмечают исследователи, позволяют эффективно персонализировать образовательный процесс и обеспечивают доступ к учебным материалам в любое время [14]. Использование мобильного приложения «Studerus» и инструментов видеоконференцсвязи способствует непрерывности образовательного процесса и оперативной обратной связи [10].

Диагностический компонент программы представлен пятикритериальной системой оценки результативности, включающей когнитивный, мотивационный, операциональный, адаптационный и рефлексивный критерии. Для каждого критерия разработан валидный диагностический инструментарий, апробированный в ходе опытно-экспериментальной работы:

- когнитивный критерий оценивается через стандартизированные тесты по РКИ и профильным дисциплинам;
- мотивационный критерий диагностируется с помощью методики мотивационного профиля Ричи-Мартина;
- операциональный критерий измеряется опросником оценки сформированности познавательной самостоятельности студентов;
- адаптационный критерий – методикой диагностики социокультурной адаптации и шкалой тревожности Спилбергера-Ханина;
- рефлексивный критерий – авторской методикой выявления самооценки учебных достижений [9].

Реализация программы осуществляется в три этапа, повторяющихся в каждом учебном году.

Подготовительный этап (июнь-август) включает анализ результатов обучения иностранных граждан предыдущего года, актуализацию нормативно-правовой базы, корректировку диагностического инструментария и формирование рабочей группы из числа сотрудников подготовительного факультета. Как показано в исследовании А.Н. Дунец и Н.М. Никонова, тщательная подготовка организационных и методических ресурсов является необходимым условием качества обучения иностранных студентов [15, с. 77].

Практический этап (сентябрь–июнь) структурирован в четыре логически взаимосвязанных блока.

Первый блок – диагностико-адаптационный (сентябрь) – предполагает комплексную входную диагностику, проведение ориентационных лекций-диалогов, экскурсий и коммуникативных тренингов. Результатом является формирование первичного индивидуального образовательного профиля студента и снижение начального уровня тревожности.

Второй блок – проектировочный (сентябрь-октябрь) – включает совместное с тьютором проектирование персонализированной индивидуальной образовательной траектории (ПИОТ) иностранных обучающихся, формирование учебных групп по принципу схожести ПИОТ и настройку цифровых профилей обучающихся на платформах. Важно подчеркнуть, что элементы персонализации в российских и зарубежных вузах различаются, и предложенный подход адаптирован к специфике российского подготовительного образования [16, с. 30].

Третий блок – основной реализационный (октябрь-июнь) – представляет собой погружение в коммуникативно-персонализированную среду. В рамках учебного процесса реализуется модель смешанного обучения с использованием цифровых платформ и активных методов. Внеучебная деятельность включает работу разговорных клубов, интеллектуальные игры, подготовку к студенческим олимпиадам и конференциям. Особое внимание уделяется системе сопровождения, включающей кураторов (решение административных вопросов), тьюторов (развитие учебной автономии) и наставников из числа «равных» (преодоление языковых и психологических барьеров). Социокультурная интеграция иностранных обучающихся обеспечивается участием в общеуниверситетских и городских мероприятиях, что является одним из ключевых факторов успешной адаптации [4].

Четвертый блок – контрольно-рефлексивный (май-июнь) – включает итоговую диагностику по пяти критериям, анализ портфолио, индивидуальные беседы с тьютором и формирование «Карты образовательных достижений и рекомендаций иностранного обучающегося» для преподавателей основных факультетов. Такая система позволяет не только оценить динамику, но и обеспечить преемственность в обучении иностранных граждан [9, с. 59].

Обобщающий этап (ежегодно – июль-август) предполагает анализ результатов за учебный год, соотнесение их с поставленными целями и корректировку программы на основе выявленных дефицитов.

В рамках программы разработан детализированный план реализации на учебный год, включающий мероприятия, сгруппированные по четырем направлениям: организационно-педагогические и диагностические, учебно-методические и коммуникативные, социокультурные и воспитательные, а также работу с педагогами и наставниками. Такой комплексный подход соответствует современным требованиям к организации образовательного процесса для иностранных граждан и обеспечивает эффективное решение задач их академической и социокультурной адаптации.

Выводы

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, разработанная комплексная программа формирования успешности обучения иностранных граждан представляет собой практико-ориентированный алгоритм реализации коммуникативно-персонализированного подхода в условиях подготовительного факультета. В отличие от существующих разработок, программа предлагает целостную систему, интегрирующую диагностический, содержательный, процессуальный и оценочный компоненты.

Во-вторых, содержательная триада «АВС» (Активность – Взаимодействие – Ситуативность) обеспечивает системную организацию образовательной среды, а пятикритериальная диагностическая модель позволяет объективно отслеживать динамику формирования успешности обучения на всех этапах образовательного процесса.

В-третьих, практическая значимость программы подтверждена результатами опытно-экспериментальной работы на подготовительном факультете Казанского (Приволжского) федерального университета в 2022-2025 гг. Предложенная программа может быть адаптирована для использования на подготовительных факультетах других российских университетов, что будет способствовать повышению качества обучения иностранных граждан и укреплению позиций России на международном рынке образовательных услуг.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются разработка цифрового инструментария для автоматизации диагностики и мониторинга успешности обучения, а также изучение долгосрочного влияния реализованной программы на академическую успеваемость иностранных студентов на основных факультетах университета.

Список источников

1. Тюменцева Е.В., Харламова Н.В., Ионкина Е.С., Горьковская В.Д., Харламов О.С. Подготовка иностранных студентов к освоению основных образовательных программ высшего образования в российских вузах // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. № 11 (4). С. 56 – 67. DOI: 10.22412/1999-5644-11-4-8

2. Башеров О.И., Голосова О.М., Тростина К.В., Циколенко Л.И. Основные проблемы сопровождения адаптации иностранных студентов к социокультурной среде вуза // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 2-1 (76). С. 12 – 20. DOI: 10.25726/s8187-6499-5603-o

3. Береговая О.А, Лопатина С.С., Отургашева Н.В. Барьеры социокультурной адаптации иностранных студентов в российских вузах // Перспективы науки и образования. 2019. № 2. С. 108 – 118.

4. Овчаренко Н.Н. Адаптация иностранных студентов подготовительного факультета к новой языковой среде в процессе межкультурной коммуникации // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2019. Т. 1. С. 632 – 634.

5. Ващенко И.С. Психолого-педагогическое сопровождение иностранных обучающихся в процессе адаптации // Образование. Карьера. Общество. 2024. № 4 (83). С. 33 – 37.

6. Сергушина Е.С. Актуальные задачи и перспективы развития системы довузовской подготовки // L Огаревские чтения: материалы научной конференции: в 3 ч. Ч. 3. Саранск, 2022. С. 1353 – 1362.

7. Жерлицына О.А., Лебедева Ю.В., Сафина Е.В. Особенности обучения иностранных студентов в российском университете: проблемы и трудности // Наука. Искусство. Культура. 2022. № 1 (33). С. 193 – 198.

8. Шафигулина И.Ф. Инновационные технологии обучения русскому языку иностранных студентов // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 84-1. С. 353 – 355.

9. Шимкович Е.Д., Гильманшина С.И. Оценка успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета // Глобальный научный потенциал. 2025. № 4 (169). С. 56 – 60.

10. Шимкович Е.Д., Гильманшина С.И. Концепция успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета университета // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 195 – 205. DOI: 10.17223/15617793/515/23

11. Валеева Р.А., Полякова О.В., Сунгатуллина Д.Д., Латыпова Л.А., Сиразеева А.Ф., Горелова Ю.Н. Академическая вовлеченность: осмысление понятия // Образование и саморазвитие. 2025. № 1. С. 151 – 166. DOI: 10.26907/esd.20.1.11

12. Кривченко Е.А. Учебная мотивация и адаптация иностранных студентов, поступивших в российский вуз // Вестник науки. 2022. Т. 1. № 5 (50). С. 34 – 39.

13. Данилова Л.Н. Комплексный подход к адаптации иностранных студентов в российских вузах // Журнал прикладных исследований. 2025. № 7. С. 206 – 218. DOI: 10.47576/2949-1878.2025.7.7.027

14. Шимкович Е.Д., Ефимова И.Г., Махмутова Г.Ф. Влияние интерактивных технологий на успешность университетского обучения иностранных граждан // Science for Education Today. 2025. № 4. С. 158 – 178. DOI: 10.15293/2658-6762.2504.07

15. Дунец А.Н., Никонов Н.М. О качестве обучения иностранных студентов на примере регионального вуза // Наука и образование Большого Алтая. 2017. Вып. 1. С. 72 – 81.

16. Иванова О.А. Элементы персонализации в системе обучения студентов российских и зарубежных вузов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2024. Т. 13. № 3. С. 28 – 32. DOI: 10.24412/2225-8264-2024-3-835

References

1. Tyumentseva E.V., Kharlamova N.V., Ionkina E.S., Gorkovskaya V.D., Kharlamov O.S. Preparing foreign students for mastering the main educational programs of higher education in Russian universities. Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2017. No. 11 (4). P. 56 – 67. DOI: 10.22412/1999-5644-11-4-8

2. Basherov O.I., Golosova O.M., Trostina K.V., Tsikolenko L.I. Main problems of supporting the adaptation of foreign students to the socio-cultural environment of the university. Education Management: Theory and Practice. 2024. Vol. 14. No. 2-1 (76). P. 12 – 20. DOI: 10.25726/s8187-6499-5603-o

3. Beregovaya O.A., Lopatina S.S., Oturgasheva N.V. Barriers to Sociocultural Adaptation of Foreign Students in Russian Universities. Prospects of Science and Education. 2019. No. 2. P. 108 – 118.

4. Ovcharenko N.N. Adaptation of Foreign Students of the Preparatory Faculty to a New Language Environment in the Process of Intercultural Communication. Modern Education: Content, Technologies, Quality. 2019. Vol. 1. P. 632 – 634.

5. Vashchenko I.S. Psychological and Pedagogical Support of Foreign Students in the Adaptation Process. Education. Career. Society. 2024. No. 4 (83). P. 33 – 37.

6. Sergushina E.S. Actual tasks and prospects for the development of the pre-university training system. L Ogarevskie readings: materials of the scientific conference: in 3 parts. Part 3. Saransk, 2022. P. 1353 – 1362.

7. Zherlitsyna O.A., Lebedeva Yu.V., Safina E.V. Features of teaching foreign students at a Russian university: problems and difficulties. Science. Art. Culture. 2022. No. 1 (33). P. 193 – 198.

8. Shafigulina I.F. Innovative technologies for teaching Russian to foreign students. Problems of modern pedagogical education. 2024. No. 84-1. P. 353–355.

9. Shimkovich E.D., Gilmanshina S.I. Evaluation of the Success of University Education of Foreign Citizens in the Preparatory Faculty. Global Scientific Potential. 2025. No. 4 (169). P. 56 – 60.

10. Shimkovich E.D., Gilmanshina S.I. The Concept of Success of University Education of Foreign Citizens in the Preparatory Faculty of the University. Bulletin of Tomsk State University. 2025. No. 515. P. 195 – 205. DOI: 10.17223/15617793/515/23

11. Valeeva R.A., Polyakova O.V., Sungatullina D.D., Latypova L.A., Sirazeeva A.F., Gorelova Yu.N. Academic Engagement: Understanding the Concept. Education and Self-Development. 2025. No. 1. P. 151 – 166. DOI: 10.26907/esd.20.1.11

12. Krivchenko E.A. Academic Motivation and Adaptation of Foreign Students Enrolled in a Russian University. Science Herald. 2022. Vol. 1. No. 5 (50). P. 34 – 39.

13. Danilova L.N. An integrated approach to the adaptation of foreign students in Russian universities. Journal of Applied Research. 2025. No. 7. P. 206 – 218. DOI: 10.47576/2949-1878.2025.7.7.027

14. Shimkovich E.D., Efimova I.G., Makhmutova G.F. The influence of interactive technologies on the success of university education of foreign citizens. Science for Education Today. 2025. No. 4. P. 158 – 178. DOI: 10.15293/2658-6762.2504.07

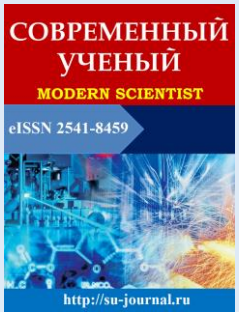
15. Dunets A.N., Nikonov N.M. On the Quality of Education for International Students: A Regional University as an Example. Science and Education of Greater Altai. 2017. Issue 1. P. 72 – 81.

16. Ivanova O.A. Elements of Personalization in the Student Education System of Russian and Foreign Universities. Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technology. 2024. Vol. 13. No. 3. P. 28 – 32. DOI: 10.24412/2225-8264-2024-3-835

Информация об авторе

Шимкович Е.Д., кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин подготовительного факультета для иностранных учащихся, ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-1520-1078, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская 18, EDShimkovich@kpfu.ru

© Шимкович Е.Д., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.147
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-332-340

Роль интеграции аутентичных материалов в процесс обучения иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза

[1] Шкенева С.С.

[1] Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Аннотация: в статье актуализирована проблема аутентичности современных учебных материалов в образовательном процессе иноязычной подготовки обучающихся на уровне магистратуры неязыкового вуза. Автором выделяются основные параметры обучения иностранному языку на этапе магистратуры и предлагаются эффективные методики развития профессионально значимых языковых компетенций. Принимая во внимание возрастной уровень и ранее приобретенный языковой опыт магистрантов, автор подчеркивает особую необходимость использования аутентичных языковых средств, созданных носителями языка и не подвергшихся каким-либо методическим модификациям в педагогических целях, в качестве образовательного вектора развития межкультурной коммуникативной компетенции, оптимизации профессиональной мотивации, поэтапного погружения и интеграции в реальное языковое пространство. Подчеркивая важность грамотного внедрения и систематического применения аутентичных языковых материалов и инструментов, автор также рассматривает специфику англоязычного дискурса и факторы, определяющие выбор аутентичных материалов на определенном этапе обучения уровня магистратуры. Особое внимание уделяется формированию навыка работы с высококачественными оригинальными статьями и иными аутентичными информационными ресурсами, посвященными современным научным разработкам и исследованиям в профессиональной индустрии, соответствующей профилю подготовки и интересам будущего молодого специалиста. В связи с этим, автор приводит конкретные примеры структурированного подхода к работе с аутентичными материалами в рамках интерактивных практических занятий, являющимися необходимым условием решения реальных задач в различных профессиональных контекстах.

Ключевые слова: аутентичные материалы, магистратура, академическое взаимодействие, академическая лексика, профессионально-ориентированная лексика

Для цитирования: Шкенева С.С. Роль интеграции аутентичных материалов в процесс обучения иностранному языку в магистратуре неязыкового вуза // Современный ученый. 2026. № 11. С. 332 – 340. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-332-340

Поступила в редакцию: 16 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The role of integrating authentic materials into the foreign language teaching process in a master course at a non-linguistic university

[1] Shkeneva S.S.

[1] Plekhanov Russian University of Economics

Abstract: the article tackles the issue of authenticity in modern educational materials used for foreign language training of master's students in non-language university programs. The author identifies key aspects of foreign language education at the master's level and proposes practical strategies for cultivating job-specific language skills. Recognizing the students' age and prior language exposure, the author stresses the critical role of using unedited language materials produced by native speakers. These authentic resources, untouched by pedagogical adaptation, are presented as a crucial pathway for fostering intercultural communication, boosting professional drive, and facilitating a natural transition into a genuine language environment. The author underscores the significance of thoughtfully integrating and consistently employing authentic language content, while also examining the unique characteristics of English discourse and the criteria for selecting appropriate materials at different stages of master's study. Particular emphasis is placed on honing skills through high-caliber original articles and other genuine information sources related to current scientific advancements and research within the students' professional fields, aligning with their training and future career aspirations. The author provides practical examples of structured engagement with these materials in interactive exercises aimed at solving real professional problems.

Keywords: authentic materials, master's degree programme, academic interaction, academic vocabulary, professional-oriented vocabulary

For citation: Shkeneva S.S.The role of integrating authentic materials into the foreign language teaching process in a master course at a non-linguistic university. Modern Scientist. 2026. 11. P. 332 – 340. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-332-340

The article was submitted: June 16, 2026; Approved after reviewing: July 13, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Несомненно, первостепенной задачей в процессе обучения иностранному языку является совершенствование коммуникативных навыков, или коммуникативной компетенции, что предполагает формирование мотивированного намерения у обучающихся использовать иностранный язык в различных контекстах социального взаимодействия. Для будущих политологов, журналистов, социологов, менеджеров, юристов и представителей иных специальностей, освоение которых происходит в условиях неязыкового вуза, приоритетом является умение анализировать и синтезировать информацию, полученную из оригинальных, лишенных какой-либо адаптации источников. Будущие специалисты должны изучать, анализировать и формировать собственное представление о международном аутентичном дискурсе в той или иной области знания, приобретая необходимые умения и навыки при работе с оригинальными массивами информации. В связи с этим, лингвистическая среда неязыкового вуза призвана помочь магистрантам научиться работать с аутентичными материалами, что возможно лишь при условии обращения к оригинальным источникам.

Основной целью процесса обучения иностранному языку на уровне магистратуры является расширение у обучающихся словарного запаса академической лексики путем ознакомления с основным научным терминологическим аппаратом, ключевыми понятиями и их определениями. Однако необходимо учитывать и специфику неязыкового вуза, диктующую естественную параллель изучения научной терминологии и освоения профессионально-ориентированной лексики будущих специалистов. Успешное овладение профессиональной компетенцией в вузе, таким образом, невозможно без поэтапного и взаимодополняющего изучения научной терминологии и профессиональной лексики. Помимо своей научной ценности, иностранный язык в рамках образовательной программы магистратуры обладает выраженной профессиональной ориентацией.

В контексте интеграции аутентичных материалов в утвержденную общеобразовательную платформу обучения иностранному языку, необходимо отметить, что преподаватель кафедры иностранных языков в

неязыковом вузе ставит перед собой две задачи при подборе аутентичного материала для освоения магистрантами научной терминологии и профессионально-ориентированной лексики.

Главная задача состоит в том, чтобы по мере работы с аутентичными научными текстами расширить и научить оперировать как высокочастотной академической терминологией, так и низкочастотной профессионально-ориентированной лексикой. Вторая, не менее важная, целевая установка заключается в формировании навыка работы с высококачественными оригинальными статьями и иными аутентичными информационными ресурсами, посвященными современным научным разработкам и исследованиям в профессиональной индустрии, соответствующей интересам будущего молодого специалиста.

Приоритетными являются обучение магистрантов иностранному языку с целью реализации широкого спектра задач в рамках академического взаимодействия и формирование умения интегрирования сформированного научно-терминологического аппарата в неакадемические контексты, связанные с той или иной сферой профессиональной деятельности будущего специалиста.

Таким образом, в качестве гипотезы выдвигается утверждение о том, что непременным условием реализации поставленных задач является интеграция аутентичных материалов и инструментов в единую для всех направлений нелингвистических специальностей общеобразовательную платформу обучения иностранному языку на уровне магистратуры.

Материалы и методы исследований

Современные информационные технологии в полной мере позволяют широко применять аутентичные тексты в процессе обучения иностранному языку для профессиональных целей, делая коммуникацию более приближенной к реальной. Это, в свою очередь, означает, что цифровые аутентичные материалы находятся в свободном доступе в режиме реального времени и могут успешно соперничать с традиционными оригинальными материалами (научные руководства, пособия, сборники статей и прочие публикации высокорейтинговых международных изданий).

Определение того, что именно считать аутентичным материалом при обучении иностранным языкам, вызывает немало споров среди методистов. Множество существующих определений аутентичных материалов свидетельствуют о том, что специалисты пока не выработали консенсуса относительно того, какие именно материалы могут быть отнесены к этой категории.

Согласно Е.В. Носонович, методически аутентичный текст – это речевое произведение, которое по своей природе является естественным, но создано с учетом методических задач. Разработка таких учебных материалов, как полагает автор, значительно повышает эффективность обучения всем видам речевой деятельности, позволяя студентам ощутить эффект погружения в естественную языковую среду во время занятий иностранным языком [1]. Таким образом, аутентичность и методическая обработка текстов понятиями взаимоисключающими не являются.

Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин в своем словаре «Методических терминов» определяют аутентичные материалы как подлинные образцы устной и письменной речи, созданные носителями языка для повседневного использования, а не для образовательных целей или адаптации под конкретный уровень владения языком [2].

Генри Уидоусон, автор многочисленных научных трудов в области прикладной лингвистики и языкового образования, подчеркивал разницу между понятиями "аутентичный" и «педагогически аутентичный» материал. Он полагал, что аутентичные материалы создаются для носителей языка без каких-либо модификаций, в то время как педагогически аутентичные материалы предназначены для учащихся, изучающих язык как второй, и модифицируются для соответствия их актуальным потребностям в процессе обучения [3].

Альтернативная типология Г.И. Ворониной классифицирует аутентичные тексты, определяемые как тексты, заимствованные из реального общения носителей языка, на функциональные (выполняющие функцию пояснения, инструктирования, рекламы, предупреждения) и информативные (выполняющие функцию передачи актуальных сведений) [4].

В контексте настоящего исследования под аутентичными материалами будут пониматься разработанные носителями языка тексты, не подвергшиеся каким-либо модификациям в образовательных целях, соответствующие установленным языковым стандартам и отражающие культурные и ментальные характеристики своих создателей. Несмотря на разногласия в определении и классификации "аутентичных материалов" в методической литературе, как отечественной, так и зарубежной, признается их бесспорная значимость: они эффективно повышают мотивацию к изучению иностранного языка и создают условия для погружения в естественную коммуникативную среду, в которой предъявляемая информация лишена какой-либо дидак-

тической направленности, а обладает естественностью и авторской индивидуальностью, национальной спецификой и, наконец, высоким уровнем авторитетности для обучающихся.

В связи с этим, основополагающими критериями подбора аутентичных материалов, как и заданий к ним, являются 1) тематическая релевантность (лексическое и грамматическое наполнение текста должно соответствовать изучаемой теме); 2) доступность восприятия (языковая и смысловая нагрузка текста должна быть соразмерной уровню владения иностранным языком у обучающихся); 3) информационная ценность (текстовый материал должен быть интеллектуально развивающим); 4) культурная идентичность (текст должен отражать культурные и национальные реалии); 5) эмоциональность (текст должен вызывать ответную реакцию); 6) авторитетность источника текста (репутационный рейтинг источника текста и его соответствие критериям качества обеспечивают прозрачность, объективность и актуальность контента); и, наконец, 7) актуальность (наполнение текста должно вызывать живой интерес и мотивацию у обучающихся).

Более того, соответствие аутентичного текста критериям авторитетности источника и его информационной актуальности является определяющим фактором как в процессе изучения предлагаемого материала, так и при выполнении магистрантами соответствующих практических заданий. Наполнение заданий рубежного контроля на уровне магистратуры связано с написанием аннотаций к научным статьям, представлении альтернативных международных магистерских программ и исследований, с обоснованием и презентацией собственной научной работы, а также творческих заданий, связанных с выражением персонального мнения относительно науки, ее граней и характерных черт, деятельности великих ученых и изобретателей и пр.

Результаты и обсуждения

В подтверждение сказанного представляется целесообразным привести пример из практики обучения английскому языку на уровне магистратуры РГСУ (Российского Государственного Социального Университета), в котором магистранты нелингвистических специальностей изучают иностранный язык в течение одного года. Предварительного тестирования магистрантов, приступающих к изучению английского академического языка, и формирования групп в соответствии с тем или иным уровнем не предусмотрено. Поэтому занятия проводятся в группах магистрантов с разным уровнем владения языком. Как показывает опыт, значительный процент обучающихся уже обладает достаточно сформированным комплексом знаний, умений и навыков на уровне B1, B2 по CEFR (разработанной Советом Европы шкале владения английским языком). Более того, на данном образовательном этапе, как правило, присутствуют и магистранты, фактически свободно общающиеся на английском языке с минимальным количеством ошибок или и вовсе с их отсутствием (уровень C1, C2 по европейской шкале). Процент обучающихся с уровнем A1-A2 варьируется и не является критичным. Подавляющее большинство из вышеперечисленных являются взрослыми, сформированными личностями, уже имеющими профессиональный опыт и достижения в той или иной сфере деятельности. В связи с последним, нет необходимости говорить о том, что обучающиеся на уровне магистратуры уже обладают сформированными навыками критического мышления и способны детально анализировать получаемую информацию, ставить под сомнение любые данные, включая собственные, проверять и исследовать источники, анализировать различные точки зрения и делать аргументированные умозаключения.

Обучение английскому языку на уровне магистратуры РГСУ осуществляется на основе учебного пособия «Английский язык для академических целей» под редакцией Т.А. Барановской [5], которое, в силу универсальности представленных академических тем, предназначено для обучающихся различных направлений подготовки. Данный учебный ресурс включает в себя определенное количество аутентичных текстов научного характера, равно как и текстов, написанных российскими авторами, а именно представителями Высшей Школы Экономики.

Так, по завершении изучения темы “Science” на базе вышеуказанного учебного пособия в качестве практического задания магистрантам было предложено подготовить устный рассказ-размышление на тему «Draw a Scientist: какими характерными качествами должен обладать настоящий ученый». Выполнению данного задания предшествовал подробный анализ соответствующего тематике текста “The Story of Success: a Case of One Research University”, написанного представителями Высшей Школы Экономики (ВШЭ) и содержащего постулаты о миссии и ценностях школы экономики, исключительном соответствии ВШЭ и ее представителей высоким научным стандартам и пр., например:

“Having rapidly grown into a well-renowned research university over two decades, National Research University - Higher School of Economics (HSE) sets itself apart with its international presence and cooperation … we are united by the following common values: striving for truth; collaboration and commitment to one another; honesty

and openness; academic freedom and political neutrality; professionalism, self-discipline and accountability; public engagement" [6].

Не приуменьшая уровень экспертности и авторитетности авторов текста, необходимо отметить, что приведенный фрагмент, несомненно, представляющий интерес для обучающихся в НИУ ВШЭ, не вызвал такого же интереса и ответной реакции у магистрантов РГСУ. Более того, обучающиеся с высоким уровнем языковой подготовки сочли изложенное претенциозным и весьма субъективным, а также пришли к выводу о том, что данный материал не является аутентичным.

В связи с этим, преподавателем было предложено обратиться к альтернативным аутентичным источникам, среди которых эмоциональный отклик и живой интерес вызвала статья "What makes a good scientist?" на вебсайте Мичиганского государственного университета, опубликованная отделом повышения квалификации университета и адресованная к будущим молодым специалистам в целях повышения научной грамотности, осведомленности и понимания, какими задатками должен обладать представитель научного мира. Стоит привести текстовый фрагмент:

"What makes a good scientist? Do you know any youth who have the makings of becoming a good scientist? If you've never really thought about these questions, you are not alone. The Michigan State University Extension science and engineering team is dedicated to increasing science literacy across Michigan and provide programming to increase STEM awareness and involvement. STEM is the acronym that refers to the academic disciplines of science, technology, engineering and mathematics. One component of STEM awareness is understanding what a good scientist does rather than what they look like" [7].

Естественность изложения, отсутствие учебной патетики и максимальная приближенность к реальному миру вызывают интерес и мотивируют как к интерактивному обсуждению тематического наполнения текста, так и выражению персонального мнения каждого из обучающихся.

Магистрантам было предложено пройти "Draw a scientist" тест, разработанный известным антропологом Маргарет Мид еще в 1957 году и размещенный в электронном формате на сайте Мичиганского государственного университета [8]. В ходе теста необходимо было выразить и обосновать свое согласие/несогласие с предложенным авторами аутентичного текста перечнем необходимых качеств ученого, как например: aspiring, courageous, curious, detail-oriented, eloquent, engaging, free of bias, inquisitive, inspiring, methodical, meticulous, open-minded, patient, persistent, resourceful; decision maker, exceptional critical thinker, out of the box thinker, problem-solver, etc. Результатом теста стали индивидуальные тезисы каждого из магистрантов, которые под руководством преподавателя были обогащены и отработаны как на лексическом (большинство лексических единиц из представленного аутентичного текста частотны и в деловом дискурсе, что вызвало дополнительный интерес среди работающих магистрантов), так и на грамматическом уровне.

Таким образом, изучение международного англоязычного научного дискурса на уровне магистратуры является интерактивным процессом, который стимулируется групповой проработкой, обсуждением и итоговой личностной оценкой прочитанного каждым из участников процесса обучения. Демонстрация вариативности аутентичных источников и материалов, будь то традиционные или цифровые ресурсы, служит достойным дополнением к основному учебному курсу, утвержденному вузом, и является одной из основных задач преподавателя высшей школы.

Для оптимизации процесса научения работе с лексическим материалом, как академического, так и узкопрофессионального взаимодействия, рациональным также представляется использование трехуровневой лексической модели, являющейся фундаментом одной из влиятельных концепций обучения лексике, разработанной профессором Центра исследований и развития в области обучения Питтсбургского университета Изабель Бек и ее коллегами [9].

Модель И. Бек классифицирует лексические единицы по трем уровням (tiers), что позволяет преподавателю грамотно определить приоритеты в процессе освоения словарного материала и разрабатывать оптимальные стратегии обучения.

Предложенная трехуровневая модель организации словарного запаса основана на частоте употребления, сложности и контекстуальной вариативности слов:

Первый уровень (Tier 1): включает базовые, повседневные слова, которые, как правило, уже освоены магистрантами. Например, textbook, paper, clear, think, etc.

Второй уровень (Tier 2): состоит из высокочастотных слов, активно используемых носителями языка и часто встречающихся в текстах научного и/или формального характера, как то: analysis, consequence, hypothesis, facet, function, predictability, priority, synthesis, theory, variable, increase, reveal, theorize, beneficial, inevitable, precise, etc.

При этом, синергичным дополнением к подходу И. Бек может служить исследование Эверил Коксхед в области академического дискурса, а именно "Список академических слов" (AWL), одним из компонентов которого служит идентификация глаголов-маркеров, знание и активное применение которых существенно облегчает процесс академического взаимодействия, тем самым, способствуя будущему успешному участию в международных проектах и конференциях [10]. Например, analyze, assess, clarify, comment, contribute, criticize, dispute, emphasize, evaluate, hypothesize, identify, justify, specify, theorize, validate, etc.

Третий уровень (Tier 3) охватывает низкочастотную, узкоспециализированную лексику, характерную для того или иного профессионального языкового домена и встречающуюся, как правило, в профильных учебных пособиях, научных статьях и прочих текстах, имеющих отношение к конкретной сфере деятельности. Например, amendment, calibration, chlorophyll, drenage, evaporation, latency, retraction, salivation, etc.

Учитывая ранее приобретенный опыт владения иностранным языком у обучающихся, можно утверждать, что на уровне магистратуры приоритетным становится освоение академической лексики (Tier 2) с сопутствующей интеграцией и/или альтерацией словарной базы третьего уровня (Tier 3), соответствующей будущей профессиональной деятельности магистранта.

Изучение лексики второго уровня (Tier 2) является максимально функциональным, принимая во внимание ее трансдисциплинарный характер. Поэтому перед преподавателем стоит задача, прежде всего, обучить работе с данным лексическим кластером, частотность единиц которого может быть весьма ограниченной в неакадемических контекстах, стимулировать дискурсивную активность магистрантов, мотивировать и поощрять использование лексики, позволяющей понимать аутентичные сложные тексты и формулировать гораздо более глубокие идеи.

Принимая во внимание тот факт, что учебное пособие «Английский язык для академических целей» под редакцией Барановской Т.А., используемое в процессе обучения магистрантов различных профессиональных направлений, не может служить единой платформой для освоения лексического материала Tier 3, особенно актуальным становится обращение к аутентичным материалам той или иной профессиональной направленности из оригинальных профильных руководств, научных статей, авторитетных цифровых ресурсов - подлинных образцов современного иностранного языка для специальных целей.

Так, для выполнения практического задания «Выберите магистерскую программу по Вашему направлению профессиональной подготовки на высокорейтинговой образовательной интернет-платформе и презентуйте ее группе» преподавателем был предложен аутентичный веб-ресурс https://www.mastersportal.com.

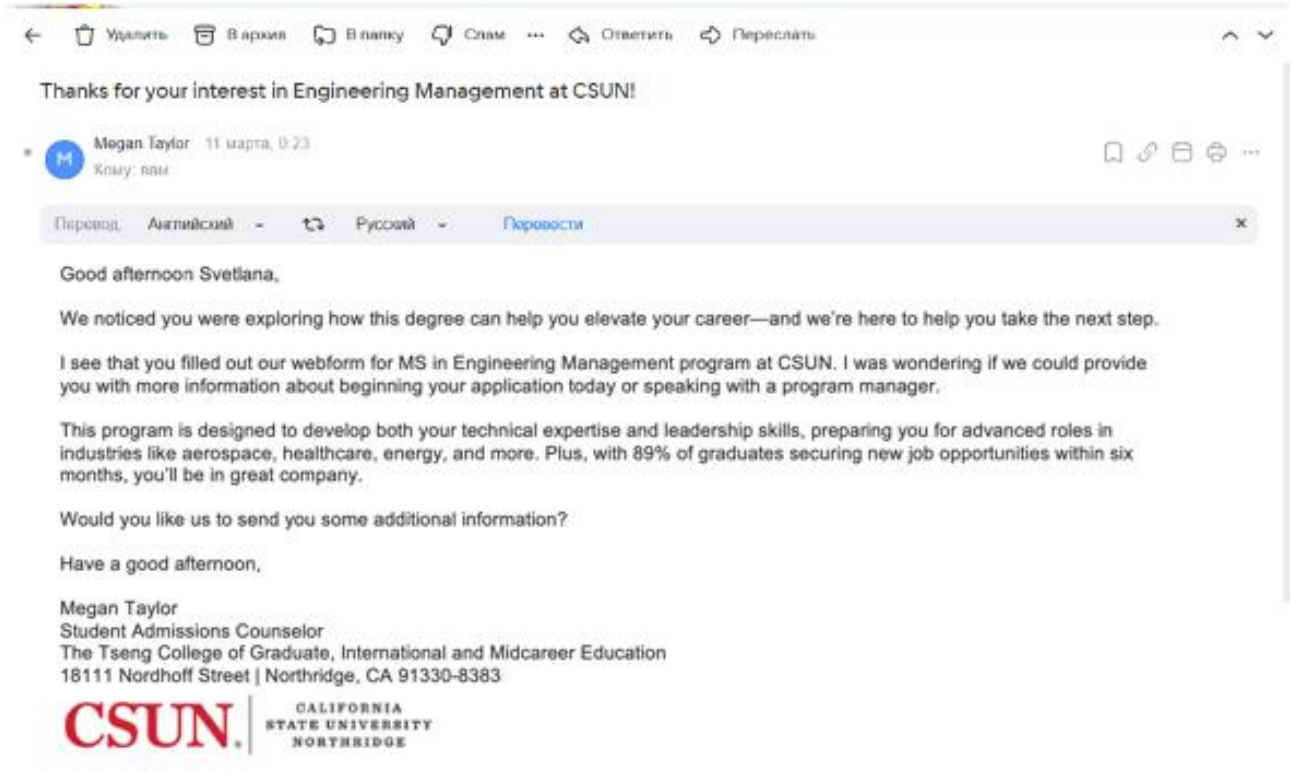
Данный портал предоставляет обширные сведения об образовательных программах (бакалаврских, магистерских, MBA), представленных ведущими университетами по всему миру. Данные о каждой конкретной программе подготовлены и представлены носителями языка, являющимися сотрудниками конкретного высшего учебного заведения. Образовательный контент ресурса, аккумулирующего информационные материалы о международных программах обучения в той или иной профессиональной индустрии, объясняет изобилие лексических единиц уровней Tier 2 и Tier 3.

Задание предполагает выполнение каждым из магистратов следующих шагов: а) регистрацию на международном вебсайте; б) поиск, среди множества альтернативных опций, релевантной своему направлению профессиональной подготовки магистерской программы, предлагаемой тем или иным зарубежным университетом; в) ознакомление с условиями прохождения курса и его тематическим наполнением, г) запрос дополнительной информации, подробной брошюры о выбранной программе на сайте (посредством электронной почты) и, наконец, д) вербальную презентацию с элементом личностной оценки понравившейся программы группе.

Обучающиеся опираются на инструкции и пояснения преподавателя-наставника, задачей которого становится снятие языковых и возможных психологических трудностей, возникающих у магистрантов практически на всех этапах работы с аутентичным текстом: предтекстовом (введение в тему, объяснение задания), ознакомительном (непосредственная работа магистрантов с текстом) и послетекстовом (контроль и оценка выполненного обучающимися задания).

На предтекстовом этапе обучения рациональной и уместной может быть наглядная демонстрация прохождения всех этапов задачи, выполненная самим преподавателем, с учетом направления подготовки группы.

Например, будущим специалистам в IT-индустрии преподавателем был продемонстрирован аутентичный текст в форме электронного письма, полученного из Калифорнийского государственного университета в Нортридже, в ответ на запрос преподавателя на предоставление более подробной информации о программе “Engineering Management”:


Удалить В архив В папку Спам Ответить Переслать

Thanks for your interest in Engineering Management at CSUN!

Megan Taylor 11 марта, 0:23
Кому: вам

Перевод: Английский Русский Перевести

Good afternoon Svetlana,

We noticed you were exploring how this degree can help you elevate your career—and we're here to help you take the next step.

I see that you filled out our webform for MS in Engineering Management program at CSUN. I was wondering if we could provide you with more information about beginning your application today or speaking with a program manager.

This program is designed to develop both your technical expertise and leadership skills, preparing you for advanced roles in industries like aerospace, healthcare, energy, and more. Plus, with 89% of graduates securing new job opportunities within six months, you'll be in great company.

Would you like us to send you some additional information?

Have a good afternoon,

Megan Taylor
Student Admissions Counselor
The Tseng College of Graduate, International and Midcareer Education
18111 Nordhoff Street | Northridge, CA 91330-8383

CSUN. CALIFORNIA STATE UNIVERSITY NORTHRIDGE

Рис. 1. Аутентичный текст в формате электронного письма.
Fig. 1. Email formatted authentic text.

В качестве промежуточного экспериментального упражнения магистрантам было предложено выполнить такое же действие на сайте альтернативного университета понравившейся программы и, в случае получения ответа из образовательной организации, подготовить развернутый ответ зарубежному университету, содержащий как персональное мнение магистранта о предлагаемой программе, так и благодарность за предоставленную информацию.

Подобного рода упражнение, выполняемое большинством магистрантов, обычно не вызывает каких-либо значительных затруднений, а, скорее, способствует развитию интереса к изучению иностранного языка и формированию умения применять полученные языковые знания в реальной ситуации аутентичного общения.

На ознакомительном этапе работы с аутентичным текстом представленной преподавателем программы “Engineering Management” магистрантам было предложено определить и выделить лексические маркеры, или так называемые опорные единицы, как например глаголы, создающие каркас текста и помогающие изложить его ключевые идеи:

“Program “Engineering Management – provides, offers, includes, involves, combines, incorporates, covers, encourages, recommends, motivates, inspires, promises, seems, targets, etc”.

Интерактивная работа преподавателя с группой по моделированию словообразовательных и логических цепочек, а затем и грамматических конструкций с опорными лексическими единицами уровня Tier 2, с последующим добавлением единиц уровня Tier 3, во многом способствует снятию уровня языковой сложности при воспроизведении содержания прочитанного и выражении личностной оценки программы.

Аутентичные тексты позволяют каждому обучающемуся построить свой собственный алгоритм освоения профессиональной лексики (Tier 3), что, в свою очередь, ставит перед преподавателем задачу дифференцированного подхода к поддержке магистрантов с разным уровнем владения иностранным языком. Учитывая профессиональную направленность и многопрофильность групп РГСУ, преподавателю иностранных языков необходимо следовать принципу межпредметной координации и проявлять гибкость в подборе аутентичных материалов, дифференциации приемов обучения и индивидуализации процесса обучения для магистрантов с разным уровнем владения языком.

Выводы

Таким образом, интеграция и активное использование аутентичных текстов, созданных носителями языка и не подвергшихся каким-либо модификациям в педагогических целях, являются неоспоримыми преимуществами в образовательном процессе уровня магистратуры. Обязательное включение аутентичных материалов в интерактивные практические занятия иностранным языком служит механизмом активизации мотивации обучающихся, развития коммуникативной компетенции для решения реальных задач в профессиональных контекстах и общему совершенствованию языковых навыков.

Применение аутентичных материалов актуализирует процесс изучения языка, делая его многогранным и многоуровневым. Однако важно не только осуществить подбор аутентичного материала, соответствующего уровню владения языком и интересам обучающихся в магистратуре, но и грамотно структурировать этапы работы с ним, начиная от предтекстовой подготовки и заканчивая обсуждением и творческим применением полученной информации. Только при соблюдении данного условия аутентичные источники будут представлять собой действительно мощный и продуктивный лингвистический инструмент.

Список источников

1. Носонович Е.В. Методическая аутентичность в обучении иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1999. № 1. С. 11 – 16.

2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР. 2009. 448 с.

3. Widdowson H.G. Aspects of Language Teaching. Oxford : Oxford University Press. 1990. 213 p.

4. Воронина Г.И. Организация работы с аутентичными текстами молодежной прессы в старших классах школ с углубленным изучением немецкого языка // Иностранные языки в школе. 1999. № 2. С. 26 – 29.

5. Барановская Т.А., Захарова А.В., Поспелова Т.Б., Суворова Ю.А. Английский язык для академических целей. English for Academic Purposes: учебное пособие для вузов / под ред. Т.А. Барановской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт. 2020. 220 с.

6. Барановская Т.А., Захарова А.В., Поспелова Т.Б., Суворова Ю.А. Английский язык для академических целей. English for Academic Purposes: учебное пособие для вузов / под ред. Т.А. Барановской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт. 2020. С. 71.

7. Мичиганский государственный университет: сайт. Штат Мичиган. Соединенные Штаты Америки. URL: https://www.canr.msu.edu/outreach/about/ (дата обращения: 13.08.2025)

8. Мичиганский государственный университет: сайт. Штат Мичиган. Соединенные Штаты Америки. URL: https://https://www.canr.msu.edu/news/what_makes_a_good_scientist (дата обращения: 13.08.2025)

9. Beck I. Bringing Words to Life Robust Vocabulary Instruction. The Guilford Press, 2013. URL: https://bep.education/wp-content/uploads/2018/09/Bringing-Words-to-Life-Booklet.pdf (дата обращения: 13.08.2025)

10. Coxhead A. A new academic word list. // TESOL quarterly. 2002. № 34 (2). P. 213 – 238. URL: https://www.tesol.org (дата обращения: 12.08.2025)

References

1. Nosonovich E.V. Methodological Authenticity in Teaching Foreign Languages. Foreign Languages at School. 1999. No. 1. P. 11 – 16.

2. Azimov E.G., Shchukin A.N. New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Teaching Languages). Moscow: IKAR Publishing House. 2009. 448 p.

3. Widdowson H.G. Aspects of Language Teaching. Oxford: Oxford University Press. 1990. 213 p.

4. Voronina G.I. Organizing Work with Authentic Texts of the Youth Press in Senior Schools with In-Depth Study of the German Language. Foreign Languages at School. 1999. No. 2. P. 26 – 29.

5. Baranovskaya T.A., Zakharova A.V., Pospelova T.B., Suvorova Yu.A. English for Academic Purposes. English for Academic Purposes: a textbook for universities. edited by T.A. Baranovskaya. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Yurait Publishing House. 2020. 220 p.

6. Baranovskaya T.A., Zakharova A.V., Pospelova T.B., Suvorova Yu.A. English for Academic Purposes. English for Academic Purposes: a textbook for universities. edited by T.A. Baranovskaya. 2nd edition, revised and expanded. Moscow: Yurait Publishing House. 2020. P. 71.

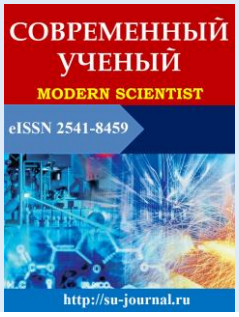
7. Michigan State University: website. Michigan. United States of America. URL: https://www.canr.msu.edu/outreach/about/ (date of access: 13.08.2025)

8. Michigan State University: website. Michigan. United States of America. URL: https://https://www.canr.msu.edu/news/what_makes_a_good_scientist (date of access: 13.08.2025)
9. Beck I. Bringing Words to Life Robust Vocabulary Instruction. The Guilford Press, 2013. URL: https://bep.education/wp-content/uploads/2018/09/Bringing-Words-to-Life-Booklet.pdf (date of access: 13.08.2025)
10. Coxhead A. A new academic word list. TESOL quarterly. 2002. No. 34 (2). P. 213 – 238. URL: https://www.tesol.org (date of access: 12.08.2025)

Информация об авторе

Шкенева С.С., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, shkeneva73@mail.ru

© Шкенева С.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.015.31
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-341-345

Развитие творческого воображения у детей младшего дошкольного возраста как фактор профилактики эмоционального неблагополучия

[1] Антонов Т.С., [1] Исагалиева Т.А.

[1] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

Аннотация: в статье представлены результаты экспериментального исследования влияния развития творческого воображения на профилактику эмоционального неблагополучия у детей младшего дошкольного возраста (3-4 лет). На основе теоретического анализа психолого-педагогической литературы (2020-2026 гг.) выявлено, что воображение в данном возрасте выполняет не только познавательную, но и аффективно-защитную функцию, позволяя ребенку символически отреагировать негативные переживания. Констатирующий этап (n=20) показал, что 40% дошкольников имеют низкий уровень творческого воображения, а 35% входят в группу риска по эмоциональному неблагополучию (интегральный индекс ≥3). Установлена достоверная обратная корреляционная связь между показателями ($r_s = -0,62$; $p \leq 0,01$). Разработана и апробирована программа «Воображай-ка без тревог» (16 занятий, 4 недели), включающая работу с неопределенными формами, пальчиковое рисование, арт-терапевтические техники и региональный компонент (якутский фольклор). Контрольный этап зафиксировал статистически значимое снижение интегрального индекса эмоционального неблагополучия с 2,7 до 1,2 балла (Тэмп=6, $p \leq 0,01$) и рост суммарного балла творческого воображения с 7,4 до 10,2 (Тэмп=7, $p \leq 0,01$). Доля детей в группе риска сократилась с 35% до 10%. Полученные данные подтверждают, что целенаправленное развитие творческого воображения является действенным профилактическим ресурсом, снижающим тревожность, агрессивность и эмоциональную отгороженность у младших дошкольников.

Ключевые слова: творческое воображение, эмоциональное неблагополучие, младший дошкольный возраст, профилактика, тревожность, арт-терапия, якутский фольклор

Для цитирования: Антонов Т.С., Исагалиева Т.А. Развитие творческого воображения у детей младшего дошкольного возраста как фактор профилактики эмоционального неблагополучия // Современный ученый. 2026. № 11. С. 341 – 345. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-341-345

Поступила в редакцию: 17 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Developing creative imagination in young preschool children as a factor in the prevention of emotional distress

[1] Antonov T.S., [1] Isagalieva T.A.

[1] North-Eastern Federal University named after M.K. Amosov

Abstract: the article presents results of experimental research on the influence of creative imagination development on the prevention of emotional distress in preschool children (3-4 years old). On the basis of a theoretical analysis of psychological-pedagogical literature (2020-2026), it has been revealed that imagination at this age performs not

only cognitive but also affective and protective functions, allowing the child to symbolically react to negative experiences. The assessment stage (n=20) showed that 40% of preschoolers have low levels of creative imagination, and 35% are at risk for emotional distress (integral index 3). Established a valid inverse correlation between indicators (rs = -0.62; p 0.01). Developed and tested the program "Imagine without worry" (16 sessions, 4 weeks), including work with uncertain shapes, finger drawing, art therapy techniques and regional component (Yakut folklore). The control stage recorded a statistically significant decrease in the integral index of emotional distress from 2.7 to 1.2 points (Team=6, p 0.01) and an increase in the total creative imagination score from 7.4 to 10.2 (Team=7, p 0.01). The proportion of children at risk has fallen from 35% to 10%. The data confirm that purposive development of creative imagination is an effective preventive resource, reducing anxiety, aggression and emotional isolation in preschool children.
Keywords: creative imagination, emotional distress, early preschool age, prevention, anxiety, art therapy, Yakut folklore

For citation: Antonov T.S., Isagalieva T.A. Developing creative imagination in young preschool children as a factor in the prevention of emotional distress. Modern Scientist. 2026. 11. P. 341 – 345. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-341-345

The article was submitted: June 17, 2026; Approved after reviewing: July 14, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Современная система дошкольного образования переживает этап трансформации, акцентируя внимание не только на когнитивном развитии, но и на сохранении психоэмоционального здоровья ребенка. В возрасте 3-4-х лет ребенок находится в кризисном периоде, начинает видеть и воспринимать себя как личность, формируется характер, отделяя себя от взрослого. Безусловно, в этом периоде ребенок сталкивается с множественными эмоциями. И в данном контексте, особую значимость выделяем на приобретение поиска внутренних ресурсов психики ребенка, одним из которых может выступить творческое воображение.

Воображение в младшем дошкольном возрасте переходит от репродуктивного к творческому процессу и становится механизмом познания мира [6; 11]. В нашей работе, важно отметить, что воображение не только как путь к познанию мира, но и рассмотреть в виде аффективной защиты, ведь Л.С. Выготский подчеркивал, что переход в воображаемую ситуацию позволяет ребенку справиться с чувствами переживания [3]. Однако, как показывает практика дошкольного образования, развитие воображения часто ограничивается рамками творческих занятий (рисование, лепка, конструктор и пр.) и не учитывается глубинная связь с эмоциональной сферой [4; 8; 12].

Следовательно, возникает противоречие между объективной потребностью в использовании ресурсов воображения для профилактики эмоционального неблагополучия и недостаточной методической проработанностью этого механизма применительно к детям 3-4 лет.

Цель исследования – теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность программы развития творческого воображения как средства профилактики эмоционального неблагополучия у воспитанников второй младшей группы.

Гипотеза заключалась в предположении, что процесс развития творческого воображения будет выступать действенным фактором профилактики эмоционального неблагополучия, если диагностированы индивидуальные эмоциональные трудности детей, содержание творческих занятий строится на основе перехода от реальной ситуации к воображаемой, применяются методы арт-терапии с учетом национально-регионального компонента и организовано консультативное взаимодействие с родителями.

Материалы и методы исследований

Исследование проведено на базе МБДОУ «Центр развития ребенка – Детский сад №19 «Василек» г. Якутска. В исследовании приняли участие 25 детей (N-25) второй младшей группы (3-4 года), их родители (N-25) и педагоги (N-4).

Исследование проведено в три этапа (констатирующий, формирующий, контрольный) с применением следующих методов:

- Диагностика творческого воображения: методика «Неполные фигуры» (на основе теста Е.П. Торренса, адаптация О.М. Дьяченко) [13], «Нарисуй что-нибудь» (Р.С. Немов), «Бусы для мамы» (А.Л. Венгер).

- Диагностика эмоционального неблагополучия: карта наблюдения И.О. Карелиной (показатели тревожности, агрессивности/импульсивности, эмоциональной отгороженности) [5]. Интегральный индекс эмоционального неблагополучия (ИЭН) рассчитывался как сумма баллов (0-6).

- в рамках формирующего этапа реализована программа «Воображай-ка без тревог», который включает 16 занятий, проводили 3 раза в неделю по 15 минут.

Проделана статистическая обработка: коэффициент ранговой корреляции Спирмена, Т-критерий Вилкоксона для связанных выборок [14].

Результаты и обсуждения

В рамках констатирующего этапа результаты диагностики творческого воображения показали, что 40% детей имеют низкий уровень (суммарный балл 0-5), 35% – средний (6-10), 25% – высокий (11-16). Интегральный индекс эмоционального неблагополучия в среднем по группе составил 2,7 балла; 35% детей вошли в группу риска (ИЭН ≥3). Наиболее выраженным симптомом оказалась тревожность (средний балл 1,1; устойчивое проявление у 25% детей). Выявлена достоверная обратная корреляционная связь между уровнем творческого воображения и ИЭН ($r_s = –0,62$; $p \leq 0,01$): чем ниже способность к фантазированию, тем выше риск эмоциональной дезадаптации.

В формирующем этапе, на основе теоретических положений и результатов констатирующей диагностики разработана программа «Воображай-ка без тревог», включающая четыре тематических блока: «Ожившие пятна» (работа с кляксами, монотипия), «Мои руки – художники» (пальчиковое рисование, отпечатки ладоней), «Сказочные герои» (проекция страхов, создание фантазийных персонажей с опорой на якутский фольклор – образы Байаная и др.), «Подарки и выставки» (коллективные работы, ситуация успеха). Занятия проводились в подгрупповом формате с соблюдением принципов приоритета процесса над результатом и безусловного принятия [7; 10].

На контрольном этапе, проведена повторная диагностика зафиксировала следующие изменения, которые отражены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Динамика показателей творческого воображения (n=20).

Table 1

Dynamics of creative imagination indicators (n=20).

Показатель	Констатирующий этап	Контрольный этап	Абсолютный сдвиг
Суммарный балл (max 16)	7,4	10,2	+2,8
Оригинальность (среднее)	1,2	1,9	+0,7
Разработанность (среднее)	1,0	1,6	+0,6

Исходя из табл. 1 наблюдаем, что количество детей с низким уровнем воображения сократилось с 8 до 3 (с 40% до 15%), с высоким уровнем – увеличилось с 5 до 8 (с 25% до 40%).

Таблица 2

Динамика показателей эмоционального неблагополучия (n=20).

Table 2

Dynamics of emotional distress indicators (n=20).

Показатель	Констатирующий этап	Контрольный этап	Абсолютный сдвиг
Тревожность (0–2)	1,1	0,5	-0,6
Агрессивность/импульсивность	0,9	0,4	-0,5
Эмоциональная отгороженность	0,7	0,3	-0,4

Численность группы риска по ИЭН снизилась с 35% (7 детей) до 10% (2 детей). Статистическая значимость сдвигов подтверждена Т-критерием Вилкоксона: для ИЭН Тэмп=6 ($p \leq 0,01$), для суммарного балла воображения Тэмп=7 ($p \leq 0,01$), для тревожности Тэмп=10 ($p \leq 0,01$), для агрессивности Тэмп=18 ($p \leq 0,01$) (табл. 2).

Выводы

По итогам проведенного исследования выдвинуты следующие выводы:

1. Творческое воображение детей 3-4 лет выполняет аффективно-защитную функцию и служит естественным ресурсом совладания с негативными эмоциональными состояниями. Установлена обратная корреляционная связь между уровнем воображения и выраженностью эмоционального неблагополучия.

2. Разработанная программа «Воображай-ка без тревог» доказала свою эффективность: после ее реализации интегральный индекс эмоционального неблагополучия снизился на 55,6%, а суммарный балл творческого воображения вырос на 37,8% при высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,01$).

3. Наиболее выраженный профилактический эффект достигнут в отношении тревожности (снижение на 0,6 балла), что свидетельствует о целевом воздействии программы на ведущий симптом эмоционального неблагополучия в младшем дошкольном возрасте.

4. Учет регионального компонента (якутские сказки, образы природы) повысил эмоциональную вовлеченность детей и способствовал успешной символической переработке страхов [1; 2; 9].

Практическая значимость работы заключается в возможности использования программы «Воображай-ка без тревог» педагогами-психологами и воспитателями младших групп ДОО, в том числе в условиях Республики Саха (Якутия). Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, включением контрольной группы и проведением отсроченной диагностики для оценки долгосрочной устойчивости профилактического эффекта.

Список источников

1. Антонова Ю.Т., Ким К.В., Алексеева П.С., Яковлев В.Г. Креативное мышление и креативные способности: сущностные характеристики и импликации для современного педагогического образования // Современный ученый. 2025. № 11. С. 347 – 354.

2. Антонова Ю.Т., Петрова К.И. Особенности эмоционального интеллекта одаренных подростков // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. № 3. С. 200 – 206. DOI 10.58224/2687-0428-2024-6-3-200-206

3. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте. СПб.: Перспектива, 2021. 128 с.

4. Дьяченко О.М. Развитие воображения дошкольника: методическое пособие. М.: Мозаика-Синтез, 2020. 128 с.

5. Карелина И.О. Эмоциональное неблагополучие детей раннего и дошкольного возраста: диагностика и коррекция. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2023. 158 с.

6. Кудрявцев В.Т. Творчество и эмоциональное развитие в детстве: креативная парадигма // Современное дошкольное образование. 2023. № 4. С. 36 – 45.

7. Смирнова Е.О. Современный дошкольник: особенности игры и психического развития // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 2. С. 44 – 58.

8. Трубайчук Л.В. Амплификация развития как условие эмоционального благополучия детей // Начальная школа плюс До и После. 2023. № 2. С. 10 – 15.

9. Борисова М.Н. Этнопедагогические традиции народа саха в эмоциональном воспитании дошкольников // Вестник СВФУ. Серия: Педагогика. 2024. № 1. С. 15 – 22.

10. Андреева А.Д. Эмоциональный интеллект и психологическое здоровье дошкольников // Дошкольное воспитание. 2022. № 5. С. 10 – 17.

11. Клопотова Е.Е., Смирнова С.Ю. Особенности воображения современных дошкольников: влияние цифровой среды // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 29. № 1. С. 24 – 36.

12. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия. – М.: Академический проект, 2021. 448 с.

13. Торренс Э.П. Тест творческого мышления: адаптация для дошкольного возраста / под ред. М.А. Холодной. СПб.: Питер, 2022. 96 с.

14. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2020. 350 с.

References

1. Antonova Yu.T., Kim K.V., Alekseeva P.S., Yakovlev V.G. Creative Thinking and Creative Abilities: Essential Characteristics and Implications for Modern Pedagogical Education. Sovremennyy Scientist. 2025. No. 11. P. 347 – 354.

2. Antonova Yu.T., Petrova K.I. Features of the Emotional Intelligence of Gifted Adolescents. Review of Pedagogical Research. 2024. Vol. 6. No. 3. P. 200 – 206. DOI 10.58224/2687-0428-2024-6-3-200-206

3. Vygotsky L.S. Imagination and Creativity in Childhood. St. Petersburg: Perspektiva, 2021. 128 p.

4. Dyachenko O.M. Developing a Preschooler's Imagination: A Methodological Guide. Moscow: Mosaic-Synthesis, 2020. 128 p.

5. Karelina I.O. Emotional Distress in Children of Early and Preschool Age: Diagnosis and Correction. Yaroslavl: RIO YSPU, 2023. 158 p.

6. Kudryavtsev V.T. Creativity and Emotional Development in Childhood: A Creative Paradigm. Modern Preschool Education. 2023. No. 4. P. 36 – 45.

7. Smirnova E.O. The Modern Preschooler: Features of Play and Mental Development. Psychological Science and Education. 2024. Vol. 29. No. 2. P. 44 – 58.

8. Trubaychuk L.V. Amplification of development as a condition for children's emotional well-being. Primary school plus Before and After. 2023. No. 2. P. 10 – 15.

9. Borisova M.N. Ethnopedagogical traditions of the Sakha people in the emotional education of preschoolers. Bulletin of NEFU. Series: Pedagogy. 2024. No. 1. P. 15 – 22.

10. Andreeva A.D. Emotional intelligence and psychological health of preschoolers. Preschool education. 2022. No. 5. P. 10 – 17.

11. Klopotova E.E., Smirnova S.Yu. Features of the imagination of modern preschoolers: the influence of the digital environment. Psychological science and education. 2024. Vol. 29. No. 1. P. 24 – 36.

12. Zakharov A.I. The Origin of Childhood Neuroses and Psychotherapy. Moscow: Academicheskiy Proekt, 2021. 448 p.

13. Torrens E.P. Creative Thinking Test: Adaptation for Preschool Age. edited by M.A. Kholodnaya. St. Petersburg: Piter, 2022. 96 p.

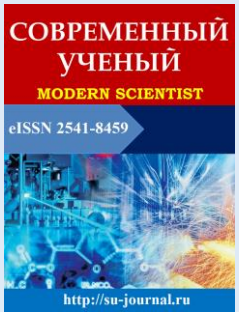
14. Sidorenko E.V. Methods of Mathematical Processing in Psychology. St. Petersburg: Rech, 2020. 350 p.

Информация об авторах

Антонов Т.С., ORCID ID: https://orcid.org/0009-0008-0956-3084, Медицинский институт, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, antonovtihon793@gmail.com

Исагалиева Т.А., Педагогический институт, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, tatanaisagalieva@gmail.com

© Антонов Т.С., Исагалиева Т.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.018.4:005.912
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-346-351

Организационная структура и система документооборота как детерминанты эффективности управления современной образовательной организацией

[1] Копча В.В., [1] Кучер С.Ф., [1] Каткова В.В.

[1] Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко

Аннотация: в статье представлен анализ влияния организационной структуры образовательной организации на эффективность управленческих процессов на основе эмпирических и статистических данных. Система внутреннего документооборота рассматривается не только как инструмент фиксации управленческих решений, но и как ключевой механизм координации деятельности педагогического коллектива. Особое внимание уделено процессам цифровизации делопроизводства. На основе статистики обоснована необходимость и описаны барьеры перехода к электронному документообороту как способу оптимизации административных ресурсов и повышения прозрачности управления. Приведены результаты анализа временных затрат на традиционное и электронное делопроизводство. Детально проанализирована корреляция между архитектурой управления и качеством документационного обеспечения. Показано, что традиционные бумажные системы приводят к перегрузке персонала, дублированию документов и снижению исполнительской дисциплины. На основе данных мониторингов и опросов выявлено, что до 30% рабочего времени административного персонала и 15-20% времени учителей уходит на бумажные операции. Внедрение электронного документооборота, напротив, сокращает время согласования документов с 3-5 дней до 1-2 часов, повышает выполняемость поручений на 25-30% и снижает затраты на расходные материалы. Особое внимание уделено «цифровому разрыву» среди педагогов разного возраста, а также необходимости предварительной ревизии и оптимизации документопотоков перед автоматизацией. Сделан вывод, что успешная цифровизация требует не только технических решений, но и комплексных организационных изменений, включая пересмотр регламентов, обучение персонала и трансформацию управленческой культуры. Исследование подтверждает, что гибкие и процессно-ориентированные структуры адаптируются к электронному документообороту на 35% успешнее жестких иерархий.
Ключевые слова: менеджмент в образовании, организационная структура, документооборот, электронный документооборот, цифровизация управления, статистика образования, административная нагрузка

Для цитирования: Копча В.В., Кучер С.Ф., Каткова В.В. Организационная структура и система документооборота как детерминанты эффективности управления современной образовательной организацией // Современный ученый. 2026. № 11. С. 346 – 351. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-346-351

Поступила в редакцию: 18 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Organizational structure and document management system as determinants of the effectiveness of managing a modern educational organization

[1] Kopcha V.V., [1] Kucher S.F., [1] Katkova V.V.

[1] Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko

Abstract: the article presents an analysis of the influence of the organizational structure of an educational institution on the efficiency of management processes based on empirical and statistical data. The internal document management system is considered not only as a tool for recording managerial decisions but also as a key mechanism for coordinating the activities of the teaching staff. Particular attention is paid to the processes of digitizing paperwork. Based on statistics, the necessity is justified and the barriers to transitioning to electronic document management as a way to optimize administrative resources and increase management transparency are described. Results of the analysis of time expenditures for traditional and electronic paperwork are provided. The correlation between management architecture and the quality of documentation support is analyzed in detail. It is shown that traditional paper-based systems lead to staff overload, document duplication, and a decrease in execution discipline. Based on monitoring data and surveys, it was found that up to 30% of administrative staff's working time and 15-20% of teachers' time is spent on paper operations. The implementation of electronic document management, on the contrary, reduces document approval time from 3-5 days to 1-2 hours, increases task completion rates by 25-30%, and reduces costs for consumables. Special attention is paid to the "digital divide" among teachers of different ages, as well as the need for a preliminary audit and optimization of document flows before automation. It is concluded that successful digitalization requires not only technical solutions but also comprehensive organizational changes, including the revision of regulations, staff training, and the transformation of management culture. The study confirms that flexible and process-oriented structures adapt to electronic document management 35% more successfully than rigid hierarchies.

Keywords: education management, organizational structure, document management, electronic document management, management digitization, education statistics, administrative burden

For citation: Kopcha V.V., Kucher S.F., Katkova V.V. Organizational structure and document management system as determinants of the effectiveness of managing a modern educational organization. Modern Scientist. 2026. 11. P. 346 – 351. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-346-351

The article was submitted: June 18, 2026; Approved after reviewing: July 15, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Современная парадигма образования требует от учебных заведений высокой адаптивности к быстро меняющимся социально-экономическим условиям. Эффективность управления образовательной организацией сегодня детерминируется не только содержанием образовательных программ, но и качеством управленческого менеджмента, включающего рационализацию внутренних бизнес-процессов. В условиях модернизации отечественной системы образования центральное место среди них занимают организационная структура и система документационного обеспечения управления.

Актуальность исследования обусловлена нарастающим противоречием между увеличением объема отчетно-распорядительной документации и необходимостью сохранения временного ресурса педагогических работников для непосредственного выполнения образовательных задач. Согласно данным мониторинга цифровой трансформации образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (2023 год), до тридцати процентов рабочего времени административного персонала школы и пятнадцати-двадцати процентов времени учителей расходуется на операции с бумажными документами (составление, согласование, отправку) [1]. Анализ архитектуры управления и системы документооборота в контексте этих данных позволяет выявить критические точки, препятствующие оперативному принятию решений и повышению общей эффективности образовательной организации.

Материалы и методы исследований

Управление современной образовательной организацией представляет собой сложную, многоуровневую социальную систему. Как отмечают классики теории менеджмента, организационная структура формирует каркас, определяющий логику распределения властных полномочий, ответственности и формальных коммуникаций [2]. В образовательной среде эта структура должна соответствовать принципам гибкости (адаптивности), эффективного делегирования полномочий и обеспечения разумной педагогической автономии.

В соответствии с нормативно-правовой базой (Федеральный закон №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации») руководитель образовательной организации выступает в двух ключевых ролях: как педагогический лидер и как административный менеджер, несущий полную ответственность за финансово-хозяйственную деятельность и правовое обеспечение работы учреждения. Опрос, проведенный в рамках проекта «Учитель для России» (2024 год), показал, что шестьдесят семь процентов директоров школ идентифицируют административно-бумажную нагрузку как ключевой фактор, отвлекающий от задач стратегического управления и методической работы с коллективом [3]. Таким образом, проектирование организационной структуры должно быть направлено на минимизацию иерархических барьеров и латентности информационных потоков между администрацией и педагогами, что напрямую коррелирует с эффективностью системы документооборота.

Документооборот является «кровеносной системой» управления, выполняя в образовательной организации три ключевые функции: информационную, легитимизирующую (придание решениям юридической силы) и контрольно-аналитическую.

Анализ управленческой практики свидетельствует, что традиционная бумажная модель документооборота зачастую страдает от избыточности и дублирования. По данным Федеральной службы государственной статистики, среднестатистическая общеобразовательная организация ежегодно генерирует от трех до пяти тысяч различных документов (приказы, распоряжения, протоколы, планы, отчеты). Экспертные оценки Института образования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» указывают, что до сорока процентов этого объема могут составлять дублирующие или внутренне избыточные документы [4].

Важным инструментом управления, закрепляемым в системе документационного обеспечения, является должностная инструкция. Однако исследование кадровых служб школ Москвы и Московской области (2023 год) выявило, что в пятидесяти восьми процентах случаев должностные инструкции не проходили процедуру актуализации более трех лет, что создает правовую неопределенность, размывает зоны ответственности и повышает риск внутренних конфликтов [5].

Результаты и обсуждения

Цифровизация управления в образовании представляет собой не механический перенос бумажных форм в электронную среду, а трансформацию управленческих технологий и культуры работы с информацией.

Согласно отчетам, в рамках национального проекта «Цифровая экономика» и данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, на конец 2024 года лишь около сорока пяти процентов общеобразовательных организаций полностью или частично внедрили системы внутреннего электронного документооборота [6]. Наблюдается значительная региональная диспропорция: в Москве и Санкт-Петербурге показатель внедрения превышает восемьдесят процентов, тогда как в ряде сельских регионов он не достигает двадцати процентов.

Основные барьеры внедрения, выявленные в опросе «РИА Новости» 2024 год, распределились следующим образом: недостаток финансирования (семьдесят два процента), сопротивление или низкая цифровая грамотность персонала (сорок один процент), несовершенство или противоречивость нормативной базы (тридцать восемь процентов), отсутствие надежной технической поддержки (тридцать пять процентов) [7].

Измеряемые эффекты от внедрения электронного документооборота:

время на процедуру согласования типового распорядительного документа (приказа) сокращается с трех-пяти дней при бумажном обороте до одного-двух часов в системе электронного документооборота;

выполняемость поручений возрастает на двадцать пять-тридцать процентов за счет автоматического контроля сроков и маршрутизации;

затраты на бумагу, печать, копирование и физическое архивирование сокращаются в среднем на пятнадцать-двадцать тысяч рублей в год на одну организацию.

Ключевой проблемой при внедрении электронного документооборота остается «цифровой разрыв» внутри коллектива. Данные мониторинга Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» показывают, что только тридцать три процента педагогов старше пятидесяти лет уверенно

пользуются системами электронного документооборота, в то время как среди коллег до тридцати пяти лет этот показатель достигает восьмидесяти девяти процентов [8]. Это подтверждает, что успех автоматизации напрямую зависит от реализации комплексных программ повышения цифровой квалификации для всех категорий работников.

Агрегирование и анализ доступной статистики позволяет выявить устойчивые корреляционные связи:

- отрицательная корреляция между объемом бумажного документооборота (в часах на педагога в неделю) и индексом профессиональной удовлетворенности учителей. В регионах с высокой отчетной нагрузкой фиксируются статистически значимо более высокие показатели профессионального выгорания [9];

- положительная корреляция между уровнем внедрения электронного документооборота и скоростью прохождения управленческих циклов. В школах с функционирующим электронным документооборотом время от инициации вопроса (например, о закупке оборудования) до издания итогового приказа в среднем на шестьдесят процентов меньше [10];

- кадровый фактор является ключевым сдерживающим элементом, а не стоимость программного обеспечения. Наибольшей эффективности в цифровизации достигают образовательные организации, реализующие параллельно с техническим внедрением обязательные тренинги для всего персонала.

Полученные данные подтверждают тезис о том, что переход на электронный документооборот является не технической модернизацией, а комплексным организационным изменением (change management), требующим пересмотра регламентов, процессов и инвестиций в развитие человеческого капитала [11].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что организационная структура, эффективная в условиях традиционного документооборота, может стать институциональным барьером для цифровых инноваций. Статистические данные указывают на необходимость эволюции от жестких вертикальных иерархий к более гибким, сетевым и процессно-ориентированным моделям взаимодействия [12]. Система внутреннего документооборота требует предварительной ревизии. Опыт успешных внедрений показывает, что предварительная оптимизация и отмена до тридцати процентов устаревших или дублирующих документопотоков повышает эффективность последующей цифровизации на сорок процентов. Такой аудит должен стать обязательным подготовительным этапом для внедрения автоматизированных систем управления.

Выводы

На основе проведенного исследования, основанного на анализе статистических данных и экспертных оценок, сформулированы следующие выводы:

- организационная структура образовательной организации является системообразующим фактором эффективности документооборота. Данные свидетельствуют, что гибкие, распределенные структуры адаптируются к внедрению электронного документооборота на тридцать пять процентов успешнее, чем жесткие иерархические модели;

- документооборот должен рассматриваться как объект постоянного мониторинга и оптимизации. Регулярный аудит документопотоков способен высвободить до семидесяти часов рабочего времени администратора в год;

- цифровизация документооборота является безальтернативным трендом, кардинально меняющим управленческую культуру. Количественные показатели подтверждают значительный рост прозрачности процессов (до пятидесяти процентов), скорости прохождения документов (до шестидесяти процентов) и исполнительской дисциплины (двадцать пять-тридцать процентов) при переходе на электронный документооборот.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном изучении моделей организационных изменений, сопровождающих цифровизацию документационного обеспечения, а также в оценке долгосрочного влияния электронного документооборота на качество образовательных результатов.

Список источников

1. Иванов Г.А. Цифровизация системы управления образовательной организации высшего образования // Вестник евразийской науки. 2025. № 1S. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-sistemy-upravleniya-obrazovatelnoy-organizatsii-vysshego-obrazovaniya (дата обращения: 14.04.2026)

2. Асяева Э.А., Кадерова В.А. Цифровизация системы образования: вызовы, возможности и стратегии реализации // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 9. С. 185 – 190.

3. Маевская О.Н. Методы оценки лидерских качеств у руководителей образовательных учреждений // Экономика, управление и право: национальный опыт и перспективное развитие: Сборник материалов I

Научно-практической конференции (с международным участием), Бердянск, 10-11 октября 2024 года. Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2024. С. 69 – 71.

4. Крутова О.Е., Егорова Т.Н. Управление документооборотом в муниципальном учреждении дополнительного образования // Научные исследования и разработки 2016: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Москва, 29 февраля 2016 года. Москва: Научный центр "Олимп", 2016. С. 545 – 553.

5. Маликов Р.Ш., Токарева И.И. Управление совершенствованием документооборота в учреждениях среднего профессионального образования // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2021. № S2-1 (31). С. 225 – 228.

6. Никитина А.М., Закарян М.Р. Организация автоматизированного документооборота в системе информационно-документационного обеспечения деятельности образовательного учреждения // Экономика знаний: инновационная экосистема и новая индустриализация региона: Материалы III Всероссийской научной конференции по инноватике, Краснодар, 25 мая 2018 года / Научный ред. В.В. Ермоленко. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2018. С. 134 – 141.

7. Лапшова А.В., Земляницына Е.А., Преснякова О.А. Управление самостоятельной работой студентов в условиях цифровой образовательной среды техникума // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 89-1. С. 234 – 236.

8. Баранова Е.В. Трансформация организационных структур общеобразовательных организаций в условиях цифровой экономики // Проблемы управления образовательными системами. 2024. № 1. С. 12 – 19.

9. Пышкина А.В. Инновации в управлении образовательными организациями // Инновации и инвестиции. 2025. № 5. С. 39 – 41.

10. Николаева Е.И. Лучшие практики и модели документооборота в дошкольной образовательной организации // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием , Чебоксары, 16 декабря 2025 года. Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2025. С. 453 – 456.

11. Шаймурзин А.Р. Актуальные вопросы организации электронного документооборота в образовательной организации: аспекты договорного права // Аллея науки. 2024. Т. 1. № 12 (99). С. 649 – 654.

12. Уйк А.А. Обоснование внедрения электронного документооборота в образовательной организации // Молодежная неделя науки института промышленного менеджмента, экономики и торговли: Сборник трудов всероссийской студенческой научно-учебной конференции: в 6-ти ч. Санкт-Петербург, 27 ноября – 02 2023 года. Санкт-Петербург: Политех-Пресс, 2023. С. 83 – 85.

13. Глуховской И.С. Организация документооборота в образовательной организации // Наука и образование: история и современность: Сборник материалов 75-76 внутривузовских научно-практических конференций, Нижневартовск, 20-21 апреля 2023 года. RUS: Издательский центр ЮУрГУ, 2023. С. 104 – 111.

References

1. Ivanov G.A. Digitalization of the Management System of an Educational Organization of Higher Education. Bulletin of Eurasian Science. 2025. No. 1S. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-sistemy-upravleniya-obrazovatelnoy-organizatsii-vysshego-obrazovaniya (date of access: 14.04.2026)

2. Asyaeva E.A., Kaderova V.A. Digitalization of the Education System: Challenges, Opportunities, and Implementation Strategies. Competitiveness in the Global World: Economics, Science, Technology. 2025. No. 9. P. 185 – 190.

3. Maevskaya O.N. Methods for assessing leadership qualities of heads of educational institutions. Economics, management and law: national experience and prospective development: Collection of materials of the 1st Scientific and practical conference (with international participation), Berdyansk, October 10-11, 2024. Simferopol: OOO "Izdatelstvo Tipografiya "Arial", 2024. P. 69 – 71.

4. Krutova O.E., Egorova T.N. Document management in a municipal institution of additional education. Research and Development 2016: Collection of materials of the IX International scientific and practical conference, Moscow, February 29, 2016. Moscow: Scientific Center "Olimp", 2016. P. 545 – 553.

5. Malikov R.Sh., Tokareva I.I. Managing the improvement of document flow in institutions of secondary vocational education. Bulletin of the Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. 2021. No. S2-1 (31). P. 225 – 228.

6. Nikitina A.M., Zakaryan M.R. Organization of automated document flow in the system of information and documentation support for the activities of an educational institution. Knowledge Economy: Innovative Ecosystem and New Industrialization of the Region: Proceedings of the III All-Russian Scientific Conference on Innovation, Krasnodar, May 25, 2018. Scientific ed. V.V. Ermolenko. Krasnodar: Kuban State University, 2018. P. 134 – 141.

7. Lapshova A.V., Zemlyanitsyna E.A., Presnyakova O.A. Managing Students' Independent Work in the Digital Educational Environment of a Technical School. Problems of Modern Pedagogical Education. 2025. No. 89-1. P. 234 – 236.

8. Baranova E.V. Transformation of Organizational Structures of General Education Organizations in the Context of the Digital Economy. Problems of Educational Systems Management. 2024. No. 1. P. 12 – 19.

9. Pyshkina A.V. Innovations in the Management of Educational Organizations. Innovations and Investments. 2025. No. 5. P. 39 – 41.

10. Nikolaeva E.I. Best Practices and Models of Document Management in a Preschool Educational Organization. Education, Innovation, Research as a Resource for Community Development: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Cheboksary, December 16, 2025. Cheboksary: OOO "Izdatelsky Dom" Sreda ", 2025. P. 453 – 456.

11. Shaimurzin A.R. Current Issues of Organizing Electronic Document Management in an Educational Organization: Aspects of Contract Law. Alley of Science. 2024. Vol. 1. No. 12 (99). P. 649 – 654.

12. Uyk A.A. Justification for the Implementation of Electronic Document Management in an Educational Organization. Youth Science Week of the Institute of Industrial Management, Economics and Trade: Collection of Papers of the All-Russian Student Scientific and Educational Conference: in 6 parts. St. Petersburg, November 27-February 2, 2023. St. Petersburg: Polytech-Press, 2023. P. 83 – 85.

13. Glukhovskoy I.S. Organization of Document Management in an Educational Organization. Science and Education: History and Modernity: Collection of Materials of 75-76 Intra-University Scientific and Practical Conferences, Nizhnevartovsk, April 20-21, 2023. RUS: Publishing Center of SUSU, 2023. P. 104 – 111.

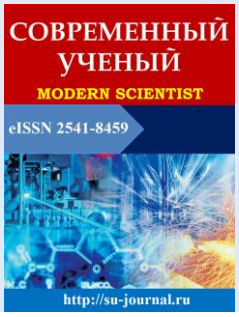
Информация об авторах

Копча В.В., Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко, maldysanda@bk.ru

Кучер С.Ф., кандидат экономических наук, доцент, Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко

Каткова В.В., преподаватель цикловой комиссии общих дисциплин, Педагогический колледж, Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко

© Копча В.В., Кучер С.Ф., Каткова В.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 372.8
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-352-361

Проект обучения башкирскому и китайскому языкам на основе мультимедийных технологий

[1] Исянгулова Г.А., [1] Сагитова А.Г., [1] Абдуллина И.С.

[1] Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: **введение:** ФГОС третьего поколения прямо указывает на необходимость применения информационных образовательных ресурсов в учебном процессе; приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», утвержденный в 2016 году, закрепил этот курс на государственном уровне. Школы оснащаются интерактивными досками, компьютерными классами, широкополосным интернетом – техническая база внедрения мультимедийных технологий в большинстве случаев уже создана.

Однако, наличие оборудования само по себе не решает методической задачи: учитель должен знать, какой инструмент выбрать, в какой момент урока его применить; встроить цифровой ресурс в систему занятий. Здесь и обнаруживается разрыв между оснащенностью школ и реальной методической готовностью педагогов, преодоление которого – актуальная задача современной методической науки. Современные обучающиеся – дети цифрового мира – пользуются мультимедийными ресурсами ежедневно, однако применять их в учебных целях осознанно и продуктивно умеют далеко не все; задача учителя – направить потенциал в нужное русло.

Отдельного внимания заслуживает специфика полилингвальной школы, в условиях которой изучение башкирского и китайского языков нередко происходит параллельно. Ученик, одновременно осваивающий два типологически разных языка, нуждается в особой методической поддержке: важно не просто выучить слова и правила, необходимо выстроить в сознании две различные языковые системы, не смешивая их. Мультимедийные технологии при грамотном применении создают для этого подходящие условия. Через визуальную дифференциацию, контрастивное представление материала, погружение в культурный контекст каждого из языков можно усвоить оба языка в тесной взаимосвязи. Все сказанное и обусловливает актуальность данного исследования: теоретическую, методическую и практическую одновременно.

Методика преподавания языков в контексте использования мультимедийных технологий остается недостаточно разработанной: существующие исследования, как правило, касаются либо русского, либо английского языка, тогда как башкирский и китайский в сопоставительном аспекте практически не рассматривались. Это обстоятельство и порождает исследовательскую проблему нашей работы, которую мы стремились частично решить.

Материалы и методы исследования. В качестве теоретической и методической основы работы выступают труды отечественных и зарубежных исследователей в области лингводидактики, педагогики и информационно-коммуникационных технологий.

В работе использовались традиционные для педагогических и методических исследований методы: анализ научной и методической литературы по теме работы; педагогическое наблюдение, изучение и обобщение передового педагогического опыта; описание и сопоставление методических подходов, систематизация материала; метод поиска и отбора примеров для подтверждения теоретических положений; моделирование учебной деятельности.

Результаты исследования. Разработан проект обучения и система его реализации в полилингвальной школе, рассчитанный на обучающихся 5 класса, который охватывает один учебный год – 34 учебные недели, два занятия в неделю по 45 минут на каждый язык.
Выводы. Наш проект сопоставительного обучения, рассчитанный на учебный год и выстроенный в тематические разделы, ставит целью последовательное наращивание лексического запаса (ориентир – 200–250 единиц на каждом языке) и коммуникативных навыков. Мультимедийные технологии встроены в каждый раздел функционально: например, карточки Quizlet с озвучкой формируют лексический навык, интерактивное меню в приложениях тренирует речевые формулы заказа еды, языковую практику со страноведческим знанием соединяет виртуальная экскурсия по Уфе и Пекину. Аудиозапись диалога на планшете – условие тренировки произношения для последующего анализа.
Мы также приложили систему реализации проекта в полилингвальной школе – от подготовки материально-технической базы и обучения педагогов до автоматической фиксации прогресса через ЯндексКласс, Quizlet и HelloChinese.
Наше исследование подтверждает: мультимедийные технологии при системном, методически осмысленном применении – структурный элемент обучения башкирскому и китайскому языкам. Это элемент, компенсирующий дефицит языковой среды для башкирского, помогающий преодолеть барьер иероглифики и тональности китайского и формирующий у обучающихся привычку самостоятельному, мотивированному обращению языку за пределами школьного расписания.
Ключевые слова: башкирский язык, китайский язык, мультмедийные технологии, сопоставительное обучение

Для цитирования: Исянгулова Г.А., Сагитова А.Г., Абдуллина И.С. Проект обучения башкирскому и китайскому языкам на основе мультимедийных технологий // Современный ученый. 2026. № 11. С. 352 – 361. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-352-361

Поступила в редакцию: 19 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Project of teaching Bashkir and Chinese languages based on multimedia technologies

[1] Isyangulova G.A., [1] Sagitova A.G., [1] Abdullina I.S.

[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: the third-generation Federal State Educational Standard explicitly states the need to use information educational resources in the educational process; the priority project “Modern Digital Educational Environment in the Russian Federation”, approved in 2016, has fixed this course at the state level. Schools are equipped with interactive whiteboards, computer labs, and broadband internet access, and the technical infrastructure for multimedia technologies is already in place in most cases.
However, the availability of equipment does not solve the methodological problem on its own: the teacher must know which tool to choose and when to use it in the lesson, as well as how to integrate the digital resource into the lesson plan. This is where the gap between the equipment available in schools and the actual methodological preparedness of teachers becomes apparent, and overcoming this gap is a pressing challenge for modern methodological science. Today's students, who are children of the digital age, use multimedia resources on a daily basis, but not everyone is aware of how to use them effectively for educational purposes. It is the teacher's responsibility to guide students in the right direction.
Special attention should be paid to the specifics of the multilingual school, in which the study of Bashkir and Chinese languages often takes place in parallel. A student who simultaneously learns two typologically different languages needs special methodological support: it is important not only to learn the words and rules, but also to build two different language systems in his mind without mixing them. Multimedia technologies, when applied correctly, create suitable conditions for this. Through visual differentiation, contrasting presentation of the material, immersion in the cultural context of each language, it is possible to learn both languages in close relationship. All of the above makes this research both theoretically and methodologically and practically relevant.

The methodology of teaching languages in the context of using multimedia technologies remains underdeveloped: existing studies generally deal with either Russian or English, while Bashkir and Chinese have not been considered in a comparative aspect. This circumstance gives rise to the research problem of our work, which we have attempted to partially address.

Materials and research methods. The work is based on the theoretical and methodological works of Russian and foreign researchers in the field of linguodidactics, pedagogy, and information and communication technologies.

The work uses traditional methods for pedagogical and methodological research, such as analyzing scientific and methodological literature on the topic, conducting pedagogical observations, studying and summarizing best practices, describing and comparing methodological approaches, and systematizing material. The work also includes the method of searching for and selecting examples to support theoretical statements, and modeling educational activities.

Research results. A project of training and the system of its implementation in a multilingual school, designed for students of the 5th grade, which covers one academic year – 34 academic weeks, two classes per week for 45 minutes in each language.

Conclusions. Our project of comparative training, designed for an academic year and built into thematic sections, aims to consistently build up vocabulary (target – 200-250 units in each language) and communicative skills. Multimedia technologies are integrated into each section in a functional way: for example, Quizlet flashcards with voiceovers form a lexical skill, an interactive menu in applications trains speech formulas for ordering food, language practice with country-specific knowledge connects a virtual tour of Ufa and Beijing. An audio recording of a dialogue on a tablet is a condition for pronunciation training for subsequent analysis.

We have also developed a system for implementing the project in a multilingual school, from preparing the material and technical base and training teachers to automatically recording progress through YandexClass, Quizlet, and HelloChinese.

Our research confirms that multimedia technologies, when used systematically and methodically, are an essential element of teaching the Bashkir and Chinese languages. This element compensates for the lack of a native-language environment for the Bashkir language, helps students overcome the challenges of Chinese characters and tones, and fosters a habit of independent and motivated language learning outside of the school curriculum.

Keywords: the Bashkir language, the Chinese language, multimedia technologies, and comparative learning

For citation: Isyangulova G.A., Sagitova A.G., Abdullina I.S. Project of teaching Bashkir and Chinese languages based on multimedia technologies. Modern Scientist. 2026. 11. P. 352 – 361. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-352-361

The article was submitted: June 19, 2026; Approved after reviewing: July 17, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Предлагаемый проект рассчитан на обучающихся 5 класса полилингвальной школы и охватывает один учебный год – 34 учебные недели, два занятия в неделю по 45 минут на каждый язык.

Цель проекта – сформировать базовые коммуникативные навыки в башкирском и китайском языках с систематическим использованием мультимедийных технологий, развить интерес к языкам и культурам народов Башкортостана и Китая.

Задачи проекта: 1) обучение базовым лексико-грамматическим структурам обоих языков; 2) развитие навыков аудирования, говорения, чтения и письма; 3) знакомство с лингвокультурными особенностями двух регионов; 4) повышение мотивации к изучению языков через интерактивные задания, 5) формирование навыков работы с мультимедийными ресурсами.

Ниже представляем систему реализации с указанием конкретных мероприятий и инструментов контроля.

Подготовительная работа (1 месяц до начала учебного года).

Техническое оснащение включает установку интерактивной доски и обеспечение устойчивого Wi-Fi в кабинетах башкирского и китайского языков; количество планшетов или компьютеров – из расчета одно устройство на двух обучающихся; программное обеспечение – ЯндексКласс, Quizlet, HelloChinese, «IQ БалаБаш», Pleco, Skritter.

Педагогическая подготовка. Проводится семинар для учителей обоих языков по работе с мультимедийными инструментами, разработка календарно-тематического планирования на год, создание банка мультимедийных материалов – аудиозаписей, видеофрагментов, интерактивных карточек.

Организационные вопросы: утверждение расписания, формирование групп с учетом уровня языковой подготовки, проведение родительского собрания для разъяснения целей проекта.

Информационное сопровождение – размещение материалов на сайте школы и создание чата класса в мессенджере.

Основной процесс (34 учебные недели). Каждое занятие строится по комбинированной схеме: разминка (5 минут) – аудиодиалог или видеофрагмент; введение новой лексики (10 минут) – мультимедийные карточки с озвучкой; грамматическая практика (10 минут) – интерактивные упражнения на платформе; речевая активность (15 минут) – ролевые игры, диалоги в парах; культурный блок (5 минут) – короткий текст или видео о традициях.

Формы работы: индивидуальная (карточки в приложениях, тесты в ЯндексФормах), парная (диалоги, взаимопроверка), групповая (ролевые игры, подготовка презентации), фронтальная (обсуждение, просмотр видео). Педагогическое сопровождение распределено между учителем башкирского языка, учителем китайского языка и ИТ-специалистом, обеспечивающим техническую поддержку один раз в неделю.

Контрольно-оценочная работа ведется на 3 уровнях.

1. Текущий контроль – выполнение упражнений на платформе ЯндексКласс с автоматической оценкой и фиксацией активности на уроке по балльной системе.

2. Промежуточный контроль после каждого раздела – тест на лексику и грамматику в ЯндексФормах и аудиозапись диалога, оцениваемая учителем.

3. Итоговый контроль – защита проекта «Международный фестиваль языков» и устный экзамен, включающий рассказ на выбранную тему и диалог [9, с. 158].

Критерии оценки: 1) произношение – правильность, интонация; 2) использование лексики – полнота и точность; 3) грамматическая корректность; 4) понимание аудио- и видеоматериалов; 5) активность в интерактивных заданиях; 6) качество мультимедийного продукта.

Мультимедийные инструменты контроля подбираются под конкретные задачи: ЯндексФормы под автоматическую обработку тестовых результатов с выгрузкой в общую таблицу; Quizlet фиксирует статистику работы каждого обучающегося с карточками – количество повторений, процент правильных ответов, время работы.

Материалы и методы исследований

В качестве теоретической и методической основы работы выступают труды отечественных и зарубежных исследователей в области лингводидактики, педагогики и информационно-коммуникационных технологий.

В работе использовались традиционные для педагогических и методических исследований методы: анализ научной и методической литературы по теме работы; педагогическое наблюдение, изучение и обобщение передового педагогического опыта; описание и сопоставление методических подходов, систематизация материала; метод поиска и отбора примеров для подтверждения теоретических положений; моделирование учебной деятельности.

Результаты и обсуждения

Тематический план реализуется в восемь разделов, представленных в таблице ниже (табл. 1), каждый из которых рассчитан на четыре занятия; завершающий раздел – обобщающий, на два занятия.

Таблица 1

Тематический план проекта обучения башкирскому и китайскому языкам на основе мультимедийных технологий.

Table 1

Thematic plan for a project to teach Bashkir and Chinese languages using multimedia technologies.

№	Тема раздела	Кол-во занятий	Основные технологии
I	Знакомство и приветствия	4	Quizlet, аудиодиалоги
II	Моя семья	4	Интерактивное генеалогическое древо
III	Школа и учебные предметы	4	Google Classroom, виртуальное расписание
IV	Еда и традиции питания	4	Интерактивное меню, видеорецепты
V	Праздники и традиции	4	Календарь праздников с аудиоописанием

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

VI	Мой город и достопримечательности	4	Виртуальная экскурсия, интерактивная карта
VII	Хобби и увлечения	4	Карточки видов деятельности, видео мастеров
VIII	Обобщение и итоговая работа	2	Мультимедийная презентация, аудиорассказ

Ниже мы представляем описание разделов проекта упражнениями на башкирском и китайском языках, выполняемыми с опорой на мультимедийные инструменты.

I. Знакомство и приветствия.

Раздел открывает учебный год и вводит базовые речевые формулы приветствия и самопредставления на обоих языках.

На интерактивной доске видеофрагмент: два коротких ролика – один о традициях приветствия в Башкортостане (рукопожатие, обращение *апай* / *ағай*) [5], другой – о китайских обычаях (поклон, обращение по фамилии) [10]. Обучающиеся слушают аудиодиалоги с носителями языка, в которых звучат фразы самопредставления, затем повторяют их и разыгрывают ролевую игру «Знакомство в международном лагере» – по очереди представляясь на башкирском и китайском. Мультимедийные карточки в Quizlet содержат изображения людей с подписями и озвучкой; обучающиеся работают с ними индивидуально на планшетах, запоминая базовые выражения [1, с. 80].

1. «Мин кем?» / «**我是**谁**？**» («Кто я?»). *Интерактивная доска* + *Quizlet.* На экране – карточки с фотографиями и подписями. Обучающиеся читают вслух и составляют по образцу:

– Һаумыһығыҙ! Минең исемем Айнур. Мин Өфөлә йәшәйем. Минең атайым – уҡытыусы, ә әсәйем – табип. («Здравствуйте! Меня зовут Айнур. Я живу в Уфе. Мой папа – учитель, а мама – врач»).

*– **你好！我叫王明。我住在北京。我爸爸是老师，妈妈是医生。*** (Nǐ hǎo! Wǒ jiào Wáng Míng. Wǒ zhù zài Běijīng. Wǒ bàba shì lǎoshī, māma shì yīshēng.) («Привет! Меня зовут Ван Мин. Я живу в Пекине. Мой папа – учитель, мама – врач»).

2. «Танышыу уйыны» / «认识**游**戏» («Игра-знакомство»). *Аудиозаписи* + *парная работа.* Обучающиеся слушают аудиодиалог, затем в парах разыгрывают аналогичный:

– Исемең нисек? – Минең исемем Динара. Ә һинеке? – Минең исемем Азамат. Таныш булғаныма шат! («– Как тебя зовут? – Меня зовут Динара. А тебя? – Меня зовут Азамат. Рад знакомству!»)

*– **你叫什么名字？– 我叫安娜。你呢？– 我叫伊万。认识你很高兴！*** (Nǐ jiào shénme míngzi? – Wǒ jiào Ānnà. Nǐ ne? – Wǒ jiào Yīwàn. Rènshi nǐ hěn gāoxìng!) («– Как тебя зовут? – Меня зовут Анна. А тебя? – Меня зовут Иван. Очень приятно познакомиться!»)

3. «Сәләмләшеү йолалары» / «问**候的**传统» («Традиции приветствия»). После просмотра двух видеороликов обучающиеся заполняют сравнительную таблицу: как приветствуют в Башкортостане (рукопожатие, слова *Һаумыһығыҙ! Хәйерле көн!*) и в Китае (поклон, слова ***你好***, ***您好***). Таблица заполняется на интерактивной доске коллективно.

II. Моя семья.

Раздел о лексике родственных связей и семейных традиций. На интерактивной доске интерактивное генеалогическое древо с аудиоподсказками: нажимая на фигуру, обучающийся слышит произношение и видит подпись. Обучающиеся описывают свою семью по фотографиям, которые заранее загружены в ЯндексКласс; работа ведется устно и письменно – сначала по образцу, затем самостоятельно.

Карточки родственных связей в Quizlet содержат изображения и озвучку на обоих языках: *атай* («отец»), *әсәй* («мать»), *ағай* («старший брат»), *апай* («старшая сестра»), *олатай* («дедушка»), *өләсәй* («бабушка»); ***爸爸*** (bàba, «папа»), *妈妈* (māma, «мама»), ***哥哥*** (gēge, «старший брат»), ***姐姐*** (jiějie, «старшая сестра»), *爷爷* (yéye, «дедушка»), ***奶奶*** (nǎinai, «бабушка»).

После работы с карточками идет обсуждение: как называют старших родственников в башкирской и китайской культурах, какие различия и сходства обнаруживаются.

1. «Минең ғаиләм» / «**我的家**» («Моя семья»).

Обучающиеся составляют рассказ о своей семье по образцу:

Беҙҙең ғаиләлә биш кеше: атайым, әсәйем, мин, ағайым һәм ҡустым. Атайым – инженер, ул заводта эшләй. Әсәйем – уҡытыусы, мәктәптә балалар уҡыта. Ағайым – студент, Өфөлә юғары уҡыу йортонда

уҡый. («В нашей семье пять человек: папа, мама, я, старший брат и сестра. Папа – инженер, работает на заводе. Мама – учительница, преподает в школе. Брат – студент, учится в вузе в Уфе»).

我家有五口人：爸爸、妈妈、我、哥哥和妹妹。爸爸是工程师，在工厂工作。妈妈是老师，在学校教书。哥哥是大学生，在北京上大学。 (Wǒ jiā yǒu wǔ kǒu rén: bàba, māma, wǒ, gēge hé mèimei. Bàba shì gōngchéngshī, zài gōngchǎng gōngzuò. Māma shì lǎoshī, zài xuéxiào jiāoshū. Gēge shì dàxuéshēng, zài Běijīng shàng dàxué.) («В моей семье пять человек: папа, мама, я, старший брат и младшая сестра. Папа – инженер, работает на заводе. Мама – учитель, преподает в школе. Брат – студент, учится в Пекине»).

2. «Кемдең ғаиләһе?» / «谁**的家？**» («Чья семья?»). Учитель включает аудиозапись – краткое описание семьи на башкирском или китайском языке. Обучающиеся по описанию определяют, чью семью описали, из предложенных вариантов на экране.

III. Школа и учебные предметы.

Изучается лексика, связанная со школьной жизнью. На интерактивной доске представлено виртуальное расписание, в которое обучающиеся вносят предметы на башкирском и китайском языках. Видеоматериалы о школьной жизни в Башкортостане и Китае – короткие ролики по 1–2 минуты, демонстрирующие, как проходит урок, выглядит школьная форма, как устроена перемена. После просмотра – обсуждение сходств и различий: обучающиеся называют три общие черты и три отличия [7, с. 48].

1. «Бөгөн ниндәй дәрестәр?» / «**今天有什么**课**？**» («Какие сегодня уроки?»). *Интерактивная доска и Quizlet.* Обучающиеся составляют расписание на неделю, используя карточки с названиями предметов: *Дүшәмбе: башҡорт теле, математика, тарих, физкультура. Шишәмбе: рус теле, инглиз теле, биология, музыка. Шаршамбы: математика, башҡорт теле, география, технология.* («Понедельник: башкирский язык, математика, история, физкультура. Вторник: русский язык, английский язык, биология, музыка. Среда: математика, башкирский язык, география, технология»).

星期一：语文、数学、历史、体育。星期二：俄语、英语、生物、音乐。星期三：数学、语文、地理、劳动。 (Xīngqīyī: yǔwén, shùxué, lìshǐ, tǐyù. Xīngqīèr: éyǔ, yīngyǔ, shēngwù, yīnyuè. Xīngqīsān: shùxué, yǔwén, dìlǐ, láodòng.) («Понедельник: язык, математика, история, физкультура. Вторник: русский, английский, биология, музыка. Среда: математика, язык, география, труд»).

2. «Дәрескә нимә кәрәк?» / «**上**课**需要什么？**» («Что нужно для урока?»). *Интерактивная доска – сопоставление.* На экране – предметы (тетрадь, ручка, линейка, учебник) и названия уроков. Обучающиеся соединяют: *математика – циркуль, дәфтәр, линейка* («циркуль, тетрадь, линейка»); ***数学** – 圆规、**本子**、**尺子***(yuánguī, běnzi, chǐzi).

3. «Яратҡан дәресем» / «**我最喜**欢**的**课» («Мой любимый предмет»). Ведется устная работа с аудиозаписями. Обучающиеся рассказывают о любимом предмете по образцу, записанному на карточке: *Мин математиканы яратам, сөнки унда мәсьәләләр сисәбеҙ. Уҡытыусыбыҙ бик яҡшы аңлата, дәрестәр ҡыҙыҡлы.* («Я люблю математику, потому что во время урока мы решаем задачи. Наш учитель очень хорошо объясняет, уроки интересные»).

IV. Еда и традиции питания.

Знакомство с лексикой продуктов и блюд, с традициями питания в Башкортостане и Китае. В Smart Notebook дано интерактивное меню, в котором обучающиеся «заказывают» блюда, нажимая на изображение и слыша произношение [2]. Например, видеорецепт чак-чака. Короткий ролик с субтитрами на башкирском и китайском языках соответственно. Обучающиеся составляют меню праздничного обеда на двух языках, выбирая блюда из предложенного списка на карточках Quizlet [3, с. 43].

1. «Аҙыҡ-түлек баҙары» / «**食品市**场» («Продуктовый рынок»). *Интерактивная доска.* Карточки с изображениями продуктов и блюд: *Бишбармаҡ – башҡорт халыҡ ашы. Уны ит менән ҡамырҙан бешерәләр. Ашар алдынан ҡоротло һурпа эсәләр, артабан итте бишбармаҡ менән ашайҙар.* («Бишбармак – башкирское национальное блюдо. Его готовят из мяса и теста. Перед едой пьют бульон с куртом, затем едят мясо с бишбармаком»).

饺子是中国的传统食品。用面皮包上肉馅和蔬菜，然后煮熟。中国人过年的时候一定要吃饺子，因为饺子象征着财富和好运。 (Jiǎozi shì Zhōngguó de chuántǒng shípǐn. Yòng miànpí bāo shàng ròuxiàn hé shūcài, ránhòu zhǔshú. Zhōngguó rén guò nián de shíhou yīdìng yào chī jiǎozi, yīnwèi jiǎozi xiàngzhēng zhe cáifù hé hǎoyùn). («Пельмени – традиционная китайская еда. Из теста делают конвертики с мясной и овощной начинкой, затем варят. На Новый год китайцы обязательно едят пельмени, потому что они символизируют богатство и удачу»).

«Ашханала» / «**在食堂**» («В столовой»). Обучающиеся разыгрывают диалог по образцу:

– Һаумыһығыҙ! Миңә бишбармаҡ, ике күмәс һәм бер стакан айран биреге҃ҙ. – Яҡшы! Ашығыҙ тәмле булһын! («– Здравствуйте! Дайте мне бишбармак, два пирожка и стакан айрана. – Хорошо, пожалуйста! Приятного аппетита!»)

– 你好！我要一碗饺子、一杯茶和两个包子。– 好的，请稍等！祝你用餐愉快！ (Nǐ hǎo! Wǒ yào yī wǎn jiǎozi, yī bēi chá hé liǎng ge bāozi. – Hǎo de, qǐng shāo děng! Zhù nǐ yòngcān yúkuài!) («– Привет! Я хочу миску пельменей, чашку чая и два пирожка. – Хорошо, подождите! Приятного аппетита!»).

V. Праздники и традиции.

Здесь класс изучает основные праздники Башкортостана и Китая. На интерактивной доске календарь: нажимая на дату, обучающийся видит название праздника, фотографию и слышит аудиоописание.

Например, даются видеофрагменты Сабантуя и Праздника весны (春节, Chūnjié) по 2 минуты, создавая визуальное представление о том, как отмечаются главные торжества двух народов [6]. Обучающиеся составляют поздравления на обоих языках и записывают их на аудио через планшеты – лучшие записи включаются в школьную медиатеку.

1. «Байрамдар календаре» / «节日日历» («Календарь праздников»). *Интерактивный календарь.* Обучающиеся заполняют интерактивный календарь, распределяя праздники по датам: *Һабантуй – башҡорт халҡының иң ҡәҙерле байрамы. Уны йыл һайын июнь айында, иген сәсеү тамамланғас, үткәрәләр. Һабантуйҙа ат сабышы, көрәш, гер күтәреү кеүек уйындар була, кешеләр бейей, йырлай, милли ризыҡтар ашайҙар.* («Сабантуй – самый дорогой праздник башкирского народа. Его проводят ежегодно в июне, после завершения посевных работ. На Сабантуе устраивают скачки, борьбу, состязания по подъему гирь, люди танцуют, поют, угощаются.»)

春节是中国最重要的传统节日。每年农历新年的时候，全家人聚在一起吃年夜饭，放鞭炮，贴春联。孩子们最高兴的是收到红包，红包里装着压岁钱。 (Chūnjié shì Zhōngguó zuì zhòngyào de chuántǒng jiérì. Měi nián nónglì xīn nián de shíhou, quán jiā rén jù zài yīqǐ chī niányèfàn, fàng biānpào, tiē chūnlián. Háizimen zuì gāoxìng de shì shōudào hóngbāo, hóngbāo lǐ zhuāng zhe yāsuìqián). («Праздник весны – самый важный традиционный праздник Китая. Каждый год в лунный Новый год вся семья собирается вместе на праздничный ужин, запускают фейерверки, клеят новогодние надписи. Дети больше всего радуются красным конвертам с деньгами»).

2. «Ҡотлау» / «祝贺» («Поздравление»). Используется аудиозапись. Обучающиеся составляют и записывают поздравления:

Ураҙа байрамы менән ҡотлайым! Шатлыҡ, бәхет, сәләмәтлек теләйем! Байрамығыҙ ҡотло булһын! («Поздравляю с Ураза-байрам! Желаю радости, счастья, здоровья! Пусть ваш праздник будет благословенным!»).

新年快乐！祝你身体健康，万事如意！希望你在新的一年里学习进步，天天开心！ (Xīn nián kuàilè! Zhù nǐ shēntǐ jiànkāng, wànshì rúyì! Xīwàng nǐ zài xīn de yī nián lǐ xuéxí jìnbù, tiāntiān kāixīn!) («С Новым годом! Желаю здоровья и исполнения желаний! Надеюсь, в новом году ты будешь хорошо учиться и радоваться каждый день!»).

VI. Мой город и достопримечательности.

Изучается лексика, связанная с городской средой, и знакомит с достопримечательностями Уфы и Пекина. Проводится виртуальная экскурсия: интерактивная карта города с метками, при нажатии на которые появляется фотография и аудиоописание на изучаемом языке. Обучающиеся проводят виртуальную экскурсию для одноклассников, описывая выбранную достопримечательность. Даны короткие ролики об Уфе и Пекине – сопровождается вопросами на понимание, ответы обсуждаются фронтально [8, с. 120].

1. «Өфө ҡалаһында» / «在北京» («В Уфе» / «В Пекине»). Обучающиеся читают тексты с экрана и отвечают на вопросы: *Өфө – Башҡортостан Республикаһының баш ҡалаһы. Ҡала эргәһенән Ағиҙел, Ҡариҙел, Дим йылғалары аға. Өфөлә Тыуған яҡты өйрәнеү музейы, М.В. Нестеров исемендәге Художество музейы, алты театр эшләй. Ағиҙел ярының иң бейек урынына Салауат Юлаевҡа һәйкәл ҡуйылған.* («Уфа – столица Республики Башкортостан. Рядом с городом текут реки Агидель, Каридель, Дема. В Уфе работают Музей краеведения, Художественный музей имени М.В. Нестерова, шесть театров. На самом высоком месте берега реки Агидель установлен памятник Салавату Юлаеву»).

北京是中国的首都，有三千多年的历史。在北京可以参观故宫、天安门广场和长城。故宫是中国古代皇帝住的地方，现在是世界上最大的博物馆之一。 (Běijīng shì Zhōngguó de shǒudū, yǒu sān qiān duō nián de lìshǐ. Zài Běijīng kěyǐ cānguān Gùgōng, Tiān'ānmén Guǎngchǎng hé Chángchéng. Gùgōng shì Zhōngguó gǔdài huángdì zhù de dìfang, xiànzài shì shìjiè shàng zuì dà de bówùguǎn zhī yī). («Пекин – столица Китая, его исто-

рия насчитывает более трех тысяч лет. В Пекине можно посетить Запретный город, площадь Тяньаньмэнь и Великую китайскую стену. Запретный город – место, где жили древние императоры Китая, сейчас он один из крупнейших музеев мира»).

2. «Виртуаль экскурсия» / «虚拟参观» («Виртуальная экскурсия»). Обучающиеся в парах готовят описание одной достопримечательности и «проводят» экскурсию, показывая ее на карте и рассказывая на изучаемом языке.

VII. Хобби и увлечения.

Лексика видов деятельности и традиционных искусств обоих народов.

Ролик о мастерах курая и ролик о китайской каллиграфии демонстрируются на интерактивной доске. Обучающиеся рассказывают о своем хобби по образцу, затем пробуют нарисовать простой иероглиф или элемент башкирского орнамента – практическое задание, соединяющее языковую работу с творческой [11, с. 54].

1. «Минең хобби» / «我的爱好» («Мое хобби»). *Quizlet + устная работа.* Обучающиеся составляют рассказ: *Музыка яратам, ҡурайҙа уйнарға өйрәнәм. Ҡурай – башҡорт халҡының иң боронғо музыка ҡоралы. Үлән һабағынан эшләйҙәр, уның тауышы бик моңло, йөрәккә етә.* («Я люблю музыку. Я учусь играть на курае. Курай – древнейший музыкальный инструмент башкирского народа. Курай делают из стебля растения, его звук очень мелодичный, задушевный»).

我喜欢画画。我每天放学以后都会画一个小时。我最喜欢画中国山水画，因为山水画让我觉得很平静。我的老师说中国画和书法有很深的关系。 (Wǒ xǐhuan huàhuà. Wǒ měitiān fàngxué yǐhòu dōu huì huà yī ge xiǎoshí. Wǒ zuì xǐhuan huà Zhōngguó shānshuǐhuà, yīnwèi shānshuǐhuà ràng wǒ juéde hěn píngjìng. Wǒ de lǎoshī shuō Zhōngguó huà hé shūfǎ yǒu hěn shēn de guānxì). («Я люблю рисовать. Каждый день после школы я рисую один час. Больше всего мне нравится китайская пейзажная живопись, потому что она меня успокаивает. Мой учитель говорит, что китайская живопись и каллиграфия тесно связаны»).

2. «Уйын «Хобби» / «游戏"猜爱好"» («Игра «Угадай хобби»). На карточках Quizlet – изображения видов деятельности без подписей. Каждый описывает хобби на изучаемом языке, не называя его, остальные угадывают.

3. «Орнамент һәм каллиграфия» / «花纹和书法» («Орнамент и каллиграфия»). *Практическое задание.* Рисуется элемент башкирского орнамента *ҡусҡар* («бараний рог») и простой китайский иероглиф *山* (shān, «гора»), объясняя значение на изучаемом языке.

VIII. Обобщение и итоговая работа (2 занятия).

Завершающий раздел объединяет материал всех предыдущих разделов в итоговую работу «Международный фестиваль языков». Обучающиеся создают мультимедийную презентацию о Башкортостане и Китае, записывают аудиорассказ на двух языках и демонстрируют мини-диалог перед классом.

Презентация готовится в течение двух занятий; на защите каждая группа представляет свою работу, отвечает на вопросы одноклассников и учителя. Оценивается произношение, использование лексики, грамматическая корректность, понимание аудио- и видеоматериалов, качество мультимедийного продукта [4].

Обучающиеся в группах по 3-4 человека готовят презентацию из 8-10 слайдов, содержащую тексты на обоих языках, фотографии, аудиозаписи.

Каждая группа демонстрирует диалог на башкирском и китайском языках – знакомство, рассказ о семье, приглашение в гости – перед классом.

Выводы

Таким образом, наш проект объединяет восемь тематических разделов, каждый из которых последовательно наращивает лексический запас и коммуникативные навыки обучающихся на двух типологически различных языках. Мультимедийные технологии встроены в каждый раздел функционально – от интерактивных карточек Quizlet до виртуальных экскурсий и аудиозаписей на планшетах. Сопоставительный подход, проходящий через все разделы, формирует у обучающихся лингвистическую рефлексию и понимание культурного многообразия. Итоговая работа «Международный фестиваль языков» обеспечивает интегративную проверку всех приобретенных навыков – речевых, языковых, цифровых и межкультурных.

Приложение HelloChinese ведет внутренний журнал прогресса по каждому разделу; аналогичным образом регистрирует результаты аудиоупражнений по башкирскому языку «BashWord». Хранит все выполненные задания, аудиозаписи диалогов, текстовые работы ЯндексКласс: формируя цифровое портфолио обучающегося за весь год. Интерактивная доска Smart Notebook фиксирует результаты коллективных заданий, включая упражнения на сопоставление и сортировку.

По завершении учебного года проводится анализ результатов тестирования, анкетирование обучающихся и родителей, совещание педагогов с подведением итогов. На основании полученных данных вносятся коррективы в программу следующего года: при необходимости перераспределяется время между разделами, обновляется банк мультимедийных материалов, заменяются малоэффективные ресурсы. Документы фиксации результатов: журнал успеваемости с отметками по разделам, портфолио обучающегося (аудиозаписи, презентации, сертификаты), аналитическая справка по итогам года.

Ожидаемые предметные результаты. К концу учебного года: освоение 200-250 лексических единиц на каждом языке, умение строить простые фразы и диалоги по восьми тематическим разделам, понимание на слух коротких высказываний, чтение адаптированных текстов объемом 50-70 слов с извлечением основной информации, написание коротких сообщений по образцу (5–7 предложений).

Метапредметные результаты: навыки работы с мультимедийными ресурсами, умение сотрудничать в группе, развитие исследовательских навыков и цифровой грамотности.

Личностные результаты предполагают рост мотивации к изучению языков (по данным анкетирования – ориентир не менее 70 % обучающихся), формирование уважения к культурному многообразию, развитие коммуникативной компетенции в поликультурной среде.

Количественные показатели оценки реализации проекта. Успеваемость по предметам не ниже 85 %; участие в школьных и городских конкурсах по языкам обучающихся класса (не менее 30 %); сохранение контингента на следующий год 90 % и более.

Долгосрочные эффекты предполагают выбор углубленного изучения языков в старших классах, участие в международных проектах и обменах, формирование устойчивой языковой среды в школе. Социальные результаты – создание школьного сообщества юных полиглотов, вовлечение родителей в образовательный процесс, укрепление партнерства с культурными центрами Башкортостана и Китая.

Итак, система реализации проекта обеспечивает последовательное движение от подготовки условий через учебный процесс к контролю и анализу результатов. Мультимедийные инструменты встроены в каждый этап, от создания банка материалов до автоматической фиксации прогресса обучающихся. Гибкость системы (возможность корректировки на основе данных аналитики) делает проект способным адаптироваться реальным потребностям полилингвальной школы.

Список источников

1. Багаутдинова М.И., Ягафарова Г.Н. Использование новых технологий на уроках башкирского языка и литературы. Уфа: Педкнига, 2008. 204 с. (на башкирском языке)

2. Власова Н.Н., Колпачкова Е.Н., Сомкина Н.А. Онлайн-обучение восточным языкам: возможности и вызовы (по результатам внедрения программ электронного обучения китайскому языку) // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2019. № 3. С. 90 – 100.

3. Габитова З.М. Уроки развития речи. Уфа: Китап, 2009. 126 с. (на башкирском языке)

4. Галиахметова Р.А. Использование компьютерных технологий на уроках башкирского языка и литературы // Учитель Башкортостана. 2016. № 9. С. 19 – 21 (на башкирском языке)

5. Ганиева Г.Г. Методика преподавания башкирского языка: инновационные технологии. Бирск, 2018. 120 с. (на башкирском языке)

6. Городилова Г.Г., Мухина Л.П. Аудиовизуальные и технические средства в обучении. Москва: Издательство Московского университета, 2016. 127 с.

7. Масловец О.А. Основы обучения китайскому языку в вузе и в школе: теория и практика: учебное пособие. 2-е изд. Москва, 2017. 264 с.

8. Титова С.В. Цифровые технологии в языковом обучении: теория и практика. Москва: Эдитус, 2017. 247 с.

9. Хамитова Л.А., Тулумбаев В.З. Использование мультимедийных презентаций на уроках башкирского языка // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: материалы научной конференции. Сибай, 2019. С. 157 – 159.

10. Liu S. Teaching the Chinese Language Remotely: Global Cases and Perspectives. Cham: Springer Nature, 2022. 391 p.

11. Fang S. The current situation and solutions to teaching Chinese with multimedia, Modern Education Technology and Chinese Teaching to Foreigners. Beijing: Beijing Press, 2012. 349 p.

References

1. Bagautdinova M.I., Yagafarova G.N. The use of new technologies in the lessons of the Bashkir language and literature. Ufa: Pedbook, 2008. 204 p. (in Bashkir language)
2. Vlasova N.N., Kolpachkova E.N., Somkina N.A. Online teaching of oriental languages: opportunities and challenges (based on the results of the implementation of e-learning programs for the Chinese language). Information Society: Education, Science, Culture and Technologies of the Future. 2019. No. 3. P. 90 – 100.
3. Gabitova Z.M. Speech development lessons. Ufa: Kitap, 2009. 126 p. (in Bashkir language)
4. Galiakhmetova R.A. Using Computer Technologies in Bashkir Language and Literature Lessons. Teacher of Bashkortostan. 2016. No. 9. P. 19 – 21 (in Bashkir)
5. Ganieva G.G. Methods of Teaching the Bashkir Language: Innovative Technologies. Birsk, 2018. 120 p. (in Bashkir)
6. Gorodilova G.G., Mukhina L.P. Audiovisual and Technical Aids in Teaching. Moscow: Moscow University Publishing House, 2016. 127 p.
7. Maslovets O.A. Fundamentals of Teaching the Chinese Language at University and School: Theory and Practice: A Textbook. 2nd ed. Moscow, 2017. 264 p.
8. Titova S.V. Digital Technologies in Language Teaching: Theory and Practice. Moscow: Editus, 2017. 247 p.
9. Khamitova L.A., Tulumbaev V.Z. Using Multimedia Presentations in Bashkir Language Lessons. Problems of Humanities and Education in the Modern World: Proceedings of the Scientific Conference. Sibay, 2019. P. 157 – 159.
10. Liu S. Teaching the Chinese Language Remotely: Global Cases and Perspectives. Cham: Springer Nature, 2022. 391 p.
11. Fang S. The Current Situation and Solutions to Teaching Chinese with Multimedia, Modern Education Technology, and Chinese Teaching to Foreigners. Beijing: Beijing Press, 2012. 349 p.

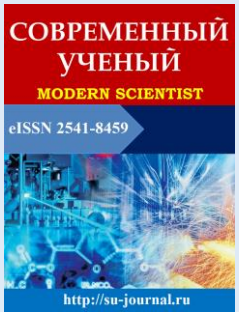
Информация об авторах

Исянгулова Г.А., Уфимский университет науки и технологий, igulnaz75@yandex.ru

Сагитова А.Г., Уфимский университет науки и технологий, aigul74s@mail.ru

Абдуллина И.С., Уфимский университет науки и технологий, nara.1720036@yahoo.com

© Исянгулова Г.А., Сагитова А.Г., Абдуллина И.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.08
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-362-367

Особенности проявления и профилактика эмоционального выгорания у педагогов системы общего образования

[1] Груздова О.Г., [1] Пудеева И.С., [1] Филимонова Д.Н.

[1] Пензенский государственный университет

Аннотация: в статье предпринята попытка анализа феномена эмоционального выгорания, отмечена актуальность данного явления в профессиональной педагогической среде. Целью исследования являлось выявление особенностей проявления эмоционального выгорания и описание профилактической работы по его предупреждению. Авторами описаны причины и последствия эмоционального выгорания у педагогов, определено содержание психолого-педагогической профилактической работы по предупреждению эмоционального выгорания в образовательной среде. Представлены и описаны результаты исследования особенностей проявления эмоционального выгорания у педагогов. Исследование показало, что наблюдается высокая самооценка эмоциональной устойчивости, которая опирается на опыт и коллективную поддержку. Однако этих ресурсов недостаточно для противодействия высоким профессиональным нагрузкам и повсеместному распространению стресса. При этом профессиональный стаж большинством педагогов рассматривается как позитивный ресурс развития эмоциональной устойчивости. Рассмотрены примеры профессиональных сообществ как профилактических ресурсов, позволяющих минимизировать появление и развитие синдрома эмоционального выгорания у педагога.
Ключевые слова: выгорание, профессиональное выгорание, эмоциональное выгорание, профилактика, профилактика эмоционального выгорания, педагог, педагогическая деятельность

Для цитирования: Груздова О.Г., Пудеева И.С., Филимонова Д.Н. Особенности проявления и профилактика эмоционального выгорания у педагогов системы общего образования // Современный ученый. 2026. № 11. С. 362 – 367. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-362-367

Поступила в редакцию: 20 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Features of the manifestation and prevention of emotional burnout among teachers of the general education system

[1] Gruzdova O.G., [1] Pudeeva I.S., [1] Filimonova D.N.

[1] Penza State University

Abstract: the article attempts to analyze the phenomenon of emotional burnout, noting the relevance of this phenomenon in the professional teaching environment. The purpose of the study was to identify the features of the manifestation of emotional burnout and describe the preventive work to prevent it. The authors describe the causes and consequences of emotional burnout among teachers, determine the content of psychological and pedagogical preventive work to prevent emotional burnout in the educational environment. The results of a study of the features

of emotional burnout among teachers are presented and described. The study showed that there is a high self-esteem of emotional stability, which is based on experience and collective support. However, these resources are not sufficient to counteract high professional loads and widespread stress. At the same time, professional experience is considered by most teachers as a positive resource for developing emotional stability. Examples of professional communities as preventive resources that minimize the appearance and development of burnout syndrome in teachers are considered.
Keywords: burnout, professional burnout, emotional burnout, prevention, prevention of emotional burnout, teacher, pedagogical activity

For citation: Gruzdova O.G., Pudeeva I.S., Filimonova D.N. Features of the manifestation and prevention of emotional burnout among teachers of the general education system. Modern Scientist. 2026. 11. P. 362 – 367. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-362-367

The article was submitted: June 20, 2026; Approved after reviewing: July 17, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Современная система образования, постоянно находясь в ситуации реформирования, создает условия напряженности в деятельности педагогов. Рост учебной и внеучебной нагрузки, расширение функций контроля и отчетности, постоянное взаимодействие с обучающимися и их родителями создают стрессовые ситуации истощающие эмоциональный ресурс педагогов. Педагог оказывается включён в ситуацию постоянной социальной ответственности, при которой ошибки профессиональной деятельности воспринимаются как личные неудачи [1]. Все это усиливает внутренний конфликт между профессиональным долгом и ограниченными ресурсами восстановления. Дополнительным фактором становится цифровизация образования, которая стирает границы рабочего времени и превращает педагогическую деятельность в непрерывный процесс. В результате эмоциональное истощение приобретает системный характер и отражает кризис организации педагогического труда. Эмоциональное выгорание в педагогической профессии формируется не как частная психологическая реакция, а как результат накопленного противоречия между реальными условиями труда и ожиданиями, предъявляемыми к учителю.

Интерес исследователей и практиков к эмоциональному выгоранию детерминирован его сложным характером и разрушительным влиянием как на отдельную личность педагога в частности, так на систему образования в целом. Данному феномену посвящены работы зарубежных и отечественных педагогов и психологов (C. Maslach, S. Jackson, R. Schwab, R. Schuler, В.В. Бойко, Н.Е. Водопьянова, Э.Ф. Зеер, Л.М. Митина, Н.С. Пряжников, А.А. Реан и др.) [2].

Начало исследованию феномена выгорания было положено американским психологом Г. Фрейденбергером в 1974 г. Он отметил, что у специалистов «помогающих» профессий в результате чрезмерных требований на рабочем месте наблюдается состояние хронического истощения, сопровождаемое усталостью, бессонницей, головной болью, которое в дальнейшем было обозначено им термином «выгорание» или «болезнью сверхуспеха».

Во многих исследованиях понятие «профессиональное выгорание» и «эмоциональное выгорание» рассматриваются как синонимы и подразумевают истощение физических и психических сил индивида сопряженных с отказом от межличностных контактов, потерей мотивации и снижением качества работы [4].

Согласно проведенным исследованиям представители педагогической профессии подвержены синдрому эмоционального выгорания, которое развивается постепенно и обусловлено такими причинами как большая эмоциональная напряженность профессиональной деятельности педагога, наличие большого количества нестандартных ситуаций, высокая ответственность за жизнь и здоровье детей [8]. Однако, необходимо отметить, что среди современных работ отечественных и зарубежных исследователей нет единого взгляда на факторы, вызывающие эмоциональное выгорание [7].

Развитие эмоционального выгорания у педагогов тесно связано с индивидуальными особенностями личности и спецификой профессиональной социализации. Шафикова Г.Р. и Псянчина З.В. указывают, что педагоги с выраженным перфекционизмом и высокой ответственностью чаще демонстрируют признаки эмоционального истощения, поскольку склонны игнорировать собственные пределы нагрузки [10]. Подобные качества нередко поддерживаются самой системой образования, где инициативность и самоотдача воспринимаются как профессиональная норма. Константинов А.В. и Токова А.Ю. отмечают, что на фоне длительного стресса формируется профессиональная деформация, проявляющаяся в снижении эмпатии и отчуж-

дённом отношении к обучающимся [6]. При этом стаж работы не выступает защитным фактором: у молодых педагогов выгорание возникает в период адаптации, тогда как у опытных специалистов – как следствие хронического переутомления. Воробьева И.В. и Матвеева А.И. отмечают, что закономерности проявления эмоционального выгорания у педагогов с разным стажем и возрастом зависят от уровня образования. Так у педагогов дошкольных образовательных организаций выраженность симптомов увеличивается с возрастанием стажа работы, в отличие от педагогов общего образования, где с увеличением стажа и возраста синдром становится менее выраженным [5]. Такое сочетание личностных и профессиональных факторов делает эмоциональное выгорание устойчивым процессом, требующим не только индивидуальной коррекции, но и изменения условий педагогической деятельности.

В качестве основных последствий эмоционального выгорания в педагогической среде выделяют:

- понижение эмоционального фона,
- снижение качества работы и разочарование в ней,
- негативизм в сфере профессиональных достижений,
- возникновение психосоматических расстройств,
- дезинтеграция личности [9].

Работа с эмоциональным выгоранием требует комплексного подхода, а эффективность методов профилактики и поддержки зависит от индивидуальных особенностей, стадии выгорания, а также, как отмечает Борисова И.В., от особенностей направления учреждений образования в которых работает педагог (общее, дошкольное, дополнительное) [3]. На ранних этапах возможна самостоятельная работа, при глубоком истощении необходима помощь специалиста. Регулярная профилактика – соблюдение режима, поддержание социальных связей и наличие увлечений – помогает предотвратить рецидивы. Однако эффективная профилактика эмоционального выгорания не может ограничиваться индивидуальными рекомендациями по саморегуляции и отдыху. Абраменко Н. Ю. и Галкина Н. А. подчеркивают, что устойчивый эффект достигается только при сочетании личностных и организационных мер поддержки педагогов [1]. Практика показывает, что снижение выгорания возможно при рациональном перераспределении нагрузки, прозрачных требованиях к результатам труда и наличии доступной психологической помощи внутри образовательного учреждения. Константинов А. В. отмечает, что важным профилактическим ресурсом становится профессиональное сообщество, в котором педагог может обсуждать трудности без риска формальной оценки [6]. Собственный опыт наблюдений за работой педагогических коллективов позволяет утверждать, что даже незначительные управленческие изменения, направленные на признание профессионального вклада и уважение личного времени, снижают уровень эмоционального напряжения. Профилактика выгорания в этом контексте перестает быть частной задачей педагога и превращается в показатель зрелости образовательной системы.

Материалы и методы исследований

С целью выявления особенностей проявления эмоционального выгорания и его связи с педагогическим стажем проведено эмпирическое исследование, в котором приняло участие учителя Пензенских школ с высшим педагогическим образованием и различным педагогическим стажем, в возрасте от 22 до 65 лет. Исследование проводилось с помощью беседы (интервью) с респондентами и анкетирования «Влияние профессионального стажа педагогов на их эмоциональную устойчивость и восприимчивость к синдрому выгорания».

В исследовании приняли участие 40 педагогов, из которых подавляющее большинство составляют женщины (85%), что соответствует общей тенденции в сфере образования. Наиболее представленной возрастной группой являются педагоги от 36 до 45 лет (30%), а по стажу – группа от 16 до 20 лет (30%), что формирует портрет типичного респондента как опытного специалиста среднего возраста. Практически все участники (90%) являются учителями-предметниками, работающими в средней (55%) и старшей (45%) школе.

Результаты и обсуждения

Анализ интервью помог выявить и проанализировать ключевые закономерности во взаимосвязи профессионального стажа, эмоциональной устойчивости и подверженности синдрому эмоционального выгорания. Было установлено, что профессиональный стаж выступает не просто хронологическим показателем, а сложным фактором, опосредующим динамику эмоционального опыта педагога. Анализ выявил нелинейный характер этой взаимосвязи: начальные этапы карьеры (условно до 5-7 лет) характеризуются повышенной эмоциональной уязвимостью, высокой учебно-адаптационной нагрузкой и наибольшим риском воз-

никновения симптомов выгорания. На наш взгляд это связано с тем, что, придя в профессиональную деятельность, молодой педагог сталкивается с многозадачностью, большим объемом нагрузки, в том числе в коммуникативной сфере (общение в системе учитель-ученик, учитель-родитель, учитель-учитель, учитель-администрация) и все это сопровождается низким уровнем способностей справляться со своими профессиональными обязанностями при отсутствии педагогического опыта. Молодые педагоги осознают, что перерабатывают, их недооценивают, вследствие чего интерес к педагогической деятельности падает. К сожалению, это часто приводит к выходу молодых людей из профессиональной педагогической деятельности. В случае сохранения себя в профессии и по мере накопления опыта (10-15 лет и более) у педагогов наблюдается формирование более гибких и рефлексивных профессиональных подходов, а также расширение арсенала копинг-стратегий (от спорта и хобби до осознанного саморазвития и коллективной поддержки), что в целом способствует росту эмоциональной устойчивости. Многие педагоги, осознавая важность своего психического здоровья и необходимость минимизировать проявление эмоционального выгорания прибегают к избеганию некоторых аспектов своей работы, таким образом ограничивая круг своих профессиональных обязанностей. Другим важным защитным фактором, выделенным педагогами с различным стажем работы, является социальная поддержка внутри организации. При этом респонденты отмечают важность как горизонтальной поддержки (со стороны коллег), так и вертикальной поддержки (со стороны администрации). В целом можно отметить, что стаж играет значимую роль в становлении эмоциональной устойчивости педагога при условии рефлексивного осмысления педагогом своей деятельности, желания развития в личностном и профессиональном аспекте, а также при наличии благоприятного психологического климата в образовательной организации.

Данный вывод подтверждают и результаты проведенного анкетирования. Большинство педагогов (65%) оценивают свой уровень эмоциональной устойчивости достаточно высоко. При этом основными факторами, способствующими этой устойчивости, они называют поддержку коллег (35%) и уверенность в своей профессиональной компетентности (25%). Это указывает на то, что социально-психологический климат в коллективе и чувство профессиональной состоятельности играют ключевую роль в поддержании психологического благополучия педагога.

Однако, несмотря на высокие самооценки устойчивости, стрессовые ситуации на работе носят массовый характер: 85% опрошенных сталкиваются со стрессом периодически или часто. Наиболее напряженными моментами в работе педагоги считают взаимодействие с трудными учениками и проведение родительских собраний (по 35% голосов). Это свидетельствует о том, что основные источники профессионального напряжения связаны не с собственно учебным процессом, а с социальными коммуникациями, требующими высоких эмоциональных затрат.

В качестве основных признаков проявления эмоционального выгорания респонденты отмечают хроническую усталость (35%), снижение эффективности профессиональной педагогической деятельности (30%), негативное отношение к работе (20%). Все это создает риски для качества образовательного процесса и психологического здоровья педагогов.

В качестве основных инструментов, используемых для поддержания эмоциональной устойчивости 60% педагогов, выбираю хобби или физическую активность, 25% общение с коллегами и лишь 15% отдают предпочтение системной профессиональной психологической помощи. Таким образом педагоги, испытывая потребность в поддержке своей эмоциональной устойчивости, отдают предпочтение личностным ресурсам. Возможно данный выбор связан с низкой доступностью или отсутствием доверия к формальным институтам помощи.

По вопросу оценки профессионального стажа как фактора, обуславливающего проявление эмоционального выгорания, мнения респондентов разделились. Лишь 25% отмечают его отрицательный характер, связанный с накоплением физической и эмоциональной усталости, а 30% педагогов и вовсе не рассматривают его как существенный фактор. Большинство педагогов (45%) склоняются к тому, что профессиональный стаж является положительных фактором формирования эмоциональной устойчивости, что связано с накоплением профессионального опыта.

Наиболее критическими периодами стажа по мнению респондентов (75%) является 11-20 лет. Вероятно, это тот рубеж, когда профессиональная рутина и накопившаяся усталость начинают преобладать над положительными сторонами опыта. В качестве главного способа повышения устойчивости педагоги видят профессиональное саморазвитие (40%), что подчеркивает их ориентацию на внутренние ресурсы и непрерывный рост.

Как было отмечено выше, важным профилактическим ресурсом, позволяющим минимизировать появление и развитие синдрома эмоционального выгорания у специалистов являются профессиональные сооб-

щества. К таким сообществам, функционирующим в Пензенской области можно отнести Совет молодых педагогов Пензенской области, Сообщество классных руководителей Пензенской области, Педагогическое сообщество ЦДЮТТ г. Пензы. Данные сообщества создают поддерживающую среду для обмена опытом, идеями, личностными и профессиональными ресурсами. Регулярные встречи в рамках сообществ позволяют разобрать сложные профессиональные кейсы, поделиться эмоциями, повысить свою психолого-педагогическую компетентность. Совместные мероприятия и тренинги помогают сформировать в коллективе атмосферу доверия и взаимопонимания, что напрямую снижает уровень эмоциональной напряженности и стресса. Большую роль играет психолого-педагогическая профилактическая работа по предупреждению эмоционального выгорания в среде молодых педагогических кадров. Эту задачу позволяет решить проводимый в Педагогической области ежегодный форум молодых педагогов Пензенской области «Будущее – за профессионалами». Форум проводится один раз в год в трехдневном формате на базе летнего оздоровительного лагеря и собирает до 150 молодых педагогов региона. В рамках данного форума молодые педагоги имею возможность в неформальной обстановке обменяться опытом, посетить мастер-классы, интерактивные лекции, поработать с наставниками, получить необходимую помощь и консультацию, в том числе психологическую.

Выводы

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, педагогические работники как представители «помогающих профессий» подвержены эмоциональному выгоранию проводя большое количество времени с другими людьми и проявляя эмоциональную включенность. Проявлению данного феномена способствует также многозадачность педагогической деятельности и высокая скорость изменений в данном виде профессиональной деятельности. Во-вторых, наблюдается высокая самооценка эмоциональной устойчивости, которая опирается на опыт и коллективную поддержку. Однако этих ресурсов недостаточно для противодействия высоким профессиональным нагрузкам и повсеместному распространению стресса. При этом профессиональный стаж большинством педагогов рассматривается как позитивный ресурс развития эмоциональной устойчивости. В-третьих, ситуация, когда педагоги по предупреждению эмоционального выгорания полагаются только на личностные ресурсы, требует изменений в сторону внедрения системной и регулярной помощи как на уровне образовательной организации, так и системы образования региона. Важным ресурсом в этом направлении является создание профессиональных сообществ.

Список источников

1. Абраменко Н.Ю., Галкина Н.А. Эмоциональное выгорание как социально-педагогическая проблема // Вестник педагогических наук. 2024. № 1. С. 249 – 254.

2. Аксютина З.А., Ченская А.В., Шабышева Ю.Е. Проблема эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной психологии // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2022. №4 (91). С. 429 – 433.

3. Борисова И.В., Ерещенко Ю.В., Зюзя А.А., Мезенцева И.А. Эмоциональное выгорание педагогов разных учреждений образования // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 8 (210). С. 445 – 448.

4. Гаращук С.С., Капелька Н.А. Особенности профилактики профилактики эмоционального выгорания личности // Universum: психология и образование. 2023. № 11 (113). С. 52 – 54.

5. Воробьева И.В., Матвеева А.И. Особенности эмоционального выгорания педагогов разных образовательных организаций с учетом возраста и стажа работы // Перспективы науки и образования. 2025. № 2 (74). С. 659 – 671.

6. Константинов А.В., Токова А.Ю. Актуальные вопросы эмоционального выгорания педагогов // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 3. С. 167 – 169.

7. Коробко Е.В., Забара И.В. Причины и профилактика эмоционального выгорания в современных работах зарубежных и отечественных исследователей // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-profilaktika-emotsionalnogo-vygoraniya-v-sovremennyh-rabotah-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-issledovateley (дата обращения: 01.05.2026)

8. Михайлова А.В., Власова К.М. Профессиональные деформации и профессиональное выгорание педагогов // Педагогическая перспектива. 2022. № 2 (6). С. 38 – 44.

9. Третьякова В.С. Исследование синдрома эмоционального выгорания в педагогической среде // Психология профессионального развития. 2019. № 2. С. 71 – 85.

10. Шафикова Г. Р., Псянчина З. Ф. Личностные факторы эмоционального выгорания современных педагогов // Казанский педагогический журнал. 2021. № 4 (147). С. 213 – 220.

References

1. Abramenko N.Yu., Galkina N.A. Emotional burnout as a socio-pedagogical problem. Bulletin of pedagogical sciences. 2024. No. 1. P. 249 – 254.
2. Aksyutina Z.A., Chenskaya A.V., Shabysheva Yu.E. The problem of emotional burnout in domestic and foreign psychology. Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2022. No. 4 (91). P. 429 – 433.
3. Borisova I.V., Ereshchenko Yu.V., Zyuzya A.A., Mezentseva I.A. Emotional burnout of teachers of different educational institutions. Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2022. No. 8 (210). P. 445 – 448.
4. Garashchuk S.S., Kapelka N.A. Features of the prevention of emotional burnout of an individual. Universum: psychology and education. 2023. No. 11 (113). P. 52 – 54.
5. Vorobyova I.V., Matveeva A.I. Features of emotional burnout of teachers in different educational organizations, taking into account age and length of service. Prospects of science and education. 2025. No. 2 (74). P. 659 – 671.
6. Konstantinov A.V., Tokova A.Yu. Current issues of emotional burnout of teachers. Psychology and pedagogy of service activity. 2022. No. 3. P. 167 – 169.
7. Korobko E.V., Zabara I.V. Causes and Prevention of Emotional Burnout in Modern Works of Foreign and Domestic Researchers. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2025. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-profilaktika-emotsionalnogo-vygoraniya-v-sovremennyh-rabotah-zarubezhnyh-i-otechestvennyh-issledovateley (date of access: 01.05.2026)
8. Mikhailova A.V., Vlasova K.M. Professional Deformations and Professional Burnout of Teachers. Pedagogical Perspective. 2022. No. 2 (6). P. 38 – 44.
9. Tretyakova V.S. Study of Emotional Burnout Syndrome in the Pedagogical Environment. Psychology of Professional Development. 2019. No. 2. P. 71 – 85.
10. Shafikova G.R., Psyanchina Z.F. Personal factors of emotional burnout in modern teachers. Kazan Pedagogical Journal. 2021. No. 4 (147). P. 213 – 220.

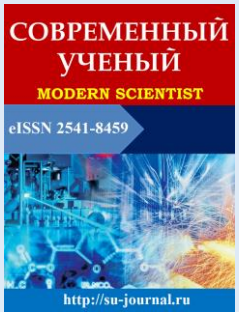
Информация об авторах

Груздова О.Г., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1752-1462 Пензенский государственный университет, olga_gruzdova@mail.ru

Пудеева И.С., Пензенский государственный университет, i_pudeeva@mail.ru

Филимонова Д.Н., Пензенский государственный университет, filimonowa66126@yandex.ru

© Груздова О.Г., Пудеева И.С., Филимонова Д.Н., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-368-374

Система нормативно-правовых актов как фундамент формирования российской гражданской идентичности обучающихся в современной школе

[1] Быстрай Е.Б., [1] Зубкова Л.А.

[1] Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу нормативно-правового обеспечения процесса формирования российской гражданской идентичности (РГИ) в системе образования. Рассмотрены такие нормативно-правовые акты как Конституции РФ и ФЗ РФ «Об образовании», Указы Президента РФ в области исторического просвещения, культуры, стратегии национальной безопасности РФ, Постановления Правительства РФ и др. до ФГОС каждой ступени образования, предложена авторская классификация нормативно-правовых документов по годам принятия. В статье дано обоснование, что действующее нормативно-правовое поле формирует ценностно-смысловой блок образования, направленный на защиту суверенитета нашей страны через воспитание будущего гражданина. В результате проведенного анализа автором сделан ряд выводов.

Цель исследования – теоретически изучить нормативно-правовую базу, необходимую для формирования РГИ в образовательной организации. Задачами работы являются изучение литературы по теме исследования; анализ нормативно-правовых документов, ФГОС, регламентирующих деятельность образовательной организации. При работе над данной темой применялись методы анализа, синтеза, обобщения, систематизации. Практическая значимость исследования определяется возможностью его применения руководством общеобразовательных организаций, методическими службами, педагогическим коллективом для обоснования рабочих программ и планов воспитательной работы со ссылкой на нормативную базу; проектирования междисциплинарных мероприятий, направленных на формирование РГИ; разработки рубрик оценивания личностных результатов и системы портфолио; подготовки заявок на региональные и федеральные гранты и участие в просветительских инициативах.

Ключевые слова: российская гражданская идентичность, нормативно-правовые акты, ФГОС, государственные программы

Для цитирования: Быстрай Е.Б., Зубкова Л.А. Система нормативно-правовых актов как фундамент формирования российской гражданской идентичности обучающихся в современной школе // Современный ученый. 2026. № 11. С. 368 – 374. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-368-374

Поступила в редакцию: 21 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The system of normative legal acts as the foundation for the formation of the Russian civic identity of students in modern schools

[1] Bystray E.B., [1] Zubkova L.A.

[1] South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the regulatory and legal support for the formation of Russian civic identity (RGI) in the education system. Such normative legal acts as the Constitutions of the Russian Federation and the Federal Law of the Russian Federation "On Education", Decrees of the President of the Russian Federation in the field of historical enlightenment, culture, national security strategy of the Russian Federation, Resolutions of the Government of the Russian Federation, etc. to the Federal State Educational Standard for each level of education are considered, the author's classification of normative legal documents by year of adoption is proposed. The article substantiates that the current regulatory framework forms a value-semantic block of education aimed at protecting the sovereignty of our country through the education of a future citizen. As a result of the analysis, the author draws a number of conclusions.

The purpose of the study is to theoretically study the regulatory framework necessary for the formation of a RGI in an educational organization. The objectives of the work are to study the literature on the research topic; to analyze the regulatory documents and the Federal State Educational Standard governing the activities of an educational organization. When working on this topic, methods of analysis, synthesis, generalization, and systematization were used. The practical significance of the research is determined by the possibility of its application by the leadership of educational organizations, methodological services, and teaching staff to substantiate work programs and plans for educational work with reference to the regulatory framework; design interdisciplinary activities aimed at the formation of the RGI; develop rubrics for evaluating personal results and a portfolio system; prepare applications for regional and federal grants and participation in educational initiatives.

Keywords: Russian civil identity, regulatory legal acts, Federal State Educational Standard, state programs

For citation: Bystray E.B., Zubkova L.A. The system of normative legal acts as the foundation for the formation of the Russian civic identity of students in modern schools. Modern Scientist. 2026. 11. P. 368 – 374. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-368-374

The article was submitted: June 21, 2026; Approved after reviewing: July 18, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Формирование российской гражданской идентичности обучающихся в современном прочтении является одним из ключевых приоритетов государственной образовательной политики. На федеральном уровне эта задача закреплена в Конституции РФ, Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в ФГОС и в стратегических документах (указах Президента РФ, Стратегии развития воспитания и др.). Законодательные акты устанавливают прямую связь между традиционно-нравственными ценностями, безопасностью государства и формированию РГИ у подрастающего поколения [2, с. 204]. Тем не менее на практике нередко наблюдается разрыв между предписаниями нормативных актов и доступными в школах технологическими решениями: проекты либо не увязаны с ФГОС, либо лишены мониторинга личностных результатов, либо не имеют внешней поддержки. Настоящее исследование направлено на систематизацию НПА и других документов, регулирующих формирование российской гражданской идентичности, духовно-нравственных ценностей, на которые учителя практики, методисты должны опираться при составлении воспитательных и рабочих программ.

Материалы и методы исследований

Материалами исследования послужили нормативно-правовые акты, иная документация, касающаяся системы образования, а также научные статьи и исследования.

Методы исследования – анализ, синтез, обобщение, систематизация.

Результаты и обсуждения

В начале XX столетия термин «идентичность» прочно вошел в научный и общественно-политический словарь [16, с. 171].

За последнее десятилетия в Российской Федерации были предприняты существенные меры, направленные на совершенствование законодательной базы в сфере укрепления национального суверенитета нашей страны, способствующие формированию и укреплению российской гражданской идентичности. Нормативно-правовые акты подчёркивают роль традиционных ценностей в формировании российской гражданской идентичности [7, с. 278].

Анализ нормативно-правовых документов показывает устойчивую многоуровневую структуру нормативной поддержки формирование российской гражданской идентичности обучающихся. В табл. 1 представлен анализ нормативно-правовой базы, отражающей формирование/обеспечение РГИ.

Таблица 1

Анализ нормативно-правовых актов, закрепляющих формирование/обеспечение РГИ.

Table 1

Analysis of regulatory legal acts establishing the formation/support of the RGI.

№	Нормативно-правовой акт, регулирующий формирование РГИ	Отражение формирования/обеспечения РГИ
1	Конституция Российской Федерации от 12.12.1993г. (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г.)	ст. 67.1 4. «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим…» [5]
2	ФГОС НОО, Приказ Министерство образования и науки РФ от 06 октября 2009 г. N 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования»	«Личностные результаты освоения основной образовательной программы начального общего образования должны отражать: формирование основ российской гражданской идентичности...» [17]
3	ФГОС ООО, Приказ Минобрнауки России №1897 от 17 декабря 2010 г. (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 1 февраля 2011 г., регистрационный № 19644)	Стандарт направлен на обеспечение: «формирования российской гражданской идентичности обучающихся» [19]
4	Указ Президента РФ от 19.12.2012 №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»	п.17. «Целями государственной национальной политики Российской Федерации являются: б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации)…» [14]
5	ФГОС СОО, Приказ Министерство образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» Редакция с изменениями N 1028 от 27.12.2023	Стандарт «направлен на обеспечение: формирования российской гражданской идентичности обучающихся..» [20]
6	ФЗ №-273 от 29.12.2012г. «Об образовании в Российской Федерации», ФЗ от 31. 07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся»	На педагогических работников возложена обязанность «формировать гражданскую позицию…» п.4 ст.48 в ред. ФЗ от 25.12.2023 №685-ФЗ [21]
7	Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политки» (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 25.01.2023 № 35)	«Целями государственной культурной политики являются: укрепление общероссийской гражданской идентичности...» [22]
8	Государственная программа РФ «Реализация государственной национальной политики», утверждённая Постановлением Правительства РФ от 29.12.2016 №1532 (ред. от 30.03.2026)	Приоритетами государственной национальной политики РФ являются: «укрепление общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей…» [3]

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

9	Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»	«создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций..» [10]
10	ФГОС ООО, Приказ Министерства просвещения Российской Федерации №287 от 31.05.2021 (ред. от 18.07.2022)	ФГОС ООО обеспечивает: «формирование российской гражданской идентичности обучающихся как составляющей их социальной идентичности, представляющей собой осознание индивидом принадлежности к общности граждан Российской Федерации, способности, готовности и ответственности выполнения им своих гражданских обязанностей, пользования прав и активного участия в жизни государства, развития гражданского общества с учетом принятых в обществе правил и норм поведения..»[18]
11	Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	п.92 «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти осуществляется в целях укрепления единства народов Российской Федерации на основе общероссийской гражданской идентичности…»[8]
12	Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»	п.31 «Реализация государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей будет способствовать сбережению и приумножению народа России, сохранению общероссийской гражданской идентичности…»[13]
13	Указ Президента РФ № 309 от 07.05. 2024г. «О национальных целях развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»	п.3 а) «создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей…» [15]
14	Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»	п.8 «Целями государственной политики в области исторического просвещения являются формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [9]
15	Распоряжение Правительства РФ от 01.07.2024 №1734-р утвердило ежегодное проведение мероприятий проекта «100 дат российской идентичности» (п. 74 Плана мероприятий по реализации в 2024-2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Раздел VIII).	Институтом гражданской идентичности ФГБОУ ВО «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) для высшего образования было разработано научно-методическое пособие «100 дат российской идентичности» [17]
16	Указ Президента РФ «О Стратегии национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» №858 от 25.11.2025г.	«Целью государственной национальной политики является укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания)» [12]

Приведем пример реализации НПА на практике и его отражение в требованиях ФГОС и личностных результатах в части воспитательной деятельности. Например, Указ № 808 (культурная политика) (в ред. Указа Президента РФ от 25.01.2023 № 35), согласно личностным результатам ФГОС ООО, предполагает формирование уважения и сохранения исторической памяти, культурного и языкового наследия многоконфессионального народа нашей страны, понимание ценности отечественного и мирового искусства, роли этнических культурных традиций и народного творчества и т.д. В школьной практике мы можем реализовать данный НПА через проведение фестивалей, конкурсов творческих работ, проведение мастер классов, посещение музеев, экскурсий, встреч с представителями разных конфессий, проведение

бесед, круглых столов, работой над проектами и т.д. Безусловно это должно быть связано с историей, культурой, народами конкретного региона/страны. Тем не менее любая внеурочная деятельность так или иначе пересекается со многими НПА и личностными результатами ФГОС. Непременным условием формирования РГИ является тот факт, чтобы деятельность проводилась комплексно и системно, на всех ступенях образования.

Выводы

Согласно анализу нормативно-правовой базы, мы видим, что на государственном уровне происходит законодательная поддержка формирования/обеспечения РГИ, что отражено в высшем нормативном акте нашей страны – Конституции РФ, ФЗ «Об образовании в РФ» и других нормативно-правовых актах [1, с.109]. На наш взгляд именно подрастающее поколение становится более уязвимым в глобальном потоке информации и более подвержено пропаганде в принятии враждебных гражданских решений. Наша задача, как учителей, наставников, формировать российскую гражданскую идентичность на каждой ступени образования. В своей работе мы должны руководствоваться и соблюдать требования НПА, которые составляют основную документационную базу деятельности образовательной организации, в том числе и воспитательную работу с обучающими [6, с. 32]. В нашем исследования мы изучаем проблему формирования РГИ на уровне основного общего образования. В этот период подростки проходят путь от школьника до гражданина и наша задача помочь им сделать правильный выбор, опираясь на нормативную базу РФ, ФГОС, ФОП и программы воспитания. Также из проведенного анализа мы можем сделать вывод, что нормативно-правовая система формирования РГИ в России является многоуровневой и в целом согласованной – от конституционных норм до ФГОС [4, с. 97]. Это даёт школам прочную правовую основу для воспитательной работы. Для практической реализации государственной политики необходим переход от нормы к действию, включающее проектно-ориентированное обучение с опорой на социальные инициативы.

Список источников

1. Борисов Б.Ю. Образовательное пространство в информационную эпоху (EEIA-2024) // Сборник научных трудов международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 105 – 111
2. Гапонов Н.В. Роль государственного регулирования в формировании гражданской идентичности посредством военно-патриотических практик // Гуманитарные науки в современном Вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы VIII Международной научной конференции, посвященной развитию российской науки: в 2-х т. Санкт-Петербург, 2025. С. 201 – 206.
3. Государственная программа РФ «Реализация государственной национальной политики», утверждённая Постановлением Правительства РФ от 29.12.2016 №1532 (в редакции от 30.03.2026г. Постановление Правительства РФ N 342) URL: Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики" от 29 декабря 2016 – docs.cntd.ru (дата обращения: 01.03.2026). С. 3 – 4.
4. Каштанюк В.А. Традиционные российские духовно-нравственные ценности, как основа формирования общероссийской идентичности (государственный/региональный аспекты) // «Исторический бюллетень / Historical Bulletin». 2025. Т. 8. № 5. С. 94 – 99.
5. Конституция РФ от 12.12.1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. с поправками от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mqih53jl4958258905 (дата обращения: 01.03.2026)
6. Полежаев Д.В. Качество воспитания: ценностно-смысловые аспекты «Матрицы идентичности»// Управление качеством среднего профессионального образования: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2023. Издательство: Институт развития образования Свердловской области. С. 31 – 36.
7. Скрябин Д.И. Роль нормативно- правовых актов в формировании общероссийской гражданской идентичности // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 275 – 279.
8. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL:Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 • Президент России (дата обращения: 01.03.2026). С. 20 – 21.
9. Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 • Президент России. (дата обращения: 01.03.2026). С. 2 – 3, 9.

10. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726?ysclid=mpiknhxlbo558948890. (дата обращения: 01.03.2026). С. 1.

11. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. №808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL:Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 • Президент России (дата обращения: 01.03.2026). С.7.

12. Указ Президента РФ «О Стратегии национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» №858 от 25.11.2025г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615?ysclid=mpikypo72y15814823 (дата обращения: 01.03.2026)

13. Указ Президента РФ от 09.11.2022 №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid (дата обращения: 01.03.2026). С.2 – 8.

14. Указ Президента РФ от 19.12.2012 №1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. Указов Президента РФ от 06.12.2018 N 703, от 15.01.2024 N 36). URL:http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512?ysclid=mpikvu1j8x889462210 (дата обращения: 01.03.2026). С. 3 – 23.

15. Указ Президента РФ № 309 от 07.05. 2024г. «О национальных целях развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986

16. Фадеева Л.А. Политический словарь. 2016. № 2. С. 164 – 180.

17. ФГОС НОО, Приказ Министерство образования и науки РФ от 06 октября 2009 г. N 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» URL:Приказ Минобрнауки РФ от 06.10.2009 N 373 (дата обращения: 01.03.2026)

18. ФГОС ООО, Приказ Министерства просвещения Российской Федерации № 287 от 31.05.2021 (ред. от 18.07.2022).URL:Приказ Минпросвещения РФ от 31.05.2021 N 287 (дата обращения: 01.03.2026)

19. ФГОС ООО, Приказ Минобрнауки России №1897 от 17 декабря 2010 г. (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 1 февраля 2011 г., регистрационный № 19644). URL:Приказ Минобрнауки РФ от 17.12.2010 N 1897 (дата обращения: 01.03.2026)

20. ФГОС СОО, Приказ Министерство образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» / Редакция с изменениями N 1028 от 27.12.2023 URL: Приказ Минобрнауки РФ от 17.05.2012 N 413 (дата обращения: 01.03.2026)

21. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» на 1.04.2025г. Москва: Изд. АСТ, 2025. 272 с. (Система законодательства России).

References

1. Borisov B.Yu. Educational space in the information age (EEIA-2024). Collection of scientific papers of the international scientific and practical conference. Moscow, 2024. P. 105 – 111

2. Gaponov N.V. The Role of State Regulation in the Formation of Civil Identity through Military-Patriotic Practices. Humanities in a Modern University: Yesterday, Today, Tomorrow: Proceedings of the VIII International Scientific Conference on the Development of Russian Science: in 2 volumes. St. Petersburg, 2025. P. 201 – 206.

3. State Program of the Russian Federation “Implementation of the State National Policy”, approved by RF Government Resolution of 29.12.2016 No. 1532 (as amended on 30.03.2026 by RF Government Resolution No. 342) URL: On approval of the state program of the Russian Federation “Implementation of the State National Policy” dated December 29, 2016 – docs.cntd.ru (accessed: 01.03.2026). P. 3 – 4.

4. Kashtanyuk V.A. Traditional Russian Spiritual and Moral Values as the Basis for the Formation of All-Russian Identity (State/Regional Aspects). Historical Bulletin. 2025. Vol. 8. No. 5. P. 94 – 99.

5. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. with amendments of October 4, 2022 No. 8-FKZ http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mqih53jl4958258905 (date of access: 01.03.2026)

6. Polezhaev D.V. Quality of education: value-semantic aspects of the "Matrix of identity". Quality management of secondary vocational education: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference. Ekaterinburg, 2023. Publisher: Institute for Education Development of the Sverdlovsk Region. P. 31 – 36.

7. Skryabin D.I. The role of regulatory legal acts in the formation of all-Russian civic identity. Social and humanitarian knowledge. 2025. No. 1. P. 275 – 279.

8. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation". URL: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 No. 400 • President of Russia (date of access: 01.03.2026). P. 20 – 21.

9. Decree of the President of the Russian Federation of 08.05.2024 No. 314 "On Approval of the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education". Decree of the President of the Russian Federation of 08.05.2024 No. 314 • President of Russia (date of access: 01.03.2026). P. 2 – 3, 9.

10. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030". URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726?ysclid=mpiknhxlbo558948890. (Accessed: 01.03.2026). P. 1.

11. Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 "On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy". URL: Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 • President of Russia (date of access: 01.03.2026). P. 7.

12. Decree of the President of the Russian Federation "On the Strategy of the National Policy of the Russian Federation through 2036" No. 858 of November 25, 2025. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615?ysclid=mpikypo72y15814823 (date of access: 01.03.2026)

13. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values." URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid (date of access: 01.03.2026). P. 2 – 8.

14. Decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 No. 1666 "On the Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period through 2025" (as amended by Decrees of the President of the Russian Federation of 06.12.2018 No. 703, of 15.01.2024 No. 36). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512?ysclid=mpikvu1j8x889462210 (date of access: 01.03.2026). P. 3–23.

15. Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 07.05. 2024. "On national development goals for the period up to 2030 and for the future up to 2036" URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/73986

16. Fadeeva L.A. Political Dictionary. 2016. No. 2. P. 164 – 180.

17. Federal State Educational Standard of Primary General Education, Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated October 6, 2009 No. 373 "On Approval and Implementation of the Federal State Educational Standard of Primary General Education" URL: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated October 6, 2009 No. 373 (date of access: 01.03.2026)

18. Federal State Educational Standard of General Education, Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 287 dated May 31, 2021 (as amended on July 18, 2022). URL: Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated May 31, 2021 No. 287 (date of access: 01.03.2026)

19. Federal State Educational Standard of General Education, Order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 1897 dated December 17, 2010 (registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on February 1, 2011, registration No. 19644). URL: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated December 17, 2010 No. 1897 (date of access: 01.03.2026)

20. FSES SOO, Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated May 17, 2012 No. 413 "On Approval of the Federal State Educational Standard of Secondary General Education". Revision with amendments No. 1028 dated December 27, 2023 URL: Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated May 17, 2012 No. 413 (date of access: 01.03.2026)

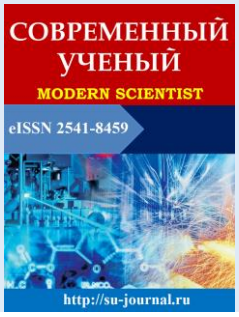
21. Federal Law "On Education in the Russian Federation" as of April 1, 2025. Moscow: AST Publishing House, 2025. 272 p. (The system of legislation of Russia).

Информация об авторах

Быстрай Е.Б., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка и методики обучения немецкому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, bistraieb@cspu.ru

Зубкова Л.А., соискатель, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, zubkova.9@mail.ru

© Быстрай Е.Б., Зубкова Л.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.013
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-375-380

Междисциплинарная подготовка в высшем образовании: обзор образовательных моделей и компетентностных подходов

[1] Кузнецов М.С., [2] Ежова Ю.М.,

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет,
[2] Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Аннотация: статья посвящена систематизации российских подходов к междисциплинарной подготовке в высшем образовании и сопоставлению образовательных моделей, через которые реализуется компетентностная логика обучения.
Цель исследования состоит в выявлении устойчивых моделей организации междисциплинарного обучения, описании их интеграционных механизмов и определении компетентностных результатов, которые они формируют в российских вузах.
В работе использованы методы аналитического обзора литературы, сравнительного анализа, тематического кодирования и типологизации образовательных моделей.
Показано, что междисциплинарная подготовка развивается через несколько взаимодополняющих конфигураций: методологическое моделирование, междисциплинарное проектирование, смешанное обучение, практико-ориентированную и практико-центрированную организацию учебного процесса.
Установлено, что продуктивность компетентностного подхода возрастает там, где междисциплинарность переводится в общую проблематику, сквозные задания, новые форматы оценивания и совместную работу преподавателей.
Ключевые слова: высшее образование, междисциплинарная подготовка, образовательная модель, компетентностный подход, смешанное обучение, практико-ориентированное обучение, проектирование, моделирование, профессиональные компетенции

Для цитирования: Кузнецов М.С., Ежова Ю.М. Междисциплинарная подготовка в высшем образовании: обзор образовательных моделей и компетентностных подходов // Современный ученый. 2026. № 11. С. 375 – 380. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-375-380

Поступила в редакцию: 22 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Interdisciplinary training in higher education review of educational models and competence-based approaches

[1] Kuznetsov M.S., [2] Ezhova Yu.M.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University,
[2] Lobachevsky University of Nizhny Novgorod

Abstract: the article is devoted to the systematization of Russian approaches to interdisciplinary training in higher education and the comparison of educational models through which the competence logic of learning is implemented.
The purpose of the study is to identify sustainable models of interdisciplinary learning organization, describe their integration mechanisms, and determine the competence outcomes they generate in Russian universities.
The paper uses methods of analytical literature review, comparative analysis, thematic coding and typologization of educational models.
It is shown that interdisciplinary training develops through several complementary configurations: methodological modeling, interdisciplinary design, blended learning, practice-oriented and practice-centered organization of the educational process.
It has been established that the productivity of the competence approach increases where interdisciplinarity is translated into general issues, end-to-end assignments, new assessment formats and teacher collaboration.
Keywords: higher education, interdisciplinary training, educational model, competence approach, blended learning, practice-oriented learning, design, modeling, professional competencies

For citation: Kuznetsov M.S., Ezhova Yu.M. Interdisciplinary training in higher education review of educational models and competence-based approaches. Modern Scientist. 2026. 11. P. 375 – 380. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-375-380

The article was submitted: June 22, 2026; Approved after reviewing: July 19, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Российское высшее образование все отчетливее сталкивается с задачами, решение которых невозможно в границах одной учебной дисциплины. Профессиональная деятельность выпускника связывает предметное знание, коммуникацию, цифровые инструменты, проектное взаимодействие и способность переносить методы из одной области в другую. Поэтому вопрос о междисциплинарной подготовке сегодня связан не только с обновлением учебных планов, но и с переосмыслением самой логики результата высшего образования. Междисциплинарность в этой связи рассматривается как ответ на усложнение социального и профессионального мира [5].

Существенным основанием такого поворота стал компетентностный подход, который в отечественной педагогике был осмыслен как интегративная рамка, выходящая за пределы простой передачи знаний. Междисциплинарная сущность компетентностного подхода проявляется в том, что компетенция складывается из когнитивных, коммуникативных, ценностных и деятельностных компонентов, а потому не может быть сформирована изолированно внутри одного предметного блока [1]. Одновременно в российской дискуссии сохраняется вопрос о том, где проходит граница между продуктивным обновлением образовательных результатов и подменой фундаментального образования декларативным языком компетенций [6].

На уровне образовательной практики междисциплинарная подготовка получает разные организационные формы. Одни исследования показывают результативность смешанных форм обучения, в которых меняется распределение аудиторной и самостоятельной работы [4]. Другие работы подчеркивают значимость практико-центрированной и практико-ориентированной логики, когда профессиональная задача становится системообразующим элементом курса [7]. Тем самым в российском вузе складывается набор решений, различающихся по способу интеграции содержания, по типу учебной деятельности и по характеру ожидаемого результата.

Несмотря на значительный объем публикаций, научные тексты по междисциплинарной подготовке часто существуют как параллельные описания отдельных практик. Этим определяется цель настоящего ис-

следования – представить обобщенный обзор образовательных моделей междисциплинарной подготовки в высшем образовании и показать, каким образом каждая из них соотносится с компетентностной трактовкой образовательного результата [9].

Научная новизна работы состоит в типологическом сопоставлении российских моделей и в выделении условий, при которых компетентностный подход действительно усиливает междисциплинарный потенциал университетского обучения.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования включили десять публикаций российских авторов и посвященных междисциплинарности, компетентностному подходу и современным моделям высшего образования. В исслдеовании были включены статьи, отвечающие трем критериям: публикация в рецензируемом научном издании, ориентация на проблематику вуза и наличие в тексте аналитического описания модели, подхода или механизма подготовки.

Методами исследования выступали такие методы как обзор литературы, анализ, сравнение, интерпретация.

Результаты и обсуждения

Сопоставление работ показывает, что междисциплинарность в российском высшем образовании понимается не как механическое суммирование дисциплин, а как переход к более сложной организации содержания. В концептуальном плане этот переход опирается на мысль о том, что образовательная реальность должна отражать многомерность окружающего мира и потому не может быть целиком представлена в пределах узкодисциплинарной рамки [5]. В такой логике компетентность означает не просто освоение набора знаний, а способность связывать разные типы знания, способы действия и способы коммуникации.

Одной из наиболее содержательно разработанных моделей является методология моделирования. В этой версии междисциплинарная подготовка строится вокруг работы с обобщенными схемами, позволяющими переносить метод из одной области в другую и реконструировать сложный объект через его модель. Для подготовки студентов педагогических направлений это особенно важно, поскольку связывает предметное содержание, методику и исследовательскую рефлексию в единой образовательной процедуре [3]. Такая модель усиливает аналитическое мышление, культуру объяснения и способность проектировать собственное профессиональное решение.

Иной механизм реализуется в междисциплинарном проектировании. В российской вузовской практике он может соединять содержательную и языковую подготовку, когда учебный проект становится общей площадкой для предметного знания, командного взаимодействия и профессиональной коммуникации [4].

Практико-центрированное обучение делает практику средой, в которой знание собирается в целостный способ действия, что особенно важно для развития профессиональной самостоятельности и рефлексии [7].

По итогам сравнительного анализа основные характеристики выявленных моделей сведены в табл 1.

Таблица 1

Образовательные модели междисциплинарной подготовки.

Table 1

Educational models of interdisciplinary training.

Модель	Механизм интеграции	Компетентностный эффект	Ограничение
Методологическое моделирование	Обобщенные схемы и перенос инструментария между дисциплинами	Исследовательские и аналитические компетенции, объяснение сложного объекта	Нужна высокая методологическая готовность преподавателя
Междисциплинарное проектирование	Общая проектная задача объединяет предметное, языковое и коммуникативное содержание	Командная работа, проектные и презентационные компетенции	Трудно согласовать нагрузку и оценивание
Смешанное обучение	Перераспределение очной и онлайн-работы вокруг проблемных заданий	Саморегуляция, цифровая грамотность, гибкость траектории	Риск технологического формализма

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Практико-ориентированная модель	Кейсы, профессиональ-ные ситуации, взаимо-действие с внешними партнерами	Перенос знаний в действие, принятие решений, ответст-венность	Зависимость от устойчивых партнерств
Практико-центрированное обучение	Встраивание теории в реальную или имитированную профессиональную деятельность	Целостный способ действия, рефлексия, профессиональная самостоятельность	Требует переработки логики курса

Как показывает табл. 1, различия между моделями определяются не тематикой дисциплин, а тем, каким образом соединяются содержание, деятельность и оценивание. Там, где интеграция строится вокруг общего проблемного поля или практической задачи, междисциплинарность становится реальным механизмом формирования результата. Там же, где связь между дисциплинами ограничивается декларацией, компетентностный эффект оказывается значительно слабее [10].

Как показывает таблица 1, различия между моделями задаются не тематикой дисциплин. Решает другое: каким способом соединены содержание, деятельность и оценивание. Там, где интеграция выстраивают вокруг общего проблемного поля или практической задачи, междисциплинарность начинает работать как реальный механизм формирования результата. Декларативная связь дисциплин дает заметно более слабый компетентностный эффект.

В более широком смысле компетентностный подход в высшем профессиональном образовании предполагает объединение знаний, умений, опыта и личностных качеств в готовность к действию [2]. Не формальное обновление учебного плана становится здесь критерием оценки междисциплинарной подготовки, а способность студента анализировать ситуацию, выбирать адекватные инструменты, вступать в профессиональную коммуникацию, нести ответственность за результат.

Соединение курсов само по себе нового результата не создает, если студент не работает с комплексной задачей и не видит практический смысл интеграции. Отсюда и - без промежуточных оговорок - сближение компетентностной и практической парадигм, хотя фундаментальное знание при этом не растворяется. В табл 1 это заметно по самому принципу различения моделей.

И когда интеграция держится только на декларации, измерить там почти нечего, кроме заявленных намерений. Это уже другой вопрос.

Обращение к более поздним публикациям показывает, что спустя два десятилетия после институционального распространения компетентностного подхода проблема его педагогической реализации остается открытой. Разрыв между заявленными результатами и повседневными учебными процедурами по-прежнему сохраняется, особенно там, где оценивание строится по дисциплинарно-фрагментарной логике [9]. Следовательно, междисциплинарность требует не только нового содержания, но и пересмотра инструментов контроля, способов обратной связи и роли преподавателя как координатора образовательной среды.

Для обобщения логики сопоставленных подходов на рис. 1 представлен контур междисциплинарной подготовки в высшем образовании.

Рис. 1. Контур междисциплинарной подготовки в высшем образовании.
Fig. 1. Outline of interdisciplinary training in higher education.

Гибкость учебного плана, командная работа преподавателей, единство критериев оценивания, цифровая инфраструктура, участие внешних партнеров – от этих условий зависят все элементы схемы, показанной на рисунке 1. Междисциплинарная подготовка держится не на простом объединении тематических блоков; ее ядро формируют интеграционные механизмы, которые связывают образовательную модель, конкретную учебную деятельность и измеримый компетентностный результат.

Наиболее устойчивые конструкции возникают не там, где выбран один доминирующий формат. Иная конфигурация работает надежнее: пересечение нескольких образовательных моделей. Моделирование задает когнитивную рамку, проектирование переводит ее в совместное действие, смешанное обучение расширяет ресурсную базу, практика проверяет результат уже в профессиональном контексте [3].

Для российских университетов перспективной выглядит интегративная архитектура, где междисциплинарность поддерживает сам учебный дизайн программы. Нужны межкафедральные команды, сквозные модули, согласованные процедуры оценивания, более тесная связь учебного процесса с профессиональными ситуациями.

Выводы

Практическая значимость исследования связана с возможностью использовать предложенную типологию при разработке образовательных программ, междисциплинарных модулей, процедур оценивания в российских университетах. Здесь и возникает тот самый прикладной поворот: схема классификации переходит в проектные решения, хотя промежуточный шаг обычно опускают.

Проведенный обзор, показывает набор устойчивых подходов. С этим трудно спорить. И снова возвращается комплексная задача: без нее перенос знаний остается заявленным, сотрудничество – формальным, рефлексия – рефлексивной процедурой без нагрузки.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать предложенную типологию при разработке образовательных программ, междисциплинарных модулей и процедур оценивания в российских университетах. Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим сопоставлением конкретных программ и их результатов.

Список источников

1. Акопова М.А., Попова Н.В. Междисциплинарная сущность компетентностного подхода в высшем образовании // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2011. Т. 4. № 136. С. 76 – 80.

2. Матухин Д.Л., Низкодубов Г.А. Компетентностный подход в системе высшего профессионального образования // Язык и культура. 2013. № 1 (21). С. 83 – 89.

3. Перминов Е.А., Тестов В.А. Методология моделирования как основа реализации междисциплинарного подхода в подготовке студентов педагогических направлений // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 6. С. 9 – 30.

4. Плетяго Т.Ю., Остапенко А.С., Антонова С.Н. Педагогические модели смешанного обучения в вузе: обобщение опыта российской и зарубежной практики // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 5. С. 113 – 130.

5. Сенашенко В.С. Междисциплинарность образования как отражение многообразия окружающего мира // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 1. С. 88 – 95.

6. Сенашенко В.С., Медникова Т.Б. Компетентностный подход в высшем образовании: миф и реальность // Высшее образование в России. 2014. № 5. С. 34 – 46.

7. Стародубцев В.А. Практико-центрированное обучение в высшей школе // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 5. С. 75 – 87.

8. Халяпина Л.П., Попова Н.В., Кузнецова О.В. Междисциплинарное проектирование как средство реализации интегрированного предметно-языкового обучения в вузе // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 3. С. 145 – 152.

9. Шармин Д.В., Шармин В.Г. Компетентностный подход в высшем образовании России: двадцать лет спустя // Казанский педагогический журнал. 2021. № 3 (146). С. 64 – 72.

10. Юмашева И.А. Практико-ориентированная модель образовательного процесса вуза // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2019. № 4 (68). С. 5 – 10.

References

1. Akopova M.A., Popova N.V. Interdisciplinary essence of competence-based approach in higher education. Scientific and technical statements of the Saint-Petersburg State Polytechnical University. Humanities and social sciences. 2011. Vol. 4. No. 136. P. 76 – 80.

2. Matukhin D.L., Nizkodubov G.A. Competence-based approach in the system of higher professional education. Language and Culture. 2013. No. 1 (21). P. 83 – 89.

3. Perminov E.A., Testov V.A. Modeling methodology as a basis for implementing an interdisciplinary approach in training students of pedagogical fields. Education and Science. 2020. Vol. 22. No. 6. P. 9 – 30.

4. Pletyago T.Yu., Ostapenko A.S., Antonova S.N. Pedagogical Models of Blended Learning in Higher Education Institutions: Generalization of Russian and Foreign Practice. Education and Science. 2019. Vol. 21. No. 5. P. 113 – 130.

5. Senashenko V.S. Interdisciplinarity of Education as a Reflection of the Diversity of the Surrounding World. University Management: Practice and Analysis. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 88 – 95.

6. Senashenko V.S., Mednikova T.B. Competency-Based Approach in Higher Education: Myth and Reality. Higher Education in Russia. 2014. No. 5. P. 34 – 46.

7. Starodubtsev V.A. Practice-Centered Learning in Higher Education. Higher Education in Russia. 2021. Vol. 30. No. 5. P. 75 – 87.

8. Khalyapina L.P., Popova N.V., Kuznetsova O.V. Interdisciplinary Design as a Means of Implementing Integrated Subject-Language Teaching in a University. Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg Polytechnic University. Humanities and Social Sciences. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 145 – 152.

9. Sharmin D.V., Sharmin V.G. Competency-Based Approach in Higher Education in Russia: Twenty Years Later. Kazan Pedagogical Journal. 2021. No. 3 (146). P. 64 – 72.

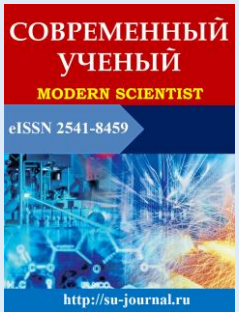
10. Yumasheva I.A. Practice-oriented model of the educational process of a university. Scientific Notes of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics. 2019. No. 4 (68). P. 5 – 10.

Информация об авторах

Кузнецов М.С., кандидат экономических наук, Елабужский институт, филиал Казанского (Приволжского) федерального университета

Ежова Ю.М., кандидат педагогических наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

© Кузнецов М.С., Ежова Ю.М., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-381-388

Развитие критического мышления как аспект современной методики преподавания юридических дисциплин: междисциплинарный подход

[1] Кулик А.А.

[1] Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко

Аннотация: цель исследования – систематизировать междисциплинарные подходы к развитию критического мышления и показать возможность их интеграции в методику преподавания юридических дисциплин. В статье проанализированы работы по педагогике, логике, когнитивной психологии, риторике и лингвистике, где представлены приёмы формирования аналитических и интерпретационных навыков, особенно важных для будущих юристов. Особое внимание уделено влиянию цифровой среды на восприятие правовой информации и рискам искажения правосознания, что делает критическое мышление обязательным элементом юридического образования.
Научная новизна состоит в обобщении ранее разрозненных методик и в предложении основ интеграционной модели их применения именно в подготовке юристов. Впервые систематизированы приёмы, объединяющие логический анализ, развитие аргументативной компетентности, психологические механизмы работы с информацией и активные педагогические технологии. Результаты показывают, что такое сочетание способно существенно повысить качество аналитической подготовки студентов. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой критериев оценки критического мышления именно в юридическом контексте, адаптация междисциплинарных приёмов к разным формам обучения и изучение того, как цифровая среда влияет на формирование профессионального правового мышления студентов.
Ключевые слова: критическое мышление, юридические дисциплины, методика преподавания, междисциплинарный подход

Для цитирования: Кулик А.А. Развитие критического мышления как аспект современной методики преподавания юридических дисциплин: междисциплинарный подход // Современный ученый. 2026. № 11. С. 381 – 388. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-381-388

Поступила в редакцию: 23 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Developing critical thinking as an aspect of modern methods of teaching legal disciplines: an interdisciplinary approach

[1] Kulik A.A.

[1] Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko

Abstract: the purpose of this study is to systematize interdisciplinary approaches to developing critical thinking and demonstrate the possibility of integrating them into legal teaching methods. This article analyzes works on pedagogy, logic, cognitive psychology, rhetoric, and linguistics, presenting techniques for developing analytical and

interpretive skills, which are especially important for future lawyers. Particular attention is paid to the influence of the digital environment on the perception of legal information and the risks of distorting legal awareness, making critical thinking an essential element of legal education.
The scientific novelty lies in the generalization of previously disparate methods and the proposal of the foundations of an integrated model for their application specifically in the training of lawyers. For the first time, techniques combining logical analysis, the development of argumentative competence, psychological mechanisms for working with information, and active teaching technologies have been systematized. The results demonstrate that this combination can significantly improve the quality of students' analytical training. Prospects for further research include the development of criteria for assessing critical thinking specifically in a legal context, the adaptation of interdisciplinary techniques to various forms of education, and the study of how the digital environment influences the development of students' professional legal thinking.
Keywords: critical thinking, legal disciplines, teaching methods, interdisciplinary approach

For citation: Kulik A.A. Developing critical thinking as an aspect of modern methods of teaching legal disciplines: an interdisciplinary approach. Modern Scientist. 2026. 11. P. 381 – 388. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-381-388

The article was submitted: June 23, 2026; Approved after reviewing: July 20, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена резким усложнением правовой и информационной среды [9]. Цифровизация открыла доступ к огромному массиву юридических источников, но одновременно увеличила объём недостоверных, фрагментарных и намеренно искажённых материалов [5]. В таких условиях простого запоминания норм уже недостаточно: будущему юристу необходимо уметь выявлять логические ошибки, проверять источники, распознавать манипуляции и критически оценивать аргументацию [19]. Без развитого критического мышления растёт риск деформации правосознания, когда формальные нормы подменяются поверхностными или предвзятыми интерпретациями.

Традиционно в юридическом образовании развитию критического мышления уделяется внимание, однако чаще всего оно носит фрагментарный характер: через отдельные кейсы, дискуссии или анализ судебной практики. При этом в педагогике, логике, когнитивной психологии, риторике и лингвистике накоплен значительный арсенал методов, которые пока недостаточно системно используются при подготовке юристов [12]. Отсутствие целостного междисциплинарного подхода ограничивает эффективность обучения и не в полной мере отвечает современным вызовам.

Цель исследования – систематизировать существующие междисциплинарные подходы к развитию критического мышления, оценить их применимость к юридическим дисциплинам и определить возможности интеграции в современную методику преподавания права.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: выявить основные направления развития критического мышления в педагогической, психологической, лингвистической и философской литературе; описать особенности формирования критического мышления в юридическом образовании и определить наиболее релевантные междисциплинарные приёмы; проанализировать проблемы адаптации этих приёмов к правовому материалу; оценить потенциал создания интеграционной модели; обозначить направления совершенствования методики преподавания с учётом цифровой среды.

Материалы и методы исследований

В работе применены аналитический и сравнительный методы, структурно-логическое обобщение, контент-анализ научных публикаций и междисциплинарный подход.

Теоретическая значимость состоит в первом системном обобщении разрозненных междисциплинарных методик применительно к юридическому образованию и в уточнении структуры критического мышления в профессиональном правовом контексте.

Практическая значимость заключается в том, что предложенные приёмы и их сочетания могут быть непосредственно использованы при обновлении программ, разработке практических заданий и методических рекомендаций для преподавателей юридических дисциплин.

Материалом исследования послужили отечественные и зарубежные работы по теории критического мышления [1, 2, 7, 8] педагогике высшей школы [10], логике [6, 15], когнитивной психологии [13], цифро-

вой грамотности [4] и методике преподавания права [18], а также публикации, посвящённые интерпретации правовых текстов и формированию профессионального правосознания студентов [16, 17].

Результаты и обсуждения

Вопрос о мышлении стоял перед науками с момента их возникновения. Что такое критическое или «правильное» мышление, дискуссии не утихают и сейчас. Существует несколько позиций по данному вопросу. Под критическим мышлением в современной науке понимают способность ставить под сомнение любую поступающую информацию. Автор термина Джон Дьюи в большей степени понимал под ним способность правильно рефлексировать [22]. Именно в таком аспекте рассматривает данное понятие Анисимов О.С. заявляя, что для образовательной системы крайне важно создать систему, способствующую развитию высших рефлексивно-критических способностей у обучающихся [1].

Современному пониманию термина мы обязаны Юргену Хабермасу, в трудах которого мы находим суждение о критическом мышлении как метанавыке, необходимом для познавательного процесса [20, 24]. Булгаков А.В. поднимает вопрос критического игнорирования, определяя его как «способность выбирать, что игнорировать и куда вкладывать свои ограниченные возможности внимания» [3]. Иными словами, необходимость критически размышлять над чем-то дополняется тезисом о том, что важно уметь осознанно обделять вниманием несущественные вещи.

Помимо философских воззрений стоит уделить внимание психологическим исследованиям. В психологии критическое мышление рассматривается как процесс, включающий анализ, оценку и синтез информации, что особенно важно для юристов, работающих с нормативными текстами [21]. Например, способность распознавать когнитивные искажения, такие как эффект подтверждения, эффект доступности, иллюзия контроля помогает студентам избегать предвзятых интерпретаций правовых норм. Интеграция психологических методик развитию у студентов устойчивость к манипулятивной информации [5].

Когнитивные ошибки являются труднопреодолимым препятствием из-за глубокого проникания в сознание молодых людей, а также из-за того, что нынешнему поколению приходится сталкиваться с гораздо большим информационным потоком, чем предыдущим. Отступить от канонов стереотипного мышления и преодолеть стереотипы и неправильные выводы самостоятельно – не всегда возможно. Студенты при получении юридического образования неизбежно сталкиваются с избытком информации, включая юриличе-ские источники, имеющие сомнительную научную ценность. Лингво-семантический анализ текста позволяет развивать профессиональные навыки деконструкции правовых источников и выявлять манипулятивные приёмы и логические ошибки изложения. Лингвистический и семантический анализ текстов здесь выступает эффективным инструментом роста компетенций, так как учит будущих юристов деконструировать документы, находить в них манипуляции и отслеживать моменты, где логика подменяется риторикой. Особый интерес представляет анализ судебных выступлений именно через изучение риторических ходов студенты не только глубже проникают в суть позиции оппонента, но и оттачивают искусство собственной аргументации. Обучение юристов логике уходит корнями в античность (Аристотелевская традиция) и далее эволюционировала до диалектики Г.В.Ф. Гегеля и Кантовской трансцендентальной логики. Само логическое эпистемическое основание остается несущей конструкцией профессионального мышления юриста, но сегодня ее все чаще дополняют данными когнитивистики, когда делается акцент на метпознании то есть способности к рефлексии и сознательному управлению собственными мыслительными операциями становится базой для выработки критического взгляда.

Философская техника сократического диалога абсолютно органично вплетается в практические педагогические инструменты, нацеленные на раскрепощение мысли. При этом главный фокус сегодня все же следует смещать на современные способы формирования этой компетенции, опираясь на классику, нельзя закрывать глаза на новые вызовы цифровой динамики правовой среды, которая требует иных подходов к подготовке. Цифровая трансформация и автоматизация процессов настоятельно диктуют необходимость внедрения ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) в учебные планы подготовки юристов. Моделирование судебных заседаний (через достоверную имитацию) или работа с аналитическими платформами погружают студентов в максимально приближенную к реальности среду, где критичность мышления проверяется на прочность, но мы мгновенно обнаруживаем методологические разногласия. Когда универсалисты (универсалисты – сторонники единого, надпредметного набора мыслительных навыков, которые, по их мнению, работают одинаково в любой сфере) считают, что перечень элементов критического мышления можно четко зафиксировать, в то время как контекстуалисты, которые полагают, что состав и проявление критического мышления меняются в зависимости от дисциплины, задачи и ситуации, а значит, зафиксировать их универсально невозможно, настаивают на обратном. Эти разногласия – это не просто де-

магогический спор, а то, что эмпирически фиксирует системную проблему то, что в юридическом образовании до сих пор нет общепринятой доктрины преподавания критического мышления. Универсальные модели, сводящие все к набору навыков (рефлексия, логика), зачастую не учитывают правовую специфику, где контекст имеет решающее значение и поэтому грамотный подход (в методологическом и прикладном смысле) требует предмета знания – это использовать общие принципы, но каждый раз адаптировать их под конкретный юридический кейс (ситуацию).

Интересный пример в этом ключе показали испанские исследователи, которые тестируют внедрение ИИ в учебу. Они создали чат-бота на базе легковесных языковых моделей, запрограммировав его на сократический метод ведения диалога. Имя ему также дали «Сократ» (англ. «Socratic») в честь античного мыслителя и в отличие от типичных образовательных ассистентов, которые стремятся дать прямой ответ, такой чатбот задаёт уточняющие вопросы, предлагает рассмотреть альтернативные позиции и побуждает обучающегося к самостоятельному анализу.

Авторы показали, что подобный формат взаимодействия повышает уровень рефлексии и способствует более глубокому осмыслению учебного материала. Полученные результаты позволяют рассматривать сократически ориентированные модели как перспективный инструмент поддержки активного обучения и формирования навыков критического мышления [23].

Рассматривая формальную логику и ее важность для представителей юридических профессий, Грачев В.Д. обозначает важность контекста, в рамках которого рассматривается логический аппарат: «формально правильное мышление не является единственным и абсолютно правильным способом организации мышления… обучение должно строиться с учетом преобладающего у обучаемого способа организации контекста» [6].

Важно не забывать, что процесс приобщения к критическому мышлению неотделим от всей познавательной деятельности и должен идти параллельно с ней, стать одним из ее способов. Ведь именно в процессе обучения формируется «глубина формируемых правовых понятий», и насколько эффективно будет усвоен необходимый материал, зависит от когнитивных навыков и привитых методик мышления [8].

Здесь же стоит упомянуть об аналитическом чтении, как неотъемлемом элементе обучения. Аналитическое чтение правовых текстов развивает критическое мышление студентов-юристов на многих уровнях. Задания на анализ лексики учат замечать эмоциональную окраску терминов. В судебных решениях студенты выявляют модальность, например, субъективные оценки через вводные слова или инверсию. Изучение логико-смысловых связей в нормах помогает понимать их структуру и распознавать скрытые манипуляции. Такие упражнения формируют навык обоснованной интерпретации и оценки информации [10].

Критическая педагогика сформировалась на основе европейских философских течений. Курдюмов А.В. подчеркивает, что в век современных инноваций, когда технологии берут на себя многие из прежних сугубо человеческих функций, одной из главных задач становится развитие такого критического мышления, которое необходимо при решении тех задач, с которыми не может справиться машина и нужен гибкий человеческий ум [11].

Идея о том, что критическое мышление будто бы развивается само собой по мере накопления знаний [14], в научной среде признаётся несостоятельной так как важен не только содержательный аспект наполнения курсов, но и способ подачи материала, когда знания должны усваиваться через их осмысленную оценку, а не механическое запоминание. Для юристов это особенно актуально, поскольку профессиональная деятельность сопряжена с риском деформации сознания, когда шаблоны начинают заменять живой анализ. Данный эмпирически верифицируемый аргумент напрямую подводит нас к необходимости выстраивания чёткой методической структуры профессиональной подготовки юристов. Один из действенных инструментов - технология развития критического мышления (англ. TRCT), которая предполагает поэтапное прохождение трёх фаз: 1. вызов; 2. осмысление; 3. рефлексия. Именно такая организация занятий позволяет студентам последовательно осваивать навыки анализа, оценки и синтеза информации, рно вместе с тем в практике высшего юридического образования нередко фиксируется явный дефицит подобных методик. И как следствие, выпускники юридических специальностей зачастую оказываются не готовы к решению нестандартных правовых ситуаций так как пропускают (несознательно) ошибки в следственных действиях, плохо прослеживают причинно-следственные связи между событиями и не всегда могут оценить отдалённые последствия принимаемых решений.

Указанные прикладные пробелы профессиональной подготовки юристов заставляют искать пути системной интеграции разных дисциплин – философии, психологии, лингвистики и педагогики. Так как именно комплексный подход даёт возможность сформировать у студентов целостный механизм критического восприятия правовой информации, когда эвристический и логический анализ ведётся одновременно с

нескольких позиций (всех заинтересованных сторон). В качестве прикладных и практически эффективных приёмов часто рекомендуются интерактивные формы обучения, например, разбор кейсов и ролевые игры, которые погружают студентов в смоделированную профессиональную среду, где теоретические навыки сразу проверяются на практике и закрепляются через непосредственное действие.

Немаловажную роль играют и дискуссионные методы так как регулярные дебаты развивают не только логику и речь, но и психологическую устойчивость: студент перестаёт бояться аудитории, учится чётко формулировать позицию и отстаивать её перед оппонентами. Для будущего юриста, которому постоянно приходится выступать публично и вести диалог в напряжённой обстановке, такая тренировка становится едва ли не главной составляющей профессиональной зрелости.

Для соответствия запросам времени, необходимо повышать цифровую грамотность. Как показывает практика, сам факт обучения студента правовым дисциплинам не всегда указывает на его возможность в достаточной мере ориентироваться в цифровом пространстве [2].

По мнению исследователей, развитие цифровой грамотности студентов во многом зависит от того, как преподаватель использует цифровые инструменты в своей работе. Личный пример педагога будет одним из наиболее эффективных способов формирования ответственного и осознанного отношения к цифровым ресурсам у обучающихся [4].

Формальная логика, как один из ключевых инструментов, обеспечивает структурированность мышления, что особенно важно при анализе сложных правовых кейсов. В сочетании с психологическими и лингвистическими подходами она формирует целостную систему подготовки, которая минимизирует профессиональные ошибки [22].

Социальная значимость критического мышления юриста очевидна: объективность будущего правоведа напрямую влияет на отношение общества к профессии. Поэтому важно не ограничиваться теорией, а обеспечивать практическую подготовку, посредством анализа судебных дел и моделирования профессиональных ситуаций [13].

Отдельным, но не менее важным аспектом выступают этические вопросы. На сотрудников силовых структур возложена огромная ответственность так именно они должны уметь трезво и здраво оценивать обстановку, чтобы принимать ответственные решения вплоть до применения оружия и иных мер принуждения. Недостаточная критичность анализа ситуации в таких условиях способна обернуться серьёзными последствиями, вплоть до трагических.

Выводы

Можно сделать обоснованный вывод, что интеграция междисциплинарных подходов в юридическое образование позволяет создать устойчивую систему подготовки, которая развивает у студентов аналитические, коммуникативные и рефлексивные навыки. Предметные знания из различных областей науки, объединённые в единую методологию обеспечивают подготовку юристов, способных эффективно работать в условиях информационной перегрузки и сложных правовых ситуаций, что очевидно требует соблюдение баланса между универсальными и контекстуальными подходами, а также подготовки преподавателей к междисциплинарным методам.

Наш эвристический анализ проблематики позволил систематизировать междисциплинарные подходы к развитию критического мышления, оценить их применимость к юридическому образованию и наметить пути интеграции в современную методику преподавания правовых дисциплин. И достоверно на объективных научных основаниях подтвердил, что критическое мышление, объединяющее аналитические, рефлексивные и коммуникативные навыки, является ключевым элементом подготовки будущих юристов, что объективно обусловлено сложностью нормативного материала, ростом информационной неопределённости и необходимостью противодействия деформации правосознания в цифровой среде. Также достоверно установлено, что эффективное формирование критического мышления требует не отдельных приёмов, а целостной системы, включающей логический анализ, развитие компетенций конструктивной аргументации, психологические техники работы с когнитивными искажениями, лингвистические методы выявления манипуляций и активные педагогические технологии. Именно такая интеграция позволяет существенно снизить риск формирования искажённых правовых представлений и повысить качество профессиональной подготовки.

Прикладная значимость работы состоит в выявлении комплекса методик (кейс-метод, ролевые игры, дискуссии, элементы Сократовского диалога, цифровые инструменты анализа текста, обучение распознаванию когнитивных ловушек), которые могут быть внедрены без радикального изменения существующих программ.

Список источников

1. Анисимов О.С. Развитие критического мышления у будущего специалиста // Акмеология. 2010. № 4 (36). С. 33 – 37.

2. Арутюнян С.А. К вопросу о цифровой грамотности // StudNet. 2023. Т. 6. № 3.

3. Булгаков А.В. От критического мышления к критическому игнорированию: психологические стратегии // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 5. С. 295 – 304. DOI https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-5-295-304

4. Витольник Г.А., Витольник В.Н. Цифровая грамотность и формирование цифровых компетенций // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-2. С. 65 – 67.

5. Глух К.Ю., Пономарев А.С. Феномен когнитивных искажений и их влияние на студентов высших образовательных учреждений // Вестник науки. 2023. Т. 1. № 6 (63). С. 714 – 725.

6. Грачев В.Д. Стиль мышления юриста и формальная логика // Философия права. 2008. № 2 (27). С. 34 – 39.

7. Ежова Н.Ф. Формирование критического мышления студентов юридического профиля на занятиях по изучению иностранного языка // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 11 (39). С. 56 – 61. DOI 10.17803/2311-5998.2017.39.11.056-061

8. Ежова Т.В., Этманова Э.Р. Междисциплинарный анализ зарубежных концепций развития критического мышления обучающихся // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-2. С. 141 – 144.

9. Иванова Е.В., Семенова Н.В., Спиридонова Н.Ю. Проблемы юридического образования в интересах устойчивого развития в современных условиях // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2019. № 5 (105). С. 164 – 172. DOI 10.26293/chgpu.2019.105.5.025

10. Карева Н.В., Дулепова Ю.В. Аналитическое чтение как средство формирования профессиональной компетенции у обучающихся военного вуза // Ученые записки Орловского государственного университета. 2023. № 1 (98). С. 244 – 246. DOI 10.33979/1998-2720-2023-98-1-244-246

11. Курдюмов А.В., Громова Н.С. Направления развития навыков критического мышления и принятия решений в структуре междисциплинарного знания // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 205 – 211. DOI 10.24412/2073-3305-2023-4-205-211

12. Пекарева В.В. Исследование теоретико-прикладных положений о формировании критического мышления для правильного толкования и понимания информации в правовом дискурсе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 6-1 (81). С. 120 – 123. DOI 10.24412/2500-1000-2023-6-1-120-123

13. Попов И.В., Дериглазова А.А., Ермакова О.А. Совершенствование профессиональной подготовки будущих юристов для правоохранительных органов // Вестник Самарского юридического института. 2025. № 1 (62). С. 137 – 143. DOI 10.37523/SUI.2025.62.1.019

14. Стил Дж.Л., Мередит К., Темпл И., Уолтер С.Основы критического мышления: междисциплинарная программа. Москва: Издательство «ИОО», 1997. 88 с.

15. Суханова Н.П. Логика и критическое мышление: продолжение методологического поиска // Проблемы современного образования. 2025. № 2. С. 20 – 28. DOI 10.31862/2218-8711-2025-2-20-28

16. Тарасова К.В., Орел Е.А. Измерение критического мышления студентов в открытой онлайн-среде: методология, концептуальная рамка и типология заданий // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 187 – 212. DOI 10.17323/1814-9545-2022-3-187-212

17. Тирон В.О., Гапон С.Н. Формирование информационной компетентности будущих юристов с применением интерактивных методов обучения и нейросетевых технологий // Наука в жизни человека. 2025. № 1. С. 55 – 66.

18. Ткачева Л.Л. Технологии развития критического мышления //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 16 (116). С. 95 – 96.

19. Логинов С.Н., Хараев А.А. Современное представление о правовом прогрессе в российской юридической науке в работах // Евразийский юридический журнал. 2020. № 9 (148). С. 87 – 89.

20. Хэлд Д. Интересы, знание и действие (к критической методологии Юргена Хабермаса) //Социология власти. 2009. №. 8. С. 196 – 203. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-znanie-i-deystvie-k-kriticheskoy-metodologii-yurgena-habermasa

21. Эргашев А.Й. Значение критического мышления в деятельности юриста // Экономика и социум. 2022. № 9 (100). С. 798 – 801.

22. Янкина Р.С. Критическое мышление как основа инновационного образования: понятийные подходы и структурные компоненты // Экономика и социум. 2025. № 9-2 (136). С. 436 – 440.

23. Favero L. Submission history // arXiv. 2024. URL: https://arxiv.org/abs/2409.05678v1 (дата обращения: 10.09.2024)

24. Habermas J. Knowledge and human interests / Translated by J. J. Shapiro. Cambridge; Malden: Polity Press, 2007. 392 p. На англ. яз. ISBN 978-0-7456-0459-6.

References

1. Anisimov O.S. Development of critical thinking in future specialists. Acmeology. 2010. No. 4 (36). P. 33 – 37.

2. Arutyunyan S.A. On the issue of digital literacy. StudNet. 2023. Vol. 6. No. 3.

3. Bulgakov A.V. From critical thinking to critical ignoring: psychological strategies. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 5. P. 295 – 304. DOI https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-5-295-304

4. Vitolnik G.A., Vitolnik V.N. Digital literacy and the formation of digital competencies. Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 80-2. P. 65 – 67.

5. Glukh K.Yu., Ponomarev A.S. The Phenomenon of Cognitive Biases and Their Impact on Students of Higher Education Institutions. Bulletin of Science. 2023. Vol. 1. No. 6 (63). P. 714 – 725.

6. Grachev V.D. A Lawyer's Thinking Style and Formal Logic. Philosophy of Law. 2008. No. 2 (27). P. 34 – 39.

7. Yezhova N.F. Development of Critical Thinking of Law Students in Foreign Language Classes. Vestnik of O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2017. No. 11 (39). P. 56 – 61. DOI 10.17803/2311-5998.2017.39.11.056-061

8. Ezhova T.V., Etmanova E.R. Interdisciplinary analysis of foreign concepts of developing students' critical thinking. Problems of modern pedagogical education. 2018. No. 60-2. P. 141 – 144.

9. Ivanova E.V., Semenova N.V., Spiridonova N.Yu. Problems of legal education in the interests of sustainable development in modern conditions. Bulletin of the Chuvash State Pedagogical University named after I.Ya. Yakovlev. 2019. No. 5 (105). P. 164 – 172. DOI 10.26293/chgpu.2019.105.5.025

10. Kareva N.V., Dulepova Yu.V. Analytical reading as a means of forming professional competence of students of a military university. Scientific notes of Oryol State University. 2023. No. 1 (98). P. 244 – 246. DOI 10.33979/1998-2720-2023-98-1-244-246

11. Kurdyumov A.V., Gromova N.S. Directions for developing critical thinking and decision-making skills in the structure of interdisciplinary knowledge. Education. Science. Scientific personnel. 2023. No. 4. P. 205 – 211. DOI 10.24412/2073-3305-2023-4-205-211

12. Pekareva V.V. Study of theoretical and applied provisions on the formation of critical thinking for the correct interpretation and understanding of information in legal discourse. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. No. 6-1 (81). P. 120 – 123. DOI 10.24412/2500-1000-2023-6-1-120-123

13. Popov I.V., Deriglazova A.A., Ermakova O.A. Improving the professional training of future lawyers for law enforcement agencies. Bulletin of the Samara Law Institute. 2025. No. 1 (62). P. 137 – 143. DOI 10.37523/SUI.2025.62.1.019

14. Steele J.L., Meredith K., Temple I., Walter S. Fundamentals of Critical Thinking: An Interdisciplinary Program. Moscow: IOO Publishing House, 1997. 88 p.

15. Sukhanova N.P. Logic and Critical Thinking: Continuation of the Methodological Search. Problems of Contemporary Education. 2025. No. 2. P. 20 – 28. DOI 10.31862/2218-8711-2025-2-20-28

16. Tarasova K.V., Orel E.A. Measuring Students' Critical Thinking in an Open Online Environment: Methodology, Conceptual Framework, and Typology of Tasks. Issues of Education. 2022. No. 3. P. 187 – 212. DOI 10.17323/1814-9545-2022-3-187-212

17. Tiron V.O., Gapon S.N. Formation of Information Competence of Future Lawyers Using Interactive Teaching Methods and Neural Network Technologies. Science in Human Life. 2025. No. 1. P. 55 – 66.

18. Tkacheva L.L. Technologies for the Development of Critical Thinking. Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. 2008. No. 16 (116). P. 95 – 96.

19. Loginov S.N., Kharaev A.A. Modern understanding of legal progress in Russian legal science in works. Eurasian Law Journal. 2020. No. 9 (148). P. 87 – 89.

20. Held D. Interests, knowledge, and action (toward the critical methodology of Jurgen Habermas). Sociology of power. 2009. No. 8. P. 196 – 203. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/interesy-znanie-i-deystvie-k-kriticheskoy-metodologii-yurgena-habermasa

21. Ergashev A.I. The importance of critical thinking in the activities of a lawyer. Economy and Society. 2022. No. 9 (100). P. 798 – 801.

22. Yankina R.S. Critical Thinking as the Basis of Innovative Education: Conceptual Approaches and Structural Components. Economy and Society. 2025. No. 9-2 (136). P. 436 – 440.

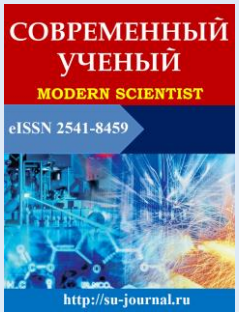
23. Favero L. Submission history. arXiv. 2024. URL: https://arxiv.org/abs/2409.05678v1 (date of access: 10.09.2024)

24. Habermas J. Knowledge and human interests. Translated by J.J. Shapiro. Cambridge; Malden: Polity Press, 2007. 392 p. In English. ISBN 978-0-7456-0459-6.

Информация об авторе

Кулик А.А., старший преподаватель, Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко, kulik.russia@mail.ru

© Кулик А.А., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.013.41
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-389-396

Ценностно-психологические основания индивидуализации: сравнительный анализ западной и китайской педагогических парадигм

[1] Сюй Яньпин

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье рассматриваются ценностно-психологические основания индивидуализации образования в западной и китайской педагогических парадигмах. Актуальность исследования связана с тем, что в международном педагогическом дискурсе индивидуализация часто описывается через универсальные категории выбора, автономии, гибкого образовательного маршрута и цифровой персонализации, тогда как их практическое содержание существенно зависит от культурной модели личности, характера учебной мотивации и статуса педагога. Цель статьи – выявить различия между западной моделью индивидуализации, опирающейся на автономное «Я» и идею самореализации, и китайской моделью, где индивидуальное развитие включено в систему социальных обязанностей, семейных ожиданий, экзаменационной культуры и конфуцианского принципа 因材施教 (инь цай ши цзяо – обучение с учетом способностей ученика). Показано, что западная индивидуализация строится вокруг расширения субъектного выбора обучающегося, а китайская - вокруг педагогически направляемого самосовершенствования, согласующего личную траекторию с общественной пользой и сохранением групповой гармонии. Обоснован вывод о необходимости культурно чувствительной модели индивидуализации, в которой образовательный маршрут трактуется как форма согласования личностного потенциала, ценностной идентичности и институциональных ожиданий.
Ключевые слова: индивидуализация образования, персонализированное обучение, сравнительная педагогика, китайская педагогика, западная педагогическая парадигма, 因材施教, конфуцианская традиция, субъектность обучающегося

Для цитирования: Сюй Яньпин Ценностно-психологические основания индивидуализации: сравнительный анализ западной и китайской педагогических парадигм // Современный ученый. 2026. № 11. С. 389 – 396. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-389-396

Поступила в редакцию: 25 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Value-based psychological foundations of individualization: a comparative analysis of Western and Chinese educational paradigms

[1] Xu Yanping

[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article examines the value-based psychological foundations of individualization of education within Western and Chinese pedagogical paradigms. The relevance of the study stems from the fact that in international pedagogical discourse, individualization is often described through universal categories of choice, autonomy, flexi-

ble educational pathways, and digital personalization, whereas their practical content significantly depends on the cultural model of personality, the nature of academic motivation, and the status of the teacher. The aim of the article is to identify the differences between the Western model of individualization, grounded in the autonomous "self" and the idea of self-actualization, and the Chinese model, where individual development is embedded within a system of social obligations, family expectations, examination culture, and the Confucian principle of 因材施教 (yīn cái shī jiào – teaching in accordance with the student's abilities). The methodological framework comprises comparative pedagogical, axiological, and historical-hermeneutical approaches. It is shown that Western individualization revolves around expanding the learner's subjective choice, whereas Chinese individualization centers on pedagogically guided self-improvement that aligns the personal trajectory with social benefit and the preservation of group harmony. The conclusion substantiates the need for a culturally sensitive model of individualization, in which the educational pathway is interpreted as a form of reconciling personal potential, value-based identity, and institutional expectations.
Keywords: individualization of education, personalized learning, comparative pedagogy, Chinese pedagogy, Western pedagogical paradigm, 因材施教, Confucian tradition, student agency

For citation: Xu Yanping Value-based psychological foundations of individualization: a comparative analysis of Western and Chinese educational paradigms. Modern Scientist. 2026. 11. P. 389 – 396. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-389-396

The article was submitted: June 25, 2026; Approved after reviewing: July 23, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Проблема индивидуализации образования занимает особое место в общей педагогике, поскольку через нее раскрывается вопрос о том, кого именно формирует образовательная система: носителя заданного набора знаний, автономного субъекта выбора, участника коллективной культурной практики или профессионала, способного соотносить личные цели с общественными ожиданиями.

Западная традиция связывает индивидуализацию с автономией, личной ответственностью, правом на построение собственной образовательной траектории и развитием внутренней мотивации. Китайская традиция соединяет идею учета способностей ученика с требованием морального самосовершенствования, уважения к наставнику, ориентации на семью, коллектив и государство. Поэтому одинаковые термины - индивидуализация, персонализация, образовательный маршрут – обозначают в этих парадигмах разные способы педагогического действия [14, с. 224].

Современная ситуация усиливает данное различие. Цифровые платформы, искусственный интеллект (artificial intelligence - ИИ), аналитика образовательных данных и гибкие учебные планы создают техническую возможность для адресного обучения, однако сама технология не задает ценностного смысла индивидуализации.

В западном контексте персонализация чаще интерпретируется через расширение агентности обучающегося и проектирование среды, где студент способен выбирать темп, уровень сложности и форму достижения результата. В китайском контексте цифровизация включается в более сложную систему: массовое высшее образование, сильная роль государства, экзаменационная селекция, уважение к академическому авторитету и представление о личном успехе как о ресурсе семьи и общества. Исследования высшего образования КНР фиксируют сочетание централизации, институциональной дисциплины и стремления университетов перейти к более гибким моделям подготовки кадров [1, с. 640].

Значимость сравнительного анализа определяется еще и тем, что некритический перенос западных моделей на китайскую образовательную почву приводит к подмене педагогической задачи внешним заимствованием терминологии. Формальная вариативность учебного плана дает ограниченный результат, если обучающийся психологически ориентирован на одобрение преподавателя, избегает ошибки, воспринимает неопределенность как угрозу и имеет слабый опыт самостоятельного целеполагания.

Китайская парадигма содержит собственный ресурс индивидуализации – принцип 因材施教, закрепляющий обязанность наставника видеть различия между учениками и подбирать способы педагогического воздействия с учетом их способностей. Данный принцип раскрывает автономию учащегося через направляемое развитие его возможностей внутри нормативной культурной структуры [8, с. 2].

Цель статьи – раскрыть ценностно-психологические основания индивидуализации в западной и китайской педагогических парадигмах и определить, какие следствия эти различия имеют для проектирования индивидуальных образовательных маршрутов.

Исследовательская задача заключается в сравнении трех уровней: представления о личности, структуры учебной мотивации и роли педагога в сопровождении образовательного выбора.

В западной педагогике индивидуализация развивается от идей Д. Дьюи о реконструкции опыта через деятельность [9, с. 76], к современным теориям персонализированного обучения с адаптивными заданиями, тьюторством и индивидуальными траекториями. В документе OECD Learning Compass 2030 акцент смещается на агентность ученика (student agency) и совместную агентность (co-agency) как условие включенного социального действия [15, с. 4].

Психологическую основу западной модели составляет противопоставление независимого и взаимозависимого «Я» (Х. Маркус и С. Китаяма): для западной педагогики ключевой является автономная субъектность, развиваемая через рефлексию, самооценку и педагогику выбора [14, с. 225].

Культурно-психологические исследования Г. Хофстеде показывают, что в коллективистских культурах личный выбор не отделяется от обязанностей перед семьёй и группой, а учебный успех воспринимается как социальное достижение [10, с. 95]. Категория mianzi (социально признанное достоинство), по К.-К. Хвану, регулирует отношения взаимного признания и долга, что в образовании снижает готовность к публичной ошибке и открытому несогласию с преподавателем [11, с. 948].

Российские исследования фиксируют сильные механизмы государственного и партийного управления в китайской высшей школе [1, с. 637], а модернизация университетов связывается с задачами инновационной экономики и конкурентоспособности страны [2, с. 143]. История китайского образования рассматривается как соединение конфуцианской экзаменационной традиции и современных университетских моделей [16, с. 2].

В исследованиях индивидуальных образовательных маршрутов подчёркивается необходимость учёта коммуникативных барьеров и культурных ожиданий в полиэтнической среде [4, с. 140]; профессиональная индивидуальность китайских студентов в российских вузах формируется через сочетание творческого поиска и адаптации к новой культуре [6, с. 3]. Чжу Цзяу акцентирует роль преподавателя как посредника между образовательной траекторией студента и институциональными требованиями [8, с. 3].

Технологические аспекты индивидуализации раскрываются в работах С. Б. Куликова о дистанционном обучении в Китае [5, с. 97] и Н. П. Зубаревой об этапах развития открытого образования [3, с. 10].

В зарубежной дискуссии К.-Ю. Лаак и Я. Ару подчеркивают, что ИИ-персонализация остаётся привязанной к эффективности освоения контента и требует расширения до целей сотрудничества и критического мышления [12, с. 2].

Материалы и методы исследований

Материалом послужили публикации по индивидуализации образования, сравнительной педагогике, высшему образованию Китая и культурной психологии – российские статьи 2019-2023 гг., работы китайских и русскоязычных авторов о моделях индивидуализации в вузах КНР, а также зарубежные исследования независимой и взаимозависимой моделей личности.

Отбор источников проводился по трём критериям: связь с индивидуализацией, культурно-психологический или сравнительно-педагогический аспект и применимость к анализу западной и китайской парадигм. Учебная литература исключалась.

Использованы сравнительно-педагогический, аксиологический, историко-герменевтический и концептуальный подходы. Сопоставление велось по психологическим и ценностным основаниям, определяющим смысл образовательных инструментов.

Работа носит теоретико-аналитический характер. При интерпретации китайской модели учтены экзаменационная селекция, коллективистская мотивация и наставнический статус преподавателя; при интерпретации западной – ценность автономии, внутренняя мотивация и субъектность студента.

Результаты и обсуждения

Сравнение западной и китайской педагогических парадигм показывает, что индивидуализация имеет два разных антропологических основания. Западная модель исходит из представления о личности как автономном субъекте, обладающем правом на самовыражение и на конструирование собственной образовательной биографии. Педагогическое сопровождение в такой модели направлено на расширение поля выбора, развитие рефлексии и поддержку самостоятельного решения.

Китайская модель опирается на взаимозависимое понимание личности, где развитие индивидуальных способностей оценивается через вклад в семью, профессиональное сообщество и общество. Студенту предлагается траектория, согласованная с нормами, ожиданиями и авторитетом наставника, а личный выбор получает культурно признанную форму ответственного самосовершенствования. Данное различие точнее раскрывается через два типа субъектности: автономную субъектность, ориентированную на личное самоопределение, и реляционную субъектность, в которой человек проявляет индивидуальность через ответственное участие в социальных связях [14, с. 226].

Западная индивидуализация исторически связана с идеей образовательной среды, где ученик получает возможность пробовать, ошибаться, выбирать и выстраивать личный смысл учения. Д. Дьюи связывал демократический характер образования с опытом участия, а не с пассивным усвоением готового знания [9, с. 87].

В современной версии она проявляется в проектном обучении, свободе выбора дисциплин, индивидуальных образовательных планах, тьюторстве, портфолио и формирующем оценивании. Психологический смысл подобных инструментов заключается в формировании внутреннего локуса контроля, способности к самооценке и готовности принять последствия собственного решения. Поэтому западная персонализация ориентирована на становление студента как автора образовательной траектории. Педагог в данной модели действует как фасилитатор, консультант и партнер по рефлексии.

Китайская парадигма имеет иной внутренний центр. Принцип 因材施教 закрепляет необходимость учитывать способности ученика, однако его историческая цель связана с воспитанием морально зрелого человека, способного занять достойное место в иерархии социальных отношений. Конфуцианское понимание образования соединяет знание, нравственное совершенствование и правильное поведение.

В высшей школе КНР наследие встречается с задачами массовизации, цифровизации и подготовки инновационных кадров. По данным исследований открытого и дистанционного образования, китайская система активно расширяет технологические каналы доступа к обучению, но сохраняет сильную роль институционального регулирования и педагогического руководства [13, с. 9]. Индивидуализация здесь приобретает форму направляемой вариативности. Студент получает возможность выбора, но этот выбор встраивается в образовательную, профессиональную и социальную норму.

Экзаменационная культура усиливает данный тип индивидуализации. Национальный вступительный экзамен в вуз, известный как 高考 (гаокао), выступает не только механизмом отбора, но и длительным фактором формирования учебного поведения. Подготовка к нему ориентирует школьника на высокий результат, дисциплину, повторение, точность ответа и следование инструкции.

После поступления в университет студент может формально получить больше свободы, но психологически сохранять ожидание внешнего задания и внешней оценки. Российские исследования образовательной политики КНР отмечают, что модернизация высшей школы направлена на подготовку инновационных кадров, однако реализуется в системе, где государственные цели и институциональные показатели остаются значимыми регуляторами [2, с. 145]. На этом фоне индивидуальный маршрут требует не только набора элективных курсов, но и специально организованной работы с мотивацией, страхом ошибки и опытом самостоятельного целеполагания.

Категория mianzi помогает объяснить, почему западные форматы открытой дискуссии и публичной рефлексии дают ограниченный результат в китайской аудитории. Сохранение лица связано с поддержанием социального достоинства и признания; учебная ошибка, особенно публичная, может восприниматься как риск потери статуса перед группой [11, с. 950]. Поэтому педагогическая индивидуализация в китайском контексте должна создавать защищенное пространство пробного действия.

Эффективными становятся формы постепенного расширения зоны выбора: сначала выбор способа выполнения задания, затем выбор темы мини-проекта, затем согласование индивидуальной исследовательской траектории. Наставник сохраняет культурную значимость авторитета и преобразует ее в ресурс доверия.

Сравнительная модель различий представлена в таблице. Она показывает, что западная и китайская парадигмы расходятся на уровне представления о том, какие психологические качества должен развивать образовательный маршрут.

Таблица 1

Ценностно-психологические основания индивидуализации в западной и китайской педагогических парадигмах.

Table 1

Value-based psychological foundations of individualization in Western and Chinese pedagogical paradigms.

Критерий анализа	Западная парадигма	Китайская парадигма
Модель личности	Автономное «Я», личная идентичность, право на индивидуальный выбор и самовыражение [14, с. 225].	Взаимозависимое «Я», включенность в семью, группу, университет и государство [10, с. 95].
Цель индивидуализации	Раскрытие личного потенциала, развитие самостоятельности, авторская образовательная траектория.	Самосовершенствование, социально значимый успех, гармонизация личной траектории с долгом и ожиданиями группы.
Мотивационный центр	Внутренний интерес, рефлексия, опыт выбора, готовность к пробе и ошибке [9, с. 87].	Социальное одобрение, академический статус, семейная ответственность, стремление сохранить лицо [11, с. 948].
Роль педагога	Фасилитатор, тьютор, партнер по рефлексии, организатор образовательной среды.	Наставник, моральный авторитет, медиатор между индивидуальными способностями и нормативным порядком.
Риск цифровой персонализации	Сведение субъектности к адаптивной выдаче контента при слабом развитии сотрудничества [12, с. 2].	Усиление управляемой адаптации без достаточной поддержки самостоятельного целеполагания [5, с. 100].

Представленные данные позволяют уточнить центральный вывод: индивидуализация в западной традиции преимущественно разворачивается как расширение пространства личного выбора, а в китайской традиции – как педагогически направляемое раскрытие способностей внутри социально одобряемого пути. Чжу Цзяу, анализируя российские и китайские вузы, подчеркивает, что преподаватель должен помогать студенту формировать траекторию и одновременно обеспечивать ресурсную, организационную и методическую поддержку этого процесса [8, с. 3].

Для западной модели данная поддержка часто воспринимается как сервис, помогающий студенту реализовать индивидуальный проект. Для китайской модели поддержка приобретает статус наставнического регулирования, поскольку самостоятельность развивается через постепенную интериоризацию авторитета.

Данный вывод имеет значение для проектирования индивидуальных образовательных маршрутов в университетах Китая.

Ошибки проектирования индивидуализации связаны с тремя факторами: 1) сведение к увеличению числа элективных дисциплин без психологической подготовки студента к выбору; 2) технологический редукционизм, когда персонализация отождествляется с цифровой платформой без тьюторского сопровождения [5, с. 101].

3) игнорирование полиэтнического и межкультурного измерения, особенно значимого для китайских студентов в зарубежных группах, где публичная ошибка воспринимается как риск потери лица [4, с. 141]. Для китайских обучающихся это особенно важно в зарубежных или смешанных академических группах, где западная педагогика дискуссии может восприниматься как рискованная, а требование публично заявлять личную позицию - как ситуация возможной потери лица. Фу Ли показывает, что профессиональная индивидуальность китайских студентов в российских художественных вузах формируется через сочетание личного творческого поиска и адаптации к новой образовательной культуре [6, с. 5].

Следовательно, индивидуализация требует культурно настроенного педагогического взаимодействия, учитывающего структуру учебной мотивации.

Исследования ресурсной готовности к индивидуализации в школах Китая подтверждают, что проблема имеет не только ценностный, но и организационный характер. Цзя Юаньхан и Н. Л. Галеева отмечают значение кадровых, методических и цифровых ресурсов для реализации индивидуального подхода [7, с. 479].

В высшей школе логика усложняется, поскольку университет одновременно решает задачи массовой подготовки, научно-исследовательского развития, международной конкуренции и воспитания лояльной профессиональной элиты. Индивидуализация здесь должна быть институционально обеспечена: нужны гибкие модули, понятные правила выбора, консультирование, доступ к цифровым ресурсам, критерии оценки личного прогресса и подготовка преподавателей к роли наставников.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении индивидуализации и государственной образовательной политики. Т.Л. Гурулева и Ван Бин показывают, что управление высшим образованием в КНР строится через сложное взаимодействие государственных, партийных и университетских механизмов [1, с. 641]. Западная модель автономного университета и автономного студента плохо согласуется с китайской образовательной системой.

Более продуктивной выступает модель согласованной индивидуализации, где выбор студента получает институционально допустимые рамки, а личное развитие связывается с задачами профессиональной подготовки, инновационного развития и общественной ответственности. Дэн Тао и Р.А. Валеева справедливо связывают модернизацию китайской высшей школы с социально-политическими ориентирами развития государства [2, с. 146].

Роль преподавателя в этих условиях приобретает ключевое значение. В западной индивидуализированной модели педагог часто отступает на позицию консультанта, чтобы не подавлять свободу обучающегося. В китайской модели педагогический авторитет сохраняет позитивную функцию: он снижает тревожность, легитимирует пробу нового способа действия и помогает студенту принять ответственность без ощущения социального одиночества.

На уровне практики преподаватель должен сочетать академическую строгость с диалоговым сопровождением. Он задает рамку выбора, объясняет смысл маршрута, помогает студенту увидеть связь между личными способностями и профессиональной перспективой, а затем постепенно передает ему больше самостоятельности.

Можно выделить три уровня ценностно-психологического обеспечения индивидуализации.

1. Антропологический – отвечает на вопрос о том, кем признается обучающийся: автономным субъектом самореализации или участником сети значимых отношений.

2. Мотивационный – определяет, что побуждает студента двигаться по индивидуальному маршруту: личный интерес, профессиональная цель, семейное ожидание, статусная перспектива, чувство долга.

3. Организационно-педагогический – задает конкретные формы сопровождения: тьюторство, модули выбора, цифровые ресурсы, диагностику, проектные задания, рефлексивные практики.

Западная парадигма сильнее развивает первый и второй уровни через автономию. Китайская требует более сложной работы на третьем уровне, поскольку свободный выбор должен быть педагогически подготовлен и социально легитимирован.

В условиях распространения ИИ-персонализации различие между парадигмами становится еще более заметным. К.-Ю. Лаак и Я. Ару подчеркивают, что современные системы персонализированного обучения на основе ИИ часто улучшают подбор учебного контента, но недостаточно работают с целями современного образования - сотрудничеством, рефлексией, критическим мышлением и целостным развитием [12, с. 3]. Для западной педагогики риск состоит в превращении автономии в набор индивидуальных рекомендаций, где студент получает удобный контент, но не обязательно становится субъектом.

Для китайской педагогики риск связан с усилением прецизионного управления, когда образовательные данные повышают эффективность контроля, но не развивают готовность к самостоятельному смыслообразованию.

Поэтому цифровая индивидуализация нуждается в ценностной экспертизе. Важно оценивать не только адаптивность платформы, но и то, какие формы личности она поддерживает.

Выводы

Проведённый анализ подтвердил принципиальные различия ценностно-психологических оснований индивидуализации в западной и китайской парадигмах (табл. 1), которые сводятся к противопоставлению автономного и взаимозависимого понимания личности, внутренней и социальной мотивации, а также роли педагога как фасилитатора или наставника.

Индивидуализация в Китае описывается продуктивнее через понятие социально ответственной индивидуализации, при которой студент получает пространство выбора в пределах культурно признанной траектории самосовершенствования. Принцип 因材施教 сохраняет методологическую ценность, поскольку задает обязанность педагога видеть различия между обучающимися и подбирать способы воздействия с учетом способностей, мотивации, уровня самостоятельности и культурных барьеров. Современная задача состоит в переводе данного принципа на язык университетской дидактики: диагностики образовательных потребностей, гибкого учебного плана, тьюторского сопровождения, цифровой поддержки, проектной деятельности и психологически безопасной академической среды.

Научная значимость статьи состоит в уточнении сравнительно-педагогической рамки анализа индивидуализации. Индивидуальный образовательный маршрут следует рассматривать не только как организационный инструмент, но и как выражение определенной модели личности. Практическая значимость выводов связана с возможностью использовать предложенную рамку при разработке программ для китайских студентов, совместных российско-китайских образовательных проектов и исследований в области общей педагогики, истории педагогики и образования.

Список источников

1. Гурулева Т.Л., Ван Бин Высшее образование в КНР: институты и механизмы государственного и партийного управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 3. С. 636 – 654. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654

2. Дэн Т., Валеева Р.А. Социально-политические и концептуальные ориентиры развития системы высшего образования в КНР // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11-3 (113). С. 142 – 148. DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.087

3. Зубарева Н.П. Основные этапы развития дистанционного образования в Китае // Педагогическое образование в России. 2022. № 5. С. 8 – 16. DOI: https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_05_01

4. Кочеткова И.С., Терская Л.А. Формирование индивидуальных образовательных маршрутов в электронной образовательной среде для поликультурных студенческих груп // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 123 – 127. DOI 10.26140/anip-2019-0802-0027

5. Куликов С.Б. Особенности реализации дистанционной формы обучения в университетах Китая // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 4 (50). С. 96 – 103. DOI 10.23951/2307-6127-2023-4-96-103

6. Фу Л. Особенности развития профессиональной индивидуальности китайских студентов в российских художественных вузах // Педагогика и просвещение. 2022. № 3. С. 49 – 59. DOI 10.7256/2454-0676.2022.3.38441

7. Цзя Ю., Галеева Н.Л. Исследование ресурсной готовности к реализации индивидуализации обучения в школах Китая // Молодой ученый. 2022. № 21 (416). С. 478 – 481.

8. Чжу Цзяу Модель индивидуализации в российских и китайских вузах // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 2. С. 39.

9. Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education [Electronic resource]. New York: Macmillan, 1916. 434 p. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/852 (date of access: 30.04.2026)

10. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind [Electronic resource]. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p. URL: https://books.google.com/books?id=o4OqTgV3V00C (date of access: 30.04.2026)

11. Hwang K.-K. Face and Favor: The Chinese Power Game // American Journal of Sociology. 1987. Vol. 92. № 4. P. 944 – 974. DOI: https://doi.org/10.1086/228588

12. Laak K.-J., Aru J. AI and Personalized Learning: Bridging the Gap with Modern Educational Goals [Electronic resource]. 2024. 19 p. URL: https://arxiv.org/abs/2404.02798 (date of access: 30.04.2026)

13. Li Q., Wang J. The Role of Technology in Modern Education // Proceedings of the International Conference on Education and E-Learning (ICEEL 2018) / под ред. S. K.S. Cheung. Singapore: Springer, 2019. P. 15 – 28. DOI 10.1007/978-981-13-5787-9_2

14. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychological Review. 1991. Vol. 98. № 2. P. 224 – 253. DOI 10.1037/0033-295X.98.2.224

15. OECD. The OECD Learning Compass 2030 [Электронный ресурс] // OECD. Paris: OECD Publishing, 2024. URL: https://www.oecd.org/en/data/tools/oecd-learning-compass-2030.html (дата обращения: 30.04.2026)

16. Wu H., Zha Q.Chinese Higher Education, History of // Encyclopedia of Educational Philosophy and Theory / ed. by M.A. Peters. Singapore: Springer, 2018. DOI 10.1007/978-981-287-532-7_598-1

References

1. Guruleva T.L., Wang Bin. Higher Education in the PRC: Institutions and Mechanisms of State and Party Governance. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2020. Vol. 20. No. 3. P. 636 – 654. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-3-636-654

2. Deng T., Valeeva R.A. Socio-political and conceptual guidelines for the development of the higher education system in the PRC. International Research Journal. 2021. No. 11-3 (113). P. 142 – 148. DOI: https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.113.11.087

3. Zubareva N.P. The Main Stages of Distance Education Development in China. Pedagogical Education in Russia. 2022. No. 5. P. 8 – 16. DOI: https://doi.org/10.26170/2079-8717_2022_05_01

4. Kochetkova I.S., Terskaya L.A. Formation of Individual Educational Routes in the Electronic Educational Environment for Multicultural Student Groups. Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2019. Vol. 8. No. 2 (27). P. 123 – 127. DOI 10.26140/anip-2019-0802-0027

5. Kulikov S.B. Features of the implementation of distance learning in Chinese universities. Scientific and pedagogical review. 2023. No. 4 (50). P. 96 – 103. DOI 10.23951/2307-6127-2023-4-96-103

6. Fu L. Features of the development of professional individuality of Chinese students in Russian art universities. Pedagogy and education. 2022. No. 3. P. 49 – 59. DOI 10.7256/2454-0676.2022.3.38441

7. Jia Yu., Galeeva N.L. A Study of Resource Readiness for the Implementation of Individualization of Learning in Chinese Schools. Young Scientist. 2022. No. 21 (416). P. 478 – 481.

8. Zhu Jiau. A Model of Individualization in Russian and Chinese Universities. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2019. Vol. 7. No. 2. P. 39.

9. Dewey J. Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education [Electronic resource]. New York: Macmillan, 1916. 434 p. URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/852 (date of access: 30.04.2026)

10. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind [Electronic resource]. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p. URL: https://books.google.com/books?id=o4OqTgV3V00C (date of access: 30.04.2026)

11. Hwang K.-K. Face and Favor: The Chinese Power Game. American Journal of Sociology. 1987. Vol. 92. No. 4. P. 944 – 974. DOI: https://doi.org/10.1086/228588

12. Laak K.-J., Aru J. AI and Personalized Learning: Bridging the Gap with Modern Educational Goals [Electronic resource]. 2024. 19 p. URL: https://arxiv.org/abs/2404.02798 (date of access: 30.04.2026)

13. Li Q., Wang J. The Role of Technology in Modern Education. Proceedings of the International Conference on Education and E-Learning (ICEEL 2018). ed. S.K.S. Cheung. Singapore: Springer, 2019. P. 15 – 28. DOI 10.1007/978-981-13-5787-9_2

14. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. Psychological Review. 1991. Vol. 98. No. 2. P. 224 – 253. DOI 10.1037/0033-295X.98.2.224

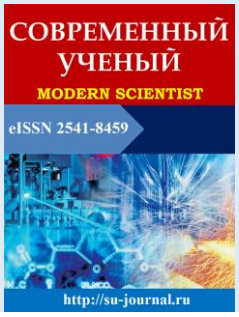
15. OECD. The OECD Learning Compass 2030 [Electronic resource]. OECD. Paris: OECD Publish-ing, 2024. URL: https://www.oecd.org/en/data/tools/oecd-learning-compass-2030.html (date of access: 30.04.2026)

16. Wu H., Zha Q. Chinese Higher Education, History of. Encyclopedia of Educational Philosophy and Theory. ed. by M.A. Peters. Singapore: Springer, 2018. DOI 10.1007/978-981-287-532-7_598-1

Информация об авторе

Сюй Яньпин, аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0002-8759-8828, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, хур630178@gmail.com

© Сюй Яньпин, 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.18
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-397-403

Изучение социально-эмоциональных навыков и социальной адаптации подростков в современной образовательной среде

[1] Епихина К.А., [1] Щербакова Н.Е.

[1] Пензенский государственный университет

Аннотация: в статье предпринята попытка выявления исследования эмоционального благополучия и социальной адаптации младших подростков в современной образовательной среде. Цель исследования заключалась в том, чтобы, опираясь на экспертные оценки и результаты эмпирического обследования, описать целостный спектр ключевых проблем эмоционального благополучия и социальной адаптации учащихся 13-14 лет. Исследование реализовано в смешанном дизайне. Качественный этап включал полуструктурированные интервью с педагогами и педагогами-психологами, количественный – психодиагностику 28 подростков с применением методик Н. Холла, К. Роджерса и Р. Даймонд, а также Р. Лазаруса и С. Фолкман. Сделан вывод о том, что внешне благополучная адаптация маскирует глубинные регуляторные дефициты и избегающие паттерны, а личностная интернальность не конвертируется в ответственное совладающее поведение. Результаты могут быть использованы при проектировании программ развития эмоционального интеллекта, продуктивных копинг-стратегий и рефлексивной компетентности подростков.
Ключевые слова: социально-эмоциональные навыки, социальная адаптация, подростковый возраст, эмоциональный интеллект, образовательная среда, психологическая безопасность

Для цитирования: Епихина К.А., Щербакова Н.Е. Изучение социально-эмоциональных навыков и социальной адаптации подростков в современной образовательной среде // Современный ученый. 2026. № 11. С. 397 – 403. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-397-403

Поступила в редакцию: 26 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Studying the socio-emotional skills and social adaptation of adolescents in the modern educational environment

[1] Epikhina K.A., [1] Shcherbakova N.E.

[1] Penza State University

Abstract: the article attempts to identify the study of emotional well-being and social adaptation of younger adolescents in the modern educational environment. The purpose of the study was to describe the holistic spectrum of key problems of emotional well-being and social adaptation of students aged 13–15, based on expert assessments and the results of an empirical survey. The study was conducted using a mixed design. The qualitative stage included semi-structured interviews with teachers and educational psychologists, and the quantitative stage included psychodiagnostics of 28 adolescents using the methods of N. Hall, C. Rogers, and R. Diamond, as well as R. Lazarus and S. Folkman. It was concluded that outwardly successful adaptation masks deep-seated regulatory deficits and

avoidance patterns, and that personal internality does not translate into responsible coping behavior. The results can be used in the design of programs for developing emotional intelligence, productive coping strategies, and reflective competence in adolescents.
Keywords: social and emotional skills, social adaptation, adolescence, emotional intelligence, educational environment, psychological safety

For citation: Epikhina K.A., Shcherbakova N.E. Studying the socio-emotional skills and social adaptation of adolescents in the modern educational environment. Modern Scientist. 2026. 11. P. 397 – 403. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-397-403

The article was submitted: June 26, 2026; Approved after reviewing: July 24, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Современная образовательная среда функционирует в условиях множественных социальных факторов, существенно влияющих на взросление подростков.

Многочисленные отечественные и зарубежные медицинские и психологические исследования фиксируют устойчивый рост тревожных и депрессивных состояний у детей, начиная уже с младшего школьного возраста, а также повышение риска возникновения поведения вплоть до суицидальных тенденций [2; 3; 4], что вынуждает научное сообщество пересматривать традиционные модели психолого-педагогического сопровождения. Вместе с тем фокус научного внимания в значительной мере остается смещенным на объектную констатацию симптоматики у самих подростков, тогда как профессиональные представления педагогов и педагогов-психологов – ключевых агентов социализации и ежедневных наблюдателей динамики эмоционального фона учащихся – исследуются фрагментарно.

Одним из центральных аспектов, требующих профессиональной оценки, выступает состояние социально-эмоциональных навыков подрастающего поколения – тех умений, которые напрямую определяют способность противостоять описанным стрессорам. В сложившихся обстоятельствах особую роль начинает играть способность школьников осознавать собственные переживания, управлять ими, налаживать продуктивные отношения с окружающими и прибегать к зрелым формам совладания с напряжением. Когда внешняя среда долгое время остается нестабильной и тревожной, именно перечисленные возможности во многом определяют и учебные результаты, и внутреннее благополучие, позволяющий противостоять давлению сразу нескольких стрессогенных обстоятельств.

Цель исследования – изучение социально-эмоциональных навыков и социальной адаптации подростков с помощью обобщения экспертных суждений учителей и педагогов-психологов, а также проведения психодиагностического обследования.

Материалы и методы исследований

Для достижения указанной цели исследование включало два основных этапа.

Первый этап исследования – это серия интервью, проведенных со специалистами школы – педагогами и педагогами-психологами, непосредственно включенными в учебно-воспитательный процесс. Выборка респондентов составила 9 человек, из которых трое являются педагогами-психологами, а шестеро – учителями-предметниками и классными руководителями, непосредственно взаимодействующими с подростками 5–9 классов. Обращение к их профессиональным представлениям позволило зафиксировать экспертные интерпретации наблюдаемых трудностей и системных дефицитов психолого-педагогической практики.

Второ этап - психодиагностическое обследование младших подростков. Выборку испытуемых составили 28 учащихся в возрасте от 13 до 14 лет. Указанный возрастной диапазон соответствует периоду младшего и отчасти среднего подросткового возраста, когда процессы эмоционально-личностного становления и формирования совладающего поведения протекают особенно интенсивно и уязвимы к воздействию неблагоприятных средовых факторов.

Комплекс диагностического инструментария включил три стандартизированные методики: опросник эмоционального интеллекта Н. Холла, позволяющий оценить парциальные и интегративный показатели эмоционального интеллекта; методику диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд; а также опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Л.И. Вассермана, выявляющий предпочитаемые копинг-стратегии среди респондентов.

База исследования: МБОУ «Гимназия №53» г. Пензы.

Обработка материалов, полученных в ходе полуструктурированных интервью, дала возможность сгруппировать высказывания респондентов в несколько повторяющихся смысловых блоков. Эти блоки, с одной стороны, обозначают наиболее болезненные точки в социально-психологическом самочувствии школьников, с другой – обнажают зоны профессиональных затруднений самих специалистов.

Результаты и обсуждения

На трудности в области социальной адаптации указали 33% участников интервью. Все, кто затрагивал данный момент, сошлись во мнении, что рубеж 13-14 лет выступает своего рода критической точкой, когда дезадаптивные поведенческие проявления становятся особенно заметными. В интервью неоднократно всплывала тема так называемых детей группы риска – тех, чье положение в ученической среде отличается шаткостью статуса, нехваткой зрелых способов совладания с трудностями и повышенной чувствительностью к навешиванию ярлыков. Хотя доля респондентов, поднявших этот вопрос, на первый взгляд не выглядит угрожающей, сам факт его устойчивого присутствия в интервью заставляет всерьез задуматься о необходимости профилактических мер, нацеленных именно на переходный отрезок от младшего к среднему подростничеству.

Наиболее явной темой, отмеченной 78% опрошенных, выступила тревожность обучающихся и выраженные затруднения в ее преодолении. Возрастной диапазон проявления тревожных состояний охарактеризован респондентами как аномально широкий: нижняя граница фиксируется уже в младшем школьном возрасте (около 9 лет). Столь раннее возникновение устойчивой фоновой тревоги опровергает представление о ней как исключительно атрибуте подросткового периода и указывает на системный характер средовых влияний. Отдельного упоминания заслуживает обеспокоенность одного из респондентов фактом внедрения в практику опросников детской депрессии: сама необходимость рутинного скрининга депрессивной симптоматики в начальной школе воспринимается специалистами как индикатор выраженного неблагополучия.

Половина опрошенных (50 %) в качестве ведущего фактора, продуцирующего тревожные состояния детей, назвали давление ближайшего окружения в сочетании с высокой личностной тревожностью родителей. По мнению педагогов и психологов, семейная система, транслирующая гиперконтроль и катастрофизацию, лишает ребенка возможности формировать автономные механизмы совладания.

Значимым результатом стала фиксация у 44% респондентов деструктивного влияния отдельных классных руководителей. По описаниям опрашиваемых, некоторые педагоги, начиная с начальной школы, непреднамеренно формируют среду фоновой тревоги за счет авторитарного или непоследовательного стиля общения, публичного порицания, непоследовательности требований и отсутствия навыков эмоциональной поддержки. Этот результат сопоставим с данными о дефиците инструментов создания безопасной среды и позволяет ставить вопрос о необходимости внедрения рефлексивных обучающих модулей, направленных на осознание педагогами собственных коммуникативных стратегий и их влияния на психологическое благополучие класса.

Большинство педагогов (67%) указали на отсутствие валидных, апробированных и ресурсосберегающих инструментов конструирования психологически безопасной образовательной среды. Подростковый возраст, согласно комментариям респондентов, накладывает дополнительную нагрузку: нормативные кризисные проявления (эмансипация, группирование, рисковое поведение) требуют от педагога значительных эмоциональных, временны́х и методических ресурсов, дефицит которых ведёт к профессиональному выгоранию и фрустрации. Таким образом, запрос на технологичность и методическую оснащённость выступает лейтмотивом интервью с учителями.

С целью уточнения репертуара совладающего поведения в подростковой выборке была использована методика «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С. Фолкман, адаптация Л.И. Вассерман). Наиболее проблемной зоной является стратегия самоконтроля – 50% подростков обращаются к ней редко, и лишь 7% демонстрируют выраженное предпочтение. Столь низкая востребованность целенаправленного подавления эмоций и сдерживания импульсивных реакций создает дефицит произвольной регуляции, что прямо корреспондирует с зафиксированной в интервью неспособностью преодолевать тревогу.

Около 70% выборки умеренно прибегают к дистанцированию, бегству-избеганию и положительной переоценке, что отражает возрастную склонность к интеллектуализации и фантазийному уходу. Однако у 14% опрошенных избегание достигает выраженного уровня, а у 18% - дистанцирование. Данные стратегии, выполняя краткосрочную защитную функцию, при длительном доминировании создают риск накопления неразрешённых трудностей и требуют мониторинга.

Существенным ресурсным ограничением является редкое обращение к социальной поддержке более чем у трети подростков (36%). В условиях, когда именно значимые взрослые и сверстники выступают ключевым буфером стресса, подобный дефицит свидетельствует либо о недоверии к социальному окружению, либо о несформированности коммуникативных навыков запроса помощи. Данный результат согласуется с мнением педагогов о недостатке инструментов создания психологически безопасной среды.

Принятие ответственности, предполагающее личностную рефлексию и признание собственного вклада в возникновение трудностей, в выраженной форме встречается лишь у 4% обследованных, тогда как у 43% - на уровне редкого использования. Это может объясняться как естественной для возраста незрелостью рефлексивных процессов, так и внешними условиями, в том числе неосознанным формированием педагогами среды с экстернальным локусом контроля.

Таким образом, копинг-профиль подростков характеризуется умеренностью с тенденцией к пассивно-избегающим и эмоционально-отстраняющим паттернам при дефиците самоконтроля, планирования и принятия ответственности.

Для определения уровня развития эмоционального интеллекта использовалась методика Н. Холла, позволяющая оценить как парциальные шкалы, так и интегративный показатель.

Анализ полученных данных позволяет выделить ряд системообразующих характеристик эмоционально-интеллектуальной сферы подростков. Наиболее выраженной и практически единодушной является тенденция к низким показателям по способности произвольного управления эмоциями: 71% обследованных обнаруживают низкий уровень, и лишь 7% достигают высокого. Это свидетельствует о критическом дефиците эмоциональной отходчивости, гибкости и саморегуляции, что прямо соотносится как с данными интервью о высокой тревожности и неспособности её преодолевать, так и с выявленным ранее редким использованием стратегии самоконтроля в совладающем поведении.

Способность распознавать эмоции других людей и воздействовать на их эмоциональное состояние также находится в зоне риска: низкий уровень зафиксирован у 64% подростков, высокий – лишь у 4%. Это создает существенные препятствия для эффективной межличностной коммуникации и конструктивного разрешения конфликтов, что в условиях школьной среды может усугублять явления дезадаптации.

По шкале эмоциональной осведомленности, предполагающей понимание и вербализацию собственных эмоций, более половины выборки (54%) демонстрируют низкий уровень, и только 7% – высокий. Данный результат указывает на бедность эмоционального словаря и недостаточную рефлексию внутренних состояний, что ограничивает возможности осознанной регуляции поведения.

Относительно более благополучными выглядят показатели эмпатии и самомотивации. По шкале эмпатии 43% подростков находятся на среднем уровне, а 11% - на высоком, что говорит о сохранной способности к сопереживанию у значительной части выборки, несмотря на общий эмоционально-регуляторный дефицит. Самомотивация распределилась поровну между низким и средним уровнями (по 46%), высокий уровень зафиксирован у 7%. Такая картина отражает переходный характер мотивационной сферы подростков, в которой управление поведением через эмоции ещё не приобрело устойчивости.

Интегративный показатель эмоционального интеллекта не достигает высокого уровня ни у одного испытуемого. Большинство подростков (68%) находятся на низком уровне, и только 32% - на среднем. Столь значительное смещение в сторону низких значений подтверждает общую несформированность эмоционально-интеллектуальных способностей в данном возрастном периоде и указывает на необходимость систематической развивающей работы, направленной на обогащение эмоционального опыта, обучение распознаванию и регуляции эмоций, формирование эмпатийного реагирования.

Таким образом, профиль эмоционального интеллекта обследованных подростков характеризуется выраженным дефицитом эмоциональной регуляции, осознания собственных эмоций и воздействия на эмоции других при относительной сохранности способности к сопереживанию.

Диагностика социально-психологической адаптации проводилась с помощью методики К. Роджерса и Р. Даймонд. Уровни эскапизма рассчитаны исходя из процентного отношения сырого балла к максимально возможному (20); границы: низкий <40%, средний 40-70%, высокий >70%.

Общий адаптационный профиль подростков может быть охарактеризован как преимущественно средне-высокий. По шкале «Адаптация» низкий уровень отсутствует (0%), средний выявлен у 82% обследованных, высокий – у 18%, что свидетельствует об успешном приспособлении к меняющимся условиям среды без выраженной адаптационной избыточности. По показателю «Принятие других» 68% демонстрируют средний уровень и 25% – высокий при минимальной доле низкого (7%), что отражает удовлетворительную способность выстраивать принимающие межличностные отношения.

По шкале «Самопринятие» обращает на себя внимание заметная доля высокого уровня (32%) при одновременно фиксируемом низком у 11% подростков. Дефицит самопринятия у данной подгруппы соотносится с выявленными ранее низкими показателями самоконтроля и эмоциональной осведомленности. Эмоциональная комфортность также демонстрирует поляризацию: 11% обследованных находятся в зоне низкого комфорта, что перекликается с данными интервью о высокой распространенности тревожности и подтверждается ограниченной способностью к произвольной регуляции эмоций.

Интернальность выступает наиболее развитым ресурсным фактором: высокий уровень зафиксирован у 50% выборки, средний – у остальных 50%, низкий отсутствует. Вместе с тем сопоставление со шкалой «Принятие ответственности» опросника копинг-стратегий обнаруживает противоречие: выраженное предпочтение данной стратегии встречается лишь у 4%, а редкое – у 43%. Следовательно, личностная установка на интернальность не в полной мере конвертируется в поведенческие паттерны совладания.

Показатели стремления к доминированию разделились практически поровну: высокий и низкий уровни зафиксированы у 21% подростков, средний – у 57%. Однако настораживает другое: высокое доминирование, когда оно соседствует со слабым самоконтролем и неумением считывать эмоции окружающих (см. п. 2.3), заметно повышает вероятность конфликтных форм поведения. Уровень эскапизма достиг высоких значений у 18% обследованных, что перекликается с данными по копинг-стратегии «Бегство-избегание» (14% выраженного предпочтения). По всей видимости, в данном случае уход в мир фантазий и отстранение от реальных трудностей выполняют защитную функцию, смягчая воздействие затяжной фоновой тревоги.

Складывается парадоксальная картина: общие показатели социально-психологической адаптации выглядят достаточно благополучными, однако при более внимательном рассмотрении обнаруживаются скрытые зоны неблагополучия. У каждого десятого подростка наблюдаются сниженное самопринятие и эмоциональный дискомфорт, почти каждый пятый склонен к эскапизму, а между интернальными установками и реальным совладающим поведением фиксируется заметный разрыв. Все это говорит о востребованности психолого-педагогической поддержки, которая была бы нацелена на выравнивание эмоционального фона, освоение продуктивных копинг-стратегий и постепенное сокращение избегающих реакций.

Выводы

Проведенное эмпирическое исследование позволило выявить системные особенности психологического функционирования подростков 13-14 лет, проявляющиеся на трех взаимосвязанных уровнях: совладающего поведения, эмоционального интеллекта и социально-психологической адаптации.

Установлено, что копинг-репертуар подростков характеризуется дефицитом стратегий, требующих произвольной эмоциональной регуляции и личностной рефлексии. Данные по эмоциональному интеллекту углубляют понимание выявленных копинг-дефицитов. Критически низкий уровень управления своими эмоциями обнаружен у 71% обследованных, низкая эмоциональная осведомлённость – у 54%, а низкая способность к распознаванию эмоций других – у 64%. Интегративный показатель эмоционального интеллекта ни у одного подростка не достигает высокого уровня. Социально-психологическая адаптация на первый взгляд выглядит благополучной, однако внутри этой нормативной картины скрыты латентные зоны уязвимости: у каждого десятого фиксируются сниженное самопринятие и эмоциональный дискомфорт, у 18% – высокий эскапизм. Совокупность полученных результатов согласуется с данными качественного анализа интервью педагогов и психологов, указавших на высокую распространенность тревожности у детей, неспособность ее преодолевать, а также на дефицит инструментов создания психологически безопасной среды и неосознанное формирование отдельными педагогами тревогогенной атмосферы. Выявленный профиль копинга и эмоционального интеллекта позволяет рассматривать указанные средовые факторы как значимые предикторы закрепления неадаптивных паттернов совладания.

Обобщая, можно заключить, что внешне удовлетворительная адаптация подростков маскирует глубинный дефицит эмоционально-регуляторных и рефлексивных способностей, склонность к избегающим стратегиям и недостаточную конвертацию интернальных установок в реальное поведение.

Полученные данные обосновывают необходимость внедрения в психолого-педагогическое сопровождение системных программ, направленных на развитие эмоционального интеллекта, формирование продуктивных копинг-стратегий, снижение избегающих тенденций и гармонизацию эмоциональной сферы подростков.

Список источников

1. Иванов И.И. Влияние информационно-психологических факторов на эмоциональное благополучие подростков в условиях геополитической нестабильности // Психологическая наука и образование. 2025. Т. 30. № 1. С. 10 – 20.
2. Иванова А.А. Рост тревожных и депрессивных состояний у детей младшего школьного возраста в условиях современной социальной нестабильности // Психологическая наука и образование. 2025. № 2. С. 15 – 25.
3. Кузнецов Д.Е. Суицидальные тенденции у детей и подростков: современные вызовы и подходы к профилактике // Социальная и клиническая психиатрия. 2024. Т. 34. № 1. С. 50 – 57.
4. Петров Б.В. Информационная перегрузка и сенсорная депривация как факторы нарушения эмоциональной саморегуляции подростков // Вопросы психологии. 2024. № 4. С. 45 – 53.
5. Осипова А.А. Эскапизм и избегающие стратегии у подростков: связь с тревожностью и семейными факторами // Психология и психотерапия семьи. 2023. № 3. С. 24 – 35.
6. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Изд-во МПСУ, 2022. 304 с.
7. Реан А.А., Новикова М.А. Социальная адаптация и дезадаптация подростков: факторы риска и защиты // Мир психологии. 2024. № 1 (116). С. 15 – 28.
8. Рубцов В.В., Марголис А.А. Коммуникативные риски цифровой образовательной среды и их влияние на эмоциональное благополучие обучающихся // Культурно-историческая психология. 2023. Т. 19. № 2. С. 4 – 16.
9. Сидоров В.Г. Эпидемиология депрессивных состояний и риски суицидального поведения у несовершеннолетних: обзор отечественных и зарубежных исследований // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2025. Т. 125. № 3. С. 78–84.
10. Смирнова Е.О., Веракса А.Н. Родительское давление и высокие ожидания как фактор снижения психологической защищённости младших подростков // Вопросы психологии. 2024. № 3. С. 45 – 56.
11. Тхостов А.Ш., Курбатова М.В. Влияние длительной геополитической напряжённости на психоэмоциональное состояние детей и подростков: обзор эмпирических данных // Национальный психологический журнал. 2025. № 1 (53). С. 70 – 84.
12. Ясвин В.А. Школьная среда как фактор эмоционального благополучия учащихся: параметры экспертизы и векторы развития // Известия Российской академии образования. 2024. № 1 (65). С. 88 – 102.

References

1. Ivanov I.I. The Impact of Information and Psychological Factors on the Emotional Well-Being of Adolescents in the Context of Geopolitical Instability. Psychological Science and Education. 2025. Vol. 30. No. 1. P. 10 – 20.
2. Ivanova A.A. The Growth of Anxiety and Depressive States in Primary School Children in the Context of Modern Social Instability. Psychological Science and Education. 2025. No. 2. P. 15 – 25.
3. Kuznetsov D.E. Suicidal Tendencies in Children and Adolescents: Modern Challenges and Approaches to Prevention. Social and Clinical Psychiatry. 2024. Vol. 34. No. 1. P. 50 – 57.
4. Petrov B.V. Information Overload and Sensory Deprivation as Factors in Impaired Emotional Self-Regulation in Adolescents. Voprosy Psychologii. 2024. No. 4. P. 45 – 53.
5. Osipova A.A. Escapism and Avoidance Strategies in Adolescents: Relationship with Anxiety and Family Factors. Psychology and Psychotherapy of the Family. 2023. No. 3. P. 24 – 35.
6. Prikhozhan A.M. Anxiety in Children and Adolescents: Psychological Nature and Age Dynamics. Moscow: Publishing House of Moscow State Pedagogical University, 2022. 304 p.
7. Rean A.A., Novikova M.A. Social Adaptation and Maladaptation of Adolescents: Risk and Protective Factors. Mir Psychologii. 2024. No. 1 (116). P. 15 – 28.
8. Rubtsov V.V., Margolis A.A. Communicative risks of the digital educational environment and their impact on the emotional well-being of students. Cultural and historical psychology. 2023. Vol. 19. No. 2. P. 4 – 16.
9. Sidorov V.G. Epidemiology of depressive states and risks of suicidal behavior in minors: a review of domestic and foreign studies. Journal of Neurology and Psychiatry named after S.S. Korsakov. 2025. Vol. 125. No. 3. P. 78 – 84.
10. Smirnova E.O., Veraksa A.N. Parental pressure and high expectations as a factor in reducing psychological security of younger adolescents. Questions of Psychology. 2024. No. 3. P. 45 – 56.

11. Tkhostov A.Sh., Kurbatova M.V. The Impact of Long-Term Geopolitical Tensions on the Psychoemotional State of Children and Adolescents: A Review of Empirical Data. National Psychological Journal. 2025. No. 1 (53). P. 70 – 84.

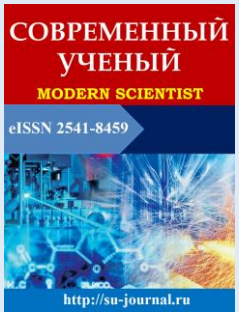
12. Yasvin V.A. School Environment as a Factor in Students' Emotional Well-Being: Expertise Parameters and Development Vectors. Bulletin of the Russian Academy of Education. 2024. No. 1 (65). P. 88 – 102.

Информация об авторах

Епихина К.А., Пензенский государственный университет, epikhinak@yandex.ru

Щербакова Н.Е., кандидат педагогических наук, доцент, Пензенский государственный университет, sten-yakova-n@mail.ru

© Епихина К.А., Щербакова Н.Е., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 372.8
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-404-411

Потенциал мультимедийных технологий в изучении башкирского и китайского языков

[1] Исянгулова Г.А., [1] Саньярова Р.Р., [1] Абдуллина И.С.

[1] Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: роль мультимедийных технологий в преподавании башкирского и китайского языков трудно переоценить. Дело не только в общих дидактических преимуществах цифровых инструментов. Обе языковые системы обладают выраженной спецификой, которая делает традиционные методы обучения явно недостаточными.

Мультимедийные технологии при системном, методически осмысленном применении – структурный элемент обучения башкирскому и китайскому языкам. Это элемент, компенсирующий дефицит языковой среды для башкирского, помогающий преодолеть барьер иероглифики и тональности китайского и формирующий у обучающихся привычку самостоятельному, мотивированному обращению языку за пределами школьного расписания.

Введение. Мультимедийные технологии давно перестали быть вспомогательным инструментом – сегодня они определяют саму логику построения образовательного процесса. Текст, звук, графика, анимация и видео, объединенные в единую обучающую среду, меняют то, как ученик воспринимает материал, как выстраивает связи между понятиями, как запоминает и воспроизводит знания.

В языковом образовании этот сдвиг особенно заметен: живая речь, интонация, культурный контекст – все то, что прежде было труднодоступным за пределами языковой среды, теперь входит в класс вместе с экраном и колонками.

Материалы и методы исследования. В качестве теоретической и методической основы работы выступают труды отечественных и зарубежных исследователей в области лингводидактики, педагогики и информационно-коммуникационных технологий.

В работе использовались традиционные для педагогических и методических исследований методы: анализ научной и методической литературы по теме работы; педагогическое наблюдение, изучение и обобщение передового педагогического опыта; описание и сопоставление методических подходов, систематизация материала; метод поиска и отбора примеров для подтверждения теоретических положений; моделирование учебной деятельности.

Результаты исследования. Представленные в работе методические приемы, описание конкретных ресурсов, сформулированные рекомендации могут непосредственно применяться учителями башкирского и китайского языков при подготовке уроков, разработке учебных пособий и программ спецкурсов, организации внеурочной деятельности.

Обсуждение и выводы. Мультимедийные технологии обладают значительным методическим потенциалом в преподавании башкирского и китайского языков – потенциалом, который раскрывается не сам по себе, а в руках профессионально подготовленного учителя. Выбор ресурса, его места на уроке, сочетание с другими методами, учет возрастных и языковых особенностей обучающихся требует методической компетентности и постоянного профессионального роста.

Ключевые слова: башкирский язык, китайский язык, мультмедийные технологии, приложение, веб-ресурс

Для цитирования: Исянгулова Г.А., Саньярова Р.Р., Абдуллина И.С. Потенциал мультимедийных технологий в изучении башкирского и китайского языков // Современный ученый. 2026. № 11. С. 404 – 411. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-404-411

Поступила в редакцию: 27 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The potential of multimedia technologies in teaching Bashkir and Chinese

[1] Isyangulova G.A., [1] Sanyarova R.R., [1] Abdullina I.S.

[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: the role of multimedia technologies in teaching the Bashkir and Chinese languages cannot be overestimated. It is not just about the general didactic advantages of digital tools. Both language systems have distinct characteristics that make traditional teaching methods insufficient.

Multimedia technologies, when used in a systematic and methodologically sound manner, are a structural element of teaching the Bashkir and Chinese languages. This element compensates for the lack of a language environment for the Bashkir language, helps to overcome the barrier of Chinese characters and tones, and develops in students a habit of independent and motivated language use outside of the school curriculum.

Introduction. Multimedia technologies have long ceased to be an auxiliary tool – today they determine the very logic of the educational process. Text, sound, graphics, animation and video, united in a single learning environment, change the way a student perceives the material, how he builds connections between concepts, how he memorizes and reproduces knowledge.

In language education, this shift is especially noticeable: live speech, intonation, cultural context – all that was previously inaccessible outside the language environment, now enters the classroom with a screen and speakers.

Materials and research methods. The work is based on the theoretical and methodological works of Russian and foreign researchers in the field of linguodidactics, pedagogy, and information and communication technologies.

The work uses traditional methods for pedagogical and methodological research, such as analyzing scientific and methodological literature on the topic, conducting pedagogical observations, studying and summarizing best practices, describing and comparing methodological approaches, and systematizing material. The work also includes the method of searching for and selecting examples to support theoretical statements, and modeling educational activities.

Research results. The methodological techniques presented in the work, the description of specific resources, and the formulated recommendations can be directly applied by teachers of the Bashkir and Chinese languages in the preparation of lessons, the development of teaching aids and special course programs, and the organization of extracurricular activities.

Discussion and conclusions. Multimedia technologies have a significant methodological potential in teaching the Bashkir and Chinese languages – a potential that is revealed not by itself, but in the hands of a professionally trained teacher. The choice of a resource, its place in the lesson, and its combination with other methods, as well as the consideration of the age and language characteristics of students, require methodological competence and continuous professional growth.

Keywords: the Bashkir language, the Chinese language, multimedia technologies, application, web resource

For citation: Isyangulova G.A., Sanyarova R.R., Abdullina I.S. The potential of multimedia technologies in teaching Bashkir and Chinese. Modern Scientist. 2026. 11. P. 404 – 411. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-404-411

The article was submitted: June 27, 2026; Approved after reviewing: July 25, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется следующими обстоятельствами. Башкирский и китайский языки занимают особое место в современной образовательной практике: первый – как язык коренного народа Республики Башкортостан, требующий сохранения и передачи следующим поколениям;

второй – язык глобального значения, востребованность которого в школьном образовании России неуклонно растет. Оба языка обладают выраженной фонетической и графической спецификой. Традиционные, «бумажные» методы обучения явно недостаточны. Башкирский язык требует регулярной слуховой практики; китайский – с тональной системой и иероглифической письменностью – буквально невозможно освоить без многократного аудиовизуального контакта с материалом.

Материалы и методы исследований

В качестве теоретической и методической основы работы выступают труды отечественных и зарубежных исследователей в области лингводидактики, педагогики и информационно-коммуникационных технологий. В отечественной науке особую роль сыграли работы Г.Г. Городиловой, Н.Д. Гальсковой, И.Г. Захаровой, О.А. Масловец, Р.К. Потаповой, Н.М. Синегубовой, С.В. Титовой, Е.С. Полат и др. Проблематика использования цифровых технологий в обучении китайскому языку отражена в исследованиях X. Lu и S. Liu. Теоретическую базу в части методики преподавания башкирского языка составили труды башкирских ученых-методистов М.И. Багаутдиновой, Г.Н. Ягафаровой, С.А. Тагировой и др., фундаментальные исследования в области педагогики, психологии и информационно-коммуникационных технологий.

В работе использовались традиционные для педагогических и методических исследований методы: анализ научной и методической литературы по теме работы; педагогическое наблюдение, изучение и обобщение передового педагогического опыта; описание и сопоставление методических подходов, систематизация материала; метод поиска и отбора примеров для подтверждения теоретических положений; моделирование учебной деятельности.

Результаты и обсуждения

Мультимедийные технологии открывают возможности для наглядного предъявления языкового материала, создания учебной среды, максимально приближенной естественной, развития всех четырех языковых навыков – аудирования, говорения, чтения и письма [1].

В сопоставительном аспекте применение данных технологий в изучении обоих языков одновременно особенно продуктивно: мультимедийные средства позволяют наглядно показать сходство и различие двух языковых систем, их культурную специфику, тем самым помочь учащемуся выстроить в сознании два разных, но взаимообогащающих образа мира. Учителям мультимедийные инструменты дают возможность разнообразить уроки, удерживать внимание учащихся и обеспечивать высокую активность на протяжении всего занятия.

Как утверждает М.С. Давлетшина, «применение мультимедийных технологий на уроках башкирского языка способствует совершенствованию методики преподавания родного языка, обогащению разных типов уроков, развитию интереса к обучению» [4, с. 77].

Компьютерные средства помогают решить целый ряд задач, прежде трудновыполнимых в рамках традиционного урока: создать среду сотрудничества между учеником и учителем, сформировать устойчивую положительную мотивацию учению, развить навыки самостоятельной работы, обеспечить индивидуальный темп усвоения языкового материала. Нельзя не учитывать и воспитательный потенциал: через мультимедийные ресурсы можно показать богатство и красоту башкирского языка, его историческое развитие и живое современное состояние, воспитывая у учащихся уважение и любовь к родному языку.

Интерактивные упражнения, виртуальные экскурсии, электронные словари и справочники наполняют урок новым содержанием и делают процесс усвоения знаний заметно интереснее. Использование интерактивной доски, системы моментального опроса «Вотум», интерактивной обучающей среды «Smart Notebook» совместно с электронными мультимедийными пособиями ощутимо сокращает время подготовки уроку.

В условиях городских башкирских школ значительная часть обучающихся не является носителями языка или происходит из смешанных семей. Мультимедийные технологии берут на себя функцию создания языковой среды, которой в повседневной жизни ученик лишен. С 1 класса, одновременно с обучением грамоте, необходимо формировать фонетические, орфографические и грамматические представления – именно здесь цифровые ресурсы становятся незаменимым подспорьем.

На уроках башкирского языка используется ряд традиционных ресурсов.

1. Интерактивная доска в кабинете башкирского языка открывает качественно новые возможности для организации коллективной работы. Лексика может быть представлена в виде тематической презентации, где слайды сменяются автоматически, а каждое слово появляется одновременно с картинкой и озвучкой.

2. Аудиотека, собранная в кабинете, с записями башкирских народных песен, сказок, образцов литературного чтения – материал, незаменимый при работе над произношением, интонацией и языковым чутьем.

3. Медиатека видеоматериалов – фрагменты спектаклей, документальных фильмов о башкирской культуре, видеозаписи уроков башкирской речи – это тот самый культурный контекст, без которого язык остается абстракцией.

4. Компьютерные презентации, создаваемые самими учителями под конкретный урок, ценны тем, что материал в них выстроен в нужной последовательности, рассчитан по времени и максимально соответствует задачам именно этого занятия.

В старших классах обучающиеся сами участвуют в создании медиатеки – разрабатывают презентации, снимают видеоролики, интерактивные задания; указанная деятельность развивает критическое мышление, умение работать с информацией и, одновременно, лингвистическую рефлексию.

Конкретные примеры применения мультимедийных технологий на уроках башкирского языка и литературы многообразны и охватывают самые разные этапы урока.

Например, показ видеофрагментов башкирских сказок в 5-6-х классах помогает учащимся почувствовать эпический дух произведения, зримо представить образы героев и понять основную идею [3, с. 43]. Медиатеки с записями башкирских народных песен, пословиц, сказок открывают возможность работы над интонацией и ритмикой языка, развивают эстетический вкус учащихся.

На уроках изучения нового материала компьютер позволяет предъявить большой объем информации – фотографии, портреты, картины, видеофильмы о писателях и поэтах, записи авторского чтения, биографические видеоматериалы.

Интерактивные тесты, кроссворды, головоломки, языковые игры эффективно применяются для закрепления лексического и грамматического материала, причем сама игровая форма существенно повышает вовлеченность учащихся.

Компьютер обеспечивает многоплановый контроль: тесты, диагностические работы, диктанты, изложения, сочинения – все это может организовываться в трех режимах: в демонстративном плане для всего класса, в индивидуальном режиме в компьютерном кабинете или с использованием интерактивной доски. Принципиально важно понимать: компьютер не заменяет учителя, а служит техническим средством; компетентность учащегося зависит не только от правильно подобранного ресурса, но и от педагогического мастерства, от умения направлять и поддерживать ученика.

Среди мультимедийных ресурсов для изучения башкирского языка особого внимания заслуживают специализированные мобильные приложения, разработанные с учетом специфики языка и возрастных особенностей пользователей.

Например, приложение «IQ БалаБаш» представляет собой интерактивный сервис, предназначенный для детей: в нем собраны 14 тематических категорий с 3D-анимацией и яркими рисунками, а главный герой – Барс – общается с пользователями исключительно на башкирском языке, создавая естественную языковую среду в игровой форме.

Приложение «ОС3. Инофон. Башкирский» ориентировано на изучение более 350 наиболее употребительных слов в игровом формате; простой и интуитивно понятный интерфейс делает его доступным даже для самых маленьких пользователей.

Программа «Әлифба» рассчитана на детей от 0 до 12 лет: в ней собраны башкирские слова с озвучкой букв и слов, а после «сборки» слова из букв на экране появляется соответствующая картинка – наглядный принцип, прекрасно работающий при формировании первичного словарного запаса.

Есть приложение «Әлләсе» – своеобразная электронная версия настольной игры «Алиас»: за короткое время нужно объяснить партнеру по команде как можно больше башкирских слов, не называя их напрямую и не используя однокоренные слова.

Разговорник «Сәләм» содержит свыше 1 500 часто употребляемых фраз и слов по различным жизненным ситуациям на башкирском и русском языках с озвучкой и функциями отработки.

Также активно используется приложение «BashWord», оно разработано профессиональными преподавателями и совершенствует навыки чтения, восприятия и понимания устной башкирской речи – всего за 10 минут в день, что делает его удобным для регулярного использования без специального времени в расписании.

Веб-ресурсы для изучения башкирского языка существенно расширяют возможности как урочной, так и самостоятельной работы.

Например, платформа «Интерактивный башкирский» размещает материалы для 34 тематических занятий: каждое из них включает видеоурок, упражнения, словарь, моделирование речевой ситуации и резуль-

таты зарегистрированных пользователей. Отдельными разделами на платформе представлены тематический словарь с функцией аудиовоспроизведения и краткая грамматика башкирского языка – удобный справочный модуль, к которому можно обращаться в любой момент работы.

Ресурс basic.bashlang.ru предлагает более 800 слов и фраз, распределенных по темам, с голосовым произношением и переводом на русский язык – формат, удобный для системного наращивания словарного запаса. На портале действуют базовый курс для начинающих и углубленный курс для продолжающих; задания в обоих случаях даются на башкирском языке, а углубленный курс дополнительно содержит 34 теста по каждой теме.

Совокупность перечисленных ресурсов образует достаточно полную экосистему для изучения башкирского языка на разных уровнях и в разных форматах – от игрового приложения для первоклассника до структурированного онлайн-курса для взрослого учащегося. Большинство из них разработано с учетом специфики башкирской фонетики и снабжено профессиональной озвучкой, которое особенно ценно для учащихся, лишенных возможности постоянного контакта с носителями языка.

На уроках китайского языка мультимедийные технологии решают задачи, которые традиционными методами решить практически невозможно.

Иероглифическая письменность требует визуальной памяти и точного воспроизведения порядка черт; тональная система требует безупречного слуха и умения различать звуки, не существующие в русском языке. Оба эти компонента замечательно поддаются мультимедийной презентации: видеоролики, демонстрирующие написание иероглифа черта за чертой, и аудиозаписи с четким произношением четырех тонов развивают навыки произношения.

Дети работают с интерактивными упражнениями на доске, опираясь на онлайн-словари и переводчики для работы с отдельными словами и фразами, знакомятся новыми словами с помощью интерактивных флэш-карточек [2, с. 97].

В старших классах мультимедийные технологии открывают возможности для серьезной проектной и исследовательской работы: обучающиеся создают мультимедийные презентации, снимают видеоролики на китайском языке, участвуют в онлайн-обменах с китайскими сверстниками.

Знакомство с новой лексикой на уроках китайского языка предполагает «активное использование мультимедийной презентации, которая может содержать для каждого иероглифа несколько компонентов: изображение, написание с анимированным порядком черт, аудиозапись правильного произношения с указанием тона, примеры употребления в контексте» [7, с. 25]. Формат предъявления нового слова задействует сразу несколько каналов памяти – зрительный, слуховой, кинестетический (при написании) – результат, несопоставимо более прочный, чем традиционное «прочитайте и запомните».

Во время объяснения грамматических правил анимированные схемы и таблицы наглядно показывают структуру китайского предложения: как функционируют счетные слова, как меняется смысл в зависимости от порядка слов.

Знакомство с китайской культурой через фотографии достопримечательностей, видеозаписи праздников и традиций, виртуальные экскурсии по городам Китая – тот страноведческий фон, без которого язык неизбежно остается мертвым набором правил. Короткометражные учебные мультфильмы и диалоговые видеоролики полезны для развития навыков аудирования, «погружения» в языковую среду, пусть и виртуально.

Мультимедийные технологии в обучении китайскому языку представлены несколькими ключевыми форматами: онлайн-платформы, мобильные приложения, интерактивные доски и геймификация.

1. Онлайн-платформа Yoyo Chinese предлагает интерактивную таблицу для тренировки аудирования, охватывающую все возможные слоги китайского языка и варианты их произношения; отдельный раздел посвящен видеоурокам для начинающих, где последовательно даются основы фонетики, иероглифики и грамматики.

2. Платформа Edutainment Chinese. Она объединяет интерактивные курсы, методические материалы, аутентичный аудио- и видеоконтент, тесты и симуляции экзаменационных заданий в едином цифровом пространстве.

3) Сервис FluentU. В нем есть видеозаписи с субтитрами в интерактивные языковые уроки: нажав на любое слово в субтитрах, учащийся мгновенно получает его изображение, определение, произношение и примеры употребления в других контекстах.

Среди мобильных приложений для изучения китайского языка выделяются несколько особенно функциональных инструментов.

1. HelloChinese предлагает интерактивные уроки по лексике и грамматике с возможностью прослушивать и повторять произношение через встроенное голосовое распознавание – технология, позволяющая ученику получить обратную связь о качестве собственного произношения.

2. Приложение ChineseSkill охватывает все аспекты языка: грамматику, лексику, произношение; система отслеживания прогресса помогает учащемуся видеть свои достижения и точки роста.

3. Программа Skritter. Специализируется на иероглифике: приложение обучает не только узнаванию, но и правильному написанию иероглифов через интерактивные упражнения на тренировку памяти руки.

4. Pleco – один из наиболее мощных электронных словарей для изучающих китайский: в нем есть функция распознавания иероглифов, написанных от руки, аудиофайлы с правильным произношением и режим тренажера на основе карточек.

5. Приложения Duolingo и Memrise основаны на принципах геймификации: система достижений, соревнование с другими пользователями, игровые задания по лексике и грамматике удерживают мотивацию на протяжении длительного времени [9, с. 57].

6. Quizlet, широко используемый при изучении китайского – незаменимый помощник системного наращивания словарного запаса через учебные карточки и разнообразные режимы упражнений; функция повторения по интервалам делает запоминание максимально эффективным.

Геймификация – использование игровых элементов в учебном процессе – занимает все более заметное место в методике преподавания китайского языка. Интерактивные приложения с системой достижений за выполнение уроков и соревновательными элементами одни из основ устойчивой внешней мотивации, которая постепенно трансформируется во внутренний интерес к языку.

Ролевые игры, реализованные через цифровые платформы, моделирование ситуаций в китайском ресторане, деловых переговоров, бытового диалога открывают возможность отработки коммуникативных навыков в контролируемой речевой обстановке. Соревновательные викторины по лексике и грамматике, скоростное чтение иероглифов, командные задания – все это поддерживает высокий темп урока и предотвращает монотонность.

Однако необходимо помнить: геймификация эффективна лишь в сочетании с другими методами обучения – чтением, аудированием, разговорной практикой. Превратив весь процесс изучения языка в игру, можно добиться внешней активности учащихся при нулевом реальном прогрессе в языковой компетенции.

К цифровым ресурсам, используемым в лингводидактике применительно китайскому языку, относятся:

– электронные словари – в том числе Pleco с функцией распознавания рукописных иероглифов; аутентичные материалы в мультимедийном формате;

– специальные учебные ресурсы (электронные учебники, интерактивные УМК, программы-оболочки; прикладные мобильные программы («Изучаем китайский язык», HelloChinese);

– средства синхронной и асинхронной коммуникации, как мессенджеры, видеоконференции, учебные группы в социальных сетях;

– учебные интернет-ресурсы на китайском языке; аудиотеки и видеотеки; электронные тренажеры [10, с. 54].

Данные ресурсы используются при различных формах организации деятельности: урочной, внеурочной, дистанционной, смешанной.

Смешанное обучение сегодня признается наиболее перспективной формой для изучения китайского языка: оно сочетает живое общение с учителем и применение мультимедийных технологий на уроке с самостоятельной работой и дополнительным общением в электронной среде [8, с. 41]. В условиях средней школы основными формами остаются урочная и внеурочная работа, однако дистанционный компонент – прежде всего в виде домашних заданий с применением цифровых ресурсов – становится все более значимым.

Мультимедийный кабинет китайского языка с интерактивной доской – особая образовательная среда, требующая специального оснащения. Как пишет О.А. Масловец, «интерактивная доска используется для организации групповой работы с иероглифами: преподаватель демонстрирует слайды с грамматическими упражнениями, группирует учащихся для коллективного выполнения заданий; лексика предъявляется в форме автоматически сменяющихся слайдов, где картинка, иероглиф и аудиопроизношение появляются одновременно; также видеоролики с порядком написания иероглифов, которые позволяют многократно прослеживают последовательность черт и одновременно прослушать произношение» [6, с. 79].

Среди недостатков мультимедийного обучения, которые не стоит замалчивать, – снижение доли групповых видов работы. Грамотное чередование видов деятельности, включение коллективных форм работы и

творческих заданий, не связанных с экраном, нейтрализует риски и помогают сохранить баланс между цифровым и «живым» обучением.

Тем не менее, при соблюдении методических и санитарных требований, применение мультимедийных технологий на уроках башкирского и китайского языков дает результат, достичь которого традиционными средствами крайне сложно. Как указывает И.Г. Захарова, данные технологии способствуют «активизации познавательной деятельности, повышению качественной успеваемости, развитию навыков самоконтроля, повышению уровня комфортности обучения, формированию информационно-коммуникационной компетентности» [5, с. 247].

Выводы

Итак, мультимедийные технологии обладают значительным методическим потенциалом в преподавании башкирского и китайского языков – потенциалом, который раскрывается не сам по себе, а в руках профессионально подготовленного учителя. Выбор ресурса, его места на уроке, сочетание с другими методами, учет возрастных и языковых особенностей обучающихся требует методической компетентности и постоянного профессионального роста.

Мультимедийные технологии в языковом обучении – это совмещение нескольких видов информации: текста, звука, изображения, видео и иногда анимации. С практической точки зрения различаются линейные материалы, ведущие класс по общей последовательности, и нелинейные среды, когда ученик сам выбирает маршрут и темп; по доступу расходятся офлайн-набор кабинета и онлайн-ресурсы, постоянно обновляющиеся и требующие отбора. По назначению цифровые средства обычно укладываются в несколько задач: введение и демонстрация языка, тренировка, контроль, моделирование речевых ситуаций, поддержка коммуникации в синхронном и отсроченном режиме. В школе мультимедиа закрепляется в трех рабочих режимах – фронтальная демонстрация, индивидуальная работа, коллективная работа у интерактивной панели, где обсуждение и коррекция остаются за учителем.

При обучении башкирскому языку на первый план выходит задача втянуть в говорение разноуровневый класс. Часть детей держится за русский как за язык повседневного общения, поэтому цифровые материалы ценны, когда они поддерживают слуховой образ нормы и быстро переводят ученика к коротким репликам, диалогам, пересказу. В обучении китайскому языку мультимедиа особенно уместно в узких, но решающих местах: связка звук –тон – значение – графика требует повторяемости, визуальные подсказки и тренажерный режим помогают удерживать порядок черт и точность произнесения без длительных пауз на уроках.

Список источников

1. Багаутдинова М.И., Ягафарова Г.Н. Использование новых технологий на уроках башкирского языка и литературы. Уфа: Педкнига, 2008. 204 с. (на башкирском языке)

2. Власова Н.Н., Колпачкова Е.Н., Сомкина Н.А. Онлайн-обучение восточным языкам: возможности и вызовы (по результатам внедрения программ электронного обучения китайскому языку) // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2019. № 3. С. 90 – 100.

3. Габитова З.М. Уроки развития речи. Уфа: Китап, 2009. 126 с. (на башкирском языке)

4. Давлетшина М.С. Методика преподавания башкирского языка. Уфа: Китап, 2010. 128 с. (на башкирском языке)

5. Захарова И.Г. Информационные технологии в образовании: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. Москва: АСТ, 2016. 204 с.

6. Масловец О.А. Основы обучения китайскому языку в вузе и в школе: теория и практика: учебное пособие. 2-е изд., исправл. Москва, 2017. 264 с.

7. Панина С.В., Алексеева Е.Е. Обучение китайскому языку в вузе посредством цифровых инструментов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2022. № 3 (27). С. 21 – 29.

8. Синегубова Н.М. Информационные технологии на уроках китайского языка. Москва: Маргинем, 2010. 210 с.

9. Liu S. Teaching the Chinese Language Remotely: Global Cases and Perspectives. Cham: Springer Nature, 2022. 391 p.

10. Fang S. The current situation and solutions to teaching Chinese with multimedia, Modern Education Technology and Chinese Teaching to Foreigners. Beijing: Beijing Press, 2012. 349 p.

References

1. Bagautdinova M.I., Yagafarova G.N. The use of new technologies in the lessons of the Bashkir language and literature. Ufa: Pedbook, 2008. 204 p. (in Bashkir language)
2. Vlasova N.N., Kolpachkova E.N., Somkina N.A. Online teaching of oriental languages: opportunities and challenges (based on the results of the implementation of e-learning programs for the Chinese language). Information Society: Education, Science, Culture and Technologies of the Future. 2019. No. 3. P. 90 – 100.
3. Gabitova Z.M. Speech development lessons. Ufa: Kitap, 2009. 126 p. (in Bashkir language)
4. Davletshina M.S. Methods of teaching the Bashkir language. Ufa: Kitap, 2010. 128 p. (in Bashkir)
5. Zakharova I.G. Information Technologies in Education: A Textbook for Students of Higher Pedagogical Educational Institutions. Moscow: AST, 2016. 204 p.
6. Maslovets O.A. Fundamentals of Teaching the Chinese Language at University and School: Theory and Practice: A Textbook. 2nd ed., revised. Moscow, 2017. 264 p.
7. Panina S.V., Alekseeva E.E. Teaching the Chinese Language at University Using Digital Tools. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy. 2022. No. 3 (27). P. 21 – 29.
8. Sinegubova N.M. Information Technologies in Chinese Language Lessons. Moscow: Marginem, 2010. 210 p.
9. Liu S. Teaching the Chinese Language Remotely: Global Cases and Perspectives. Cham: Springer Nature, 2022. 391 p.
10. Fang S. The Current Situation and Solutions to Teaching Chinese with Multimedia, Modern Education Technology, and Chinese Teaching to Foreigners. Beijing: Beijing Press, 2012. 349 p.

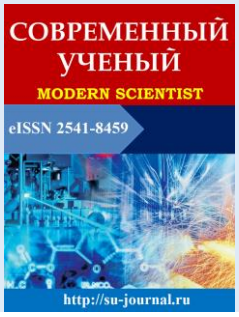
Информация об авторах

Исянгулова Г.А., Уфимский университет науки и технологий, igulnaz75@yandex.ru

Саньярова Р.Р., Уфимский университет науки и технологий, ramilya1612@yandex.ru

Абдуллина И.С., Уфимский университет науки и технологий, nara.1720036@yahoo.com

© Исянгулова Г.А., Саньярова Р.Р., Абдуллина И.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.034
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-412-420

Трансформация социального контекста для духовно-морального развития взрослеющей личности в условиях нестабильности: теоретический аспект

[1] Осипцов А.В., [1] Ускова А.Л., [1] Соколовский С.Л.

[1] Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко

Аннотация: статья посвящена теоретическому анализу трансформации социального контекста как ключевого фактора духовно-морального развития взрослеющей личности в условиях экзистенциальной нестабильности. Основное внимание уделяется тому, как радикальные изменения социальной ситуации развития (расширение и качественное переструктурирование зоны ближайшего развития, появление новых форм совместной деятельности и культурных орудий) создают принципиально иные условия для интериоризации высших нравственных функций. Методологической основой выступает культурно-исторический подход Л.С. Выготского, рассматриваемый как интегративная рамка, позволяющая объяснить механизмы перехода от интерпсихического к интрапсихическому плану морального сознания в кризисных условиях. В работе систематизируются основные направления трансформации социального контекста, раскрывается их влияние на ценностно-смысловую идентификацию студентов педагогических вузов и обосновывается необходимость переосмысления традиционных педагогических моделей в пользу динамичных, контекстно-ориентированных практик. Эмпирическая иллюстрация теоретических положений опирается на результаты пилотного эксперимента 2025-2026 учебного года (42 студента АГПУ им. П.Д. Осипенко), показавшего статистически значимый рост уровня моральной рефлексии на 32 %.
Ключевые слова: трансформация социального контекста, культурно-исторический подход Л.С. Выготского, зона ближайшего развития, духовно-моральное развитие взрослеющей личности, экзистенциальная нестабильность, интериоризация нравственных функций, совместная деятельность, культурные орудия, ценностно-смысловая идентификация, посттравматический рост, моральная рефлексия

Для цитирования: Осипцов А.В., Ускова А.Л., Соколовский С.Л. Трансформация социального контекста для духовно-морального развития взрослеющей личности в условиях нестабильности: теоретический аспект // Современный ученый. 2026. № 11. С. 412 – 420. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-412-420

Поступила в редакцию: 28 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 26 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Transformation of the social context for the spiritual and moral development of the emerging personality in conditions of instability: a theoretical aspect

[1] Osiptsov A.V., [1] Uskova A.L., [1] Sokolovsky S.L.

[1] Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko

Abstract: this article presents a theoretical analysis of the transformation of the social context as a key factor in the spiritual and moral development of the emerging personality under conditions of existential instability during the Special Military Operation of 2022-2026. The focus is on how radical changes in the social situation of develop-

ment – specifically, the expansion and qualitative restructuring of the zone of proximal development, as well as the emergence of new forms of collaborative activity and cultural tools – create fundamentally different conditions for the internalization of higher moral functions. The methodological foundation is L.S. Vygotsky's cultural-historical approach, which serves as an integrative framework explaining the mechanisms of transition from the interpsychological to the intrapsychological plane of moral consciousness in crisis conditions. The paper systematizes the main directions of transformation of the social context, reveals their impact on the value-meaning identification of students in pedagogical universities, and substantiates the need to rethink traditional pedagogical models in favor of dynamic, context-oriented practices. Empirical illustration is drawn from the pilot experiment of the 2025-2026 academic year (42 students of Azov State Pedagogical University), which demonstrated a statistically significant 32% increase in the level of moral reflection.
Keywords: transformation of social context, L.S. Vygotsky's cultural-historical approach, zone of proximal development, spiritual and moral development of the emerging personality, existential instability, internalization of moral functions, collaborative activity, cultural tools, value-meaning identification, post-traumatic growth, moral reflection

For citation: Osiptsov A.V., Uskova A.L., Sokolovsky S.L. Transformation of the social context for the spiritual and moral development of the emerging personality in conditions of instability: a theoretical aspect. Modern Scientist. 2026. 11. P. 412 – 420. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-412-420

The article was submitted: June 28, 2026; Approved after reviewing: July 26, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Специальная военная операция, начавшаяся в феврале 2022 года и продолжающаяся по настоящее время, стала мощным катализатором глубоких изменений не только в военно-политической и экономической сферах, но и в самой структуре социального контекста повседневной жизни российского общества. Для взрослеющей личности – студентов педагогических вузов, находящихся в стадии интенсивного профессионального и ценностного самоопределения, – эти изменения приобретают особую остроту. Среда профессионализации будущих педагогов перестала воспроизводить прежнюю устойчивость. Нормативные рамки и ролевые сценарии утратили однозначность. Коммуникативные связи приобрели высокую интенсивность, эмоциональный фон обострился. Механизмы трансляции культурного опыта перестраиваются в реальном времени. Студент функционирует не в заданной структуре, а в поле непрерывной пересборки социальных практик.

Представление о контексте как нейтральном фоне развития утратило аналитическую силу. Внешние условия сегодня работают как самостоятельный агент становления. Они не сопровождают обучение пассивно, а напрямую вмешиваются в смыслопорождение. Личные истории, контакты с очевидцами, плотный информационный поток и ежедневный выбор позиции генерируют конкретные моральные коллизии. Эти ситуации не гипотетичны. Они фиксируются в непосредственном опыте. Среда тем самым сдвигает границы зоны ближайшего развития [14]. Задачи, откладываемые в стабильный период на периферию, выдвигаются в ядро профессионального становления. Интериоризация нравственных регуляторов ускоряется. Она обретает глубину, недоступную при линейном усвоении теоретических схем. Однако сама по себе нестабильность не гарантирует позитивного духовно-морального роста. Без целенаправленной педагогической организации она может приводить к фрагментации ценностного сознания, усилению защитных механизмов или поверхностному адаптивному конформизму. Поэтому центральной теоретической задачей становится понимание механизмов трансформации социального контекста и выявление тех его новых характеристик, которые способны стать ресурсами для подлинного нравственного развития взрослеющей личности.

Настоящая статья предлагает теоретический анализ этих процессов строго в рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготского [2], рассматривая социальный контекст не как внешнюю данность, а как динамическую систему социальных отношений и культурных орудий, которые в условиях кризиса приобретают особую развивающую силу.

Материалы и методы исследований

Методологическим ядром настоящей статьи выступает культурно-исторический подход Л.С. Выготского [2]. В статье данный подход применяется как теоретический инструмент анализа трансформации социального контекста и его роли в развитии высших нравственных функций взрослеющей личности.

Согласно Л.С. Выготскому, социальный контекст не является нейтральным «фоном» или внешней средой, а выступает динамической системой социальных отношений, которые в процессе совместной деятельности и общения преобразуются в психические функции личности. В условиях экзистенциальной нестабильности этот контекст перестаёт быть относительно стабильной и предсказуемой структурой и превращается в интенсивно изменяющуюся социальную ситуацию развития. Именно эта трансформация, по мысли Выготского, радикально расширяет зону ближайшего развития [14] и создаёт новые возможности для интериоризации моральных норм, ценностей и рефлексивных механизмов, которые раньше могли формироваться значительно медленнее или оставаться поверхностными.

Основные методологические принципы исследования вытекают напрямую из культурно-исторической теории и адаптированы к задаче теоретического осмысления трансформации контекста:

1. Принцип культурно-исторического развития – социальный контекст всегда исторически конкретен. Период 2022-2026 годов представляет собой особую историческую ситуацию, в которой привычные социальные связи, формы общения и культурные средства приобретают новое качество и новое развивающее содержание.

2. Принцип общего генетического закона культурного развития – высшие нравственные функции (моральная рефлексия, совесть, ценностно-смысловая идентификация) в условиях нестабильности сначала разворачиваются как интерпсихические процессы в совместной деятельности студентов с «более компетентными другими» (преподавателями, ветеранами, сверстниками), а лишь затем становятся интрапсихическими регуляторами поведения и сознания.

3. Принцип опосредствования – трансформация социального контекста проявляется прежде всего в появлении и освоении новых культурных орудий (нарративы участников, этические кейсы военного времени, символические практики лабораторий БПЛА и защиты Родины, цифровые медиа-продукты патриотической направленности), через которые происходит перестройка нравственного сознания.

4. Принцип зоны ближайшего развития [14] – экзистенциальная нестабильность не разрушает, а качественно расширяет и переструктурирует ЗБР, делая её более напряжённой, эмоционально насыщенной и потенциально более продуктивной для нравственного роста, при условии грамотной педагогической организации сотрудничества.

5. Принцип ведущей роли обучения и сотрудничества в развитии – в условиях трансформированного контекста именно целенаправленно организованная совместная деятельность (рефлексивные мастер-классы, междисциплинарные кейс-анализы, проектная работа) опережает актуальный уровень нравственного развития и выводит личность на качественно новый уровень.

Для решения поставленных теоретических задач применялся комплекс методов: сравнительно-исторический и системно-структурный анализ научных источников по культурно-исторической психологии и педагогике; герменевтическая интерпретация ключевых понятий Выготского в контексте современной реальности; теоретическое моделирование механизмов трансформации социального контекста и его влияния на духовно-моральное развитие. Эмпирическая составляющая статьи носит иллюстративный характер и опирается на уже опубликованные результаты пилотного эксперимента 2025–2026 учебного года (42 студента АГПУ им. П.Д. Осипенко), в котором по адаптированной методике Л. Кольберга [3] был зафиксирован статистически значимый рост уровня моральной рефлексии на 32 %. Таким образом, методология исследования фокусируется именно на анализе социального контекста как самостоятельного и активно трансформирующегося фактора развития, что позволяет глубже раскрыть теоретические механизмы, лежащие в основе наблюдаемого в практике роста моральной рефлексии.

Результаты и обсуждения

В культурно-исторической теории Л.С. Выготского [2] центральным понятием, объясняющим влияние внешних условий на психическое развитие, является «социальная ситуация развития» – система отношений ребёнка (или взрослеющего человека) с социальной действительностью, которая определяет весь ход его психического развития на данном возрастном этапе. Для студентов педагогических вузов в период нестабильности эта ситуация претерпевает кардинальную трансформацию по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Круг значимых агентов социализации перестал ограничиваться академическим окружением. Преподаватели и однокурсники сохраняют влияние, но к ним подключаются носители непосредственного боевого и волонтёрского опыта. Ветераны, родственники мобилизованных, организаторы гуманитарных акций вводят в дискурс экзистенциально нагруженные нарративы. Учебные симуляции не способны воспроизвести их плотность. Совместная работа с такими партнёрами переводит общение на интерпсихический уровень.

Студенты не фиксируют чужие истории как внешний материал. Они включаются в совместное проживание моральных коллизий, что запускает механизм последующей интериоризации этических регуляторов.

Параллельно трансформируется знаково-символический инструментарий. Опосредующие средства адаптируются к текущей социальной конфигурации. В педагогический оборот вводятся этические кейсы с прямой отсылкой к реальным дилеммам, полевые свидетельства, мемориальные форматы, цифровые продукты патриотического содержания, материалы лабораторий беспилотных систем. Данные единицы утрачивают нейтральную дидактическую функцию. Они работают как активные медиаторы нравственного развития. Абстрактные ценности получают операциональное измерение, переводясь в конкретные поведенческие схемы и аффективные реакции.

Аффективный компонент ситуации развития уплотняется. Информационное присутствие конфликта, личные потери, необходимость ежедневного выбора позиции генерируют постоянное внутреннее напряжение. Среда теряет нейтральность. Именно в таких критических конфигурациях, согласно выготсковской логике, зона ближайшего развития [14] достигает максимального расширения. Возникает объективная потребность в новых формах сознательной регуляции. Напряжение трансформируется в ресурс развития. Интериоризация нравственных функций ускоряется, выходя за пределы стандартных мирных траекторий профессионализации.

Таким образом, трансформация социального контекста в условиях экзистенциальной нестабильности не является случайным или исключительно деструктивным процессом. С позиций культурно-исторического подхода [2] она представляет собой закономерное историческое изменение социальной ситуации развития, которое при правильной педагогической организации становится мощным ресурсом для качественного продвижения взрослеющей личности на более высокий уровень духовно-морального развития.

Культурно-исторический подход Л.С. Выготского [2] позволяет рассматривать трансформацию социального контекста не как хаотическое разрушение привычных условий развития, а как закономерный процесс перестройки системы социальных отношений, который создаёт новые механизмы формирования высших нравственных функций. Центральным здесь выступает общий генетический закон культурного развития: высшая психическая функция (в данном случае – моральная рефлексия, совесть, ценностно-смысловая позиция) появляется дважды – сначала как интерпсихическая, то есть в совместной деятельности и общении со «значимыми другими», а затем как интрапсихическая, становясь внутренним регулятором поведения и сознания личности [2].

В условиях экзистенциальной нестабильности интерпсихический этап приобретает особую интенсивность и качественное своеобразие. Трансформированный социальный контекст насыщает совместную деятельность студентов новыми содержаниями: живыми нарративами участников, реальными моральными дилеммами, которые невозможно «разыграть» в мирное время, и коллективными переживаниями общей судьбы. Студент уже не остаётся пассивным слушателем лекции по этике – он вступает в диалог с ветераном, анализирует кейс «Дрон и смешанная цель» вместе с одногруппниками и преподавателем, участвует в рефлексивном мастер-классе, где каждый голос имеет экзистенциальный вес. Именно эта совместная деятельность, опосредованная новыми культурными орудиями, становится тем «строительным материалом», из которого впоследствии формируется внутренний нравственный план личности.

Согласно принципу опосредствования, трансформация контекста проявляется в появлении и активном освоении принципиально новых культурных орудий, которые раньше либо отсутствовали, либо носили абстрактный характер. К ним относятся: нарративы и свидетельства участников боевых действий (рассказы, видеообращения, дневниковые записи); специализированные этические кейсы военного времени, сочетающие математическое моделирование и глубокий ценностный анализ; материальные и символические средства лабораторий БПЛА и защиты Родины (симуляторы, робототехнические комплексы, программные модели рисков); цифровые патриотические продукты и мемориальные практики, которые фиксируют коллективную память общества. Эти орудия выполняют двойную функцию: они одновременно являются инструментами познания современной войны и средствами нравственного развития.

Особое значение приобретает расширение и переструктурирование зоны ближайшего развития [14]. В стабильных условиях зона ближайшего развития студента педагогического вуза ограничивалась преимущественно академическими задачами и стандартными воспитательными мероприятиями. В трансформированном контексте она становится шире, эмоционально насыщеннее и потенциально более продуктивной. Появляются новые «более компетентные другие» – не только преподаватели, но и ветераны, волонтёры, представители общественных организаций. Сотрудничество с ними позволяет студентам преодолевать актуальный уровень моральной рефлексии и подниматься на следующий: от конвенционального понимания долга

к постконвенциональному, где нравственный выбор опирается на осознанную личную ответственность и ценностно-смысловую идентификацию с судьбой Отечества [14].

Одним из наиболее ярких проявлений трансформации социального контекста выступает появление и распространение новых форм совместной деятельности. Если в традиционном образовательном процессе преобладали формы, ориентированные на трансляцию готового знания (лекции, семинары, стандартные практикумы), то в современных условиях на первый план выходят деятельностные, рефлексивно-ориентированные и проектные формы, органично соединяющие техническую, этическую и экзистенциальную составляющие. В Педагогическом кванториуме имени Хавкина Азовского государственного педагогического университета им. П.Д. Осипенко такие формы уже прошли апробацию и показали свою эффективность [16]. Студенты не просто изучают теорию морали – они совместно разрабатывают вероятностные модели применения БПЛА, проводят многоуровневый этический разбор «смешанной цели», участвуют в междисциплинарных дискуссиях с ветеранами, где каждый участник выступает одновременно и субъектом, и объектом рефлексии. Эти формы деятельности соответствуют принципу ведущей роли обучения и сотрудничества: они опережают актуальный уровень нравственного развития и создают условия для интериоризации высших функций.

Культурно-исторический подход Л.С. Выготского [2] даёт возможность по-новому взглянуть на процессы ценностно-смысловой идентификации и посттравматического роста взрослеющей личности. В условиях трансформированного социального контекста эти процессы перестают быть исключительно индивидуальными переживаниями и становятся результатом целенаправленной совместной деятельности, опосредованной новыми культурными орудиями и расширенной зоной ближайшего развития [14]. Ценностно-смысловая идентификация функционирует в качестве высшей психической функции. её генезис опирается на интериоризацию социальных отношений. Механическое запоминание нормативных предписаний здесь не работает. В условиях институциональной стабильности процесс протекает инерционно. Трансформация социальной среды снимает эту инерцию, форсируя смысловое присвоение. Студент педагогического вуза сталкивается с категориями долга и ответственности не в теоретических курсах, а в прямой социальной практике. Диалог с носителями боевого опыта, разбор прикладных кейсов в лабораториях беспилотных систем, волонтёрские инициативы и рефлексивные сессии формируют полигон для перевода внешних императивов во внутренний регулятор.

Механизм посттравматического роста интегрируется в данную модель. Культурно-историческая парадигма исключает трактовку роста как индивидуальной адаптации. Он фиксируется как следствие интериоризации изменённых социальных связей в границах расширенной зоны ближайшего развития [14]. Деструктивные факторы не запускают развитие автоматически. Требуется внешняя медиация. Более компетентный партнёр направляет переструктурирование опыта через совместную рефлексию и освоение новых знаковых средств. Лаборатории Педагогического кванториума имени Хавкина выполняют роль соответствующей среды. Травматическое напряжение здесь не подавляется. Оно проходит процедуру смысловой проработки. Студент вместе с преподавателем и группой конвертирует аффект в осознанную этическую позицию. Полученный конструкт ложится в основу будущей педагогической стратегии.

Таблица 1

Сравнительный анализ трансформации социального контекста.

Table 1

Comparative analysis of the transformation of the social context.

Параметр	Мирное время	Период 2022-2026
Круг значимых агентов социализации	Преподаватели, однокурсники (академическое окружение)	Расширен за счёт ветеранов, волонтёров, семей военнослужащих, организаторов гуманитарных акций
Знаково-символический инструментарий	Учебники, стандартные семинары, формализованные дидактические средства	Этические кейсы военного времени, нарративы участников, практики лабораторий БПЛА и защиты Родины, цифровые патриотические продукты, мемориальные форматы
Аффективный компонент ситуации развития	Умеренная эмоциональная насыщенность, относительно стабильный фон	Высокая эмоционально-смысловая напряжённость; личные потери, ежедневный выбор позиции, экзистенциальные коллизии генерируют постоянное внутреннее напряжение

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Зона ближайшего развития (ЗБР)	Ограничена преимущественно академическими задачами и стандартными воспитательными мероприятиями	Качественно расширена и переструктурирована; более напряжённая, эмоционально насыщенная, открытая для ускоренного нравственного роста при грамотной педагогической организации
Формы совместной деятельности	Лекции, семинары, стандартные практикумы (трансляция готового знания)	Рефлексивные мастер-классы, междисциплинарные кейс-анализы, проектная работа в Педагогическом кванториуме с участием ветеранов; личностно-ориентированные формы
Влияние на интериоризацию нравственных функций	Линейное, инерционное усвоение; поверхностное принятие ценностей	Ускоренная интериоризация через интенсивное интерпсихическое взаимодействие, новые культурные орудия и расширенную ЗБР; переход к внутреннему присвоению ценностей

Примечание: таблица составлена автором на основе теоретического анализа в рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготского.
Note: the table was compiled by the author based on a theoretical analysis within the framework of L.S. Vygotsky's cultural-historical approach.

Эмпирические данные пилотного эксперимента 2025-2026 учебного года (42 студента АГПУ им. П.Д. Осипенко) подтверждают теоретические положения. По адаптированной методике Л. Кольберга [3] был зафиксирован статистически значимый рост уровня моральной рефлексии на 32 %. Участники отмечали не только усиление ответственности и эмпатии, но и появление более глубокого ощущения осмысленности своей жизни и будущей профессии. Многие студенты прямо связывали эти изменения с новыми формами совместной деятельности в кванториуме, где трансформированный социальный контекст позволил им перейти от поверхностного принятия ценностей к их внутреннему присвоению [16]. На рис. 1 наглядно представлена динамика уровней моральной рефлексии участников эксперимента.

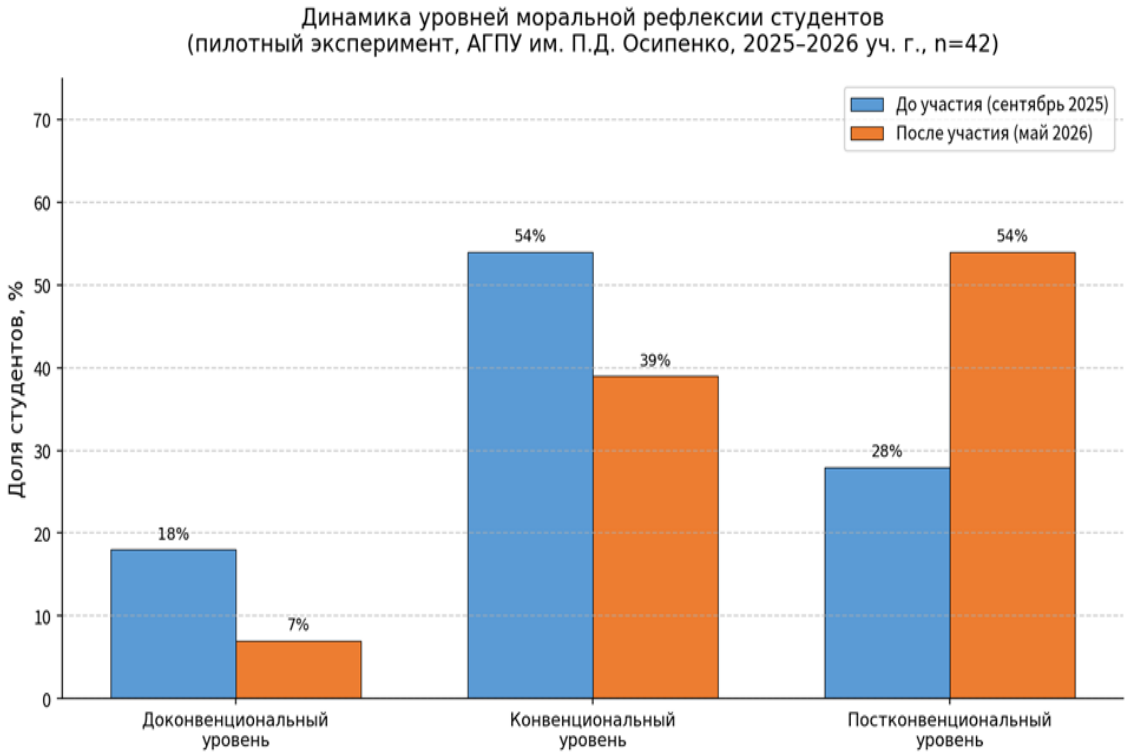


Рис. 1. Динамика уровней моральной рефлексии студентов по адаптированной методике Л. Кольберга (пилотный эксперимент, АГПУ им. П.Д. Осипенко, 2025-2026 уч. г., n=42).
Fig. 1. Dynamics of students' levels of moral reflection using the adapted method of L. Kohlberg (pilot experiment, ASPU named after P.D. Osipenko, 2025-2026 academic year, n=42).

Таким образом, в трансформированном социальном контексте ценностно-смысловая идентификация и посттравматический рост выступают не как случайные побочные эффекты кризиса, а как закономерные результаты действия механизмов культурно-исторического развития [2]. Экзистенциальная нестабильность перестаёт быть исключительно деструктивной силой и превращается в мощный развивающий фактор, при условии грамотной педагогической организации совместной деятельности и освоения новых культурных орудий.

Выводы

Проведённый теоретический анализ трансформации социального контекста в условиях экзистенциальной позволяет сформулировать ряд принципиально важных выводов в рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготского [2].

Во-первых, социальный контекст в условиях нестабильности перестаёт быть статичным «фоном» развития и превращается в активно трансформирующуюся социальную ситуацию развития. Эта трансформация проявляется в расширении круга значимых социальных партнёров, появлении новых культурных орудий и качественном переструктурировании зоны ближайшего развития [14]. Именно такие изменения создают предпосылки для ускоренной интериоризации высших нравственных функций – моральной рефлексии, совести и ценностно-смысловой идентификации.

Во-вторых, механизмы духовно-морального развития взрослеющей личности в трансформированном контексте подчиняются общим законам культурно-исторической теории [2]: интерпсихическое взаимодействие в совместной деятельности предшествует интрапсихическому плану регуляции поведения. Новые формы совместной деятельности (рефлексивные мастер-классы, междисциплинарные этические кейсы, проектная работа в лабораториях БПЛА и защиты Родины) выступают тем необходимым условием, которое переводит внешние социальные отношения во внутренние нравственные убеждения личности.

В-третьих, ценностно-смысловая идентификация и посттравматический рост в условиях нестабильности являются не случайными эффектами кризиса, а закономерным результатом грамотной педагогической организации трансформированного социального контекста. Эмпирические данные пилотного эксперимента 2025–2026 учебного года (рост моральной рефлексии на 32 % у 42 студентов АГПУ им. П.Д. Осипенко) подтверждают теоретическую продуктивность такого подхода [16].

Практические рекомендации сводятся к следующим направлениям:

- системное внедрение в образовательный процесс новых форм совместной рефлексивной деятельности с участием ветеранов и представителей волонтёрских организаций;
- дальнейшее развитие специализированных лабораторий (БПЛА, защиты Родины) как площадок интеграции технической подготовки и нравственной рефлексии;
- разработка междисциплинарных модулей, сочетающих культурно-историческую теорию [2] с анализом реальных моральных дилемм военного времени;
- регулярное проведение рефлексивных мастер-классов, направленных на поддержку посттравматического роста студентов.

Перспективы дальнейших исследований целесообразно сосредоточить на расширении эмпирической базы за счёт лонгитюдных исследований в других педагогических вузах России; разработке и валидизации новых диагностических инструментов для оценки динамики ценностно-смысловой идентификации; создании масштабируемых моделей педагогической организации социального контекста, применимых в различных регионах страны; изучении возможностей цифровых культурных орудий (виртуальные симуляции, патриотические медиа-продукты) как средств нравственного развития. Только системное и последовательное применение культурно-исторического подхода [2] к анализу и организации трансформированного социального контекста позволит педагогическим вузам достойно ответить на вызовы современности и подготовить учителей нового поколения – профессионалов, обладающих не только высокими компетенциями, но и глубокой духовно-нравственной зрелостью.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2026-0005, дополнительное соглашение № 073-03-2026-057/2 от 21.02.2026)

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7976.

2. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики / под ред. А.М. Матюшкина. Москва: Педагогика, 1983. 368 с.

3. Kohlberg L. The Psychology of Moral Development: The Nature and Validity of Moral Stages. San Francisco : Harper & Row, 1984. 720 p.

4. Караяни А.Г., Сыромятников И.В. Военная психология: учебник для специалистов психологической работы Вооруженных Сил Российской Федерации. Москва: Военный университет, 2016. 408 с.

5. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с немецкого В.В. Бибихина. Москва: Ad Marginem, 1997. 452 с.

6. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.И. Левиной. Москва : Политиздат, 1991. 527 с.

7. Марсель Г. К трагической мудрости и за её пределы // Марсель Г. Избранные произведения / перевод с французского. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. С. 247 – 312.

8. Сагалакова О.А. Нарушение произвольной регуляции психической деятельности как фактор формирования антивитальных переживаний // Психология и право. 2015. Т. 5. № 3. С. 78 – 89.

9. Бердяев Н.А. О назначении человека. Москва: Республика, 1993. 383 с.

10. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10-ти т. Т. 1. Москва: Русская книга, 1993. С. 39 – 282.

11. Франк С.Л. Духовные основы общества. Москва: Республика, 1992. 510 с.

12. Леонтьев Д.А. Психология смысла: истоки, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд. Москва: Смысл, 2024. 512 с.

13. Серых А.Б. Профессионально-педагогическая подготовка студентов в условиях социокультурных вызовов // Педагогика. 2023. Т. 87. № 12. С. 78 – 92.

14. Зарецкий В.К. Зона ближайшего развития: о чем не успел написать Выготский // Культурно-историческая психология. 2007. № 3. С. 5 – 18.

15. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 768 с.

16. Костина А.В. Традиционные ценности как основа цивилизационной идентичности России // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 4. С. 33 – 44.

17. Мельникова Л.В. Цивилизационные инварианты российской культуры // Обсерватория культуры. 2024. Т. 21. № 1. С. 13 – 23.

18. Шаповалова И.С. Традиционные ценности как нравственные ориентиры молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9. № 2. С. 59 – 70.

19. Осипов Г.В., Кара-Мурза С.Г. Традиционные ценности России: социологический анализ // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 3 – 15.

20. Эбзеев Б.С. Конституция Российской Федерации и духовно-нравственные ценности // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 3 – 10.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 46. Article 7976.

2. Vygotsky L.S. Collected Works: in 6 volumes. Vol. 3. Problems of Psyche Development. Edited by A.M. Matyushkin. Moscow: Pedagogy, 1983. 368 p.

3. Kohlberg L. The Psychology of Moral Development: The Nature and Validity of Moral Stages. San Francisco: Harper & Row, 1984. 720 p.

4. Karajani A.G., Syromyatnikov, I.V. Military Psychology: a textbook for specialists in psychological work of the Armed Forces of the Russian Federation. Moscow: Voyenny Universitet, 2016. 408 p.

5. Heidegger M. Being and Time. Translated from German by V.V. Bibikhina. Moscow: Ad Marginem, 1997. 452 p.

6. Jaspers K. The Meaning and Purpose of History: translated from German by M.I. Levina. Moscow: Politizdat, 1991. 527 p.

7. Marcel G. Toward Tragic Wisdom and Beyond. Marcel G. Selected Works. translated from French. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003. P. 247 – 312.

8. Sagalakova O.A. Violation of Voluntary Regulation of Mental Activity as a Factor in the Formation of Anti-Vital Experiences. Psychology and Law. 2015. T. 5. No. 3. P. 78 – 89.

9. Berdyaev N.A. About the purpose of a person. Moscow: Republic, 1993. 383 p.

10. Ilyin I.A. The path of spiritual renewal. Ilyin I.A. Collected works: in 10 volumes. T. 1. Moscow: Russian Book, 1993. P. 39 – 282.

11. Frank S.L. Spiritual foundations of society. Moscow: Republic, 1992. 510 p.

12. Leontyev D.A. Psychology of meaning: origins, structure and dynamics of semantic reality. 4th ed. Moscow: Smysl, 2024. 512 p.

13. Serykh A.B. Professional and pedagogical training of students in the context of socio-cultural challenges. Pedagogy. 2023. Vol. 87. No. 12. P. 78 – 92.

14. Zaretsky V.K. Zone of proximal development: what Vygotsky did not have time to write about. Cultural-historical psychology. 2007. No. 3. P. 5 – 18.

15. Asmolov A.G. Cultural-historical psychology and the construction of worlds. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO MODEK, 1996. 768 p.

16. Kostina A.V. Traditional values as the basis of Russia's civilizational identity. Knowledge. Understanding. Skill. 2022. No. 4. P. 33 – 44.

17. Melnikova L.V. Civilizational Invariants of Russian Culture. Observatory of Culture. 2024. Vol. 21. No. 1. P. 13 – 23.

18. Shapovalova I.S. Traditional Values as Moral Guidelines of Young People. Scientific Result. Sociology and Management. 2023. Vol. 9. No. 2. P. 59 – 70.

19. Osipov G.V., Kara-Murza S.G. Traditional Values of Russia: Sociological Analysis. Sociological Research. 2023. No. 4. P. 3 – 15.

20. Ebzeev B.S. The Constitution of the Russian Federation and Spiritual and Moral Values. Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 12. P. 3 – 10.

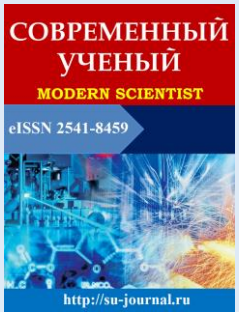
Информация об авторах

Осипцов А.В., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой физического воспитания, спорта и естественно-научных дисциплин, Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко, osipcov_andrey@mail.ru

Ускова А.Л., кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой психолого-педагогического, специального и эстетического образования, Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко, alenauskova77@mail.ru

Соколовский С.Л., старший преподаватель, Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко, sokolovsky@azgpu.ru

© Осипцов А.В., Ускова А.Л., Соколовский С.Л., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 796.355
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-421-425

Сравнительный анализ основных философских воззрений Мен-цзы и Сюнь-цзы с точки зрения концепции современного образования

[1] Сидоренко А.С., [1] Плотникова С.С.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: целью данной работы являлось сравнение философских взглядов двух последователей Конфунцианства Мэн-цзы и Сюнь-цзы на проблему природы и сущности человека, вопросы и цели образования и политическое устройство Китая. Подходы двух рассматриваемых философов существенно различались. Если Мэн-цзы был приверженцем классического направления в конфуцианстве, где первоначалом считались врожденные качества добродетели человека и, то согласно Сюнь-цзы образование и развитие духовности человека являлось необходимым инструментом для обуздания изначально злой природы человеческой сущности. Несмотря на противоположность взглядов философские суждения Мэн-цзы и Сюнь-цзы оказали большое влияние на дальнейшую политическую и социальную жизнь Китая и являются актуальными и в настоящее время с точки зрения современного образования и воспитания молодежи.
Ключевые слова: древнекитайская философия, Конфунцианство, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, взгляды, образование

Для цитирования: Сидоренко А.С., Плотникова С.С. Сравнительный анализ основных философских воззрений Мен-цзы и Сюнь-цзы с точки зрения концепции современного образования // Современный ученый. 2026. № 11. С. 421 – 425. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-421-425

Поступила в редакцию: 30 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

A comparative analysis of the main philosophical views of Mencius and Xunzi from the point of view of modern education

[1] Sidorenko A.S., [1] Plotnikova S.S.

[1] Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: the purpose of this work was to compare the philosophical views of two followers of Confucianism, Mencius and Xunzi, on the problem of the nature and essence of man, the issues and goals of education and the political structure of China. The approaches of the two philosophers differed significantly. If Mencius was an adherent of the classical direction in Confucianism, where the innate qualities of human virtue were considered the beginning, then according to Xunzi, the education and development of human spirituality was a necessary tool for curbing the initially evil nature of human essence. Despite the contrasting views, the philosophical opinions of Mencius and Xunzi had a great influence on the subsequent political and social life of China and are still relevant today from the point of view of modern education and upbringing of youth.
Keywords: ancient Chinese philosophy, Confucianism, Mencius, Xunzi, views, education

For citation: Sidorenko A.S., Plotnikova S.S. A comparative analysis of the main philosophical views of Mencius and Xunzi from the point of view of modern education. Modern Scientist. 2026. 11. P. 421 – 425. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-421-425

The article was submitted: June 30, 2026; Approved after reviewing: July 27, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

«Как бурные воды двух великих китайских рек Янцзы и Цзялинцзян, соединяясь в единое русло не перетекают друг в друга, а продолжают идти рядом, не позволяя одна другой поглотить себя, продолжаясь отдельными частями единого целого, так и учения великих китайских мудрецов Мен-цзы и Сюнь-цзы, являясь единой и неделимой составляющей конфуцианской традиции, не перетекают друг в друга в понимании сущности человеческой природы, её первоначала и основ бытия». А. Сэн [8].

Созданное Конфуцием в VI до н.э. в период Чуньцю учение пришлось на время глубоких социальных и политических потрясений Древнего Китая и затрагивало такие важные вопросы как сосуществование в обществе граждан разного социального положения, взаимоотношения правителей и подчиненных, моральные аспекты поведения человека, его духовное и физическое развитие. В основе духовных практик и физических упражнений основной акцент Конфуцианства делался на достижение объединения Инь и Ян гармонии духа и тела, т.е. на поиск «золотой середины» [7]. Поэтому неудивительно, что уже уже в эпоху династии Хань Конфуцианство становиться официальной государственной идеологией, а конфуцианские нормы и ценности нашли признание в обществе и до наших дней отределяют политические, социальные и моральные устои китайского народа. В императорском Китае конфуцианство играло роль основной религии и принципа организации государства свыше двух тысяч лет в почти неизменном виде, вплоть до начала XX века, когда данное учение трансформировалось в «три народных принципа» Китайской Республики [1]. Идеи Конфуция очевидно не получили бы такого развития, если бы не были поддержаны и развиты его многочисленными учениками, которые при сохранении базовых положений образовали множество направлений со своим особым мировоззрением [8]. На стыке VI и III веков до н.э. основными духовными наследниками Конфуция считаются два мыслителя Мэн-цзы и Сюнь-цзы.

Материалы и методы исследований

Основными при проведении данной работы являлись теоретические методы исследования: обзор актуальной научной и исторической литературы по вопросу исследования, сравнительный анализ, интерпритация и сопоставление полученной информации.

Результаты и обсуждения

Мэн-цзы, основное творчество которого пришлось на конец VI века до н.э. считается вторым после Конфуция создателем Конфуцианства, который сумел продолжить и преумножить многие традиции учителя. Основной текст, благодаря которому и стала известна основа философской мысли Мэн-цзы, так и называется – Мэн-цзы т.е. «Писания учителя Мэна» [6]. Сюнь-цзы, живший позже Мэн-цзы в середине III века до н.э. как бы подытоживает ранний классический период развития конфунцианской мысли. Учение Сюнь-цзы сумело аккумулировать уже существующие знания не только классического Конфуцианства, но и лучшие идеи как предшествующих, так и современных философу школ китайской мысли [1].

Будучи оба приверженцами Конфуцианства Мен-цзы и Сюнь-цзы, тем не менее, предлагали существенно различающиеся взгляды на природу человека и пути к достижению добродетели. Эти различия сформировали значительную часть последующей конфуцианской мысли и оказали влияние на политическую и социальную теорию Китая.

Мен-цзы утверждал мысль о изначально доброй природе человека, который рождается с "четырьмя началами" добродетели: человеколюбием, справедливостью, благопристойностью и мудростью. Эти начала, подобно росткам, необходимо взращивать и развивать через физическое и духовное воспитание и самосовершенствование. Греховность же, по мнению Мен-цзы, возникает из-за недостаточного развития этих начал под влиянием негативных внешних факторов. Таким образом, следует изменять мир, ограждая человека от его негативных проявлений [2].

Сюнь-цзы, напротив, прославился своим антропологическим минимализмом, утверждая и придерживаясь мнения, о изначально злой природе человека. Ибо именно эгоизм человека и его стремление к удовле-

творению своих желаний губят благопристойность и приводят к конфликтам и хаосу в мире. Поэтому, согласно Сюнь-цзы, необходимо духовно лечить человека, а добродетель достигается не путем раскрытия врожденных благих качеств которых не существует, а путем преодоления данной людям злой природы через строгое воспитание, законы и ритуалы [1].

Оба философа признавали важность образования и самосовершенствования, но их методы на него существенно различались, согласно вышеупомянутому расхождению взглядов. Мен-цзы видел в образовании способ раскрытия и усиления врожденной добродетели, и призывал человека развивать и совершенствовать свои врождённые таланты, чтобы добиваться гармонии внутри себя и социальной гармонии. Цель воспитания - формирование добрых людей, обладающих высокими моральными качествами [9].

Развивая своё учение Мэн-цзы исходит из примата идеального начала Ли (ритуал) – вечного и неуничтожимого принципа Вселенной. Т.е. природа человека изначально определена «Небом», волю которого выражает и исполняет мудрый государь – «Сын неба». Познать сущность человека – значит познать предначертания неба, ибо «*Кто познает свою природу, тот познает небо. Сохранять свои умственные способности, заботиться о своей природе – это путь служения небу*» [3, с. 246]. Человек обладает определенным потенциалом знаний, заложенным божественным началом. Имея эти базовые врожденные знания, он может найти ответы на все вопросы жизни, определить причины своих ошибок и неудач, не выражая при этом негодования по поводу царящей в обществе социальной несправедливости и не испытывая ненависти к своим господам, ибо социальное неравенство допускается «небесной волей».

Сюнь-цзы также считал образование необходимым инструментом развития духовности человека, но для обуздания его злой природы и формирования добродетельных граждан. Сюнь-цзы категорически отвергает существование мирового творца, высказывая мысль что «*небо это не мистический верховный владыка, а совокупность естественных явлений. Небо и земля – начало всего живого; ритуал и чувство долга – начало порядка; совершенный человек – начало ритуала и чувства долга*» [4]. По мнению философа не врожденное знание, а способность человека к познанию есть врожденное свойство человека. А в процессе воспитания и обучения необходимо учитывать способности и индивидуальные особенности учеников.

Если согласно Мэн-цзы основа познания не чувственные восприятия и ощущения, а свидетельства разума, то Сюнь-цзы полагает, что познание начинается со свидетельств органов чувств, но правильное и всестороннее представление рождается только в результате размышления над данными чувственного опыта. В данном аспекте представленные учения можно рассматривать как предтечу эмпиризма и теоретизма в понимании законов природы и человека [10].

Различия в понимании сути человеческой природы привели к различию взглядов на политическое устройство. В политической жизни Мен-цзы выступает за идею гуманного правления, смягчение наказаний, уменьшение налогов, улучшение качества сельскохозяйственных работ, более бережное отношение к природным богатствам [5]. В установленной Мэн-цзы шкале приоритетов «народ является ценнейшим, духи земли и злаков следуют за ним, а правитель является наименее ценным». Выдвигается идея приоритета народа перед своим правителем. «*Только завоевав расположение народа можно стать сыном неба*» [3, С. 247]. Мен-цзы выступал за правление с опорой на моральные принципы и заботу о народе, считая, что правитель должен быть образцом добродетели.

Сюнь-цзы, наоборот, подчеркивал необходимость строгих законов и наказаний для поддержания порядка и сдерживания эгоистичных устремлений людей, за счет деспотического правления, если оно способствует благосостоянию народа. Однако он также считал что успешное государственное управление, процветание и могущество зависят от морально-волевых качеств правителя [5]. Говоря об особенности конфуцианской доктрины Сюнь-цзы, можно сделать вывод, что его философия стала отражением сложившейся социально-политической ситуации, вдумчивым современником и аналитиком которой он был.

Если бескомпромиссность и страстное отстаивание конфуцианской идеологии Мэн-цзы были оценены представителями китайского общества, то Сюнь-цзы» не был включен в конфуцианский канон. К сожалению, его труды, в отличие от сочинений Мэн-цзы, не были по достоинству оценены ни его современниками, ни позже, ни в наши дни. Сюнь-цзы, стоящему особняком в конфуцианской школе, к сожалению, следовало бы сетовать на историческую несправедливость, которая, в его случае, не расставила все по своим местам и не нашла последователей. В то же время, нельзя не понимать ту громадную роль, которую сыграл Сюнь-цзы в развитии и процветании конфуцианства. Он сумел реанимировать великую доктрину и представить ее в обновленном виде, соответствующем духу своего времени.

Учения Мэн-цзы и Сюнь-цзы интересны нам, в первую очередь, с точки зрения, сравнения современной российской и советской системы высшего образования и управления процессом получения знаний. Советская система, построенная на унификации знаний и часто общей стандартной траектории обучения, пред-

полагала в большей степени командно-административное управление и высокую степень подчинения студентов преподавателю, что соответствовало представлениям Сюнь-цзы о способах управления коллективом и задачах образования по искоренению изначально врождённых отрицательных качеств обучаемых. Преимуществами данной системы являлось овладение обучаемыми глубокими фундаментальными знаниями в разных областях и высокая моральная составляющая образовательного процесса, с другой стороны, наблюдались определённые недостатки в установлении ограничительных рамок относительно состава и методов освоения материала.

Современная российская система, основанная больше на партнёрских отношениях между наставником и обучаемыми, на чем настаивал Мен-цзы, предлагает студентам широкие возможности по индивидуализации траектории и методов обучения, с целью эффективного развития их врожденных предрасположеностей к тем или иным формам знания и развитию заложенных природой положительных моральных качеств. Однако при таком подходе к обучению возрастает уровень ответственности самих занимающихся за конечный результат своей работы, что для определённой части из них является проблемой. К тому же при углубленном изучении какой-либо более узкой области, существует риск того, что обучаемые не смогут получить базовые знания более широкого спектра.

Таким образом, каждая из представленных образовательных систем имеет свои сильные и слабые стороны и если следовать китайской мудрости, то наиболее оптимальным вариантом в данной ситуации является поиск «золотой середины», когда от каждой из них следует брать её положительные стороны и отекать то, что кажется устаревшим и не актуальным. В любом случае, вне зависимостей от особенностей образовательной системы, следуя постулатам китайских мудрецов, определяющая роль в обучении отводится педагогу, его профессионализму, мудрости и авторитету.

Выводы

Несмотря на противоположность взглядов философские суждения Мэн-цзы и Сюнь-цзы оказали большое влияние на дальнейшую политическую и социальную жизнь Китая. Объединение таких диаметрально различающихся позиций по основным вопросам бытья человека и существования человеческого общества позволило китайцам лучше понимать друг друга и добиваться гармонии в человеческих взаимоотношениях, быть более терпимыми друг к другу несмотря на существующие между людьми различия и представления о сущем. Учения Мэн-цзы и Сюнь-цзы оказали влияние на процесс образования и воспитания, позволили оценить потенциал человека с разных точек зрения и шире применять различные методы и формы обучения в разных сферах образовательной деятельности.

Список источников

1. Германович А.А. Педагогическое наследие Сюнь-цзы // История зарубежного образования и педагогики, 2017. № 11. С. 147 – 158.

2. Дёмин Р.Н. Мэн-цзы о природе речений и Аполлон как бог-диалектик // Материалы конференции «Россия – Восток-Запад: компаративные проблемы современной философии». СПб., 2004. С. 66 – 71.

3. Древнекитайская философия. М.: Мысль, 1972. 363 с.

4. Караев Э.Т. Концепция о добродетельном управлении государством в философии Мэн-цзы и Сюнь-цзы // Вектор научной мысли. 2025. № 12 (29). С. 376 – 378.

5. Караев Э.Т. Проблема политического лидерства в конфуцианской теории Сюнь-цзы // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 11 (68). С. 576 – 582.

6. Ломанов А.В. О концепции разделения труда в учении Мэн-цзы // Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. I. М., 1988. С. 104 – 106.

7. Сидоренко А.С. Сравнительный анализ философии игры в ножной мяч в странах Европы и Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 168 – 175.

8. 孟子诠释学与儒家思想的现代意义 以“以意逆志”为例 // 04-05 июня 2025 года, 2025. P. 57 – 60.

9. Liu J., Xu H. Confucius’ Thought on Ren and Its Value for Modern Education // International Confucian Studies. 2026. № 10. P. 71 – 77.

10. Tang Z., Li X. Juedi Tiantong: The Religious Basis of the Relationship between Tian and Man in Ancient China // Religions. 2024. № 15. P. 477 – 492.

References

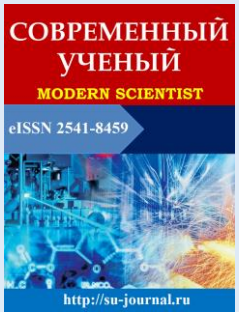
1. Germanovich A.A. Pedagogical Legacy of Xun Tzu. History of Foreign Education and Pedagogy, 2017. No. 11. P. 147 – 158.
2. Demin R.N. Mencius on the Nature of Sayings and Apollo as a Dialectical God. Proceedings of the Conference "Russia – East-West: Comparative Problems of Modern Philosophy". St. Petersburg, 2004. P. 66 – 71.
3. Ancient Chinese Philosophy. Moscow: Mysl, 1972. 363 p.
4. Karaev E.T. The Concept of Virtuous Governance in the Philosophy of Mencius and Xun Tzu. Vector of Scientific Thought. 2025. No. 12 (29). P. 376 – 378.
5. Karaev E.T. The Problem of Political Leadership in the Confucian Theory of Xunzi. Science Bulletin. 2023. Vol. 4. No. 11 (68). P. 576 – 582.
6. Lomanov A.V. On the Concept of Division of Labor in the Teachings of Mencius. Nineteenth Scientific Conference "Society and State in China". Part I. Moscow, 1988. P. 104 – 106.
7. Sidorenko A.S. Comparative Analysis of the Philosophy of the Game of Football in the Countries of Europe and Southeast Asia. Bulletin of Tomsk State University. 2023. No. 487. P. 168 – 175.
8. **孟子**诠释学与儒家思想的现代意义以**"以意逆志"**为例. June 04-05, 2025, 2025. P. 57 – 60.
9. Liu J., Xu H. Confucius' Thought on Ren and Its Value for Modern Education. International Confucian Studies. 2026. No. 10. P. 71 – 77.
10. Tang Z., Li X. Juedi Tiantong: The Religious Basis of the Relationship between Tian and Man in Ancient China. Religions. 2024. No. 15. P. 477 – 492.

Информация об авторах

Сидоренко А.С., кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, thesis@internet.ru

Плотникова С.С., кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, sveta_plotnikova1963@mail.ru

© Сидоренко А.С., Плотникова С.С., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.046.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-426-432

Мониторинг профессиональных компетенций сотрудников с использованием автоматических онлайн платформ: преимущества и ограничения

[1] Смирнов А.А., [1] Власова В.К.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: инновационные подходы к аттестации персонала в организациях способствуют формированию особой среды для определения областей необходимых для непрерывного повышения квалификации сотрудников и стимулируют их личную заинтересованность в самосовершенствовании.
Анализ недостаточности компетенций сотрудников крайне важен для определения вектора их профессионального развития.
В статье анализируется один из самых популярных методов оценки профессиональных компетенций сотрудников – это тестирование с использованием автоматизированных онлайн платформ. Целью исследования является определение последовательных шагов для организации и проведения тестирования с использованием онлайн платформ на примере банковских организаций. В рамках работы дан анализ возможности использования результатов тестирования как самостоятельного метода для оценки профессиональных компетенций, выступать в качестве индикатора профессионального роста среди сотрудников. Выявлены ограничения в применения тестирования, а также его сильные и слабые стороны. Определены факторы, влияющие на повышение результативности при проведении тестирования. В результате предложен авторский алгоритм проведения тестирования, состоящий из восьми этапов. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования выводов, полученных в результате настоящего исследования, при проведении тестирования сотрудников.
Ключевые слова: оценка персонала, банковская сфера, повышение квалификации, обучение персонала, тестирование, компетенции, мотивация, развитие персонала

Для цитирования: Смирнов А.А., Власова В.К. Мониторинг профессиональных компетенций сотрудников с использованием автоматических онлайн платформ: преимущества и ограничения // Современный ученый. 2026. № 11. С. 426 – 432. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-426-432

Поступила в редакцию: 2 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 августа 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Monitoring the professional competencies of employees using automated online platforms: advantages and limitations

[1] Smirnov A.A., [1] Vlasov V.K.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: innovative approaches to personnel assessment in organizations foster a special environment for identifying areas necessary for continuous professional development and stimulate their personal interest in self-improvement.
Analyzing employee competency gaps is crucial for determining the direction of their professional development.
This article analyzes one of the most popular methods for assessing employee professional competencies: testing using automated online platforms. The purpose of the study is to identify sequential steps for organizing and conducting testing using online platforms, using banking organizations as an example. This paper analyzes the feasibility of using testing results as an independent method for assessing professional competencies and serving as an indicator of employee professional growth. The limitations of testing, as well as its strengths and weaknesses, are identified. Factors influencing improved testing performance are determined. As a result, an eight-stage testing algorithm is proposed. The practical significance of this study lies in the potential application of the findings obtained in this study to employee testing.
Keywords: personnel assessment, banking sector, advanced training, personnel training, testing, competencies, motivation, personnel development

For citation: Smirnov A.A.,Vlasov V.K. Monitoring the professional competencies of employees using automated online platforms: advantages and limitations. Modern Scientist. 2026. 11. P. 426 – 432. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-426-432

The article was submitted: July 2, 2026; Approved after reviewing: August 3, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Современным организациям приходится функционировать в условиях динамично развивающейся рыночной среды, которая характеризуется изменениями законодательной базы, клиентских предпочтений и технологической инфраструктуры. Обеспечение необходимого уровня профессиональных компетенций сотрудников в таких условиях становится одной из приоритетных задач. Для того чтобы планировать мероприятия по обучению и развитию персонала, вовремя выявлять слабые места, повышать качество обслуживания клиентов и улучшать общую эффективность деятельности организации, становится необходимым разработка и внедрение механизмов своевременного мониторинга профессиональных навыков у сотрудников [2]. Одним из таких способов является проведение тестирования с целью мониторинга профессиональных компетенций у сотрудников (на примере организаций банковской сферы).

Материалы и методы исследований

Материалы исследования включают научные публикации отечественных авторов и публикации, посвященные тестированию сотрудников в рамках оценки, обучения и мотивации персонала, а также нормативные и аналитические материалы, отражающие особенности развития кадрового потенциала в банковской сфере. В работе использованы методы анализа и синтеза, сравнительного и системного подходов, что позволило выявить взаимосвязи между проведением тестирования персонала и процессами повышения компетенций и квалификаций сотрудников. Дополнительно применялся метод обобщения для формирования авторского алгоритма этапов тестирования с использованием автоматических онлайн платформ.

Результаты и обсуждения

Наличие хорошо организованного процесса мониторинга профессиональных навыков может оказывать положительное влияние на удовлетворённость сотрудников работой, улучшать вовлеченность сотрудников в рабочий процесс и как следствие повышать лояльность клиентов и улучшать финансовые показатели. В одном из исследований (ЭКОПСИ) выяснили, что 88% компаний регулярно оценивают линейных руково-

дителей, а 85% – руководителей среднего звена. Это говорит о том, что для многих бизнес-моделей оценка тех, кто напрямую влияет на работу команд, стала рутинной практикой [7].

Система мониторинга профессиональных навыков способна помочь в решении ряда важный задач, стоящих перед организацией, таких как:

1) мониторинг профессиональных дефицитов у сотрудников,
2) формирование индивидуального вектора профессионального развития и роста,
3) создание благоприятных условий для непрерывного обучения и карьерного продвижения,
4) повышение общей производительности и лояльности сотрудников.

Под профессиональными навыками понимается набор качеств, включающий знания, профессиональные умения и личностные характеристики, которыми обладает сотрудник банка для выполнения возложенных на него функциональных обязанностей. Для систематизации профессиональных навыков применяются различные критерии. Помимо привычной сегодня дифференциации на «жёсткие» (hard skills) и «мягкие» (soft skills) навыки, используются и другие подходы к категоризации компетенций [5], например, такие как:

Базовые (общепрофессиональные) навыки – коммуникабельность, умение работать с информацией, соблюдение регламентов и нормативов.

Специфические (специальные) навыки – понимание рисков, финансовая грамотность, владение IT-технологиями.

Личностные качества – ответственность, инициативность, лидерские способности.

Особенность профессии банковского служащего состоит в сочетании широкого спектра специфичных технических навыков и развитых межличностных отношений с клиентами и коллегами.

Российскими банками используется широкий инструментарий мониторинга профессиональных навыков сотрудников, среди которых наиболее распространено тестирование сотрудников с использованием автоматизированных онлайн – платформ.

Автоматизированные онлайн-платформы могут широко использоваться для проверки базовых знаний и навыков у сотрудников. [3]. Тесты на таких платформах проводятся преимущественно дистанционно и охватывают приоритетные области профессиональной деятельности, такие как основы банковского дела, правила и условия предоставления кредитов, защита персональных данных и безопасность транзакций, профилактика киберпреступности и другие.

В пользу дистанционного тестирования выступают такие аргументы, как значительное сокращение временных и материальных затрат. Отсутствует необходимость собирать сотрудников в одном месте, арендовать помещения, осуществлять транспортировку оборудования и оформление документов. Все этапы тестирования происходят онлайн, что экономит значительные средства и ускоряет сам процесс.

Автоматизированные тесты обладают рядом преимуществ, таких как:

Скорость и простота. Процесс тестирования занимает минимум времени и усилий, как со стороны работодателя, так и со стороны сотрудников. Проведение бумажных экзаменов было бы гораздо сложнее организовать и контролировать.

Надежность и объективность. Автоматизированные тесты исключают фактор субъективности и человеческого вмешательства, гарантируя одинаковый подход к каждому участнику. Все участники проходят одинаковые испытания, и их результаты зависят исключительно от самих участников.

Универсальность. Компьютерные тесты подходят для любых уровней квалификации и видов деятельности. Можно создать отдельные наборы вопросов для разных профессий и направлений деятельности, таким образом достигая максимальной детализации оценки.

Возможность интеграции с другими системами. Платформы для автоматизированного тестирования могут быть встроены в существующие ИТ-инфраструктуры банка, и другие корпоративные системы управления персоналом. Такая интеграция упрощает обработку данных и создает единое пространство для учета образовательных успехов сотрудников.

Доступность и масштабируемость. Системы автоматизированного тестирования могут быть доступны в любое время и не требуют личного присутствия преподавателя, что делает их удобными для территориально распределенной внутри сети офисов и сотрудников, работающих удаленно.

Принцип работы автоматизированных тестов основан на создании специальной компьютерной программы, содержащей базу вопросов различной сложности и формата (закрытого типа, открытого типа, множественного выбора).

Основные этапы проведения автоматизированного теста состоят из последовательных шагов, необходимых для эффективной организации и оценки уровня знаний сотрудников банка. Ниже представлены ключевые этапы этого процесса:

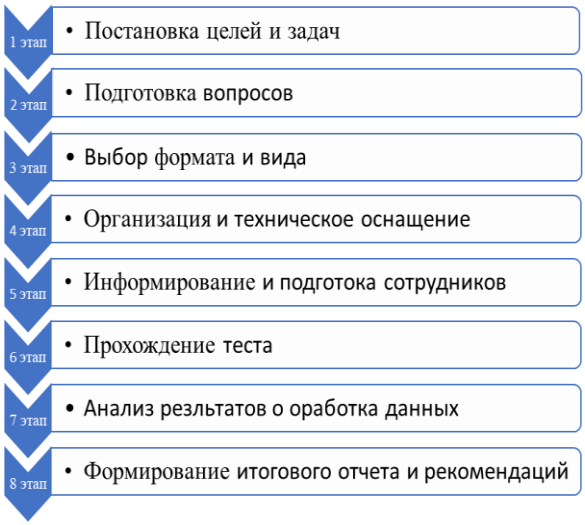


Рис. 1. Этапы проведения тестирования.
Fig. 1. Stages of testing.

На первом этапе производится постановка целей и задач тестирования. Перед началом любого тестирования необходимо четко обозначить цели и задачи, которые оно преследует. Как правило цели формулируются исходя из текущих задач и потребностей банка, таких как:

- Проверка знаний сотрудников перед повышением по службе.
- Аттестация персонала.
- Оценка уровня знаний о новом продукте или услуге.
- Отбор кандидатов на вакантные должности отдельных подразделений и других.

Этап постановки целей включает в себя формирование единого плана тестирования, назначение ответственных исполнителей и согласование целей с заинтересованными сторонами.

На втором этапе происходит подготовка вопросов. Стоит выделить данный этап как особенно важный, так как на нем вырабатывается база тестовых вопросов, которая должна соответствовать должностным инструкциям и внутренним нормативным документам, в которых закреплены функциональные обязанностям сотрудников. Соответствие вопросов актуальной практике и действующим нормативно-правовым актам является основным требованием к проведению тестирования.

При подготовке вопросов важно следует внимание на важные аспекты:

- Вопросы должны соответствовать уровню подготовки и функционалу сотрудников.
- Вопросы должны отражать актуальность для текущей деятельности банка.
- Формулировки вопросов и вариантов ответов должны быть однозначными, не должно допускаться двоякого толкования.

Вопросы, применяемые в тестировании, могут иметь различный формат: закрытые (с готовыми вариантами), открытые (требующие самостоятельного ответа), практические задания (используются для оценки навыков) и др.

Третий этап – это выбор формата и вида тестирования

На данном этапе определяется форма проведения тестирования: По количеству участников может быть: индивидуальная или групповая, по форме участия: очная или дистанционная, по объему тестирования: полная или сокращённая версия теста. Вопросы могут подаваться в разном порядке и уровне сложности. Определяется время продолжительности тестирования.

По алгоритму выбора очередного задания различают адаптивное и классическое тестирование. Наиболее эффективным считается адаптивное компьютерное тестирование, которое, по мнению экспертов, максимально приближено к устному экзамену [4].

Классическое тестирование ориентировано на измерение одной компетенции. При реализации компетентностного подхода в рамках одной дисциплины формируется несколько компетенций, поэтому задача усложняется: надо оценить уровень сформированности нескольких компетенций в течении одного сеанса тестирования. Использование методов искусственного интеллекта для оценки компетенций в ходе тестирования [1].

На практике еще можно выделить различные режимы тестирования, такие как: тренировочное тестирование, экзаменационное тестирование, повторное тестирование и др.

Выбор подходящего формата, соответствующего задачам и целям в соответствии с ресурсами банка, имеет приоритетное значение да данном этапе.

Четверным этапом является организация и техническое оснащение.

На данном этапе осуществляется подбор материально-технических средств для проведения тестирования. Современные системы тестирования основаны на компьютерных программах или облачных сервисах, что делает легким и доступным их администрирование и мониторинг результатов.

Необходимо убедиться, что материально-техническое обеспечение соответствует необходимым требованиям и доступно для всех участников тестирования.

На пятом этапе проводится информирование и подготовка сотрудников. Сотрудники должны быть заблаговременно проинформированы о предстоящем тестировании, его целях и задачах, правилах его проведения. На данном этапе стоит обеспечить предварительное ознакомление сотрудников с интерфейсом тестирования и типологией вопросов, чтобы минимизировать волнения и неуверенность у участников.

Да данном этапе допускается проведение пробного тестирования, консультации и лекции.

Непосредственное прохождение теста является шестым этапом. Во время тестирования сотрудники дают ответы на предложенные вопросы за отведённый период времени. Проведение тестирования может контролироваться как специалистами, так и автоматизированными системами, в том числе ИИ, которые обеспечивают соблюдение правил тестирования и предотвращают возможные нарушения, например, списывания.

Тестирование может проходить как централизованно, когда сотрудники приглашаются в отдельные помещения, так и в рамках дистанционного формата, позволяющего проходить тестирование удаленно из дома или офиса.

На седьмом этапе происходит получение и анализ результатов и обработка данных. Специальные программы обрабатывают результаты тестирования, формируя отчёт о количестве набранных баллов. Могут использоваться такие показатели, как общий балл, среднее значение правильных ответов, распределение ответов по категориям и др.

На заключительном восьмом этапе формируется итоговый отчёт и рекомендации. Отчёт должен оформляться в удобной форме и быть направлен компетентным лицам для ознакомления и принятия управленческих решений.

На основе полученных результатов формируются данные об уровне компетенций сотрудников и необходимых зонах для профессионального роста.

Полученные данные могут влиять на принятие решений о кадровом продвижении сотрудников, направлении на дополнительное обучение, переподготовку или улучшение существующей образовательной программы.

Достоинствами проведения автоматизированного тестирования служит то, то подобная форма позволяет добиться быстрых и точных результатов в оценке профессиональных навыков сотрудников банка, что в свою очередь способствует своевременному принятию управленческих и кадровых решений и является стимулом к повышению общей эффективности организации.

Несмотря на многочисленные достоинства стоит отметить, что автоматизированные тесты содержат некоторый ряд ограничений:

- Стоимость первоначальной разработки и настройки тест-систем и может оказаться относительно высокой.
- В связи с изменениями во внутренних нормативных документах, правилах и нормах, возникает необходимость в регулярном мониторинге и обновлении базы вопросов.
- Угроза кибератак и взлома системы тестирования.

Однако, за счёт правильной технической поддержке и защите информационных систем эти проблемы можно свести к минимуму.

Российские банки активно используют автоматизированные тесты и экзамены. В крупнейших российских банках таких как Сбербанк, Альфа-Банк, Россельхолбанк, созданы собственные системы.

Для получения максимальной эффективности при проведении тестирования, нужно осуществлять контроль за тестируемыми сотрудниками. Для осуществления контроля используются технологии прокторинга. Прокторинг – это цифровая технология, разработанная для контроля оценки знаний и активно применяется в образовательных учреждениях (например, на контрольных работах и экзаменах), а также для аттестации персонала. Технология позволяет отследить, насколько добросовестно студент или сотрудник про-

ходит тестирование или экзамен. Это нужно, чтобы человек не использовал стороннюю помощь – например, шпаргалки или смартфон [6].

В Сбербанке инструменты онлайн-прокторинга, интегрированные в обучающую платформу, позволяют преподавателям в один клик получить доступ к системе тестирования, спискам и оценкам учащихся. Учащимся достаточно войти на обучающую платформу и единственный раз пройти аутентификацию через систему прокторинга. Система онлайн-прокторинга использует алгоритмы и машинное обучение для предотвращения мошенничества в ходе онлайн-тестирования путем автоматической идентификации поведения, похожего на обман [8].

Не мало важным аспектом является то, что наибольшую эффективность тестирование показывает в рамках комплексной оценки компетенций, например, вместе с оценкой методом 360 градусов.

В ПАО Банк ЗЕНИТ тестирование сотрудников применялось в рамках проведения аттестации сотрудников, вместе с методом оценки 360 градусов. Вопросы для тестирования составлялись с учетом внутренних нормативных документов, описывающих процессы подразделений банка и ключевых знаний, которым должен обладать работник. Тестирование показало хорошую вовлеченность сотрудников в процесс его проведения. Оценки, полученные за тестирование, учитывались при подведении итоговых результатов аттестации, вместе с оценкой методом 360 градусов. Например, для того, чтобы сотрудник мог быть зачислен в кадровый резерв организации оценка за тестирование должная была быть не менее 90 баллов. Напротив, низкий бал за прохождение тестирования являлся аргументом в пользу назначение плана индивидуального развития.

На практике, перечисленные примеры показывают, что внедрение автоматизированных тестов в российских банках полностью оправдывает себя, доказывая их необходимость и высокую отдачу.

Выводы

В ходе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что для повышения эффективности сотрудников банковского сектора необходимо внедрение систем мониторинга профессиональных компетенций, одной из которых является проведение тестирования с использованием автоматических онлайн платформ.

Результаты анализа показывают о возможности использования тестирования для оценки компетенций сотрудников как самостоятельной процедуры, так и в составе комплексной оценки компетенций, например при аттестации персонала.

Несмотря на выявленные в ходе исследования ограничения, среди которых: относительно высокая стоимость первоначальной настройки и необходимость постоянного мониторинга обновления контента, преимущества автоматизированного тестирования – в виде скорости проведения оценки, объективности, масштабируемости и возможности интеграции с корпоративными системами – делают его незаменимым инструментом. Анализ практики ведущих российских банков подтверждает, что применение автоматизированных тестов комплексе с другими способами оценки персонала, например, в связке с методом оценки «360 градусов», а также технологиями прокторинга, является высокоэффективной стратегией для управления персоналом, повышения из компетенций и формирования кадрового резерва.

Список источников

1. Гусятников В.Н., Соколова Т.Н., Безруков А.И., Каюкова И.В. Разработка критериев оценки учебных планов для СМК вузов // Информатика и образование. 2023. Т. 38. № 6. С. 75 – 85.

2. Дубовиков И.И., Литвина М.И. Практика оценки деятельности банковских служащих // Научный журнал «Дискурс». 2019. № 6 (32). С. 110 – 122.

3. Иванова М.Ю., Торощина К.К. Разработка и применение приложения для автоматизированного тестирования персонала гостиничного комплекса // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2026. № 1. С. 26 – 35.

4. Соколова Т.Н., Каюкова И.В. Анализ банка тестовых заданий для использования при адаптивном тестировании // Информатика, управляющие системы, математическое и компьютерное моделирование (ИУСМКМ-2024): XV Международная научно-техническая конференция в рамках X Международного Научного форума Донецкой Народной Республики, Донецк, 29-30 мая 2024 года. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2024. С. 113 – 118.

5. Ульянина О.А. Современные подходы к классификации компетентности и компетенции // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7. № 2. С. 78 – 85.

6. Онлайн прокторинг: что это такое и как работает система контроля на экзаменах. URL: https://developers.sber.ru/help/hr/proctoring (дата обращения: 16.05.2026)
7. Система оценки персонала: что это, современные методы и критерии. URL: https://practicum.yandex.ru/b2b/blog/ocenka-personala-kakie-est-metody-i-instrumenty (дата обращения: 16.05.2026)
8. Российские онлайн-прокторинг системы. URL: https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/907/#term-5 (дата обращения: 16.05.2026)

References

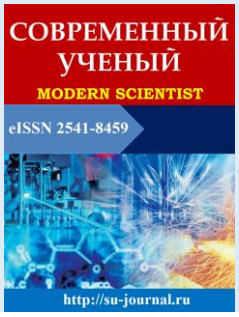
1. Gusyatnikov V.N., Sokolova T.N., Bezrukov A.I., Kayukova I.V. Development of criteria for assessing curricula for the QMS of universities. Informatics and education. 2023. Vol. 38. No. 6. P. 75 – 85.
2. Dubovikov I.I., Litvina M.I. Practice of assessing the performance of bank employees. Scientific journal "Discourse". 2019. No. 6 (32). P. 110 – 122.
3. Ivanova M.Yu., Toroshchina K.K. Development and application of an application for automated testing of hotel complex personnel. Problems of socio-economic development of Siberia. 2026. No. 1. P. 26 – 35.
4. Sokolova T.N., Kayukova I.V. Analysis of the test item bank for use in adaptive testing. Informatics, control systems, mathematical and computer modeling (IUSMKM-2024): XV International Scientific and Technical Conference within the framework of the X International Scientific Forum of the Donetsk People's Republic, Donetsk, May 29-30, 2024. Donetsk: Donetsk National Technical University, 2024. P. 113 – 118.
5. Ulyanina O.A. Modern approaches to the classification of competence and competency. Research and development. Social and humanitarian research and technology. 2018. Vol. 7. No. 2. P. 78 – 85.
6. Online proctoring: what is it and how does the exam monitoring system work. URL: https://developers.sber.ru/help/hr/proctoring (date of access: 16.05.2026)
7. Personnel Assessment System: What It Is, Modern Methods, and Criteria. URL: https://practicum.yandex.ru/b2b/blog/ocenka-personala-kakie-est-metody-i-instrumenty (date of access: 16.05.2026)
8. Russian Online Proctoring Systems. URL: https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/907/#term-5 (date of access: 16.05.2026)

Информация об авторах

Смирнов А.А., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, andrewcoolbank@gmail.com

Власова В.К., доктор педагогических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, v2ko@mail.ru

© Смирнов А.А., Власова В.К., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.147:37.013.2
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-433-439

Технология организации практической подготовки будущих педагогов к историческому просвещению в педагогическом вузе (на примере новых территорий Российской Федерации)

[1] Малютина Т.П., [1] Талтынова Е.В.

[1] Воронежский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье представлена технология реализации модуля практической подготовки в рамках комплексной системы исторического просвещения в педагогическом вузе. На основе анализа нормативных документов (ФГОС ВО, Концепция исторического просвещения) и действующих образовательных программ обосновывается необходимость формирования у будущих педагогов готовности к организации историко-просветительской деятельности. Раскрываются два вариативных подхода к внедрению модуля: интеграция в существующие дисциплины воспитательного модуля и введение специализированной дисциплины с учебной практикой. Особое внимание уделяется содержательному наполнению, учитывающему специфику новых территорий Российской Федерации (идея исторического единства Русского мира, Новороссии и Донбасса с Россией, краеведческий компонент). Представлены конкретные формы и методы работы со студентами, а также критерии оценки сформированности профессиональных компетенций.
Ключевые слова: историческое просвещение, практическая подготовка, педагогический вуз, технология обучения, методика организации, воспитательная деятельность, новые территории Российской Федерации, модуль воспитательной деятельности

Для цитирования: Малютина Т.П., Талтынова Е.В. Технология организации практической подготовки будущих педагогов к историческому просвещению в педагогическом вузе (на примере новых территорий Российской Федерации) // Современный ученый. 2026. № 11. С. 433 – 439. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-433-439

Поступила в редакцию: 5 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Technology of organizing practical training of future teachers for historical education in a pedagogical university (using the example of new territories of the Russian Federation)

[1] Malyutina T.P., [1] Taltynova E.V.

[1] Voronezh State Pedagogical University

***Abstract*:** the article presents the technology of implementing a practical training module within the framework of a comprehensive system of historical education at a pedagogical university. Based on the analysis of regulatory documents (the Federal State Educational Standard for Higher Education, the Concept of Historical Education) and existing educational programs, the need for future teachers to be prepared to organize historical and educational activities is substantiated. Two variable approaches to the module implementation are revealed: integration into the

existing disciplines of the educational module and the introduction of a specialized discipline with educational practice. Special attention is paid to the content content, taking into account the specifics of the new territories of the Russian Federation (the idea of the historical unity of the Russian world, Novorossiya and Donbass with Russia, the local history component). Specific forms and methods of working with students are presented, as well as criteria for assessing the formation of professional competencies.
***Keywords*:** historical education, practical training, pedagogical university, teaching technology, organization methodology, educational activities, new territories of the Russian Federation, educational activity module

For citation: Malyutina T.P., Taltynova E.V. Technology of organizing practical training of future teachers for historical education in a pedagogical university (on the example of new territories of the Russian Federation). Modern Scientist. 2026. 11. P. 433 – 439. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-433-439

The article was submitted: July 5, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В условиях современных геополитических вызовов историческое просвещение становится одним из ключевых направлений государственной политики в сфере образования [7; 13]. Как отмечается в исследованиях последних лет, историческое просвещение представляет собой специально организованный педагогический процесс, направленный на создание условий для повышения уровня исторической грамотности личности, которая рассматривается как основа для формирования общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти [1, с. 93; 12, с. 98]. В 2024 году Указом Президента Российской Федерации утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения, которые закрепляют один из ключевых приоритетов развития нашего государства – защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти посредством защиты исторической правды, сохранения исторической памяти, преемственности в развитии Российского государства и его исторически сложившегося единства, противодействия фальсификации истории [7].

Концепция исторического просвещения в образовательных организациях, разработанная Минпросвещения России и направленная в регионы в 2026 году, определяет необходимость системной работы по формированию у подрастающего поколения целостного представления об истории России, ее культурно-цивилизационном пути и ценностных основаниях [2]. Как подчеркивает руководитель Института содержания и методов обучения Минпросвещения России Максим Костенко, принципиальная новизна концепции заключается в ее системности: «Мы говорим не о разрозненных акциях или дополнительных занятиях, а о целостной среде, в которой формируется личность школьника. Историческое просвещение должно пронизывать всю образовательную практику – от уроков до внеурочной деятельности, кружков, секций, учреждений культуры» [8].

Особую значимость эта задача приобретает для новых территорий Российской Федерации, где требуется консолидация общественного сознания на основе идеи исторического единства Новороссии и Донбасса с Россией. Ключевую роль в этой системе играют педагоги, которые становятся проводниками исторического знания и ценностей. Как отмечает министр просвещения РФ Сергей Кравцов, «сегодня мы уделяем особое внимание подготовке учителей – как будущих, так и действующих. Необходимо, чтобы они владели современными методиками, умели работать с различными форматами и понимали воспитательный потенциал исторического материала» [8]. В рамках реализации Концепции особое внимание уделяется подготовке единых государственных учебников по истории Донбасса и Новороссии, которые с 1 сентября 2026 года появятся в школах воссоединённых регионов [11].

Однако решение этой задачи невозможно без подготовки педагогических кадров, способных не только транслировать исторические знания, но и проектировать и реализовывать воспитательные мероприятия историко-просветительской направленности [12, с. 100; 3, с. 26]. В этой связи возникает необходимость создания комплексной системы исторического просвещения в педагогическом вузе, включающей четыре взаимосвязанных компонента: дисциплины социально-гуманитарного цикла, внеучебную деятельность, предметно-методические модули и практическую подготовку. Цель настоящей статьи – описать технологию организации четвертого (практического) компонента данной системы, раскрыть организационно-методические и содержательные аспекты подготовки будущих педагогов к историко-просветительской деятельности в школе.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на системно-деятельностный и компетентностный подходы в профессиональном образовании. Теоретическую основу составили положения ФГОС ВО по направлению 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) (приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 125) [9], Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» (приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н) [10], а также методические рекомендации Минпросвещения России по внедрению модуля воспитательной деятельности (письма от 22.12.2023 № ТВ-2534/08 и от 29.12.2023 № МН-5/203726).

В качестве эмпирической базы выступили: 1) рабочие программы дисциплин модуля воспитательной деятельности («Технология и организация воспитательных практик (классное руководство)», «Психология воспитательных практик», «Основы вожатской деятельности») и педагогических практик, реализуемых в Воронежском государственном педагогическом университете и Азовском государственном педагогическом университете им. П.Д. Осипенко; 2) фонды оценочных средств по указанным дисциплинам и практикам; 3) рабочая программа воспитания и учебные планы АГПУ.

Методы исследования: анализ нормативных документов, контент-анализ учебно-методической документации, моделирование образовательного процесса.

Результаты и обсуждения

Для реализации задачи подготовки будущих педагогов к организации исторического просвещения возможны два вариативных подхода. *Первый подход – интеграция историко-просветительского компонента в существующие учебные дисциплины и практики.* В этом случае вносятся изменения в рабочие программы дисциплин «Технология и организация воспитательных практик (классное руководство)» и «Психология воспитательных практик», а также в программу «Педагогической практики (классное руководство, тьюторство, воспитательная работа в ОО и ДО)». Изменения касаются: дополнения содержания разделов, связанных с проектированием и проведением воспитательных мероприятий, тематикой исторического просвещения (разработка сценариев классных часов, экскурсий, исторических квестов, коллективных творческих дел); расширения фондов оценочных средств заданиями, требующими разработки и апробации историко-просветительских мероприятий с последующим рефлексивным анализом.

Второй подход – введение специализированного модуля. Данный подход предполагает внесение в часть учебного плана, формируемую участниками образовательных отношений, новой дисциплины «Методика организации исторического просвещения обучающихся» (2 ЗЕТ) и учебной практики «Организация исторического просвещения» (думаю 2 ЗЕТ). Организационный алгоритм включает: 1) разработку и утверждение рабочих программ дисциплины и практики; 2) создание фондов оценочных средств; 3) внесение изменений в рабочий учебный план; 4) интеграцию целевых установок модуля в Рабочую программу воспитания вуза. Практика может быть реализована на базе школ новых территорий РФ, что позволит студентам непосредственно применять полученные знания в условиях, требующих особого внимания к историко-культурному контексту.

Дисциплина «Методика организации исторического просвещения обучающихся» может включать четыре основных раздела: *Раздел 1. Теоретико-методологические основы исторического просвещения* – рассматривает историческое просвещение как педагогический феномен, его цели, задачи и принципы. Анализируются ключевые положения Концепции исторического просвещения в образовательных организациях РФ [2] , идея исторического единства Русского мира, Новороссии и Донбасса с Россией как ценностно-смысловое основание историко-просветительской деятельности на новых территориях. Изучается нормативно-правовое регулирование исторического просвещения в школе (ФГОС ОО, Федеральная программа воспитания, Концепция исторического просвещения в образовательных организациях). *Раздел 2. Формы и методы исторического просвещения в образовательной организации* – включает классификацию форм историко-просветительской работы (урочные, внеурочные, внешкольные) [3, с. 27]. Особое внимание уделяется: классному часу как форме исторического просвещения (тематика: «День народного единства: история и современность», «Герои Новороссии: подвиг и память», «История моей малой родины в годы Великой Отечественной войны»); урокам мужества; экскурсионной деятельности (виды экскурсий, методика подготовки и проведения, разработка экскурсионных маршрутов по памятным местам региона); проектной деятельности (виды историко-просветительских проектов, алгоритм проектирования); коллективным творческим делам исторической направленности (исторические квесты, военно-патриотические игры, исторические реконструкции); музейной педагогике; медийным форматам (лонгриды, видеоролики, подкасты) [1, с.

95]. *Раздел 3. Методика разработки и реализации историко-просветительских мероприятий* – включает технологию разработки сценария мероприятия (от идеи к сценарию: целеполагание, отбор содержания, выбор форм и методов), принципы отбора исторического содержания (научность, доступность, учет возрастных особенностей, воспитательная направленность), методику работы с историческими источниками в просветительской деятельности (адаптация источников для школьников, работа с документами, фотографиями, картами, воспоминаниями), организацию рефлексии [3, с. 28]. *Раздел 4. Региональный компонент в историческом просвещении* – раскрывает специфику историко-краеведческой работы на новых территориях РФ [11], исторические этапы развития региона, выдающихся личностей региона, памятные места и объекты культурного наследия. Предлагается тематика мероприятий с региональным компонентом: «Мой край – частица России: история и современность», «Запорожская область: прошлое, настоящее, будущее», «Герои-земляки: память поколений», «Промышленное и культурное наследие Донбасса», «События СВО в истории региона: сохранение памяти».

Предлагается следующее содержание учебной практики «Организация исторического просвещения», которая включает четыре этапа: *подготовительный этап:* знакомство с базой практики, изучение плана воспитательной работы школы, знакомство с классным коллективом, диагностика уровня исторических знаний и интересов обучающихся, составление индивидуального плана работы. *Проектировочный этап:* выбор темы и формы мероприятия, разработка сценария с учетом возрастных особенностей и региональной специфики, подготовка дидактических материалов, согласование с руководителем практики. *Основной этап (обязательные виды деятельности):* проведение классного часа исторической направленности (темы: «День народного единства: история и традиции», «Герои Отечества: прошлое и настоящее», «История моей семьи в истории страны», «Нацистский геноцид на территории СССР: уроки истории» – в рамках федерального проекта «Без срока давности») [4, с. 25]; организация и проведение экскурсии по памятным местам региона; разработка и реализация исторического квеста или игры; участие в подготовке и проведении общешкольного мероприятия исторической направленности; создание информационно-медийного продукта (лонгрида, публикации, видеоролика); работа с историческим источником. Дополнительные виды деятельности (по выбору): организация встречи с ветеранами или участниками СВО, разработка проекта школьного музея, волонтерская деятельность исторической направленности, организация дебатов. *Аналитический этап:* диагностика эффективности мероприятий, самоанализ деятельности практиканта, оформление портфолио (сценарии мероприятий, методический анализ, фото- и видеоматериалы, рефлексивный отчет), презентация результатов на итоговой конференции.

Представленный выше подход к организации практической подготовки предполагает введение в учебный план новой дисциплины и специализированной практики, что требует корректировки учебного плана в части, формируемой участниками образовательных отношений. Однако в условиях, когда такие изменения не могут быть оперативно реализованы, возможен иной путь – интеграция историко-просветительского компонента в уже существующие дисциплины модуля воспитательной деятельности и педагогические практики. Данный подход является менее ресурсозатратным и может быть реализован на уровне внесения изменений в рабочие программы дисциплин (РПД) и фонды оценочных средств (ФОС). В дисциплине «Технология и организация воспитательных практик (классное руководство)» предлагается дополнить раздел «Формы воспитательной деятельности» характеристикой форм исторического просвещения (исторический квест, урок мужества, экскурсия, музейный урок, историческая реконструкция) и их спецификой для разных возрастных групп; в раздел «Проектирование воспитательной деятельности» включить примеры историко-просветительских проектов («Сохранение памяти о героях-земляках», «История моей семьи в истории страны», «Памятники воинской славы моего города»); в раздел «Осуществление воспитательной деятельности во взаимодействии с родителями и социальными партнерами» добавить алгоритм привлечения музеев, архивов, общественных организаций [1, с. 98]. В ФОС включаются практико-ориентированные задания на разработку сценариев исторических квестов, кейс-задачи по созданию атмосферы принятия в классе на основе общей истории, проекты по созданию школьных музеев [14].

В дисциплине «Психология воспитательных практик» предлагается добавить тему «Историческое просвещение как воспитательная практика: психологические механизмы формирования исторического сознания и идентичности» и практическое задание по анализу возрастных особенностей восприятия исторической информации.

В программу педагогической практики (классное руководство, тьюторство, воспитательная работа в ОО и ДО) вводятся дополнительные виды деятельности: проведение диагностики исторических знаний и интересов школьников, проведение классного часа исторической направленности, проведение внеурочного мероприятия (квест, экскурсия, тематический вечер), участие в подготовке общешкольного мероприятия, ор-

ганизация взаимодействия с социальными партнерами. В портфолио практики включаются план воспитательного мероприятия исторической направленности, сценарий и его рефлексивный анализ.

Таким образом, в рамках модуля воспитательной деятельности, являющегося обязательной частью ОПОП, предлагается два вариативных подхода к его содержательному обновлению в части исторического просвещения. Первый предполагает интеграцию историко-просветительского компонента в содержание уже существующих дисциплин и практик модуля. Второй – дополнение модуля за счет части учебного плана, формируемой участниками образовательных отношений, новой дисциплиной «Методика организации исторического просвещения обучающихся» и учебной практикой «Организация исторического просвещения» при сохранении инвариантной структуры модуля воспитательной деятельности.

Выводы

Предложенная технология организации практической подготовки будущих педагогов к историческому просвещению позволяет гибко интегрировать историко-просветительский компонент в образовательный процесс педагогического вуза. Два вариативных подхода (интеграция в существующие дисциплины модуля воспитательной деятельности или дополнение модуля новыми дисциплиной и практикой за счет части учебного плана, формируемой вузом самостоятельно) дают возможность образовательным организациям выбрать оптимальную траекторию с учетом имеющихся ресурсов и региональных особенностей. Реализация обновленного содержания модуля воспитательной деятельности способствует не только формированию профессиональных компетенций будущих педагогов, но и воспитанию гражданской позиции, патриотизма, уважения к историческому наследию – качеств, особенно востребованных в педагогической деятельности на новых территориях Российской Федерации. Дальнейшее развитие данного направления видится в разработке учебно-методических комплексов по историческому просвещению, создании банка сценариев мероприятий с учетом региональной специфики, а также в расширении сетевого взаимодействия педагогических вузов по обмену опытом в этой сфере.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2026-0015)

Список источников

1. Дятлова Е.Н. Историческое просвещение в системе общего образования: научные основы и образовательная практика // Человек и образование. 2025. № 1. С. 92 – 102. DOI: 10.54884/1815-7041-2025-82-1-92-102

2. Концепция исторического просвещения в образовательных организациях: одобрена на коллегии Министерства просвещения Российской Федерации (протокол от 15.04.2026 № 1) // Портал «Единое содержание общего образования». URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2026/05/konczepcziya-istoricheskogo-prosveshheniya.pdf (дата обращения:15.07.2026)

3. Лобанов И.А., Калуцкая Е.К., Французова О.А. Историческое просвещение в школе и его методическое обеспечение // Преподавание истории и обществознания в школе. 2024. № 5. С. 22 – 29.

4. Третьякова С.В., Саенко А.С., Склярова О.В. Федеральный проект «Без срока давности» как инструмент исторического просвещения: миссия педагогического университета // Народное образование. 2024. № 8. С. 23 – 30.

5. Кузнецов А.С. Патриотическое воспитание: теоретико-методологические проблемы педагогического исследования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 1 (30). С. 118 – 122.

6. Клименко А.В., Несмелова М.Л. Историческое просвещение как направление обновления содержания высшего педагогического образования // Проблемы современного образования. 2025. №2. С. 114 – 121.

7. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения: Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (дата обращения: 02.05.2026)

8. Регионы приступают к реализации новой концепции исторического просвещения // РИА Новости. 05.05.2026. URL: https://ri.ria.ru/20260505/ismo-2094873413.html (дата обращения: 02.05.2026)

9. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): приказ Минобрнауки России от 22.02.2018 № 125.

10. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н.

11. Кравцов рассказал о готовности единых учебников по истории Донбасса и Новороссии // Российская газета. 23.06.2026. URL: https://rg.ru/2026/06/23/reg-dnr/kravcov-rasskazal-o-gotovnosti-edinyh-uchebnikov-po-istorii-donbassa-i-novorossii.html (дата обращения: 02.05.2026)

12. Шитякова Н.П., Забродина И.В., Нагорнов И.В., Титов А.Н., Верховых И.В. Методологические и технологические аспекты подготовки будущих учителей начальных классов к решению проблемы исторического просвещения младших школьников во взаимосвязи с формированием исторической памяти // Science for Education Today. 2024. Т. 14. № 5. С. 96 – 113.

13. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 // Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (дата обращения: 02.05.2026)

14. Саплина Е.В. Современные проблемы формирования мировоззренческих основ российской гражданской идентичности у школьников // Наука и школа. 2025. № 5. С. 58 – 67.

References

1. Dyatlova E.N. Historical education in the general education system: scientific foundations and educational practice. Man and education. 2025. No. 1. P. 92 – 102. DOI: 10.54884/1815-7041-2025-82-1-92-102

2. The concept of historical education in educational organizations: approved at the board of the Ministry of Education of the Russian Federation (minutes of 15.04.2026 No. 1). Portal "Unified Content of General Education". URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2026/05/konczepcziya-istoricheskogo-prosveshheniya.pdf (date of access: 15.07.2026)

3. Lobanov I.A., Kalutskaya E.K., Frantsuzova O.A. Historical education in school and its methodological support. Teaching history and social studies at school. 2024. No. 5. P. 22 – 29.

4. Tretyakova S.V., Saenko A.S., Sklyarova O.V. Federal project "No Statute of Limitations" as an instrument of historical education: the mission of the pedagogical university. Public education. 2024. No. 8. P. 23 – 30.

5. Kuznetsov A.S. Patriotic Education: Theoretical and Methodological Problems of Pedagogical Research. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2021. No. 1 (30). P. 118 – 122.

6. Klimenko A.V., Nesmelova M.L. Historical Education as a Direction for Updating the Contents of Higher Pedagogical Education. Problems of Modern Education. 2025. No. 2. P. 114 – 121.

7. On Approval of the Fundamentals of State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education: Decree of the President of the Russian Federation of 08.05.2024 No. 314. Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534 (date of access: 02.05.2026)

8. Regions are beginning to implement a new concept of historical education. RIA Novosti. 05.05.2026. URL: https://ri.ria.ru/20260505/ismo-2094873413.html (date accessed: 02.05.2026)

9. Federal state educational standard of higher education – bachelor's degree in the field of training 44.03.05 Pedagogical education (with two training profiles): order of the Ministry of Education and Science of Russia dated 22.02.2018 No. 125.

10. Professional standard "Teacher (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)": order of the Ministry of Labor of Russia dated 18.10.2013 No. 544n.

11. Kravtsov spoke about the readiness of unified textbooks on the history of Donbass and Novorossiya. Rossiyskaya Gazeta. 23.06.2026. URL: https://rg.ru/2026/06/23/reg-dnr/kravcov-rasskazal-o-gotovnosti-edinyh-uchebnikov-po-istorii-donbassa-i-novorossii.html (date of access: 02.05.2026)

12. Shityakova N.P., Zbrodina I.V., Nagornov I.V., Titov A.N., Verkhovykh I.V. Methodological and technological aspects of training future primary school teachers to solve the problem of historical education of primary school students in connection with the formation of historical memory. Science for Education Today. 2024. Vol. 14. No. 5. P. 96 – 113.

13. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809. Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/ (date of access: 02.05.2026)

14. Saplina E.V. Modern Problems of Forming the Ideological Foundations of Russian Civic Identity in Schoolchildren. Science and School. 2025. No. 5. P. 58 – 67.

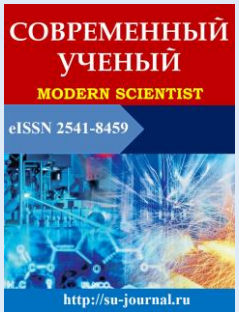
Информация об авторах

Малютина Т.П., доктор исторических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, chal.04@mail.ru

Талтынова Е.В., Воронежский государственный педагогический университет, taltynova.e.v@gmail.com

© Малютина Т.П., Талтынова Е.В., 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 342.95
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-440-444

Социально-ориентированное публичное управление в современной России: требования и направления совершенствования правового регулирования

[1] Нагорных Р.В.

[1] Вологодский институт права и экономики ФСИН России

Аннотация: проведенное исследование направлено на комплексное изучение проблем становления в нашей стране развития социально-ориентированного публичного управления. Методологический базис исследования составили общенаучные и отраслевые методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой, контент-анализ). По итогам проведенного исследования сформулированы научно обоснованные выводы о том, что конституционные принципы построения социального государства должны быть имплементированы во все сферы нормотворчества, что подразумевает дальнейшую конституционализацию всей сферы публичного управления. Теоретическая значимость состоит в обосновании авторской позиции относительно разрешения проблем перестройки системы оценки эффективности деятельности органов публичной власти. Практическая значимость работы заключается в обосновании предложений по дальнейшему развитию нормативного правового регулирования в области стратегического планирования, государственного контроля и надзора, организации предоставления государственных и муниципальных услуг, государственной службы и др.
Ключевые слова: публичное управление, социальное государство, субсидиарность и децентрализация полномочий, цифровизация публичного управления

Для цитирования: Нагорных Р.В. Социально-ориентированное публичное управление в современной России: требования и направления совершенствования правового регулирования // Современный ученый. 2026. № 11. С. 440 – 444. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-440-444

Поступила в редакцию: 20 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Socially-oriented public administration in modern Russia: requirements and directions for improving legal regulation

[1] Nagornykh R.V.

[1] Vologda Institute of Law and Economics, Federal Penitentiary Service of Russia

Abstract: this study seeks to thoroughly examine the challenges associated with advancing socially focused public administration within our nation. The research relies on a methodological framework comprising broad scientific and specialized cognitive approaches, including formal-legal analysis, comparative legal studies, and content analysis. Based on the results of the conducted research, scientifically substantiated conclusions are formulated that the

constitutional principles of building a social state should be implemented in all areas of rule-making, which implies further constitutionalization of the entire sphere of public administration. The theoretical significance of the work lies in substantiating the author's position on resolving the problems of restructuring the system of evaluating the effectiveness of public authorities. The practical significance of the work lies in substantiating proposals for further development of regulatory legal regulation in the field of strategic planning, state control and supervision, and the organization of public services.
Keywords: public administration, welfare state, subsidiarity and decentralization of powers, digitalization of public administration

For citation: Nagornykh R.V. Socially-oriented public administration in modern Russia: requirements and directions for improving legal regulation. Modern Scientist. 2026. 11. P. 440 – 444. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-440-444

The article was submitted: June 20, 2026; Approved after reviewing: July 17, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Современная эволюция российского государственного управления характеризуется планомерным отказом от жесткой административно-командной системы в пользу модели, ориентированной на социальные потребности, что выступает фундаментальным направлением развития государства сегодня. Подобный переход является нелинейным процессом и имеет под собой прочную конституционно-правовую основу [11, с. 62]. Конституция Российской Федерации (далее Конституция РФ) определяет, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ч. 1 ст. 7), и конкретизирует данную основу конституционного строя в ряде положений, в частности: наделение материнства, детства и семьи защитой государства (ч. 1 ст. 38), гарантия социального обеспечения по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей (ч. 1 ст. 39) и т.д. Данные нормы задают высший ценностный ориентир для всей системы публичной власти, требуя переориентации ее целей с простого исполнения функций на достижение конкретных социальных результатов и повышение качества жизни граждан. Современная практика подтверждает выбранный курс.

Материалы и методы исследований

Исследование проведено на основе комплексного анализа положений Конституции Российской Федерации, ряда федеральных законов и подзаконных актов, непосредственно связанных с регулированием системы публичного управления [1,2,3,4,5,6]. В исследовании нашли отражение позиции современных ученых в области создания и внедрения высокотехнологичных социально-ориентированных моделей публичного управления, направленных на повышение качества жизни граждан нашей страны.

Результаты и обсуждения

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 подчеркивается: «Мы выполняем все социальные обязательства перед гражданами... Поддержка семей с детьми также остаётся в числе приоритетов нашей социальной политики. ... Изначально планировалось сократить долю людей за чертой бедности до 7% к 2030 году, однако, по его словам, этот показатель был достигнут досрочно – в 2025 году, и составил 6,7%» [7].

Фундаментом для становления социально-ориентированного публичного управления должны послужить требования социальной ориентированности системы публичного управления на основе глубокой технологической трансформации ее правовых и институциональных основ функционирования. В числе таких требований к модернизации системы публичного управления следует отнести следующие положения.

Во-первых, принцип социального государства, закрепленный в ст. 7 Конституции РФ, должен быть имплементирован во все сферы нормотворчества. Это предполагает обязательную оценку регуляторного воздействия (Regulatory Impact Assessment) [9] нормативных актов через призму их влияния на целевые группы населения. Данный подход находит свое отражение в Федеральном законе от 31.07.2020 № 247-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [3], который устанавливает риск-ориентированный подход, где одним из ключевых рисков выступает социальный ущерб.

Во-вторых, требуется дальнейшее развитие принципа субсидиарности и децентрализации полномочий. Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [4] создает правовую базу для перераспределения ресурсов и ответственности. Однако для полноценной реализации социально-ориентированной модели необходимо законодательно расширить финансовую самостоятельность муниципалитетов и создать эффективные механизмы делегирования государственных функций негосударственным субъектам, включая социально ориентированные некоммерческие организации, как это предусмотрено Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [2].

В-третьих, необходима коренная перестройка системы оценки эффективности деятельности органов публичной власти. Ключевые показатели эффективности (KPI) должны быть переориентированы с процессуальных метрик на результативные. Указ Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [5] прямо определяет национальные цели, носящие выраженный социальный характер (например, сохранение населения, здоровье и благополучие людей). Именно эти цели должны стать основой для формирования KPI всех уровней исполнительной власти, а их достижение – главным критерием оценки работы управленцев.

Общим технологическим базисом для построения социально-ориентированной модели публичного управления выступает цифровизация, которая позволяет перейти от реактивной к проактивной форме взаимодействия с гражданином. Основой этого процесса является концепция «государство как платформа» [10, с. 7]. Создание единой национальной среды сбора, хранения и обмена данными позволяет преодолеть межведомственную изоляцию. Интеграция данных из систем здравоохранения, образования, социальной защиты и налоговой службы формирует единый цифровой профиль гражданина. На основе анализа этих данных система может самостоятельно идентифицировать жизненные события человека (рождение ребенка, достижение пенсионного возраста) и автоматически предлагать положенные меры поддержки без необходимости подачи заявлений. Этот подход реализуется в рамках федерального проекта «Государство для людей», утвержденного в составе национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [6]. Таким образом, цифровизация обеспечивает бесшовный клиентский опыт и кардинально снижает административные барьеры, что является прямым исполнением конституционного права граждан на взаимодействие с органами власти.

Технологические изменения останутся невостребованными без параллельной модернизации кадрового потенциала государственной службы. Требования к компетенциям служащего меняются: на смену исполнителю приходит менеджер-проектировщик. В исследованиях отмечается, что «изменения в различных сферах экономики, вызываемые цифровой трансформацией, новыми подходами к менеджменту, определяют необходимость овладения менеджерами цифровыми компетенциями, что должно осуществляться параллельно с развитием цифровых технологий» [12, с. 153]. В этих условиях ключевым требованием к управленцам становится формирование навыков работы в системах опережающего управления на основе данных (Data-driven governance) [8, с. 11, 122-124], что подразумевает наличие компетенций в области проектного управления, дизайн-мышления и эмпатии. Государственные служащие должны уметь проводить исследования потребностей граждан и совместно с ними разрабатывать решения. Система мотивации должна быть неразрывно связана с достижением установленных социальных ключевых показателей эффективности (KPI). Карьерный рост и материальное стимулирование необходимо привязать к реальному вкладу в улучшение показателей качества жизни. Это требует внедрения современных информационных технологий, включая регулярную оценку компетенций и создание индивидуальных планов развития, что постепенно внедряется в рамках реформы государственной гражданской службы.

Выводы

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сформулировать следующие выводы относительно требований и перспектив развития социально-ориентированного публичного управления в Российской Федерации:

1. Административная конституционализация социальных KPI и внедрение оценки регуляторного воздействия (RIA). Трансформация управления требует внесения системных изменений в ФЗ № 172-ФЗ «О стратегическом планировании...» и ФЗ № 247-ФЗ «О государственном контроле (надзоре)...». Необходимо законодательно закрепить обязательность включения измеримых социальных KPI во все нормативные правовые акты и ввести норму об обязательной оценке социального воздействия (Regulatory Impact Assessment) для всех проектов законов.

2. Законодательное закрепление проактивной модели оказания услуг. Для реализации концепции «государство как платформа» необходимо внести изменения в ФЗ № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», легализовав проактивный режим назначения мер поддержки на основе данных из единой цифровой платформы без заявления гражданина.

3. Расширение правовой базы для субсидиарности и делегирования полномочий. В целях развития территориального подхода требуется внесение поправок в Бюджетный кодекс РФ и ФЗ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления...» для расширения доходной базы муниципалитетов и создания правового механизма передачи функций негосударственным субъектам через социальный заказ.

4. Нормативное закрепление системы опережающего управления на основе данных (Data-driven governance). Для перехода от реактивной модели к предиктивной необходимо внести изменения в ФЗ № 172-ФЗ, что подразумевает использование органами публичной власти технологий анализа больших данных для прогнозирования социальных рисков и разработку автоматически включаемых в госпрограммы превентивных мер при достижении пороговых значений.

5. Обновление нормативно-правовой базы в сфере госслужбы. Успешное внедрение обновленной модели предполагает наличие у сотрудников специфических профессиональных навыков. Требуется внести существенные поправки в Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», закрепив обязательное включение в процедуры оценки и стимулирования служащих показателей, отражающих достижение социальных целей, а также компетенций в области проектного управления.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. 06.07.2020. № 11. ст. 1416.

2. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 15.01.1996. № 3. ст. 145.

3. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 03.08.2020. № 31 (часть I). ст. 5006.

4. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства РФ. 27.12.2021. № 52 (часть I). ст. 8973.

5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 07.05.2024.

6. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 года № 1632-р**.** // Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). 03.08.2017.

7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 г. http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431 (дата обращения - 16.06.2026).

8. Цифровая трансформация в государственном управлении: монография / под ред. Е.М. Стырина, Н.Е. Дмитриева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 209 с.

9. Radaelli C.M. (2020). Regulatory Impact Assessment (RIA). In: Harris, P., et al. (eds) The Palgrave Encyclopedia of Interest Groups, Lobbying and Public Affairs. Palgrave Macmillan, Cham.

10. Буров В.В., Петров М.В. и др. «Государство-как-платформа»: подход к реализации высокотехнологической системы государственного управления // Государственная служба. 2018. № 3. С. 6 – 17.

11. Нагорных Р.В., Попова Д.В. Актуальные проблемы цифровизации деятельности органов исполнительной власти // Ius Publicum et Privatum. 2023. № 2 (22). С. 59 – 64. (62)

12. Трофимов В. В., Трофимова Л. А. О концепции управления на основе данных в условиях цифровой трансформации // Петербургский экономический журнал. 2021. № 4. С. 149 – 155.

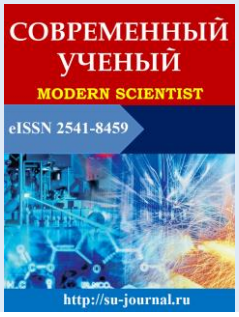
References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Collected Legislation of the Russian Federation. July 6, 2020. No. 11. Article 1416.
2. On Non-Commercial Organizations: Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ (latest revision). Collected Legislation of the Russian Federation. January 15, 1996. No. 3. Article 145.
3. On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation: Federal Law of July 31, 2020 No. 247-FZ (latest revision). Collected Legislation of the Russian Federation. August 3, 2020. No. 31 (Part I). Art. 5006.
4. On the General Principles of Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation: Federal Law of 21.12.2021 No. 414-FZ (latest revision). Collected Legislation of the Russian Federation. 27.12.2021. No. 52 (Part I). Art. 8973.
5. On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309. Official Internet Portal of Legal Information" (www.pravo.gov.ru). 07.05.2024.
6. The "Digital Economy of the Russian Federation" Program: Order of the Government of the Russian Federation of 28 July 2017 No. 1632-r.. Official Internet Portal of Legal Information" (www.pravo.gov.ru). 03.08.2017.
7. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 29.02.2024 http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431 (date of access - 16.06.2026).
8. Digital Transformation in Public Administration: Monograph. edited by E.M. Styrin, N.E. Dmitriev; National Research University "Higher School of Economics". 2nd ed. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. 209 p.
9. Radaelli C.M. (2020). Regulatory Impact Assessment (RIA). In: Harris, P., et al. (eds) The Palgrave Encyclopedia of Interest Groups, Lobbying and Public Affairs. Palgrave Macmillan, Cham.
10. Burov V.V., Petrov M.V. et al. "The State as a Platform": An Approach to Implementing a High-Tech Public Administration System. Public Service. 2018. No. 3. P. 6 – 17.
11. Nagornykh R.V., Popova D.V. Actual Problems of Digitalization of Executive Authorities. Ius Publicum et Privatum. 2023. No. 2 (22). P. 59 – 64. (62)
12. Trofimov V.V., Trofimova L.A. On the Concept of Data-Based Management in the Context of Digital Transformation. Petersburg Economic Journal. 2021. No. 4. P. 149 – 155.

Информация об авторе

Нагорных Р.В., доктор юридических наук, доцент, Вологодский институт права и экономики ФСИН России, nagornikh-vipe@mail.ru

© Нагорных Р.В., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 343.237
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-445-451

Особенности квалификации преступлений, совершенных группой лиц, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)

[1] Ахатова А.М.

[1] Удмуртский государственный университет

Аннотация: актуальность исследования обусловлена противоречием между классической доктриной соучастия, закреплённой в ст. 32 УК РФ, и современными реалиями цифровой среды, где анонимность, трансграничность и опосредованный характер взаимодействия участников существенно затрудняют установление двусторонней субъективной связи и признаков субъекта преступления у каждого из лиц. В статье исследуется эволюция судебной практики, которая в последние годы допускает расширительное толкование признака группы лиц при участии в преступлении невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Отдельное внимание уделяется проблеме квалификации деяний, совершённых в условиях фактической множественности исполнителей, когда классические признаки института соучастия не могут быть в полной мере применены. Обосновывается научная позиция, в силу которой квалифицирующий признак «группа лиц», предусмотренный нормами Особенной части УК РФ, обретает самостоятельное уголовно-правовое значение как элемент объективной стороны состава преступления, характеризующий способ совершения деяния. Предложенный подход позволяет сформулировать критерии оценки подобных деяний. Выводы могут быть использованы в правоприменительной деятельности, а также в целях дальнейшего совершенствования уголовного законодательства и доктринальных подходов к институту соучастия.
Ключевые слова: уголовное право, институт соучастия, группа лиц, совместная преступная деятельность, квалификация преступлений, информационно-телекоммуникационные сети, сеть «Интернет»

Для цитирования: Ахатова А.М. Особенности квалификации преступлений, совершенных группой лиц, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») // Современный ученый. 2026. № 11. С. 445 – 451. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-445-451

Поступила в редакцию: 27 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Aspects of the legal characterisation of group offences involving information and telecommunication networks (including the Internet)

[1] Akhatova A.M.

[1] Udmurt State University

Abstract: The relevance of the study is due to the contradiction between the classical doctrine of complicity, enshrined in Article 32 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the modern realities of the digital environment, where anonymity, cross‑border nature, and the indirect nature of the participants' interaction significantly

complicate the establishment of a bilateral subjective connection and the characteristics of the subject of a crime for each of the persons. The article examines the evolution of judicial practice, which in recent years has allowed for an expansive interpretation of the group characteristic in cases involving the participation in a crime of persons who are not criminally liable, as well as persons who have not reached the age of criminal responsibility. Special attention is paid to the problem of classifying acts committed under conditions of actual multiple perpetrators, when the classic features of the institution of complicity cannot be fully applied. The scientific position is substantiated, according to which the qualifying feature "a group of persons," provided for in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, acquires independent criminal-legal significance as an element of the objective side of the crime, characterizing the method of committing the act. The proposed approach makes it possible to formulate criteria for assessing such acts. The conclusions can be used in law enforcement activities, as well as for the purpose of further improving criminal legislation and doctrinal approaches to the institution of complicity.
Keywords: criminal law, institution of complicity, group of persons, joint criminal activity, qualification of crimes, information and telecommunications networks, the Internet

For citation: Akhatova A.M. Aspects of the legal characterisation of group offences involving information and telecommunication networks (including the Internet). Modern Scientist. 2026. 11. P. 445 – 451. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-445-451

The article was submitted: June 27, 2026; Approved after reviewing: July 25, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

В соответствии с ч. 1 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. Классическая доктрина уголовного права признает, что главной отличительной чертой группы лиц является отсутствие предварительного сговора. Однако это не означает отсутствие соглашения вообще [8]. Оно достигается в момент начала совершения преступления[9] или во время его совершения [10].

По мнению М.И. Ковалёва группа лиц – это форма совместного участия, при которой соисполнители действуют без предварительной договорённости, а их умысел на совместность возникает спонтанно. В отличие от более опасных форм соучастия группа не предполагает устойчивой внутренней связи и носит эпизодический, случайный характер [7]. При этом указанный анализ группы лиц осуществлялся в отношении составов преступлений, характерных для советского уголовного законодательства.

В.Е. Зварыгин аргументированно указывает на то, что трансформация общественных отношений под воздействием цифровых технологий ставит перед уголовно-правовой наукой задачу пересмотра классических теоретических конструкций института соучастия, которые формировались преимущественно в условиях физического взаимодействия субъектов [1].

Современная преступная деятельность всё чаще реализуется через распределённые во времени и пространстве действия участников, находящихся в различных юрисдикциях и взаимодействующих исключительно посредством цифровых каналов связи. Это неизбежно порождает сложности при установлении двусторонней субъективной связи, которая в классической доктрине рассматривается в качестве обязательного признака соучастия. Кроме того, анонимность интернет-среды и опосредованный характер взаимодействия участников существенно затрудняют идентификацию личности соучастников. Как следствие, правоприменительная практика сталкивается с ситуациями, когда фактическая множественность исполнителей объективно присутствует, однако формальные критерии соучастия, закреплённые в ст. 32 УК РФ, не могут быть установлены. Данное обстоятельство актуализирует поиск новых доктринальных подходов к квалификации групповых преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Классическая доктрина уголовного права настаивает на том, что институт соучастия предполагает умышленность действий каждого из участников. Сторонники данной позиции (А.П. Козлов, Н.Г. Иванов, П.С. Яни, Г.А. Кригер, И.Э. Звечаровский, П.Ф. Тельнов, А.А. Арутонов) указывают, что игнорирование требования об осознании совместности всеми соучастниками подменяет институт соучастия объективным учением о множественности лиц в преступлении, что не соответствует ни легальному определению соучастия, ни принципу вины (ст. 5 УК РФ). Кроме того, по мнению исследователей, подобное толкование может стирать грань между соучастием и посредственным причинением, которое предполагает использование другого лица в качестве «живого орудия» преступления, а не в качестве соучастника [18].

Специфика группы лиц в преступлениях, совершаемых с использованием ИТС, существенно затрудняет установление того, осознавал ли «годный» субъект статус другого лица и порождает ситуации, которые не вписываются в классические представления о соучастии.

В таких преступлениях лица, как правило, находятся в разных регионах или даже странах, их взаимодействие опосредовано цифровыми каналами связи, а действия каждого исполнителя зачастую носят технический, вспомогательный характер [2]. В подобных условиях установление двусторонней субъективной связи между всеми участниками становится серьёзной практической проблемой, однако её отсутствие в силу объективных причин не должно нивелировать сам факт совместности преступного посягательства.

Разделяем точку зрения И.А. Клепицкого о недопустимости толкования уголовного закона вопреки как его основополагающим принципам, так и элементарной логике правоприменения. Квалифицирующий признак «группа лиц» обоснованно может быть вменён в случаях, когда классическое соучастие в значении ст. 32 УК РФ отсутствует по причине невменяемости или недостижения возраста уголовной ответственности одного из фактических участников.

Вместе с тем, расположение ст. 35 УК РФ в разделе, регламентирующем институт соучастия, не является безусловным основанием для ограничительного толкования группы лиц лишь рамками данного института. Допустимость признания преступления совершённым группой лиц при участии в нём невменяемого или лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, подтверждается судебной практикой [6].

Материалы и методы исследований

В работе использовались формально-юридический метод, позволивший проанализировать содержание норм уголовного законодательства, регламентирующих институт соучастия и квалифицирующие признаки групповых преступлений, а также сравнительно-правовой метод, с помощью которого проведено сопоставление классических доктринальных подходов и современной судебной практики Верховного Суда РФ.

Результаты и обсуждения

Ст. 35 УК РФ закрепляет формы соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество). Однако эти формы, будучи помещёнными в главу о соучастии, не являются тождественными самому понятию соучастия.

Как справедливо отмечают В.И. Морозов и В.В. Галкин, они представляют собой квалифицирующие признаки, которые могут вменяться при наличии фактической множественности участников, даже если эта множественность не подпадает под строгое определение ст. 32 УК РФ[11].

Такой подход приобретает особую актуальность в контексте преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, где установление статуса каждого участника зачастую затруднено, а совместный характер деятельности проявляется через опосредованное, распределённое взаимодействие.

Рассматриваемый квалифицирующий признак утрачивает связь с институтом соучастия, приобретая самостоятельное значение в рамках квалификации преступлений. При таких обстоятельствах для вменения данного признака не требуется установления всех признаков, характерных для классического соучастия, включая двустороннюю субъективную связь и наличие признаков субъекта преступления у каждого из исполнителей. Достаточным основанием является объективно подтверждённая множественность лиц, совместно участвовавших в совершении деяния [16].

Совместные действия нескольких лиц объективно создают большую угрозу охраняемым законом интересам, нежели действия одного лица. Именно поэтому уголовный закон и судебная практика ориентированы на оценку объективной стороны деяния, а не на формальное соответствие каждого участника признакам субъекта преступления.

Так, согласно материалам уголовного дела Покачалов Д.Н. совершил покушение на незаконный сбыт наркотических средств. Было установлено, что он действовал совместно и по предварительной договорённости с иными соучастниками, чьи личности следствием не идентифицированы (уголовное преследование в отношении них выделено в отдельное производство). Предложенная органами предварительного расследования квалификация действий Покачалова Д.Н. по пункту «г» части 4 статьи 228.1 УК РФ – как совершённых группой лиц по предварительному сговору – была признана правомерной судом первой инстанции, и данная правовая позиция выдержала проверку в апелляционном, кассационном порядке, а также нашла поддержку в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации. Суды не усомнились в обоснованности вменения признака группы лиц несмотря на то, что иные соучастники установлены не были [12]. Схожая правовая позиция отражена и в иных судебных решениях[3;5;13]. Квалификация подобных

случаев является расширительным толкованием, допустимым лишь в пределах, очерченных Верховным Судом РФ, но не бесспорным с точки зрения классической доктрины[15].

Изложенное позволяет заключить, что «группа лиц» применяется в расширительном значении, выходящем за рамки соучастия как правового института.

Особую сложность рассматриваемая проблема приобретает применительно к преступлениям, совершаемым с использованием ИТС [17].

В условиях нарастания гибридных угроз, включая диверсионную и террористическую деятельность, координируемую извне, квалификация содеянного исключительно по части первой статьи Особенной части без учёта группового способа совершения не позволяет применить соразмерные меры уголовно-правового воздействия. Отказ от вменения квалифицирующего признака группы лиц в подобных ситуациях вступает в противоречие не только с доктринальным пониманием справедливости, но и с прагматической потребностью государства эффективно противодействовать наиболее опасным формам совместной преступной деятельности, посягающей на национальную безопасность.

При этом, действующее уголовное законодательство не устанавливает запрета на вменение группового признака при участии в преступлении невменяемых или малолетних. Правоприменительная практика, руководствуясь принципом справедливости и задачами уголовного закона, признаёт достаточным для квалификации по признаку группы лиц объективную совместность действий и осознание «годным» субъектом того, что он действует в группе.

Так, Приговором Московского городского суда от 18.02.2025 N 2-0021/2025 несовершеннолетний М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ, совершённого группой лиц по предварительному сговору. В составе группы наряду с М. участвовало лицо, не подлежащее уголовной ответственности вследствие психического расстройства. Действия обоих участников носили совместный и согласованный характер, осуществлялись по заранее достигнутой договорённости с использованием мессенджера. Организатор преступления, личность которого не была установлена, в состав группы не включён, его действия выделены в отдельное производство по ч. 4 ст. 281.1 УК РФ. Суд, вменяя М. квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору», обосновал свою позицию тем, что «положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат обязательного требования о вменяемости соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности». Суд также указал, что объективная сторона диверсии выполнена подсудимым совместно и по заранее достигнутой договорённости с иным лицом, действия которого для М. были адекватными и носили последовательный целенаправленный характер, а поджог объекта транспортной инфраструктуры явился результатом их общих усилий[14].

При этом для вменения квалифицирующего признака судам достаточно установить: наличие предварительной договорённости между лицами, достигнутой до начала выполнения объективной стороны преступления; осознание «годным» субъектом совместного характера своих действий и желание объединить усилия с другими лицами для достижения общего преступного результата. Для подобной квалификации не требуется обязательного установления личности всех соучастников – правоприменительная практика последовательно исходит из того, что решающее значение имеет объективная совместность деяния и субъективное восприятие «годным» субъектом себя как части группы.

В следующем примере, в Кассационном определении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2026 г. № 225-УД26-1-А6. Осуждённый был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 205 УК РФ. Верховный Суд РФ при кассационном рассмотрении смягчил наказание, однако оставил без изменения квалификацию деяния как совершённого группой лиц по предварительному сговору. Кассационное определение не содержит никаких данных о личности соучастника; тем не менее, вышестоящая судебная инстанция сочла инкриминирование квалифицирующего признака «группа лиц» обоснованным, что, по сути, подтверждает расширительный подход к пониманию группы лиц[4].

В связи с этим суды вынуждены либо отказываться от вменения группового признака (что не соответствует фактической общественной опасности), либо прибегать к расширительному толкованию, которое вступает в противоречие с классической доктриной.

В преступлениях, совершаемых с использованием ИТС, проблема приобретает особую сложность. Классические признаки группы лиц становится трудно выполнимым. Анонимность цифровой среды не позволяет достоверно установить возраст, вменяемость соучастников, вследствие чего правоприменитель сталкивается с ситуацией смешения: совместное выполнение объективной стороны налицо, однако статус каждо-

го из участников остаётся неопределённым. В таких обстоятельствах невозможно однозначно утверждать ни наличие классического соучастия, ни его полное отсутствие (поскольку фактическая множественность и согласованность действий очевидны).

В связи с вышеизложенным, при квалификации содеянного правоприменитель исходит из того, что противоправные действия осуществлены не единолично, а в рамках фактической множественности участников, непосредственно выполняющих объективную сторону преступления.

Выводы

1) Группа лиц как квалифицирующий признак характеризуется спонтанностью формирования – она возникает непосредственно в момент начала преступных действий либо в ходе их развития, без предварительного соглашения между участниками. Применительно к преступлениям, совершаемым с использованием ИТС, отсутствие предварительного сговора не означает отрицания совместности участия, равно как и не разрывает причинно-следственную связь между действиями каждого участника и единым преступным последствием. Напротив, взаимодополняющий характер действий соучастников в цифровой среде позволяет говорить о едином преступном посягательстве, даже если согласованность достигалась в процессе совершения деяния. Поэтому отсутствие предварительной договорённости не может служить основанием для самостоятельной квалификации деяния каждого из участников.

2) Классический институт соучастия (ст. 32 УК РФ), ориентированный на непосредственное физическое взаимодействие и двустороннюю субъективную связь, не обладает универсальным характером и не может в полной мере охватить все случаи совместной преступной деятельности в цифровой среде, где анонимность, трансграничность объективно препятствуют установлению у лица признаков субъекта преступления.

3) Квалифицирующий признак «группа лиц» в статьях Особенной части УК РФ не является простым отражением формы соучастия, определённой в ст. 35 УК РФ, а может представлять самостоятельный признак объективной стороны состава преступления, характеризующий способ совершения деяния — фактическую множественность.

Список источников

1. Зварыгин В.Е. Институт соучастия в преступлении в эпоху цифровой трансформации: проблемы теории и правоприменительной практики // Закон и право. 2026. № 6. С. 175 – 180.

2. Зварыгин В.Е., Ахатова А.М. Преступления экстремистского и террористического характера, совершаемые с использованием сетевого информационного пространства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. № 5. С. 864 – 871.

3. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2025 по делу № 77-2342/2025 (УИД 55RS0003-01-2023-007605-15) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2026 № 225-УД26-1-А6 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2024 № 14-УДП24-5-К1 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Клепицкий И.А. Участие невменяемого в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 2(135). С. 135 – 140. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.135-140

7. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. 191 с.

8. Ветров Н.И., Дайшутов М.М., Дашков Г.В. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013. 912 с.

9. Агузаров Т.К., Ашин А.А., Головненков П.В. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева; испр., доп., перераб. М.: КОНТРАКТ, 2013. 672 с.

10. Грачева Ю.В., Ермакова Л.Д., Есаков Г.А. и др. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2011. 824 с.

11. Морозов В.И., Галкин В.В. Квалификация преступлений, совершенных с участием лиц, не подлежащих уголовной ответственности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4 (46). С. 60 – 67.

12. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 11.02.2026 № 5-П26пр. // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 18.11.2025 № 77-3529/2025 (УИД 52RS0002-01-2024-005188-38) // СПС «КонсультантПлюс».

14. Приговор Московского городского суда от 18.02.2025 № 2-0021/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

15. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 116 – 119.

16. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. 260 с.

17. Русскевич Е.А., Дмитренко А.П. О нетипичных аспектах соучастия в преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 5 (61). С. 18 – 22.

18. Шеслер А.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex russica. 2015. № 6. С. 30 – 38.

References

1. Zvarygin V.E. The Institute of Complicity in a Crime in the Era of Digital Transformation: Problems of Theory and Law Enforcement Practice. Law and Order. 2026. No. 6. P. 175 – 180.

2. Zvarygin V.E., Akhatova A.M. Extremist and Terrorist Crimes Committed Using the Network Information Space. Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2023. No. 5. P. 864 – 871.

3. Cassation Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated July 17, 2025, in Case No. 77-2342/2025 (UID 55RS0003-01-2023-007605-15). SPS "ConsultantPlus".

4. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Military Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 24, 2026, No. 225-UD26-1-A6. SPS "ConsultantPlus".

5. Cassation Ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 11, 2024, No. 14-UDP24-5-K1. SPS "ConsultantPlus".

6. Klepitsky I.A. Participation of an Insane Person in the Commission of a Crime. Current Issues of Russian Law. 2022. Vol. 17, No. 2(135). P. 135 – 140. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.135.2.135-140

7. Kovalev M.I. Complicity in a Crime. Ekaterinburg, 1999. 191 p.

8. Vetrov N.I., Daishutov M.M., Dashkov G.V. et al. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation: scientific and practical (article-by-article). Edited by S.V. Dyakov, N.G. Kadnikov. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Jurisprudence, 2013. 912 p.

9. Aguzarov T.K., Ashin A.A., Golovnenkov P.V., et al. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article). Edited by A.I. Chuchaev; corrected, enlarged, revised. Moscow: CONTRACT, 2013. 672 p.

10. Gracheva Yu.V., Ermakova L.D., Esakov G.A., et al. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). ed. A.I. Rarog. 7th edition, revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2011. 824 p.

11. Morozov V.I., Galkin V.V. Qualification of crimes committed with the participation of persons not subject to criminal liability. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2018. No. 4 (46). P. 60 – 67.

12. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 11, 2026 No. 5-P26pr. SPS "ConsultantPlus".

13. Resolution of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated November 18, 2025, No. 77-3529/2025 (UID 52RS0002-01-2024-005188-38). SPS "ConsultantPlus".

14. Verdict of the Moscow City Court dated February 18, 2025, No. 2-0021/2025. SPS "ConsultantPlus".

15. Prozumentov L.M., Shesler A.V. The Social Danger of Group Crime. Bulletin of Tomsk State University. 2008. No. 311. P. 116 – 119.

16. Rarog A.I. Qualification of Crimes Based on Subjective Features. St. Petersburg, 2002. 260 p.

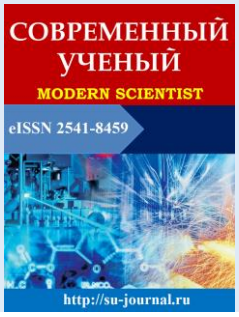
17. Russkevich E.A., Dmitrenko A.P. On atypical aspects of complicity in crimes committed using information and communication technologies. Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2017. No. 5 (61). P. 18 – 22.

18. Shesler A.V. Prospects for improving criminal law norms on complicity in a crime. Lex russica. 2015. No. 6. P. 30 – 38.

Информация об авторе

Ахатова А.М., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, начальник отдела подготовки и аттестации научных кадров, Институт права, социального управления и безопасности, Удмуртский государственный университет ahatova.aliya3@mail.ru

© Ахатова А.М., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 343.34
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-452-456

Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: проблемы квалификации и доказывания в условиях цифровизации

[1] Магомедов Г.Б., [1] Таилова А.Г., [1] Ибрагимов А.М.

[1] Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Аннотация: статья содержит комплексный анализ уголовно-правовых и процессуальных проблем, связанных с применением статьи 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая устанавливает ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации. Автор исследует объективные и субъективные признаки данного состава преступления, уделяя особое внимание сложностям установления общественно опасных последствий и причинной связи в условиях цифровой среды. В работе подробно рассматриваются трудности собирания, закрепления и оценки электронных доказательств наряду с вопросами разграничения этого деяния и смежных составов преступлений. Изучение доктринальных позиций и материалов правоприменительной практики позволяет автору обосновать вывод о несовершенстве действующей законодательной конструкции, которая недостаточно учитывает стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий. В статье сформулированы предложения по совершенствованию уголовного закона и практики его применения, призванные повысить эффективность противодействия посягательствам в сфере компьютерной информации.
Ключевые слова: неправомерный доступ, компьютерная информация, киберпреступность, квалификация преступлений, электронные доказательства, цифровизация, общественно опасные последствия, охраняемая законом информация

Для цитирования: Магомедов Г.Б., Таилова А.Г., Ибрагимов А.М. Уголовная ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации: проблемы квалификации и доказывания в условиях цифровизации // Современный ученый. 2026. № 11. С. 452 – 456. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-452-456

Поступила в редакцию: 30 июня 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июля 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

Criminal liability for unlawful access to computer information: problems of qualification and evidence in the context of digitalization

[1] Magomedov G.B., [1] Tailova A.G., [1] Ibragimov A.M.

[1] The North Caucasus Institute, a branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Abstract: the article contains a comprehensive analysis of the criminal law and procedural issues related to the application of Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for unlawful access to computer information. The author examines the objective and subjective features of this crime, paying special attention to the difficulties of establishing socially dangerous consequences and causality in a digital environment. The paper examines in detail the difficulties of collecting, securing and evaluating electronic evidence, along with the issues of distinguishing this act from related crimes. The study of doctrinal positions and materials of law enforcement practice allows the author to substantiate the conclusion about the imperfection of the current legislative structure, which insufficiently takes into account the rapid development of information and telecommunication technologies. The article formulates proposals for improving the criminal law and the practice of its application, designed to increase the effectiveness of countering encroachments in the field of computer information.
Keywords: unauthorized access, computer information, cybercrime, qualification of crimes, electronic evidence, digitalization, socially dangerous consequences, legally protected information

For citation: Magomedov G.B., Tailova A.G., Ibragimov A.M. Criminal liability for unlawful access to computer information: problems of qualification and evidence in the context of digitalization. Modern Scientist. 2026. 11. P. 452 – 456. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-452-456

The article was submitted: June 30, 2026; Approved after reviewing: July 27, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Компьютерная информация превратилась в один из наиболее ценных и одновременно уязвимых объектов правовой охраны – результат стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий и цифровизации общественных отношений. Электронный документооборот, дистанционное банковское обслуживание, государственные информационные системы и облачные хранилища данных прочно вошли в повседневную жизнь, а вместе с тем стали привлекательной мишенью для лиц, стремящихся получить незаконный доступ к чужим сведениям. Рост числа преступлений в сфере неправомерного доступа к компьютерной информации при сохраняющихся низких показателях раскрываемости делает избранную тему особенно актуальной. Значительная часть таких деяний совершается через трансграничные сети с применением средств анонимизации, что существенно затрудняет установление личности виновного и определение места преступления. Статья 272 Уголовного кодекса, даже с учетом внесенных изменений, во многом опирается на терминологию и концептуальные подходы, сложившиеся на более раннем этапе технологического развития; это обстоятельство создает трудности при толковании отдельных признаков состава преступления.

Материалы и методы исследований

В работе проанализирован и использован теоретический материал авторов ранее занимавшихся исследованиями по данной тематике, и данные судебной практики за последние пять лет.

При написании статьи были использованы диалектический метод, метод сравнительного анализа, методика контент– анализа материалов опубликованной судебной практики и ряд других общенаучных методов.

Результаты и обсуждения

При анализе особенностей квалификации данной категории преступлений требуется уяснение понятия объекта преступных посягательств в сфере компьютерной информации.

Доктрина уголовного права исходит из того, что непосредственным объектом данного преступления служат общественные отношения, обеспечивающие безопасность компьютерной информации: ее конфи-

денциальность, целостность и доступность. Ю.В. Грачева и ряд других авторов указывает на существенное возрастание ценности защищаемого блага в цифровую эпоху, что, по ее мнению, требует переосмысления традиционных подходов к определению общественной опасности подобных посягательств [4, 14, 5, 7]. И.Г. Рагозина и Е.Р. Россинская придерживается схожей позиции и подчеркивает, что охраняемая законом компьютерная информация приобрела самостоятельное экономическое и социальное значение, сопоставимое со значением классических объектов собственности [11, 12].

Установление объективной стороны состава вызывает на практике наибольшие затруднения. Уголовная ответственность наступает при причинении определенных последствий: уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации. А.Г. Волеводз полагает, что материальная конструкция состава порождает серьезную проблему доказывания причинной связи между действиями лица и наступившими последствиями, поскольку в цифровой среде такая связь нередко оказывается опосредованной и многозвенной [3].

Приведенная дискуссия наглядно показывает, что законодатель должен уточнить содержание последствий, предусмотренных статьей 272 Уголовного кодекса.

Субъективные признаки состава порождают столь же острые разногласия. Р.И. Дремлюга полагает, что умысел виновного должен охватывать и сам факт неправомерного доступа, и наступление конкретных последствий, однако доказать подобную направленность умысла на практике оказывается крайне затруднительно [6]. С.Д. Бражник занимает иную позицию: он допускает привлечение к ответственности даже при неосторожном отношении лица к последствиям, если сам доступ изначально носил заведомо неправомерный характер [1]. Л.А. Букалерова предлагает компромиссное решение и настаивает на дифференцированном подходе к оценке психического отношения виновного, ставя ее в зависимость от вида наступивших последствий [2].

Разграничение неправомерного доступа со смежными составами также порождает дискуссии. А.И. Халиуллин обосновывает правило: если неправомерный доступ использовался как способ хищения, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений при условии, что умысел на завладение имуществом сформировался до получения доступа[15]. П.С. Яни предлагает иное решение – в подобных ситуациях неправомерный доступ выступает лишь способом хищения и самостоятельной квалификации по статье 272 Уголовного кодекса не требует[16]. Н.Н. Маршакова занимает промежуточную позицию, указывая, что вопрос о совокупности разрешается исходя из направленности умысла и характера наступивших последствий [10].

Обзор научных позиций свидетельствует о разнообразии подходов при одновременном согласии исследователей по нескольким ключевым вопросам. Действующая редакция статьи 272 Уголовного кодекса, по мнению большинства авторов, содержит оценочные и технически устаревшие признаки, что порождает противоречивую практику применения нормы; при этом результативность привлечения к ответственности определяется прежде всего качеством работы с электронными доказательствами. Р.Д. Шарапов указывает на несогласованность уголовно-правовой терминологии с понятийным аппаратом законодательства о защите информации как на один из главных источников квалификационных ошибок [8]. И.А. Юрченко разделяет эту позицию и подчеркивает необходимость гармонизации отраслевого и уголовного регулирования в сфере оборота компьютерной информации [9].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько заключений. Законодательная конструкция состава неправомерного доступа к компьютерной информации включает признаки, толкование которых в правоприменительной практике остается неединообразным, и наибольшие затруднения связаны с установлением и доказыванием общественно опасных последствий (прежде всего копирования информации), а также причинной связи между деянием и наступившим результатом, особенно когда посягательство носит сетевой и многозвенный характер. Эффективность уголовно-правового противодействия неправомерному доступу в решающей степени зависит от надлежащего собирания, закрепления и оценки электронных доказательств: повышенная уязвимость цифровых следов, легкость их модификации и уничтожения, потребность в специальных технических познаниях предъявляют строгие требования к процессуальному порядку производства следственных действий и к уровню экспертного обеспечения. Неопределенность сохраняется и при разграничении неправомерного доступа со смежными составами, прежде всего с хищениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; такая ситуация порождает противоречивую практику квалификации по совокупности преступлений.

Для устранения выявленных проблем следует уточнить в тексте статьи 272 Уголовного кодекса Российской Федерации содержание понятия «неправомерный доступ» и раскрыть признак копирования компьютерной информации, ограничив его случаями реального нарушения охраняемых законом прав либо создания угрозы дальнейшего противоправного использования сведений. Терминологическая согласованность уголовного закона с понятийным аппаратом законодательства о защите информации позволит снизить число квалификационных ошибок.

Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященные квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и разграничению со смежными составами, остаются востребованной мерой, инициирование подготовки которой представляется обоснованным. Параллельно уголовно-процессуальное законодательство нуждается в специальных требованиях к порядку изъятия и исследования электронных носителей информации: участие специалиста при проведении таких действий должно стать обязательным. Если предложенные меры получат практическое воплощение, судебная практика по делам о компьютерных преступлениях приобретет большую согласованность, а уголовно-правовая охрана информации в цифровой среде станет действеннее.

Список источников

1. Бражник С.Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники: монография. Москва: Юрлитинформ, 2021. 232 с.

2. Букалерова Л.А. Уголовно-правовая охрана информации: монография. Москва: Юрлитинформ, 2022. 288 с.

3. Волеводз А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: уголовно-правовые и процессуальные аспекты // Библиотека уголовного права и криминологии. 2020. № 3. С. 41 – 55.

4. Грачёва Ю.В. Компьютерная информация как объект уголовно-правовой охраны // Lex russica. 2021. № 6. С. 33 – 44.

5. Ефремова М.А. Уголовная ответственность за преступления в сфере компьютерной информации: монография. Москва: Юрлитинформ, 2023. 256 с.

6. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность: уголовно-правовые проблемы: монография. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2020. 214 с.

7. Комиссаров В.С. Преступления в сфере компьютерной информации: вопросы квалификации // Уголовное право. 2020. № 5. С. 22 – 31.

8. Шарапов Р.Д. Проблемы квалификации преступлений против компьютерной информации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 2. С. 58 – 67.

9. Юрченко И.А. Гармонизация уголовного и информационного законодательства в сфере оборота компьютерной информации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 105 – 114.

10. Маршакова Н.Н. Разграничение преступлений в сфере компьютерной информации и хищений, совершаемых с использованием цифровых технологий // Российский следователь. 2022. № 7. С. 29 – 34.

11. Рагозина И.Г. Уголовно-правовая защита компьютерной информации в условиях цифровой экономики // Вестник Омской юридической академии. 2021. № 2. С. 176 – 183.

12. Россинская Е.Р. Судебная компьютерно-техническая экспертиза: современное состояние и перспективы: монография. Москва: Норма, 2022. 336 с.

13. Суслопаров А.В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера: монография. Красноярск: Изд-во СФУ, 2021. 208 с.

14. Тропина Т.Л. Киберпреступность: концептуальные основы противодействия: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020. 264 с.

15. Халиуллин А.И. Неправомерный доступ к компьютерной информации как способ совершения хищения // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 91 – 99.

16. Яни П.С. Хищения с использованием компьютерных технологий: вопросы квалификации // Законность. 2021. № 8. С. 30 – 36.

References

1. Brazhnik S.D. Crimes in the Sphere of Computer Information: Problems of Legislative Technique: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2021. 232 p.

2. Bukalerova L.A. Criminal-Legal Protection of Information: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2022. 288 p.

3. Volevodz A.G. Counteracting Computer Crimes: Criminal-Legal and Procedural Aspects. Library of Criminal Law and Criminology. 2020. No. 3. P. 41 – 55.

4. Gracheva Yu.V. Computer Information as an Object of Criminal-Legal Protection. Lex Russica. 2021. No. 6. P. 33 – 44.

5. Efremova M.A. Criminal Liability for Crimes in the Sphere of Computer Information: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2023. 256 p.

6. Dremlyuga R.I. Internet Crime: Criminal Law Problems: Monograph. Vladivostok: FEFU Publishing House, 2020. 214 p.

7. Komissarov V.S. Crimes in the Sphere of Computer Information: Qualification Issues. Criminal Law. 2020. No. 5. P. 22 – 31.

8. Sharapov R.D. Problems of Qualification of Crimes against Computer Information. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 2. P. 58 – 67.

9. Yurchenko I.A. Harmonization of Criminal and Information Legislation in the Sphere of Computer Information Circulation. Current Issues of Russian Law. 2023. No. 4. P. 105 – 114.

10. Marshakova N.N. Distinction between Crimes in the Sphere of Computer Information and Thefts Committed Using Digital Technologies. Russian Investigator. 2022. No. 7. P. 29 – 34.

11. Ragozina I.G. Criminal-Legal Protection of Computer Information in the Context of the Digital Economy. Bulletin of the Omsk Law Academy. 2021. No. 2. P. 176 – 183.

12. Rossinskaya E.R. Forensic Computer-Technical Expertise: Current Status and Prospects: Monograph. Moscow: Norma, 2022. 336 p.

13. Susloparov A.V. Computer Crimes as a Type of Information Crimes: Monograph. Krasnoyarsk: SFU Publishing House, 2021. 208 p.

14. Tropina T.L. Cybercrime: Conceptual Foundations of Counteraction: Monograph. Moscow: Yurlitinform, 2020. 264 p.

15. Khaliullin A.I. Unauthorized Access to Computer Information as a Method of Theft. Russian Law Journal. 2023. No. 1. P. 91 – 99.

16. Yani P.S. Theft Using Computer Technologies: Qualification Issues. Legality. 2021. No. 8. P. 30 – 36.

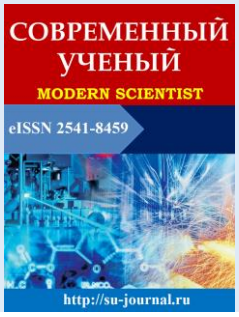
Информация об авторах

Магомедов Г.Б., кандидат юридических наук, доцент, директор, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Ибрагимов А.М., Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

© Магомедов Г.Б., Таилова А.Г., Ибрагимов А.М., 2026



Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 11 / 2026, Iss. 11 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 343.13:343.1(47+57)
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-457-461

Генезис института возбуждения уголовного дела: от «Русской Правды» до УПК РФ 2001 года

[1] Столяров О.С.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье исследуется генезис института возбуждения уголовного дела в российском праве, а также специфика правовой определенности данной стадии. Цель исследования состоит в обосновании объективной обусловленности сохранения стадии возбуждения уголовного дела и выявлении дефектов ее нормативной регламентации через призму историко-правового и сравнительно-правового анализа. Для достижения указанной цели были решены задачи по анализу эволюции института с XI века до принятия УПК РФ 2001 года; выделению пяти основных исторических периодов развития (древнерусский, имперский, пореформенный, советский и современный); разграничению сущностного назначения стадии как процессуального фильтра от дефектов правоприменительной практики; установлению четырех устойчивых структурных элементов института на основе изучения отечественного законодательства и судебной практики. В статье обосновывается вывод о том, что сохранение института возбуждения уголовного дела на протяжении столетий свидетельствует о его объективной необходимости для системы уголовной юстиции, а наблюдаемые проблемы волокиты и нарушений прав граждан вызваны не самой природой стадии, а недостаточной степенью материально- и процессуально-правовой определенности. Следовательно, вместо упразднения данного института требуется существенное повышение качества законодательной регламентации критериев «достаточности данных» и расширение проверочных полномочий правоохранительных органов при сохранении функции защиты граждан от необоснованного преследования.
Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, доследственная проверка (стадия возбуждения), правовая определенность, генезис уголовно-процессуального института, процессуальный фильтр, постановление о возбуждении уголовного дела, историко-правовой анализ

Для цитирования: Столяров О.С. Генезис института возбуждения уголовного дела: от «Русской Правды» до УПК РФ 2001 года // Современный ученый. 2026. № 11. С. 457 – 461. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-457-461

Поступила в редакцию: 2 июля 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 августа 2026 г.; Принята к публикации: 6 сентября 2026 г.

The genesis of the institution of initiating a criminal case: from “Russkaya Pravda” to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001

[1] Stolyarov O.S.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article examines the genesis of the institution of initiating a criminal case in Russian law, as well as the specifics of the legal certainty of this stage. The aim of the study is to substantiate the objective necessity of maintaining the stage of initiating a criminal case and to identify the shortcomings in its regulatory framework through the lens of historical-legal and comparative-legal analysis. To achieve this goal, the following tasks were accomplished: analyzing the evolution of the institution from the 11th century to the adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2001; identifying five main historical periods of development (Old Russian, Imperial, post-reform, Soviet, and modern); delineating the essential purpose of the stage as a procedural filter for defects in law enforcement practice; and establishing four stable structural elements of the institution based on the study of domestic legislation and judicial practice. The article substantiates the conclusion that the persistence of the institution of initiating a criminal case over centuries indicates its objective necessity for the criminal justice system, and the observed problems of delays and violations of citizens’ rights are caused not by the nature of the stage itself, but by the insufficient degree of substantive and procedural legal certainty. Consequently, instead of abolishing this institution, it is necessary to significantly improve the quality of legislative regulation of the criteria for the “sufficiency of evidence” and to expand the investigative powers of law enforcement agencies while preserving the function of protecting citizens from unjustified prosecution.
Keywords: initiation of a criminal case, pre-investigative check (the initiation stage), legal certainty, genesis of the criminal procedure institution, procedural filter, resolution to initiate a criminal case, historical and legal analysis

For citation: Stolyarov O.S. The genesis of the institution of initiating a criminal case: from “Russkaya Pravda” to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001. Modern Scientist. 2026. 11. P. 457 – 461. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-11-457-461

The article was submitted: July 2, 2026; Approved after reviewing: August 4, 2026; Accepted for publication: September 6, 2026.

Введение

Как известно, в современной уголовно-процессуальной науке остается дискуссионным вопрос о целесообразности сохранения стадии возбуждения уголовного дела [1; 2]. Сторонники ее упразднения указывают на многочисленные злоупотребления, волокиту, нарушения прав граждан на этой стадии. Полагаем, что подобная позиция смешивает два разных явления: сущностное назначение института и дефекты его нормативной регламентации.

По нашему мнению, обозначенная проблема связана с категорией правовой определенности, которая имеет два взаимосвязанных аспекта: материально-правовой (четкость и стабильность формулировок правовых норм, их системное толкование с учетом принципов права) и процессуально-правовой (устойчивость судебных актов, единообразие правоприменительной практики, предсказуемость решений) [3]. При этом материально-правовая определенность является первичной по отношению к процессуальной.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования составили Русская Правда [7], Судебники XV-XVI веков [8], Соборное уложение 1649 года [9], Указ о форме суда [10], Судебные уставы 20 ноября 1864 года [11], Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [13], а также научные труды А. Смирнова [1], Н.Н. Полянского [4], А.Я. Вышинского [12]. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой подходы.

Результаты и обсуждения

Применительно к институту возбуждения уголовного дела проблема правовой определенности заключается в нечеткости критериев «достаточности данных», оценочности оснований для принятия решений, размытости процессуальных гарантий (материально-правовой аспект), отсутствии единообразия практики, многочисленных отменах решений (процессуально-правовой аспект). Это, в свою очередь, служит основой идей об упразднении данной стадии.

Мы исходим из гипотезы, что стадия возбуждения уголовного дела выполняет важную функцию процессуального фильтра и гарантии от необоснованного уголовного преследования, а наблюдаемые проблемы обусловлены недостаточной степенью правовой определенности соответствующих норм в обоих указанных аспектах. Следовательно, необходимо не упразднение института, а существенное повышение степени правовой определенности его регламентации.

Становление и развитие института возбуждения уголовного дела в российском правопорядке было предметом внимания многих исследователей [4-6]. Предпринятый нами анализ их трудов показал, что в различные исторические периоды новые правовые решения, соответствующие стадии возбуждения уголовного дела, формировались не произвольно, а путем селекции и адаптации элементов, доказавших свою функциональность в предшествующей правовой практике. Историко-правовой анализ позволяет выделить пять основных периодов развития данного института, каждый из которых характеризуется как сохранением устойчивых структурных элементов, так и отказом от архаичных форм регулирования:

1) древнерусский и сословно-представительный период (XI-XVII вв.) ознаменовался зарождением первых элементов установления оснований для начала уголовного преследования. В «Русской Правде» были закреплены три повода к началу дела: по делам об убийстве, членовредительстве и краже [7]. Появился институт «заклича» – публичного заявления о преступлении на торгу. Судебники XV-XVI веков ввели понятие обвинения и установили розыскной процесс [8], а Соборное уложение 1649 года окончательно утвердило публичный порядок как основной [9]. Вместе с тем от архаичной формы обязательного устного заявления на торгу постепенно отказались, сохранив при этом базовое деление на частный и публичный поводы к началу дела;

2) имперский период (XVIII в. – 1860-е гг.) характеризуется началом системной законодательной регламентации процесса. Указ Петра I «О форме суда» 1723 года детально регламентировал процедуру начала дела и провозгласил судебную форму единственно законной, что означало отказ от внесудебного «розыска» в пользу состязательной модели [10]. Свод законов 1832/1835 годов выделил три основания для начала преследования: донос, жалобу и инициативу государственных органов. Появилось «предварительное следствие» как прообраз современной стадии проверки сообщений о преступлениях. Сохранение деления на частный и публичный порядки обеспечило преемственность с предшествующим законодательством;

3) пореформенный период (1864-1917) стал этапом, на котором институт приобрел черты, близкие к современным. Устав уголовного судопроизводства 1864 года впервые официально ввел термин «возбуждение уголовного дела» и закрепил эту стадию как начало процесса после получения сообщения о преступлении [11]. Было введено «полицейское дознание» для установления факта преступления в сомнительных случаях. Многие поводы к возбуждению дела (явка с повинной, жалобы частных лиц) перешли из Устава в последующие кодификации и сохранились до настоящего времени. Законодатель отказался от практики отсутствия четких сроков проверки, вменив полиции обязанность сообщать о преступлении следователю в течение суток;

4) советский период (1917-1991.) ознаменовался оформлением возбуждения дела в самостоятельную, строго регламентированную стадию процесса. Обоснование выделения этой стадии прошло эволюцию от восприятия ее как технического подготовительного акта до признания полноценным правовым институтом с защитными и контрольными функциями. Поворотным моментом стало выступление В.Я. Вышинского в 1934 году, который обосновал необходимость вынесения мотивированного постановления о возбуждении дела потребностью устранения необоснованного возбуждения дел и усиления прокурорского контроля. Формальный акт заставлял органы дознания и следствия более ответственно подходить к началу расследования, а постановление, утверждаемое прокурором, позволяло надзорному органу своевременно пресекать незаконное уголовное преследование [12]. УПК РСФСР 1960 года [13] детально регламентировал стадию, установив сроки проверки сообщений (от 3 до 10 суток) и предоставив возможность проведения осмотра места происшествия до возбуждения дела;

5) современный период (с 1991 г. по настоящее время) характеризуется демократизацией института и существенным расширением проверочных полномочий. Введен судебный контроль за отказом в возбуж-

дении уголовного дела (с 1998 г.), что усилило гарантии прав заявителей. Реформа 2013 года значительно расширила перечень действий, допустимых на стадии проверки сообщения о преступлении: законодатель разрешил проведение экспертиз, освидетельствование, получение образцов для исследования. Введен новый повод к возбуждению дела – постановление прокурора. Законодатель отказался от полномочий суда возбуждать уголовные дела (признано неконституционным в 2000 г.) и от права прокурора лично возбуждать дела (реформа 2007 г.), что соответствует принципу разделения функций обвинения и разрешения дела. При этом сохранилась сущность стадии как процессуального фильтра, позволяющего отсеять необоснованные обвинения на раннем этапе.

Современный этап развития характеризуется значительным расширением проверочных полномочий: реформа 2013 года разрешила проведение судебных экспертиз, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, истребование документов. Устойчивость данного элемента обусловлена его практической необходимостью: он позволяет отграничить сообщения, содержащие признаки преступлений, от информации о непреступных деяниях, административных правонарушениях или гражданско-правовых конфликтах, экономя ресурсы системы уголовной юстиции и предотвращая необоснованное применение мер процессуального принуждения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что генезис института возбуждения уголовного дела представляет собой процесс институционального обособления начала уголовного процесса, выраженный в замене фактического порядка преследования обязательной процессуальной формой с сохранением устойчивой логической схемы.

Сохранение института возбуждения уголовного дела на протяжении более чем столетия, несмотря на радикальные политические и идеологические трансформации, свидетельствует о его объективной обусловленности потребностями правоприменительной практики.

Список источников

1. Смирнов А. Российский уголовный процесс: от заката до рассвета // РАПСИ. 2014. 2 дек. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (дата обращения: 25.03.2026)

2. Курс уголовного процесса / Под ред. Л.В. Головко. М.: Статут, 2016. § 1, § 3 гл. 13. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Краснов А.В., Юсупов А.А. Правовая определённость: диалектика сочетания материального и процессуального начал // Российская юстиция. 2026. № 5. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Полянский, Н.Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М., 1960.

5. Жук М.Я. Генезис формирования стадии возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2024. № 1 (229). С. 278 – 279.

6. Орлова, Е.А. Генезис института возбуждения уголовного дела в отечественном законодательстве // Глобализация, цифровизация и правовая карта мира. М., 2021. С. 178 – 183.

7. Русская Правда. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html (дата обращения: 25.03.2026).

8. Судебники XV-XVI веков / Подготовка текстов Р.Б. Мюллер и Л.В. Черепнина; Коммент. А.И. Копанева, Б.А. Романова и Л.В. Черепнина; Под общ. ред. акад. Б.Д. Грекова; Академия наук СССР. Институт истории. М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 615 с.

9. Соборное уложение 1649. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html (дата обращения: 25.03.2026).

10. Указ о форме суда: [Указ принят 5 ноября 1723 г.] / Подлиннои его имеператорского величества указ, за подписанием его величества собственнои руки, в 5 день ноября, 1723 году. Печатано в Санктъпитербурхе: При Сенате, 12 нояб. 1723. 4 с. Текст: электронный. URL: https://base.garant.ru/57566520/ (дата обращения: 25.03.2026)

11. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны: Ч. 1 / изданные Государственной канцелярией. 2-е издание, дополненное. С.-Петербург: в типографии 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Текст: электронный. URL: https://www.prlib.ru/item/372593 (дата обращения: 25.03.2026)

12. Вышинский А.Я. Социалистическое строительство, социалистическая законность и задачи советской юстиции. М: Сов. законодательство, 1934. Обл., 37, [2] с., 1 с. объявл.; 23х15 см. (Очерки по судоустройству в СССР).

13. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: [утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.] // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592 (утратил силу).

References

1. Smirnov A. Russian Criminal Procedure: From Dusk Till Dawn. RAPSI. December 2, 2014. URL: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20141202/272697983.html (date of access: 25.03.2026)

2. Criminal Procedure Course. Ed. by L.V. Golovko. Moscow: Statut, 2016. § 1, § 3, Chapter 13. Accessed from the ConsultantPlus SPS.

3. Krasnov A.V., Yusupov A.A. Legal Certainty: The Dialectic of Combining Substantive and Procedural Principles". Russian Justice. No. 5, 2026. Accessed from the ConsultantPlus SPS.

4. Polyansky, N.N. An Essay on the Development of Soviet Criminal Procedure Science. Moscow, 1960.

5. Zhuk M.Ya. Genesis of the Formation of the Stage of Initiation of a Criminal Case in Domestic Criminal Proceedings. Agrarian and Land Law. 2024. No. 1 (229). P. 278 – 279.

6. Orlova E.A. Genesis of the Institute of Initiation of a Criminal Case in Domestic Legislation. Globalization, Digitalization, and the Legal Map of the World. Moscow, 2021. P. 178 – 183.

7. Russkaya Pravda. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html (date of access: 25.03.2026)

8. Sudebniks of the 15th-16th Centuries. Preparation of texts by R.B. Müller and L.V. Cherepnina; Comment. A.I. Kopaneva, B.A. Romanova, and L.V. Cherepnina; Under the general editorship of Academician B.D. Grekov; USSR Academy of Sciences. Institute of History. Moscow; Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1952. 615 p.

9. Cathedral Code of 1649. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/index.html (accessed: 25.03.2026).

10. Decree on the form of the court: [The decree was adopted on November 5, 1723]. Authentic decree of His Imperial Majesty, signed by His Majesty in his own hand, on November 5, 1723. Printed in St. Petersburg: Under the Senate, November 12, 1723. 4 p. Text: electronic. URL: https://base.garant.ru/57566520/ (date of access: 25.03.2026)

11. Judicial statutes of November 20, 1864: with a statement of the reasoning on which they are based: Part 1. published by the State Chancellery. 2nd edition, supplemented. St. Petersburg: in the printing house of the 2nd department of His Imperial Majesty's Chancellery, 1867. Text: electronic. URL: https://www.prlib.ru/item/372593 (date of access: 25.03.2026)

12. Vyshinsky, A. Ya. Socialist construction, socialist legality and the tasks of Soviet justice. Moscow: Sov. legislation, 1934. Obl., 37, [2] p., 1 p. ad.; 23x15 cm. (Essays on the judicial system in the USSR).

13. Criminal Procedure Code of the RSFSR: [approved by the Supreme Council of the RSFSR on October 27, 1960]. Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1960. No. 40. Article 592 (no longer in effect).

Информация об авторе

Столяров О.С., соискатель ученой степени кандидата юридических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет; руководитель четвертого отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях в сфере экономики) следственного управления Следственного комитета РФ по Республике Татарстан

© Столяров О.С., 2026